

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

84

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2023 Issue 84

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2023 Выпуск 84

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 84

М.: Аквилон, 2023. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 84

Moscow: Aquilo-Press, 2023. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2023
© Институт всеобщей истории, 2023
© Издательство «Аквилон», 2023
© Журнал «Диалог со временем», 2023

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

О.Б. ЛЕОНТЬЕВА, Г.П. МЯГКОВ, Л.П. РЕПИНА

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ ПРОФЕССОРА В.П. КОРЗУН

Статья посвящена интеллектуальной биографии и основным вехам научной деятельности известного российского историка, основателя омской историографической школы профессора Валентины Павловны Корзун. Выделены стержневые темы научных трудов В.П. Корзун: личность историка, профессиональная рефлексия и экзистенциальный выбор, научные коммуникации и научные сообщества, генезис интеллектуальной истории в отечественной традиции. Охарактеризован вклад В.П. Корзун в развитие отечественной историографии: введение в научный оборот ранее неизвестных историографических источников, разработка эпистемологических проблем исторического знания и методологических подходов к изучению научных коммуникаций, а также ее роль в становлении региональной историографической школы.

Ключевые слова: *В.П. Корзун, историография, образы исторической науки, научные коммуникации, научная школа, творчество историка, профессорская культура*

Рубеж XX–XXI вв. в развитии российской исторической науки часто характеризуется как «историографическая революция» – настолько глубоки и масштабны оказались перемены, затронувшие в этот период историческую науку. Воссоединение преемственности между дореволюционной, советской и эмигрантской научными традициями, расширение проблемного поля исследований в результате антропологического, культурологического, лингвистического и других познавательных поворотов, появление новых направлений исследований и реализация новых методологических подходов, наконец, изменение самого восприятия исторической науки, ее места и роли в познании мира – все это потребовало мощной научной рефлексии, способствовало актуализации историографических исследований, переосмыслению места историографии в системе исторического знания. Все эти тенденции выявляются и ярко прослеживаются в трудах Валентины Павловны Корзун, юбилей которой отмечает в 2023 году сообщество российских историков.

Валентина Павловна Корзун – заслуженный профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Заслуженный работник высшей школы РФ, Лауреат общенациональной премии «Профессор года» в номинации «Исторические науки», присуждаемой Российским профессорским собранием (2021 г.), автор более 250 научных трудов. С 1994 по 2015 г. Валентина Павловна Корзун возглавляла основанную ею кафедру современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета. Под её руководством защищены две докторских и 13 кандидатских диссертаций по историческим наукам. В.П. Корзун – инициатор издания и главный редактор историографического сборника «Мир историка» – интеллектуальной пло-

щадки, объединившей историографов России, ближнего и дальнего Зарубежья (за 2005–2019 гг. было издано 12 выпусков сборника); руководитель 17-ти крупных исследовательских проектов по изучению истории исторической науки и научных сообществ. Валентину Павловну по праву называют основателем омской историографической школы¹, подчеркивая, что ей принадлежит приоритет в оформлении научного сообщества омских историографов².

Валентина Павловна Корзун – человек разносторонних интересов. В интервью, которое она дала в 2020 г. своей ученице В.С. Груздинской, Валентина Павловна признается в любви к музыке, которая сопровождает ее со студенческих лет и, говоря о сфере своей научной деятельности, постоянно использует сравнения из мира музыки: *«Историография как сфера творчества сравнима с миром музыки. Эти две области похожи, потому что дают возможности для творчества»*; *«историограф, как органист, вынужден играть в разных регистрах»* и т.д.³ Развивая это сравнение, можно уподобить творческий путь Валентины Павловны музыкальному произведению со сложным внутренним строением – сонате или симфонии, где сперва, в *экспозиции*, звучат начальные темы, затем следует их *разработка* – раскрытие внутреннего потенциала каждой темы, затем *реприза* – повторение музыкальных тем в ином регистре и *кода* – виртуозное, экспрессивное обобщение прозвучавших тем.

Экспозиция

Хотя к историографической проблематике Валентина Павловна обратилась после защиты кандидатской диссертации, которая была посвящена истории горнопромышленной буржуазии Юга России (научный руководитель – профессор Ю.И. Серый)⁴, но ею она, по ее словам, «заболела» на студенческой скамье Ростовского государственного университета под влиянием лекций Ангелины Георгиевны Беспаловой, спецкурсов, читавшихся представителями «нового направления» К.Н. Тарновским, А.Я. Аврехом, той «интеллектуальной атмосферы», которую создавал ее учитель Юзеф Иосифович Серый⁵. Вслед за серией статей, опубликованных в 1990-е годы и посвященных научному и эпистолярному наследию крупнейших российских историков рубежа XIX–XX вв. – А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милькова, С.Ф. Платонова, в 2000 г.

¹ Якуб, Бычков. 2018.

² Панькин 2012.

³ Цит. по: Груздинская 2018: 12, 14.

⁴ Корзун 1980.

⁵ См.: Груздинская 2018: 11-12. В данном случае авторы вынуждены ограничиться констатацией отмеченных самой Валентиной Павловной факторов, повлиявших на выбор основной сферы ее научной деятельности. Но ставя вопрос о «констатирующей рамке», вопрошая, «...как её прописать, как показать действительное влияние этой атмосферы, как “увидеть” её преломление в творчестве историка или в мотивации выбора профессии, проблематики исследования», она особую роль отвела своему учителю, Юзефу Иосифовичу Серому, выяснению обстоятельств и факторов, определивших формирование его научной школы, ее качеств. См.: Корзун 2013а.

вышла в свет ее монография «Образы исторической науки на рубеже XIX–XX веков»⁶, основа докторской диссертации, успешно защищенной в 2002 г. в диссертационном совете Института истории и археологии Уральского отделения РАН. В монографии и диссертации воплотилось стремление В.П. Корзун сформировать новую модель изучения истории исторической науки, отойдя от традиционного понимания историографии как истории строго научного знания и его приращения, когда «историографический анализ сводится зачастую к движению проблематики»⁷. Не случайно для изучения она выбрала рубеж XIX–XX вв., «серебряный век» русской культуры – время, отмеченное в истории отечественной исторической науки небывалым прежде бурлением идей, выработкой новых представлений о задачах исторической науки и характере исторического познания, сменой парадигматических подходов, конкуренцией различных методологий и исследовательских программ, и отчетливо перекликающееся в этом отношении с современностью.

Какое содержание вкладывает В.П. Корзун в предложенное ею понятие «образы исторической науки»?

Под «образом исторической науки» в ее диссертации понимается *совокупность представлений самих историков* «о сущностных характеристиках исторической науки, имманентных и социальных факторах ее развития, о ее связи с национальной культурной традицией – представлений, включенных в систему корпоративных ценностей и реконструируемых через анализ историко-научных концепций»⁸. В фокусе внимания историографа при таком подходе находится профессиональная рефлексия ученых-историков, выраставшая из практики конкретных научных исследований – «практическая рефлексия как бы предшествует и сопутствует рефлексии общеметодологической»⁹. Изучение самосознания историков оказывается невозможным без обращения к истории научного сообщества, поскольку, как поясняет В.П. Корзун, «образ исторической науки складывается, проясняется, развивается... в рамках *неформального общения, межличностных коммуникаций*, того, что ныне именуется историографическим бытом»¹⁰. В.П. Корзун выделяет в качестве значимой черты образа науки также «рефлексию ученых о связи исторической науки и культуры» – представления об историографии как о части национальной культуры, об укорененности исторического познания в русской культурной традиции с характерной для нее просветительской ориентацией, о связях научной работы с жизнью и о нравственной миссии ученого¹¹. Высказав убеждение, что «категория “образ науки” позволяет осуществить системный подход к ис-

⁶ Корзун 2000.

⁷ Корзун 1987.

⁸ Корзун 2002: 23.

⁹ Там же: 38.

¹⁰ Там же: 38-39 (курсив наш – авт.)

¹¹ Там же: 42-43.

тории исторической науки и рассмотреть ее в единстве *исторической мысли*, индивидуальных *личностных особенностей* историков, правил и процедур *научных сообществ*, научно-организационных *структур и ценностей* профессорской культуры»¹², В.П. Корзун сформулировала программу изучения истории исторической науки в междисциплинарном поле, на стыке историографии, социологии науки и культурологии.

Как нам представляется, здесь, в докторской диссертации В.П. Корзун, прозвучали основные лейтмотивы ее научного творчества, которые получили развитие в последующих трудах: тема личности историка, его профессиональной рефлексии и экзистенциального выбора, тема профессионального взаимодействия историков, истории научных сообществ и коммуникаций, тема профессиональной идентичности сообщества историков, тема исторической науки в контексте эпохи.

Разработка

Разработка основных тем научного творчества В.П. Корзун требовала прежде всего скрупулезной работы в области источниковедения историографии: поиска, выявления, анализа и интерпретации ранее неизвестных источников, позволяющих заглянуть в мир творческих замыслов выдающихся отечественных историков. В результате поисков в фондах многих российских и зарубежных архивов В.П. Корзун ввела в научный оборот уникальные памятники интеллектуальной истории: труды А.С. Лаппо-Данилевского по истории науки, переписку П.Н. Милокова и С.Ф. Платонова, рукопись И.М. Гревса «О культуре», рецензию А.В. Флоровского на «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна, письмо М. Блока А.В. Флоровскому, неизвестные рукописи Е.Ф. Максимова, С.Ф. Платонова и др. Все, чьи научные интересы связаны с российской историографией, могут быть признательны В.П. Корзун и ее коллегам А.В. Свешникову, В.Ю. Волошиной, В.С. Груздинской за возможность знакомства с этими трудами, позволяющими по-новому увидеть развитие российской историографической традиции.

Сквозной линией через все научное творчество В.П. Корзун проходит *тема личности*, экзистенциального выбора историка. Она, вслед за А.С. Лаппо-Данилевским, определяет профессионализм историка как способность «постичь чужую одушевлённость», добавляя важное уточнение: «не утрачивая своей»¹³. Обращаясь к историографическому наследию ведущих российских историков – В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, П.Н. Милокова, А.А. Кизеветтера, И.М. Гревса, Г.В. Вернадского и, конечно, невероятно ему чтимого А.С. Лаппо-Данилевского, – Валентина Павловна в каждом случае стремится отыскать какой-либо значимый штрих, благодаря которому становится возможным воссоздать личностную уникальность, неповторимый психологический облик ученого. Полагаем, всем читателям запомнился найденный в архивах и

¹² Там же: 4 (курсив наш – авт.)

¹³ Цит. по: Груздинская 2018: 18.

введенный в научный оборот Валентиной Павловной текст поразительной молитвы А.С. Лаппо-Данилевского, в которой воплотилось глубоко личностное, страстное отношение ученого к познанию, – молитвы о возможности узреть «сияние истины» и, хотя бы на миг, получить возможность «полнейшего сознания»¹⁴. Внимательный читатель и вдумчивый интерпретатор, Валентина Павловна умеет увидеть в произведениях историков скрытые смысловые пласты. Так, рукопись И.М. Гревса «О культуре» интерпретируется ею и ее соавтором А.В. Свешниковым не просто как рецензия выдающегося историка-медиевиста на публикацию известной «Переписки из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона, но как выражение экзистенциальной позиции интеллектуала, вставшего на защиту своих принципов в ситуации кризиса культуры¹⁵.

Тема истории научных сообществ и научных коммуникаций разрабатывается в творчестве В.П. Корзун на самых разных уровнях: от истории семейного микросоциума ученых она переходит к истории научных школ, от истории университетского и регионального сообщества ученых – к истории межрегиональных и международных научных контактов. Стержневая проблема, которая привлекает внимание исследовательницы – проблема научной преемственности, способов трансляции «культурного капитала», без которого невозможно научное творчество.

В своей монографии об истории «профессорской семьи» – отца и сына Александра Сергеевича и Ивана Александровича Лаппо-Данилевских, выдающегося историка и всемирно известного математика, Валентина Павловна представила опыт изучения *семьи ученых* как особого рода коммуникативной площадки, благодаря которой осуществлялась трансляция научных ценностей, традиций и ритуалов, свойственных российской «профессорской культуре» на переломе исторических эпох¹⁶. Тесное соприкосновение с историей научной и творческой династии Лаппо-Данилевских, общение с правнучатым племянником Александра Сергеевича, литературоведом Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским позволило Валентине Павловне связать историю науки с темой исторической памяти – прерывистой, пульсирующей памяти интеллигентной семьи в XX веке¹⁷.

Представление о *научных школах* как основных структурных единицах развития науки, создающих ее «несущий каркас», воплощено в учебном пособии по отечественной историографии (написано в соавторстве с С.П. Бычковым)¹⁸, и в коллективном труде «Очерки истории отечественной исторической науки XX века», где Валентина Павловна выступила как редактор всего труда и автор глав о московской и петербургской школах в дореволюционной исторической науке, а также кон-

¹⁴ Корзун 2000: 39-40.

¹⁵ Корзун, Свешников 2001: 175-187.

¹⁶ Корзун 2011.

¹⁷ Корзун 2014; 2015.

¹⁸ Бычков, Корзун 2001.

цептуально важных разделов о «кризисе науки» начала XX века, об институциональном оформлении историографии как специальной научной дисциплины и о становлении советской исторической науки¹⁹. Не затушевывая различий между научными сообществами, Валентина Павловна в своих работах подчеркивает, что именно межшкольные коммуникации, взаимный интерес представителей разных научных школ друг к другу создавали благоприятную среду для научного творчества и для синтеза перспективных исследовательских подходов.

Сквозной темой через научную биографию В.П. Корзун проходит история *регионального научного сообщества* историков Западной Сибири. К региональной историографической проблематике Валентина Павловна обращалась неоднократно, работая индивидуально, в соавторстве и в составе научных коллективов. Первым опытом ее работы в этой сфере стало участие в подготовке библиографического словаря омских историков²⁰; затем Валентина Павловна совместно с Д.М. Колеватовым обращалась к анализу историографической практики сообщества сибирских историков в годы Великой Отечественной войны²¹; со второй половины 2010-х гг. В.П. Корзун вместе со своими коллегами работает над созданием многомерного коллективного портрета научно-общественности омских историков на современном этапе²².

В центре внимания В.П. Корзун и ее соавторов – динамика проблемного поля региональной науки, формирование ее институционального ландшафта – научных школ и научной инфраструктуры, наконец, внутренние механизмы саморегуляции, позволяющие локальному научному сообществу не только обрести «лица необщее выражение», но и выйти из локальной изолированности с помощью встраивания в новые горизонтальные сети.

К изучению *истории университета* в ее институциональном, социокультурном и антропологическом измерениях В.П. Корзун обратилась в качестве руководителя исследовательского проекта «Университет в истории, история университета», реализованного к 40-летию юбилею Омского университета²³. Свою задачу исследовательский коллектив видел в том, чтобы избежать традиционных шаблонов юбилейных изданий с их «монументально-парадным», «забронзовевшим» подходом и уловить специфику формирования университетской корпорации молодого университета, основанного на излете советской эпохи²⁴. Поэтому внимание исследователей сконцентрировано на истории университетской корпорации и «университетского человека»: на истории «идеи университета» в социокультурном пространстве Западной Сибири и опре-

¹⁹ Очерки истории отечественной исторической науки... 2005.

²⁰ Корзун, Кузнецова, Осадченко 1999.

²¹ Корзун, Колеватов 2005.

²² Корзун 2017; Корзун, Носова 2019; Груздинская, Корзун 2019.

²³ Университет в истории и история университета... 2014.

²⁴ Корзун, Рыженко 2014.

делении места университета в городском пространстве Омска, на выявлении «точек роста» университетской корпорации (формирования научных и научно-педагогических школ вокруг «людей-символов», «людей-легенд»), характеристике неповторимого университетского мира с его мифами, ритуалами и коммеморациями, и, наконец, на проблемах проверки университетского сообщества на прочность в периоды исторической турбулентности²⁵. Вслед за фундаментальной работой Е.А. Вишленковой, С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой по истории Казанского университета²⁶ коллективный труд под редакцией В.П. Корзун открыл новую страницу в российской университетологии.

Разработка истории науки на конкретном историографическом материале сочетается у В.П. Корзун с теоретическим осмыслением этой проблематики; исследовательница не раз представляла вниманию коллег свои размышления о методологических подходах к изучению *научных сообществ*²⁷. Так, в опубликованной лекции из курса «Методика историографического анализа» для магистрантов-историографов Валентина Павловна обрисовывает основные черты новой парадигмы историописания, сформировавшейся под перекрестным влиянием науковедения и антропологического поворота в историографии. Эта новая парадигма, как подчеркивает профессор Корзун, предполагает интерес, во-первых, к практикам функционирования научного сообщества и научных коммуникаций, и, во-вторых, к фигуре интеллектуала, вокруг которого структурируются такие сообщества. Соответственно, выделяются несколько возможных подходов к изучению истории научных сообществ: институциональный подход, предполагающий определение изначальных параметров научной школы (ее локализации, состава, круга основных работ, концептуального уровня исследований и т.д.); антропологический подход, при котором в центре внимания оказывается лидер школы и продуцирование «эмоционального капитала», необходимого для научного творчества; культурологический подход, акцентирующий внимание на изучении субкультуры научной корпорации («профессорской культуры») со свойственной ей системой научных ценностей, норм и ритуалов, особенностей самоидентификации; и, наконец, коммуникативный подход, предполагающий изучение коммуникативной структуры научного сообщества во всем многообразии личностных и институциональных, внутринаучных и внешних взаимодействий²⁸. Сама Валентина Павловна отдала в своих трудах дань каждому из этих подходов; но все же следует признать, что ее внимание как теоретика и методолога науки в наибольшей степени привлекает проблематика научных коммуникаций и самоидентификации сообщества ученых²⁹.

²⁵ Иванова, Мягков 2015.

²⁶ Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005.

²⁷ Корзун 2003: 36.

²⁸ Корзун 2012.

²⁹ Корзун, Рыженко. 2011.

Реприза

В музыкальном произведении реприза представляет собой повторение прозвучавшей ранее темы, ее преобразование в ином регистре или динамическое развитие. В творчестве Валентины Павловны Корзун мы видим подобную тенденцию: свой путь в историографии Валентина Павловна начала с погружения в мир дореволюционной исторической науки, а затем, разработав оригинальные методологические подходы к ее изучению, применила эти подходы для освоения нового проблемного поля – истории советской и современной исторической науки.

Свой концептуальный подход к изучению истории советской исторической науки Валентина Павловна Корзун искала со времени работы над учебным пособием и коллективным обобщающим трудом по истории отечественной исторической науки XX века³⁰. В качестве определяющих черт феномена советской историографии она выделяла, с одной стороны, государственный контроль и планирование деятельности историко-научного сообщества, с другой – влияние идеологических установок на внутренний мир науки. Изменения, произошедшие под воздействием этих факторов, как подчеркивает исследовательница, затронули все сферы жизни историко-научного сообщества: организационные формы науки, процесс воспроизводства исторических знаний, специфику исторического письма и коммуникаций, как частного характера, так и официально-корпоративного. В то же время применение оригинальной авторской методологии изучения «образов исторической науки», транслируемых как через исследовательские практики советских историков, так и через их профессиональные и личные коммуникации, позволило Валентине Павловне зафиксировать важные внутренние тенденции развития советской исторической науки, подчеркнуть, что ее интеллектуальное пространство не было монолитным, что в нем «сформировалось как бы два образа исторической науки»: первый – «идеологический», неразрывно связанный с советским строем, и второй, который «с определенными издержками и уступками идеологии, продолжал сохранять идеалы научности и объективности знания и продолжает существовать до сих пор»³¹. Этот ключевой вывод, сделанный В.П. Корзун еще в начале 2000-х гг., получил развитие в выполненном под ее руководством коллективном труде о трансформациях образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие³².

Как нам представляется, ключом к восприятию советской историографии для В.П. Корзун стала проблема разрывов социокультурной и научной преемственности в историографическом процессе и ее нелегкого восстановления. Обращается также внимание на формы и способы «консервирования» прежних традиций. Эта проблема разрабатывается в двух временных ракурсах: через самоопределение советских историков

³⁰ Бычков, Корзун 2001; Очерки истории отечественной исторической науки... 2005.

³¹ Бычков, Корзун 2001.

³² Трансформация образа советской исторической науки... 2011.

по отношению к дореволюционной научной традиции, а современных российских историков – к наследию советской исторической науки³³.

Кода

2010-е – начало 2020-х отмечены в научной биографии В.П. Корзун масштабными научными проектами: изучением опыта историографического осмысления проблемы научных сообществ в российской исторической науке в 1970–2010-е гг.³⁴, а также истории празднования 220-летнего юбилея Академии наук в победном 1945 г. (в соавторстве с В.С. Груздинской, М.В. Ковалевым, Д.М. Колеватовым) и взаимосвязей между советской и эмигрантской исторической наукой 1920–1940-х гг. (в соавторстве с В.Ю. Волошиной, В.С. Груздинской, Д.М. Колеватовым)³⁵. Здесь вновь можно проследить характерные для научного творчества Валентины Павловны темы истории научных сообществ и научных коммуникаций, корпоративной культуры и самосознания научного сообщества, но при обращении к истории «короткого XX века» эти темы приобретают особо драматичное, экспрессивное звучание.

Тема самоидентификации научных сообществ, формирования их корпоративной культуры и коллективной идентичности с помощью коммеморативных практик³⁶ нашла свое выражение в цикле работ В.П. Корзун и ее соавторов, посвященных 220-летию юбилею Академии наук СССР. Исследуя замысел и сценарий празднеств, состав их участников, международный резонанс, соавторы исследовательского проекта рассматривают юбилейные торжества во многих аспектах: как форму глорификации страны-победительницы (то был первый международный форум, проходивший после окончания Великой Отечественной войны); как развернутый публичный отчет о достижениях российской и советской науки; как способ укрепления официальной научной иерархии; как опыт презентации и рецепции разных образов науки; наконец, как грандиозную коммуникативную площадку, где была предложена программа единого интернационального коммуникативного пространства науки³⁷.

Новаторской стала коллективная монография «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)»³⁸. Оригинальность ее проблематики заключается в том, что в этой работе впервые преодолено традиционное противопоставление двух историографий – эмигрантской и советской; научный коллектив поставил задачу проанализировать степень взаимодействия и взаимоотчуждения двух научных сообществ российских историков, оказавшихся в разорванном коммуникативном про-

³³ Корзун, Колеватов 2010; Корзун 2012; Груздинская, Корзун 2016.

³⁴ Корзун, Мягков 2013.

³⁵ Волошина, Груздинская, Колеватов, Корзун 2020.

³⁶ Корзун, Колеватов 2009.

³⁷ Груздинская, Корзун 2019; Колеватов, Корзун 2020; Корзун, Груздинская 2020; Корзун, Ковалев, Груздинская 2021; Груздинская, Корзун 2021.

³⁸ Волошина, Груздинская, Колеватов, Корзун 2020.

странстве. Решая эту задачу, омские историки воссоздали многофакторную, многоаспектную картину историографического процесса: сравнили институциональное пространство советской исторической науки и науки русского зарубежья; проследили историю коммуникаций между советскими и эмигрантскими учеными-историками; охарактеризовали парадигмальные изменения в исследовательской практике ученых по обе стороны советской границы; наконец, выявив немало неизвестных ранее историографических фактов, подробнейшим образом проанализировали историографическую рефлексию эмигрантов и советских историков в отношении трудов друг друга. Таким образом, в этом исследовании воссоединены разные смысловые линии развития российской исторической науки и сделан важный шаг к пониманию механизмов саморегуляции науки в условиях социальных потрясений.

Отметим и постоянно звучащий мотив данной коды или, на языке интеллектуальной истории, связывающий контекст – таковым являются многочисленные рецензии В.П. Корзун на знаковые труды современных историков, посвященные в основном феномену советской историографии³⁹. Активный член Российского общества интеллектуальной истории, В.П. Корзун деятельно поддерживает проекты коллег по проблемам сохранения и трансляции академической культуры, корпоративных ценностей, модернизации научных сообществ и др. Валентина Павловна – неперменный участник научных форумов, организуемых РОИИ. Особенно тесен ее творческий союз с исследовательской школой профессора Н.Н. Алеврас (Челябинский государственный университет), позволивший сфокусировать внимание на изучении феномена диссертационной культуры, научной социализации и коммемораций историков⁴⁰.

Оркестр

Вклад крупного ученого в науку измеряется не только его собственными трудами, но и трудами его учеников. Создание научной школы – многолетний труд совершенно особого характера, требующий и научной интуиции в выборе перспективных тем исследования, и наставнического таланта, и, наконец, «дирижерских» качеств – умения объединить звучание разных музыкальных инструментов, каждый из которых ведет свою партию, в единую симфонию.

Формирование омской научной школы связано с двумя именами – Г.К. Садретдинова и В.П. Корзун, начало ее складывания пришлось на рубеж 1990-х – 2000-х гг., когда под руководством этих историков, специализировавшихся по всеобщей и отечественной истории, были защищены кандидатские диссертации их первых учеников. Дисциплинарная разнонаправленность во многом предопределила специфику школы. Сложилась достаточно плотная горизонтальная интеллектуальная сеть,

³⁹ Корзун 2008а; 2008б; 2013б; 2017а; 2016а; 2018; 2019а; 2019б; 2020; 2022а; Корзун, Мамонтова 2005; Корзун, Рьженко 2007; Корзун, Колеватов 2009; Корзун, Чеканцева 2010; Корзун, Рьженко 2018; Корзун, Метель 2022; Корзун, Сидорова 2023.

⁴⁰ Корзун 2017б; Корзун 2016б; Корзун, Мягков 2023.

для которой характерно взаимодействие специалистов по всеобщей и отечественной истории, что случается редко. Историография как научная дисциплина исследуется в едином социокультурном пространстве императорской и советской России с учетом тенденций развития мировой науки. Наконец, была создана своя коммуникативная площадка – историографический ежегодник «Мир историка» (более подробно этот сюжет будет рассмотрен ниже). Диссертации многих учеников Валентины Павловны, в соответствии с ее научными интересами, посвящены изучению научного наследия и методологических исканий видных российских историков рубежа XIX–XX вв.: А.В. Карташева, С.Ф. Платонова и др.⁴¹; отражено в них и становление региональной исторической мысли⁴². С течением времени тематический диапазон квалификационных работ учеников В.П. Корзун делается все более масштабным: предметом изучения в их работах становится история научных школ⁴³, образы исторической науки⁴⁴, образы исторических эпох в историографии⁴⁵, история становления советской историографии как научной дисциплины⁴⁶, процесс дисциплинаризации исторической библиографии⁴⁷ и поколенческий срез научного сообщества историков с вниманием к проблемам коммуникации⁴⁸. Ученики Г.К. Садретдинова – А.В. Свешников и С.Б. Крих, уже после смерти учителя, защитили докторские диссертации под руководством В.П. Корзун, а впоследствии сами подготовили молодых кандидатов исторических наук. Это означает, что научная школа Корзун охватывает уже не менее двух поколений исследователей. За четверть века у научной школы В.П. Корзун сформировались свои парадигмальные и методологические особенности: ориентация на изучение проблем научного творчества и его социальных аспектов, научных коммуникаций и «историографического быта». Принадлежность к школе видна в научном стиле учеников Валентины Павловны, выражающемся в мобилизованном теоретико-методологическом инструментарии, в умении видеть как достижения предшественников, так и «болевы точки», неотрефлектированные проблемы, актуализирующиеся в новых условиях развития исторического знания, в максималистском стремлении решать поставленные задачи на всем доступном источниковом материале, среди которого особое место занимают историографические источники, а также их публикация. Стоит обратить внимание и на практику обращения к устной истории – анкетирование и интервьюирование современных историков и введение этих данных в исследования, посвященные советской историографии.

⁴¹ Бычков 1999; Мамонтова 2002; Степаненкова 2014.

⁴² Штергер 2003.

⁴³ Свешников 2010.

⁴⁴ Кныш 2009.

⁴⁵ Крих 2015.

⁴⁶ Груздинская 2020.

⁴⁷ Груздинская 2020; Бернгардт 2010.

⁴⁸ Кефнер 2006; Денисов 2009.

В соответствии с духом «постнеклассического» этапа развития науки, а главное, с результатами своего труда В.П. Корзун выдвигает принципиально важное определение: «для школы, как определённой социальной группы, важно, чтобы её представители сами себя ощущали частью этого сообщества, и чтобы их так воспринимали и вне его»⁴⁹.

Сложилась и сеть научных контактов: ученики Валентины Павловны успешно защищали диссертации не только в родном Омске, но и в таких крупнейших центрах изучения историографии, как Казанский федеральный университет, Томский государственный университет, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Умение Валентины Павловны Корзун работать в команде, руководить деятельностью научного коллектива, добиваться концептуальной согласованности в полной мере проявилось и в организации широко известных омских конференций по истории культуры и интеллигенции России, где проблематика истории научных сообществ стала постоянной и самостоятельной, и в работе над многочисленными коллективными проектами, и при создании историографического сборника «Мир историка», ответственным редактором которого Валентина Павловна была с самого первого выпуска, увидевшего свет в 2005 г.⁵⁰

Программа сборника «Мир историка», как сформулировали сами члены редколлегии, была продиктована потребностью «“вернуть” в историю исторической науки “человека” – ученого, творца, мыслителя, показать историю науки как процесс, как деятельность “живых людей”»⁵¹. Каждый выпуск «Мира историка» имеет тематический характер и построен вокруг нескольких взаимосвязанных научных проблем; постоянной остается лишь одна рубрика – «Документы и материалы», где публикуются вновь обнаруженные в архивах ценные источники по истории отечественной исторической науки. Тематические рубрики позволяют судить о том, насколько многогранным предстает на его страницах мир исторической науки: здесь находится место и обсуждению теоретико-методологических проблем («Антропологический аспект историографических исследований: теория и методология», «Методологические размышления современного историка»), и разнообразным граням социального бытия науки («Историк и власть», «Женщины в мире науки», «Путешествия ученых – научные и культурные экскурсии»), и условиям научной деятельности («Историографический быт и повседневный мир историка»). Сквозной линией через все выпуски – что можно считать своеобразным «авторским знаком» Валентины Павловны Корзун – проходит проблематика, связанная с изучением научных сообществ и коммуникаций: «Мэтры и ученики. Особенности научных коммуникаций», «Культура университетских корпораций и особенности коммуникативных связей», «Ученый в изменяющихся коммуникативных полях обще-

⁴⁹ Цит. по: Груздинская 2018: 16.

⁵⁰ Об издании см.: Корзун, Свешников 2009; Корзун, Бычков, Крих 2015.

⁵¹ Мир историка... Вып. 1. 2005: 3.

ства и науки»; предметом обсуждения на страницах сборника становились также особенности диссертационной культуры и корпоративной памяти научного сообщества. В обсуждении каждой из этих проблем на страницах «Мира историка» принимали участие ведущие ученые в области историографии и интеллектуальной истории, представители разных научных школ, университетских и академических сообществ.

Сборник «Мир историка» стал не просто площадкой интеллектуального взаимодействия ученых, связанных общими интересами, но пространством научной рефлексии. Изучая антропологические и социальные аспекты развития исторической науки, участники дискуссий вырабатывают инструментарий, необходимый для осмысления современного состояния науки и ученого сообщества. Не случайно темой одного из выпусков «Мира историка» стало соотношение индивидуального и коллективного в творчестве историка. Благодаря участию в таких проектах, обмену идеями, возможности подпитываться эмоциональной энергией при совместном обсуждении актуальных проблем мы и ощущаем себя членами «незримого колледжа» историографов и историков науки, авторитетнейший член которого – Валентина Павловна Корзун.

Новые темы

Исследовательская траектория крупного ученого включает в себя и развилки – ситуации выбора дальнейшего пути, и крутые повороты при поиске новой проблематики, и подъемы на высоту, с которой открываются новые перспективы. Признаком творческого отношения В.П. Корзун к «ремеслу историка» является ее готовность к освоению и осмыслению нового. Многолетний научный интерес к проблематике исторической памяти недавно обернулся новой гранью. В своем докладе на международной научной конференции, состоявшейся в 2021 г., Валентина Павловна обратилась к новой для нее теме – публичной истории. Она говорила о том, что в современном мире, где масс-медиа берут на себя все более активную роль в формировании и трансляции исторического знания, перед сообществом историков встает задача «наведения мостов между академическим научным знанием и формами присутствия его в социокультурной среде», налаживания диалога между историком-профессионалом и обычным носителем исторической памяти. Для решения этой задачи, убеждена Валентина Павловна, необходима разработка прагматической эпистемологии исторического знания, освоение новых подходов к подготовке историков, способных ориентироваться в лабиринтах исторической памяти, и, наконец, рефлексия на тему целеполагания профессиональной деятельности историка, осознание ответственности историка перед обществом⁵².

Столь масштабная постановка новых проблем позволяет надеяться, что скоро вниманию научного сообщества будут представлены новые части историографической симфонии Валентины Павловны Корзун.

⁵² Корзун 2021.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреева И.А. Историческая концепция Н.А. Рожкова: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 1995. [Andreeva I.A. Istoricheskaya koncepciya N.A. Rozhkova: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 1995.]
- Бернгардт Т.В. Историческая библиография и конструирование нового образа исторической науки. 1920-е годы (на материале Сибири): дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2010. 268 с. [Berngardt T.V. Istoricheskaya bibliografiya i konstruirovaniye novogo obraza istoricheskoy nauki. 1920-e gody (na materiale Sibiri): diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2010. 268 s.]
- Бычков С.П. Антон Владимирович Карташев – историк русской православной церкви: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 1999. 292 с. [Bychkov S.P. Anton Vladimirovich Kartashev – istorik russkoy pravoslavnoy cerkvi: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 1999. 292 s.]
- Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск: ОмГУ, 2001. 359 с. [Bychkov S.P., Kozzun V.P. Vvedeniye v istoriografiyu otechestvennoy istorii XX veka. Omsk: OmGU, 2001. 359 s.]
- Бычков С.П., Корзун В.П. Всероссийская научная конференция «Историк на пути к открытому обществу» [Омск, 20–22 марта 2002 г.] // Исторический ежегодник, 2002–2003 / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: ОмГУ, 2003. С. 172–174. [Bychkov S.P., Kozzun V.P. Vserossiyskaya nauchnaya konferenciya «Istoriik na puti k otkrytomu obshchestvu» [Omsk, 20–22 marta 2002 g.] // Istoricheskij ezhegodnik, 2002–2003 / Pod red. V.P. Kozzun, A.V. Yakuba. Omsk: OmGU, 2003. S. 172–174.]
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005. 500 с. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.YU., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani. Kazan': KGU, 2005. 500 s.]
- Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: ОмГУ, 2020. 336 с. [Voloshina V.Yu., Gruzdinskaya V.S., Kolevatov D.M., Kozzun V.P. Iz dvuh uglov: otechestvennyj istoriograficheskij process v ocenke emigrantskikh i sovetskikh istorikov (1920–1930-e gg.). Omsk: OmGU, 2020. 336 s.]
- Груздинская В.С. Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2020. 281 с. [Gruzdinskaya V.S. Disciplinarnaya istoriya istoriografii v SSSR: vtoraya polovina 1940-h – seredina 1980-h gg.: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2020. 281 s.]
- Груздинская В.С. Интервью с Валентиной Павловной Корзун: штрихи к интеллектуальному портрету // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 9–23. [Gruzdinskaya V.S. Interv'yu s Valentinoy Pavlovnoy Kozzun: shtrihy k intellektual'nomu portretu // Vestnik Omskogo un-ta. Ser. Istoricheskie nauki. 2018. № 4 (20). S. 9–23.]
- Груздинская В.С., Корзун В.П. «Наука не имеет отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 472. С. 85–94. [Gruzdinskaya V.S., Kozzun V.P. «Nauka ne imeet otechestva: etot lozung i veren i net» (otkliki inostrannykh uchennykh na 220-letnij yubiley Akademii nauk SSSR) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2021. № 472. S. 85–94.]
- Груздинская В.С., Корзун В.П. «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: Документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3. С. 281–293 [Gruzdinskaya V.S., Kozzun V.P. «Yubilej, kak mne kazhetsya, stanet obshchegosudarstvennym sobytiem...»: Dokumenty po istorii prazdnovaniya 220-letiya Akademii nauk SSSR // Vestnik Omskogo un-ta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2019. № 3. S. 281–293.]
- Груздинская В.С., Корзун В.П. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки в интересе коммуникативного поля // Вестник Пермского ун-та: История. 2016. Вып. 3 (34). С. 58–68. [Gruzdinskaya V.S., Kozzun V.P. Diskussiya o periodizacii istorii sovetskoy istoricheskoy nauki v inter'ere kommunikativnogo polya // Vestnik Permskogo un-ta: Istoriya. 2016. Vyp. 3 (34). S. 58–68.]
- Груздинская В.С., Корзун В.П. Омские историки на рубеже XX и XXI веков: штрихи к коллективному портрету // Вестник Пермского ун-та. История. 2019. № 2 (45). С. 142–154. [Gruzdinskaya V.S., Kozzun V.P. Omskie istoriki na rubezhe HKH i XXI vekov: shtrihy k kollektivnomu portretu // Vestnik Permskogo un-ta. Istoriya. 2019. № 2 (45). S. 142–154.]

- Грязнова Т.Е. Революция в концепции истории России П.Н. Милукова: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 1996. [Gryaznova T.E. Revolyuciya v koncepcii istorii Rossii P.N. Milyukova: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 1996].
- Денисов Ю.П. Репрезентация образа Б.Н. Ельцина в российском политическом дискурсе в 2000-е годы: на материалах газетной прессы и книжной публицистики: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2009. 264 с. [Denisov YU.P. Rerezentaciya obraza B.N. El'cina v rossijskom politicheskom diskurse v 2000-e gody: na materialah gazetnoj pressy i knizhnoj publicistiki: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2009. 264 s.].
- Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е гг.: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 1995. [Zhuk A.V. Organizaciya arheologicheskij issledovanij v Zapadnoj Sibiri. 1860–1920-e gg.: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 1995].
- Жук А.В., Корзун В.П., Ремизов А.В., Рыженко В.Г., Шепелева В.Б. Провинциальная наука: научные сообщества и их судьбы в Западной Сибири конца XIX – первой трети XX века. Омск, 1997. 40 с. [Zhuk A.V., Korzun V.P., Remizov A.V., Ryzhenko V.G., Shepeleva V.B. Provincial'naya nauka: nauchnye soobshchestva i ih sud'by v Zapadnoj Sibiri konca XIX – pervoj treti XX veka. Omsk, 1997. 40 s.].
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Юбилейные даты как стимул развития «университетологии»: об одном издании к 40-летию Омского государственного университета // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 384–389. [Ivanova T.N., Myagkov G.P. Yubilejnye daty kak stimuly razvitiya «universitetologii»: ob odnom izdanii k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 52. S. 384–389].
- Кефнер Н.В. Научная повседнежность послевоенного поколения советских историков: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2006. 330 с. [Kefner N.V. Nauchnaya povsednevnost' poslevoennogo pokoleniya sovetskih istorikov: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2006. 330 s.].
- Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2009. 250 с. [Knysh N.A. Obraz sovetskoj istoricheskoj nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2009. 250 s.].
- Колеватов Д.М., Корзун В.П. «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского учёного) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162. № 3. С. 207–219. [Kolevatov D.M., Korzun V.P. «Russkie poklonjajutsya znaniyam» (220-letnij jubilej AN SSSR v vospriyatii kanadskogo uchyonogo) // Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2020. T. 162. № 3. S. 207–219.].
- Корзун В.П. Рабочая политика крупной горнопромышленной буржуазии Юга России в период капитализма: дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1980. [Korzun V.P. Rabo-chaya politika krupnoj gornopromyshlennoj burzhuzii YUGa Rossii v period kapitalizma: diss. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 1980.].
- Корзун В.П. О роли и месте научной школы в истории науки // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязного. ОмГУ. Омск, 1987. 200 с. С. 3–6. [Korzun V.P. O roli i meste nauchnoj shkoly v istorii nauki // Istoricheskie chteniya pamyati Mihaila Petrovicha Gryaznogo. OmGU. Omsk, 1987. 200 s. S. 3–6.].
- Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (Анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск: ОмГУ; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с. [Korzun V.P. Obrazy istoricheskoj nauki na rubezhe XIX–XX vv. (Analiz otechestvennyh istoriograficheskij koncepcij). Ekaterinburg; Omsk: OmGU; Izd-vo Ural'sk. un-ta, 2000. 226 s.].
- Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков: автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2002. 38 с. [Korzun V.P. Obrazy istoricheskoj nauki v otechestvennoj istoriografii rubezha XIX–XX vekov: avtoref. diss. ... d-ra istor. nauk. Ekaterinburg, 2002. 38 s.].
- Корзун В.П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник. 2002–2003. Омск: ОмГУ, 2003. С. 36–46. [Korzun V.P. Nauchnye soobshchestva v istoricheskoj nauke kak issledovatel'skaya problema // Istoricheskiy ezhegodnik. 2002–2003. Omsk: OmGU, 2003. S. 36–46.].
- Корзун В.П. Рец. на кн.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. 2008а. Вып. 25/2. С. 388–398. [Korzun V.P. Rec. na kn.: Popova T.N. Istoriohografiya v litsah, problemah, disciplinakh: iz istorii Novorossijskogo universiteta. Odessa: Astroprint, 2007. 536 s. // Dialog so vremenem. 2008a. Vyp. 25/2. S. 388–398.].

- T.N. Istoriografiya v licah, problemah, disciplinah: iz istorii Novorossijskogo universiteta. Odessa: Astrogprint, 2007. 536 s. // Dialog so vremenem. 2008a. Vyp. 25/2. S. 388–398.]
- Корзун В.П. Рец. на кн.: Захарова И.В. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2007. 400 с. // Исторический ежегодник. 2008 б. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та. Вып. 2. С. 111–114. [Korzun V.P. Rec. na kn.: Zaharova I.V. Etnograficheskie nauchnye centry Zapadnoj Sibiri serediny XIX – nachala XXI veka. Omskij etnograficheskij centr / I.V. Zaharova, N.A. Tomilov. Omsk: Nauka, 2007. 400 s. // Istoricheskij ezhegodnik. 2008 b. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta. Vyp. 2. S. 111–114.]
- Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с. [Korzun V.P. Professorskaya sem'ya: otec i syn Lappo-Danilevskie. SPb.: Aletejya, 2011. 192 s.]
- Корзун В.П. Бои за Ключевское в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева М.: ИВИ РАН, 2012a. С. 257–273. [Korzun V.P. Boi za Klyuchevskogo v sovschoj istoriografii kak sposob samoidentifikacii istoricheskogo soobshchestva // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situaciya na rubezhe XX–XXI vv. / Otv. red. O.V. Vorob'eva, Z.A. Chekanceva M.: IVI RAN, 2012a. S. 257–273/].
- Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 16 (270). История. Вып. 51. С. 99–109. [Korzun V.P. Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: prak-tiki antropologicheskogo opisaniya (iz lekcionnogo opyta) // Vestnik CHelyabinskogo gos. un-ta. 2012. № 16 (270). Istoriya. Vyp. 51. S. 99–109.]
- Корзун В.П. Антропологическая модель научной школы: современные исследовательские практики // Esse quam videri. Вып. 2: К 90-летию Ю.И. Серого (1922–1986) / Отв. ред. и сост. А.В. Лубский, В.В. Черноус. Ростов-на Дону: Изд-во «Антей», 2013a. С. 10–33. [Korzun V.P. Antropologicheskaya model' nauchnoj shkoly: sovremennyye issledovatel'skie praktiki // Esse quam videri. Vyp. 2: K 90-letiyu Yu.I. Serogo (1922–1986) / Otv. red. i sost. A.V. Lubskij, V.V. Chernous. Ростов-на Donu: Izd-vo «Antej», 2013a. S. 10–33.]
- Корзун В.П. Новая книга по истории российского офицерства, русской революции и не только... // Культурологические исследования в Сибири. 2013б. № 1. С. 82–85. Рец. на кн.: Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 260 с. [Korzun V.P. Novaya kniga po istorii rossijskogo oficerstva, russkoj revolyucii i ne tol'ko... // Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri. 2013b. № 1. S. 82–85. Rec. na kn.: Kozhevin V.L. Rossijskoe oficerstvo i Fevral'skij revolyucionnyj vzryv. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. 260 s.]
- Корзун В.П. Интервью с Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: ОмГУ, 2014. С. 70–80. [Korzun V.P. Interv'yu s Konstantinom Yu'r'evichem Lappo-Danilevskim // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / [redkol.: V.P. Korzun (otv. red.), S.P. Bychkov (otv. red.), N.N. Alevras i dr.]. Vyp. 9. Omsk: OmGU, 2014. S. 70–80.]
- Корзун В.П. Творчество Сергея Сергеевича и Александра Александровича Лаппо-Данилевских в социокультурном контексте эпохи // Вестник Омского ун-та. 2015. № 1. С. 143–146. [Korzun V.P. Tvorchestvo Sergeya Sergeevicha i Aleksandra Aleksandrovicha Lappo-Danilevskih v sociokul'turnom kontekste epohi // Vestnik Omskogo un-ta. 2015. № 1. S. 143–146.]
- Корзун В.П. Изломанная судьба: память и профессионализм историка // Диалог со временем. 2016a. № 57. С. 362–370. [Korzun V.P. Izlomannaya sud'ba: pamyat' i professionalizm istorika // Dialog so vremenem. 2016a. № 57. S. 362–370.]
- Корзун В.П. О соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: дефиниции как исследовательская опция // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX в.: сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара) / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016б. С. 19–25. [Korzun V.P. O sootnoshenii ponyatij dissertacionnaya kul'tura i professorskaya kul'tura: definicii kak issledovatel'skaya opcija // Dissertaciya po istorii v kontekste rossijskoj nauchnoj kul'tury XIX – serediny XX v.: sb. st. po itogam mezhregion. nauch. seminar (vebinara) / pod red. N.N. Alevras, N.V. Grišinoj. Chelyabinsk: Enciklopediya, 2016b. S. 19–25.]

- itogam mezhregion. nauch. seminar (vebinara) / pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoj. SChelyabinsk: Enciklopediya, 2016b. S. 19–25.].
- Корзун В.П. Вогчинная теория: траектория движения в историографическом пространстве // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2017a. № 2 (194). С. 105–109. Рец. на кн.: Мининкова Л.В. Теория вогчинного государства в отечественной историографии XIX–XXI вв. Ростов на Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 138 с. [Korzun V.P. Votchinnaya teoriya: traektoriya dvizheniya v istoriograficheskom prostranstve // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obschestvennyye nauki. 2017a. № 2 (194). S. 105–109. Rec. na kn.: Mininkova L.V. Teoriya votchinnogo gosudarstva v otechestvennoj istoriografii XIX–XXI vv. Rostov na Donu: Izd-vo YUFU, 2015. 138 s.].
- Корзун В.П. Выступление на научном семинаре «Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – начала XX в.: опыт и перспективы изучения», Челябинск, 18.11.2016 // Magistra Vitae. 2017b. № 2. С. 233–240, 243, 246. [Korzun V.P. Vystuplenie na nauchnom seminare «Dissertaciya po istorii v kontekste rossijskoj nauchnoj kul'tury XIX – nachala XX v.: opyt i perspektivy izucheniya», SChelyabinsk, 18.11.2016 // Magistra Vitae. 2017b. № 2. S. 233–240, 243, 246.].
- Корзун В.П. Изменения институционального ландшафта исторической науки в 1990–2000-е гг.: омский вариант // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 294–301. [Korzun V.P. Izmeneniya institucional'nogo landshafta istoricheskoy nauki v 1990–2000-e gg.: omskij variant // Vestnik Omskogo un-ta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2017. № 4 (16). S. 294–301.].
- Корзун В.П. Замысел еще не точка... Сборник «Русская наука» в реалиях социального экстрима // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 347–356. [Korzun V.P. Zamysel eshche ne tochka... Sbornik «Russkaya nauka» v realiyah social'nogo ekstrema // Dialog so vremenem. 2018. № 63. S. 347–356.].
- Корзун В.П. «Историю можно воссоздать лишь... пережив ее в себе». Размышления над книгой А.В. Гордона «Историки железного века» // Диалог со временем. 2019a. № 69. С. 410–417. [Korzun V.P. «Istoriju mozhno vossozdat' lish' ... perezhiv ee v sebe». Razmyshleniya nad knigoy A.V. Gordona «Istoriki zhelezного века» // Dialog so vremenem. 2019a. № 69. S. 410–417.].
- Корзун В.П. Профессия как жизнь. Письма действительного члена АН СССР Н.М. Дружинина и члена-корреспондента АН СССР (РАН) Е.И. Дружининой // Исторический архив. 2019b. № 2. С. 194–197. [Korzun V.P. Professiya kak zhizn'. Pis'ma dejstvitel'nogo chlena AN SSSR N.M. Druzhinina i chlena-korrespondenta AN SSSR (RAN) E.I. Druzhininoj // Isto-richeskij arhiv. 2019b. № 2. S. 194–197.].
- Корзун В.П. Нескучные классики: 100 историков в оптике иконографии [Рец. на кн.: Историки России. Иконография: 4 кн. / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: Собрание, 2008–2019] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 248–254. [Korzun V.P. Neskuchnye klassiki: 100 istorikov v optike ikonografii [Rec. na kn.: Istoriki Rossii. Ikonografiya: 4 kn. / Sost., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: Sobranie, 2008–2019] // Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2020. T. 162, kn. 3. S. 248–254.].
- Корзун В.П. Публичная история: меняющийся запрос к профессии историка // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы междунар. науч.-практ. конф. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2021. С. 15–17. [Korzun V.P. Publichnaya istoriya: menyuayushchij-sya zapros k professii istorika // Interpretacionnoe nasiliye nad istoricheskoy pamyat'yu i formirovanie kul'tury politicheskogo myshleniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova, 2021. S. 15–17.].
- Корзун В.П. История науки гармоническим пером [Рец. на кн.: Смагина Г.И. “Познать науку исторически...”: российская история науки в первые десятилетия XX века”. – СПб.: Росток, 2020] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022a. Т. 164. № 3. С. 243–250. [Korzun V.P. Istoriya nauki garmonicheskim perom. [Rec. na kn.: Smagina G.I. “Poznat' nauku isto-riчески...”: rossijskaya istoriya nauki v pervye desyatiletiya XX veka”. SPb.: Rostok, 2020] // Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2022a. T. 164. № 3. S. 243–250.].
- Корзун В.П. Назначение в кумиры: практики классикализации в научном сообществе историков (1920 – середина 1930-х годов // Историки об историках. К юбилею профессора

- Г.П. Мягкова / Под общ. ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковской. М.: Аквилон, 2022б. С. 337–364. [Korzun V.P. Naznachenie v kumiry: praktiki klassikalizacii v nauchnom soobshchestve istorikov (1920 – sredina 1930-h godov // Istoriki ob istorikah. K yubileyu profesora G.P. Myagkova / Pod obshch. red. L.P. Repinoj, N.I. Nedashkovskoj. M.: Akvilon, 2022b. S. 337–364].
- Корзун В.П., Бычков С.П., Крих С.Б. Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» // Мир историка: историографический сборник / В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др. Вып. 10. Омск: ОмГУ, 2015. С. 12–28. [Korzun V.P., Bychkov S.P., Krih S.B. Sovremennoe istoriograficheskoe soobshchestvo i ego poiski na stranichah «Mira istorika» // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / V.P. Korzun (otv. red.), S.P. Bychkov (otv. red.), N.N. Alebras i dr. Вып. 10. Омск: ОмГУ, 2015. S. 12–28].
- Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 2. С. 374–392. [Korzun V.P., Gruzdinskaya V.S. 220-j yubiley AN SSSR v 1945-m: scenarij prazdnovaniya v sociokul'turnom kontekste epohi // Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rosii. 2020. № 2. S. 374–392].
- Корзун В.П., Ковалев М.В., Груздинская В.С. Юбилей Академии наук СССР в победном 1945 году: замысел, сценарий праздника, международный резонанс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 22–36. [Korzun V.P., Kovalev M.V., Gruzdinskaya V.S. Yubilej Akademii nauk SSSR v pobednom 1945 godu: zamysel, scenarij prazdnika, mezhdunarodnyj rezonans // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2021. № 2 (104). S. 22–36].
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России. Мат-лы VII Всероссийской научной конференции с междунар. участием, посвященной 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2009. С. 197–200. [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Memorial'nye i yubilejnye sobytia v zhizni na-uchnogo soobshchestva kak kul'turnye praktiki samoidentifikacii // Kul'tura i intelligenciya Rossii. Materialy VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunar. uchastiem, posvyashchenoj 35-letiyu osnovaniya OmGU im. F.M. Dostoevskogo. Омск, 2009. S. 197–200].
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. На первый-второй рассчитайся: человек второго плана как исследовательский проект (Размышления по поводу серии сборников научных статей «Человек второго плана в истории»). Вып. 1–5. Ростов-н/Д., 2004–2008) // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 342–357. [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Na pervyj-vtoroj rasschitajs': chelovek vtorogo plana kak issledovatel'skij proekt (Raz-myshleniya po povodu serii sbornikov nauchnyh statej «Chelovek vtorogo plana v istorii»). Вып. 1–5. Ростов-н/Д., 2004–2008) // Dialog so vremenem. 2009. Вып. 28. S. 342–357].
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 59–85. [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Obraz istoricheskoy nauki v pervoe poslevoen-noe desyatiletie: transformaciya istoriograficheskikh koordinat // Dialog so vremenem. 2010. Вып. 33. S. 59–85].
- Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: ОмГУ, 2005. С. 75–95. [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Social'nyj zakaz i istoricheskaya pamyat' (nauchnoe soobshchestvo sibirskih istorikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny) // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V.P. Korzun, G.K. Sadretdinova. Вып. 1. Омск: ОмГУ, 2005. S. 75–95].
- Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А. Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска. Омск, 1999. 300 с. [Korzun V.P., Kuznecova O.V., Osadchenko B.A. Sovremennaya istoricheskaya nauka Zapadnoj Sibiri v lichah. Istoriki Omska. Омск, 1999. 300 s.].
- Корзун В.П., Мамонтова М.А. Провинциальная историография: различные историко-культурные образы науки (рец. на кн.: Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX в.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002) // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 373–379. [Korzun V.P., Mamontova M.A. Provincial'naya istoriografiya: razlichnye istoriko-kul'turnye obrazy nauki

- (rec. na kn.: Allenova V.A. Istoricheskaya nauka v rossijskoj provincii v konce XIX – nachale XX v.: Tambovskaya uchenaya arhivnaya komissiya. Ryazan', 2002) // Dialog so vremenem. 2005. Vyp. 14. S. 373–379.].
- Корзун В.П., Метель О.В. Рец. на книгу: Киселев М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020 // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1 (108). С. 143–147. [Korzun V.P., Metel' O.V. Rec. na knigu: Kiselev M.A. «Regulyarnoe» gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii: sud'by istorikov prava v kontekste ideologicheskikh batalij sovetskogo vremeni. SPb.: Nestor-Istoriya, 2020 // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. № 1 (108). S. 143–147.].
- Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке: (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden, 2013. N 6. P. 158–201. [Korzun V.P., Myagkov G.P. Nauchnye shkoly v rossijskoj istoricheskoy nauke (opyt istoriograficheskogo osmysleniya poslednih desyatiletij) // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden, 2013. N 6. P. 158–201.].
- Корзун В.П., Мягков Г.П. Отзывы официальных оппонентов: историографические задворки или ключевой жанр научного письма? // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 1. С. 93–106. [Korzun V.P., Myagkov G.P. Otvzyvu official'nyh opponentov: istoriograficheskie zadvorki ili klyuchevoj zhanr nauchnogo pis'ma? // Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. 2023. № 1. S. 93–106. URL: <http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/34-magistra-vitae-1-2023.html>]
- Корзун В.П., Носова М.С. Омское научное сообщество историков в оптике проблематики исследования (вторая половина 1990-х гг. – первые десятилетия XXI в.) // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 29–36. [Korzun V.P., Nosova M.S. Omskoe nauchnoe soobshchestvo istorikov v optike problematiki issledovaniya (vtoraya polovina 1990-h gg. – pervye desyatiletiya XXI v.) // Vestnik Omskogo un-ta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2019. № 1 (21). S. 29–36.].
- Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24–44. [Korzun V.P., Ryzhenko V.G. Kommunikativnoe pole sovremennoj istoricheskoy nauki ot razmyshlenij istoriografov k opytam opisaniya // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 37. S. 24–44.].
- Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (Размышления над учебным пособием Л.П. Репиной, В.В. Зверевой, М.Ю. Парамоновой «История исторического знания») // Мир Клио. Сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 2. Под ред. О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 266–278. [Korzun V.P., Ryzhenko V.G. Poisk novogo obraza istoriografii v sovremennom intellektual'nom prostranstve (Razmyshleniya nad uchebnym posobiem L.P. Repinoj, V.V. Zverevoj, M.YU. Paramonovoj «Istoriya istoricheskogo znaniya») // Mir Klio. Sb. st. v chest' Loriny Petrovny Repinoj. T. 2. Pod red. O.V. Vorob'evoj. M.: IVI RAN, 2007. S. 266–278.].
- Корзун В.П., Рыженко В.Г. Советский историк в фокусе культурологической парадигмы (размышления о новой книге Л.А. Сидоровой) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 1. С. 115–117. [Korzun V.P., Ryzhenko V.G. Sovetskij istorik v fokuse kul'turologicheskoy paradigmy (razmyshleniya o novoj knige L.A. Sidorovoj) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2018. T. 25, № 1. S. 115–117.].
- Корзун В.П., Рыженко В.Г. Университетская корпорация и практики консолидации: локальная версия исследования в контексте истории молодого университета (Омский государственный университет, 1974–2014) // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации / отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Яз, 2014. С. 36–41. [Korzun V.P., Ryzhenko V.G. Universitetskaya korporaciya i praktiki konsolidacii: lokal'naya versiya issledovaniya v kontekste istorii mladogo universiteta (Omskij gosudarstvennyj universitet, 1974–2014) // Universitetskaya korporaciya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidacii / отв. red. G.P. Myagkov, E.A. Chiglincev. Kazan': YAz, 2014. S. 36–41.].
- Корзун В.П., Свешников А.В. «Мир историка» – кредо Школы // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С. 569–577. [Korzun V.P., Sveshnikov A.V. «Mir istorika» – kredo SHkoly // Ejdos: al'manah teoriï ta istoriï istorichnoï nauki. Kiïv, 2009. Vip. 4. S. 569–577.].

- Корзун В.П., Свешников А.В. Третий угол (И.М. Гревс в пространстве переписки “Из двух углов” В.И. Иванова и М.О. Гершензона) // История и историки: историографический ежегодник. 2001 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 175–187. [Korzun V.P., Sveshnikov A.V. Tretij ugol (I.M. Grevs v prostranstve perepiski “Iz dvuh uglov” V.I. Ivanova i M.O. Gershenzona) // Istoriya i istoriki: istoriograficheskij ezhegodnik. 2001 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2001. С. 175–187.]
- Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной // Диалог со временем. 2023. № 83. С. 353–358. [Korzun V.P., Sidorova L.A. Novye kraski k portretu Milicy Vasil'evny Nechkinoj // Dialog so vremenem. 2023. № 83. S. 353–358.]
- Корзун В.П., Чеканцева З.А. Бриколаж по-советски: размышления о книге А.В. Гордона // НЛО. 2010. № 4 (104). С. 351–356. Рец. на кн.: Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 377 с. [Korzun V.P., Chekanцева Z.A. Brikolazh po-sovetski: razmyshleniya o knige A.V. Gordona // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 4 (104). S. 351–356. Rec. na kn.: Gordon A.V. Velikaya francuzskaya revolyuciya v sovetskoj istoriografii. M.: Nauka, 2009. 377 s.]
- Крих С.Б. Образ древности в советской историографии: дисс. ... д-ра истор. наук. Казань, 2015. 539 с. [Krih S.B. Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii: diss. ... d-ra istor. nauk. Kazan', 2015. 539 s.]
- Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI вв.): Материалы V Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.Г. Рьженко, В.П. Корзун. Омск, 2003. 412 с. [Kul'tura i intelligenciya Rossii mezhdru rubezhami vekov: Metamorfozy tvorchestva. Intellektual'nye landshafty (konec XIX – nachalo XXI vv.): Materialy V Vseros. nauch. konf. / Отв. ред. V.G. Ryzhenko, V.P. Korzun. Omsk, 2003. 412 s.]
- Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX век: Материалы IV Всерос. науч. конф. Омск, 2000. Т. 1: Исследования интеллектуального пространства в XX веке: теория и практика / Редкол.: В.Г. Рьженко (отв. ред.) и др. 194 с.; Т. 2: Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда / Редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.) и др. 212 с. [Kul'tura i intelligenciya Rossii: intellektual'noe prostranstvo (Provinciya i Centr): HKN vek: Materialy IV Vseros. nauch. konf. Omsk, 2000. T. 1: Issledovaniya intellektual'nogo prostranstva v HKN veke: teoriya i praktika / Redkol.: V.G. Ryzhenko (otv. red.) i dr. 194 s.; T. 2: Mir uchenogo v HKN veke: korporativnye cennosti i intellektual'naya sreda / Redkol.: V.P. Korzun (otv. red.) i dr. 212 s.]
- Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII – XX вв.). Мат-лы III Всерос. науч. конф. в 2-х т. Т. I. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. 221 с. [Kul'tura i intelligenciya Rossii: social'naya dinamika, obrazy, mir nauchnyh soobshchestv (XVIII – XX vv.). Mat-ly III Vseros. nauch. konf. v 2-h t. T. I. Nauchnye soobshchestva v sociokul'turnom prostranstve Rossii (XVIII–XX vv.). Omsk, 1998. 221 s.]
- Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов, поиск модели исторического исследования: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2002. 224 с. [Mamontova M.A. S.F. Platonov, poisk modeli istoricheskogo issledovaniya: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2002. 224 s.]
- Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: ОмГУ, 2005. 460 с. [Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V.P. Korzun, G.K. Sadretdinova. Vyp. 1. Omsk: OmGU, 2005. 460 s.]
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. 683 с. [Oчерki istorii otechestvennoj istoricheskoy nauki XX veka: Monografiya / Pod red. V.P. Korzun. Omsk, 2005. 683 s.]
- Панькин И.Д. Научные школы в уральской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 138–143. [Pan'kin I.D. Nauchnye shkoly v ural'skoj istoriografii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 11 (25): v 2-h ch. Ch. I. C. 138–143.]
- Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Историко-антропологическое исследование научного сообщества: дисс. ... д-ра истор. наук. Томск, 2010. 465 с.] [Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Istoriko-anthropologicheskoe issledovanie nauchnogo soobshchestva: diss. ... d-ra istor. nauk. Tomsk, 2010. 465 s.]

- antropologi-cheskoe issledovanie nauchnogo soobshchestva: diss. ... d-ra istor. nauk. Tomsk, 2010. 465 s.].
- Степаненкова З.В. Общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского в проблемном поле интеллектуальной истории: дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2014. 258 с. [Stepanenkova Z.V. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady V.V. Bervi-Flerovskogo v problemnom pole intellektual'noj istorii: diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2014. 258 s.].
- Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 470 с. [Transformaciya obraza sovetской istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-h – seredina 1950-h gg. / Pod red. V.P. Korzun. M.: ROSSPEN, 2011. 470 s.].
- Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки / отв. ред. В.П. Корзун. Омск: ИД «Наука», 2014. 380 с. [Universitet v istorii i istoriya universiteta: k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo: ocherki / отв. red. V.P. Korzun. Omsk: ID «Наука», 2014. 380 s.].
- Штергер М.В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века (по материалам Тобольска и Омска): дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2003. 289 с. [Shterger M.V. Provincial'naya istoricheskaya mysl' poslednej treti XIX – nachala XX veka (po materialam Tobol'ska i Omska): diss. ... kand. istor. nauk. Omsk, 2003. 289 s.].
- Якуб А.В., Бычков С.П. Валентина Павловна Корзун – основательница Омской историографической школы. К юбилею // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 7–8. [Yakub A.V., Bychkov S.P. Valentina Pavlovna Korzun – osnovatel'nica Omskoj istorio-graficheskoy shkoly. K yubileyu // Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2018. № 4 (20). S. 7–8.].

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; oleontieva@yandex.ru

Мягков Герман Паптелеймонович, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова; профессор, Казанский федеральный университет; gmyagkov@yandex.ru

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН; профессор ИФИ РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Historiographical Symphony by Professor Valentina P. Korzun

The article is devoted to the intellectual biography and scientific activity of the famous Russian historian, the founder of the Omsk historiography school, Prof. Valentina P. Korzun. The core topics of her works: the personality of a historian, professional reflection and existential choice, research communities, the genesis of intellectual history in the national tradition. The contribution of V.P. Korzun in the Russian historiography: the introduction of new sources into scientific circulation, the elaboration of epistemological problems and new approaches to the study of scientific communications, her role in the formation of the regional school of historiography.

Keywords: Professor Valentina P. Korzun, historiography, images of historical science, scientific communications, research school, historian's work, professorial culture

Olga B. Leontieva, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Acad. S.P. Korolev Samara National Research University; oleontieva@yandex.ru

German P. Myagkov, Dr. Sc. (History), Professor, Kazan Federal University; Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML); gmyagkov@yandex.ru

Lorina Repina, Dr. Sc. (History), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; Professor, Institute of Philology and History Russian State University for Humanities; lorinarepina@yandex.ru

И.Н. Ионов

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В статье сравниваются и анализируются два основных подхода к проблеме цивилизационного государства, приобретающего большую актуальность в связи с распространением этого понятия в самоидентификации народов Китая, Индии, России, Ирана и др. стран. Эти подходы представлены отличающимися сбалансированностью позиций книгами китайского политолога Чжан Вейвэя и английского политолога Кр. Кокера. Для расширения поля интерпретаций используются труды по истории «процесса цивилизации» Н. Элиаса и его школы, социологии культуры П. Сорокина, теории схизмогенеза Г. Бейтсона и др. Анализ этих работ ведется в контексте интеллектуальной истории. Осуществляется переход от изложения современных практик использования понятия «цивилизационное государство» к анализу истории представления о «политической цивилизации» в Западной Европе как гегемонического и выстраивания контргегемоний по отношению к нему в Германии, Японии и Китае. Выявляется логика перерастания унификации культур в их диверсификацию, становления бинарных оппозиций, позволяющая формировать альтернативные образы цивилизационных государств на базе симметричного схизмогенеза. Их обслуживают трансформации в темпоральных представлениях, в частности идеи «прочного» времени, телеологического презентизма и ретроtopии.

Ключевые слова: *цивилизационное государство, государство-цивилизация, дискурсивная гегемония, контргегемония, схизмогенез, презентизм, ретроtopия*

В последнее время все большее значение в мировой политике и общественном самосознании приобретают понятия «диалог цивилизаций», «цивилизационное государство» и «государство-цивилизация», которые все чаще применяются для идентификации Китая, Индии, Ирана, России (с 2013 г.) и других стран. В связи с этим все чаще пишут о «культурном/цивилизационном повороте» в социологии и международных отношениях. Это понятие входит в учебники по государственному устройству¹. Идея цивилизации провозглашается политологом Кр. Кокером, который отказывается рассматривать его как миф, «важнейшим объектом исследования». Он анализирует распространение цивилизационного сознания и описывает историю современного Запада в терминах политической цивилизации². Однако до сих пор эта тенденция изучается прежде всего в рамках политологии, социологии или теории международных отношений. Слабо используются история поведения и теория коммуникаций. Отсутствует анализ вариантов этого понятия в рамках кризиса историзма Нового времени (девелопментального и радикально-

¹ Bettizza 2014; Arnason 2010; Linde 2016; Истомина 2023.

² Coker 2019: 36, 48–50, 87, 171.

го) и аспектов историчности (телеологического и критического презентизма, ретротопии)³. Я сосредоточусь на этих аспектах, оставив в стороне страноведческие и россиеведческие проблемы, которых также немало. Исключением является разве что Китай, на примере которого разрабатывалось понятие «цивилизационное государство».

Наиболее активно понятие «цивилизационное государство» продвигается после появления бестселлера Чжана Вейвей «Китайская волна. Подъем цивилизационного государства» (2011), нашедшего около 1 млн. читателей только в Китае и вошедшего в список наиболее влиятельных книг⁴. Анализ понятия «цивилизационное государство» автор считает особенно важным в условиях общественного диалога, в котором сталкиваются противостоящие проекты будущего Китая: универсалистский, эволюционный (Юй Кэпин), согласно которому Китай в целом следует западному либеральному пути развития при увеличении роли государства — и изоляционистский, согласно которому Китай следует своим, уникальным путем развития, сойти с которого опасно («пекинский консенсус»)⁵ Дж.К. Рамо, Ли Дунхана, Хуан Пина). Чжан Вейвей занял в ряде своих работ довольно умеренную позицию, основанную на учете позитивных влияний модернизации, глобализации и традиций. Он полагает, что Китай не может проводить реформы вне идеала модернизации, и признает проблемы, связанные с огосударствлением экономики, запаздыванием политической реформы, ростом коррупции, социальной поляризацией населения, ухудшением окружающей среды⁶.

Вместе с тем Чжан Вейвей утверждает, что подъем Китая — это страница истории государства особого рода, цивилизационного государства, обладающего высшим уровнем суверенитета, духовным. Он основан на роли Китая в мировой культуре, где наравне стоят Конфуций и Платон. Цивилизационное государство имеет свою логику и циклы, повторяющиеся на протяжении 4 тыс. лет. Сейчас Китай находится на восходящей стадии очередного цикла, связанного с развитием социалистической рыночной экономики. В цивилизационном государстве смешивается опыт множества государств, находившихся на территории Китая. Этим оно отличается, по мнению автора, от соседних государств, в том числе от Индии и Пакистана, России и Украины. Но и эти государства могут заимствовать опыт цивилизации Китая. Это ставит под вопрос универсальность многих западных положений о демократии, эффективном правлении и правах человека⁷.

Государство в Китае рассматривается не как необходимое зло, как в США, а как необходимая добродетель, снимающая противоречие де-

³ Олейников 2021; Бауман 2019; Coker 2019: 171.

⁴ Zhang Weiwei 2012.

⁵ Ramo 2004.

⁶ Zhang Weiwei. 2012: IX-X; Хаджиева 2016.

⁷ Zhang Weiwei 2012: 3, 99, 107, 156, 163, 169.

мократии и автократии, рынка и планирования на путях хорошо управляемой меритократии. В сущности, это более или менее соответствует идеалу конвергенции этатистского социализма и капитализма. Цивилизационное государство имеет преимущества перед национальным государством, которое было связано с национализмом и войнами (в Европе и Японии). По словам автора, в его основе не западный индивидуализм, а холистское мировоззрение Китая, соединяющее ценности индивидуализма и коллективизма. Идеалы прав человека, счастья, свободы и достоинства осуществимы с этой точки зрения только в контексте целостности семьи и государства. При этом в основе прав человека, как говорили еще в СССР, лежат экономические права на труд и благосостояние. Это оптимальная перспектива не только для развивающихся стран (в которых индивидуализм показал свою неспособность вывести население из нужды), но и в решении глобальных проблем⁸. Представления о национальном и цивилизационном государствах у Чжан Вейвея имеют субстанционалистский характер (нация основана на общих языке, религии и образе жизни, цивилизация на «китайских исторических генах», общих власти, мудрости и культурных традициях). Для Китая движение по западному пути национального государства, с точки зрения Чжан Вейвея, означает хаос и распад по типу СССР или Югославии⁹.

Чжан Вейвей проводит еще одно различие в понятиях: между современным государством (*modern state system*) со всеми институтами и мировыми достижениями, включающими его в глобализационные процессы — и цивилизационным государством, основанном на долговременных устойчивых традициях. Чжан Вейвей отчасти следует в этом определении за британским журналистом М. Жаком¹⁰, который в 2009 г. назвал Китай единственным цивилизационным государством в мире. Это определяется чрезвычайно долгой историей, огромной территорией и внутренним разнообразием, делающими единство предпосылкой, а диверсификацию условием существования государства, которое играет особую роль, являясь хранителем цивилизации. Но если для Жака в современном Китае происходит борьба между политикой, определяемой национальным государством и цивилизационным государством¹¹, то Чжан находит эту позицию европоцентричной. Он заявляет, что Китай в рамках холистского подхода синергетически соединяет в себе черты национального и цивилизационного государства, которые образуют амальгаму и тем самым усиливают друг друга. Являясь в первую очередь современным государством, «Китай принимает концепцию равенства государств и доминирование идеи прав человека». Но это современное государство уникально благодаря своим традициям. Цивилиза-

⁸ Ibid.: 127–128.

⁹ Ibid.: IX–X, 169, 247–249.

¹⁰ Jacques 2009.

¹¹ Jacques 2011.

ционное государство одновременно древнее и современное, модернизированное и традиционное, китайское и интернациональное. Его природа определяется огромным населением, обширной территорией, сверхдолгими традициями, чрезвычайно богатой культурой и особенностями в языке, политике, обществе и экономике, в которых органично соединены элементы современного государства и древней цивилизации¹².

Книга Чжан Вейвэй отражает довольно противоречивую позицию. Она базируется на логике единства противоположностей. Чжан Вейвэй постоянно дрейфует между двумя идеями, сводя их вместе в рамках холистского подхода. Он видит узость любого частного подхода к реальности, но ограничивает их количество до бинарной связки. Автор признает идеал взаимного обучения Востока и Запада, отрицает их бинарное противопоставление, настаивает на обоюдовыгодном сотрудничестве¹³. Последнее представляет собой значимый **результат развития**. Но он критикует западный либеральный **путь развития**, который соответствует быстрому изменению общества и взглядов населения. Поэтому созданный им образ государства туманен. Он не отвечает на важные вопросы. Не показано, как соотносятся цивилизация и империя? К Китаю это слово вообще не применяется. В какой мере имперская политическая традиция отвечает за унижение Китая? Почему, говоря о революциях, автор акцентирует внимание на индустриальной, технологической и информационной, изредка упоминает социальную и никогда прямо и в позитивном ключе — политическую революцию. Она приравнивается к хаосу и войне. Относится ли это к китайской революции? Какова идеологическая база восхищения реформизмом? Каково отношение автора к демократической традиции в марксизме? Надо сказать, что с последним у автора совсем плохо, он упоминается в книге всего один раз, причем приравнивается к буддизму как объект синизации¹⁴.

Демократия выступает как объект последовательной критики. Переменчивость считается негативным свойством общественного мнения и противопоставляется устанавливаемым меритократией «долговременным интересам народа», придающим легитимность режиму. Критическая позиция Чжан Вейвэй по этому вопросу прямолинейна и непреклонна, демократия приравнивается к популизму и рассматривается как временная политическая стратегия¹⁵. Семиотически идеал локальной цивилизации (от прилагательного «цивилизованный») тем самым дистанцируется от идеалов процесса цивилизации (как отлагательной формы от «цивилизовать») и универсальной цивилизации. Цивилизационная составляющая касается не только традиционного мировоззрения, но прежде всего **специфики эволюции** страны. В целом это соответствует

¹² Zhang Weiwei 2012: 51–53.

¹³ Ibid.: 48.

¹⁴ Ibid.: 71, 112–115, 120, 133, 158.

¹⁵ Ibid.132-134, 163-164.

противоречивому образу «множественной модерности», как он обрисован Ш.Н. Эйзенштадтом в форме «глобальной цивилизации Модерна»¹⁶.

Эта линия повторена и усилена изложением дискуссии Чжан Вейвей и Фр. Фукуямы, автора известной книги о «конце истории». Чжан Вейвей резко сформулировал свою позицию как «конец “Конца истории”», либерального идеала развития человечества. В ответ Фукуяма предложил более четко различать текущую политику с ее недостатками и политическую систему¹⁷. Но это замечание не нашло ответа. Понятие «либерализм» упоминается у Чжан Вейвей всего один раз, в негативном смысле, так что и у него «вашингтонский консенсус», как и у Д.К. Рамо, противопоставляется «пекинскому консенсусу»¹⁸. Это ограничивает смысл некоторых понятий. Так, демократия сводится к праву участвовать в составлении пятилетних планов, а права человека из универсального идеала становятся инструментом государственного управления. При этом Чжан Вейвей в целом настроена на диалог цивилизаций. Его вывод близок положению, выдвинутому в 1946 г. А.Дж. Тойнби, который указал, что после того, как Восток многому научился у Запада, самому Западу настало время поучиться у Востока. Позже эту мысль повторил Дэн Сяопин¹⁹. Но отсутствие интереса к обществу и частным мнениям превращает диалог цивилизаций в диалог меритократий.

На разных территориях постсоветского пространства к исследованию Чжан Вейвей и идеи цивилизационного государства относятся по-разному. В Казахстане отмечают умеренность позиции Чжан Вейвей, наряду с Ли Пейлинем настаивающего на многофакторности и комплексности китайской модели, не находят в ней антагонистических противоречий с либеральными основами американской экономической модели. Казахстанский экономист Г.У. Хаджиева подтверждает, что китайская модель лучше справилась с решением социальных проблем модернизации, чем американская. Чжану Вейвей приписывается мнение, что Китай не может проводить свои реформы по нелиберальному пути. «Китай извлек из экономического либерализма американской модели такие полезные подходы к построению собственной модели, как учет роли рынка, предпринимательского духа, влияния глобализации, международной торговли». Соответственно, влияние традиционалистских и либеральных факторов равновесно, они балансируются во времени. В центре рассуждений автора находятся модернизация и либерализация как ее неотъемлемая составляющая. Получается, что Чжан Вейвей не противоречит утверждениям Г. Мюрдаля, который писал, что «поиск национальной тождественности сам по себе не угрожает и даже не противоречит приверженности к идеалам модернизации, особенно

¹⁶ Eisenstadt 2000: 7, 13, 22.

¹⁷ Фукуяма 2010; Zhang Weiwei 2012: 163, 165.

¹⁸ Ibid.:103, 125-138.

¹⁹ Тойнби 1996: 65; Zhang Weiwei 2012: XI.

на высоком интеллектуальном уровне». Общий вывод Хаджиевой подтверждает эту мысль: «традиционность... во многом предопределяет ход и черты самой модернизации..., действует как стабилизирующий фактор, придает модернизации устойчивость и последовательность»²⁰.

В России, где проблема цивилизационного государства широко обсуждается на теоретическом уровне, как кажется, недооценивают работу Чжан Вейвей, обращая внимание скорее на труды авторов, односторонне сосредоточенных на анализе роли цивилизационной традиции в политической организации Китая. В частности, в статье В.В. Комлевой основное внимание уделяется статье Гуан Ся (Xia), посвященной природе цивилизационного государства в Китае²¹. Последний, как и Чжан Вейвей, пишет о синтезе западного и китайского. Он спорит с идеей М. Жака о противопоставлении нации и цивилизации в Китае. Но в стиле русских славянофилов оправдывает это тем, что Китай давно «осовременился». «Во многих отношениях Китай с древних времен был современным (по западным меркам) государством, так как в значительной степени светское государство, меритократическая бюрократия, высоко самоуправляемое гражданское общество, доступный для всех письменный язык... сплоченная культура, открытая для мультикультурализма, идея равноправия в образовании и т.д., лежащие в основе формирования западной современности, уже давно существуют в Китае»²². Конечно, взаимодействие Китая с Западом требовало сознательной или бессознательной отмены части традиций и опоры на «некоторые базовые компоненты» западной культуры. Однако, как подытожила Комлева, «формирование современной китайской цивилизации рассматривается как некий синтез китайского и западного, но при доминировании культурных кодов и архетипов китайской цивилизации»²³. При этом как-то упускается из виду китайский идеал гармонии и согласия, в контексте которого вопрос о доминировании неуместен.

***

Западную точку зрения на цивилизационное государство выразил недавно умерший британский политолог Кр. Кокер²⁴. Он предлагает интерпретацию идеи цивилизационного государства, понятную для европейцев. Кокер рассматривает становление цивилизационного политического сознания как ответ на эксцессы идеологии глобализма в условиях продолжающейся экономической глобализации. Без генерализации и вкуса к историческим императивам, по его мнению, нет истории, но уровень обобщений и детерминизма падает от глобального до цивилизационного. В университетах все более размывается мечта о

²⁰ Хаджиева 2016.

²¹ Guang Xia 2014.

²² Комлева 2022: 86.

²³ Там же: 84.

²⁴ Coker 2019.

глобальной либеральной цивилизации. Культурные различия все более противопоставляются универсальным ценностям. Они всплывают с уровня подсознания, используются политиками для укрепления власти и становятся мировой идеологической валютой. Геополитика перестала быть географической и стала социокультурной или цивилизационной. Новый импульс дало размывание национальных мифов, открытое отрицание национальных государств и противопоставление традиционных государств и наций как западного изобретения (в ИГИЛ)²⁵.

Импульс цивилизационным исследованиям последнего времени, по мнению К. Кокера, дали события Исламской революции в Иране в 1979 г., война с террором после 2001 г. и книга К. Махбубани, написанная в развитие идей известного эссе Г.Ч. Спивак: «Могут ли азиаты мыслить?» (1998), которую сразу стали сравнивать с работами М. Вебера («конфуцианская трудовая этика») и А.Дж. Тойнби («азиатский Тойнби»). Она заставила Кокера обратиться к анализу движения от культуртрегерства эпохи империализма к изживанию европоцентризма в наследии Шпенглера, Тойнби, Броделя и Хантингтона. Кокер рассматривал их как попытки преодолеть хаос истории, раскрыть ее пути и законы²⁶. Для политолога, мыслящего масштабами истории человечества, это положительная оценка, хотя и необычная на современном Западе, где, как правило, цивилизационные исследования рассматриваются сугубо негативно, как идеология, паразитирующая на геополитике²⁷. Но для Кокера в центре таких работ стоит важный для политолога вопрос о самоидентификации. Он поднимает хорошо известную по опыту журнала «Анналы» проблему использования множественных, порой взаимоисключающих смыслов понятия «цивилизация» как «пустого означющего» (цивилизация как мать варварства, цивилизация как разрушитель человеческой природы, войны цивилизаций, цивилизация бизнеса и т. п.). Это множество разнородных понятий организует пространство, оставшееся после крушения мифа о «единственной либеральной цивилизации» Ф. Фукуямы или «сверх-суверенного государства» Ч. Краутхаммера. Такие постулаты убедительны только в условиях поступательного прогресса. Когда он заканчивается, утопии перестают действовать, а с ними и либерально-демократические ценности, как утверждает социалист П. Мишра. В оценке утопии Фукуямы цитирующий Мишру Кокер отчасти близок Чжан Вейвею, он описывает обратную сторону глобализации: бедность, необразованность, постиндустриальные пустыни, популизм, национализм, неофашизм и неомарксизм, с которыми не в силах справиться либеральная цивилизация²⁸.

²⁵ Ibid:10.

²⁶ Ibid.:11-15, 31; Mahbubani 2002.

²⁷ Russia... 2020.

²⁸ Coker 2019: 16–18, 20.

Кокер пишет, что в этом контексте он не удивлен появлением и устойчивостью цивилизационного сознания в незападном мире, но поражен его слабостью на Западе, где оно родилось. В этой связи он ставит вопрос о возможности современного цивилизационного сознания в Европе. Политолог пытается решить его теоретически и исторически, но с политологическим акцентом. Для него цивилизационная идентичность — это маркировка «права первой ночи», закрепление собственных привилегий, цивилизационный вызов остальному миру, лицензия на право давать ему оценку со своей точки зрения (в «третьем мире» это называется «гордыня первооткрывателя») ²⁹. Цивилизационное сознание, по его мнению, наиболее естественно на Западе, так как понятие «политической цивилизации» родилось у О. Конта, который еще в 1848 г. написал книгу «Республика Запада», в которой рассматривал Западную Европу как единое политическое сообщество. По мнению Кокера, Запад окончательно сформировался как «эксклюзивная политическая цивилизация» после размежевания с Германией в ходе Франко-Прусской войны. Историки А. Мартэн и Ж. Мишле предложили понятие «атлантическое сообщество» для обозначения союза либеральных демократий. В 1941 г. определение Запада, основанное на общей политической идентичности, системе верований и ценностей граждан, было поддержано А. Мальро. Кокер определяет Запад как «политическую цивилизацию, которая одолела Третий Рейх». Именно этот вариант идеи локальной цивилизации первым, еще во второй половине XIX в., попал (и вполне справедливо) под удар продолжающихся до сих пор обвинений в расизме (Запад рассматривался в контексте социал-дарвинизма как расовое единство), культуртрегерстве, колониализме и империализме. Либеральный миф строился на представлении об исключительности Запада. Но одновременно в нем содержалось просвещенческое представление об универсальном: о цивилизации, выстраивающей мировой порядок на либеральных идеях рациональности, прав человека и свободы торговли ³⁰.

Видение цивилизации, как представляет его Кокер, связано с цивилизационным самосознанием и цивилизационным фреймированием, за которым стоит многообразная и меняющаяся реальность. Деление мира на вождества, цивилизации и национальные государства политолог признает произвольным и жестоким, хотя культурные различия трудно отнести к проявлениям «ложного сознания». Это лучшее, с чем люди готовы ассоциировать себя. Такие взгляды можно оспорить, но это не повод их отбрасывать. Даже в случае, если понятие цивилизации предлагает разные перспективы: высшего совершенства или полного упадка, оно полно нескончаемой адаптации и эволюции. Цивилизация меняет свои культурные и религиозные основания, совмещает их как

²⁹ Ibid.: 60-61; Castro-Gómez 2007.

³⁰ Coker 2019: 36, 48–50, 87.

палимпсест. Всякая локальная цивилизация полна внутреннего разнообразия, так что трудно выявить господствующую или даже актуальную конфигурацию ее элементов. По словам Кокера, она выламывается из той суммы мифов, на которых построена цивилизационная идентичность: из представлений о неизменности этой идентичности, о самодостаточности цивилизации, ее независимости от других и от доминирования в религии, мировоззрении и социальном воображении неких культурных кодов, предписывающих людям ожидаемое поведение. Она сложнее, чем мифы, на которых держится цивилизационное самосознание. Нормой являются культурный трансфер в пространстве и времени, а также изменение форм воображения и языка (от языка религии к языку рынка). При этом разнообразие, как в экологии, порождает единство, сложность является основой порядка. В этом западная цивилизация ничем не отличается от других: она создает множество культурных стилей, составляющих амальгаму. Поэтому, повторяет Кокер за П. Венном, «невозможно найти что-либо вроде сущности или фундаментального ядра, которое отличает цивилизацию... ни одна цивилизация не имеет исторических “корней”. Ее характер, поскольку он у нее есть, во многом неоднороден, противоречив, полиморфен и полихромен»³¹.

Стремление изучать онтологию и сущность цивилизаций как целостных социальных групп Кокер относит к середине XX в., когда интеллектуальная мода порождала поиск, как писал П. Сорокин, «господствующих стилей, типичных форм и существенных закономерностей», скрытых за конкретными фактами и явлениями. Цивилизации, по этой версии, имеют свои конституирующие мифы и исторические нарративы, которые создают ощущение цели. В них выражается и ее отношение к природе конечной реальности (божественной или секулярной). Таким образом предполагалось, что каждая цивилизация как система должна иметь свое «мировоззрение». Цивилизация уподобляется экосистеме или биосистеме, взаимодействие частей которых создают определенное поведение, проявляющееся как жизнедеятельность. Маркировка общества как цивилизации, с точки зрения мыслителей XIX – середины XX в. позволяла ему ставить перед собой более высокие задачи, общество приобретало новую сущность. По словам А. Мальро, это придавало каждой эпохе, маркированным новым способом, особый смысл. Ведь таким образом формулировались новые цели, открывались новые «принципы жизни», создавались новые эры в истории человечества³².

К. Кокер не развивает мысль о противоречиях между восприятием цивилизации в середине XX в. и в современных условиях, но его ссылки на П. Сорокина и телеологический аспект идеи цивилизации дают основание говорить о различии темпоральных контекстов описанных им под-

³¹ Ibid: 23–24, 27, 31, 34, 35–42; Veyne 2010:138.

³² Coker 2019: 46–47.

ходов. Уже в 1957 г. П. Сорокина смущал переход от прочного «порядка времени», представлений о причинности и линейности развития XIX в. к зыбкому вероятностному порядку времени середины XX в., когда детерминизм уходит, уступая место циклическим и нелинейным процессам, «все находится в текучем состоянии, бесформенном, неопределенном и расплывчатом», знание «перестает удовлетворять человеческую потребность в правильной ориентации во вселенной... общественные и гуманитарные науки... не способствовали ни нашему пониманию социально-культурных явлений, ни нашей способности предвидеть их будущее развитие». Он боялся «хаоса социокультурных явлений» и даже предвидел близкий переход от радикального историзма и представлений о вероятности к господству этернализма и исторической мифологии³³. Структурно-системный подход позволял ему уйти от зыбкости исторического процесса к прочности «больших систем искусства, истины, этики, права и общественных отношений», в которых он видел глобальные картины мира. Но каждая из этих систем, по его мнению, развиваясь линейно, изживает себя и преобразуется в нечто новое, потому что «время – разное... история вечно повторяется и не повторяется никогда». Поэтому Сорокин отрицал устойчивость любой модели истории: линейной, циклической или случайной. История изменяется в самих недрах механизмов изменения. «Достоверной концепцией является та, согласно которой в мире происходит "непрерывное изменение" главных повторяющихся тем, и каждая включает в себя, как частный случай, все повторяющиеся концепции. Она намного богаче, чем любая из них»³⁴.

Таким образом, П. Сорокин стоял между субстанционалистским подходом к цивилизации, который господствовал до середины XX века, и современным релятивистским подходом, критикуя по разным причинам и тот, и другой. И его идеи совпадают с мыслями П. Вена о цивилизации, которая не имеет корней и не повторяется во времени, так как формирующая ее традиция постоянно создается в процессе инноваций, о чем писал советский философ Э.С. Маркарян³⁵. Такой подход взорвал бинарную оппозицию «традиция – модернизация» и, как следствие, оппозицию «современная западная цивилизация – локальные цивилизации». С одной стороны, это позволило преодолеть представление о традиции как форме консервации и застоя культуры, негативной антитезе модернизации, а с другой – о Модерности как антитезе традиции, разрушающей ее сакральную основу. По мнению социолога Ш.Н. Эйзенштадта, Модерность – частный случай новой современной традиции. В чем-то сходные идеи в рамках постколониальной критики разрабатывал американский мыслитель Хоми К. Баба, считавший наиболее про-

³³ Сорокин 2000: 361–370, 444, 473; Ионов 2021.

³⁴ Сорокин 2000: 778–781.

³⁵ Маркарян 1981.

дуктивными маргинальные и ситуативные взаимодействия культур³⁶. В конечном счете это означает, что политические цивилизации Востока и Запада имеют сходную природу и большой коммуникативный потенциал. Недаром Византия, самая коммуникативно продвинутая, но забытая, по мнению Кокера, евразийская цивилизация оптимально использовала «мягкую силу» и старалась достигать внешнеполитических целей путем переговоров, а не войны³⁷.

Полиморфность западной цивилизации постоянно порождает ее самоотрицание. Размышления об этом толкают К. Кокера на продуктивный путь сравнения западных и немецких представлений о цивилизации и культуре. Но в результате оказывается, что он сталкивает два аспекта немецкой культуры: просвещенческую позицию И. Канта с его представлением о категорическом императиве и имперский ценностный релятивизм молодого Т. Манна. Кокер разводит веру Запада в универсальные ценности, общие для всех народов и обстоятельств – и отношение к морали в Германии конца XIX – середины XX вв. как продукту воображения, связанному с данным пространством и временем, веру в буржуазный либерализм и недоверие к буржуазии. На этой почве, по мнению Кокера, возрос аксиологический релятивизм, который послужил оправданием нацизму. В немецкой культуре его подкрепляли преобладание интереса к проблемам духовного роста (*Bildungsroman*) над интересом к социально-политическим проблемам, общинности и коллективизма над индивидуализмом, отрицание либерального элитизма, «яда» парламентского фракционности. Все это вело от критики идеала цивилизации и возвышения идеала духовной культуры, к прославлению единства народа, воплощенного в фигуре императора или фюрера, к оправданию мировых войн и, в конечном счете, к развязыванию их. И только после поражения Германии в 1945 г. возрождение общих основ ее просвещенческой и демократической культуры позволило вернуть ее в ряды конституционных республик Запада. Однако Кокер ригористически подчеркивает, что это рассматривалось даже Х. Арендт и К. Ясперсом скорее как искупление, а не свободный выбор³⁸.

Хотя идеология авторитаризма и войны явно противостояла либеральным ценностям, Кокер не считает Германию первым из незападных цивилизационных государств. Между тем разрыв немецкой мысли с цивилизационным идеалом Запада, в рамках которого Германия считалась «полуварварской» страной, был глубок. В Германии велся поиск альтернативных формулировок цивилизационной идентичности (народный дух у И.Г. Гердера, культурный тип у Г. Рюккерта, образованность у Г.Э. Лессинга и В. Гумбольдта, высокая культура у О. Шпенглера). Часто он осо-

³⁶ Eisenstadt 2000: 14; Bhabha 1994.

³⁷ Coker 2019: 67–70.

³⁸ *Ibid.*: 52–59.

знавался как обращение к традиции, победным воспоминаниям о прошлом. Футуристский (прогрессистский) режим историчности сочетался с пассивистским, имперским в XIX в. и расовым в XX в. Впервые в самосознание пришла ретротопия («антимодерное мифотворчество истории»)³⁹, творившая воспоминания о «светлом прошлом» Священной Римской империи германской нации или арийских племен, вокруг которых строилась нормативная идентичность. Отторжение англо-американского цивилизационного идеала (и западной составляющей самой немецкой культуры) доходило до их провозглашения «бескультурными» (*kulturlos*), т. е. космополитическими, вырожденческими и лишенным опоры на духовные ценности народа. В дискурсивном анализе Э. Лаклау и Ш. Муффа это рассматривается как генерирование пустых (многозначных) означающих и сталкивание систем денотации, которое считается признаком сопротивления дискурсивной гегемонии, конструирования орудий контргегемонии и маркировки внешнего мира как источника анархии и угрозы⁴⁰. Этот разрыв привел к войне «политических цивилизаций», какой было Первая мировая война, осмысливавшаяся как война между цивилизационными идеалами (*la guerre pour la civilisation, Kulturkrieg*)⁴¹.

Глубже понять генезис процесса столкновения политических цивилизаций Европы, можно обратившись к работам Н. Элиаса и его школы. Он первым, еще в 1930-е гг. показал, что этап ассимиляции культурных трансферов, касающихся новых норм поведения бывшими «варварами» (такими как немцы), сменяется этапом соперничества и отталкивания, дифференциации и эмансипации. Этап соперничества наступает тогда, когда «социальная сила прежде низшей группы растет, а высшей падает...». Это соответствовало периодам экономического подъема Германии. При этом росла роль политической власти. «В Пруссии регулирование аффектов у индивида в огромной мере зависело от наличия внешнего государственного насилия»⁴². Дискурсивная гегемония переходила к государству. В терминах Г. Бейтсона это означало переход от комплементарного схизмогенеза между Западной и Центральной Европой, когда слабый приспосабливается к нормам, устанавливаемым сильным, к симметричному схизмогенезу, при котором попытка установления новых норм поведения (декадентства 1890-х или «бешеных 1920-х гг.») вызывает растущее сопротивление. В этих условиях возникают рессентимент, негативная идентичность и потребность аутсайдера бросить вызов истеблишменту. Н. Элиас описал подобную ситуацию в Германии 1871–1918 гг., когда особую ценность на индивидуальном уровне приобрела способность бюргера вызвать на дуэль дворянина, так чтобы тот был вынужден принять вызов (*satisfaktionsfähigkeit*) и признал тем самым их

³⁹ Бауман 2019:17.

⁴⁰ Морозов 2009:125, 171, 297, 309, 311 и др.

⁴¹ Coker 2019: 18, 64; Ионов 2007: 200–204, 245–251, 298, 327–338.

⁴² Элиас 2001: 308–309, 313.

равенство. Проекцией такого поведения на международные отношения было «ничем не сдерживаемое обращение к насилию как единственному и реалистичному и действенному способу вести политику»⁴³.

Однако внутриевропейские цивилизационные альтернативы интересуют Кокера не слишком. Он ищет их прежде всего на Дальнем Востоке. Первым цивилизационным государством Кокер поэтому называет даже не Россию, хотя и именует ее «вечным Иным» Запада⁴⁴, а имперскую Японию 1930-х гг., как географически, лингвистически и цивилизационно удаленную страну. Это связано с его попыткой выделить цивилизационные государства как продукты идеологии культурного дарвинизма, позволяющего описывать цивилизации в терминах консолидированных групп, противостоящих определенному противнику. Представления о них имеют разный характер, порой эссенциалистский (органическая структура, система ценностей), порой семиотический (дискурс), порой геополитический. Кокер акцентировал среди форм цивилизационного самосознания и самоанализа такие конституирующие мифы, научные и метафизические околонучные теории, как гено-культурная коэволюция, невозможность кросс-культурного диалога из-за разницы языков, генная адаптация к определенной географической среде. Отношение к ним автора двойное, он видит в ряде из них полезное знание (об усвоении разными народами лактозы), а в других (таких как псевдоморфоз) импульс, способствующий мышлению. Интересно, что среди факторов групповой гармонии политолог выделяет не столько единомыслие (ортодоксию), сколько «единодействие» (ортопраксию). Это подкрепляет описание Н. Элиасом ситуации в Германии, в центре которой — поведенческая унификация. В цивилизационном сознании ортопраксия рассматривается как следствие групповой ментальности («менталитет»), не подкрепленное конкретным материалом истории или этнологии, но прочно вошедшее в культурную традицию⁴⁵.

Характерно, что Кокера не интересует период, когда в эпоху Мейдзи на островах в массовом масштабе насильственно насаждались нормы и обычаи западной цивилизации («публичное культивирование цивилизации посредством государственной политики»). Он соответствует эпохе Просвещения в Германии. Тогда низвержение старых норм в Японии рассматривалось как возвращение к нормальной жизни. Но уже в начале XX в. общество оказалось атомизировано и ввергнуто в состояние аномии. Органы, посредством которых осуществлялась политика цивилизации поведения, приобрели тоталитарную силу («Бюро по контролю за мыслями»). При их помощи и под лозунгом дальнейшего движения к цивилизации произошел поворот от американизации по-

⁴³ Даннинг, Меннел 2012; Ионов 2019: 308–309; Ионов 2021.

⁴⁴ Coker 2019: 58.

⁴⁵ Ibid: 71, 84–85, 88–89.

ведения к милитаризации государства⁴⁶. Кокер полагал, что целью Революции Мейдзи было не преобразование, а сохранение культурного наследия. Но он признавал утрату японцами самоуважения, предшествующую приходу милитаризма. Результатом было резкое усиление роли государства, культ микадо, готовности умереть за родину и императора. Характерно, что первый удар Японии нанесла по китайской и вообще азиатской традиции, идентичность с которой японцы отказывались более признавать, и только потом по западной традиции и авторитету США, который завершился вступлением во Вторую мировую войну. Идеал нации был отвергнут как западный. В 1943 г. на совещании, призванном спасти японскую цивилизацию, велись споры о мерах и масштабах «преодоления модернити» как западного изобретения или «продолжения модернизации» для выведения страны на более высокий уровень развития, причем обсуждался вопрос об использовании или запрещении западной науки как опустошающей душу народа. Несмотря на послевоенное превращение страны из цивилизационного в демократическое государство, эти вопросы отчасти остаются актуальными⁴⁷.

Образцом цивилизационного государства Кокер считал Китай, который рассматривал сквозь призму описания Чжана Вейвея. Это страна, в центре задач которой – сохранение государственности как основы цивилизации, а в центре исторического сознания – память о «веке унижения» в XIX в., которая закрепляет негативный образ Запада, как угрозу подрыва «культурной безопасности». В историческом сознании господствуют «прочные» варианты времени: этернализм – в отношении «вечных культурных ценностей», и девелопментальный историзм – в том, что касается социально-экономического развития Китая. Они связаны с возвращением к неоконфуцианству, преследуемому при Мао Цзедуне. Соединяя идеи коммунизма и Конфуция, Китай провозглашает ценности миролюбия, антиэкспансионизма, антиимпериализма. Соединение идеалов традиции и модернизации порождает отмеченные С. Жижekom противоречия: деятельность коммунистов является единственной гарантией сохранения капитализма, атеизм – гарантией свободы верований, агрессивный индивидуализм на рынке – гарантией социальной гармонии⁴⁸. Но даже этот классический образец далек от идеала – совокупности цивилизационных, гуманистических компетенций, которые могут служить универсальным критерием цивилизованности. Претензия на звание цивилизации, по Кокеру, не всегда соответствует реальным возможностям страны или региона в условиях, когда понятие «прогресс» сводится к отсутствию регресса. Но это относится не только к Китаю, но также к Западу и всему глобальному миру⁴⁹.

⁴⁶ Howell 2005:135-140, 154-157.

⁴⁷ Coker 2019: 89-92.

⁴⁸ Ibid.: 93-105.

⁴⁹ Ibid. 171.

***

В завершение отметим, что феномен цивилизационного государства остается слабо изученным и рассматривается довольно односторонне, с альтернативных познавательных позиций, обусловленных местными проблемами идеологической борьбы, мешающими увидеть явление целиком. Взгляды Чжан Вейвэй и Кр. Кокера во многом определяются преодолением неприятия ценностей конфуцианства в маоистском Китае и цивилизационной самоидентификации незападного мира как антилиберальной мифологии в рамках глобализма и постмодернизма. Они опираются на признание соответствующих ошибок⁵⁰. Отсюда разные темпоральные перспективы: этернализм вперемежку с девелоппментальным историзмом и идеологическим презентизмом у Чжан Вейвэй и представление о зыбкости времени, радикальный историзм и критический презентизм у Кокера. Однако ситуацию дискурсивной гегемонии и рождения контргегемонии нельзя рассмотреть только с одной стороны. При этом упускается ее интерактивный и интерпретативный характер⁵¹. Общий взгляд дает только выход на анализ коммуникативной ситуации, как она представлена у Н. Элиаса и Г. Бейтсона. Речь идет о росте роли государства в период экономического возвышения мировых аутсайдеров, преодолевающих наследие асимметричной коммуникации. Отсюда повышенный интерес к проблемам политического и культурного суверенитета, парадоксальным образом сохраняющий вовлеченность в дискурсивную гегемонию, правда, в форме контргегемонии. Тем не менее характерна привязка к терминам, оформляющим гегемонию, таким как «цивилизация», изначально приспособленным для выражения дискурсивного доминирования. Симметричность схизмогенеза только поддерживает отношения гегемонии, так как не делает коммуникацию реципрокной, в которой стороны находятся в равном диалоге. Она воспроизводит логику бинарной оппозиции, не дает выхода на игру с ненулевой суммой, несмотря на холистские претензии акторов, таких как Чжан Вейвэй или Кокер. Тем не менее, ситуация цивилизационного государства закрепляет за ним право на суверенное высказывание, которое порой парадоксально, а порой и насильственно взламывает монологические отношения в международных отношениях, заставляющие ставить вопросы типа «Могут ли азиаты мыслить?». Надо понимать, что таким образом вскрывается лишь один из слоев кризиса, патологических изменений в современной межкультурной коммуникации. В этом смысле с Кр. Кокером нельзя не согласиться. Идея цивилизации еще долго будет оставаться в центре научных и идеологических споров, а изучение цивилизационных государств требует конкретизации.

⁵⁰ Zhan Weiwei 2012: 57; Coker 2019: 10, 171.

⁵¹ Вацлавик, Бивин, Джексон 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019 [Bauman Z. Retrotopiya. M.: VCIOM, 2019].
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000 [Watzlawik P., Bivin J., Jackson D. Psihologiya mezlichnostnyh kommunikacij. Spb.: Rech', 2000].
- Данинг Э., Меннел С. Элиас о Германии, нацизме и Холокосте: о балансе цивилизации и децивилизации в социальном развитии Западной Европы // Гефтер. 2012. 31 октября. [Danning E., Mennel S. Elias o Germanii, nacizme i Holokoste: o balanse civilizacii i decivilizacii v social'nom razvitii Zapadnoj Evropy // Gefter. 2012. 31 oktyabrya]. URL: <http://gefter.ru/archive/6627>.
- Ионов И.Н. Цивилизационные представления в культурном трансфере // Цивилизации. Вып. 12: Трансферы в истории и теории цивилизаций. М.: Наука, 2021. С. 41–74. [Ionov I. Civilizaciiionnye predstavleniya v kul'turnom transfere // Civilizacii. Vyp. 12: Transfery v istorii i teorii civilizacij / Red. O.V. Vorob'eva. M.: Nauka, 2021. S. 41-74].
- Ионов И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории // Диалог со временем. 2021. Вып. 75. С. 20–36. [Ionov I.N. Korrekciya temporal'nogo rezhima i problemu teorii istorii // Dialog so vremenem. 2021. Vyp. 75. S. 20-36].
- Ионов И.Н. «Процесс цивилизации»: унификация поведения и диверсификация идентичностей // Феномен унификации в истории / Ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 301–320. [Ionov I.N. «Process civilizacii»: unifikaciya povedeniya i diversifikaciya identichnostej // Fenomen unifikacii v istorii / Red. E.N. Kirillova. M.: IVI RAN, 2019. S. 301-320].
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Ред. Л.П. Репина. М.: Наука, 2007 [Ionov I.N. Civilizaciiionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodejstviya / Red. L.P. Repina. M.: Nauka, 2007].
- Ионов И.Н. Проблема цивилизации во французском историческом журнале «Анналы» в 1930–1980-х годах // Современные теории цивилизаций. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 79–92. [Ionov I.N. Problema civilizacij vo francuzskom istoricheskom zhurnale «Annales» v 1930-1980-h godah // Sovremennye teorii civilizacij. M.: IVI RAN, 1995. S. 79-92].
- Истомина О.Б. Основы российской государственности: учебно-методическое пособие. Иркутск: Аспринт, 2023. [Istomina O.B. Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: uchebno-metodicheskoe posobie. Irkutsk: Asprint, 2023].
- Комлева В.В. Китайская цивилизация: факторы динамики // Россия и мир: научный диалог. Март 2022. № 1(3). С. 84–91. [Komleva V.V. Kitajskaya civilizaciya: faktory dinamiki // Rossiya i mir: nauchnyj dialog. Mart 2022. № 1(3). S. 84-91].
- Лурье С.В. Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 5–12. [Lur'e S.V. Tradiciologiya E.S. Markaryana: otlichie ot zarubezhnyh teorij tradicii // Kul'tura i obrazovanie. 2015. № 4 (19). S. 5-12].
- Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96. [Markaryan E. S. Uzlovye problemy teorii kul'turnoj tradicii // Sovetskaya etnografiya. 1981. № 2. S. 78-96].
- Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 656 с. [Morozov V.E. Rossiya i drugie. Identichnost' i granicy politicheskogo soobshchestva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 656 s.]
- Олейников А.А. Время истории // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 5–30. [Olejnikov A.A. Vremya istorii // Logos. 2021. T. 31. № 4. S. 5-30].
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000 [Sorokin P. Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij / SPb.: RHGI, 2000].
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, Культура; СПб.: Ювента. 1996 [Toynbee A.J. Civilizaciya pered sudom istorii. M.: Progress, Kul'tura; SPb.: YUventa. 1996].
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. [Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek. M.: AST, 2010].
- Хаджиева Г.У. Теоретические аспекты изучения китайской модели социально-экономической модернизации // Вестник Казахского национального университета. Серия экономическая. Т. 108. Вып. 2/1. 2016. [Hadzhieva G.U. Teoreticheskie aspekty izucheniya kitajskoj modeli social'no-ekonomicheskoy modernizacii // Vestnik Kazahskogo

- nacional'nogo universiteta. Seriya ekonomicheskaya. T. 108. Vyp. 2/1. 2016.] URL: <https://articlekz.com/article/15312>.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. Т. 2. М.-СПб.: Университетская книга, 2001 [Elias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. V 2 t. T.2. M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 2001].
- Arnason J. The Cultural Turn and the Civilizational Approach // *European Journal for Social Theory*. March 2010. № 13(1). P. 67–82.
- Bettizza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a «Civilizational Politics» Line of Research // *International Studies Review*. 2014. № 16. P. 1-28.
- Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London, New York: Routledge, 1994. 285 p.
- Castro-Gómez S. The Missing Chapter of Empire: Postmodern Reorganization of Coloniality and Post-Fordist Capitalism // *Cultural Studies*. March/May 2007. Vol. 21. № 2-3. P. 428–448.
- Coker Ch. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019.
- Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. Winter 2000. Vol. 129. №1. P. 1–29.
- Guang Xia. China as a «Civilization-State»: A Historical and Comparative Interpretation // *Yang Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 140. P. 43–47. URL: <https://www.researchgate.net/publication/275543805>
- Howell D.L. *Geographies of Identity in Nineteenth-Century Japan*. Berkeley, CA: University of California Press, 2005.
- Jacques M. Civilization State versus Nation-State // *Sueddeutsche Zeitung*, 15.10.2011. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/>
- Jacques M. *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Penguin Books Ltd, 2009.
- Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // *The Russian Review*. 2016. Vol. 75. № 4. P. 604-625.
- Mahbubani, K. *Can Asians Think? Understanding the Divide between East and West*. Hanover, NH: Steerforth Press, 2002.
- Ramo J.C. *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Center, 2004.
- Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / Ed. K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020.
- Zhang Weiwei. *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012.

Ионов Игорь Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; cih@igh.ras.ru

The Civilizational State: a Clash of Interpretations

The article compares and analyzes two main factors to the problem of a civilizational state, which are becoming increasingly relevant due to the spread of these concepts in the self-identification of the peoples of China, India, Russia, Iran, etc. The balanced positions of the books of the Chinese political scientist Zhang Weiwei and English political scientist Ch. Coker distinguish these approaches. To expand the fields of interpretation, works on the history of the «the civilizing process» of N. Elias and his school, the sociology of culture by P. Sorokin, the theory of schismogenesis by G. Bateson, etc. were used. The analysis of these works is carried out in the context of intellectual history, a transition is made from a presentation of modern practices in using the concept of «civilizational state» to an analysis of the history of the idea of «political civilization» in Western Europe as hegemonic and the building of counter-hegemonies in relation to it in Germany, Japan and China. It reveals the logic of transition of the unification of cultures into their diversification, the formation of binary oppositions, which allows the formation of alternative images of civilizational states based on symmetrical schismogenesis. They are served by transformations in temporal ideas, in particular the ideas of «solid» time, teleological presentism and retrotopia.

Key words: *civilizational state, state-civilization, tradition, discursive hegemony, counter-hegemony, schismogenesis, «solid» time, presentism, retrotopia.*

Igor Ionov, Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Historical and Theoretical Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; cih@igh.ras.ru

О.В. ВОРОБЬЕВА

«ОН ПОРАЗИЛ МЕНЯ С СИЛОЙ ОТКРОВЕНИЯ» БЕРГСОНИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.ДЖ. ТОЙНБИ

Статья посвящена проблеме влияния комплекса идей А. Бергсона на творчество А. Тойнби, особенно на его «Постижение истории». Характеризуется ситуация знакомства Тойнби с идеями французского философа и показывается сходство их человеческих судеб. Выявляются сходные интеллектуальные и духовные основания воззрений Бергсона и Тойнби. Характеризуются красугольные камни бергсонизма Тойнби, в том числе влияние виталистской концепции Бергсона на философию истории и теорию цивилизаций А. Тойнби. Подчеркивается творческое развитие Тойнби идей французского философа, стремление применить бергсонские идеи к историографии, что привело к синкретизму мировоззренческих установок Тойнби, нашедших отражение и в его методологической доктрине.

Ключевые слова: А. Тойнби, А. Бергсон, «жизненный порыв», «творческое меньшинство», «вызов-и-ответ», этерификация, интуитивизм, номадизм.

Среди основных интеллектуальных влияний, питавших главный труд А. Тойнби «Постижение истории», как правило, называют классические и библейские тексты, а также теорию цивилизаций О. Шпенглера. Роль Бергсона в этом контексте за редким исключением¹ остается проигнорированной, неразгаданной или, напротив, бездоказательно утверждаемой. Нападки на Тойнби со стороны большинства его критиков, особенно традиционного толка, были сделаны без учета этого компонента в его подходе к изучению истории. Между тем, факт серьезного влияния Бергсона на Тойнби был зафиксирован еще в одной из самых ранних критических статей, посвященных творчеству британского историка. Так, Тангье Лин сравнил бергсонизм со своего рода цветным маркером, который окрасил и направление развития мысли, и ценностные ориентиры историка, и даже стиль изложения². И это действительно так. Несмотря на то, что прямые ссылки на Бергсона нечасто встречаются на страницах «Постижения истории», философия история Тойнби оказалась буквально пропитанной идеями Бергсона, ставшими важнейшими структурирующими элементами тойнбианского сознания. А предложенный им подход – новаторской попыткой (и весьма успешной) применения бергсонских представлений к изучению истории³.

---

¹ См., напр.: Peterson 1955; Karos 2019; Рашковский 2009. В 1958 г. в Серизи-ла-Саль во Франции состоялся коллоквиум, посвященный творчеству Тойнби. В некоторых вступительных замечаниях к нему Морис Крубель указал на важность влияния Бергсона на работу Тойнби. – Crubellier 1961: 13.

² Lean 1947. Перепечатано: Toynbee and History. 1956: 13.

³ Прямое цитирование Бергсона встречается в «Постижении истории» не очень часто, например, в I томе он приводит две цитаты на «Творческую эволюцию», в III – несколько цитат на «Два источника морали...», хотя при внимательном чтении возникает ощущение, что Тойнби присваивает целые разделы философии Бергсона. Ноако, как будет показано, это не заимствование, а творческое усвоение и переработка.

Будь это обстоятельство вовремя понято и по достоинству оценено, возможно, отношение профессионального сообщества к философии истории А. Тойнби было бы несколько иным.

При попытке восполнить эту лакуну мое внимание привлекла не только степень влияния Бергсона на Тойнби, но и в определенной мере сходство их судеб. Анри Бергсон учился в *École Normale Supérieure*, где, как и Тойнби в Оксфорде, получил классическое образование и приобрел известность именно как эллинист⁴. Позже он поступил в Парижский университет, где получил степень доктора философии. По его окончании был назначен на кафедру греческой и латинской философии в Колледже-де-Франс⁵. С 1921 по 1925 г. Бергсон был президентом Международной комиссии по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций. А. Тойнби, после того как потерял свою должность в университете, тоже был приглашен на работу в это учреждение, но в результате остановился на предложении, сделанном ему Дж. Хэдлэм-Морли, а именно в комитете по исследованиям Британского (с 1926 – Королевского) института международных отношений (известного как Чатем-Хаус). В любом случае, в этом качестве на протяжении многих лет он, как и Бергсон, окажется глубоко погруженным в мир текущей политики. Показательно, что оба мыслителя при помощи своей метафизики пытались воздействовать на сферу международных отношений. Несмотря на преданность собственным правительствам, оба мечтали об открытости суверенных государств единому сообществу наций⁶. Таким образом, не являясь политическими деятелями, оба мыслителя были значимыми общественно-политическими фигурами и мечтали о будущем человечества на сходных интеллектуальных и духовных основаниях.

Почему это сходство практически не нашло отражения в тех многочисленных дискуссиях, в которых обсуждалось творчество британского историка? Можно предположить, что в определенной степени это было связано с плохой репутацией философии Бергсона в Британии, обеспеченной ему Б. Расселом. Близкое знакомство английского читателя с творчеством Бергсона состоялось в 1911 г., когда одновременно с переводами его трудов на английский язык вышли две посвященные его творчеству книги британских авторов – «Анри Бергсон: философия перемен» Г.У. Карра⁷ и «Философия Бергсона» А.Д. Линдсея⁸. Но уже в 1912 г. в журнале *The Monist* появился критический отзыв Б. Рассела⁹, переработанный впоследствии в главу 28 его знаменитой «Истории за-

⁴ Ruhe, Paul 1914: 3. по окончании Оксфордского университета Тойнби получил должность профессора греческой и византийской истории, языка и литературы в Королевском колледже. См. Воробьева 2014: 773–842.

⁵ Kennedy 1987: 21.

⁶ Kapos 2019: 93; Jones 2002: 61; Survey of International Affairs 1935, II: 79; 1937, I: 6. Toynbee 1939, IV: 208–209; VI: 292, 293.

⁷ Carr 1911.

⁸ Lindsay 1911.

⁹ Russell 1912.

падной философии»¹⁰. Отсутствие ответа Бергсона на критику лишь укрепило Рассела (а возможно, и его читателей) в мысли о том, что его идеи не имеют ничего общего ни с философией, ни с наукой. В результате основания тойнбианского подхода к историографии в большинстве своем остались непонятыми историками. Справедливости ради, следует отметить, что осуществляемое Бергсоном возрождение метафизики было противоположно тенденциям, на тот момент господствовавшим в британской интеллектуальной культуре. По этой причине и Тойнби казался для английской историографии *аномальным* мыслителем.

Определенные трудности в понимании идей Бергсона, а вместе с ними и Тойнби, были связаны и с запретом на публикацию архивных материалов, наложенным Бергсоном еще при жизни. В своем завещании он наложил вето на посмертное издание и распространение многих своих сочинений и любых неотредактированных текстов. В итоге, после его смерти многие бумаги были уничтожены. Сегодня архивы Бергсона в Париже (хранящиеся в Библиотеке Жака Дусе) содержат только личную библиотеку мыслителя. Лишь некоторые архивные материалы, касающиеся деятельности Бергсона в качестве политической фигуры, хранятся в Министерстве иностранных дел Франции, библиотеке Колумбийского университета, библиотеке Конгресса США, библиотеке Йельского университета, наконец, в *Service historique de la Défense* – архивном центре Министерства обороны и вооруженных сил Франции¹¹ и, наконец, в архиве ЮНЕСКО. Часть этих материалов впоследствии была воспроизведена в сборнике *Melanges*¹² и с тех пор не переиздавалась. Отсутствие архивных материалов – одна из причин, по которой осмысление творчества Бергсона как единого и развивающегося комплекса идей оказалось затруднено и отсрочено. Существуют не только различные интерпретации философии Бергсона, но и путаница, и неправильное восприятие. Лишь в последние годы стали появляться публикации, демонстрирующие новаторский характер бергсонских идей¹³.

А. Тойнби познакомился с Бергсоном еще во время обучения в Оксфорде. Его проводником в мир бергсонских идей оказался уже упомянутый выше философ А. Линдсей, автор книги о Бергсоне и один из наставников Тойнби. Книга вышла в 1911 г., но, судя по всему, усвоение бергсонских идей происходило на протяжении всего университетского периода, в том числе при личном общении с А. Линдсеем¹⁴. Об этом свидетельствует, в частности, небольшое эссе «Механизация: про-

¹⁰ Первое издание «Истории западной философии» Б. Рассела увидело свет в 1945 г. – Russell 1945.

¹¹ Исчерпывающую библиографию можно найти в: Gunter 1974.

¹² *Melanges* 1972.

¹³ См. например: Deleuze 2004; Блауберг 2006.

¹⁴ Между 1907 и 1916 гг. Тойнби стал близким другом и даже протеже Линдсея. – McNeill, 1989: 25. Впоследствии их пути разошлись, причем настолько, что в 10 томе, указывая авторов, оказавших влияние на его мировоззрение, Тойнби ни разу не упоминает своего наставника.

блема дуализма», написанное Тойнби в университетские годы. Эта философская по своей сути работа начинается словами: *«Весь универсум – мое сознание, тело, моя безопасная бритва – все это механизм, и парадокс его заключается в присутствии во всем этом. Он находит отражение в двух планах бытия... Жизнь, которую мы знаем, потому что это мы сами, и то, другое, которое мы не знаем, потому что это не мы, но то, что окружает Жизнь и является объектом для деятельности»*¹⁵. Тойнби пишет о борьбе этих двух начал бытия, сравнивая ее с борьбой двух борцов, в которой любой успех Жизни оборачивается поражением Механизации, и наоборот. В процессе осознания себя Жизнь лишает себя жизненной силы: язык становится машиной посредством грамматики, мораль окостеневает в законе и традиции в результате механической формализации, происходящей под влиянием разнообразных обстоятельств. После тридцати шести рукописных страниц рассуждений в подобном духе следовал вывод, что этот «комплексный, трагический, дуалистический Мир и есть единственная Реальность»¹⁶.

Наличие в этих рассуждениях бергсониянской критики механистической биологии, изложенной «Творческой эволюции» (1907), очевидно даже при поверхностном чтении. Бергсон утверждал, что специфический признак всего живого – самопроизвольность, не подчиняющаяся никаким причинно-следственным зависимостям, т. е. человеку как живому существу не задана никакая жизненная программа, более того, ему самой судьбой вменено в обязанность искать и творить новые формы жизни. Все, фиксируемое в качестве норм, принципов или законов, есть не что иное, как результат прохождения *“élan vital”* – «жизненного порыва» (потребности творчества) через материю. Из такого понимания реальности следовал вывод, что для соприкосновения с Жизнью недостаточно научных конструкций или понятий, поскольку все они из «другого» опыта, зависят от выбранной системы координат, точки зрения, ракурса рассмотрения, а потому всегда относительны¹⁷. Отсюда – недостаточность рациональных усилий в процессе познания Жизни. Фокусировка аналитического метода на общем, а не своеобразном, приводит к тому, что он скользит по поверхности и потому не способен проникнуть в суть вещей, открыть полноту бытия. Из частей нельзя собрать органическое целое и, стало быть, нельзя его постичь. Для этого требуется умственная эмпатия, познающая бытие как целостность, которую Бергсон называет интуицией. Интуиция – это непонятливое понимание, прямая причастность к объекту мысли. Она – и озарение, и одновременно направленное усилие, обращенное к собственному познанию. И только она дает ту самую полноту, которая недоступна эмпиризму. С интуицией, по Бергсону, тесно связана и процедура воображения, функцией которой является не увод в мир вымысла, а показ, возможность увидеть.

¹⁵ Toynbee, Juvenilia (b).

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ См.: Кузьмина 2004.

«Воображать – это не то же самое, что вспоминать. Конечно, воспоминание, по мере того как оно актуализируется, стремится ожить в образе, но обратное неверно: просто образ, образ как таковой, не соотнесет меня с прошлым, если только я не отправлюсь в прошлое на его поиски, проследживая тем самым то непрерывное поступательное движение, которое привело его от темноты к свету»¹⁸.

Любопытным в плане влияния Бергсона на формирование Тойнби как историка является также прочитанное им в последний год обучения в университете эссе *«Что делает историк»*¹⁹. Оно начинается с обоснования роли воображения, которое высвечивает некоторые детали прошлого, но затем выходит на проблему различия истории и искусства, которые наряду с общим (*«деятельность воображения и в том, и в другом случае находятся под влиянием опыта»*) все же имеют значительные отличия. Художник просто проецирует свое настоящее – как на прошлое, так и на будущее, и создает нечто, что является лишь частью его собственного мира. Целью же историка является именно прошлое, и воображение для него – не цель, а средство, которое помогает, в первую очередь, видеть различия и вариативность, а не сходства.

За это неумение видеть различия Тойнби критикует не только художественное, но и естественнонаучное («рациональное») познание прошлого. Математический подход, впервые постулированный Спинозой, допускает, с его точки зрения, ту же фундаментальную ошибку, что и художественный, предполагая, что человеческая природа является исторической константой, и эта неизменная природа заставляет людей вести себя подобным образом, когда они окажутся в аналогичных ситуациях. *«Если знаешь точки на кривой, то можешь найти уравнение, нарисовать график и затем расширить известные секции кривой настолько дальше, насколько тебе нужно. Некоторые защитники такого применения математики к истории полагают, что если можно сконструировать комплексную и исчерпывающую формулу для контента некоторой части человеческой истории – временной промежутков которого охватывает половину столетия или полсекунды – то можно вывести формулу истории самой по себе, и это знание можно расширять бесконечно в прошлое и будущее»*. На самом деле, не соглашается Тойнби, при очевидности сходств различия все же более значительны. *«Вся природа схожа, но сходство имеет степени. <...> логика дикаря и логика рационалиста абсолютно различны»*.

Не привлекает Тойнби и позиция, предложенная современной ему социологией, подчеркивавшей повторяемость явлений в ущерб различиям: *«Человеческая история жива и органична, поэтому и закон, который ее наполняет, безусловно, тоже должен быть живым и органичным. Отсюда вывод: «Разум не может ни схватить изменения, ни объяснить их. Изменение остается упрямо иррациональным, непонят-*

¹⁸ Бергсон 1992: 245.

¹⁹ Toynbee, Juvenilia (c).

ным, немислимым и в то же время упрямо реальным». Но что делать, если ни воображения, ни разума недостаточно, чтобы объяснить изменение, которое находится в центре реальности? Историк, заключает Тойнби, «конечно, классифицирует факты и размышляет о них, анализирует и реконструирует. ... Но как мне кажется, это только прелюдия. Она имеет такое же отношение к реальной работе историка, как пассы, которые гипнотизер проделывает над пациентом. Это предварительные очищения к видению, которые даются ему в акте инициации. Историк должен иметь **второе зрение, которое называется интуицией**» (выделено мной – О.В.).

Однако заслуга Линдсея состояла не только в том, что он познакомил Тойнби с Бергсоном, но и в том, что он предположил продуктивность бергсоновских принципов познания Жизни для исторического познания²⁰. Отметив особенности исторического метода, являющегося «больше, чем наукой», коренящегося в «гении историка» и выполняющего синтез, «для которого нет правил»²¹, Линдсей сравнил историю с искусством. А поскольку интуицию, как и искусство, «интересует только ее собственный объект», она подразумевает сопереживание, «по крайней мере, в том смысле, что она озабочена познанием вещей в их собственной природе»²². Линдсей лишь пунктирно обозначил возможности применения интуиции к историографии, но на Тойнби это оказало революционное воздействие. Как отмечал он сам, философия Бергсона воздействовала на его интеллектуальный мир «с силой откровения»²³.

Причина подобной реакции крылась в том, что большинство английских историков, занимавшихся конкретно-историческими исследованиями, в то время мало интересовались теоретическими проблемами исторического познания. Позитивизм и механико-механистическая картина мира и познания в умах большинства британских историков были господствующими. Неудовлетворенность Бергсона подобным положением дел и протест против него увлекали Тойнби, как может увлечь бегство из тесной каморки на свежий воздух. Высказываемые Бергсоном идеи были современными и одновременно являлись критикой современности, движением вперед. Традиционный академический дискурс больше не устраивал, т. к. не позволял адекватно интерпретировать поступающие в историческую науку новые данные. А попытка Бергсона восстановить в правах метафизику завораживала своей сложностью и *беспокойным* взглядом на мир. Проблема заключалась в том, что она была чисто философским осмыслением истории, Тойнби же хотелось связать ее со всем богатством исторического процесса, т. е. поговорить о ней на языке истории. Тойнби не задумывался о том, что, по сути, это означает одновременный разговор на двух разных научных языках, что в прин-

²⁰ Lindsay 1911: 239.

²¹ Ibid. 240.

²² Ibid. 236.

²³ См. об этом: Toynbee 1934, III: 382. См. также: Lean 1956: 13.

ципе невозможно и неизбежно должно было породить нестыковки в самой концепции и методологии.

«Социальный ученый» vs «студент жизни»

Известно, что, приступая в 1927 г. к написанию своего главного труда, Тойнби имел незавершенное представление о концепции истории, которую мы знаем как тойнбианскую. Лишь последовательное разворачивание текста и знакомство с новыми книгами, в том числе с последней крупной работой Бергсона «Два источника морали...» (1932), позволили ему достроить ее до итогового результата. Это хорошо заметно при сравнении первых и последующих томов «Постижения истории». Примечательны в данном случае две метафоры, которые Тойнби примеряет по отношению к себе как к исследователю, – «социальный ученый» и «студент жизни»²⁴. В первых томах антитеза между ними – едва заметный и запутанный мотив²⁵, потому что наряду с критикой внедрения естественнонаучных методов в историческое познание, представленной в самом начале «Постижения истории», на протяжении всего I тома Тойнби пытается развивать и даже защищать тот самый научный метод. Однако по мере того, как он теряет уверенность в способности историков формулировать законы, он все больше превращается в «студента жизни». И это не просто метафора – это кредо, которое он отныне последовательно реализует, разделяя с Бергсоном его недовольство научной традицией.

Это недовольство усиливалось опорой на идеи других философов жизни, в частности У. Дильтея, ссыла на которого появляется в VII томе, где Тойнби говорит о разнице в методологиях естественных и гуманитарных наук и, в частности, о мысли, которая осознается Жизнью, а не неживой природой. Однако следовать он все же собирается не за радикально разводящим разные способы познания Дильтеем, а за Бергсоном. Преимущество позиции Бергсона состояло в том, что он предпочитал мыслить не только изнутри человеческого опыта, но и в биологических (научных) терминах. Тойнби импонировал этот компонент его концепции: вслед за Бергсоном он считал научный метод валидным, хотя и не способным полностью постичь мистику жизни. Иными словами, при всем акценте на специфике Жизни, эта позиция не выглядела как полный отказ от «старого английского эмпиризма».

Можно предположить, что именно интуитивизм Бергсона подтолкнул Тойнби к поиску ответа на вопрос, который он будет искать всю жизнь, – о способах достижения такого исторического синтеза. Для

²⁴ В английском языке слово «student» имеет несколько значений, одно из них – тот, кто постоянно занимается изучением какого-то предмета.

²⁵ Тойнби критикует попытки адаптировать западную научную мысль к изучению истории, что неизбежно ведет к позитивизму и, вместе с тем, подчеркивает, что, если историки хотят различать «очертания некоторой неизменной формы в прежних событиях» и преодолевать «мерцание относительности», они неизбежно должны являться «социальными учеными», а стало быть, формулировать законы.

этого он попытался отойти от неокантианского деления наук как двух разных методов познания, т. к. в обоих случаях есть познающий субъект, который мыслит при помощи одних и тех же категорий рассудка. Ибо если отбросить метод анализа, который используется при изучении явлений природы, то история вообще остается без метода. *«Мы должны опираться на разум, но думая о его границах»*²⁶.

Эти границы, с его точки зрения, заключаются, в том числе, в том, что разум отвечает за элементы повторяемости, в то время как интуиция занимается уникальным. *«Трещина, выявившаяся в моей системе, соответствует, как мне кажется, неизбежному делению Реальности в человеческом разуме на повторяемость, которая интеллигибельна, и неповторяемость, которая не может быть выражена с помощью категорий рассудка, и единственное, что мы можем сказать о ней, это то, что она уникальна. Если мы устанавливаем нашу мысленную панораму, обходя молчанием оба из этих элементов под предлогом того, что мы не можем допустить их сосуществования, т. к. они логически несовместимы, то мы полагаемся на логику ценой отказа от того, что мы знаем из опыта»*²⁷.

Здесь важно отметить, что, допуская интуицию в историческое исследование, Тойнби отводит ей не только инструментальную, но и концептуальную роль. Интуиция нужна не только для того, чтобы постигать Жизнь во всей ее полноте²⁸, но и для раздвигания границ «интеллигибельного поля исследования» за пределы нации, на уровень всей (глобальной) истории²⁹. В то время как масштабы науки, призванной представить средства проверки подсказок, схваченных интуицией, могут быть как глобальными, так и локальными.

Разделяя желание Бергсона понять историю как целое, Тойнби не мог не ощущать, что бергсоновское прочтение истории было сугубо философским, теоретическим. И хотя на протяжении всей «Творческой эволюции» Бергсон подчеркивал неправильность сведения живой жизни к философской абстракции, даже несмотря на то, что она сама ведет нас от фактов к сквозным смыслам, от хронологического – к логическому,

²⁶ Toynbee 1961, XII: 12–13.

²⁷ Ibid. P. 650.

²⁸ Первая ссылка на Бергсона, которая появляется в I томе, именно об этом: «Возможно, следует согласиться с Бергсоном, который утверждал, что наш интеллект обладает свойством схватывать отдельные проявления физической природы в формах, пригодных для последующего осуществления действий. Однако даже если в этом заключается оригинальная структура человеческого ума и другие методы мышления представляются нам неестественными, все же существует человеческая способность, на которую также обратил внимание Бергсон, – смотреть на мир не как на одушевленную природу, а как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни. Это глубинное побуждение охватить и понять целостность Жизни имманентно присуще мышлению историков...» – Toynbee 1934, I: 15. Перевод дан по: Тойнби 1991: 17.

²⁹ Toynbee 1934, I: 15.

от повторов – к единству³⁰, Тойнби настораживали его умозрительные рассуждения, за которыми терялось содержательное и сюжетное богатство истории³¹.

«Метод любого философствования, – рассуждал молодой Тойнби, конспектируя книгу Т.А. Смита, – заключается в том, что все изучается и устанавливается абстрактно в логике.... Ошибка заключается в том, как он [Гегель] соединяет историю, теологию и т. п. с философией. Вся мысль, которую он артикулирует, является одним видом мышления – философией – во всех его проявлениях. Тем не менее, он всегда делает реверанс в сторону фактов, что сохраняет его права в деталях: это есть основная линия применения им основных результатов к частным случаям. Он рассматривает все отличия как поверхностное проявление оппозиций, как противостояние абстрактного и конкретного, и объединяет их в диалектическом методе, не осознавая, что бывают и другие различия. Для него история была реальностью разума, духом и мыслью, никогда не стоящей в стороне от его реального развития. ... Но подходя к реальным факторам истории или природы, он провозглашает их в первом проявлении искажением и обесцвечиванием подлинной интеллигибельной истории. Действительное развитие природы, если есть диалектическое, то это диалектика, которая сошла с ума, результат мысли позади себя»³².

В данной цитате для нас важны не только методологические поиски Тойнби относительно способов достижения исторического синтеза, но и другое: не без влияния Бергсона в сознании Тойнби утверждается такое понимание процесса исторического познания, в ходе которого конструируется не объективная реальность, а познавательный ход, интеллектуальная конструкция, «интеллигибельное поле исследования». Непонимание этой особенности тойнбианской методологии, выразившееся в онтологизации критиками созданных им интеллектуальных конструкторов, стало еще одним источником трудностей в понимании его творчества большей частью современных ему критиков.

В итоге Тойнби создает собственную концепцию человеческой истории в ее глобальном измерении, где каждая цивилизация, изучение которой возможно и научными методами, всплывает в более сложный процесс развития человеческой истории, постижение которой как целостности требует совсем иных средств. В этой перспективе подъем и падение цивилизаций становятся дальнейшим уровнем дифференциации в продолжающихся космологических и эволюционных дифференциациях, составляющих жизненную силу Бергсона. А научное и интуитивное постижение – двумя взаимодополняющими и обогащающими друг друга средствами исторического познания.

³⁰ Бергсон 2001: 60–64.

³¹ Toynbee 1934, I: 226–227, 258.

³² Toynbee, Juvenilia (a).

Виталистская концепция Бергсона в «Постижении истории» А. Тойнби

Свою концепцию всемирной истории Тойнби выстраивает на основании того, что она есть не что иное, как история нескольких волн локальных цивилизаций, движущихся в пространстве и во времени, т. е. наделенных Жизнью. Но в отличие от Шпенглера, который также развивает эту мысль и наделяет цивилизации жизненными циклами, Тойнби – опять же не без влияния Бергсона – отвергает взгляд на исторический процесс как на *вечный* процесс роста и неизбежного упадка и смерти цивилизаций (подобно живому организму). Принципиальное отличие заключается, по крайней мере, в двух моментах.

Во-первых, трактуя вслед за Бергсоном длительность истории как неделимое целое, концепция Тойнби предусматривает элементы накопления прошлого в настоящем, постоянное производство в нем инновационных элементов и интенсивного различия. Благодаря приобщению цивилизаций к этому целому (а по сути – всечеловеческому родовому единству), накопленные смыслы не исчезают, а «прорастают в разных цивилизациях» (Е. Рашковский), приобретая в них разные аспекты и проявления. Во-вторых, процесс развития цивилизаций у Тойнби связан с феноменом «вызова-и-ответа», понимаемого им в духе витализма А. Бергсона. Любой рост цивилизации становится возможным благодаря усилиям и творчеству населения, проявляемым в ответ на внутренние или внешние вызовы. Каждый человек по-разному подвержен различным вызовам и по-своему реагирует на них – бездействуя, терпя поражение или добываясь успеха³³. Большую роль в этом процессе Бергсон отводит действиям великих людей, которые прошли через мистический опыт, суть которого – ощущение сопричастности себя миру, а его итог – возникновение в них «жизненного порыва». Жизненный порыв – это творческое, свободное начало, не поддающееся формализации, он есть усилие, стремление, становление. Его возникновение на определенном этапе развития человека, по мнению Бергсона, было напрямую связано с разумом, который, «имея тенденцию к саморазвитию, вступил в новую фазу»³⁴ и оказался способен преодолевать инерцию, свойственную естественному сопротивлению человека. Но инерция продолжает существовать в принятии любых инноваций со стороны других людей – нетворческого большинства³⁵. Таким образом, от одних требуется усилие, чтобы найти и сотворить что-то новое, от других – чтобы это новое принять. Когда две эти интенции встречаются, общество, по Бергсону, продвигается по пути цивилизации³⁶.

Тойнби принимает идею творческого меньшинства и широко цитирует «Два источника морали...» Бергсона. Он согласен, что каждый

³³ Тойнби 1991: 26.

³⁴ Цит. по: Тойнби 1991: 212.

³⁵ Там же, 256.

³⁶ Там же, 254. См. подробнее: Тоynbee 1934, III: 231.

индивид вбирает в себя всю Вселенную³⁷. Он может включить так много Вселенной, насколько позволяют его мысли и действия. Вселенная есть поле этого действия, но не оно является его инициатором, подчеркивает Тойнби, оно «просто место для действия того, кто собственно это поле и создает, сам им не являясь», – арена, на которой люди могут действовать эффективно. Именно личности, подобные Прометею, вдохновленные жизненным порывом, а не общества, творят человеческую историю, «микрокосм вносит целенаправленное действие в макрокосм»³⁸.

Таким образом, вслед за Бергсоном Тойнби убеждает нас в мысли, что история – это процесс не только самопостижения себя во времени, но и активного взаимодействия человека и времени по преобразованию мира и тем самым самой истории. Именно такое преобразование человеком времени, собственно говоря, и делает историю. И это придает ей двойной лик. С одной стороны, в ней присутствуют элементы повторяемости, механической воспроизводимости и т. п., позволяющие вычленять в ней регулярные закономерности и, стало быть, познавать ее научным языком. С другой стороны – сквозные тенденции и смыслы о предельных основаниях бытия, на фоне которых разворачиваются исторические события. «...от общества к обществу, от цивилизации к цивилизации, от эпохи к эпохе меняются языки, мыслительные приемы, верования, формы социальности и хозяйствования, художественные стили, подчас даже сам характер людских чувствований, — но вот эта самая, по существу мистическая, интуиция человеческого самообретения в Мíре, в Боге и в другом человеке присутствует в той или иной акцентировке и с разной степенью осознанности и интенсивности во всей полноте нашей исторической действительности»³⁹. И если история как регулярность поддается рациональному познанию, то история как драма делает его недостаточным, уступая место интуиции.

Поскольку постижение связи человеческого бытия со Вселенной в потоке истории является не механическим, а творческим процессом, требуя глубокой внутренней работы, оно не может быть триумфальным шествием, проявляясь в истории через периоды кризиса, упадка, беспорядков. Но и они несут в себе важный смысл и ценность. Если полученные в ходе мистического опыта и предлагаемые творческим меньшинством новации не принимаются, происходит конфликт, духовное и социальное отчуждение «медиума», его уход. Мифологема «уход-и-возвращение» возможно тоже появилась в его творчестве не без влияния Бергсона. По крайней мере, во внутреннем плане бергсоновский мистик тоже уходит, чтобы пережить в себе очередной мистический опыт и вернуться с ним к людям. Во внешнем же плане – это движение есть не что иное, как уход от социальной активности и возвращение к

³⁷ Тойнби 1991: 252.

³⁸ «Прометей – мифическая персонификация непрерывного роста, бергсонского “жизненного порыва”». – Там же. 254, 210, 253.

³⁹ Рашковский 2009: 159.

ней. Этот перерыв позволяет творцу развить скрытые силы, найти новые смыслы и преобразиться⁴⁰ и тем самым помочь преодолеть фазы склеротизации общества и его упадка. Тойнби здесь прямо почти не цитирует Бергсона, но, по сути, постоянно обращается к нему. Оба – и Бергсон, и Тойнби – видят постоянный мотив ухода-и-возвращения как аллегорию человеческой жизни.

Таким образом, подход Тойнби к истории строится в постоянной переключке с идеями Бергсона о творческом усилии и преодолении. Эволюция человечества мыслится им как происходящая на крутом горном склоне, покрытом уступами. Заселение уступа равносильно нахождению ниши в окружающей среде. Обитание на нем может продолжаться бесконечно, но иногда возникают особые трудности, которые делают это невозможным. В таких случаях альпиниста побуждают «совершить доселе невиданное усилие». Есть только два варианта: либо вернуться к предыдущему уступу, который требует меньше усилий, либо увеличить усилие и попытаться совершить прыжок на следующий уступ. Так или иначе, выбор должен быть сделан, ибо на горном склоне истории невозможно остановиться и отдохнуть до того, как будет достигнут следующий уступ. Цивилизации являются результатом таких скачков, но тем самым они порождают новые плато и требуют новых, беспрецедентных скачков. Иногда внешний вызов может быть настолько всеобъемлющим, что общества должны полностью обновить свою основу. Однако развитие цивилизации отмечено и рядом внутренних порогов, реакция на которые является не менее определяющей для будущего.

Столь же восприимчив оказывается Тойнби к бергсониианской идее накопления прошлого и длительности в исторических изменениях. Каждый раз, когда порог пройден, происходит трансформация, в которой все элементы перераспределяются и появляются новые структуры. Он объясняет их следующим образом: «...[нить] непрерывности, повторяющийся характер процесса [вызова и ответа] – не пространственный, а суммирующий. Этот процесс... должен быть понят в терминах контроля и организации, как прогрессивное и кумулятивное увеличение как внешнего господства над окружающей средой, так и внутреннего самоопределения или самовыражения со стороны индивида или общества, находящегося в процессе роста»⁴¹. Замедление роста или вообще регресс могут быть связаны не только с неспособностью поддержания его творческим меньшинством (и со временем превращения его в господствующее меньшинство) или нетворческого большинства воспринять предложенные новшества, но и с подменой «реального роста» его субститутами. «Улучшения в технике, сельскохозяйственной или промышленной, мало или вообще не коррелируют с реальным ростом»⁴², – пишет Тойнби. – *Реальный рост должен корениться в интенсивной*

⁴⁰ Тойнби 1991: 267–288.

⁴¹ Toynbee 1934, III: 125, 126.

⁴² Ibid. 364.

основе самого творчества, в способности преодолевать пороги и поддерживать постоянную перестройку, переводя ее на другие, более тонкие, “эфирные” уровни»⁴³. Тойнби называет данный процесс этерификацией – «сдвигом из более низкой сферы бытия в сферу более высокого уровня». На этом уровне вызовы приходят не извне, а рождаются изнутри, «являются ... духовными, а не материальными»⁴⁴.

Следует отметить, что идея этерификации тоже родилась не без влияния Бергсона, о чем он сам сообщает в соответствующем разделе своей книги, приводя пространную цитату Бергсона: «Постепенное восхождение Религии к Богам со все более ясно очерченной личностью и более четко определенными отношениями между собой означает в конечном счете абсорбцию в понятие о некоей единой божественной личности; и это в свою очередь вызывает переход от внешнего представления о Боге к внутреннему, переход Религии от статики к динамике, и этот конверсивный процесс аналогичен тому, что происходит в Чистом Разуме, который постепенно переходит от математики конечных величин к дифференциальному исчислению»⁴⁵.

Тойнби перечисляет различные возможные реакции на неудачи этерификации: архаизм (ностальгия) или футуризм (выдумывание утопий)⁴⁶. Предотвратить распад может только «палингенез», или внутреннее возрождение (регенерация). В противном случае распад может стать еще более сильным, и большинство, для которого цивилизация всегда была тонкой оболочкой, вернется к своим первобытным инстинктам. На грани такого состояния, считает Тойнби вслед за Бергсоном, находится современное западное технологическое общество, отдавшее пальму первенства силе сознательного интеллекта в ущерб силе интуиции. И если Запад не сумеет осуществить этерификацию, его распад, вероятно, не за горами⁴⁷. Эта мысль пройдет рефреном через все творчество позднего Тойнби и породит значительное число критики в его адрес. Большие надежды в позитивном исходе и Тойнби, и Бергсон возлагали на религию, задача которой как раз и состоит в том, чтобы помочь в духовном и нравственном совершенствовании.

Отсюда два типа религии / морали и общества, которые Бергсон подробно описывает в «Двух источниках морали...», – открытые и закрытые. Закрытые общества (и связанные с ними статичные религии) – опираются на кодекс норм и предписаний, обреченный на неподвижность и повторения. Созданные в них успокаивающие и утешающие

⁴³ Тойнби 1991: 238.

⁴⁴ Toynbee 1934, III: 364.

⁴⁵ Цит. по: Тойнби 1991: 239. Формированию его концепции этерификации, могли послужить также Г.Т. Бокль, Л. Хобхауз, Я. Новиков, У.Э. Барнс, Д.Ф. Херд, ссылки на которых присутствуют в «Постижении истории». Но закон прогрессивного упрощения, сформулированный в «Двух источниках морали...» Бергсона, все же стал определяющим.

⁴⁶ Тойнби 1991: 360–362.

⁴⁷ Там же. 249–250.

религиозные верования, обеспечивают дисциплину и сплоченность, создают структуры, призванные защитить от интеллектуальной зречести, воспроизводят авторитет и иерархию. Открытые общества опираются на соприкосновение с вечно творящим импульсом, являются результатом творчества и морального подвижничества, зовут переступить через барьеры, ограждающие общество от бесконечного стремления.

Влиянием этого элемента на воззрения Тойнби, выделявшего развивающиеся и задержанные (арестованные) цивилизации, представляется несомненным. Полагаю, что проводимое Бергсоном различие между закрытыми и открытыми обществами лучше всего проявилось при построении тойнбианской теории кочевничества.

Номадизм в концепции А.Дж. Тойнби

Коротко обратимся к этому элементу концепции А. Тойнби, заслуживающему детального рассмотрения в отдельной статье. С самого начала своих рассуждений о кочевниках Тойнби стремится к размежеванию их с мигрантами. Последние – это люди, меняющие свою среду обитания, но часто не меняющие при этом свои привычки, поэтому изменения, связанные с миграцией, не кажутся ему радикальными. Другое дело – кочевники, превращение в которые означает существенную трансформацию: пространственно-временное расположение остается прежним, но способ его обитания полностью меняется. Кочевничество – это явный ответ на вызов среды, переход на ступень цивилизации⁴⁸. Однако сам характер ответа приводит к негативным последствиям.

По Тойнби, есть два способа преодоления зависимости от среды – земледелие и скотоводство, при этом второй способ – более сложный, поскольку последует первому и является «победой человеческого ума и воли над менее послушным материалом»⁴⁹. И в этом рассуждении слышится голос Бергсона, ведь скотоводство – это попытка обуздать более высокую, подвижную форму жизни, а не статическую, растительную. Кроме того, на стадии размежевания скотоводства и кочевничества в рамках последнего возникла более тесная связь с животными, породив в человеке далеко идущие изменения – «кочевник-пастух должен был постоянно совершенствовать свое мастерство..., а также особые нравственные и интеллектуальные качества»⁵⁰. Став одной плотью со своим одомашненным конем, он продемонстрировал одно из высочайших человеческих достижений – он овладел *нечеловеческим* мастерством⁵¹.

Рассуждая о сути этого нечеловеческого начала, Тойнби обращается к бергсониаанской мысли о принципиальной разнице между человеком и животным. В то время как животное продолжает существовать на основе инстинкта, у человека, пытающегося овладеть им, нет ничего, кроме глаз и рук, ибо, будучи людьми, они не могут жить только ин-

⁴⁸ Там же. 185.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. 184-185; см. также: Тоунбее 1934, III: 83.

⁵¹ Ibid. 84, 86.

стинктами. Найденный кочевниками выход состоял в том, чтобы, сохраняя человеческую природу, научиться симулировать инстинкт животного. Однако у данного приобретения была и обратная сторона – уменьшение гибкости человеческого ума, «подвижности человеческой руки и глаза» и в итоге – возникновение «однаправленного интеллекта»⁵². Другими словами, все кочевники в каком-то отношении становятся животными. Вероятно, истоки этого рассуждения тоже следует поискать в теории инстинкта Бергсона, в частности в его идее «реактивации инстинктивного сознания», позволяющего постигать жизнь без интеллектуальных операций.

Тойнби приходит к выводу, что, вступив на «путь регресса от человечности к животности», кочевники и эскимосы «предали собственную человечность» и теперь, «как соляные столбы, они стоят околованные и навсегда застывшие в самом начале своего жизненного пути»⁵³. «Все эти задержанные цивилизации были обездвижены в результате совершения *tour de force*. Они являются ответами на суровые вызовы на самой границе между степенью, которая дает стимул для дальнейшего развития, и степенью, которая влечет за собой поражение. Если обратиться к нашей метафоре, они подобны альпинистам, которые ... не могут идти ни назад, ни вперед. Их поза – это опасная неподвижность при высоком напряжении»⁵⁴. Поэтому, несмотря на наличие рывка, совершенное кочевничеством в начале пути, Тойнби отказывается определять его через то самое движение и постоянное преодоление, которое является определяющим для его концепции. Кочевники – это те, кто не двигается дальше; они становятся кочевниками потому, что отказываются исчезать, но не предполагают при этом дальнейшей этерификации; они не творят, а приспосабливаются, становятся не хозяевами окружающей среды, а ее рабами⁵⁵. Это не означает, что они не играют роли в мировой истории, однако, как правило, их роль – это роль внешнего пролетариата, служащего вызовом внешней среды для развивающихся цивилизаций. Не все согласны с этим выводом Тойнби⁵⁶, однако детальное рассмотрение этой критики выходит за пределы данной статьи.

***

Мировая тойнбиана насчитывает десятки тысяч страниц. В большинстве своем это критическая и отчасти разоблачительная литература, призванная показать противоречивый характер и несстыковки тойнбианских текстов. Гораздо реже в ней встречаются глубокие наблюдения, рассматривающие творчество Тойнби как гигантскую полевую структуру, стягиваемую посредством разных видов исторического синтеза – методологического, теоретического, религиозного и др.

⁵² Ibid. 84.

⁵³ Ibid. 88.

⁵⁴ Toynbee 1946: 164–165.

⁵⁵ Ibid. 169.

⁵⁶ Deleuze, Guattari, 1988.

Одной из значимых фигур тойнбианского теоретического синтеза, безусловно, стал А. Бергсон. Развиваемый в данной статье тезис заключается в том, что определенные фрагменты тойнбианской концепции истории возникают как творческая переработка идей Бергсона, изложенных им в «Творческой эволюции» и особенно в «Двух источниках морали...» Именно переработка, а не заимствование, несмотря на то, что влияние Бергсона на Тойнби заметно даже в дефинициях – «творческое меньшинство», «жизненный порыв» и другие. Идеи Бергсона настолько увлекли Тойнби, что «вплавившись» в структуру его мысли, заразив стремлением применить бергсонские идеи к историографии, перенеся экзистенциальную философию Бергсона во временную плоскость, из вертикали – в горизонталь. Это подвигло Тойнби к созданию оригинальной концепции, где события и факты, наполняющие жизнь локальных цивилизаций, сопрягаются со смыслами, пронизывающими поток человеческой истории. И к поиску методологии, сочетающей научный, логико-теоретический, рационалистический подход, лежащий в русле сциентистских традиций, с художественно-интуитивистским, иррациональным, анти-сциентистским по своей направленности и истокам.

Но самой важной для Тойнби идеей Бергсона стало представление о предназначении человека в истории. Именно необходимость соотношения себя с динамичной целостностью бытия давала ему ощущение единства истории, наличия во всемирно-историческом процессе гуманистического стержня, возможности исторического познания и создания всеобъемлющего исторического синтеза. Отсюда столь сильная притягательная сила этой концепции, заключающаяся в принципиальной открытости истории – и для соучастия в ней, и для ее познания.

Противопоставляя цивилизацию примитивному обществу, Тойнби использует понятие «жизненного порыва» Бергсона, но дебиологизирует его, в результате чего оно приобретает моралистическую окраску и в какой-то мере рационализируется. И у Бергсона, и у Тойнби идея «жизненного порыва» связана с идеей свободы. В ранних произведениях Бергсона это понятие связывалось с идеей длительности, которая мыслилась как внутреннее переживание человеком всех трех измерений исторического времени, и потому интеллектуально не схватывалось. В «Двух источниках морали...» Бергсон попытался рационализировать свободу через концептуализацию открытого и закрытого обществ. Именно это развитие бергсонской мысли позволило Тойнби достроить свою концепцию цивилизаций, противопоставив развивающиеся (открытые) цивилизации задержанным (закрытым). Но если у Бергсона противопоставление динамической и статической модели носит абсолютный характер, то у Тойнби эти две позиции переплетены, идеи свободы и несвободы присутствуют в каждой цивилизации.

Таким образом, имплицитное влияние идей Бергсона чувствуется во всем творчестве А. Тойнби, особенно в период написания «Постижения истории». Но сам способ их теоретического упорядочивания и

сопряжения с фактуальным богатством эмпирической истории был, собственно тойнбианским.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1992. [Bergson H. *Matiéria i pamiat* // Bergson H. *Sobr. soch.*: V 4 t. T. 1. M., 1992].
- Бергсон А. Творческая эволюция [1907]. М., 2001. [Bergson H. *Tvorcheskaya evolyuciya*. 1907. M., 2001].
- Блауберг И.И. О памяти и забвении: П. Рикер и А. Бергсон // Поль Рикер – философ диалога. М.: ИФ РАН, 2006. С. 60–75. [Blauberger I.I. *O pamvati i zabvenii*: P. Ricoeur i H. Bergson // *Paul Ricoeur – filosof dialoga*. M.: IF RAN, 2006. P. 60–75].
- Воробьева О.В. Три возраста А.Дж. Тойнби // Иден и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время. М.: Аквилон, 2014. С. 773–842. [Vorobieva O.V. *Tri vozrasta A.J. Toynbee // Idei i lyudi: intelektualnaya kultura Evropy v novoe vremya*. M.: Akvilon, 2014. P. 773–842].
- Кузьмина Т.А. Анри Бергсон // Философы двадцатого века. М., 2004. С. 11–23. [Kuzmina T.A. *Anri Bergson // Filosofy dvadcatogo veka*. M., 2004. P. 11–23].
- Рашковский Е.Б. Бергсон и Тойнби. или О «материи» исторического знания // Логос. 2009. № 3 (71). С. 155–162. [Rashkovskii E.B. *Bergson i Toynbee, ili O «materii» istoricheskogo znaniya* // *Logos*. 2009. № 3(71). P. 155–162].
- Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991. [Toynbee A. *Postizhenie istorii*. M., 1991].
- Caré H.W. *Henri Bergson: The Philosophy of Change*. L.: J. M. Dent & sons, ltd., 1911.
- Crubellier M. *Introduction générale a l'oeuvre d'Arnold Toynbee* // Raymond Aron, ed. *L'Histoire et ses interpretations: Entretiens autour de Arnold Toynbee* (Centre Culturel International de Cerisy-La-Salle, 10-19 Juillet 1958). Paris: Mouton, 1961.
- Deleuze G. *Cours inédit de Gilles Deleuze sur la chapitre III de L'Évolution créatrice* // *Annales bergsoniennes II: Bergson, Deleuze, la phénoménologie* / Ed. by Worms F. P., 2004.
- Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus [1980]* / Tr. B. Massumi. L.: Athlone, 1988.
- Gunter P.A.Y. *Henri Bergson: A Bibliography*. Bowling Green University, Ohio: Philosophy Documentation Centre, 1974.
- Jones C.S. *A Lost Tradition: Nishida Kitaro, Henri Bergson and Intuition in Political Philosophy* // *Social Science Japan Journal*. 2002. Vol. 5(1).
- Kapos A. *Towards an International Political Theology. An Exploration into the Eschatological Bearing of Henri Bergson, Arnold Toynbee and Martin Wight in International Relations Theory: A thesis submitted in fulfilment of the requirements of Doctor of Philosophy*, 2019.
- Kennedy E. *Freedom and the Open Society: Henri Bergson's Contribution to Political Philosophy*. New York: Garland Publishers, 1987.
- Lean T. *A Study of Toynbee* // *Horizon*. January, 1947.
- Lean T. *A Study of Toynbee* // *Toynbee and History. Critical Essays and Reviews* / Ed. by M.F. Ashley-Montagu. Boston, Mass: Porter Sargent/Extending Horizons, 1956.
- Lindsay A.D. *The Philosophy of Bergson*. L.: J. M. Dent & sons, ltd., 1911.
- McNeill W. *Arnold Toynbee: A Life*. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Melanges / by Henri Bergson, André Robinet. Saint-Germain: Presses Universitaires de France, 1972.
- Peterson L.J. *Toynbee's view of the relation between society and the individual: A Thesis submitted to the faculty of the Department of Philosophy and Psychology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in the Graduate College, University of Arizona*, 1955.
- Ruhe A., Paul N.M. *Henri Bergson: An Account of His Life and Philosophy*. London: MacMillan and Co., 1914.
- Russell B. *History of western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day*. L.: Simon and Schuster 1945.
- Russell B. *The Philosophy of Bergson* // *The Monist*. 1912. Vol. 22 (3). P. 321–347.
- Survey of International Affairs. London, 1935. Vol. II.
- Survey of International Affairs. London, 1937. Vol. I.
- Toynbee A. *A Study of History. Abridgement of Volumes I-VI* by D.C. Somervell. L.: Oxford University Press, 1946.
- Toynbee A. *A Study of History*. Vol. I-III. L., 1934; Vol. IV-VI. L., 1939; Vol. VII-X. L., 1954; Vol. XII, 1961.

Toynbee A. T.A. Smith. Hegel and After (abstract) // Bodleian Library. Toynbee papers. Juvenilia.

Toynbee A. The Machine: A Problem of Dualism // Bodleian Library. Toynbee papers. Juvenilia.

Toynbee A. What the Historian Does // Bodleian Library. Toynbee papers. Juvenilia.

Воробьева Ольга Владимировна, к.и.н., доцент, в.н.с., ИВИ РАН; доцент, кафедра теории и истории гуманитарного знания, РГГУ; vorobushek1@yandex.ru

“He Struck Me with the Force of a Revelation”

Bergsonian Motifs in A.J. Toynbee's Works

The article analyzes the influence of A. Bergson's ideas on A. Toynbee's works, especially on his work “A Study of History”. The article characterizes the situation of Toynbee's acquaintance with the ideas of the French philosopher and shows the similarity of their human destinies. Similar intellectual and spiritual bases of Bergson's and Toynbee's views are revealed. The cornerstones of Toynbee's Bergsonism are identified, including the influence of Bergson's vitalist concept on Toynbee's philosophy of history and theory of civilizations. Toynbee's creative development of the French philosopher's ideas and his desire to apply Bergsonian ideas to historiography are emphasized, which led to the syncretism of Toynbee's outlook, reflected in his methodological doctrine.

Keywords: *A. Toynbee, A. Bergson, “èlan vital”, “creative minority”, “challenge-and-response”, etherification, intuitivism, nomadism.*

Olga V. Vorobieva, PhD in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities; vorobushek1@yandex.ru

И.Н. ЛАГУТИНА

«ОРИГИНАЛ ДАВНО ЗАТЕРЯЛСЯ...» НЕМЕЦКИЙ ПРОЕКТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ САТИРЫ ДИДРО «ПЛЕМЯННИК РАМО» И ТАЙНА ЕЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ РУКОПИСИ

В статье¹ на основе переписки, свидетельств современников и новых архивных документов исследуется появление на европейском книжном рынке «эрмитажной» копии сатиры Дидро «Племянник Рамо», а также реконструируются обстоятельства ее первого издания при участии немецких писателей Клингера, Шиллера и Гете.

Ключевые слова: первое немецкое издание «Племянника Рамо», «эрмитажная» копия рукописи, Дидро, Клингер, Гете, Шиллер.

Вопросам издания произведений Дидро посвящена значительная исследовательская литература, что связано с трудностью определения аутентичного текста, на который могли бы ориентироваться последующие публикации. Эта проблема была создана самим Дидро, поскольку, продав в 1765 г. Екатерине II свою огромную библиотеку, философ позаботился о том, чтобы его наследие не затерялось в заснеженной России, и сформировал три целостные коллекции рукописных копий своих произведений: одна коллекция осталась у дочери, А.К. Вандель; другая — перешла к другу и литературному душеприказчику Ж.А. Нежону, третья — в 1785 г., после его смерти, была отправлена в Россию. Как известно, эти рукописные «собрания сочинений» отличаются друг от друга, иногда довольно значительно. В частности, по мнению Г. Дикмана, исправления, сокращения и заметки в русских («петербургских»), «эрмитажных») текстах могли появиться, поскольку Дидро или его наследники думали о возможности издания сочинений философа в России, и рукописям сознательно придавался «приличный» вид².

В настоящее время существует традиция издания текстов Дидро, в т.ч. «Племянника Рамо», основанная на многих копиях, поскольку речь идет не только о разночтениях, возникших при их переписывании копиистами, но и о том, что «автор просматривал некоторые свои произведения очень неодинаково»³, и автограф «не всегда имеет преимущество среди последующих версий, особенно если эта версия была «авторизована» автором»⁴. Копии и списки «Племянника Рамо» хорошо известны и описаны, проведено их текстологическое сравнение. Поэтому наша за-

---

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Я благодарю сотрудников «Центра изучения эпохи Просвещения - Библиотеки Вольтера» РНБ (Санкт-Петербург) за помощь и советы в работе с их фондами, особенную благодарность выражаю старшему научному сотруднику Отдела редких книг А.А. Златопольской за содержательные консультации.

² Dieckmann 1963: 71.

³ Воронова 1985: 65

⁴ Varloot 1981: 365

дача – не сравнивать тексты, а опираясь на переписку, свидетельства современников и некоторые наблюдения над архивными рукописями «Племянника Рамо», сохранившимися в России, реконструировать обстоятельства первого издания «Племянника Рамо», осуществленного в Германии на немецком языке⁵. Ведь фортуна, соединившая интересы и стремления знаменитых немецких писателей, запустила сюжетный механизм увлекательного «библиографического романа», как назвал историю обнаружения многочисленных рукописных вариантов «Племянника Рамо» один из первых исследователей творчества Дидро М. Турнэ⁶.

“Он был истинным философом”: издательский замысел Клингера и роль А.Л. Николаи в обнаружении рукописи Дидро в Эрмитаже

«Прошлой зимой Гете перевел неопубликованную рукопись Дидро, которая по счастливому случаю попала к нам в руки, и снабдил ее примечаниями. Она будет напечатана у Гёшена под названием “Племянник Рамо”... Дух Дидро сохранился в ней полностью, наряду с этим она прониклась еще и духом Гете»⁷. В процитированном письме Ф. Шиллера Х.Г. Кёрнеру от 25 апреля 1805 г. выражение «счастливый случай» (*ein glücklicher Zufall*) подчеркивает совокупность удивительных обстоятельств, приведших в немецкий провинциальный Веймар неизвестное сочинение французского философа Дени Дидро, умершего в 1784 г. в Париже. История всплывшего, словно из ниоткуда текста, который впервые был издан в немецком переводе, до сих пор привлекает внимание исследователей, а дискурс, посвященный французской рукописи, которую переводил Гете, выстраивается из слов «исчезла», «затерялась», «пропала», «тайно», «вдруг»: «каким-то непостижимым образом после смерти философа... данная рукопись не оказалась в наличии и каким-то странным образом вдруг обнаружилась в Веймаре»⁸; «до сих пор неизвестно, как „Племянник Рамо“ оказался в руках Шиллера в 1804 году»⁹; «первые “Племянник Рамо” упомянут в письме Шиллера к Гёте...»¹⁰. Немецкий исследователь Р.Шлössер осторожно замечает: «Возможно, друг юности Гете Клингер, тогда занимавший ряд влиятельных должностей в военных и образовательных учреждениях России, обнаружил (*entdeckt*) там рукопись, тайно (*heimlich*) сделал с нее копию... Рукопись, с которой Гете переводил, исчезла (*verschwunden*)»¹¹. В немецкой энциклопедии, посвященной Гете, сообщается, что копия, с которой переводил Гете, в конце 1805 г. вернулась в Петербург, и с этого времени о ней ничего не известно (*wo sie seither verschwollen ist*)¹².

⁵ Diderot 1805.

⁶ Цит. по: Mortier 1954: 525.

⁷ Schiller 1984: 218.

⁸ Соколов.

⁹ Сементковский 1896: 30.

¹⁰ Бахмутский 2005: 133.

¹¹ Schlösser 2011: 107ff.

¹² Goethe-Handbuch 1997, Bd. 3: 512.

Известный немецкий писатель Фридрих Максимилиан (Федор Иванович) Клиндер, проживший в России более 50 лет (с начала 1780-х и до своей смерти в 1831 г.), действительно, дослужился до звания генерал-лейтенанта и занимал в конце жизни несколько ключевых военных постов и должностей в сфере российского образования. Как отмечает его близкий друг Т.Ф. Шуберт (генерал от инфантерии и ученый-геодезист), это был «высокий, крепкого телосложения человек, с примечательным серьезным лицом, очень образованный, даже ученый... он увлекался идеями французской революции и был истинным философом...»¹³. Находясь в Петербурге, Клиндер вел активную переписку с рядом немецких книготорговцев и издательств, в т.ч. с рижским издательством Харткноха, которое было в культурном отношении важнейшим посредником между Россией и Германией, и его действие распространялось вплоть до Парижа и Швейцарии¹⁴. Основатель издательства И.Ф. Харткнох (1740–1789), опубликовавший несколько романов и драм Клингера, к этому времени уже умер, его дело продолжил сын, тоже Иоганн Фридрих (1768–1819), с которым Клиндер поддерживал теплые отношения. Как показывают письма Харткноха-младшего, Клиндер уже в феврале 1798 г. пытается «пристроить» некие «рукописи». Впервые о них упоминается в письме от 1 февраля 1798 г., когда Клиндер просит Харткноха передать эти рукописи через немецкого книготорговца Николавиуса на корабль, отправляющийся в Европу: «Я надеюсь, это письмо застанет Вас еще в Кенигсберге. Удачного путешествия! ... Хорошо, что *рукописи (die Mspt)* находятся уже у вас, и я лещу себя надеждой, что Вам по пути удастся их сбывать... Попросите Вивега, чтобы он сразу занялся *рукописями (mit den Mspt)*, и передайте... Николавиусу в Ойтине о моем желании: я хочу, чтобы *один экземпляр рукописей (ein Exempl. der Mspte)* он передал в Любеке икитеру...» и т.д.¹⁵ Как мы видим, Клиндер привлек к своему проекту еще нескольких издателей – ученика Харткноха-старшего и процветающего книготорговца из Кенигсберга М.Ф. Николавиуса, а также И.Ф. Вивега, основавшего в Берлине в 1786 г. известное книгоиздательство Vieweg Verlag.

Сначала речь идет о «рукописях» (*die Mspt*) или «французских рукописях» (*franzosische Mspt.*), а затем – о «рукописях Дидро» (*die Diderotische Manuscripte*). Заметим, что Клиндер в этом случае всегда использует форму множественного числа.

Весь август этот сюжет был предметом переговоров между Клиндером и Харткнохом, которому требовалось свидетельство о подлинности рукописей. Клиндер попросил своего хорошего знакомого петербургского книготорговца Клостермана это свидетельство предоставить: «Вы можете доверять тому, что Вам напишет мой друг Клостерманн о *рукописях Дидро (die Diderotische Manuscripte)*. Они подлинны, превос-

¹³ Schubert 1962: 70

¹⁴ Конен 2003: 332

¹⁵ Klinger 1896: 37.

ходны, оригинальнее всего им написанного, и их ценность выше всего того, что находится в 15 томах. (echt, vortrefflich, ueber alles originell) [издание Дидро 1796 г.]. Если мы придем к соглашению, то Вы получите все права на перевод. Но вы должны сохранить в тайне их происхождение. Издатели большого собрания сочинений, у *которых нет этих рукописей*, и друзья Дидро, у *которых они имеются* (подчеркнуто Клингером – И.Л.), пусть в ход все возможности, чтобы напасть на след. Недопустимо его открыть, хотя здесь все чисто и порядочно. Даже место происхождения рукописей не должно быть известно. Дальнейшие сведения предоставит Клостерманн» (письмо от 12 августа 1798 г.)¹⁶ В этом и других письмах речь идет о более чем одном экземпляре рукописей Дидро, вероятно, Клингер отправил в Европу несколько копий. Но проблема в том, что влиятельные должности, которые помогли бы получить доступ к рукописям, Клингер занимает только при Павле I. Как сообщает его «формулярный список», сохранившийся в военно-историческом архиве, только 10 февраля 1801 г. он был назначен директором Первого Кадетского корпуса, а в 1802 г. – директором Пажеского корпуса. К началу февраля 1798 г. (когда в переписке Клингера впервые упоминается «Племянник Рамо») он был всего лишь *капитаном Сухпутного шляхетского кадетского корпуса*, только в феврале произведен в полковники, а в декабре того же года – в генерал-майоры¹⁷.

Рукописи Дидро хранились в личной «комнатной» библиотеке Екатерины, и вряд ли Клингер мог иметь к ним доступ даже после смерти императрицы, поскольку личная коллекция «со всеми манускриптами» не стала частью общедоступной библиотеки, а была завещана внуку Александру. В подобных обстоятельствах должен быть посредник, имеющий доступ к рукописям Дидро и одновременно являющийся близким знакомым Клингера, способным отважиться на столь дерзкий поступок, чтобы тайно сделать копию с императорской коллекции. Позволим себе выдвинуть предположение, что им мог быть Людвиг Генрих (Андрей Львович) фон Николаи, наставник, секретарь и библиотекарь Павла I, с 1796 г. государственный секретарь и член его кабинета, с апреля 1798 г. президент Петербургской Академии наук.

Николаи и Клингер, поэты и друзья, входили в один придворный круг, были страстными и даже азартными библиофилами и обладателями огромных библиотек. Из их переписки выясняется, что именно Николаи ввел Клингера в «наследный» придворный круг и способствовал назначению придворным чтецом при великокняжеской чете, они вместе были в свите «графов Северных», сопровождая их в путешествии по Европе. В юности, будучи в Париже, Николаи входил в круг французских энциклопедистов, был довольно близко знаком с Дидро, и даже принял участие в переводе на французский язык трагедии Г.Э. Лессинга «Мисс Сара Сампсон». Поэтому Николаи хорошо понимал ценность коллекции

¹⁶ Klinger 1896: 46

¹⁷ РГВИА, 721–100: 50

Дидро, а благодаря своим должностям и статусу имел гораздо больше возможностей ее изучить и найти неизвестное сочинение философа.

Предпринятая авантюра с изданием «Племенника Рамо», видимо, вынуждала обоих к осторожности, что доказывает и фигура умолчания Клингера по отношению к Николаи. Косвенным свидетельством причастности Николаи к этому предприятию является письмо Клингера от 10 июня 1798 г. книготорговцу Николавиусу, с просьбой переслать ответ о посланной ему рукописи Дидро на имя его превосходительства Николаи, президента Академии и кавалера ордена Анны 1 класса¹⁸.

Как следует из переписки Клингера, все его попытки продать рукопись французским или немецким издателям, не раскрывая своего источника, окончились неудачей, поэтому он решил использовать дипломатические связи. В конце XVIII в. в Петербург для переговоров о бракосочетании веймарского наследного принца Карла Фридриха и великой княжны Марии Павловны несколько раз приезжал веймарский дипломат барон В.Ф.Э. фон Вольцоген, зять и близкий друг Шиллера¹⁹. Во время путешествия в Петербург в 1801 г. его сопровождал сын веймарского министра Х.Г. фон Фойгт-младший, которому Гете дал рекомендательное письмо к своему старому приятелю Клингеру. Фойгт и Вольцоген нанесли Клингеру визит, и тот в ответном письме к Гете 14 июня 1801 г. упомянул своих новых знакомых: «У меня был надворный советник Фойгт, визит которого доставил мне большое удовольствие... Мне нанес визит и барон фон Вольцоген, и с этого времени мы часто видимся, я нашел в нем честного, умного, достойного доверия и дружбы человека»²⁰. В феврале 1802 г. Вольцоген должен был сопровождать веймарского принца Карла Фридриха в его путешествии в Париж. Когда Вольцоген в конце 1801 г. покидает Петербург, в его дорожном сундуке надежно спрятана рукопись Дидро. Вскоре, 16 февраля 1802 г., Клингер напоминает «своему дорогому другу», что хочет продать рукопись как можно выгоднее, получив для себя «что-нибудь значительное»²¹. Однако это не удастся сделать в Париже, Вольцоген возвращает рукопись в Веймар и при посредничестве Шиллера начинает искать издателя.

Шиллер, который уже давно был страстным почитателем Дидро, восхищался «сущностью этого человека», его «каждой деятельности» и «пламенем, никогда не угасавшим»: «Все в нем было душой!... Все несет печать высшего совершенства!»²² В 1785 г. он перевел фрагмент неопубликованного романа «Жак-фаталист», напечатав его в журнале «Рейнская Талия» (Rheinische Thalia). Поэтому теперь, узнав о находке еще одного неизвестного сочинения своего кумира, он принимает в

¹⁸ Klinger 1896: 42

¹⁹ Шиллер и Вольцоген учились вместе в военной академии в Штуттгарте, затем Шиллер скрывался от военной службы в имени его матери, Генриетты Вольцоген. Оба были женаты на сестрах фон Лангенфельд (Каролине и Шарлотте).

²⁰ Klinger 1896: 52.

²¹ Klinger 1896: 56

²² Шиллер 1957: 152

процессе его издания самое живое участие. Однако, вопрос был щекотливым, рукопись была незаконно скопирована и тайно вывезена из России, поэтому нужно было любыми средствами избежать огласки. За полгода дело так и не сдвинулось с мертвой точки, потому что 2 ноября Клиндер все еще просит Вольцогена «пристроить рукопись как можно лучше, как было условлено между нами, и я буду доволен. Как Вы хотите, чтобы я определил цену, не зная всех обстоятельств?»²³

Сначала Шиллер предлагает манускрипт крупнейшему немецкому книготорговцу И.Ф. Котте, ответившему отказом²⁴, затем своему лейпцигскому издателю И.Ф.Л. Гёшену, который, судя по его письму Шиллеру от 18 апреля 1804 г., соглашается, но с осторожностью, опасаясь подделки: «Вы меня бесконечно обяжете, передав для издания рукопись Дидро. Однако, пока вы не позволите мне ближе с ней познакомиться и не сообщите об условиях, я не смогу ответить ничего конкретного... Я понял, что речь идет о французском подлиннике? Находите ли Вы это сочинение достаточно интересным, чтобы издать сразу и перевод? Если я буду печатать перевод, не возьметесь ли Вы за него сами?»²⁵

Найдя издателя, Шиллер спешит обрадовать Вольцогена, вновь отправившегося в Россию для завершения церемонии бракосочетания великокняжеской четы, и увезшего рукопись, чтобы вернуть ее владельцу: «Прилагаю письмо книготорговца Гёшена, адресованное тебе. Он хочет до крайности получить для издательства “Рамо”. Если возможно, помоги ему; он готов оказать тебе ответную услугу. Если не удастся уговорить Клиндера печатать «Рамо» в подлиннике, по-французски, то, возможно, он позволит сделать немецкий перевод. “Жак Фаталист” Дидро тоже вышел в немецком переводе на несколько лет раньше французского издания, и тем самым интерес к оригиналу сильно поднялся»²⁶.

Клиндер в конце концов согласился на издание немецкого перевода, и осенью 1804 г. Вольцоген возвращает рукопись в Веймар. 9 ноября новая великая герцогиня Саксен-Веймарская Мария Павловна, в сопровождении дипломатической миссии, торжественно въехала в новую резиденцию, а 14 ноября, как Шиллер отметил в календаре, Гёшен уже возник в Веймаре, чтобы не упустить свой шанс²⁷. После переговоров было решено сначала издать немецкий перевод, а потом напечатать текст по-французски. Однако Клиндер выдвинул разные условия для публикации на немецком и французском языке. За немецкое издание он хотел получить 98 томов «Естественной истории», условия для французского издания было решено обговорить позже. Проект «Естественной истории», по значению сопоставимый с Энциклопедией французских просветителей, был подготовлен натуралистом Ч. Соннини в 1799–1808 гг.

²³ Klinger 1896: 56

²⁴ Schiller 1995, 40-2: 173

²⁵ Schiller 1995, 40-2: 200

²⁶ Шиллер 1957: 597 (письмо от 16 июня 1804 г.).

²⁷ Schiller 1875: 326

и включал 127 томов с прекрасными иллюстрациями. К 1804 г. вышло 98 томов, которые содержали 64 тома «Всеобщей и частной Естественной истории» Жоржа-Луи Леклерка де Бюффона и ее «продолжение» – «Естественную историю» рыб (1798–1803), китообразных (1804), рептилий (1801–1802), насекомых (1802) растений и т.д. Для библиофила Клингера это издание представляло безусловную ценность.

Гёшен соглашается заплатить столь необычный гонорар и сообщает Шиллеру 22 ноября 1804 г., что 98 томов «Естественной истории», стоящие приблизительно 400 талеров, могут прибыть в Веймар из Парижа через 14 дней, крайний срок – три недели²⁸. Удивленный такой высокой ценой, Шиллер пытается как-то успокоить издателя, уверяя, что «рукопись более чем стоит этих денег»²⁹. Но книги задерживаются, Клингер начинает сердиться и требовать, чтобы ему вернули рукопись: «Потребуйте от Гёшена, – пишет он Вольцогену 13 апреля 1805 г., – чтобы тот выполнил свое обещание, и пожалуйста в конце концов договоритесь с ним, сколько томов я получу и в какой срок... Если господин Гёшен хочет переслать не больше 80 томов и к тому же в неопределенный срок, верните ему назад все книги. Я лучше удовлетворюсь ничем, нежели у меня перед глазами постоянно будет находиться предмет моего недовольства, и я постоянно буду помнить о нарушении честного слова. Повторяю, все это дело мне ненавистно...»³⁰. Осенью Клингер отправил Вольцогену гневное письмо, потому что судоходство уже заканчивалось, а свои книги он так и не получил: «Бюффона все еще нет, и когда Вы получите это письмо, то уже не останется надежды на его прибытие. Я прошу Вас забрать у Гёшена оригинал рукописи, поскольку это было бы для него слишком много за ничто»³¹. Вольцоген переправил Гёшену гневную отповедь Клингера³², и тот, видимо, отправил в Россию обещанные книги, потому что началась подготовка к изданию.

Шиллер, понимая, что сам не сможет осуществить столь важный для него план издания, поскольку в это время он уже был серьезно болен, и болезнь отнимала последние силы, обращается к Гете с предложением перевести сатиру французского энциклопедиста. «Я стогаю от любопытства, уговорили ли Вы Гете», – спрашивает Гёшен Шиллера (письмо от 22 ноября 1804 г.)³³. «Я очень надеюсь, – отвечает Шиллер, – что Гете будет переводить Рамо... Сообщите, какую сумму Вы готовы выложить за перевод. Разумеется, Гете не возьмется за маленький гонорар, потому что хочет вложить в эту работу всего себя и свой гений. Мне кажется, Вы можете сговориться на сумму в тысячу луидоров»³⁴.

²⁸ Schiller 1987, 40-I: 258

²⁹ Schiller 1995, 32: 172

³⁰ Klinger 1896: 77-78

³¹ Klinger 1896: 83

³² Klinger 1896: 84

³³ Schiller 1987, 40-I: 258

³⁴ Schiller 1995, 32: 172

От «Кузена Рамо» к «Племяннику Рамо» перевод Гете и проблема французской рукописи

Видимо, переговоры между издателем и Гете завершились к общему согласию, так как через четыре дня в дневнике Гете впервые появляется запись: «Рамо», а затем практически каждый день – записи о чтении книг, посвященных современной французской литературе и музыке, изучение мемуаров и записок современников³⁵. В дальнейшей переписке Гете и Шиллера постоянно мелькает эта тема, и спустя годы Гете будет помнить «последнюю тему», которую он обсуждал с умирающим Шиллером. Несмотря на постоянное недоумение, Шиллер взял на себя роль посредника, сообщая Гёшену о продвижении работы. 10 декабря 1804 г. он пишет: «Гете с большим энтузиазмом взялся за перевод «Рамо», и отнесся к этому настолько серьезно... что мы ожидаем превосходный текст. В середине января будет готов первый набросок, и вскоре можно будет начинать подготовку к публикации. От Вашего имени я с ним сторговался на 100 каролин, хотя вначале он просил больше... Я надеюсь, что тираж в 1500 экземпляров покроет все издержки, и *французский оригинал останется в Ваших руках*. Во всяком случае, немецкий перевод, изданный до французского оригинала, сослужит Вам хорошую службу и возбудит любопытство публики...»³⁶.

Обычно причину интереса Гете к столь трудоемкому проекту связывают с тем, что политический хаос в Европе и Германии заставил его с головой окунуться в работу. Более тонко этот интерес объясняет Д.Б. Ричардс: с одной стороны, натурфилософскими взглядами Гете, его исследованием политического как части природного (*political in nature*), а с другой – поскольку действие в «Племяннике Рамо» происходит в Париже 1760-х – стремлением стареющего поэта направить взор в эпоху своей юности. Гете никак не мог принять неизбежность Французской революции, «наиболее важного политического события в его долгой жизни», – подчеркивает Ричардс. Перевод «Племянника Рамо» стал «его последней работой, так или иначе связанной с революцией», по крайней мере в том, что касается ее политического фона. Читатель попадает в мир, где единственная причина для действия – «дать челюстным мускулам какое-то упражнение, в мир, где честный и открытый рассказчик беден, и где процветают продажность и лицемерие»³⁷; т. е. в сатире представлена «картина мира и общества, находящихся в полном разложении»³⁸.

В современном немецко-французском издании «Племянника Рамо», выполненном Х. Гюнтером, тщательно сверен французский оригинал и немецкий перевод, каталогизированы расхождения и восстановлены некоторые пропущенные Гете пассажи³⁹. Впрочем, немецкие исследователи довольно мягко относятся к «ошибкам» своего классика, заме-

³⁵ Goethe. Tagebücher.

³⁶ Schiller 1984.176.

³⁷ Richards 1979: 80.

³⁸ “la peinture d’un monde et d’une société en pleine décomposition”. Mortier 1986: 264.

³⁹ Goethe 1996.

чая, что Гете, разумеется, не смешал бы «menton»/«manteau», «à voir»/«avoir», «s'est élevé»/«sait s'élever», «deux autres»/«des autres» и т.д. Он «не может нести ответственность за различные погрешности немецкого перевода», поскольку это очевидные слуховые ошибки, совершенные во время диктовки текста⁴⁰. То есть в данном случае речь может идти не только о сознательной «герменевтической» позиции Гете-переводчика, но и о слуховых «ошибках», поскольку он диктовал перевод секретарю⁴¹.

Хронология работы Гете над переводом тщательно восстановлена, определены названия французских книг, которые он брал в веймарской библиотеке для подготовки примечаний⁴². Отметим, что Гете понимал необходимость примечаний, ведь он пишет Шиллеру, «бомба этого диалога разрывается в самой сердцевине французской литературы, и тут необходима полная осведомленность о том, кого и как она задела»⁴³. Получив 10 марта перевод, а потом и подробные примечания, Гёшен сообщает Шиллеру, что «бесконечно ему благодарен» «за превосходный перевод Гете» и что «Племянник Рамо» будет издан к ярмарке...»⁴⁴.

Весной 1805 г. Гете сообщает о скором выходе книги нескольким знакомым (Марианне фон Ейбенберг, Кнебелю, Цельтеру, Ф.А. Вольфу), Шиллер пишет В. фон Гумбольду в Рим⁴⁵. Видимо, первоначально Гете сомневался, открывать ли свое авторство, поскольку один из его секретарей, Ф.В. Ример, сообщил кому-то из друзей, что у Гёшена вскоре выйдет «Племянник Рамо», добавив, «я не знаю, захочет ли Гете раскрыть свое авторство»⁴⁶. Наконец, 13 июня 1805 г. Гете ставит в дневнике точку: «Чек господина Гёшена за “Рамо”».

Как только Гёшен получил перевод, он стал настойчиво просить Шиллера забрать у Гете французский оригинал: «Прошу обязательно переслать мне французскую рукопись, поскольку я должен начать набор книги, и будет надежнее, если наборщик в сомнительных случаях, чтобы исправить корректуру, обратится к оригиналу. Корректор, если он сомневается, сможет справиться в библиотеке, но наборщик – нет»⁴⁷.

27 марта 1805 г. Шиллер передает Гете просьбу издателя: «Не пришлете ли Вы мне французский манускрипт “Рамо” для Гёшена? Я настоятельно накажу ему отправить Вам корректурные листы, как только они будут напечатаны»⁴⁸. Подчеркнем, что французская рукопись была отправлена в Лейпциг, поскольку Гёшен «сердечно» благодарит Гете и обещает отправить к ярмарке гонорар. Одновременно Шиллер передает книготорговцу просьбу Гете, который «после набора» хотел бы полу-

⁴⁰ Schlösser 2011: 118.

⁴¹ Pénisson 1999: 229-239.

⁴² Mommsen 2006; Schlösser 2011.

⁴³ Гете, Шиллер 1988: 459

⁴⁴ Schiller 1995, 32:195.

⁴⁵ Schiller 1995, 32: 218.

⁴⁶ Цит. по: Mommsen 2006: 14.

⁴⁷ Schiller 1987, 40-1: 299.

⁴⁸ Гете, Шиллер 1988: 471.

читать назад свой перевод и копию с той французской рукописи, которую он переводил («точную копию с французского оригинала») ⁴⁹. Издатель отвечает: «Поскольку французский оригинал быстрее набрать, чем переписать, я подарю ему оригинальный манускрипт после набора текста» ⁵⁰. Но дело застопорилось: немецкое издание прошло незамеченным, началась эпоха наполеоновских войн и французская литература не вызвала в Германии интереса. По-видимому, Гёшен отказался от дальнейших планов на издание французского текста «Племянника Рамо».

Вероятнее всего, Шиллер сохранил тайну, и Гете не был осведомлен о «русском» происхождении рукописи, поскольку в самом начале работы над переводом произошел следующий эпизод. 23 декабря 1804 г. Гете отправляет Шиллеру загадочную записку: «Я охотно навестил бы Вас сегодня, чтобы сообщить, что работа быстро движется вперед, если бы только отважился выйти из дома [Гете в эти дни был болен – *И.Л.*]. Мне бы очень хотелось попросить Вашего совета по поводу некоторых своих сомнений. Думаю, что все получится, только не нужно предварительно оповещать публику. Пусть работа выйдет в свет неожиданно и без подготовки. Но об этом поговорим при встрече» ⁵¹. Некоторое разъяснение этим словам мы получаем из письма Шиллера, отправленного в тот же день Гёшену: «Прилагаю записку Гете, который хочет, чтобы об этом сочинении Дидро стало известно не раньше, чем оно будет издано... Отношения нашего двора с господином Гриммом в Гете и отношения Гримма с наследниками Дидро делает необходимым небольшую осторожность, потому что всякое может случиться» ⁵². Такая таинственность могла быть связана с тем, что Гримм, который жил в то время при дворе герцога Эрнста II Саксен-Готского, брата веймарского герцога Карла-Августа, ранее сопровождал библиотеку Дидро в Петербург. Если бы наследники узнали о появлении неизданной рукописи, могли возникнуть подозрения в его непорядочности. Но, с другой стороны, Гете действительно мог считать, что рукопись была получена Шиллером непосредственно от Гримма, тем более (как показывает письмо Шиллера Гете от 29 ноября 1795 г.) Шиллер однажды уже пытался через Саксен-Готский двор добыть для немецкого перевода повесть Дидро «Монахиня». Этот прецедент позволил некоторым исследователям считать, что рукопись «Рамо» была на самом деле получена Шиллером из Готы ⁵³.

Э. Гамильсхег первым высказал гипотезу, что «Гете не мог переводить копию с рукописи, прибывшей в Санкт-Петербург после смерти Дидро» и что эта рукопись была передана Гете не из России, а из Германии, через Мельхиора Гримма, «друга, который пользовался неизменным доверием Дидро» и который увез рукопись «Племянника Рамо» в

⁴⁹ Schiller 1987, 40-1: 301.

⁵⁰ Schiller 1987, 40-1: 317.

⁵¹ Гете, Шиллер 1988: 459]. Здесь ошибочно указана дата 21 декабря.

⁵² Schiller, 32: 181.

⁵³ Gamillscheg 1953: 5; Гете, Шиллер 1988: 558 (комм.)

1793 г. в Готу, куда он спешно отбыл из охваченного пламенем революции Парижа. Возможно, Гримм собирался включить эту копию в одно из изданий «Литературной корреспонденции»⁵⁴. Гамилльшег называет посредником в изготовлении копий «молодого уроженца Страсбурга» Я.Х. Мейстера, имевшего в своем распоряжении отличную команду копиистов. Безусловно, Мейстер принимал участие в изготовлении копий для Дидро, однако, одно из его писем дочери Дидро, написанное 8 октября 1805 г., сразу после того, как перевод Гете появился на осенней лейпцигской ярмарке, доказывает, что ни он, ни госпожа де Вандель не имели никакого отношения к французскому оригиналу, переведенному Гете: «Мне сообщают из Цюриха, – пишет Мейстер, – что господин де Гете только что перевел и замечательно прокомментировал сочинение Вашего отца о Рамо. Если я его добуду, не премину Вам послать, поскольку надеюсь, что Вы все еще читаете немного по-немецки и поймете его без скучного использования словаря»⁵⁵. Как считает Мортье, при подобных обстоятельствах остается только согласиться с предположением, что Гете переводил петербургскую рукопись, а «ошибки» в тексте объясняются неблагоприятными условиями, «в которых была выполнена эта «подпольная работа», причем «Клинггер, намного больше, чем Мейстер, мог совершить все оплошности (*les bévues*) копирования»⁵⁶. Вопрос о том, где находится сейчас французская рукопись «Племянника Рамо», принадлежавшая Клинггеру, до сих пор не решен. Шиллера к моменту публикации не было в живых, в бумагах Гёшена об этом нет никаких сведений, весь архив Клинггера, согласно завещанию, сожжен после его смерти, Гете в связи с «Племянником Рамо» имя Клинггера никогда не упоминал. Как предполагает Шлössер, оригинальный манускрипт в конце 1805 г. был переправлен в Россию, поскольку «Гёшен не стал публиковать французский текст и не передал его Гете, как пообещал»⁵⁷.

11 апреля 1823 г. Эккерман записывает свой разговор с Гете: «...заговорили о “Племяннике Рамо”, оригинал которого давно затерялся. Кое-кто из немцев полагает, что таковой вообще не существовал и что все это выдумки Гете. Но Гете заверяет, что никоим образом не сумел бы воспроизвести остроумную и весьма своеобразную манеру Дидро и немецкий “Рамо” не что иное, как точный перевод»⁵⁸. Вопрос о мистификации стал возможен, поскольку Дидро никогда не упоминал об этом тексте, и о нем ничего не слышали современники. Он не вошел в первое «посмертное» собрание сочинений Дидро, изданное на основе коллекции рукописей Нежона, причем в этой коллекции не была обнаружена и сама рукопись. Название сочинения также было «счастливым случаем». В дневниковых записях Гете сохранились упоминания о работе над пе-

⁵⁴ Gamillscheg 1953: 5

⁵⁵ Цит. по: Mortier 1986: 260

⁵⁶ Mortier 1954 : 532

⁵⁷ Schlösser 2011: 113

⁵⁸ Эккерман 1988: 446

реводом текста (ноябрь 1804 – конец февраля 1805 г.), который всегда именуется «Кузен Рамо» (Rameau's Vetter)⁵⁹; под тем же названием весь январь перевод обсуждается в переписке Гете и Шиллера; в марте Шиллер пишет о «Кузене Рамо» издателю Гёшену⁶⁰; в июне 1805 г. Йенская «Всеобщая литературная газета» публикует извещение о скорой публикации неизвестного сочинения Дидро «Кузен Рамо» в переводе Гете и с его примечаниями⁶¹. Однако книга, появившаяся на осенней лейпцигской книжной ярмарке, уже называется «Племянник Рамо. Диалог» (Rameau's Neffe. Ein Dialog). Об изменении заглавия в материалах архива Гете в Веймаре нет никаких сведений, и можно предположить, что французская рукопись, над которой работал Гете, не была озаглавлена. Подтверждением этого может служить то, что некоторые другие копии, найденные в Европе значительно позже назывались просто «Сатира II». Такое название имела и «эрмитажная» копия – это специально подчеркивает М. Турнё, приехавший в Петербург в конце XIX в. с «научной экспедицией», а затем издавший подробное библиографическое описание 32 томов коллекции Дидро⁶². Как сообщает Турнё, в томе 26 находится «Племянник Рамо», «фальшиво» озаглавленный (*le faux titre*) «Сатира II»⁶³. При этом сегодня считается установленным, что копия, находящаяся в России, ближе всего тексту, который перевел Гете⁶⁴.

То же заглавие «Сатира II» имела и т.н. копия Й. Ассеза, купленная им в 1875 г. у «одного книготорговца» в Страсбурге, и опубликованная в собрании сочинений Дидро⁶⁵. Последующие издания (1883, 1884) ориентировались именно на эту копию. Турнё, который пишет вводную статью к изданию, специально подчеркивает, что он «сверил» копию Ассеза с рукописью, хранящейся в Эрмитаже⁶⁶, и внес в публикацию некоторые исправления. Поскольку Турнё не сравнивает варианты, а просто публикует «выправленную» версию, среди французских ученых разгорается затяжной спор об идеальном пра-тексте «Племянника Рамо». Если для Турнё именно эрмитажная копия была окончательным текстом манускрипта (*définitive le texte du manuscrit*)⁶⁷, то Р. Мортье обвиняет исследователя в том, что тот варварски, «в духе эпохи, а *posteriori* реконструировал гипотетический оригинал», исправив ряд мелких, но важных для идентификации списка расхождений⁶⁸. Как справедливо подчеркивает Мортье, «пока у нас не будет надежного издания текста, сохраненного в России, мы не сможем определить его истинное место в рукопис-

⁵⁹ Goethe. Tagebücher.

⁶⁰ Schiller 1987, 40-1: 301

⁶¹ Allgemeine Literatur-Zeitung 1805: 529-536.

⁶² Tourneux 1885 : 439-474]

⁶³ Tourneux 1967 : 24-25

⁶⁴ Krebs 1997: 512

⁶⁵ Diderot 1875

⁶⁶ Diderot 1884 : XI

⁶⁷ Tourneux 1967: 25

⁶⁸ Mortier 1954: 527

ной традиции»⁶⁹. Кей, проведя обстоятельный анализ текстов приходит к выводу, что рукопись Ассеза – копия с эрмитажной рукописи⁷⁰. Так же, «Сатира II», была озаглавлена и рукопись, которая в настоящее время признается аутентичной, «беловой», и которая была случайно обнаружена у парижских букинистов в сборнике французских трагедий, а затем издана Ж. Монвалем⁷¹. Это была тоже копия, но с собственноручными исправлениями Дидро, и именно она легла в основу критического издания «Племянника Рамо», подготовленного в 1950 г. Жаном Фабром.

Первое немецкое издание «Племянника Рамо» становится источником дискуссии об авторстве Гете и его мистификации. В 1821 г. его перевод заново перевели на французский язык Ж.А. де Саур и Л. де Сен-Женъес, и за книгой прочно закрепилось название «Племянник Рамо»⁷².

Копии «Племянника Рамо» на европейском книжном рынке и особенности «эрмитажной» рукописи

Как только возник вопрос об аутентичности переведенного обратно на французский язык немецкого перевода, издатели начали поиски французского оригинала, и их взоры обратились к Германии. В частности, сохранилось письмо писателя Г. Дёринга лейпцигскому книготорговцу И.Ф. Котте из Парижа, где он пишет, что при подготовке нового собрания сочинений Дидро издатели столкнулись с тем, что не могут найти во Франции «французский оригинал (französ. Original) “Племянника Рамо” и, по всей вероятности, французская рукопись (französ. Grundschrift), с которой переводил Гете, является единственной». Автор письма умоляет Котту «попросить у Гете во временное пользование подлинник (Urschrift) или сделать с него копию (Abschrift)»⁷³.

Котта передает просьбу по назначению: «Из Парижа мне написал Дерринг, чтобы я где-нибудь нашел французский манускрипт “Рамо” Дидро. Он думает, что французская рукопись, которую переводили Ваше превосходительство, является единственно существующей. Поэтому он любезно просит передать подлинник (Urschrift) или точный список (eine genaue Abschrift) французскому книготорговцу, который хочет издать полное собрание сочинений Дидро» (письмо Котты – Гете от 27 октября 1821 г.). Гете отвечает, что французскую рукопись он получил от немецкого издателя Георга Иоахима Гёшена через посредство Шиллера, точно и полностью ее перевел, но «копии (Abschrift) не сделал, поскольку считал себя не вправе, а господин Гёшен выразил намерение после публикации перевода издать также оригинал. Вероятно, изданию помешало вторжение французов...». Гете предположил, что рукопись до сих пор находится у Гёшена, «к которому и нужно обратиться, если вы желаете что-то узнать» (7 ноября 1821 г.)⁷⁴.

⁶⁹ Mortier 1954: 527

⁷⁰ Kay 2014: 97

⁷¹ Diderot 1891.

⁷² Le Neveu de Rameau 1821

⁷³ Цит. по: Mommsen 2006: 25

⁷⁴ Goethe und Cotta 1979: 84.

Итак, согласно общему мнению, Гете являлся владельцем считавшегося единственным французского манускрипта «Рамо». У французских издателей не было ни оригинала, ни какой-либо французской копии. При этом Гете при возникновении вопроса о происхождении рукописи называл исключительно имя Шиллера: ср. записи его «разговоров» с Ф. Соре 30 декабря 1823⁷⁵, И.П. Эккерманом (18 января 1825 г.)⁷⁶ и др.

Вскоре «находится» французская рукописная копия, в 1823 г. ее публикует издатель Й.Л. Бриер, уверяя, что получил текст от дочери Дидро, госпожи де Вандель, и называя ту рукопись, с которой переводил Гете, «второй копией» (*une seconde copie*)⁷⁷. По мнению исследователей – насколько корректно сравнивать разноязычные тексты – опубликованные немецкий и французский варианты отличались друг от друга некоторыми смысловыми нюансами и отдельными именами. Эти различия могли быть связаны как с особенностями формирования трех рукописных коллекций Дидро, о которых упоминалось выше, так и с переводческой стратегией Гете, который, чтобы сделать текст «своим» или более немецким, мог внести в него нужные акценты.

Публикации Гете и Бриера сходились (но одновременно и расходились) в одном важном пункте: в них была ремарка, не вытекающая напрямую из сюжета, при этом записанная в двух вариантах: «Здесь в рукописи пропуск. Сцена изменяется, и собеседники уходят (Гете) в один из домов рядом с Пале-Роялем; (Бриер) в кафе, где был клавишин»⁷⁸. Та же самая ремарка (аккуратно воспроизведенная Гете) есть и в эрмитажной коллекции. Х. Дикман считает, что исправления и дополнения в «эрмитажных» рукописях были сделаны рукой госпожи де Вандель: «...на стр. 42 рукой госпожи де Вандель сделано следующее примечание: “Здесь находится лагуна в оригинальной рукописи, сцена изменилась, и собеседники вошли в один из домов рядом с Пале-Роялем”. В контексте ничего не обосновывает эту отсылку для перемены места действия, и в белом автографе «Племянника Рамо» лагуны в этом месте нет. С другой стороны, Вандель должна была иметь причину для вставки этого примечания...»⁷⁹. Дикман продолжает, что, готовя к публикации в России рукописи своего отца, госпожа де Вандель внесла исправления, которые были необходимы для сохранения его «моральной репутации». Ж. Дюлак видит причину исправлений, вставок или сокращений в том, что госпожа де Вандель считала неприличным, что диалог происходит в одном из скандальных парижских кафе: «Пассажи в петербургской рукописи, намекающие на публику кафе Регенства (*café de la Régence*) подчеркнуты карандашом или отмечены волнистой чертой, они будут опущены в рукописи фонда Вандель, но затем восстановлены

⁷⁵ «il tenait le manuscrit original de Schiller». Soret 1932: 33.

⁷⁶ В русских изданиях [Эккерман 1981, 1988 и др.] эта запись выпущена.

⁷⁷ *Œuvres inédites* 1823: XII

⁷⁸ *Œuvres inédites* 1823: 31

⁷⁹ Dieckmann 1963: 63

другой рукой, поскольку эта отмена в конечном итоге казалась слишком абсурдной»⁸⁰.

В 1978 г., в Публичной библиотеке Ленинграда, где сейчас хранится и «эрмитажная» копия»⁸¹, в одной из шести папок с «неизвестными копиями» Дидро, обнаружилась и вторая копия сатиры, происхождение которой до сих пор не ясно. Т.П. Воронова, описавшая эту новую коллекцию, считает, что это могли быть копии сочинений Дидро, сделанные в XVIII в. с эрмитажных рукописей, поскольку ряд текстов, среди которых мы видим «Племянника Рамо», находится в папке с неопубликованными рукописями. Она считает, что «подборка была составлена кем-то из окружения великих немецких поэтов», «папки принадлежали немецкому поэту Ф. Клингеру» и предназначались для публикации»⁸². Возможно, их наличие привело к мнению, что копия Клингера была возвращена в Россию. Однако это предположение опровергается французскими исследователями, которые доказывают, что Гете делал свой перевод не с этой рукописи, а с «эрмитажной», поскольку в его тексте содержатся те же пропуски, те же дополнения, те же замены или модификации слов (единственное/множественное число), которые характерны для эрмитажной копии по отношению к автографу»⁸³.

На титульном листе этой второй русской копии можно прочитать: «Le neveu de Rameau», бумага имеет водяной знак Pro Patria надпись H Wolven; буквы CR под короной, обрамленные веткой, в кругу»⁸⁴. Согласно Черчиллю, подобная модификация филигрании Pro Patria была характерна для 1798 г.⁸⁵, на титульном листе находится надпись по-немецки: «soll noch ungedruckt sein» (вероятно, еще не опубликовано)⁸⁶. Г. Дюлак справедливо датирует эту вторую рукопись между 1798–1805 гг. и пишет, что «она не могла принадлежать Клингеру»⁸⁷, и – как следует из наших наблюдений – в том числе и потому, что на первом и третьем листах можно прочитать заглавие «Племянник Рамо», которое скорее всего отсутствовало во французской копии, которую перевел Гете»⁸⁸.

Таким образом, без немецкого перевода Гете издательская традиция «Племянника Рамо» была бы неполной. И поскольку не только от-

⁸⁰ Dulac 1988 : 43.

⁸¹ ОР РНБ Эрм.фр. 42/26.

⁸² Воронова 1985: 67–68.

⁸³ Stackelberg 1988: 52–53; Goulet 1988: 388. Я благодарю А.А. Златопольскую, обратившую мое внимание на эти источники.

⁸⁴ ОР РНБ Фр. Q XVII. 55/4

⁸⁵ Churchill: 146.

⁸⁶ Воронова ошибочно переводит эту фразу «должно быть опубликовано» (Воронова 1985: 68).

⁸⁷ Dulac 1988: 45.

⁸⁸ Предварительные фрагменты исследования были представлены в статье «К проблеме первого издания «Племянника Рамо». Русский след» (Дени Дидро. Энциклопедия. Просвещение. Материалы международной научной конференции к 300-летию со дня рождения Дени Дидро. Москва, НИУ ВШЭ. 5-6 декабря 2013 г. Под ред. А.В. Ястребовой. СПб., 2014. С. 168-191).

сутствие заглавия, но ремарка и некоторые другие особенности текста формулируются идентично в копии, которой пользовался Гете, в «эрмитажной» коллекции, в «strasбургской» и некоторых других списках, можно предположить, что появление копий «Племянника Рамо» на европейском книжном рынке, которые время от времени всплывали у европейских букинистов или книготорговцев, связано с обстоятельствами его первой публикации в Германии.

РГВИА, ф. 721, дело 100, лист 50: Формулярный список о службе и достоинстве директора 1 Кадетского корпуса Ф. И. Клингера.

ОР РНБ Фр. Q XVII. 55/4

ОР РНБ Эрм.фр. 42/26

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бахмутский В.Я. Пороги культуры. М.: Гелиос, 2005 [Bahmutskij V.YA. Porogi kul'tury. M.: Gelios, 2005].

Воронова Т.П. Рукописное наследие Дидро в ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Ленинград: ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1985. С. 58–68 [Voronova T.P. Rukopisnoe nasledie Didro v GPB // Issledovanie ramyatnikov pis'mennoj kul'tury v sobraniyah i arhivah otdela rukopisej i redkih knig. Leningrad: G.P.B. im. M.E. Saltykova-SHChedrina, 1985. S. 58–68].

Гете И.В. Шиллер Ф. Переписка. В 2-х тт. М.: Искусство, 1988. Т.2 [Gete I.V. SHiller F. Perepiska. V.2-h tt. M.: Iskusstvo, 1988. T.2].

Конен Ы. Россия глазами Гиппеля. // Балтийский филологический курьер, Калининград, 2003. № 3. Сс. 328–346 [Konen J. Rossiya glazami Gippelya. // Baltijskij filologicheskij kur'er, Kaliningrad, 2003. № 3. Ss. 328–346].

Сементковский Р.И. Дени Дидро (1713–1784). Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1896 [Sementkovskij R.I. Deni Didro (1713–1784). Ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost'. SPb., 1896].

Соколов В.Д. Дидро. Племянник Рамо // http://samlib.ru/s/sokolow_w_d/z56.shtml. Размещен: 15/02/2011. Дата обращения: 10.02.2023 [Sokolov V.D. Didro. Plemjannik Ramo // http://samlib.ru/s/sokolow_w_d/z56.shtml. Razmeshchen: 15/02/2011

Эккерман И.П. Разговоры с Гете. Ереван: Айастан, 1988 [Ekkerman I.P. Razgovory s Gete. Erevan: Ajastan, 1988].

Diderot D. Le neveu de Rameau: satire, publiée pour la première fois sur le manuscrit original autographe, avec une introduction et des notes, par Georges Monval, accompagnée d'une notice sur les premières éditions de l'ouvrage, et de la vie de Jean-François Rameau par Er. Thoinan, Paris: E. Plon, Nourrit. 1891.

Diderot D. Le neveu de Rameau//Oeuvres complètes de Diderot: revues sur les éditions originales. T. 5, par J. Assézat. Paris : Garnier frères. 1875.

Diderot D. Rameau's Neffe. Ein Dialog von Diderot, aus dem Manuskript übersetzt und mit Anmerkungen begleitet von J.W.Goethe. Leipzig: Göschen, 1805.

Diderot D. Rameau's Vetter. Ein Dialog. Aus dem Manuskript übersetzt und mit Anmerkungen begleitet von J. W. v. Goethe. Leipzig: Göschen 1805//Allgemeine Literatur-Zeitung. Jena, 1805. Bd. 4. № 326. S. 529-536.

Diderot, D. Le Neveu de Rameau. Satire, édition revue sur les textes originaux et annotée par M.Tourneux. Paris: Rouquette. 1884/Introduction.

Dieckmann H. Observations sur les manuscrits de Diderot conservés en Russie// Diderot Studies. Vol. 4 (1963) Pp. 53-71.

Dulac G. Les manuscrits de Diderot en URSS//Éditer Diderot. Études recueillies par Georges Dulac. Oxford: The Voltaire Foundation, 1988. Pp. 19-50.

Gamillscheg E. Diderots Neveu de Rameau und die Goethesche Übersetzung der Satire//Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden: Steiner Verlag, 1953.

Goethe J.W. Rameaus Neffe, ein Dialog von Denis Diderot übersetzt von Goethe, zweisprachige Ausgabe/Hrag. Von Günther H. Fr. a.M: Insel Taschenbuch, 1996.

Goethe J.W. Tagebücher // <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe+Johann+Wolfgang/Tagebuecher/1805/>

- Goethe und Cotta. Briefwechsel 1797-1832. Textkritische und kommentierte Ausgabe in drei Bänden. Hrsg. von Dorothea Kuhn. Bd. 2. Stuttgart, 1979.
- Goethe- Handbuch, 1997, Stuttgart, Weimar, Bd. 3, S. 512.
- Goulet H. Les éditions du Neveu de Rameau // Éditer Diderot. Études recueillies par Georges Dulac. Oxford: The Voltaire Foundation, 1988. Pp. 387-395.
- Kay F. La «lacune» interpolée des premières éditions du Neveu de Rameau: un point de détail? P.7// *A contrario* 2014/1 (№ 20), pp 91–112.
- [Klinger] Briefbuch zu F.M Klinger / Hrsg. von M. Rieger. Darmstadt: Verlag von A. Bergsträßer, 1896.
- Krebs R. Rameaus Neffe//Goethes Handbuch. Hrsg. Von Bernd Witte und Peter Schmidt. Stuttgart, Weimar: Metzler. Bd.3, 1997.
- Le Neveu de Rameau: dialogue : ouvrage posthume et inédit par Diderot, P., Delaunay, 1821.
- Mommsen M. Die Entstehung von Goethes Werken. Bd.3: Diderot — Entoptische Farben. Hrsg. Von K. Mommsen. Berlin, 2006.
- Mortier R. Diderot en Allemagne, 1750-1850. Genève- Paris: Slatkine Reprints, 1986.
- Mortier R. La tradition manuscrite du «Neveu de Rameau». // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. tome 32, fasc. 2-3. 1954. pp. 525-532.
- Œuvres inédites de Diderot. Le Neveu de Rameau. Voyage de Hollande. P: J.L.J. Brière, 1821 [i.e. 1823].
- Pénisson P. Goethe traducteur du « Neveu de Rameau // *Revue germanique internationale*, n° 12 (1999), p. 229-239
- Richards D. B. Goethe's Search for the Muse: Translation and Creativity. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1979.
- Schiller F. Werke. Nationalausgabe. Bd. 32: Briefwechsel. Schillers Briefe/Hrsg. von Axel Gellhaus. Weimar, 1984.
- Schiller F. Werke. Nationalausgabe. Bd. 40, I: Briefwechsel. Briefe an Schiller/Hrsg. von G. Kurscheidt und N.Oellers. Weimar, 1987.
- Schiller F. Werke. Nationalausgabe. Bd. 40, II: Briefwechsel. Briefe an Schiller/ Hrsg. von G. Kurscheidt und N. Oellers. Weimar, 1995.
- Schiller F. Geschäftsbriefe/ Hrsg. V. K. Goedike, Leipzig, 1875.
- Schlösser R. Rameaus Neffe. Studien und Untersuchungen zur Einführung in Goethes Übersetzung des Diderotschen Dialogs. Nachdruck der Originalausgabe 1900. Hamburg: Severus Verlag, 2011.
- Schubert F. Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen in russischem Offiziersdienst, 1789-1814. Hrsg. von Erik Amburger. Stuttgart: K. F. Koehler Verlag, 1962.
- Soret F.J. Conversations avec Goethe. Paris, 1932.
- Stackelberg J. Un nouveau manuscrit du Neveu de Rameau découvert à Leningrad // Éditer Diderot. Études recueillies par Georges Dulac. Oxford: The Voltaire Foundation, 1988. pp. 51-54.
- Tourneux M. Les manuscrits de Diderot conservés en Russie, catalogue dressé. Geneva: Slatkine Reprints, 1967.
- Tourneux M. Les manuscrits de Diderot conservés en Russie: Catalogue. // *Archives des missions scientifiques et littéraires*. Paris, 1885. T. 12. C. 439-474.
- Varloot J. L'édition des œuvres complètes de Diderot // *Dix-Huitième Siècle*, 1981, 13, pp. 361-373.

Лагутина Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Школа филологических наук, НИУ ВШЭ; irina.lagoutina@gmail.com

“The Original Has Long Been Lost...” The German project of the first edition of Diderot’s satire “Ramo’s Nephew” and the mystery of its St. Petersburg manuscript

Based on correspondence, testimonies of contemporaries and new archival documents, the article examines the appearance on the European book market of the "Hermitage" copy of Diderot's satire Rameau's Nephew, and also reconstructs the circumstances of its first edition with the participation of the German writers Klinger, Schiller and Goethe.

Keywords: *the first German edition of Rameau's Nephew, Hermitage copy of the manuscript, Diderot, Klinger, Goethe, Schiller*

Irina N. Lagutina, PhD (Literature), Professor of the School of Philological Sciences at the National Research University “Higher School of Economics”; irina.lagoutina@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА ЗАМЕТКИ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрен ряд подходов к изучению общественной мысли в России времени Петра Великого и Екатерины II, развитие в современной историографии, указаны ряд источников, прежде всего переводы сочинений европейских неостоиков (Слейдан, Липсий), сочинения Екатерины II, Н.И. Панина и Д.А. Голицына, прежде не привлекавших внимания отечественных исследователей. Установлено, что в эпоху Петра Великого русская общественная мысль находилась под влиянием гетерогенных по своему характеру политических концепций Западной Европы, что создавало возможности для различных интерпретаций учений неостоиков, Пуфендорфа и о «государственном интересе». Автор статьи подчеркивает необходимость анализа переводов сочинений западноевропейских политических писателей на русский язык с точки зрения смысловой целостности перевода, дополняя его встречным изучением на современном уровне содержащихся в них концепций. На примерах собственных исследований автор показал особенности построения политического дискурса в ряде сочинений эпохи Екатерины II, указав на плодотворность изучения дискурсивных практик, создававшихся в России, в рамках которых термины, в том числе заимствованные из чужого языка или переведенные с него, получали статус понятий.

Ключевые слова: история общественной мысли, концепция абсолютизма, неостоицизм XVIII в., «смешанное правление», Феофан Прокопович, Самуэль Пуфендорф, Юст Липсий, Д. М. Голицын, Д. А. Голицын.

Сегодня изучение в широком плане общественной, а в более узком – политической – мысли России XVIII в. следует считать актуальным в первую очередь с точки зрения историографической ситуации, которая сложилась в изучении этой темы, и выбора методов анализа источников, ныне вводимых в научный оборот. Подлинным расцветом в изучении интересующей нас темы следует считать вторую половину XIX и начало XX в., когда исследователи ставили задачу рассмотреть общественную мысль того времени и творчество отдельных ее представителей в широком контексте эпохи. Назовём работы Павлова-Сильванского, Макарова, Покровского, Чечулина, Пекарского¹. С.В. Польской указывает и на рукописное сочинение Н.Д. Чечулина, посвященное «литературе общественных знаний» в России XVIII в.² Представители этого направления науки ставили задачу максимально полного изучения источников, прежде всего, архивных. Подробный и весьма ценный обзор историографии общественной мысли в России содержится в работе С.В. Польского и в докторской диссертации К.Д. Бугрова³. Значительным событием в отечественной науке в последние годы стали их исследования, а также исследования ряда других историков, которые заложили тот фундамент, на котором стало возможно создание обоб-

¹ Макаров 1923: 370-381, Павлов-Сильванский 1897, Пекарский 1862, Покровский 1885, Сиповский 1905, Чечулин Н. Д., 1894. Чистович 1868.

² Лаборатория понятий 2022: 32.

³ Лаборатория понятий 2022: 32 и сл., Бугров 2017.

щающей работы «Общественная мысль России», где предпринята попытка изучения темы с позиций интеллектуальной истории и истории понятий. В этом контексте переводы сочинений западноевропейских авторов снова оказываются в центре внимания исследователей, которые «особое внимание уделяют изучению политической терминологии и концептов в контексте эпохи, ее социальных и культурных особенностей»⁴. Учитывая масштабы переводческой деятельности в России XVIII в., потребовалось отдельное исследование, вышедшее в 2022 г.⁵

Публикации последних лет, а также попытки предложить новую методологию исследований как уже известного, так и вновь открытого их корпуса, позволяют говорить о новом этапе в развитии отечественной историографии, в полной мере учитывающей как достижения историографии зарубежной, так и поддерживающей плодотворный диалог с различными направлениями, как, например, методология кембриджской школы или же методология сторонников «cultural translation». В рамках настоящей статьи хотелось бы поделиться некоторыми соображениями в первую очередь методологического характера, возникшими в результате собственных исследований, а также высказать ряд соображений, возникших по ходу знакомства с работами коллег.

Остановимся коротко на некоторых аспектах сочинения А.С. Лаппо-Данилевского, которое, хотя и осталось незавершенным, внесло значительный вклад в развитие отечественной историографии⁶. Отходя от позитивизма и развивая историко-культурное направление, он основное внимание уделял изучению новых, часто рукописных, источников. Его подход во многом предвосхитил идеи «новой культурной истории Просвещения», развиваемые ныне Даниелем Рошем, Винченцо Ферроне, Ивом Борепером и др., акцентирующим внимание на социокультурной матрице, которая способствует культурным трансферам и «трансферам знаний»⁷. А.С. Лаппо-Данилевский показал, во-первых, каким образом политические знания проникали в Россию (трансферы), а во-вторых, какие именно идеи усваивались современниками Петра Великого. Естественно, в рамках решения первой задачи он уделил большое внимание интеллектуальным кружкам, учебным заведениям, школьному образованию и т.п. Изучение западноевропейской переводной литературы того времени ставило перед ним по меньшей мере два вопроса, а именно: «какие произведения переводили?» и «что из них хотели почерпнуть?». Ответить на них он в полной мере не смог, как представляется, прежде всего потому, что само изучение политической мысли эпохи Классицизма в Европе в его время только зарождалось. По сути, кроме известного сочинения Поля Жанэ, на которое он практически повсеместно ссылается в своей работе, серьезных исследований в мировой

⁴ *Общественная мысль России 2020*: 115.

⁵ *Лаборатория понятий 2022*.

⁶ Лаппо-Данилевский А. С., Ф. 113, Д. 76-78.

⁷ *Beaurepaire 2011*.

науке не было⁸. Исключение составляет, пожалуй, глубокое изучение сочинений юристов «школы естественного права и прав лиц» (Гуго Гроций, Самуэль Пуфендорф, Христиан Томмазий) Отто фон Гирке в 1 томе (части 4 и 5) его монументального сочинения, посвященного германскому праву юридических лиц, но А.С. Лаппо-Данилевский на него нигде, насколько нам известно, не ссылался⁹. Конечно же, провести два масштабных исследования истории политических идей в России и в Западной Европе XVI–XVII вв. оказалось задачей невозможной.

Сегодня, с учетом уровня современных исследований западноевропейской политической мысли, можно по-новому прочесть многие страницы исследования А.С. Лаппо-Данилевского, например, посвященные предпетровскому времени. Согласно его мнению, в этот период сильное влияние «латинской образованности», в частности, Св. Фомы Аквинского, прослеживается у Симеона Полоцкого (1678) в «Вертограде многоцветном», где присутствуют цитаты из «De regimine principum» и «Summa theologiae», например, идеи «природной склонности человека к обществу, к дружбе и взаимопомощи»¹⁰. Если же случается, что возникает тираническая власть, то она – наказание Божие за наши грехи»¹¹. Лаппо-Данилевский отмечает, что в одной из речей царя Фёдора Алексеевича говорится о том, что Государь творит правосудие перед престолом Всевышнего и должен заботиться об «общественном благе», если есть опасность его разрушения¹². Учения Цицерона и Аристотеля, как он показал, были широко известны в России, благодаря переводу таких трактатов как *Loricium Loci communes de institutione principum*. Magdeburg, 1538 и *Chokier J. de Thesaurus politicorum aphorismorum*. Schönwetterus 1625, а также Амвросия Марлиана, каноника римской церкви, сочинение которого было переведено на русский язык черниговским епископом Иоанном Максимовичем в 1708 г. и напечатано в его епархии под названием «Позор нравоучительный». В этом трактате, в частности, Марлиан утверждал со ссылкой на авторитет Цицерона и Аристотеля, что «князь» (*princeps*) должен быть в «республике гражданином» и своим примером наставлять подданных¹³. Иными словами, путем знакомства с «польско-латинской образованностью», русская общественная мысль накануне реформ Петра Великого ознакомилась и с классическими политическими концепциями периода Античности.

⁸ Janet 1885.

⁹ Gierke 1868.

¹⁰ Лаппо-Данилевский: Ф. 113. Д. 76. Л. 306-308.

¹¹ Лаппо-Данилевский: Ф. 113. Д. 77, ЛЛ. 56-58.

¹² Достаточно распространенный тезис в политической традиции католицизма, например, в Польше: *rationi quae pro communi utilitate regni fiunt et discuntur [Volumina legum, 1859: 26]*. В польской юридической и канонической литературе *utilitate communi* античных авторов охотно заменяется на выражение *communi utilitate regni*. Ср. у Цицерона: «*Omnes leges, ...ad commodum rei publicae referre oportet, et eas ex utilitate communi, non ex scriptione, quae in litteris est, interpretari*». Cicero. *de Inventione*. I. 38.

¹³ *Marliani Ambrosii* 1631. Chap. 2.

Продолжая свое исследование и переходя к анализу петровской эпохи, он обратил первостепенное внимание на рукописные переводы западноевропейской политической литературы, в основном хранящейся в фонде № 550 в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. А.С. Лаппо-Данилевский указал, что заказчик этой серии переводов князь Дмитрий Михайлович Голицын, один из «верховников», старался приобрести систематические познания в области политической науки. Голицын, по мнению современного исследователя С.В. Польского, принадлежал к числу аристократов, «знавших иностранные языки ... и активно заказывавших переводы»¹⁴. Знание иностранных языков, как правило, избавляет от чтения сочинений в переводе, а потому логично предположить, они могли быть сделаны для ознакомления с ними лиц, которые оными не владели. На основании проведенного анализа Лаппо-Данилевский делал два основных вывода. Во-первых, «возможно, знакомство с эмпирической школой и пребывание в Италии отразились на желании Д.М. Голицына ограничить самодержавие Тайным советом». Во-вторых, он переходил от «научно эмпирической школы и макиавеллизма к договору и естественному праву»¹⁵.

Благодаря исследованию С.В. Польского, нам сегодня известно гораздо больше рукописных переводов западноевропейских авторов, чем А.С. Лаппо-Данилевскому¹⁶. С.В. Польской и К.Д. Бугров обратили внимание на переводы Юста Липсия, Траяно Боккалини и др., отнеся их, ссылаясь на авторитет Ф.Майнеке (труды которого датируются концом XIX в. (!), к «тацитистам» (поклонникам Тацита), хотя речь идет о неостойках¹⁷. Какие идеи высказывались «неостойками»? Какой отклик они могли получить в России? Иоанн Слейдан прямо указывал, что магистрат может легитимно сопротивляться вышестоящему лицу, если тот понуждает подданных «отречься от истины»¹⁸. Боккалини и Сааведра являлись сторонниками «добродетельной аристократии», которая предпочитает «общее благо» благу частных лиц, потому что обладает нравственным превосходством над народом¹⁹. Эти мысли восходили к сочинениям Гвиччардини, переводы которых присутствуют среди названных рукописных книг РНБ, и он не только был сторонником «республиканской свободы», но и «меритократии». Перевод сочинений названных авторов, заказанный Д.М. Голицыным, не является случайным набором текстов, поскольку они образуют вполне определенный *политический дискурс*, вдохновляясь идеалом «аристо-монархии», а по сути идеалом «смешанного правления» (*constitutio mixta*), развивавшемся в XVII в.²⁰

¹⁴ *Общественная мысль России* 2020: 110.

¹⁵ Лаппо-Данилевский: Ф. 113 Д. 78. Л. 114, 147, 151.

¹⁶ Лаборатория понятий 2022: 295-314.

¹⁷ Бугров 2017: 266-267, *История общественной мысли России* 2020: 158-161.

¹⁸ Лаппо-Данилевский Ф. 113, Д. 76, Л. 121].

¹⁹ цит. по: *Histoire de la pensée politique* 1997: 300.

²⁰ Gierke 1889, *Lectures du régime mixte* 2010: 41-92.

Целесообразно остановиться и на еще одном выводе, сделанном Лаппо-Данилевским, относительно «перехода» Голицына от «научно-эмпирической школы и макиавеллизма к договору и естественному праву». Не повторяя общеизвестных выводов сочинения Г.Д. Гурвича²¹, обратим внимание на то, что взгляды Феофана Прокоповича на власть, суверенитет, договор возникли под влиянием Самуэля Пуфендорфа (так же как, согласно гипотезе Лаппо-Данилевского, и взгляды Голицына), одного из столпов «школы естественного права», который в своих исторических работах прямо указывал, что власть великих князей в России – абсолютная монархия²². Пуфендорф попытался примирить взгляды Гроция и Гоббса в вопросе ограничения суверенитета. По мысли Гурвича, Феофан в наибольшей мере заимствовал идею Пуфендорфа о *рactum submissionis*, т. е. идею добровольного и безусловного подчинения народа правительству, вследствие чего и возникает суверенная власть. Заметим и то, что тем самым Феофан игнорировал тот факт, что у Пуфендорфа *рactum submissionis* представляет собой лишь первую часть соглашения (общественного договора), второй же частью является «соглашение об избрании правительства», за которым следует *decretum circa formam regiminis* (т. е. декрет о выборе формы правления)²³.

Однако Г.Д. Гурвич не обратил внимания на то, что Феофан Прокопович испытал влияние идей абсолютной монархии, которые были популярны в Европе в первой половине XVII в., ограничившись замечанием, что договорная теория происхождения государства и права может быть согласована с концепцией абсолютизма, если исходить из тезиса: *omnia protestas a Deo per populum* (у Феофана «избирательная монархия»: «Божии мановением движима действует»). К.Д. Бугров отмечает в этой связи, что «Феофан не воспринял принципиального для западной мысли различия между «законным монархом» и монархом-«вотчинником»²⁴. К этому стоит добавить, что «не воспринял» он и важнейшую для Пуфендорфа мысль, которая реализована в юридической надстройке двух соглашений (*рactum*) и декрета, а именно:

«Слово[сочетание] “абсолютная власть” в собственном смысле слова не имеет ничего общего с этим. Ибо в естественном состоянии эта абсолютная и высшая свобода каждого (*singulorum hominum summa haec et absoluta libertas*) состоит в том, что каждый управляет, по своему усмотрению, не спрашивая другого, всем, что имеет отношение к его имуществу, делам, судебным искам, при этом не нарушая естественного права, которому он безусловно должен соблюдать (*salva tamen semper observatione juris naturalis*). [...] Необходимо, чтобы образовавшийся организм, как коллективный (*communis*) подданный сохранил подобную свободу в решении тех вопросов, которые касаются общественного блага»²⁵.

²¹ Гурвич 1915.

²² указано: Maslov 2014: 32.

²³ Pufendorf 1989: 286-291.

²⁴ Бугров 2017: 101.

²⁵ Pufendorf 1989: 286-291.

Столь «фрагментарное» использование концепции Пуфендорфа у Феофана Прокоповича, бесспорно, делало его концепцию незавершенной, поскольку ей не хватало еще одного «элемента», а именно: обоснования «неотменности воли народной», передавшей власть монарху по «божьему мановению», и ответа на вопрос, почему он должен был повиноваться государю «без прекословия и роптания». Все это мало согласовывалось с идеями Пуфендорфа, и Феофану необходимо было завершить свою концепцию. Конечно, не следует упускать из вида и влияние на него тех провиденциалистских представлений о монархии в России, на которые указывал К.Д. Бургов в своей работе²⁶. Но, коль скоро мы, вслед за А.С. Лаппо-Данилевским и Г.Д. Гурвичем задаемся вопросом о западноевропейских источниках политических идей в России, то здесь как раз и важна переводная литература в том смысле, что она содержит определенное поле дискурсов, которые служат отправной точкой для собственных размышлений, например, у того же Феофана Прокоповича. Пуфендорф спорил с «абсолютизмом», который в Западной Европе XVII в. существовал в разных вариантах. Согласно одной из его версий, сформулированной Болтоном, Шарроном, Бонавентурой, Ботеро и Боссюэ, «всякая власть от Бога» (или непосредственно или в качестве власти монарха-«отца» над подданными-«детьми») ²⁷. Есть, конечно, определенный соблазн представить себе Феофана Прокоповича в виде российского Боссюэ, но в его библиотеке отсутствовали труды французского проповедника, хотя определенная идейная перекличка между ними прослеживается²⁸. Вместе с тем, те или иные политические идеи необязательно заимствовались путем прочтения оригинальных книг! «Концепт» абсолютизма попадал и в официальные документы: законы и указы, дипломатические акты, содержавшие титулатуру монарха («император», «Его Христианнейшее величество») и т.п. Отметим, что логически идея Прокоповича и, возможно, самого Петра Великого, близка к идеям Джованни Ботеро и Фредерика Бонавентуры, утверждавших, что воля государя и «польза подданных» (*utilitas subdititis*, а у Феофана – «власть верховная... вину конечную имеет, всенародную пользу») являются подлинным основанием права и источником законодательства, с одной стороны, а с другой, поступающий по своему усмотрению государь *est legibus solutus*, поскольку во главу угла он ставит «raison d'Etat» («государственный интерес или пользу») ²⁹, а потому может назначать наследника по своей воле, что и требовалось доказать Феофану Прокоповичу.

Весьма популярна была в Европе и версия «абсолютизма», обоснованная в «Завещании» Ришелье³⁰, в сочинениях Юста Липсия и др., переводы которых сохранились в нескольких экземплярах. Липсий и Ри-

²⁶ Ср.: Бургов 2017: 97-99.

²⁷ Histoire de la pensée politique moderne 1997: 317.

²⁸ Бургов 2020: 105.

²⁹ Bonnet 2012: 328.

³⁰ О переводах «Завещания» Ришелье см.: Общественная мысль России, 2020: 121.

шелье черпали свои идеи, интерпретируя Тацита («Анналы»). Ришелье подчинял христианскую мораль соображениям «государственного интереса или блага» и «общественной безопасности, испытав влияние произведений ряда писателей (например, герцога Анри де Рогана), которые отождествляли «государственный интерес» с «соображениями выгоды» для государя³¹. Юст Липсий доказывал, что государь вправе прибегать к «малой» или «средней уловке», а также к «*honesta fraus*» в духе императора Тиберия ради сохранения *стабильности* государства³². Неостойки, вроде Юста Липсия, считали, что невежество и склонность народа к бунтам, неустойчивость государства, требуют создания сильного правления в форме монархии, этого древнейшего и совершеннейшего государственного устройства³³. Аналогичного мнения придерживался и Феофан Прокопович, выступая против «нестабильности», царящей в республиканских правлениях и осуждая Английскую революцию³⁴. Обратим внимание и на то, что идеи Липсия и неостойков, согласно мнению Г. Ойстрайха, «во многом стали идеологией и моралью сильной армии»³⁵. То есть речь идет об «умелом государе», действующем на «пользу государства». *Pactum submissionis*, заимствованный Феофаном у Пуфендорфа, оказывается легитимным именно в силу того, что подданные подчиняются, как бы мы теперь сказали, «успешному политику», способному действовать в интересах и во благо государства, который явно лучше, чем нестабильное «смешанное правление»³⁶. Но в том-то и дело, что «поддержание порядка» Липсий мыслил отнюдь не в терминах «полицейского государства», а в терминах стоических, в своей сути, добродетелей самого государя (*prudencia, justitia, auctoritas*), способного предвидеть *fatum politicum* и предотвратить его последствия. И хотя у него *auctoritas* включает в себя *forma imperii* и *potentia imperii* (т. е., в собственном смысле слова, силу политики, армии и поддержки союзников), главным источником *auctoritas* остаются благочестие (*pietas*) и милосердие (*clementia*) государя. Именно по этой причине между реализмом Макиавелли («что лучше для государя: чтобы его любили или боялись?», Государь, гл. XVII) и стоическими добродетелями, Липсий выбирает «любовь», и уж тем более не «интерес умелого государя»³⁷.

Таким образом, сочинения Юста Липсия, представленные в переводной литературе в нескольких экземплярах, оказывались обоюдоострым оружием в политической полемике и в то же время в известной мере были компромиссом между теми, кто развивал «абсолютистский» политический дискурс (притязавший у Феофана на *оригинальный синтез* современного ему естественно-правового дискурса и иного, связан-

³¹ Histoire de la pensée politique moderne, 1997: 336, 437.

³² Lagrée 1994: 94, Histoire de la pensée politique moderne: 441-442.

³³ Lagrée 1994: 81.

³⁴ Maslov 2014: 36, Бугров 2017: 100.

³⁵ Östreich 1982: 50.

³⁶ Maslov 2014: 24-46. Бугров 2017: 100-101.

³⁷ Lagrée 1994: 83, 95.

ного с «интересом государства» или «благом государства и подданных») и дискурс «добродетельного государя», в частности, у неостоиков, Боккалини, Сааведры и Липсия, который согласовывался с идеей *нравственного авторитета* государя и/или аристократии. Синтия Уиттакер предположила, что «Пётр I и не был кем-либо, способным сподвигнуть на принятие концепции монархии, но в конце его царствования просвещенная элита приняла реформы в качестве фундаментального оправдания абсолютной монархии»³⁸. И на наш взгляд, то, что идеи неостоиков, в частности Липсия, могли привлечь внимание как Феофана Прокоповича, так и Д.М. Голицына, могло быть интеллектуальным выражением «принятия» элитой реформ Петра. Какие бы споры ни велись между исследователями, из которых одни «полагали, что Голицын планировал учредить новый политический порядок с широким политическим участием», а другие «сиделись представить его прото-либералом»³⁹, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что политические концепции Европы XVII в., в частности неостоиков, носили не гомогенный, а *гетерогенный* характер, оставляя широкое поле для размышлений тем, кто в России их читал. Очевидно, что предполагаемая А.С. Лаппо-Данилевским логика («от – к») «перехода» Д.М. Голицына «на позиции естественного права и договора» вряд ли продуктивна, учитывая отмеченные особенности теорий западноевропейских авторов.

Хотелось бы подытожить наши наблюдения в следующих замечаниях. Для понимания как оригинальных сочинений российских мыслителей (к примеру, Феофана Прокоповича), так и переводной литературы, первостепенное значение имеет изучение специфики политического дискурса западноевропейских писателей, то смысловое поле, которое они объективно в себе заключали, т. е. начать не с того, *как* переводили или *как* заимствовали, а с того, *что* именно. Сказанное особенно важно с точки зрения очевидного факта: русская общественная мысль за короткое время – с конца XVII в. до I четверти XVIII в. – перешла от представлений о политике, восходящих к Аристотелю и Цицерону (в католической версии), к главным направлениям политической мысли Европы XVI–XVII в., о чем свидетельствует репертуар имеющихся переводов. Современные исследователи западноевропейской политической мысли XVII в. настаивают на том, что в это время произошел «разрыв с аристотелизмом»⁴⁰. И в этом отношении путь, пройденный русской общественной мыслью в первой четверти XVIII в., вполне совпадал с тем, что проделала мысль западноевропейская в XVII в.

Отчасти полемизируя с Бугровым и Киселевым о необходимости анализа «оригинальных русских текстов», Польской замечает, что «какой подход делает перевод служебным, несамостоятельным явлением»⁴¹.

³⁸ Whittaker 2003: 52.

³⁹ Whittaker 2003: 70-71;

⁴⁰ Histoire de la pensée politique moderne, 1997: 433 и сл.

⁴¹ Лаборатория понятий. 2022: 39.

Нельзя согласиться ни с той, ни с другой позицией: ни с тем, что «такой подход» делает перевод «служебным», ни с тем, что необходим «анализ оригинальных *русских* текстов». Переводы, как отмечает С.В. Польской, далеко не одинаковы, некоторые страдают буквализмами, другие сделаны в понятных читателю выражениях. Исследователь отстаивает точку зрения, согласно которой перевод является явлением культуры и, одновременно межкультурного трансфера «понятий»⁴². Нужно учитывать, что перевод термина отнюдь не означает то, что переводчик передал смысл понятия! Например, когда автор перевода передает термин «*res publica*» выражением «Речь Посполитая» (в одном из примеров, которые приводит Польской), он передает не смысл понятия, а дает читателю *узнаваемый* образ, «объясняющую картинку». Нужно согласиться с тем, что «если переводчик не находит эквиваленты между языками, он создает их»⁴³. Поль Рикёр называл поиск эквивалентов «конструированием сравнимого» (*construction du comparable*)⁴⁴, причем «сравнимое» касается не языковой формы, а семантики: передать смысл иностранного слова переводчику помогает «рефлексивная природа языка», поскольку он «дистанцируется от чужого языка и рассматривает свой собственный язык наряду с другими»⁴⁵. В этом и заключается творчество переводчика, который, по словам С.В. Польского, «заново конструирует систему знаков», и в этом случае перевод «вполне мог приобретать новые смыслы и значения»⁴⁶. Но все же главная задача перевода, по словам Рикёра, «привести читателя к автору» и «привести автора к читателю». А тогда он должен на родном языке «сконструировать» не отдельное слово и даже фразу, а, основываясь на понимании прочитанного, сконструировать *текст как смысловое целое*, который только и «включается в культуру как в нечто целое», выражающее «различные мировоззрения»⁴⁷. В этом случае перевод не может иметь «служебное значение», если только он не представляет собой простое переложение фраз и лексем, а именно «перевод», в том значении слова, в котором его употреблял Рикёр, т. е. *текст с его понятийным каркасом*, транслированный в другую культуру, в т. ч. языковую. Как нам представляется, встречный анализ политических дискурсов XVI–XVII вв. и выявленных в отечественных архивохранилищах переводов позволит ответить на многие вопросы, поставленные современными исследователями.

Несколько слов об «оригинальных *русских* текстах». Синтия Уитакер как-то заметила, что «Екатерина Великая ввела новую концепцию легитимности, основанную на публичном диалоге с элитой»⁴⁸. Если допустить, что так оно и было, то становится вполне объяснимым, почему

⁴² Лаборатория понятий 2022: 22.

⁴³ Лаборатория понятий 2022: 42.

⁴⁴ Ricœur 2004: 66.

⁴⁵ Ibid.: 25.

⁴⁶ Лаборатория понятий 2022: 293.

⁴⁷ Ricœur 2004: 55.

⁴⁸ Whittaker 2003: 91.

императрица так тщательно изучала произведения различных европейских «философов» и, по ее собственному выражению, «пограбила» (pillé) их. Российские писатели усваивали идеи философов французского Просвещения, даже таких радикальных, как Руссо: графу В.Г. Орлову принадлежала одна из первых попыток перевода романа «Эмиль, или о воспитании» на русский язык (1760-е гг.), «О повреждении нравов в России» М.М. Щербатова содержит многочисленные реминисценции его «Рассуждения о науках», так же, как утопии «старших архаистов» вдохновлялись пасторальными картинками из романа «Юлия, или Новая Элоиза»⁴⁹. Сочинения князя Дмитрия Алексеевича Голицына вдохновлены произведениями физиократов. Поэтому, когда мы говорим об «оригинальных русских текстах», то вопрос можно поставить как к слову «оригинальный», так и к слову «русский» (русскоязычный).

Позволю себе привести три примера из собственных исследований, касающихся как «оригинальности», так и «русскости» текстов.

Первый пример. Анализ черновых фрагментов Екатерины II показывает, что во второй половине 1760-х гг. она была внимательным читателем сочинений преимущественно трех авторов: Монтескье, Руссо и Лемерсье де Ла Ривьера, автора своеобразного теоретического манифеста физиократов под заголовком «Природный и сущностный порядок политических обществ» (*L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, 1767). В одном из фрагментов на французском языке под заголовком «О тиранах в России» императрица весьма нелестно отзывается о «русской нации» по природе своей «беспокойной, неблагодарной и полной доносчиков». Как исправить этот порок? Ответ: ввести законное правление. Екатерина сделала выписки на французском языке из статьи Руссо «О политической экономии», опубликованной в V томе «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, а именно в той части, которая касается верховенства законов и «общей воли», которую она понимает как волю подданных их соблюдать, а не устанавливать, вопреки основной мысли Руссо. Комментируя этот текст, она замечает, что «необходима общественная свобода и авторитет (autorité) правительства», которые, в свою очередь, основаны на «естественном и сущностном порядке политических обществ» (в подлиннике – прямая цитата из Лемерсье на французском языке)⁵⁰. Она тщательно конспектирует соответствующую главу из сочинения Ле Мерсье де Ла Ривьера и замечает: «великое изобилие продуктов [за которое ратовали физиократы] не может существовать без великой свободы. Невозможно вообразить себе право собственности без свободы». Понятно, что реалии России были иными. В черновых заметках к «Наказу» она находит решение, указывая на то, что «если государственный интерес или же интерес частного характера порой не позволяет в различных государствах освободить земледельцев из опасения, что земли останутся невозделанными по причине их бегства, то можно най-

⁴⁹ Зорин 1996: 64.

⁵⁰ Zанин 2013: 256.

ти середину, прикрепив и привязав к земле этих самых земледельцев, оставив у них орудия земледелия»⁵¹.

Второй пример. Авторы политических сочинений эпохи Екатерины II владели иностранными языками не хуже, а подчас и лучше, чем русским, они могли и без посредничества перевода строить собственный политический дискурс, и часто на двух языках одновременно. Приведем в качестве примера французское сочинение Н.И. Панина «О политической системе Российской империи» (*Du système politique de l'Empire de la Russie*), в котором весьма часто употребляемые термины *ordre, nécessité, impossibilité, branche du système général d'administration, principes immuables* прямо заимствованы из словаря Лемерсье для обоснования завоевательной внешней политики Российской империи, тогда как у Лемерсье речь идет об экономике и государственном управлении⁵².

Сочинения Екатерины II и Н.И. Панина не были «русскими», но это не означает, что они не были неоригинальными. Переходы с русского на французский и обратно позволяют выявить не только те термины, к примеру, языка французского, которые были использованы в рамках собственного дискурса российских мыслителей на русском языке, получая в нем *новое* содержание, т. е. статус понятий. Изучение этих билингвальных дискурсивных практик, наряду с переводами текстов позволит, как нам представляется, выявить градицию между «знакомством» с той или иной концепцией (и понятиями, на базе которых она развита), тем, как они «повлияли» или тем, как они были «усвоены», о чем в свое время писал Г.С. Кучеренко⁵³.

В издании «Общественная мысль России» встречается важное соображение методологического характера: «Важно помнить, что и в том и в другом случае значение понятия конструируется актором (читателем или переводчиком) и наделяется определённым смыслом на основании его социального опыта и интеллектуального багажа»⁵⁴. Но в том-то и дело, что первый обретает смысл при помощи второго. Например, понятие «фундаментальные законы», как замечает С.В. Польской в цитируемом издании, «мало соответствовало практике» в России, т. е. у автора перевода («актора») и быть не могло «социального опыта». Более того, этот термин в Западной Европе в различных политических дискурсах имел различное понятийное содержание: у членов парламента Франции XVII в. оно означало «основные кутюмы», у представителей «школы естественного права» оно являлось синонимом слова «государственный строй» (*constitution de l'État*), а у физиократов это – «очевидные законы природного и сущностного порядка». Политический дискурс, конечно, аккумулирует «социальный опыт», но обладает по отношению к нему известной *самостоятельностью*.

⁵¹ Zanin 2018: 79-94.

⁵² Zanin 2013: 258.

⁵³ Кучеренко 1981: 9.

⁵⁴ *Общественная мысль России*: 110.

Приведем третий, весьма показательный пример. Много лет назад мое внимание привлекла анонимная рукопись на французском языке, хранящаяся в РНБ и озаглавленная «Дух “Наказа” её императорского величества императрицы российской». Мне удалось установить, что её автором был князь Д.А. Голицын, который насытил её цитатами из сочинений ведущих политических мыслителей Европы, чтобы показать родство идей, высказанных Екатериной II в «Наказе», с передовыми идеями эпохи Просвещения. Но на этом он не остановился, а, встав на позиции «политического прожектёрства», предложил в русле эти идей перевести крепостных в некое «состояние», напоминающее «временнообязанное», защитив при этом их права (по примеру Англии) в «разъездных судах», а также предложил создать представительные органы власти поначалу на местах, а затем и в масштабах империи. Таким образом, вольно или невольно он противопоставил «Наказу» оригинальный синтез различных политических идей в форме «прожекта», а точнее плана институциональных преобразований в России⁵⁵. Разумеется, «социального опыта» таких преобразований у Д.А. Голицына не было, но дискурс в рамках просвещенческих «принципов политической философии», имел свою логику, не говоря о том, что форма «прожекта» активно развивалась в Европе, в частности, под влиянием запроса со стороны Барской конфедерации в Польше. Многие ведущие политические мыслители французского Просвещения предложили тогда проекты политических реформ в Польше, во многих случаях созвучные с проектом Д.А. Голицына. Как известно, Екатерина II вполне определённо высказалась против «прожектёров» и «дохтуров», не приняв подобного рода дискурса⁵⁶.

А.Б. Каменский заметил, что «в истории общественной мысли России ещё немало лакун, и это ещё одна причина, по которой представленные в данном томе материал не образуют целостной картины»⁵⁷. Однако же искомая целостность зависит не только от полноты элементов, подчас весьма разнородных, которые привлечены для ее реконструкции, но и в немалой степени от избранного инструментария. Думается, прав был Квентин Скиннер в том, что «не может существовать история простых идей как таковых, но может существовать только история их различных употреблений (usage), ради которых *эти идеи призваны* различными акторами в различные эпохи»⁵⁸. Представляется плодотворным изучение, как в отношении анализа русских переводов иностранных текстов, так и оригинальных текстов российских авторов, наряду с дискурсами западноевропейских политических писателей, тех дискурсивных практик, что создавались в России, в рамках которых термины, в том числе заимствованные из чужого языка или переведенные (в виде эквивалентов) с него, получали статус понятий.

⁵⁵ Занин 2021.

⁵⁶ Zanin 2018: 99-100.

⁵⁷ *Общественная мысль России* 2020: 546.

⁵⁸ Skinner 2018: 228-229.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. [Bugrov K.D. Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel Integratsiia evropeiskogo vlianiia v rossiiskuiu politicheskuiu kulturu veka. Ekaterinburg Izd-vo Ural. universiteta Universitetskoe izd-vo. 2016].
- Бугров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2017. [Bugrov K. D. Formirovanie idei respublikanizma v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli v. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. Ekaterinburg. 2017].
- Бугров К. Д. Провидение и власть: политическая мысль Феофана Прокоповича // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). [Bugrov K. D. Providence i vlast politicheskaya mysl Feofana Prokopovicha // Izvestiia UrFU. Serii 2. Gumanitarnye nauki. 2020. T. 22. № 1 (196)].
- Гурвич Г. Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича её западные европейские источники. Юрьев, 1915. [Gurvich G. D. Pravda voli monarshei Feofana Prokopovicha ee zapadnye evropeiskie istochniki. Iurev, 2015].
- Занин С. В. Конституционный проект князя Д. А. Голицына Исследования зарубежной истории: сборник статей. Вып. 2. Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021. [Zanin S. V. Konstitutsionnyi proekt kniazia D. A. Golitsyna Issledovaniia zarubezhnoi istorii sbornik statei. Vyp. 2. Samara SF GAOU VO MGPU. 2021].
- Зорин А. Р. Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия старших арханстов // Новое литературное обозрение. 1996, № 20. [Zorin A. R. Zh.-Zh. Russo i natsionalnaia utopiia starshikharkhaistov // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996, № 20.].
- Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Англии и Франции 2-ой половины XVI – начала XX в. М.: Наука, 1981 [Kucherenko G.S. Issledovaniia po istorii obshchestvennoi mysli Anglii i Frantsii 2-oi poloviny XVI – nachala XX v. M. Nauka, 1981].
- Лаборатория понятий. Перевод и языки политики в России XVIII века. М.: НЛО, 2022. [Laboratoria poniatij. Perevod i iazyki politiki v Rossii veka. M.: NLO, 2022].
- Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113, д. 77. [Lappo-Danilevskii A. S. Istoriia politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v sviazi s razvitiem ee kultury i khodom ee politiki // Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva AN. F. 113, d. 77.].
- Макаров А.Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII в. и первой трети XIX в. // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Петроград, 1923. С. 370-381. [Makarov A.N. Uchenie ob osnovnykh zakonakh v russkoi iuridicheskoi literature XVIII v. i pervoi treti XIX v. // Sbornik statei po russkoi istorii posviashchennyi S.F. Platonovu. Petrograd . 1923. P. 370-381].
- Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. Т. 2. М., РОССПЭН, 2020. [Obshchestvennaia mysl Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka. T. 2. M. ROSSPEN, 2020].
- Павлов–Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Санкт-Петербург, 1897. [Pavlov-Silvanskii N.P. Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo. Sankt-Peterburg, 1897].
- Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом, Санкт-Петербург, 1862 2 тт. [Pekarskii P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Sankt-Peterburg, 2 tt.].
- Покровский В.И. А.Д. Кантемир, его жизнь и сочинения. М. 1885. [Pokrovskii V.I. A.D. Kantemir ego zhizn i sochineniia. M. 1885].
- Сиповский В.В. Политические настроения в русском романе 18-го века. Санкт-Петербург, 1905. [Sipovskii V. V. Politicheskie nastroyeniia v russkom romane 18-go veka. Sankt-Peterburg, 1905.].
- Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. Санкт-Петербург, 1894. [Chechulin N. D. Proekt Imperatorskago soveta v pervyi god tsarstvovaniia Ekateriny. Sankt-Peterburg, 1894].
- Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. Санкт-Петербург, 1867. [Tchistovitch I. A. Feofan Prokopovitch I ego vremia. Sankt-Peterburg, 1867].

- Beaurepaire P.-Y. *La France des Lumières (1715-1789)*. Paris, Belin, 2011.
- Bonnet S. *Droit et raison d'Etat*. Paris, Classiques Garnier, 2012
- Gierke O. von. *Das deutsche Genossenschaftsrecht. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1868.
- Gierke O. von. *Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien*. Breslau : Maurer, 1889.
- Histoire de la pensée politique moderne*. Éd. J. H. Burns. Paris, PUF, 1997.
- Janet P. *Histoire de la philosophie morale et politique dans l'antiquité et les temps modernes*. 2-ème édition revue et augmentée. Paris, Lagrange, 1885. 2 T.
- Lagrée J. *Juste Lipse et la restauration du stoïcisme: étude et traduction des traits stoïciens*. Paris, Vrin, 1994.
- Lectures du régime mixte*. IIIème Table ronde RELHHP. Marseille: Presses universitaires, 2010.
- Marliani Ambrosii *Theatrum politicum in quo quid agendum sit a principe et quid canendum accurate prescribitur*. Romae, 1631.
- Maslov B. *Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism* // *Вивлююка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, Vol. 2 (2014).
- Östreich G. *Neostoicism and the Early Modern State*. Cambridge University Press, 1982.
- Pufendorf S. *Le droit de la nature et des gens*. Caen, 1989. T 1-2.
- Ricœur P. *Sur la traduction*. Paris : Bayard, 2004.
- Skinner Q. *Visions politiques*. Volume 1: *Sur la méthode*. Genève, Droz, 2018.
- Volumina legum: przedruk zbioru praw staraniem XX*. Санкт-Петербург, 1859.
- Whittaker Cynthia H. *Russian Monarchy: Eighteenth-century Rulers and Writers in Political Dialogue*. Northern Illinois University Press, 2003
- Zanin S. *Utopisme et idées politiques. Visite de Lemercier de La Rivière à Saint-Petersbourg*. Paris, Classiques Garnier, 2018.
- Zanin S. *Le concept de réforme chez Catherine II dans la décennie 1760* // *La dynamique du changement politique et juridique: la réforme*, Actes du colloque International, Aix-en-Provence, 2013.

Zanin Sergey Viktorovich, доктор исторических наук, абилитированный доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой Истории, Самарский государственный медицинский университет; s.v.zanin@samsmu.ru, zansamara@mail.ru

Social Thought of Russia in the 18th Century

Notes on Research Methodology

Several approaches in the current historiography to studying the social thinking in Russia of the times of Peter the Great and Catherine the Great have been observed, the series of resources have been mentioned, most notably, the translations of the works of neo-stoic authors (Sleidanus, Lipsius), the works of Catherine the Great, N.I. Panin and D.A. Gallitzin, formerly not received Russian scholars' attention. It is deemed that in the times of Peter the Great Russian social thinking was under the influence of the heterogeneous in conception West European political base, that provided an avenue for different interpretations of the works of neo-stoic authors and Samuel von Pufendorf and about "the state interest". The author of this paper highlights the necessity of the analysis of the translations of the West European political works into Russian in the context of semantic continuity of those translations, alongside with the research of the concepts contained then and at the present times. The author has presented the peculiarities of building the discourse in several papers of the times of Catherine the Great evidenced from his own researches, drawing attention to fruitful researches of the discourse practices done in Russia, within those the terms, translated or adopted from other languages, became the concepts.

Key words: *history of social and political thought, the concept of absolutism, neostoicism of the 17th century, "mixed rule", Theophan Prokopovich, Samuel Pufendorf, Justus Lipsius, D.M. Golitsyn, D.A. Golitsyn.*

Sergey Zanin, Dr.Sc. (History), habilit Dr. (Law), Professor, Head of the Department of History, Samara State Medical University; s.v.zanin@samsmu.ru, zansamara@mail.ru

РЕКТОРСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ. МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И КОРПОРАЦИЕЙ¹

Статья посвящена ректорскому корпусу университетов России конца XIX – начала XX в. В исследовательское поле попали 75 человек, замещавших в 1884–1917 гг. должность ректора в десяти университетах Российской империи. Композиционно исследование состоит из трёх связанных друг с другом аспектов: собирательного социального портрета университетского ректора; особенностей карьерных траекторий руководителей университетов; и проблем ректорского корпуса в контексте государственной образовательной политики и текущей политической конъюнктуры революционной эпохи. В статье уделяется внимание, как общероссийским чертам и закономерностям эволюции фигуры ректора, так и локальным особенностям; предлагается выделение четырёх групп университетов, применительно к изучаемой проблеме. Исследование выполнено с опорой на списки чиновников по ведомству министерства народного просвещения, биографические словари, архивные источники, отложившиеся в фондах Центрального государственного архива города Москвы, Государственного архива Саратовской области, Центрального государственного исторического архива Украины, Государственного архива в Варшаве.

Ключевые слова: университет, ректор, университетский Устав, высшее образование, Российская империя.

За три сотни лет истории российский Университет пережил массу волн трансформаций. При этом одни элементы университетской жизни оказывались носящими вневременной характер и сохраняли неизменность на протяжении веков, другие – оставались в прошлом, третьи – меняли форму, название или содержание.

К одному из перманентных элементов университета можно отнести фигуру ректора (в XVIII в. по отношению к руководителям Московского университета употреблялись понятия “кураторы” и “директоры”; последний термин вернулся и сохранял актуальность в первые советские десятилетия. Именно ректор часто являлся “точкой сборки” всех процессов, касавшихся университета, как внутренних, так и внешних (образовательная политика, политическая конъюнктура). Он выполнял функцию посредника между профессурой и студенчеством, с одной стороны, и государством – с другой. Он же становился олицетворением высшего учебного заведения, как для современников, так и для потомков, занимая место в канонической портретной галерее.

С точки зрения локальных университетских историй, фигуры ректоров привлекают внимание как персональные воплощения своего времени, по годам каденций которых можно периодизировать прошлое

---

¹ Исследование социального портрета и карьерных траекторий ректоров выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>. Исследование ректорского корпуса в контексте государственной образовательной политики осуществлено при поддержке Программы развития Томского государственного университета («Приоритет-2030»), проект № НУ 2.0.5.22 МЛ.

учебного заведения. Однако, смотря на предмет шире, с точки зрения *university studies* как научного направления, занимающегося прошлым и настоящим университета во всём его многообразии, по собирательному коллективному портрету ректорского корпуса эпохи, по фигуре ректора, по изменениям его статуса и положения можно судить о трансформации университетской модели, о проблемах автономии, управления, особенностях отношений внутри академической корпорации *etc.* Именно этот подход близок автору настоящей работы. Обращение к теме актуализируется тем обстоятельством, что и в наше время механизм замещения должности ректора (выборы внутри профессиональной корпорации, прямое назначение министерством, или комбинация разных элементов), критерии, по которым следует оценивать претендента на должность руководителя университета (должен ли он быть крупным ученым, или “эффективным менеджером”) остаются предметом, как узкопрофессиональных, так и широких общественных дискуссий.

Предмет данного исследования – ректорский корпус 10-ти университетов Российской Империи – Варшавского (ИВУ), Дерптского (Юрьевского) (ИД(Ю)У), Казанского (ИКУ), Московского (ИМУ), Николаевского в Саратове (ИНСУ), Новороссийского в Одессе (ИНУ), Санкт-Петербургского (ИСПБУ), Св. Владимира в Киеве (ИУСвВ), Томского (ИТУ), Харьковского (ИХУ) университетов. За пределы внимания был выведен Гельсингфорский университет, который не был включен в общероссийскую систему высшей школы в силу довольно широкой автономии Великого княжества Финляндского, а также Пермское отделение Петроградского университета, поскольку в самостоятельное высшее учебное заведение оно превратилось только с 1 июля 1917 г.

В соответствии со сложившейся историографической традицией история российских университетов отмеряется уставами. Каждый из четырех уставов, принятых на протяжении XIX в., на несколько десятилетий предопределял жизнь российской высшей школы. Последний дореволюционный Устав 1884 г. действовал в течение 33 лет, оказавшись самым долгоиграющим (если не брать во внимание Временные правила 1905 г., которые скорректируют отдельные положения Устава) и пришедшимся на излёт имперского периода университетской истории. Именно этим периодом “излёта” и определяются хронологические рамки проведенного исследования: август 1884 г. – февраль 1917 г.

Несмотря на большое внимание историков высшей школы к университетской корпорации, ректорский корпус дореволюционных университетов до сих пор редко выступал предметом специальных исследований. При этом, к персонам тех или иных ректоров как видным ученым, организаторам науки и образования, историки, конечно, обращаются относительно часто². Родовым свойством таких биографических

² Ермолаев 2003; Валиев 2022; Назарьева 2009; Федорова 2015 Шор 2018; Попков, Кочеткова, Черненко 2017; Зима 2013.

работ нередко выступают описательных характер и бесконфликтность, что, впрочем, относится не ко всем указанным публикациям. В любом случае, уточнение биографических подробностей, включая особенности и детали управления университетом, вносят вклад в развитие темы.

В последние десятилетия опубликован ряд работ, посвященных правовым аспектам ректорства в имперский период³. Наиболее существенный вклад в изучение места фигуры ректора в бюрократической системе империи внёс С.И. Посохов, уделив внимание не только нормативным вопросам их деятельности в XIX – начале XX в., но и обстоятельствам занятия и оставления должности, а также социальному портрету руководителей ряда императорских университетов. Однако в поле зрения С.И. Посохова из десяти интересующих нас университетов попали только пять (ИКУ, ИУСвВ, ИМУ, ИСПБУ и ИХУ)⁴. Большой интерес представляют исследования Е.В. Пчелова, обращающегося к ректорскому корпусу как цельному феномену, правда, в пределах одного – Московского – университета⁵. Отметим также работы, затрагивающие отдельные стороны профессиональной и общественной деятельности ректоров ряда университетов⁶. В целом, профессиональных исторических исследований по интересующей нас проблеме пока несправедливо мало.

Что касается справочной литературы, то к настоящему времени изданы специализированные биобиблиографические словари ректоров восьми из десяти императорских университетов, действовавших на рубеже XIX–XX вв.: ИХУ⁷, ИМУ⁸, ИНСУ⁹, ИНУ¹⁰, ИТУ¹¹, ИКУ¹², ИУСвВ¹³ и ИВУ¹⁴. По двум оставшимся университетам – ИСПБУ¹⁵ и ИД(Ю)У¹⁶ – отсутствие специальных ректорских словарей вполне компенсируется биографическими словарями профессоров, в которых, разумеется, представлены и статьи о ректорах. Посему можно заключить, что биографические сведения (конечно, в разной степени детальности) известны фактически о каждом ректоре, что наряду с наличием ежегодно публиковавшихся Списков лиц служащих по ведомству Министерства народного просвещения, открывает путь к просопографическому исследованию ректорского корпуса.

³ Черных 2011; Зимулина 2018.

⁴ Посохов 2017

⁵ Пчелов 1996 (1); 1996 (2); 1996 (3); 1998.

⁶ Николаева 2015; Есин 2004.

⁷ Биобиблиографический словарь... 1995

⁸ Ректоры Московского... 1996

⁹ Семенов 1999.

¹⁰ Професори... 2000.

¹¹ Ректоры Томского... 2003

¹² Ректоры Казанского... 2004

¹³ Ректори... 2006.

¹⁴ Rozzet... 2016.

¹⁵ Биографический словарь 1896, 1898; Профессора... 2004; Словарь профессоров и преподавателей... .

¹⁶ Биографический словарь... 1902, 1903.

Помимо биографических словарей и Списков, настоящее исследование выполнено с опорой на архивные источники, представляющие собой в основном делопроизводственную документацию, хранящуюся в Государственном архиве в Варшаве (Archiwum Państwowe w Warszawie, APW), Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАМ), Центральном государственном историческом архиве Украины (Центральный державний історичний архів України, ЦДАКУ).

Собирательный социальный портрет ректора конца XIX – начала XX в.

Всего за рассматриваемый период (с учетом того, что некоторые профессора занимали позицию ректора в разное время в двух разных университетах, или по несколько раз, с перерывами, в одном, и за вычетом тех, кто краткосрочно исполнял обязанности) на постах ректоров российских университетов побывало 75 человек¹⁷. Важные наблюдения и выводы, как для характеристики непосредственно ректорского корпуса, так и университетской системы в целом дают сравнительные данные о социальном происхождении ректоров, месте получения ими высшего образования, их распределении по научным специальностям, карьером векторе до занятия высокой должности и после её оставления.

Социальное происхождение. Анализ происхождения ректоров российских университетов конца XIX – начала XX в. показывает относительно пестроту вариантов сословной принадлежности семей, из которых они вышли, с преобладанием двух наиболее распространенных категорий – дворянства (43 %) и духовенства (24 %). С заметным отставанием следуют выходцы из объединенной категории, в которую включены военные и гражданские служащие (“обер-офицерский сын”, “штаб-офицерский сын”, “сын вольного штурмана”, “сын чиновника”) – чуть больше 10 %, из купечества – чуть меньше 10 % и из мещан – 8 %. И вовсе единичные случаи представляли ректоры из потомственных почетных граждан, крестьян и иностранных подданных. Если обратиться к различиям между университетами, то наиболее “дворянским” следует назвать состав ректоров ИСПБУ, ИМУ, ИКУ и ИД(Ю)У, а наиболее “духовным” – ИУСВВ, ИВУ, ИТУ и ИНСУ. Другое важное замечание состоит в том, что ректорский корпус, с точки зрения происхождения, был элитарнее, чем состав штатных профессоров и преподавателей. Так, по подсчетам Е.А. Ростовцева, за тот же период, которому посвящено настоящее исследование, доля выходцев из дворянства среди всех преподавателей столичного университета едва превышала 32 %, а 3 % были из крестьянских семей¹⁸. В то же время среди ректоров ИСПБУ дворян по рождению было более 55 % и ни одного крестьянина. Та же особенность наблюдается и по прочим университетам¹⁹.

¹⁷ С учетом “дублирования” – 79.

¹⁸ Ростовцев 2017: 172–173.

¹⁹ О составе преподавательского корпуса ИКУ в 1884–1917 гг. см: Бушуева 2012: 105; о преподавательском корпусе ИТУ в 1888–1917 гг. - Некрылов 1999: 46.

Третье замечание касается динамики в социальном составе ректорского корпуса. На момент вступления в силу нового Устава из 8 ректоров 5 были из дворянских семей, 2 – из семей обер-офицеров и 1 – из духовенства. Накануне Февраля 1917 г. картина была уже несколько иной: из дворян было 4 ректора (т. е. теперь – меньше половины), еще 1 – из семьи обер-офицера, 2 – из духовенства, 2 – из мещан и 1 – из семьи иностранного подданного. Наблюдение о постепенной демократизации профессорско-преподавательского состава – уменьшении доли потомственных дворян и увеличении доли выходцев из городских непривилегированных слоев – сделал А.Е. Иванов²⁰. В этом отношении ректорский корпус демонстрировал общую тенденцию с профессурой.

Образование. Для характеристики ректорского корпуса значение имеет место получения руководителем университета высшего образования, являлся ли он “своим” или “чужим” возглавляемому им университету. Это выводит нас на проблему инбридинга, ставшую актуальной для характеристики высшей школы. Впрочем, для отечественного образования разных эпох – и имперской, и советской, и современной – типична высокая степень “самоопыления”, когда в вузе остаются работать, а впоследствии и возглавлять, его же выпускники. В конце XIX – начале XX в. соотношение ректоров, окончивших свой университет, и тех, кто получил образование в другом вузе, было 44 %/56 % (табл. 1). А по подсчетам С.И. Посохова, в начале XIX в., воспитанниками того же университета была половина ректоров²¹. То, что к рубежу XIX–XX вв., эта доля несколько сократилась, было следствием, пусть незначительного, но увеличения числа университетов в России.

Таблица 1

Университет	Место получения ректорами высшего образования											Всего
	ИСПбУ	ИМУ	ИКУ	ИНУ	ИХУ	ИУСвВ	ИВУ	ИД(Ю)У	ИТУ	ИНСУ	Др. вуз	
ИСПбУ	8	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
ИМУ	-	10	-	1	-	-	-	-	-	-	-	11
ИКУ	1	-	5	-	-	-	-	-	-	-	1	7
ИНУ	1	2	-	2	1	-	-	-	-	-	1	7
ИХУ	1	-	-	-	4	2	-	-	-	-	1	8
ИУСвВ	1	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	4
ИВУ	2	2	-	-	2	1	-	-	-	-	2	9
ИД(Ю)У	2	4	-	-	-	-	-	3	-	-	-	9
ИТУ	2	2	-	-	2	-	-	-	-	-	5	11
ИНСУ	-	-	2	-	-	1	-	1	-	-	-	4
Всего	18	21	7	3	9	7	0	4	0	0	10	79

²⁰ Иванов 1991: 223.

²¹ Посохов 2017: 125.

Приведенные медианные показатели нуждаются в конкретизации, применительно к отдельным университетам. Ректоры-“инбриды” заметно преобладали в старых университетах – ИМУ (10 из 11), ИСПБУ (8 из 9), ИКУ (5 из 7), ИХУ (4 из 8), ИУСвВ (3 из 4). В возникшем в 1865 г. ИНУ, за 1884–1917 гг. только 2 ректора из 8 окончили этот университет. В новых же университетах – ИТУ и ИНСУ – за дореволюционный период и вовсе не было ни одного ректора из числа своих выпускников. Из этой закономерности выбиваются два университета – ИД(Ю)У и ИВУ. В ИДУ до начала 1890-х гг. ректорами становились выпускники этого университета, а сам ИДУ являлся своего рода “немецким университетом” внутри Российской империи²². Значительная часть дерптских профессоров имела ученые степени, полученные не в России, а в европейских университетах. Среди преподавателей 1851–1875 гг. воспитанники самого университета составляли 56,2 %, а выпускники университетов Германии – 32,2 %²³. Однако в 1889–1895 гг. была проведена реформа ИДУ. Вслед за городом он был переименован в ИЮУ. Произошла замена немецкого языка преподавания русским, что обусловило существенные изменения в преподавательском составе. Только с 1889 г. по 1900 г. в Германию переехали 19 преподавателей, на пенсию вышло 9 профессоров. Удельный вес немцев сократился с 87 % в 1889 г. до 10 % в 1918 г., число русских по происхождению преподавателей увеличилось соответственно с 8,7 % до 75 %²⁴. В 1876–1900 гг. доля выпускников германских университетов среди преподавателей университета снизилась до 19 %²⁵. Эти процессы отразились и на составе руководства университета. После ухода в отставку О.Ф. Мейкова последующие 6 ректоров были выпускниками ИМУ (4) и ИСПБУ (2). В чём-то близкая Дерпту ситуация сложилась и в Варшаве. Можно утверждать, что, по замыслу российских властей, основной миссией ИВУ было осуществление русификаторской политики на западе Империи. Поэтому в студенческой среде ИВУ и среди выпускников преобладали поляки, тогда как профессура была преимущественно русской. Среди же ректорского состава рассматриваемого периода не было ни одного выпускника ИВУ.

Среди “доноров” ректорских кадров для “чужих” университетов заметно преобладали ИМУ (10) и ИСПБУ (11), на третьем месте с заметным отставанием располагался ИХУ (5), далее следовали ИУСвВ (4), ИКУ (2), ИНУ (1), ИД(Ю)У (1). Выпускников ИВУ, ИТУ и ИНСУ среди ректоров российских университетов рассматриваемого периода не было. Заметим, что не все ректоры были выпускниками именно университетов. Среди них имелись лица (около 13 %), получившие высшее образование в иных учреждениях – Императорской Медико-хирургической академии, Главном педагогическом институте, Нежинском Историко-

²² Андреев 2009: 355–360; Спикина 2013; Kostina, Kourprianov 2016; Гаврилина 2017.

²³ Тамул 2009: 587.

²⁴ История 1982: 273.

²⁵ Тамул 2009: 587.

филологическом институте князя А.А. Безбородко, а также в Гельсингфорсском университете Великого княжества Финляндского.

Научная специальность. С.И. Посохов, в поле зрения которого попали 99 ректоров ИКУ, ИУСвВ, ИМУ, ИСПБУ и ИХУ XIX – начала XX в., пришел к выводу о том, что занятие должности ректора «не зависело от научной отрасли кандидата (ректорами были представители практически всех отраслей знания). И все же заметно преобладали правоведаы: 24 (1/4). Столько же было историков и филологов – 25. Затем идут медики – 10»²⁶. В преобладании юристов на должности ректора, что стало особо отчетливо наблюдаться во второй половине XIX в., С.И. Посохов видит следствие процесса бюрократизации университетской жизни. В рассматриваемый период сохранилось положение, когда половину всего ректорского корпуса формировали представители юридического и историко-филологического факультетов (таблица 2). Однако к рубежу XIX–XX вв. укрепили свои позиции ректоры-медики. Это во многом было обеспечено за счет новых университетов (ИТУ и ИНСУ), которые изначально были открыты в составе лишь медицинских факультетов, что объясняет преобладание докторов медицины среди их руководителей.

Таблица 2

Университет	Специальность					Всего
	Право и экономика	История и филология	Физика и математика	Медицина	Другие	
ИСПБУ	4	2	2	–	1	9
ИМУ	4	2	2	1	2	11
ИКУ	2	2	1	2	–	7
ИНУ	–	2	3	2	–	7
ИХУ	3	2	–	1	2	8
ИУСвВ	2	1	–	–	1	4
ИВУ	1	6	–	2	–	9
ИД(Ю)У	4	1	2	2	–	9
ИТУ	1	–	1	8	1	11
ИНСУ	–	–	–	4	–	4
Всего	21 (27 %)	18 (23 %)	11 (14 %)	22 (28 %)	7 (8 %)	79

За тремя исключениями все ректоры имели докторскую степень. Из этой картины выбивались ректор ИМУ (1898) Н.А. Зверев – магистр государственного права, ректор ИСПБУ (1899–1903) А.Х. Гольмстен – магистр гражданского права, и последний ректор ИВУ С.И. Вехов – магистр римской словесности. Относительно Вехова нами в Варшавском архиве было обнаружено любопытное свидетельство. Еще в 1908 г. печатиле Варшавского учебного округа В.И. Беляев затребовал через ректора Е.Ф. Карского от исполняющих должность профессоров, которые не были докторами, «сведения о том, в какой срок они предполага-

²⁶ Посохов 2017: 124.

ют приобрести означенную степень”. С.И. Вехов, занимавший тогда позицию и.д. ординарного профессора кафедры римской словесности, отвечал на запрос попечителя следующим образом: “как до, так и после назначения и.д. ординарного профессора я имел в виду интересы дела, употребляя свободное от служебных занятий время главным образом для расширения и углубления своих познаний в науках, входящих в состав занимаемой мною кафедры”. Он сообщал, что им было прочитано студентам 30 курсов и что “для окончания моей работы, которая затем могла бы быть представлена в качестве докторской диссертации, по моему приблизительному расчёту, необходимо при служебных занятиях еще около двух лет”²⁷. Однако от реализации этого плана С.И. Вехова, очевидно, отвлекали административные обязанности. В конце того же 1908 г. он станет деканом историко-филологического факультета, а в 1913 г. – ректором, так и не защитив докторской диссертации.

Особенности карьерных траекторий ректорского корпуса

Остановимся на особенностях ректорских карьер в Российской империи. Обращаясь к служебной траектории до занятия ректорской позиции, заострим внимание на двух аспектах: протекала ли предшествовавшая карьера будущего ректора в том же, университете, который он возглавит, и имелся ли у него административный опыт.

Первый из названных аспектов напрямую увязан с особенностями академической мобильности в российской высшей школе. Недавнее исследование А.Ю. Андреева показало, что в период после принятия Устава 1884 г. и до начала Первой мировой войны каждый третий профессор за свою карьеру менял университет, и именно в эти десятилетия профессорская мобильность стала неотъемлемой чертой университетской системы²⁸. Проведенные подсчеты показывают, что подавляющее число ректоров (92 %) не было чужаками для их университетов (таблица 3). Это вовсе не означает, что вся их карьера складывалась в стенах одного университета, но, во всяком случае, при назначении или избрании они уже служили там. Любопытно, что в отличие от места получения высшего образования, даже в молодых университетах только первый ректор был “варягом”, а уже последующие имели, пусть и не очень продолжительный опыт службы в ИТУ или ИНСУ.

Административным бэкграундом (в качестве секретаря факультета, декана, помощника ректора, проректора или ректора) обладали 53 % ректоров рассматриваемого периода. Заметим, что этот показатель несколько снизился в сравнении с предыдущим периодом: по подсчетам С.И. Посохова среди ректоров пяти университетов XIX – начала XX в. “практическую подготовку в рамках университетской бюрократической системы” прошли 2/3 ректоров²⁹. Учитывая, что служба в университете начиналась примерно в 25 лет, путь к ректорству занимал в среднем

²⁷ APW. Z. 214. S. 81. k. 135.

²⁸ Андреев 2020: 80.

²⁹ Посохов 2017: 125.

четверть века. Подсчеты показывают, что средний возраст занятия ректорской позиции в рассматриваемый период составлял 49,6 лет, тогда как средний возраст оставления этой должности был равен 53,8 годам.

Таблица 3

Университет	Место службы до ректорства (наличие административного опыта)										Всего
	ИСПбУ	ИМУ	ИКУ	ИНУ	ИХУ	ИУСвВ	ИВУ	ИД(Ю)У	ИТУ	ИНСУ	
ИСПбУ	9(4)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9
ИМУ	–	11(7)	–	–	–	–	–	–	–	–	11
ИКУ	–	–	7(5)	–	–	–	–	–	–	–	7
ИНУ	–	–	–	7(5)	–	–	–	–	–	–	7
ИХУ	–	–	–	–	8(4)	–	–	–	–	–	8
ИУСвВ	–	–	–	–	–	4(3)	–	–	–	–	4
ИВУ	–	–	–	–	3 (3)	–	6(6)	–	–	–	9
ИД(Ю)У	–	–	1(1)	–	–	–	–	8(2)	–	–	9
ИТУ	1 (0)	–	–	–	–	–	–	–	10(2)	–	11
ИНСУ	–	–	1(0)	–	–	–	–	–	–	3(0)	4
Всего	10(4)	11(7)	9(6)	7(5)	11(7)	4(3)	6(6)	8(2)	10(2)	3(0)	79

Статистически более молодые ректоры были в ИМУ и ИТУ (средний возраст занятия должности – 46, средний возраст оставления – 49 лет); наиболее возрастные – в ИКУ и ИХУ (средний возраст занятия должности – 53, средний возраст оставления – 57/58 лет). Самым молодым и самым пожилым руководителями университетов в конце XIX – начале XX в. были соответственно ректор ИНУ С.П. Ярошенко (35 лет при вступлении в должность) и ректор ИДУ О.Ф. Мейков (69 лет при оставлении должности). Средняя продолжительность времени руководства университетом немного превышала 5 лет. Рекордсменами по продолжительности службы оказываются два киевских ректора, Ф.Я. Фортинский (1890–1902) и Н.М. Цытович (1905–1917), занимавшие свои посты по 13 лет, что, впрочем, заметно уступает рекорду, относящемуся к предыдущим поколениям: ректорство в ИСПбУ П.А. Плетнева, пришедшее на середину XIX в., длилось 21 год. Самой “стабильной” позиция ректора была в ИУСвВ, где за три с лишним десятилетия эту должность занимали только 4 профессора, включая двух вышеупомянутых рекордсменов. Столько же ректоров было и в самом молодом Саратовском университете, но – за гораздо менее продолжительный период (1909–1917). На противоположном фланге оказывается Томский университет, в котором с момента открытия в 1888 г. до Февральской революции ректор сменился 11 раз (не считая и.о.). Столько же ректоров, но за весь рассматриваемый период, с 1884 г., было в ИМУ.

С точки зрения анализа перспектив университетской карьеры позднейшего периода важно выяснить, как складывались профессиональные судьбы ректоров после оставления ими руководящей должности. Произведенные подсчеты показывают, что 53,2 % покинувших

должность ректора продолжали службу в том же университете в качестве профессоров (встречаются случаи занятия деканской позиции). 15,2 % меняли место службы на другой императорский университет либо иное научно-образовательное учреждение Империи. Аналогичная доля (15,2 %) бывших ректоров продолжала карьеру в органах власти. Наконец, 16,4 % прекращали профессиональную деятельность вследствие отставки, выхода на пенсию или смерти. Таким образом, наши данные подтверждают вывод С.И. Посохова о том, что “для подавляющего большинства лиц [...] ректорская должность стала финалом административной карьеры [...] вершиной особой статусной лестницы”³⁰.

Однако следует акцентировать внимание, как на нетипичных случаях продолжения ректорской карьеры, так и на бывших ректорах, продолживших службу в органах власти. К редким случаям можно отнести возвращение на должность ректора спустя некоторое время после её оставления, как это было в профессиональной биографии ректора ИМУ Н.П. Боголепова (1883–1887; 1891–1893), ректоров ИТУ А.И. Судакова (1892–1894; 1895–1903) и В.В. Сапожникова (1906–1909; 1917–1918). Помимо этого, два профессора в течение данного периода были ректорами в разных университетах: И.П. Щелков (ИХУ, 1884–1890; ИВУ, 1892–1894) и А.С. Будилович (ИВУ, 1890–1892, ИЮУ, 1892–1901).

Что касается “хождения во власть”, то таких случаев несколько больше 15,2 %, так как в эту статистику не вошли те, кто, покинув должность ректора, остался в университете, а спустя время получил административный пост. Как правило, продвижение экс-ректоров по административной линии проходило в пределах Министерства народного просвещения. Попечителями учебных округов становились: ректоры ИМУ Н.П. Боголепов, П.А. Некрасов и А.А. Тихомиров, ректоры ИВУ Н.А. Лавровский, Г.Э. Зенгер и Г.К. Ульянов, ректоры ИЮУ Г.В. Левицкий и В.Г. Алексеев, ректор ИСПБУ А.М. Жданов, ректор ИХУ М.М. Алексеенко, ректор ИНУ А.Н. Деревицкий, ректор ИТУ А.И. Судаков³¹. Позиции товарища министра народного просвещения достигали Н.А. Зверев (ИМУ) и Г.Э. Зенгер (ИВУ), а министерский пост занимали упомянутые Н.П. Боголепов и Г.Э. Зенгер³². Чаще других университетов “поставщиками” чиновников МНП становились ИМУ и ИВУ.

Университетское прошлое (в качестве не только ректоров, но – шире – профессоров и преподавателей) имелось у половины попечителей учебных округов, где располагались университеты, и половины министров народного просвещения рассматриваемого периода.

Ректоры, университетский вопрос и политика

К проблеме ректорских карьер тесно примыкают вопросы эволюции правового положения ректора (включая изменения в процедуре

³⁰ Посохов 2017: 130.

³¹ Уникальность случая А.И. Судакова заключалась в том, что он возглавлял Западносибирский учебный округ одновременно с ректорством в ИТУ.

³² Подробнее о феномене профессоров во власти см: Новиков, Перфилова 2015.

занятия должности), а также корреляция профессиональных судеб ректоров университетов с проводимой политикой в отношении “университетского вопроса” и общественно-политическими процессами в стране.

XIX в. знал разные периоды истории процедуры определения на должность лиц университетской администрации. Выборное начало максимально широко применялось в соответствии с первым университетским уставом 1804 г.; в дальнейшем зависимость ректорской должности от попечителя и министерства будет возрастать, при известной волнообразности в процедурах и практике решения этого вопроса³³.

Устав 1884 г. предусматривал лишь один способ замещения ректорской позиции – назначение на четырехлетний срок министром народного просвещения³⁴. Показательно, что при этом, государство не спешило в полной мере воспользоваться новыми правилами. В конце августа 1884 г. министр И.Д. Делянов писал попечителю Московского учебного округа П.А. Капнисту: «Относительно ректоров я полагаю ходатайствовать перед Государем Императором об утверждении в сей должности тех лиц, которые занимают оную в настоящее время»³⁵. В результате, в 1884 г. ректор сменился только в ИХУ. Г.М. Цехановецкий, избранный на должность в 1881 г., отказался от неё с введением нового устава. Два ректора – ИКУ, Н.Н. Булич, и ИДУ, Э. фон Валь – уйдут в отставку в 1885 г. Ректоры остальных университетов продолжили службу на своих позициях до конца десятилетия. Такой подход министерства, вероятно, имел целью заручиться поддержкой ректорского корпуса, настроив руководство университетов на более лояльное отношение к намечаемым серьезным изменениям университетской жизни.

В середине 1880-х – начале 1900-х гг. назначение ректора становилось, как правило, предметом согласования между министерством и попечителем. Сохранилась любопытная переписка 1898 г. между министром Н.П. Боголеповым и В.В. Вельяминовым-Зерновым, попечителем Киевского учебного округа о необходимости назначения нового ректора ИУСвВ. На волне студенческих протестов министр выражал недовольство ректором Ф.Я. Фортинским: «он не только пассивно смотрел на незаконное образование студенческих старост и хозяйничанье их в университете, но даже вместе с бывшим Инспектором Жуком содействовал скрытию их имен от полицейской власти. Ввиду этого я покорнейше прошу Ваше Превосходительство подыскать в ректоры кандидата, который способен был бы без крутой ломки постепенно, но твердо установить более правильный порядок в жизни университета»³⁶.

Несмотря на такую, весьма определенную, установку министра, попечитель взялся отстаивать кандидатуру Ф.Я. Фортинского. В ответе министру В.В. Вельяминов-Зернов писал: «прямодушие и правдивость

³³ См. подробнее: Андреев, Посохов 2012; Andreev 2016

³⁴ Общий устав 1884: 11, 13.

³⁵ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4065. Л. 9.

³⁶ ЦДИАКУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Спр. 10. Арк. 2–2 об.

в связи с беспристрастием и спокойствием поставили его вне партийных несогласий и приобрели ему сочувствие большей части сослуживцев и товарищей [...] и доверие благоразумного большинства студентов”. Высказав такое мнение, попечитель все-таки назвал и двух альтернативных кандидатов на должность ректора – профессоров Н.А. Бунге и М.А. Тихомирова, добавив, что “назначение того или другого [...] не может служить ручательством большего порядка и более строгой дисциплины среди студентов”³⁷. В подтверждение слов попечителя к его письму было приложено студенческое воззвание, подписанное «Киевским союзным советом объединенных землячеств и организаций» и содержащее жесткую критику М.А. Тихомирова как декана медицинского факультета³⁸. В результате Ф.Я. Фортинский все-таки сохранил свой пост; он будет занимать его вплоть до смерти в 1902 г., став тем самым одним из ректоров-“долгожителей” своего времени.

Первая русская революция напрямую затронула и университетский вопрос. “Временными правилами” 27 августа 1905 г. была предусмотрена выборность ректора на заседании Совета университета с последующим утверждением министерством³⁹. В силу чрезвычайно накаленной общественной атмосферы, характерной для революционной поры, первые выборы оказались весьма политизированными. Показательно, что в течение 1905–1907 гг. смена ректора произошла во всех 9-ти действовавших университетах, а в некоторых (ИМУ, ИХУ, ИНУ, ИКУ⁴⁰) – за период революции ректор менялся несколько раз. Это демонстрирует, что профессорская корпорация желала видеть своим руководителем не тех лиц, кои ранее являлись таковыми по назначению.

Уже выбранные университетские руководители могли не получить утверждения в министерстве. Так случилось в 1912 г. на первых выборах ректора ИНСУ. В мае ректором был избран профессор И.А. Чувевский, бывший до того деканом медицинского университета, но он не был утвержден МНП, и более полутора лет в ИНСУ имелся лишь и.о. ректора: первоначально В.И. Разумовский (первый ректор, планировавший в 1912 г. покинуть свой пост), а затем Н.Г. Стадницкий. Только в сентябре 1913 г. новым ректором в результате тайного голосования стал профессор П.П. Заболотнов (получил 14 голосов «за», 11 – «против»)⁴¹.

На следующем историческом витке, между февралем и октябрём 1917 г., снова произойдет масштабное обновление ректорского корпуса. Новые ректоры будут избраны в ИМУ (М.А. Мензбир), ИУСвВ (Г.Г. Де-Метц), ИНУ (А.Д. Билимович), ИКУ (Д.А. Гольдгаммер), ИТУ (В.В. Сапожников). В Варшаве и Юрьеве (Тарту), фактически оказавшихся за

³⁷ ЦДАКУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Спр. 10. Арк. 3–4 об.

³⁸ ЦДАКУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Спр. 10. Арк. 6 об. – 7 об.

³⁹ Полное собрание 1908: 26692

⁴⁰ В ряде случаев частая смена ректоров была связана не с политикой, а с уходом из жизни: С.Н. Трубецкой (ИМУ, 1905), Н.М. Любимов (ИКУ, 1906).

⁴¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 271. Л. 45 об.

пределами российского государства, тоже сменились руководители университетов. В трёх оставшихся университетах – ИСПБУ, ИХУ и ИНСУ – непосредственно вследствие февральских событий смены руководства не произошло, но она не заставило себя долго ждать. К 1918 г. состав ректоров университетов в сравнении с кануном Февраля обновится полностью. Таким образом, мы видим, что позиция ректора в России оказывалась весьма чувствительной к политической конъюнктуре.

Политическая активность ректорского корпуса она находилась в прямой связи с общей тенденцией политизации российского общества эпохи революций. Политическая поляризация начала века очень ярко проявлялась и в университетской среде, причем далеко не только студенческой. Университетские советы были расколоты на “правых” и “левых” (в лексиконе рубежа XIX–XX вв. понятие “левые” зачастую распространялось не только на лиц, разделявших социалистическую или коммунистическую идеологию, но и на всех, кто был оппозиционно настроен к монархическому строю), причем на преобладание в них последних прямо указывалось в многочисленных донесениях в министерство попечителей учебных округов. К ректорам, последовательно занимавшим правую, монархическую позицию, можно отнести А.С. Будиловича, возглавлявшего в разные годы ИВУ и ИЮУ, С.В. Левашова, ректора ИНУ, члена Главного совета Союза русского народа.

На волне Первой русской революции, принёсшей в университеты принцип выборности, произошел приход ректоров из либерального лагеря: ректора ИНУ И.М. Занчевского, ректоров ИМУ С.Н. Трубецкого, А.А. Мануйлова, члена ЦК Конституционно-демократической партии. При этом было бы неверно априори исходить из того, что все назначенные после введения нового Устава 1884 г. ректоры были “правыми”, а все избранные после 1905 г. – “левыми”. Действительность была сложнее и отражала расстановку сил в МНП, в учебном округе, и в каждом университете. Показательно свидетельство, изложенное профессором Б.В. Варнеке в письме, написанном в Одессе 1 января 1914 г.: «В Новороссийском университете год тому назад выбрали Ректором профессора Кишенского, крайне правого, но очень глупого человека. Проводили его левые. Наши радовались, видя в этом симптомы примирения; я смотрел иначе и оказался, увы, прав. Он сразу переменял фронт и попал в руки к левым, уже провел двух левых в деканы [...]. Дело дошло до того, что на балу Ректору не позволили послать телеграмму ГОСУДАРЮ»⁴².

Как бы то ни было, в накаленной предреволюционной и революционной обстановке России начала XX в. университетам становилось всё сложнее соблюдать принцип “чистой науки” и быть “вне политики”. Политика прочно вошла в Университет и определяла многие аспекты университетской жизни.

***

⁴² ЦДАКУ. Ф. 385. Оп. 2. Спр. 26. Арк. 61.

Ректорский корпус как цельный феномен до сих пор – за некоторым исключением – был несправедливо обойден вниманием исследователей. Между тем, обращение к этому предмету сулит наращение научного знания об Университете, с точки зрения таких важнейших аспектов, как трансформация университетской модели, автономия, управление, корпоративные отношения.

На основании приведенных данных собирательный портрет ректора рубежа XIX–XX вв. рисуется следующим: это 50-летний мужчина, вышедший из дворянства или духовенства, доктор права, истории или медицины, получивший высшее образование и сделавший предшествующую карьеру в том университете, который возглавлял. Ректорская позиция для большинства фигур оказывалась вершиной профессиональной карьеры, хотя не исключением были случаи, когда опыт руководства университетом играл роль трамплина для продолжения чиновничьей карьеры по линии Министерства народного просвещения. Собирательный коллективный портрет дополняют исключения и локальные особенности, о которых говорилось выше. Обобщая их, полагаем, что десять российских университетов применительно к фигуре ректора можно сгруппировать так: столичные (ИСПБУ, ИМУ), базовые региональные (ИКУ, ИНУ, ИХУ, ИУСВВ), новые региональные (ИТУ, ИНСУ) и университеты западных окраин (ИВУ, ИД(Ю)У). При этом следует признать, что статистические способы измерения фигур ректоров неизбежно схематизирует их портрет, что имеет следствием естественные ограничения, когда от взора исследователя ускользают такие персональные характеристики, как масштаб личности, научный вес, умение руководить научно-учебной корпорацией и организаций. Всё это, без сомнения, представляет большой научный интерес, но требует иных инструментариев и методологических подходов.

С точки зрения позиционирования, далеко не все ректоры видели себя “слепыми исполнителями” воли начальства. В идейном отношении значительная часть ректорского корпуса отражала либеральный крен общественных настроений рубежа XIX–XX вв. Как представители профессорской корпорации ректоры были вынуждены лавировать между её интересами и государственными установками. Наиболее болевой точкой в отношениях профессуры с властями была проблема университетской автономии и дилемма, связанная с установлением порядка замещения профессорских и административных должностей в университетах как наиболее яркое её воплощение. В этом отношении принципиальным внутренним рубежом в пределах рассматриваемого периода следует считать 1905 г. как границу между назначаемыми и избираемыми ректорами. При этом, хоть избранный, хоть назначенный ректор становился фигурой знаковой и даже политической (в широком смысле этого понятия), наглядным подтверждением чего являлось полное обновление ректорского корпуса в переломные моменты истории страны – сначала в ходе I русской революции, затем в ходе революции 1917 г.

АРХИВЫ

- Государственный архив Саратовской области (ГАСО) Ф. 393. Оп. 1. Д. 271.
 Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 4065.
 Центральный державний історичний архів України (ЦДАКУ). Ф. 385. Оп. 2. Спр. 26.
 ЦДІАКУ. Ф. 707. Оп. 262 (1898). Спр. 10.
 Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 81.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93. [Andreev A.Yu. Mobil'nost' professorov v universitetskoj sisteme Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2020. Vyp. 97. S. 68–93].
- Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009 [Andreev A.Yu. Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znak, 2009].
- Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской Империи XVIII – первой половины XIX века. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с. [Andreev A.Yu., Posohov S.I. Universitet v Rossijskoj Imperii XVIII – pervoj poloviny XIX veka. M.: ROSSPEN, 2012. 671 s.].
- Биобиблиографический словарь ученых Харьковского университета. Т. 1: Ректоры (1805–1919, 1933–1995) / сост. В.Д. Прокопова и др. Харків: б.и., 1995 [Biobibliograficheskij slovar' uchenyh Har'kovskogo universiteta. T. 1: Rektory (1805–1919, 1933–1995) / sost. V.D. Prokopova i dr. Harkiv: b.i., 1995].
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894. Том первый. А–Л. СПб: б.и., 1896; Том второй. М–Я. СПб: б.и., 1898. 374 с. [Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya, 1869–1894. Tom pervyj. A–L. SPb: b.i., 1896. 419 s.; Tom vtoroj. M–YA. SPb: b.i., 1898].
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования. (1802–1902). Т. 1. Юрьев: б.и., 1902; Т. 2. Юрьев, 1903: б.и. [Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derptsckogo universiteta za sto let ego sushchestvovaniya. (1802–1902). T. 1. Yur'ev: b.i., 1902; T. 2. Yur'ev, 1903: b.i.].
- Бушуева Л.А. Состав профессорской коллегии Императорского Казанского университета в условиях модернизации российской высшей школы во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития: сб. статей / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 89–107. [Bushueva L.A. Sostav professorskoj kollegii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta v usloviyah modernizacii rossijskoj vysshej shkoly vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Istoricheskij opyt rossijskih modernizacij XIX–XXI vekov: specifiika regional'nogo razvitiya: sb. statej / отв. red. A.S. Bushuev. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2012. С. 89–107].
- Валиев М.Т. Эрвин Гримм – последний ректор Императорского Санкт-Петербургского университета // История Петербурга. 2022. № 4 (88). С. 89–98. [Valiev M.T. Ervin Grimm – poslednij rektor Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta // Istoriya Peterburga. 2022. № 4 (88). С. 89–98].
- Гаврилина И.А. Ректор Г.Ф. Паррот и попечитель Ф.М. Клингер: Два взгляда на развитие Дерптского университета в первые годы его существования (1802–1803) // Клио. 2017. № 10 (130). С. 47–56. [Gavrilina I.A. Rektor G.F. Parrot i popечitel' F.M. Klinger: Dva vzglyada na razvitie Derptsckogo universiteta v pervye gody ego sushchestvovaniya (1802–1803) // Klio. 2017. № 10 (130). S. 47–56].
- Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский (Научная и административная деятельность): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003. [Ermolaev Yu.N. Rektor Moskovskogo universiteta M.K. Lyubavskij (Nauchnaya i administrativnaya deyatelnost'): Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M., 2003].

- Есин Б.И. Ректоры Императорского Московского университета и русская журналистика. 1755–1917. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004 [Esin B.I. Rektory Imperatorskogo Moskovskogo universiteta i russkaya zhurnalistika. 1755–1917. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004].
- Зима Т.Ю. Ректор Императорского Томского университета Н.А. Гезехус и музыка. Вокруг одного письма // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 87–92. [Zima T.Yu. Rektor Imperatorskogo Tomskogo universiteta N.A. Gezekhus i muzyka. Vokrug odnogo pisma // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 370. S. 87–92].
- Зимулина Г.Д. Эволюция развития института выборов ректоров в России // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 1 (77). С. 11. [Zimulina G.D. Evolyuciya razvitiya instituta vyborov rektorov v Rossii // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2018. № 1 (77). S. 11].
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. 392 с. [Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX v. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1991. 392 s.].
- История Тартуского университета. 1632–1982. Таллин: Периодика, 1982. 280 с. [Istoriya Tartuskogo universiteta. 1632–1982. Tallin: Periodika, 1982. 280 s.].
- Назарьева О.Е. А.А. Мануйлов – ректор Московского университета // Клио. 2009. № 1 (44). С. 122–125. [Nazar'eva O.E. A.A. Manujlov – rektor Moskovskogo universiteta // Klio. 2009. № 1 (44). S. 122–125].
- Неккрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1999. [Nekrylov S.A. Professorsko-prepodavatel'skij korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888 – fevral' 1917 gg.). Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Tomsk, 1999].
- Николаева Н.Г. Латинские активные речи ректоров Казанского университета // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 413–422. [Nikolaeva N.G. Latinskie aktivnye rechi rektorov Kazanskogo universiteta // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2015. № 20. S. 413–422].
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: эксперимент с "чиновниками от просвещения" (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер) // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1, № 2. С. 151–165. [Novikov M.V., Perfilova T.B. Universitety Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: eksperiment s "chinovnikami ot prosveshcheniya" (N.P. Bogolepov, G.E. Zenger) // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. T. 1, № 2. S. 151–165].
- Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также описание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб: б.и., 1884. [Obshchij ustav i vremennyj shtat Imperatorskikh rossijskikh universitetov, a takzhe raspisanie dolzhnostej i okladov sodержaniya po inspekcii v universitetah. SPb: b.i., 1884].
- Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб: Государственная типография, 1908. 966 с. [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Sobranie 3-e. T. XXV. Otdelenie I. SPb: Gosudarstvennaya tipografiya, 1908. 966 s.].
- Попков В.М., Кочеткова Т.В., Черненко Ю.В. [и др.] Штрихи к портрету В.И. Разумовского: К 160-летию со дня рождения первого ректора Саратовского государственного медицинского университета // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. Т. 13, № 2. С. 309–313. [Popkov V.M., Kochetkova T.V., Chernenkov YU.V. [i dr.] Shtrihy k portretu V.I. Razumovskogo: K 160-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo rektora Saratovskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta // Saratovskij nauchno-medicinskij zhurnal. 2017. T. 13, № 2. S. 309–313].
- Посохов С. Ректор университета в бюрократической системе Российской империи XIX – начала XX века // Res Historica. 2017. № 44. С. 115–136. [Posohov S. Rektor universiteta v byurokraticheskoy sisteme Rossijskoj imperii XIX – nachala XX veka // Res Historica. 2017. № 44. S. 115–136].
- Профессори Одесского (Новороссийского) университета. Биографичний словник. Одеса: ОНУ, 2000. Т. 1: Ректори, [Profesori Odes'kogo (Novorosijs'kogo) universitetu. Biografichnij slovník. Odesa: ONU, 2000. T. 1: Rektori].
- Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: биобиблиографический словарь / Сост. Г.А. Тишкин; редколлегия: Л.А. Вербицкая (отв. ред.) и др.; авт. вступ. ст.: Л.А. Вербицкая, Г.А. Тишкин. СПб: Издат. дом С.-Петерб. ун-та, 2004. [Professora Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: biobibliograficheskij

- slovar' / Sost. G.A. Tishkin; redkollegiya: L.A. Verbickaya (otv. red.) i dr.; avt. vstup. st.: L.A. Verbickaya, G.A. Tishkin. Spb: Izdat. dom S.-Peterb. un-ta, 2004].
- Пчелов Е.В. Генеалогические связи ректоров Московского университета // Ректоры Московского университета: Биографический словарь / составитель В.В. Ремарчук. М.: б.и., 1996. С. 245–250. [Pchelov E.V. Genealogicheskie svyazi rektorov Moskovskogo universiteta // Rektory Moskovskogo universiteta: Biograficheskij slovar' / sostavitel' V.V. Remarchuk. M.: b.i., 1996. S. 245–250].
- Пчелов Е.В. К анализу основных биографических данных ректоров Московского университета // Ректоры Московского университета: Биографический словарь / составитель В.В. Ремарчук. М.: б.и., 1996. С. 235–244. [Pchelov E.V. K analizu osnovnyh biograficheskikh dannyh rektorov Moskovskogo universiteta // Rektory Moskovskogo universiteta: Biograficheskij slovar' / sostavitel' V.V. Remarchuk. M.: b.i., 1996. S. 235–244].
- Пчелов Е.В. Научная школа Москвы и российская провинция (Из наблюдений над ректорским составом Московского университета до 1917 г.) // Культура и наука в жизни российской провинции. Методика преподавания вопросов культуры и науки в высшей и средней школе. Материалы Региональной научно-методической конференции. Рязань: б.и. 1996. С. 7–9. [Pchelov E.V. Nauchnaya shkola Moskvy i rossijskaya provinciya (Iz nablyudenij nad rektorskim sostavom Moskovskogo universiteta do 1917 g.) // Kul'tura i nauka v zhizni rossijskoj provincii. Metodika prepodavaniya voprosov kul'tury i nauki v vysshej i srednej shkole. Materialy Regional'noj nauchno-metodicheskoy konferencii. Ryazan': b.i. 1996. S. 7–9].
- Пчелов Е.В. Ректорский состав Московского университета: биографический и генеалогический анализ // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сборник научных статей. Том 3. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. С. 103–114. [Pchelov E.V. Rektorskij sostav Moskovskogo universiteta: biograficheskij i genealogicheskij analiz // Rossijskie universitety v XVIII–XX vekah: Sbornik nauchnyh statej. Tom 3. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1998. S. 103–114].
- Пчелов Е.В. Из университетских уставов России: (Порядок утверждения в должности ректора) // Ректоры Московского университета : Биографический словарь / составитель В.В. Ремарчук. М.: б.и., 1996. С. 233–234. [Pchelov E.V. Iz universitetskix ustavov Rossii: (Poryadok utverzhdeniya v dolzhnosti rektora) // Rektory Moskovskogo universiteta : Biograficheskij slovar' / sostavitel' V.V. Remarchuk. M.: b.i., 1996. S. 233–234].
- Ректори Київського університету. 1834–2006. Київ: Либідь, 2006. [Rektori Kiïvskogo universitetu. 1834–2006. Kiïv: Libid', 2006].
- Ректоры Казанского университета: 1804–2004 гг.: Очерки жизни и деятельности / сост. и науч. ред.: В.С. Королев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. [Rektory Kazanskogo universiteta: 1804–2004 gg.: Ocherki zhizni i deyatelnosti / sost. i nauch. red.: V.S. Korolev. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2004].
- Ректоры Московского университета: Биографический словарь / составитель В.В. Ремарчук. М.: б.и., 1996. [Rektory Moskovskogo universiteta: Biograficheskij slovar' / sostavitel' V.V. Remarchuk. M.: б.и., 1996].
- Ректоры Томского университета: Биографический словарь / С.А. Некрылов, А.В. Литвинов, К.В. Петров [и др.]. Том 5. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2003. [Rektory Tomskogo universiteta: Biograficheskij slovar' / S.A. Nekrylov, A.V. Litvinov, K.V. Petrov [i dr.]. Tom 5. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2003.].
- Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. [Rostovcev E.A. Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii: Uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017].
- Семенов В.Н. Ректоры Саратовского университета. Факты жизни и деятельности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. [Semenov V.N. Rektory Saratovskogo universiteta. Fakty zhizni i deyatelnosti, Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1999].
- Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / Ред. колл.: Р.Ш. Ганелин (рук. проекта), А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, Е.А. Ростовцев, И.Л. Тихонов. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/university.html> [Slovar' professorov i prepodavatelej Sankt-Peterburgskogo universiteta (1819–1917) / Red. koll.: R.SH. Ganelin (ruk. projekta), A.YU. Dvornichenko, T.N. Zhukovskaya, E.A. Rostovcev, I.L. Tihonov]

- Спикина Е.Э. Русский профессор в Дерптском университете // Апробация. 2013. № 6 (9). С. 38–40. [Spikina E.E. Russkij professor v Derp'tskom universitete // Aprobaciya. 2013. № 6 (9). S. 38–40].
- Тамул С. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М.: НЛО, 2009. С. 584–702. [Tamul S. Tartu i ego universitety (1905–1918 gody) // Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka). M.: NLO, 2009. S. 584–702].
- Федорова Н.А. Ректор-уфимец // Уфимский некрополь. Санкт-Петербург : Издательство "Гилем", 2015. С. 112–124. [Fedorova N.A. Rektor-ufimec // Ufinskij nekropol'. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo "Gilem", 2015. S. 112–124].
- Черных Н.В. Правовое регулирование статуса ректора университета в Российской Империи // Право и образование. 2011. № 12. С. 44–51. [Chernyh N.V. Pravovoe regulirovanie statusa rektora universiteta v Rossijskoj Imperii // Pravo i obrazovanie. 2011. № 12. S. 44–51].
- Шор Т. Ректор Юрьевского университета Антон Будилович и его исследование о средневековом Юрьеве-Дерпте // Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам: Сборник статей / Ответственный редактор: Н.В. Салоников. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. С. 303–310. [Shor T. Rektor Yur'evskogo universiteta Anton Budilovich i ego issledovanie o srednevekovom YUr'eve-Derpte // Evropejskie tradicii v istorii vysshej shkoly v Rossii: ot douiversitetskoj modeli k universitetam: Sbornik statej / Otvetstvennyj redaktor: N.V. Salonikov. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyj universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2018. S. 303–310].
- Andreev A.Yu. The election of rectors in the first decades of university autonomy in Russia // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta-Istoriya. 2016. № 3. С. 4–16.
- Kostina T.V., Kouprianov A.V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat university (1803–1884) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta-Istoriya. 2016. № 3. С. 31–45.
- Poczet Rektorów Uniwersytetu Warszawskiego / Pod red. prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016 [Poczet Rektorów Uniwersytetu Warszawskiego / Pod red. prof. dr hab. Wojciech Tygielski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016].

Грибовский Михаил Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, член Общества интеллектуальной истории, mgrib@mail2000.ru

Rector's Corps of Russian Imperial Universities. Between Government and Corporation

The article is devoted to the rectors' corps of Russian universities in the late 19th – early 20th centuries. The research field included 75 people who in 1884–1917 served as rector at ten universities in the Russian Empire. Compositionally, the study consists of three related aspects: collective social portrait of a university rector; features of career trajectories of university leaders; and problems of the rectory corps in the context of the state educational policy and the current political situation of the revolutionary era. The article pays attention to both the all-Russian features and patterns of evolution of the figure of the rector, and local features, it is proposed to distinguish four groups of universities. The study was carried out based on the lists of officials under the department of the Ministry of Public Education, biographical dictionaries, archival sources deposited in the funds of the Central State Archive of Moscow, the State Archive of the Saratov Region, the Central State Historical Archive of Ukraine, the State Archive in Warsaw.

Keywords: *university, rector, university charter, higher education, Russian Empire*

Mikhail Gribovskiy, Dr. Sc. (History), Associate Professor, National Research Tomsk State University, mgrib@mail2000.ru.

СОЦИАЛЬНАЯ ГИГИЕНА В СССР, КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА (1922–1930): НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ, ЗЕМСКИЙ ОПЫТ И ПАТРОНАЖ ГОСУДАРСТВА¹

Работа посвящена процессу становления советской социальной гигиены как научной дисциплины в условиях социалистических преобразований и трансферу идей из Германии и дореволюционной России в СССР в 1920-е гг. Научной основой социальной гигиены в СССР стала немецкая социальная гигиена (понятие, область знаний, специальные научные методы) и методология земской медицины. Научная область знаний и методы исследования в советской социальной гигиене полностью отражали идеологию А. Гротьяна, основателя немецкой социальной гигиены. Это исследование показывает, что формирование социальной гигиены в СССР происходило под непосредственным воздействием органов государственной власти.

Ключевые слова: история медицины, история общественного здоровья, социальная гигиена, Германия, СССР.

Немецкая социальная гигиена, зародившаяся в первое десятилетие XX в., вызывала большой интерес в разных странах. Работы социаль-гигиенистов из Германии получили широкое распространение и оказали значительное влияние на развитие социально-гигиенических взглядов российских врачей-интернационалистов, идеологов нового советского общества, как пример практического решения проблем общественного здоровья. Именно социалистические идеи, знакомство с трудами классиков марксизма и работами немецких ученых привели к появлению социальной гигиены в СССР². Под социальной гигиеной тогда понимали науку, изучающую закономерности влияния социальных и экономических факторов на здоровье различных социальных групп населения и дающую теоретическое обоснование системе государственных и общественных мероприятий по охране и укреплению здоровья общества.

История отдельных вопросов становления социальной гигиены как самостоятельной научной дисциплины, пути и особенности ее развития в России, ее роль и значение в 1920-е гг., уже становились предметом исследования. Историки советской социальной гигиены И.В. Венгрова и Ю.В. Шилинис рассматривали, прежде всего, становление этой новой дисциплины с практических позиций выполнения задач советской власти. Они подчеркивают, что в определении проблем и области исследований социальной гигиены господствующую роль занимала политика партии и правительства, а проведение социально-гигиенических исследований основывалось на марксистско-ленинской методологии. Санитарную статистику, сформированную в середине XIX столетия, Венгро-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 19-18-00031 «"Мягкая сила" советской медицины: трансфер знаний, технологий и идеологий в международных связях Наркомздрава РСФСР/СССР (1921-1947)», <https://rscf.ru/project/19-18-00031/>

² Венгрова, Шилинис 1976; Hubenstorf 2005.

ва и Шилинис показали не как научный метод социальной гигиены, а как одно из ее направлений³.

А.П. Шишкин, изучая становление Государственного института социальной гигиены (далее – ГИСГ) Наркомздрава РСФСР, выяснил, что сотрудники ГИСГ разработали методику проведения комплексного социально-гигиенического исследования здоровья населения. Он отмечает, что наряду с научными методами, разработанными в дореволюционное время, принципиально новым в исследованиях ГИСГ было творческое использование марксистского диалектического метода⁴.

Канадская исследовательница С. Соломон считает, что несмотря на заимствованные и адаптированные немецкие и русские традиции, советская социальная гигиена имела особый подход к изучению здоровья и болезней населения, и ее отличительной чертой была отдача первенства социальным факторам в этиологии болезней, а все остальные факторы были отброшены. Также Соломон отмечает влияние органов власти на становление советской социальной гигиены⁵.

Из работ последнего десятилетия можно выделить монографию С.Н. Затравкина и Е.А. Вишленковой и книгу американского историка Д. Хоффмана. В последней автор рассматривает социальную гигиену с позиции политической деятельности Наркомздрава, ориентированной на улучшение факторов среды и жизненных условий. Не изучая социальную гигиену как науку, он отметил, что в поиске социальных причин заболеваний, советские социальные гигиенисты использовали ряд социологических методов⁶.

Цель нашего исследования – рассмотреть процесс становления советской социальной гигиены как научной дисциплины в условиях социалистических преобразований и определить трансфер идей из Германии и дореволюционной России в СССР в 1920-е гг.

Область знаний и научные методы советской социальной гигиены в СССР в начале 1920-х гг.

В отличие от Германии, где между формированием научной дисциплины социальной гигиены и ее институализацией (открытием первых кафедр) прошло два десятилетия, в России эти два события совпали по времени. Через пять лет после большевистской революции в 1922 г. при I МГУ была организована первая кафедра для трех медицинских факультетов Москвы. В 1923 г. Наркомздрав, во главе с наркомом Н.А. Семашко, возложил на ГИСГ функции научно-методологического центра социальной гигиены⁷.

В ноябре 1923 г. усилиями трех комиссариатов (Наркомпроса, Наркомтруда и Наркомздрава РСФСР) была открыта университетская

³ Венгрова, Шилинис 1976.

⁴ Шишкин 1972.

⁵ Solomon 1990a; 1990c; 1994.

⁶ Затравкин, Вишленкова, 2022; Хоффманн 2018.

⁷ Венгрова, Шилинис 1976; Кирик, Ратманов, Шеноева 2020.

клиника социальных и профессиональных болезней (далее – Клиника), призванная стать учебно-педагогическим и практическим органом. Клиника была создана для изучения болезней, в этиологии которых первичную роль играли, как считалось, трудовые и социальные факторы, и для разработки профилактических мероприятий по предупреждению развития этих заболеваний⁸. ГИСГ должен был стать научным центром, а также материальной базой для профилактических кафедр (социальной гигиены, общей гигиены) и Клиники, предоставляя свои лаборатории, музеи и кабинеты. Находясь в тесном контакте, ГИСГ и Клиника, опираясь на существующие в Москве социально-гигиенические, санитарные и медицинские учреждения, могли выполнять объединительные функции по проблемам профилактического направления⁹. Остальные «периферийные» вузы были ориентированы на образовательную детальность.

Социальная гигиена в СССР не была оригинальной идеей организаторов советского здравоохранения. Они опирались на традиции дореволюционной «общественной медицины» и устанавливали отношения с иностранными специалистами¹⁰. Сотрудники ГИСГ и кафедры социальной гигиены И МГУ (Н.А. Семашко¹¹, А.В. Мольков¹², А.Н. Сысин¹³, С.И. Каплун¹⁴, Л.А. Сыркин¹⁵, П.И. Куркин¹⁶), неоднократно выезжали на Запад для изучения положения санитарных учреждений. Они были знакомы не только с основными трудами немецких ученых, которые переводились на русский язык в течение 1920-х гг., но и имели личные контакты с главными идеологами социальной гигиены в Германии.

Мы делим развитие научной социальной гигиены в России в период с 1922 по 1930 гг. условно на три этапа. Первый (1922–1923) характеризуется накоплением советскими социал-гигиенистами теоретических знаний немецкой социальной гигиены и попытками ее адаптации к условиям Советской России. На втором этапе (1924–1927 гг.) формируется направленность советской социальной гигиены с позиции практического ее применения в решении вопросов здравоохранения и социального обеспечения, воплощая идеи социализма и удовлетворяя потребности общественной жизни в стране. На этом этапе определяются методология и специальные научные методы социальной гигиены как науки и предмет преподавания как учебной дисциплины. И на третьем этапе (1928–1930) конкретизируется область научных знаний социальной гигиены.

С 1922 г. кафедры социальной гигиены испытывали существенные трудности, как в научном, так и в образовательном процессе, из-за

⁸ Комиссарук 1926; Семашко 1926.

⁹ Соловьев, Мольков 1925.

¹⁰ Solomon 1990b.

¹¹ Семашко 1923а; ГАРФ Ф.А482, оп.35, д.58.

¹² ГАРФ. Ф.А482, оп. 41, д.2283; там же, оп.35, д. 153, л.214-215.

¹³ ГАРФ. Ф.А482, оп.42, д.5975.

¹⁴ ГАРФ Ф.А482, оп.41, д.1391.

¹⁵ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д. 153, л.214-215.

¹⁶ ГАРФ. Ф.А539, оп.3, д. 8124.

новизны рассматриваемых вопросов и отсутствия в медицинской литературе на русском языке каких-нибудь законченных сочинений и учебников в области социальной гигиены. В дореволюционной России публикации, отражающие немецкий опыт и общие подходы русских врачей по социальной гигиене¹⁷, появлялись в журналах Пироговского общества. Раздел, посвященный вопросам социальной гигиены, более десяти лет возглавлял меньшевик Л.Б. Грановский. В 1922 г. по рекомендации наркома Семашко Грановский был выслан в ссылку вместе с другими врачами-меньшевиками и эсерами¹⁸.

Первым изданием по новой дисциплине стал сборник «Социальная гигиена», выходивший периодически под редакцией кафедры социальной гигиены I МГУ и ГИСГ. С 1923 по 1930 г. было опубликовано 20 выпусков. Сборник, будучи направлен на решение задач ГИСГ, сочетал общественно-политический и производственно-практический характер и не был похож на учебную литературу, содержащую систематизированные сведения научного и прикладного характера в удобной для преподавания и изучения форме. Он мало мог помочь в освоении нового предмета. Первые несколько лет советские организаторы разных отраслей санитарного дела (в прошлом не имевшие академического опыта) целенаправленно изучали опыт немецкой социальной гигиены и пытались приспособить ее научные основы в свете марксистской идеологии. Это прослеживается и в публикациях первых трех сборников.

Заведующий кафедрой социальной гигиены I МГУ нарком Семашко, традиционно считается главным проводником научной социальной гигиены в России. В первом выпуске сборника ему принадлежит вводная статья, в которой отражено его видение социальной гигиены в социалистической стране. Семашко рассматривает социальную гигиену не как научную дисциплину, а как идеологию, основу которой составили политические взгляды и повестка нового советского периода. В основе публикации заложены коммунистические идеи Маркса и Энгельса о социальном строе государства, социальном равенстве, здоровье и заботе трудящегося населения¹⁹. Семашко попытался адаптировать немецкое определение социальной гигиены с точки зрения задач советского государства. Он разбирает в статье определение социальной гигиены, опираясь на двух немецких авторов: Гротьяна (Grotjahn) и Хайеса (Chajes). Семашко считает, что они оба выразили свои мысли в определении независимо друг от друга. Перевод определения Гротьяна в статье неточный, он не отражает полноценного немецкого оригинального содержания и сути. Семашко больше импонирует понятие социальной гигиены данное Хайесом, в основе которого лежит концепция Гротьяна (1904) и толкование Эльстера (1909)²⁰. Как и Эльстер, Хайес считал, что

¹⁷ Грановский 1908; Канель 1913

¹⁸ Тополянский 2009. Авторы благодарят рецензента за указание на данный факт.

¹⁹ Семашко 1922.

²⁰ Фишер 1929.

описательная социальная гигиена изучает влияние только социально-экономических условий на продолжительное сохранение здоровья отдельных групп населения. Тогда как согласно определению Гротьяна описательная социальная гигиена – изучает условия, при которых происходит обобщение гигиенической культуры совокупности индивидов, связанных с точки зрения места жительства, времени и общества, а также их потомков²¹. Семашко сделал выбор в пользу социально-экономических факторов среды, оказывающих влияние на здоровье. Область знаний, научные методы социальной гигиены он не описывает. Ссылаясь на гигиенистов Г.В. Хлопина и К. Кисскалта (K. Kiskalt), которые рассматривали гигиену как защитницу экономически и социально слабейших или необеспеченных групп населения, Семашко в соответствии с марксистско-ленинской идеологией главным объектом изучения в социальной гигиене выделяет рабочий класс²².

В рамках нашего исследования чрезвычайно важна опубликованная в первых номерах сборника статья А.Н. Сысина²³. Сысин был знаком с основными немецкими руководствами по медицинской статистике Принцинга (F. Prinzing) и социальной патологии Гротьяна. Несмотря на отсутствие ссылок на немецкие источники, содержание публикации и рубрики статьи Сысина отражают основу этих руководств. Сысин был одним из первых в России, кто попытался определить инструмент для изучения социальной гигиены. В его статье перечисляются основные научные методы, разработанные Гротьяном: 1) данные естественного движения населения; 2) данные заболеваемости и инвалидности; 3) данные о физическом развитии населения. Отметим, что Сысин в статье использует терминологию времен земской и общественной медицины, среди которых понятие «научные методы» формулируется как «основные показатели изучения санитарного состояния».

В России методы санитарной статистики впервые описал Ф. Эрисман в конце XIX века. В этот же период медицинская статистика получила развитие в Германии. Среди предложенных Эрисманом методов отсутствовали показатели инвалидности и физического развития населения. В 1911–1912 гг. Куркин и Сысин выезжали в научные командировки в Германию, где уже были известны труды Принцинга и Гротьяна. В это время Куркин изложил методы санитарной статистики, соответствующие предложенной классификации методов социальной гигиены Гротьяна²⁴. Таким образом, классификация основных показателей изучения санитарного состояния имеет значительное немецкое влияние.

Во втором номере сборника Н.А. Семашко публикует статью о задачах социальной гигиены в России. Он подчеркивает широту и своеобразие задач социальной гигиены в социалистической стране, которые не

²¹ Grotjahn, Kriegel, 1904; Кирик, Ратманов 2023.

²² Семашко 1922.

²³ Сысин 1922; 1923.

²⁴ Куркин 1912.

укладываются в шаблонное понятие дисциплины западноевропейской культуры. Он считал, что социальная гигиена должна заниматься систематической консультацией во всех вопросах советского строительства. Автор наделял дисциплину государственными задачами, и не предаёт ей основание науки, теоретически направленной на выработку и систематизацию объективных данных о действительности здоровья населения, объединенного во времени, пространстве и обществе социализма. В советских условиях главными задачами социальной гигиены Н.А. Семашко называет 1) борьбу с социальными болезнями 2) охрану материнства и детства, 3) охрану труда, 4) проведение ряда евгенических мероприятий, 5) подготовку кадров социалистического строительства. Не вдаваясь в подробности, он пишет об используемых социальной гигиеной методах, выделяя метод санитарного просвещения, с помощью которого требуется решать вопросы не только социально-гигиенического или медицинского характера, но также имеющиеся государственные социальные проблемы. Семашко также перечисляет методы евгеники и статистики, но сути их не раскрывает. Он отмечает только то, что методы евгеники в России не должны соответствовать методам западноевропейских стран, а статистический метод должен отличаться от методов старой земской медицины. Семашко, как и в предыдущей своей статье, отводит большую роль социалистической идее в дисциплине «социальная гигиена», выраженную в поставленных перед ней задачах и методах. Он по-прежнему не рассматривает дисциплину в плоскости науки. Представленный им материал мало имеет общего с настоящей научной теорией и эмпирическими методами научного исследования²⁵.

В следующей статье 1924 г. Семашко признает, что научная мысль в российской медицине крайне слаба, медицинская наука оставалась без философского фундамента. Многие проблемы в области медицинских знаний не проработаны глубоко. Одной из проблем он считает преобладание прикладного лечебного элемента над научным элементом в преподавании и в разработке медицинских вопросов²⁶.

В первые годы создания самостоятельной дисциплины социальной гигиены в СССР ее идеологи столкнулись с трудностями. Новую дисциплину ввели в программу медицинского образования в кратчайшие сроки. Советские социал-гигиенисты, не имевшие преподавательского опыта, встретили враждебность со стороны специалистов общей гигиены и клиницистов²⁷. Ощущался недостаток подготовленного персонала для исследовательской деятельности. В проводимых социально-гигиенических работах массового обследования отсутствовали гарантии научного подхода и применение правильных методов исследования²⁸. Советская социальная гигиена, которая должна была стать полноценной научной

²⁵ Семашко 1923b.

²⁶ Семашко 1924.

²⁷ Баткис 1925.

²⁸ Мольков 1924.

дисциплиной, из-за патронажа государства не могла развиваться традиционным путем – на фундаменте научных теорий (с разработкой собственной области знаний, методологии и научными методами, как развивались научные дисциплины в западных странах). Еще одним негативным фактором стала необходимость выполнять задачи органов власти в реализации практических задач социально-гигиенического направления советской медицины. Клиническое медицинское направление в социально-гигиенических обследованиях по-прежнему сохраняло преимущество перед профилактическим направлением²⁹.

Одновременно в 1923 г. массовыми социально-гигиеническими обследованиями начали заниматься лечебно-профилактические учреждения диспансерного типа (туберкулезный и венерологический), учреждения охраны здоровья детей, охраны материнства, органы труда и профессиональной гигиены, страховые кассы, профсоюзы, жилищная и пищевая инспекции, школьно-санитарные врачи³⁰.

В 1923 г. все обследования ГИСГ и других организаций имели практический, а не научный характер. Повестка тем социально-гигиенических обследований доводилась сверху органами власти. Основными темами были проблемы социальной патологии, этиологии болезней, терапии отдельных социальных и профессиональных групп. Для проведения массовых социально-гигиенических обследований были определены специальные научные методы: 1) экспериментально-гигиенический, 2) статистический, 3) антропометрия, 4) санитарно-гигиеническое исследование 5) клиническое исследование, 6) психотехнический метод (не получивший широкого распространения). Сыркин и Мольков отмечали, что массовые социально-гигиенические обследования должны быть направлены на изучение обследуемого, влияние на него среды, и среды на обследуемого. Объектами массового исследования они выделили: группы людей, условия жизни и труда, социальные взаимоотношения, предметы потребления и финансы³¹.

В 1924 г. начинается второй этап формирования социальной гигиены в СССР, как науки. Наркомздрав поручил ГИСГ организовать работу по унификации методики социально-гигиенических обследований, создать методологическое и научно-консультативное бюро социальной гигиены, для того чтобы многочисленные обследования выполнялись квалифицированно и их можно было использовать не только в практических целях, но и сделать годными для научного использования³².

Методология социально-гигиенических исследований включала разработку унифицированных форм обследования, регистрационных бланков и инструкций к ним. ГИСГ занял позицию консультативного центра, оказывающего содействие организациям Наркомздрава и дру-

²⁹ Сыркин 1924; Комиссарук 1926.

³⁰ Сыркин 1924.

³¹ Мольков 1924; Сыркин 1924.

³² Там же.

гим правительственным и общественным органам. Одновременно ГИСГ занимался собственными обследованиями и практической работой с помощью анкетирования, статистического и антропометрического методов. В этот период определился круг исследовательских интересов ГИСГ, среди них: проблемы народонаселения, проблемы коллективной жизни (общественное воспитание, общественное питание, половая жизнь, алкоголизм, труд), проблемы организации здравоохранения (нормы медицинской помощи, методы профилактической работы).

Семашко отмечал, что разработка методологии вызывала трудности. С заграничными образцами имелись принципиальные разногласия. На поиск своих методов было затрачено немало усилий и времени. В результате как ГИСГ, так и Клиникой, за основу был выбран метод массовых обследований, разработанный санитарным бюро Московской губернии. Однако общие заключения, которые делались в итоге таких массовых обследований, нуждались в глубокой научной проработке³³.

С 1925 г. научная деятельность ГИСГ значительно меняется в сторону проведения полевых исследований. В сборнике «Социальная гигиена» работы сотрудников кафедр и ГИСГ теоретической направленности публиковались уже эпизодически (например, труды Г.А. Баткиса, посвящённые евгенике)³⁴. С этого времени статьи в сборнике стали носить прикладной характер. Штатные сотрудники и стажеры ГИСГ в течение нескольких лет публиковали результаты социально-гигиенических обследований по алкоголизму и половому вопросу, прилагая программы этих обследований. В 1926 г. Клиника отказалась от проведения массовых обследований как типового метода работы, перешла к углубленному тематическому исследованию отдельных проблем профессиональной заболеваемости и была реорганизована в самостоятельный Институт профессиональных заболеваний³⁵.

Мы пришли к выводу, что на втором этапе развития социальной гигиены в СССР ГИСГ в качестве научной методологии для проведения социально-гигиенических исследований выбрал опыт массовых обследований земской статистики. Что касается специальных научных методов исследования и способов познания особенностей объекта наблюдения, выбранных еще на первом этапе работы ГИСГ, то они претерпели изменения. Сотрудники ГИСГ выбрали область социальной гигиены и специальные научные методы, предложенные Гротьяном, исключив методы научного менеджмента Тейлора³⁶. В это время европейскими учеными методы Тейлора были подвергнуты критике в результате невозможности учесть большое количество факторов, отличающих одну форму производительности труда от другой³⁷.

³³ Семашко 1926.

³⁴ Баткис 1927а; 1927б.

³⁵ Комиссарук 1926; Мольков, Каплун, 1941.

³⁶ Grotjahn and Kriegel, 1904; Grotjahn 1915.

³⁷ Gottstein, Schloßmann, Teleky, 1927.

Область научных исследований ГИСГ на втором этапе развития социальной гигиены еще не имела четких границ, тем не менее, она находилась под влиянием немецкой социальной гигиены, что отражалось и в организации подразделений ГИСГ, и в тематиках незначительных социально-гигиенических исследований, выполняемых сотрудниками института. Научно-исследовательские интересы ГИСГ в соответствии с концепцией Гротьяна прослеживаются в изучении проблем коллективной жизни – жилищный вопрос, проблемы общественного питания, половой вопрос, изучение алкоголизма.

Создание советской учебной литературы по социальной гигиене и методология этой дисциплины в конце 1920-х гг.

ГИСГ стал не только научно-методическим центром социальной гигиены, с 1924 г. он выполнял функции учебной базы для всех социально-гигиенических дисциплин I и II МГУ. Сотрудники ГИСГ также занимались разработкой методов преподавания профилактических дисциплин³⁸. Остро стоял вопрос издания руководств, строго соответствующих программным требованиям по всем предметам гигиенического преподавания³⁹. Перевод немецкого руководства Хайеса по социальной гигиене представлял, по существу, механическую смесь основного текста автора с дополнениями советского редактора, и, естественно, не учитывал требований, предъявляемых серьезному учебнику⁴⁰. Руководство Ткачева, написанное наспех, также не было фундаментальным руководством⁴¹. Таким образом, преподавание новой дисциплины не было подготовлено ни по содержанию, ни по методам⁴².

Вопрос издания собственного руководства по социальной гигиене, тематика и содержание которого должна была отражать марксистскую идеологическую линию здравоохранения, соответствующая потребностям времени и задачам советского строительства, начал обсуждаться с 1923 г., на следующий год после создания кафедры.

С самого начала Семашко проектировал написание руководства коллективом авторов, которые смогут квалифицированно подготовить отдельные главы по проблемам социальной гигиены. Для себя нарком в руководстве определил написание основной главы по теории социальной гигиены. Пребывая в начале 1923 года в заграничной командировке в Швейцарии и Германии, он попросил помощи у немецких коллег.

Из архивных источников мы выяснили, что представители Наркомздрава РСФСР вели переговоры с социаль-гигиенистами из Веймарской республики, причем не всегда немецкими. В январе 1923 г. (через два месяца после создания кафедры социальной гигиены) Семашко во время своего визита в Берлин встретился с редактором отдела социаль-

³⁸ “План работы Института на 1926-1927 гг.” 1926.

³⁹ Соловьев, Мольков 1925.

⁴⁰ Хайес 1923.

⁴¹ Ткачев 1924.

⁴² Баткис 1925.

ной медицины сменовеховской газеты «Накануне» доктором Я.А. Бродским⁴³. Их разговор касался издания книги по социальной медицине и организации здравоохранения в России. Позднее Бродский предложил Семашко проспект содержания будущего издания и советовал наркомку стать не только автором отдельной главы по социальной гигиене, но и главным редактором книги. В качестве авторов будущего руководства Бродский предложил как немецких, так и русских врачей, специалистов своего дела. Он считал, что русские авторы в первую очередь должны принять участие в написании руководства для пользы дела, как знатоки России, учителя и руководители врачебных поколений. Немецких авторов пришлось бы взять, потому что, они единственные кто тогда являлся специалистами в социальной гигиене, владел теоретическими и практическими навыками. Бродский заручился согласием виднейших специалистов и после получения согласия Н.А. Семашко был намерен приступить к работе и взять на себя редактирование «немецких» разделов. Бродский предложил следующие главы книги: 1) социальная гигиена, 2) факторы социального здравоохранения, 3) организация народного здравоохранения, 4) социальная медицина и социальные болезни. И, так же как в практической медицине при описании каждой болезни существует свой порядок (анализ, диагностика, диагноз, терапия), в социальной гигиене необходимо было разработать и использовать свой подход⁴⁴.

Структура будущего руководства, предложенная Бродским, была во многом схожа с содержанием переведенного в 1923 г. кратким руководством по социальной гигиене Б. Хайеса (Бродский у него учился). Среди немецких ученых, которые были готовы сотрудничать и написать отведенные им главы Бродский отметил А. Гротьяна, А. Готтштейна, Л. Телеки, Б. Хайеса, Э. Ресле, Эттингера. Что касается известных Бродскому русских авторов, то он подчеркнул С.А Новосельского, П.И. Куркина, А.Н. Винокурова, Х.Г. Раковского. Остальных русских авторов предложил выбрать самостоятельно в России⁴⁵.

Заключение директора ГИСГ А.В. Молькова на проект Бродского о публикации совместного русско-немецкого руководства по социальной гигиене было отрицательным. Проект был рассмотрен на конференции института, конференции кафедры и в медицинской комиссии Госиздата. ГИСГ не одобрил публикацию такого руководства, так как не мог допустить публикацию книги, посвященной теории социальной гигиены, одновременно для студентов и практических работников всех ведомств. Кроме того, проектируемая книга Бродского представляла, по мнению комиссии, собой большой и малодоступный для широкой

⁴³ Доктор медицины Яков Бродский (Jakob Brodsky) из Киева прошел полный курс обучения в области социальной медицины, социальной гигиены и социального обеспечения в Академии социальных наук в Шарлоттенбурге в зимний семестр 1920/1921 года. ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.58, л.377-377об.

⁴⁴ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.58, л.374-376.

⁴⁵ Там же.

аудитории труд. Госиздат также дал отрицателей ответ, указав на то, что не допустит широкого ввоза в Россию такого руководства, так как сам намерен издавать книгу по социальной гигиене⁴⁶.

Таким образом, несмотря на тесную связь ученых Советской России и Германии, ГИСГ и Госиздат отказались от помощи Веймарской республики в подготовке руководства по социальной гигиене, обосновывая такое решение тем, что в Советской России могут своими силами издать руководство. Но более важными, по нашему мнению, были политические мотивы. В СССР социальная гигиена выполняла функции связующего звена между коммунистической идеологией, Наркомздравом и медициной. Написание учебника по социальной гигиене было слишком важным делом, чтобы отдавать его в руки «буржуазных» ученых и русских эмигрантов. Но к 1925 г. оно так и не было подготовлено⁴⁷. В итоге, руководство по социальной гигиене под общей редакцией А.В. Молькова вышло в свет только в 1927 г.⁴⁸ Руководство предназначалось для студентов медицинских факультетов вузов и врачей, против чего выступал ГИСГ в 1923 г.

Вводная статья Н.А. Семашко «Социальная гигиена, ее сущность, методы и значение» в руководстве представляла собой текст работы из первого выпуска сборника «Социальная гигиена» в 1922 г.⁴⁹ В связи с этим, мы можем отметить, что в руководстве 1927 г. не было сформировано научное теоретическое понятие «социальная гигиена», которое должно было стать одним из структурных основополагающих элементов научного аппарата, имеющим особое значение для понимания научного знания самостоятельной дисциплины.

В первой части руководства («Основные методы изучения санитарного состояния населения») описанная методология и предложенные специальные методы для учебной дисциплины социальной гигиены соответствуют кругу научно-исследовательских интересов и выполнения поставленных задач ГИСГ периода 1924–1925 гг. В качестве научной методологии изложена техника проведения массовых исследований с помощью законов общей теории вероятности, а из специальных научных методов предложены статистика и антропометрия.

Таким образом, мы пришли к выводу, во-первых, что область исследования и специальные научные методы социальной гигиены в коллективном советском руководстве 1927 г., соответствует концепции социальной гигиены, предложенной Гротьяном в 1904 г. Научная методология проведения массовых исследований советской социальной гигиены отражает основы земской санитарной статистики. Во-вторых, научно-исследовательская деятельность ГИСГ и университетское преподавание социальной гигиены в московских вузах, формировалась одновре-

⁴⁶ ГАРФ. Ф.А482, оп.35, д.58, л.373.

⁴⁷ Каплун 1925.

⁴⁸ Мольков, 1927; Кирик, Ратманов 2022.

⁴⁹ Кирик and Ратманов 2022.

менно под патронажем Наркомздрава⁵⁰. Ни ГИСГ, ни кафедры не были независимым центрами, в которых могли сформироваться фундаментальные теоретические и практические основы социальной гигиены, независимо от органов власти. Область исследования проблем немецкой социальной гигиены, описанной Гротьяном, укладывалась в идеологические проблемы новой Советской России (питание, жилища, труд, одежда и др.), что в целом и послужило причиной развития этой научной дисциплины в стране. Круг научно-исследовательских интересов ГИСГ был сведен к основным публично декларируемому кругу вопросов органов государственной власти, а именно к оздоровлению труда, быта и организации здравоохранения.

В советском руководстве по социальной гигиене 1927 г. изложена как описательная часть (изучение условий, направленные на сохранение и укрепление здоровья населения), так и нормативная часть (изучение мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья социальных групп населения) немецкой концепции социальной гигиены. Вместе тем, научно-исследовательская деятельность ГИСГ в период с 1924–1927 гг. была направлена только на изучение социальных условий коллективной жизни трудящихся, нормативная часть в публикациях сотрудников ГИСГ не была представлена.

В 1928–1930 гг. на третьем этапе формирования научной социальной гигиены ГИСГ была сделана попытка свести задачи исследований к изучению влияния как факторов окружающей среды на человека, так и человека на окружающую среду. Проводились обследования изменения состояния здоровья коллектива в динамике во взаимодействии с внешней средой и заболеваний, «понижающих жизненную устойчивость коллектива» (алкоголизм, условия быта и др.). В этот период развития происходит сдвиг взглядов социал-гигиенистов А.В. Молькова, Л.А. Сыркина, Э.П. Дейчмана в сторону концепции социальной гигиены Гротьяна. Более четко определяются границы научной области, предложенные Гротьяном, несмотря на попытки придать большое значение советской коммунистической идеологии⁵¹. С 1930 г. развитие советской социальной гигиены в том виде, в каком она формировалась в 1920-е гг., прекратилось. Причины изменений были связаны с изменениями общественно-политической обстановки в стране и внутренним кризисом в советской социальной гигиене⁵².

Обсуждение и выводы

Взгляд на советскую социальную гигиену 1920-х гг., как на научную дисциплину, позволяет сделать вывод, что ее научной основой стала немецкая социальная гигиена (понятие, область знаний, специальные научные методы) с унаследованной от земского опыта методологией. Научная область знаний и методы исследования полностью отражали

⁵⁰ Solomon 1990с.

⁵¹ “Из отчета Государственного института” 1929.

⁵² Венгрова, Шилинис 1976; Кирик, Ратманов 2022.

идеологию социальной гигиены Гротьяна. В процессе ее становления советские социал-гигиенисты пересмотрели немецкие научные подходы двух поколений социал-гигиенистов и приняли концепцию Гротьяна.

Формирование социальной гигиены происходило под непосредственным воздействием органов государственной власти. После октябрьского переворота, по инициативе созданного наркомата здравоохранения во главе с Семашко, было закрыто Пироговское общество и репрессированы его лидеры.

Возглавляемый доверенными членами партии Наркомздрав РСФСР стал ветвью советского режима для осуществления политического контроля над всей медицинской сферой страны. Социальная гигиена для Наркомздрава выполняла вспомогательную роль, позволявшую связать далекую от политики медицинскую деятельность с марксистско-ленинской идеологией.

Для проведения Наркомздравом своих планов в жизнь под его патронажем при I МГУ была организована кафедра социальной гигиены. Нарком Н.А. Семашко и ряд определенных им государственных служащих ведомства стали заниматься образовательной и научной работой без соответствующей профессиональной подготовки.

Вовлечение сотрудников Наркомздрава здравоохранения в образовательную и научную деятельность способствовала сама немецкая концепция социальной гигиены. Гротьян рассматривал социальную гигиену, как описательную и нормативную науку. Как описательная наука - социальная гигиена изучает условия, при которых происходит обобщение гигиенической культуры совокупности индивидов, связанных с точки зрения места жительства, времени и общества, а также их потомков. Как нормативная наука – изучает меры, цель которых заключается в обобщении гигиенической культуры совокупности индивидов, связанных с точки зрения места жительства, времени и общества, а также их потомков.

В условиях Германии к нормативной части социальной гигиены врачи-специалисты привлекались властями в качестве внешних экспертов. В Советской России Наркомздрав оставил за собой нормативную часть социальной гигиены, т.е. разработку мероприятий по улучшению социально-гигиенических условий, гигиенического просвещения и методов гигиенической пропаганды среди людей, формируя их культуру. Такое толкование автоматически делало функционеров Наркомздрава, пишущих циркуляры, представителями академического мира. Описательная часть социальной гигиены была поручена ГИСГ.

На момент создания кафедры социальной гигиены при I МГУ и ГИСГ фундаментальные научные основы немецкой социальной гигиены достаточно не были изучены, осознаны и приняты. В то же время, идеологические и практические соображения исключали крупномасштабные заимствования иностранного материала у капиталистических

стран Запада. Разработка научных основ социальной гигиены у ГИСГ вызывали сложности, особенно в условиях доминирования марксистско-ленинской идеологии в стране. В результате социальная гигиена, как научная дисциплина, вобрала в себя область исследования и специальные научные методы от немецкой социальной гигиены, научную методологию от земской и общественной медицины. Принятая в Советской России формулировка социальной гигиены как науки имеет истоки от немецких социал-гигиенистов последователей Гротьяна (Эльстера, Фишера, Вейля, Хайеса и др.), которые сосредоточились на изучении условий и мероприятий здоровья населения только с точки зрения влияния социально-экономических факторов.

Предварительная подготовка оригинального советского учебного руководства по социальной гигиене включала сотрудничество с немецкой стороной. Несмотря на прямые контакты партийных лидеров Наркомздрава с немецкой профессурой, на начальном этапе это сотрудничество проходило в «серой зоне» русских врачей-эмигрантов в Берлине. Но в итоге возобладала не компромиссная позиция сотрудничества советских и немецких специалистов, а курс советской социальной гигиены на самоизоляцию. Советское руководство по социальной гигиене было написано без участия иностранцев и эмигрантов, хотя это и привело к снижению научного уровня этого труда.

В целом в советском руководстве по социальной гигиене отражена как описательная, так и нормативная часть немецкой концепции социальной гигиены. Содержание руководства соответствуют определенному ГИСГ научному направлению (комбинация немецкой социальной гигиены с русской общественной медициной). Центральной линией в руководстве стала марксистско-ленинская идеология, которая не была интегрирована в руководство и представляла собой «чужеродное тело».

В начале XX века сложилось три количественных измерения общественного здоровья (*public health*) и медицины: к широко распространенному в раннем санитарном движении XIX века обследованию (*survey*) в новом столетии прибавились надзор (*surveillance*) и значимость (*significance*). В отличие от однократных обследований, надзор – это дополнительная стратегия, направленная на систематическое отслеживание тенденций, с основой на работу органов местного самоуправления. Развитие санитарной статистики поместило математику в центр общественного здоровья, как науки, а понятие значимости стало неотъемлемой частью научных исследований в этой области. В контексте истории общественного здоровья советская социальная гигиена 1920-х гг. целиком полагалась исключительно на научные методы XIX века (обследование), будучи не в состоянии привить в Советской России более сложные методы, для которых была необходима хорошо отлаженная административная система и высокий уровень развития медицинской науки.

ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф.А482, оп.35, д.58; Ф.А482, оп.35, д. 153; Ф.А482, оп.41, д.1391; Ф.А482, оп. 41, д.2283; Ф.А482, оп.42, д.5975; Ф.А539, оп.3, д. 8124.
- Баткис Г.А. Итоги и дальнейшие тенденции в развитии преподавания социальной гигиены // Социальная гигиена. 1925. № 5. С. 37–40. [Batkis G.A. Itogi i dal'neyshiy tendentsii v razvitií predpovaniya sotsial'noy gigiyeny // Sotsial'naya gigiyena. 1925. № 5. S. 37–40.].
- Баткис Г.А. Современные евгенические течения в свете социальной гигиены (тезисы доклада) // Социальная гигиена. 1927а. № 1. С. 97–98. [Batkis G.A. Sovremennyye yevgenicheskiye techeniya v svete sotsial'noy gigiyeny (tezisy doklada) // Sotsial'naya gigiyena. 1927a. № 1. S. 97–98.].
- Баткис Г.А. Социальные основы евгеники // Социальная гигиена. 1927б. № 2. С. 7–26. [Batkis G.A. Sotsial'nyye osnovy yevgeniki // Sotsial'naya gigiyena. 1927b. № 2. S. 7–26.].
- Грановский Л.Б. О содержании и методах социальной гигиены // Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. 1908. № 3. С. 267–282. [Granovskiy L.B. O sodержanii i metodakh sotsial'noy gigiyeny // Zhurnal Obshchestva russkikh vrachey v pamyat' N.I. Pirogova. 1908. № 3. S. 267–282.].
- Из отчета Государственного института социальной гигиены НКЗ за 1928/1929 гг. // Социальная гигиена. 1929. № 3–4. С. 174–192. [Iz otcheta Gosudarstvennogo instituta sotsial'noy gigiyeny NKZ za 1928/1929 gg. // Sotsial'naya gigiyena. 1929. № 3–4. S. 174–192.].
- Канель В.Я. Социальная гигиена, ее сущность и значение (по данным новейшей немецкой литературы) // Общественный врач. 1913. Т. XVIII. № 4. С. 423–454. [Kanel' V.YA. Sotsial'naya gigiyena, yeye sushchnost' i znachenie (po dannym noveyshey nemetskoj literatury) // Obshchestvennyy vrach. 1913. T. XVIII. № 4. S. 423–454.].
- Каплун С.И. Учебные руководства и литература по вопросам социальной гигиены и смежных дисциплин // Социальная гигиена. 1925. № 5. С. 62–63. [Kaplun S.I. Uchebnyye rukovodstva i literatura po voprosam sotsial'noy gigiyeny i smezhnykh disiplina // Sotsial'naya gigiyena. 1925. № 5. S. 62–63.].
- Комиссарук Б.З. Два года работы клинки // Социальная гигиена. 1926. № 8. С. 112–118. [Komissaruk B.Z. Dva goda raboty klinki // Sotsial'naya gigiyena. 1926. № 8. S. 112–118.].
- Куркин П.И. К вопросу о построении схемы земской санитарной статистики. 1912 г. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1912. 27 с. [Kurkin P.I. K voprosu o postroyenii skhemy zemskoy sanitarnoy statistiki. 1912 g. M.: T-vo Pechatnya S.P. Yakovleva, 1912. 27 s.].
- Мольковы А.В. Тезисы об организации объединенного консультативного Бюро социально-гигиенических учреждений НКЗ по методике социально-гигиенических исследований // Социальная гигиена. 1924. № 3–4. С. 167–172. [Mol'kov A.V. Tezisy ob organizatsii ob'yedinennogo konsul'tativnogo Byuro sotsial'no-gigiyenicheskikh uchrezhdeniy NKZ po metodike sotsial'no-gigiyenicheskikh issledovaniy // Sotsial'naya gigiyena. 1924. № 3–4. S. 167–172.].
- План работы Института социальной гигиены на 1926–1927 гг. // Социальная гигиена. 1926. № 7. С. 130–131. [Plan raboty Instituta sotsial'noy gigiyeny na 1926–1927 gg. // Sotsial'naya gigiyena. 1926. № 7. S. 130–131.].
- Семашко Н.А. Вопросы социальной гигиены в Германии (беглые заметки из заграничных впечатлений) // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1923а. № 2–3. С. 26–27. [Semashko N.A. Voprosy sotsial'noy gigiyeny v Germanii (beglyye zametki iz zagranichnykh vpechatleniy) // Izvestiya Narodnogo komissariata zdavookhraneniya. 1923a. № 2–3. S. 26–27.].
- Семашко Н.А. Клиника социальных и профессиональных болезней московских государственных университетов // Социальная гигиена. 1926. № 8. С. 7–8. [Semashko N.A. Klinika sotsial'nykh i professional'nykh bolezney moskovskikh gosudarstvennykh universitetov // Sotsial'naya gigiyena. 1926. № 8. S. 7–8.].
- Семашко Н.А. Медицина на службе трудящихся // Социальная гигиена. 1924. № 3–4. С. 5–9. [Semashko N.A. Meditsina na sluzhbe trudyashchikhsya // Sotsial'naya gigiyena. 1924. № 3–4. S. 5–9.].
- Семашко Н. А. Очередные задачи социальной гигиены в России // Социальная гигиена. 1923б. № 2. С. 3–8. [Semashko N. A. Ocherednyye zadachi sotsial'noy gigiyeny v Rossii // Sotsial'naya gigiyena. 1923b. № 2. S. 3–8.].
- Семашко Н.А. Социальная гигиена, ее сущность, метод и значение // Социальная гигиена. 1922. № 1. С. 3–11. [Semashko N.A. Ocherednyye zadachi sotsial'noy gigiyeny v Rossii // Sotsial'naya gigiyena. 1923b. № 2. S. 3–8.].

- Соловьев З.П., Мольков А.В. Доклады и тезисы, внесенные на рассмотрение совещания о постановке преподавания профилактических дисциплин в медвузах // Социальная гигиена. 1925. № 5. С. 24–25. [Solov'yev Z.P., Mol'kov A.V. Doklady i tezisy, vnesennyye na rassmotreniye soveshchaniya o postanovke prepodavaniya profilakticheskikh distsiplin v medvuzakh // Sotsial'naya gigiyena. 1925. № 5. S. 24–25.]
- Социальная гигиена: Руководство для студентов-медиков и врачей. Вып. 1 / под ред. А.В. Молькова. М.-Л.: Гиз, 1927. 417 с. [Sotsial'naya gigiyena: Rukovodstvo dlya studentov-medikov i vrachev. Вып. 1 / pod red. A.V. Mol'kova. M.-L.: Giz, 1927. 417 s.]
- Сыркин Л.А. Из материалов о деятельности Института социальной гигиены. Расширенные конференции Государственного института социальной гигиены Наркомздрава // Социальная гигиена. 1924. № 3–4. С. 162–165. [Syrkin L.A. Iz materialov o deyatelnosti Instituta sotsial'noy gigiyeny. Rasshirennyye konferentsii Gosudarstvennogo instituta sotsial'noy gigiyeny Narkomzdrava // Sotsial'naya gigiyena. 1924. № 3–4. S. 162–165.]
- Сысин А.Н. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом. I // Социальная гигиена. 1922. № 1. С. 63–94. [Sysin A.N. Sanitarnoye sostoyaniye Rossii v nastoyashchem i proshlom. I // Sotsial'naya gigiyena. 1922. № 1. S. 63–94.]
- Сысин А.Н. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом. II // Социальная гигиена. 1923. № 2. С. 35–59. [Sysin A.N. Sanitarnoye sostoyaniye Rossii v nastoyashchem i proshlom. II // Sotsial'naya gigiyena. 1923. № 2. S. 35–59.]
- Ткачев Т.Я. Социальная гигиена: Краткое пособие для студентов и лекторов. Воронеж: Воронеж. губздравотд., 1924. 159 с. [Tkachev T.YA. Sotsial'naya gigiyena: Kratkoeye posobiye dlya studentov i lektorov. Voronezh: Voronezh. gubzdravotd., 1924. 159 s.]
- Фишер А. Основы социальной гигиены / пер. под ред. З.П. Соловьева. М.: Гос. мед. изд., 1929. 568 с. [Fisher A. Osnovy sotsial'noy gigiyeny / per. pod red. Z.P. Solov'yeva. M.: Gos. med. izd., 1929. 568 s.]
- Хайес Б. Краткий курс социальной гигиены / пер. под ред. С.И. Каплуна. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. 298 с. [Khayyes B. Kratkiy kurs sotsial'noy gigiyeny / per. pod red. S.I. Kapluna. M.-Pg.: Gos. izd-vo, 1923. 298 s.]
- Grotjahn A. Soziale Pathologie: Versuch einer Lehre von den sozialen Beziehungen der menschlichen Krankheiten als Grundlage der sozialen Medizin und der sozialen Hygiene. Berlin, Heidelberg: Springer, 1915. 544 s.
- Jahresbericht über soziale Hygiene: Demographie und Medizinalstatistik. Band III / eds. A. Grotjahn, F. Kriegel. Jena: Gustav Fischer, 1904. 848 s.
- Handbuch der Sozialen Hygiene und Gesundheitsfürsorge: Fünfter Band: Soziale Physiologie und Pathologie / eds. A. Gottstein, A. Schloßmann, L. Teleky. Berlin: Springer, 1927. 820 s.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Венгрова И.В., Шилинис Ю.А. Социальная гигиена в СССР (очерки истории). М.: Медицина, 1976. 214 с. [Vengrova I.V., Shilinis Yu.A. Sotsial'naya gigiyena v SSSR (oчерki istorii). M.: Meditsina, 1976. 214 s.]
- Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М.: ШИКО, 2022. 352 с. [Zatravkin S.N., Vishlenkova Ye.A. «Kluby» i «getto» sovetskogo zdравookhraneniya. M.: SHIKO, 2022. 352 s.]
- История гигиенических кафедр I Московского ордена Ленина медицинского института. М.: I MMI, 1941. 119 с. [Istoriya gigiyenicheskikh kafedr I Moskovskogo ordena Lenina meditsinskogo instituta. M.: I MMI, 1941. 119 s.]
- Кирик Ю.В., Ратманов П.Э. Советское руководство по социальной гигиене 1927 г.: трансфер идей и новая методология // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 3. С. 568–598. [Kirik YU.V., Ratmanov P.E. Sovetskoye rukovodstvo po sotsial'noy gigiyene 1927 g.: transfer idey i novaya metodologiya // Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki. 2022. T. 43. № 3. S. 568–598.]
- Кирик Ю. В., Ратманов П. Э. Социальная гигиена в Германии начала в начале XX века: предмет науки и методология // Здравоохранение Российской Федерации. 2023. Т. 67. В печати. [Kirik YU. V., Ratmanov P. E. Sotsial'naya gigiyena v Germanii nachala v nachale XX veka: predmet nauki i metodologiya // Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii. 2023. T. 67. In print.]
- Кирик Ю. В., Ратманов П. Э., Шеноева П. А. Институционализация социальной гигиены в Советской России в 1920-1930-х годах в международном контексте // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 1. С. 85–94. [Kirik YU. V., Ratmanov P. E., Shenoyeva P. A. In-

- stitalizatsiya sotsial'noy gigiyeny v Sovetskoy Rossii v 1920-1930-kh godakh v mezhdunarodnom kontekste // Dal'nevostochnyy meditsinskiy zhurnal. 2020. № 1. S. 85–94.].
- Тополянский В.Д. Концепт Пироговского общества // Россия XXI. 2014. № 4. С. 168-191. [Topolyanskiy V.D. Konets Porogovskogo obshchestva // Rossiya XXI. 2014. № 4. S. 168-191].
- Хоффманн Д. Л. Взрачивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914-1939. М.: НЛО, 2018. 42 с. [Hoffmann D. L. Vzrashchivaniye mass: modernoye gosudarstvo i sovetskiy sotsializm, 1914-1939. M.: NLO, 2018. 42 s.].
- Шишкин А. П. А.В. Мольков. Москва: Медицина, 1976. 55 с. [Shishkin A. P. A.V. Mol'kov. Moskva: Meditsina, 1976. 55 s.].
- Шишкин А. П. Государственный институт социальной гигиены НКЗ РСФСР и его роль в развитии социальной гигиены (1919-1934 гг.): дисс. ... к.м.н. М., 1972. [Shishkin A. P. Gosudarstvennyy institut sotsial'noy gigiyeny NKZ RSFSR i yego rol' v razvitií sotsial'noy gigiyeny (1919-1934 gg.): diss. ... k. M. N. M., 1972.].
- Hubenstorf M. Sozialhygiene, Staatsmedizin, Public Health -Konzeptwandel oder deutscher Sonderweg? [Электронный ресурс]. URL: https://www.dgsmg.de/100-jahre/CD_DGSMG/PdfFiles/Texte/M_H.pdf (дата обращения: 01.11.2022).
- Solomon S. G. Social Hygiene in Soviet Medical Education, 1922-30 // J. Hist. Med. Allied Sci. 1990a. Vol. 45. № 4. P. 607–643.
- Solomon S. G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921-1930 // Health and Society in Revolutionary Russia / eds. S. G. Solomon, J. F. Hutchinson. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990b. P. 175–199.
- Solomon S. G. The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State, 1920–1930 // Soc. Hist. Med. 1990c. Vol. 3. № 3. P. 405–435.
- Solomon S. G. The expert and the state in Russian public health: continuities and changes across the revolutionary divide // The History of Public Health and the Modern State / ed. D. Porter. Amsterdam: Rodopi, 1994. P. 183–223.

Кирик Юлия Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент, Дальневосточный государственный медицинский университет; г. Хабаровск; swan_look@mail.ru

Ратманов Павел Эдуардович, доктор медицинских наук, профессор, Дальневосточный государственный медицинский университет; г. Хабаровск; ratmanov@gmail.com

Social Hygiene in the USSR as a Scientific Discipline (1922-1930) German Influence, Zemstvo Experience and State Patronage

The work is devoted to the process of formation of Soviet social hygiene as a scientific discipline under conditions of socialist transformations and the transfer of ideas from the Weimar Republic and pre-revolutionary Russia to the USSR in the 1920s. The scientific basis of social hygiene in the USSR was German social hygiene (concept, field of knowledge, special scientific methods) and the methodology of Zemstvo medicine. The scientific field of knowledge and research methods in Soviet social hygiene fully reflected the ideology of A. Grötjahn, the founder of German social hygiene. This study shows that the formation of social hygiene in the USSR took place under the direct influence of the state authorities.

Keywords: *history of medicine, history of public health, social hygiene, Germany, USSR.*

Kirik Yuliia Vladimirovna, Associate Professor, Far Eastern State Medical University; Khabarovsk; E-mail: swan_look@mail.ru

Ratmanov Pavel Eduardovich, Professor, Far Eastern State Medical University; Khabarovsk; E-mail: ratmanov@gmail.com

С.М. КЛИМОВА

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ СЛУЧАЙ В.Ф. АСМУСА¹

В статье показан процесс становления советской философии в 1920-е гг. на примере анализа первой книги Валентина Фердинандовича Асмуса, опубликованной в 1924 г. и ее рецензий в эмигрантской и советской прессе. Центральным пунктом стало обсуждение теории познания, уточнение ее предмета и метода в марксистской философии. Диалектический метод, как главный объект анализа, был рассмотрен Асмусом через историко-философскую реконструкцию идей от Канта и Гегеля к Марксу и Ленину. При этом философия Ленина, чье имя значится в заголовке книги, оказалась, по сути, не затронута в исследовании Асмуса. Попутно он коснулся проблем первобытного мышления, античной диалектики и нового времени. Асмус доказывает, что подлинным предметом философии может быть только мышление в его диалектическом развитии (30 лет спустя эту позицию примется отстаивать Эвальд Ильенков). Вторая часть статьи посвящена критическим рецензиям на первую книгу Асмуса, как в эмигрантской, так и в советской прессе. Обращение к данному материалу позволяет реконструировать пространство интеллектуальной мысли, демонстрирующее процесс становления советской философии.

Ключевые слова: Асмус, марксизм, диалектический метод, критика

Под советской философией чаще всего понимают теоретическое обоснование идеологической системы марксизма-ленинизма. Однако такой идеологический конструкт доминировал не всегда. Советская философия формировалась на всем протяжении 1920-х гг., ее содержание менялось в зависимости от исторической и политической ситуации в России и мире. Особенно бурным и полным дискуссий был ее начальный период. Это связано с рядом особенностей. Во-первых, советская философия должна была размежеваться с дореволюционной русской философией, многие представители которой оказались в эмиграции. Во-вторых, необходимо было доказать свою состоятельность в свете новых идеологических задач и ориентиров молодого советского государства. В-третьих, требовалось уточнить предмет и метод «новой» – марксистской философии в ее противоборстве со «старой» – буржуазной философией (прежде всего, с религиозной философией и западным позитивизмом).

1920-е годы в России можно оценить как период незавершенного модерна с его относительной свободой и поиском новых форм творческого самовыражения. Несмотря на официальную декларацию окончательной победы социализма во всех сферах жизни, философия все еще находилась в поиске собственного предмета и метода, хотя уже и культивируя понятийный кентавр из материализма и диалектики. Еще не укрепились штампы 1930-х, мысль развивалась относительно независимо, и научные баталии вокруг ключевых идей шли нешуточные. В то же время «философия оказалась во власти жесткого контроля»² и все боль-

---

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ (проект № 19–18–00100-П)

² Огурцов 1989: 353.

ше превращалась в придаток утилитаризма и позитивизма. В молодой России идейный нигилизм становился все более радикальным. В 1922 г., например, рьяный революционный деятель С.К. Минин³, объявив философию «духовным оттиском буржуазии, квинтэссенцией ее классового духа... эклектичной помесью из религии и науки», предложил вариацию позитивистского лозунга конца 1890-х: «Науку на мостик, философию – за борт»⁴. Тут же последовала ответная статья В.А. Румий⁵: «Философию – за борт?» с резкой отповедью буржуазному позитивизму Минина⁶.

Наиболее ярким событием стали дебаты между дебординцами и механистами. Несмотря на различие их подходов, и те, и другие всеми силами пытались отстоять автономный статус философии. Частично эта полемика затронула и судьбу молодого философа Валентина Фердинандовича Асмуса (1894–1975). В 1924 г. он издал в Киеве свою первую книгу: «Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина», которая вызвала резонанс как среди советских философов, так и у эмигрантской интеллектуальной публики. Анализ данной книги и ее критическое восприятие с «двух берегов» многое говорит об отечественной философии того времени, ее представителях и способах научной дискуссии.

Время показало, что интерес к Асмусу оказался совсем не случайным. Ему предстояло сыграть важную роль в истории советской философии. Его философское наследие до сих пор мало изучено, и мы имеем дело лишь с несколькими, главным образом описательными и информативными текстами о нем и о времени⁷. Огромный интерес представляют его воспоминания⁸. Асмус сегодня один из немногих признанных авторитетов, едва ли не классиков отечественной философии. Книга воспоминаний его учеников и друзей (В.В. Соколов, Б.В. Бирюков, Т.И. Ойзерман, Н.В. Мотрошилова, В.А. Смирнов и др.)⁹ полна положительных описаний его высоких личных качеств, педагогических и философских заслуг. Несколько критических отзывов и резких суждений о нем¹⁰ мало что изменили в отношении к нему в современной философской среде.

Наш анализ первой книги Асмуса и рецензий на нее является иллюстрацией тех интеллектуальных процессов, которые сопровождали советскую философию в начальный период ее формирования.

³ Сергей Константинович Минин (1882–1962), революционер, получил неполное высшее образование в Юрьевском и Венском университетах, 1923–1926 гг. – ректор Коммунистического университета; лидер течения, в 1920-е гг. названного «мининщиной».

⁴ Минин 1922: 126.

⁵ В. Румий – один из псевдонимов Вагаршака Арутюновича Тер-Ваганяна (1893–1936), в 1922–1923 гг. ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма». Входил в «деборинскую группу». Расстрелян как фигурант «I Московского процесса» в 1936 г. (См.: Малинкин 2021: 173).

⁶ Румий 1922: 130–127.

⁷ См.: Блауберг 1995: 34–35; Davod-Fox 2015; Steila 2018: 217–234.

⁸ Валентин Фердинандович Асмус 2010: 230–339.

⁹ Там же.

¹⁰ Корсаков 2018; Петров 2018: 415–452.

Асмус в начале 1920-х годов

Асмус – пример советского философа, получившего классическое дореволюционное образование. По его собственному признанию, во время учебы в Киевском университете, он не слышал ничего о философии марксизма. Но оставшись в стране после революции, он быстро освоился и связал свою жизнь с советским строем и марксизмом.

Первая книга Асмуса наглядно проиллюстрировала процесс перехода философа в марксистскую стихию, она же определила его дальнейшую судьбу. В книге он, по сути, отказался от собственного воинствующего идеализма, отраженного в единственной антисоветской статье «О великом пленении русской культуры», опубликованной в киевском еженедельнике «Жизнь» в 1919 г. Он назвал Маркса «великим соблазнителем», а его учение – «механистическим истолкованием бытия». Он обвинял его в превращении духовного начала (мышления) в убогий атрибут материи. «Никогда еще симбиоз Гегеля и Маркса не приносил таких чахлых, ужасающе бескровных, лишенных творческого семени, плодов... И первая, неотложнейшая задача (после падения советской власти, как он ошибочно полагал – С.К.) – раскрепощение всей духовной культуры из губительного, смертельного пленения, в которое ее ввергло безумие современного коммунистического рационализма и механического марксистского идолослужения»¹¹. Сегодня эту статью преподносят как свидетельство истинных взглядов Асмуса, которые он тщательно скрывал всю свою жизнь, но при этом «не лгал, а говорил уклончивую правду»¹². С моей точки зрения, данная статья, как и оксюморон «уклончивая правда», ничего не говорят об истинной позиции, но лишь показывают, что молодой философ, как и многие другие, умело менял взгляды и хорошо приспособлялся к обстоятельствам жизни.

В своей первой книге он сделал упор на изучение диалектического материализма как нового метода в теории познания. Диалектический материализм был объявлен им не просто историческим этапом в развитии философии, но ее революционным прорывом, наглядной реализацией преимуществ марксистской установки на изменение мира с помощью прогрессивной философской методологии. Конъюнктура проявилась в первой же строчке книги: «товарищ Деборин справедливо жалуется на отсутствие в нашей литературе связного очерка развития диалектического метода»¹³. Именно эту задачу и взялся решать молодой Асмус, которого современные исследователи называют учеником и последователем А.М. Деборина¹⁴. При этом, как нам представляется, личная преданность кому-либо была не в характере молодого философа.

¹¹ Валентин Фердинандович Асмус 2010: 360.

¹² Громов, Куценко 2010: 348.

¹³ Асмус 1924: 1.

¹⁴ В 1920-е гг. Абрам Моисеевич Деборин (Иоффе) (1881–1963) был самым влиятельным философом в стране. Еще при жизни Ленина, в 1921 г., он возглавил философское отделение Института красной профессуры, позднее занял пост директора Института научной философии.

Несмотря на то, что первая книга представляет собой серию историко-философских очерков, Асмус позиционировал ее, прежде всего, как исследование проблем теории познания. Он пытается описать синтез материализма, диалектики и логики в марксистской теории познания. Вспоминая о «близости» Гегеля и Маркса, Асмус развивает идею Деборина о тождестве диалектики, логики и теории познания¹⁵, в противоположность взглядам механистов на диалектику как на учение о развитии природы, общества и человека. В вопросе об отношении бытия и мышления Асмус указал на существование трех подходов: материализма, идеализма и мистицизма. Но, указав на то, что бытие определяет мышление, в дальнейшем он рассуждает о мышлении, логике и диалектике, по сути, отвлекаясь от категории бытия или толкуя ее как логическую абстракцию на манер гегелевского «чистого бытия». Одновременно, Асмус пытается вывести марксизм из тени вульгарного социологизма или экономизма. Ему удалось обосновать принцип изучения мышления как такового, независимо от «описания тех социально-исторических условий, среди которых развивалась идеалистическая диалектика»¹⁶. Он не забывает, однако, сослаться на Ф. Энгельса, напоминая, что не только базис, или «общественное бытие», влияет на духовную надстройку, но и наоборот духовное производство во многом формирует базис¹⁷.

Несмотря на постоянные ссылки на Деборина, критики Асмуса сразу заметили, что, исследуя природу диалектического метода, он колеблется между официальным марксизмом и собственной нечеткой позицией. Именно этот двусмысленный момент попал в поле зрения критиков книги с двух сторон. Одни критиковали его за избыточный «марксизм», другие подозревали в нем идеалиста и скрытого гегельянца.

Главные темы книги Асмуса

Безусловной заслугой первой книги Асмуса стало определение им материалистической диалектики как современной теории познания (он предпочитал термин гносеология). Диалектика должна, по Асмусу, соединять в себе метод и предмет познания. Особое внимание он уделил специфике диалектического материализма и диалектической логике в главах, посвященных Гегелю и марксизму. Материалистическая диалектика как новая гносеология отличается у него от гегелевской версии своей конкретно-исторической природой и тем, что диалектическое мышление объективно отражает становление и развитие через борьбу противоположностей. Торжество материализма философ обнаруживает в том, что он называет «апостериорным опытом» (термин взят у Канта). Асмус утверждает, что если Кант лишь говорит, что познание открывает нам только то, как нам бытие показывается в опыте, то материалисты могут познать «бытие независимо от нас и нашего сознания»¹⁸.

¹⁵ Деборин 1922.

¹⁶ Асмус 1924: 4.

¹⁷ Там же: 24.

¹⁸ Асмус 1924: 12.

Он прибегает к диалектическому методу, сравнивая его с естественнонаучными методами познания. Объединяет их то, что они есть отражение объективных и независимых законов, которые люди раскрывают и усваивают в процессе познания, но которые существуют автономно от них. Именно наука, по Асмусу доказала, что в основе развития мироздания лежит изменение и противоречие. Но он умалчивает о том, что наука – это такой же продукт конкретно-исторической деятельности людей, обладающих сознанием и волей, как все остальное духовное производство. Следовательно, вне этой деятельности ничего нельзя ни сказать, ни обнаружить. Отсутствие категории деятельности и сочетается у Асмуса со склонностью к гегелевскому тождеству бытия и ничто, объективного познания и саморазвития Духа. Практически все содержание диалектики в дальнейшем он сводит к гегелевским положениям, придавая им материалистическую описательную тенденциозность.

У Гегеля в основании самодвижения лежит Дух, у Асмуса – Бытие, которое, по сути, ничем не отличается от гегелевского Духа. Асмус показал, что именно учение Гегеля впервые стало «колыбелью исторического мировоззрения». Движение понятий Асмус описывает через метод восхождения от абстрактного к конкретному, противопоставляя его аристотелевской формальной логике. Этот пункт, кажется, один из самых удачных в книге. Здесь он пытается выйти за рамки спора деборинцев и механистов и показывает, что диалектика в принципе снимает противоречие эволюционизма (позиция механистов) и телеологизма (деборинцы). Диалектика в его учении имманентна диалектической логике и гносеологии. Из книги ясно, что Гегель для Асмуса – вершина всей истории диалектики, которая «строго монистична по своему методу и конструкции»¹⁹. Хотя этот монизм можно трактовать лишь идеалистически, согласно Асмусу, в нем заложен ключ к конкретному историзму в исследовании социального бытия. Он даже приписывает Гегелю «материалистические интуиции». «Заслуга Гегеля в том, что у него понятие развития преобразовалось настолько, что могло бы стать и действительно стало – колыбелью исторического мировоззрения...; метод... был переведённым на язык идеализма и априоризма выражением чисто эмпирических и даже материалистических интуиций»²⁰. Вслед за Гегелем он показывает, что, занимаясь диалектикой, мы занимаемся теорией познания – исследуем категории и законы мышления. Этот вывод кажется особенно важным для последующих в 1950–1960-е гг. дискуссий о предмете марксистской философии. По сути, задолго до Э.В. Ильенкова Асмус уже показывает, что предметом философии может быть только мышление в его диалектическом развитии, исключая из него природу и общество.

Далее Асмус вынужден вернуться к разговору о базисе и надстройке, и показать, что причина «провала» идеализма «коренится в общественном бытии самого буржуазного класса и в его исторически об-

¹⁹ Там же: 128.

²⁰ Там же: 132, 137.

наруживавшихся свойствах»²¹. Этот же недостаток он приписал и Гегелю. «Философия Гегеля оказалась неспособной выйти за пределы чистой созерцательности... Неспособность эта есть объективная граница, положенная мышлению буржуазного класса. Переступить через эту границу суждено было только пролетариату»²².

Пролетариату выпала миссия стать активным субъектом истории, активно ее изменять. Это понял, согласно Асмусу, Маркс и в этом заключена его главная заслуга и отличие от других представителей буржуазного строя. Напоминая о преимуществах марксизма в вопросах экономического обоснования духовного развития общества, Асмус делает странную оговорку о том, что Маркс и Энгельс были вынуждены: «по чисто *тактическим соображениям* (курсив мой – С.К.) особенно подчеркивать значение экономического фактора»²³. С его точки зрения все ошибки связаны с недопониманием последователей марксизма этой тактики и невольного скатывания в вульгаризацию учения великих теоретиков. Суть этой «секретной тактики» он связал с анализом языка.

В итоге его историческая схема выглядит следующим образом: в истории человечества есть два способа мышления – метафизический и диалектический. Первый – метафизический – есть результат развития первобытной практики, основанной на *языковом* освоении единичных вещей, *ничем* не связанного, для первобытного ума, мира. Язык для него – медиатор между базисом (экономикой) и надстройкой (мышлением). «Правильное объяснение причинных отношений и взаимодействия между экономикой, языком и мышлением открывает путь к удачному разрешению важнейших проблем теории познания»²⁴.

Вся история философии – это борьба метафизического и диалектического мышления. Метафизическое мышление основано на формальной логике, которая доминирует во всех докапиталистических обществах, включая первобытное и античность. Второй способ мышления – диалектический – не только выражает суть правильного мышления, но и указывает на границы метафизического мышления. При этом Асмус указывает на формальную логику как на частный случай диалектической логики. Здесь он схематично пересказывает мысль Энгельса о том, что диалектика лишает законы формальной логики абсолютного значения, но сама логика при этом никуда не девается. Подлинная диалектика, с его точки зрения, начинает формироваться в буржуазном обществе, и освоенная, на почве идеализма, Гегелем, воплощается в диалектическом методе у Маркса, Энгельса и Ленина.

Критика книги Асмуса в русском зарубежье

Книга была замечена многими. Одним из ее первых критиков стал известный русский философ Д.И. Чижевский, писавший в 1920-х гг. под

²¹ Там же: 174.

²² Там же: 177.

²³ Там же: 20.

²⁴ Там же: 17.

псевдонимом П. Прокофьев или П.П.²⁵ По иронии судьбы он в один год с Асмусом (1919) закончил историко-филологический факультет в Киевском университете. Точных данных об их знакомстве нет. Но очевидно, что это были люди схожего интеллектуального и образовательного уровня, которые оказались на двух противоположных берегах жизни.

В эмиграции Прокофьев пристально следил за советской философией и ее институтами, подвергал их постоянной и нещадной критике. Его статьи о советской философии печатались в журнале «Современные записки», выходившем в Париже с 1920 по 1940 гг. Прокофьев называл статьи советских философов воплощенным небытием или «чистым ничто, тенью тени реальности»²⁶. Само словосочетание «советская философия» воспринималось им как некий оксюморон: «подъемный кран из соломы, мостовая из хлебного мякиша, масло из железных опилок, ...нелепое... умствование из ничего и ни о чем»²⁷.

При этом Прокофьев, рассуждая о *партийности* (идеологичности) советской мысли как ее главном грехе, неожиданно обнаружил устойчивое присутствие этого признака уже в русской философии. В качестве примеров он указал на «хлестаковствующий дилетантизм»²⁸ народников и разночинцев, мыслителей, типа Н.Г. Чернышевского или Д.И. Писарева, напомнил об утилитаризме критического реализма в искусстве (речь о художниках-передвижниках), и тому подобное партийное искусство. Советская философия, в его глазах, оказалась логическим завершением партийных тенденций философствования дореволюционной России.

Да и его личная позиция была во многом идеологична и партийна. Прокофьев умело использовал маятниковый маховик тотальных обвинений и разоблачений «красной профессуры», как и своего бывшего однокурсника²⁹. В своей критической рецензии он использовал стандартный прием: отдав должное трудолюбию советского философа, с первых же строк предьявляет претензии не столько к постановке проблемы, сколько к способам ее решения. Он не может забыть о «коммунистической закваске» автора, из которой, по его мнению, неминуемо следует специфический идеологический восторг вокруг имен Маркса, Энгельса, Ленина и последующий обязательный цитатник их трудов. Прокофьев при этом понимал конъюнктурность момента. «И г. Асмусу есть чего бояться – его работа в значительной части является серьезной и деловой, без неизбежного в философских работах коммунистов полемического – ругательного азарта и декретирования философской истины – достаточное основание для заподозрения чистоты коммунизма автора»³⁰.

²⁵ Дмитрий Иванович Чижевский (1894—1977), русский философ и литературный критик. После эмиграции в 1921 году работал в Галльском университете.

²⁶ Эту тему Прокофьев продолжил и дальше. Здесь он коснулся работ «неофициального направления», например, философии А.Ф. Лосева. (Чижевский 1928: 501-524).

²⁷ Прокофьев 1927: 482.

²⁸ Прокофьев 1927: 497.

²⁹ Прокофьев 1926: 509-516.

³⁰ Там же: 510.

Рецензент выделяет две базовые темы в книге: домарксистская диалектика и материалистическая диалектика в левом гегельянстве, т. е. в марксизме. Прокофьев замечает, что автор изоциренно избирает для анализа только те имена, которые ложатся в вульгарную, как ему кажется, схему марксизма. Неправомерность такой избирательности, с его точки зрения, связана с тем, что «весь процесс развития “от Канта до Гегеля” был непрерывным живым потоком, в котором каждое звено имеет не только историческое, но и систематическое значение»³¹.

Далее, выясняется, что такое неверное и фрагментарное толкование Асмусом немецкой классики привело к развалу идеи единства всей немецкой философии. Одобрительно он отнесся к главам, посвященным Фихте и Шеллингу, но отругал за Канта и Гегеля. Здесь схлестнулись две точки зрения. Для Прокофьева метод диалектики может быть исключительно *идеалистическим*. Даже намек на материалистические тенденции допустить нельзя. Поэтому он не скупится на такие аргументы, как «подмена слов» и «нечистоплотность в терминологии»³² у Асмуса, отождествляющего, например, «вещь в себе» Канта или «природу» Шеллинга с материей. При этом Прокофьев не обращает внимание на то, что Асмус не так уж вульгарно и примитивно рассматривает «вещь в себе», отделяя «вещь в себе» у Канта как понятие материи в ранних работах от его «удаления в трансцендентный мир» в «Критиках»³³ и показывая принципиальную разницу интерпретации одного и того же понятия. Тенденциозность критики очевидна.

Весьма критичен он и к гегелевскому анализу в книге. Признавая верное схватывание Асмусом идеи развития, он отказывает ему в понимании природы конкретного у Гегеля. Главный грех Асмуса, по мнению критика, в том, что в Гегеле он вульгарно ищет истоки материалистической диалектики. «Но изложение Гегеля в книге, во всяком случае, теряет всякую ценность, благодаря материалистическим вариациям, разыгрываемым на гегелевские темы автором, договорившимся даже до тайного, «скрытого материализма, материалистических интуиций» у Гегеля»³⁴. Прокофьев прекрасно понял компромиссность в объективном изложении гегелевского идеализма Асмусом.

Но более всего, критика раздражают рассуждения Асмуса о Марксе и Энгельсе. Здесь, с его точки зрения, раскрывается вся убогость авторской мысли, которая подгоняет все под идеологические потребности времени. В частности, речь идет об объяснении природы материалистической диалектики, которую, Асмус, по мнению критика, просто приписал Марксу. Он, однако, не указывает, как же надо понимать диалектику и почему материализм и диалектика несовместимы. Скорее всего эта тема кажется ему пустой, как и весь каркас идей советской философии.

³¹ Там же: 510.

³² Там же: 512.

³³ Асмус 1924: 68.

³⁴ Прокофьев 1926: 514.

В конце рецензии Прокофьев вернулся к тезису о ее уродливой сути. «С жутким чувством останавливаешься перед вопросом – а что же дальше? – неужели же еще долго под именем философии будет монополюбно-признана только эта странная смесь из обмана, самообмана, безграмотности и, как показывает книга г. Асмуса, иногда даже обрывков действительной науки, отданных угодливыми ее жрецами на службу невежеству и обману»³⁵.

Советская критика книги Асмуса

Советская печать также не обошла вниманием первую книгу Асмуса. На нее почти сразу вышел ряд рецензий. Первая, анонимная, написана, скорее всего, самим Дебориным³⁶ в журнале «Летописи марксизма» в 1926 году. «Издавался журнал Институтом Маркса и Энгельса, где А.М. Деборин был заместителем директора и заведовал отделом философии. В рецензии отмечены те черты диалектики у Канта и Фихте из книги В.Ф. Асмуса, которые сам А.М. Деборин выделял в своих работах по немецкой классической философии»³⁷. Знакомство главного философа страны с этой книгой, скорее всего, оказалось определяющим для приглашения молодого киевского ученого на работу в Москву в 1927 г.

В этом же году вышли рецензии двух деборинцев – Н.А. Карева и Г.К. Баммеля. Несмотря на принадлежность обоих одному направлению, их отношение к книге было весьма различным.

Посмотрим на существо советских рецензий. Рецензия, приписываемая Деборину – редкий пример объективной и доброжелательной критики в советской печати того времени. Она – партийно-нейтральная или безоценочная, и по большей части, носит реферативный характер. Автор рецензии весьма тонко обходит острые углы материалистических недостатков автора. Так, он одобряет подход Асмуса, рассматривающего внутреннюю логику диалектического метода немецких философов и, в то же время, игнорирующего категорию общественного бытия», сосредоточившись «на внутренней эволюции диалектических систем, не обращаясь к анализу их предпосылок и их неизменной основы в общественном бытии. Благодаря такой изоляции, можно было яснее проследить внутреннюю диалектику самого идеализма, историю его роста и его неудач” (с.174)»³⁸. Фактически, Деборин одобряет использование метода абстрагирования, позволяющего уйти от вульгарного социологизма, как доминантной методологии в тот период. В то же время, в рецензии указано, что, приступая к анализу материалистической диалектики, автор не только изолирует объект анализа, но и пытается выявить генетическую связь идей немецкого идеализма с общественным бытием, и в результате своего исследования приходит к выводу, что «последняя причина несостоятельности классической буржуазной фи-

³⁵ Там же: 516.

³⁶ Версия С.Н. Корсакова.

³⁷ Корсаков 2018.

³⁸ Летописи марксизма 1926: 99.

лософии коренится в общественном бытии самого буржуазного класса и в его исторически обнаружившихся свойствах” (с. 175)»³⁹.

Отдав дань общепринятым подходам, Асмус, по мысли рецензента, занят обоснованием черт диалектического метода, характерного для Маркса и Энгельса. В его основе – принцип *историзма*, принцип *взаимосвязи* всех явлений или «монистическое понимание бытия и диалектики» и экономические условия общественной жизни, и, наконец, *противоречие* как главная пружина всего развития. Деборин прекрасно понимает гегелевское содержание методологии и это вполне соответствует его собственным установкам. Вывод рецензента: «автор удачно справился со своей задачей»⁴⁰.

Такую рецензию скорее можно назвать исключением, чем нормой тогдашней полемики, в том числе, в отношении рецензируемой книги.

Последующие советские рецензии создают ощущение их невероятного сходства с эмигрантскими, при диаметральной разнице философских подходов. Если Прокофьев обвинил автора в неумении схватить диалектику в мысли, как завещал Гегель, то Карев приписывает ему прямо противоположный грех: «Асмус соглашается с современными логиками типа Зигварта, что вообще противоречие осуществляется только в мышлении, а не в вещах»⁴¹.

Обратимся подробнее к данной рецензии. Н.А. Карев⁴² – был учеником и последователем Деборина. Он традиционно отмечает ценность книги в части постановки проблемы, указывает на ее самостоятельность. Но далее сразу переходит к критике ее неправильных тезисов, хотя анализирует почему-то только две первые главы. Если эмиграция разоблачала идеологическую конъюнктурность книги, то советский критик обвинил Асмуса в недооценке марксизма, т. е. в том, что он был недостаточно «своим». Первая глава, посвященная размышлениям об античной диалектике, вызывает его особенное возмущение, так как Асмус усомнился в устоявшемся, благодаря Энгельсу, мнении о том, что все греки были «прирожденные материалисты и естественные диалектики». «Сказать, наконец, что Гераклит не был диалектиком, так как искал в самой изменчивости бытия его неизменной основы – значит самому быть метафизиком... Конечно же, сам диалектический процесс вечен и неизменен, но эта неизменность живет *не вне* изменяющегося содержания, а *в нем самом*»⁴³. Получается, что Асмус, как минимум, спорит с точкой зрения классиков. Следовательно, никого не обмануло обилие цитирований и ссылок на классиков, как ошибочно считал Прокофьев.

---

³⁹ Там же: 99.

⁴⁰ Там же: 100.

⁴¹ Карев 1925а: 250.

⁴² Карев Николай Афанасьевич (1901-1936), соратник Деборина, специалист по материалистической диалектике, в 1933 г. исключен из партии, 11 октября 1936 года расстрелян.

⁴³ Карев 1925а: 248.

Далее, Карев критикует не только сюжет о диалектике – метафизике, но и разоблачает противопоставление формальной и диалектической логики. Рецензент при этом не учитывает тезис Асмуса о том, что основы формальной логики заложила все та же античность, а основы диалектической логики – немецкая философия. Напротив, Карев намекает на метафизичность Гегеля, повторяя идею Ленина о гегелевском противоречии между методом и системой. «Основной недостаток и метафизичность Гегеля в том и заключается, что у него в основании временного развития природы и общества лежит вневременное, поэтому метафизическое развитие категорий, составляющих, законченную в себе систему»⁴⁴. Гераклит у Карева – больший диалектик, чем Гегель. Работает идеологический прием аргументации самого Карева. «Но когда оказывается, что чьи-либо взгляды резко расходятся с воззрениями основоположников марксизма, высеченными из одного камня, то для всякого, кто хочет быть верным марксизму, это уже свидетельство их шаткости»⁴⁵.

По Кареву, Асмус выдает свой идеализм тем, что противоречия по нему – существуют лишь в мышлении. Здесь он явно не учитывает глав, посвященных и Гегелю, и Марксу с Энгельсом, в которых Асмус старался показать объективную природу противоречий с опорой на принцип историзма и развития. В этом месте мы обнаруживаем странную асимметрию критики с двух сторон. Асмус, как нам кажется, всеми силами старается стать представителем материалистической философии. Именно поэтому он оказывается так жестко критикуем эмиграцией. Но советские критики тоже не признают его за своего, подозревая в нем явное сочувствие идеализму. Для Прокофьева Асмус – материалист, для Карева – идеалист, в т. ч. в понимании сути диалектического метода.

Критика Карева становится понятной в свете авторской концепции диалектики, согласно которой «метод превращается в теорию, в систему, когда соединяется с переработанным посредством его материалом, в единстве с ним»⁴⁶. Задача философии, по Кареву, выявить те понятия, которые бы отражали действительную диалектику вещей и процессов в природе и обществе. В этом смысле он гораздо более рьяный марксист эпохи диамата, чем Асмус, для которого важна была верность гегелевской методологии.

Другой рецензент Г.К. Баммель (Бажбеук-Меликов)⁴⁷, также известный деборинец, оказался самым суровым критиком книги. Он разоблачал то, что Деборин назвал достижением Асмуса, метод диалектики, в принципе отказав автору хоть в каком-то понимании его сути. В журнале «Печать и революция» за 1925 год он делает краткий обзор

⁴⁴ Карев 1925а: 252.

⁴⁵ Прения 1927:266.

⁴⁶ Карев 1925б: 41.

⁴⁷ Баммель Григорий Константинович (1900-1937). В 1928-1931 гг. действительный член Института философии. Арестован 23 февраля 1937 г. Осуждён 9 апреля 1938 г. на 8 лет ИТЛ. Содержался в Севвостлаге НКВД СССР (бухта Нагаево, Дальневосточный край). Умер 10 октября 1939 г.

первой книги «провинциального автора». Изначально он отмечает, что данная работа может стать «ценным пособием для самостоятельного изучения истории диалектики русским читателем... книга т. Асмуса является ценным вкладом в *русскую* (курсив Баммеля – С.К.) литературу по истории философии»⁴⁸. После такой позитивной оценки автор начинает партийный суд над написанным, не только зачёркивая положительную значимость книги, но и мгновенно превращая ее автора в мелкобуржуазного мыслителя. Он обвиняет Асмуса в компиляции и соединении разных идей и теорий. Но за этим стоит, с его точки зрения, главное – *незнание* диалектического метода, без которого автор только что и будет способен «таскать за собой, как веревку, свою историю диалектики»⁴⁹.

Баммель явно не доверяет марксистскому окрасу автора и иронизирует над ним, пытаясь показать его анти-деборинскую сущность. Деборин пользуется диалектическим методом для постижения истории философии. Асмус же использует *недиалектический* метод (метафизику) для изложения диалектики.

Там, где возник призрак метафизики, появился и грех идеализма (как видим, и здесь используется противоположный эмигрантской логике аргумент). Асмус «диалектический подход не приложил к диалектике»: вот в чем главный провал книги, по Баммелю. «Диалектический подход к диалектике» – это умение на каждом этапе истории вскрывать связь диалектики с материализмом. Неумение же эту связь показать, автоматически исключает Асмуса из рядов подлинных деборинцев, с точки зрения яркого представителя этого направления.

Не справился Асмус, по нему, и с экономическими аксиомами марксизма: диалектика – отражение социально-экономического развития общества. «*Исследование* надо начинать с базиса, с реальной борьбы антагонистических сил, с экономических и классовых противоречий, и переходить к соответствующим им формам общественного сознания». Асмус не сумел связать надстройку с базисом, и это «ядро всякой истины» постоянно игнорировал в своем изложении таких идеалистов, как Кант, Фихте или Гегель. «Но это было бы полбеда, если бы такая методологическая точка зрения не приводила к неправильным, явно ложным представлениям»⁵⁰. Итак, Асмус обвинен в идеализме, в том, что форму изложения идей (методологию) он превратил в процесс исследования (теорию). В этом, по Баммелю, суть его главной ошибки.

Далее Баммель излагает свою собственную точку зрения. Диалектика должна рассматриваться в конкретно-историческом развитии, чего не сделал Асмус. То, что Деборин одобрял в методологии Асмуса – его верное понимание единства метода и системы, – его последователь превратил в особенность метафизического – отсталого мышления, лишь механически соединенного с диалектическим методом анализа.

⁴⁸ Баммель 1925: 439.

⁴⁹ Там же: 440.

⁵⁰ Там же.

Мнимо позволяя автору двигаться по внутренней логике идей, он, однако, требует от него предварительной «социологии»: полного описания классовой и экономической истории изучаемой эпохи. То есть первичность базиса в истории философии никто не отменял уже в 1920-е, хотя базис скорее понимался как бытописание и историко-событийный контекст жизни идей⁵¹. Отсюда разоблачающий вывод: Асмус лишь рядится в одежды марксиста. Он посягнул на святое – первичность базиса по отношению к надстройке, требуя сначала хорошо знать надстройку, чтобы связать ее с базисом. Такое прощать советская философия не собиралась. Ведь надо знать, *что* выводить: каков состав идей и факты, которые Асмус призывает изучать автономно от базиса. А это, как тонко чувствует Баммель, – прямой путь к идеализму.

Пройдет совсем немного времени и Баммель, и Карев, и сам Деборин будут объявлены «меньшевистствующими идеалистами», что практически равнялось обвинению в «буржуазном идеализме»⁵², а Асмус легко перепрыгнет через этот идеологический «барьер»⁵³.

***

Первая советская книга Асмуса, посвященная методу диалектического материализма как новому разделу гносеологии, представляла, по сути, ряд историко-философских очерков, с явно доминирующими гегелевскими установками в объяснении и понимании диалектики как метода познания и сути исторического процесса. Рассматривая диалектику как единство метода и познания, свою главную аргументацию он черпает из гегелевского теоретического багажа. Книга выдает в нем вынужденного марксиста, который, под влиянием обстоятельств, а не по доброй воле, занялся реабилитацией материалистической диалектики, пытаясь найти и спасти в ее конструктах базис для гегелевской методологии. Колебания между склонностью к идеализму и необходимостью материалистической лексики и цитированием классиков прикрывать свои интересы, оказались заметны его критикам с «двух берегов». Недаром, он так и не сумел найти в ленинской философии никакого самостоятельного теоретического ядра, по сути, лишь повторяя ленинские языковые шаблоны. Ленин остался без развернутого содержательного анализа. В то же время, несмотря на все усилия, Асмус выглядит почти откровенным гегельянцем, что, в свою очередь привлекло к нему Деборина, марксиста с «гегелевской душой».

Описанные выше рецензии, связаны не только с темой критики первой книги молодого философа. 1920-е годы обнажают процессы формирования марксистской повестки в философии в целом. Это и дискус-

⁵¹ Недаром в этот период возник спор марксистов с формалистами, указывающих на первичность не базиса, а быта (профанное, ущербное бытие) и мира вещей.

⁵² Малинкин 2021:172.

⁵³ В связи с именем Асмуса этот ярлык всплывает в 1944 году в письменном доносе З.Я. Белецкого И. Сталину на авторов третьего тома «Истории философии» - знаменитой «серой лошади» (Косичев 2007: 43-47).

сия о природе диалектики и метафизики, как двух способах описания законов развития мышления; становление и оппозиция формальной и диалектической логики, спор о связи диалектики и материи и т.д. Дебаты 1920-х, несмотря на их идеологичность и пафосность, все же были редким моментом относительно свободных профессиональных споров. 25 января 1931 года Карев попадет под постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» и будет обвинен в «меньшевистствующем идеализме» вместе с А.М. Дебориным и Я.Э. Стэнном. В 1936 г. его расстреляют. В 1939 г. в заключении погибнет Баммель.

По иронии судьбы Асмус прожил свою жизнь, не подвергаясь никаким серьезным физическим репрессиям со стороны властей. Настанут времена вульгарного диамата. Асмус незаметно переместится в область логики, а затем истории философии и эстетики, пытаясь быть и оставаться объективным и относительно независимым мыслителем. История философии, которой он посвятил свою жизнь, оказалась удачным местом для плавания в ее спасительных водах.

Уже в конце 1940-х и в начале 1950-х гг. дискуссии о природе диалектики, задачах и предмете философии вспыхнут вновь. На советском философском небосклоне зажгутся имена Мих. А. Лифшица, М.К. Мамардашвили, Н.В. Мотрошиловой и других. Идея Асмуса о том, что предметом философии может быть только мышление в его диалектическом развитии, обретет новую жизнь и получит новые идейные грани в трудах Э.В. Ильенкова.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев: Сорабкоп. 1924. 225с. [Asmus V.F. Dialekticheskij materializm i logika. Ocherk razvitiya dialekticheskogo metoda v novejshej filosofii ot Kanta do Lenina]. Kyiv: «Sorabkop». 225s.].
- Асмус В.Ф. О великом пленении русской культуры // Валентин Фердинандович Асмус / Ин-т философии РАН. Некоммерческий науч. фонд "Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого". /под ред. В. А. Жучкова и И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН. 2010. С. 353-360. [Asmus V. O velikom plenenii russkoj kul'tury // Valentin Ferdinandovich Asmus / In-t filosofii RAN. Nekommercheskij nauch. fond "In-t razvitiya im. G. P. Shchedrovickogo" /pod red. V. A. Zhuchkova i I. I. Blauberger. M.: ROSSPEN. 2010. S. 353-360.].
- Баммель Г.К. Рец.: В.Ф. Асмус. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев, изд. «Сорабкоп», 1924. 225 с. // Печать и революция. 1925. №6. С. 439-441. [Bammel', G.K. Recenzia: V.F. Asmus. Dialekticheskij materializm i logika. Ocherk razvitiya dialekticheskogo metoda v novejshej filosofii ot Kanta do Lenina]. Kyiv: «Sorabkop». 226 s. // Pechat' i Revolyutsiya. № 6. 1925. S. 439-441.].
- Блауберг И.И. Асмус Валентин Фердинандович // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука. 1995. С. 34-35. [Blauberger I.I. Asmus Valentin Ferdinandovich // Russkaya filosofiya. Malvi enciklopedicheskij slovar'. M.: Nauka. 1995. S. 34-35.].
- Валентин Фердинандович Асмус / под ред. В.А. Жучкова и И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН. 2010. 479 с. [Valentin Ferdinandovich Asmus / pod red. V.A. Zhuchkova i I.I. Blauberger. M.: ROSSPEN. 2010. 479 s.].
- Громов М.Н. Куценко Н.А. «Это скорбное учение...» (заметки к статье В.Ф. Асмуса) // Валентин Фердинандович Асмус / под ред. В.А. Жучкова и И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН. 2010. С. 347-352 [Gromov M N., Kucenko, Natalia A. «Eto skorbnoe uchenie...» (zametki k stat'e V. F. Asmusa) // Valentin Ferdinandovich Asmus / pod red. V. A. Zhuchkova i I. I. Blauberger. M.: ROSSPEN, 2010. S.347-352.].

- Деборин А.М. Введение в философию диалектического материализма. С предисловием Г.В. Плеханова. М.: Госиздат. 1922. 376с. [Deborin A. Vvedeniye v filosofiyu dialekticheskogo materializma. S predislaviem G.V. Plekhanova. M.: Gosizdat. 1922. 376 s.]
- Карев Н.А. Рецензия: Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев, 1924. стр. 225. // Под знаменем марксизма. №3. 1925а. С. 247-351. [Karev N.A. Recenziya: V.F. Asmus. Dialekticheskij materializm i logika. Ocherk razvitiya dialekticheskogo metoda v novejshej filosofii ot Kanta do Lenina». Kyiv: «Sorabkop». 226 s. // Pod Znamenem Marc-sizma. №3. 1925a. S.247-251.]
- Карев Н.А. Проблема философии в марксизме. // Под знаменем марксизма. 1925b. №8-9. С. 5-43. [Karev N.A. Problema filosofii v marksizme // Pod Znamenem Marc-sizma. №8-9. 1925b. S. 5-43.]
- Корсаков С.Н. В.Ф. Асмус: коррективы к образу. 2018. [Korsakov S.N. V.F. Asmus: korrek-tivny k obrazu. 2018. URL: <https://www.lenincrew.com/asmus/#return-note-3639-31>].
- Косичев А.Д. Философия, время, люди. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 383 с. [Kosichev A. D. Filosofii, vremia i liudi. Moscow: Olma Media Group, 2007. 383s.]
- Малинкин А.Н. «Критика буржуазной социологии» в советской России. Рождение жанра // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 166-182. [Malinkin A.N. «Kritika burzhuaznoj sociologii» v sovetsoj Rossii. Rozhdenie zhanra // Dialog so vremenem. 2021. Vyp. 77. 2021. S. 166-182].
- Минин С.К. Философию – за борт // Под знаменем марксизма. № 5-6. 1922. С. 122-127. [Minin S.K. Filosofiyu – za bort // Pod znamenem marksizma. № 5-6. 1922. S. 122-127.]
- Огурцов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма / сост. Сенокосов Ю. П. М.: Политиздат. 1989. С.353-374. [Ogur-cov A.P. Podavleniye filosofii // Surovaya drama naroda: uchenye i publicisty o prirode sta-linizma / sost. Senokosov YU. P. M.: Politizdat. 1989. S.353-374.]
- Петров В.В. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. М.: Аквилон. Выпуск 4. 2018. С. 415-452. [Petrov V.V. V.F. Asmus i Andrej Belyj v 1936 godu // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastoyashchem. M.: Akvilon. Vypusk 4. 2018. S.415-452.]
- Прения по докладу А. Богданова (Шатуновский, Карев, Асмус, Вайнштейн, Баммель, Кан) // Вестник коммунистической академии. Кн. 21. 1927.С. 263-283. [Preniya po dokladu A. Bogdanova (Shatunovskij, Karev, Asmus, Vajnshteyn, Bammel', Kan) // Vest-nik kommunisticheskoy akademii. Kn. 21. 1927. 263-283 s.]
- Прокофьев П. Рец. на книгу: Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киев, 1924. стр. 225. // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж. XXIX. 1926. С. 509-516. [Prokof'ev P. Recenziya na knigu: Asmus V.F. Dialekticheskij materializm i logika. Ocherk razvitiya dialekticheskogo metoda v novejshej filosofii ot Kanta do Lenina. Kiev, 1924. str. 225. // Sovremennye zapiski. Obshchestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal. Parizh. XXIX. 1926. S. 509-516.]
- Прокофьев П. Советская философия // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Paris. XXXIII. 1927. С. 480-503. [Prokof'ev P. Sovetskaya filosofiya // Sovremennye zapiski. Obshchestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal. XXXIII. Parizh. 1927. S. 480-503.]
- Рец. на книгу: Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. Киев, 1924. стр. 225. // Летописи марксизма. №1, 1926. С. 98-100. [Recenziya na knigu: Asmus V.F. Dialekticheskij materializm i logika. Kiev, 1924. str. 225. // Letopisi marksizma. №1. 1926. S. 98-100.]
- Румий В. Философию – за борт? // Под знаменем марксизма. №5-6. 1922. С.127-131. [Rumij V. Filosofiyu – za bort? // Pod znamenem marksizma. №5-6. 1922. S. 127-131.]
- Чижевский Д.И. Философские искания в советской России // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж. XXXVII. 1928. С. 501-524. [Chyzhhevskij D I. Filosofskie iskaniya v sovetsoj Rossii // Sovremennye zapiski. Obshchestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal. Parizh. XXXVII. 1928. S. 501-524.]
- David-Fox M. Crossing borders. Modernity, ideology, and culture in Russia and the Soviet Union. University Pittsburgh Press. 2018. 458s.
- Steila D. History of Philosophy in the Early Soviet Epoch // Rivista di storia della Filosofia, 73 (2). 2018. S. 217-234.

Климова Светлана Мушаловна, доктор философских наук, профессор, Школа философии и культурологии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: sklimova@hse.ru

Genesis of Soviet Philosophy: the Case of V.F. Asmus

The article shows the process of formation of Soviet philosophy in the 20s through the analysis of Valentin Ferdinandovich Asmus's first book, published in 1924, and its reviews in the émigré and Soviet press. The central point was a discussion of the theory of cognition, clarifying its subject and method in Marxist philosophy. The dialectical method, as the main object of analysis, was examined by Asmus through a historical and philosophical reconstruction of ideas from Kant and Hegel towards Marx and Lenin. Lenin's name featured in the book's title turns out to be essentially absent from the study itself. In passing, he touched upon the problems of primitive thinking, ancient dialectics and modern times. Asmus argues that only thinking taken in its dialectic development can be the true subject of philosophy (30 years later, Evald Ilienkov will assume this stance as well). The second part of the article considers critical responses to Asmus's first books in both émigré and Soviet press. These data make it possible to reconstruct the course of intellectual thought that shaped the formation of Soviet philosophy.

Keywords: *Asmus, Marxism, Dialectic method, Émigré and in Soviet criticism*

Svetlana M. Klimova, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, School of Philosophy and Culture, Department of Humanity HSE University, Russian Federation; sklimova@hse.ru

В.П. КОРЗУН, М.С. НОСОВА

**“УВИДЕТЬ НЕБО В ЧАШЕЧКЕ ЦВЕТКА”
ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ-СИЛА» КАК КОММУНИКАТИВНАЯ
ПЛОЩАДКА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ**

Речь идет о журнале «Знание-сила» как коммуникативной площадке по популяризации советской науки в период с 1945 по середину 1980-х гг. Популяризаторская политика журнала рассмотрена в контексте поиска новых моделей развития науки и динамики общественно-политического климата в стране. Фронтальный просмотр журнала, в результате которого выявлено более тысячи публикаций, позволяет сделать вывод о том, что презентация технических сфер знания и успехов в области точных и естественных наук считается редколлегией журнала приоритетным для выстраивания популяризаторской политики, что вполне коррелирует с господствовавшей индустриализационной парадигмой, но это не было зеркальным отражением общих процессов, связанных исключительно с научно-техническим прогрессом.

Ключевые слова: журнал «Знание-сила», популяризация, ученые, советская наука, публичная история науки, технический романтизм, коммуникативное поле.

**От популяризации к публичной истории науки
историографический маршрут**

В фокусе нашего внимания журнал «Знание-сила», как один из значимых каналов популяризации советской науки. Попытаемся рассмотреть коммуникативные популяризаторские практики журнала в двух ракурсах: 1) в интерьере историографических поисков публичной истории науки и 2) смены образов науки в период с 1945 до середины 1980-х гг. Мы исходим из того, что модель советской науки оставалась принципиально неизменной, менялась лишь ее институциональная составляющая и степень жесткости связи между властью и научным сообществом, трансформировалось само научное сообщество, его представления об образе науки и своем месте в социальной стратификации общества.

До последнего времени проблема популяризации науки и знания в социокультурных реалиях советской истории находилась на периферии исследовательского интереса. Активное конструирование предметного поля публичной истории, наблюдаемое с конца XX в., актуализировало интерес к маршруту от академического знания к массовой аудитории. Но пока лишь отдельные популяризаторские кейсы получили освещение в историко-научных исследованиях, причем преимущественно на материалах 1920–1930-х и отчасти 1940-х гг. Проблематика публичной истории науки выкристаллизовывалась в разных историографических пластах, чтобы, наконец, заявить о себе в качестве актуальной, самостоятельной историко-научной проблемы лишь в самое последнее время. На протяжении многих лет она рассматривалась преимущественно в русле агитационно-пропагандистских практик советского государства, а само научное сообщество (производитель научного знания), как объект властных мер по организации науки, и соответственно в таком ракурсе

освещались отдельные эпизоды популяризации науки. В рамках новой социальной истории и антропологического поворота к концу 1990-х – началу 2000-х гг. заметно обращение к истории научного сообщества как к активному субъекту, к имманентным тенденциям развития науки и соответственно, к механизмам функционирования научного сообщества. Этот поворот нашел отражение и в интересе к популяризации науки на разных этапах ее развития. Данные сюжеты более подробно рассмотрены на материалах первого послевоенного десятилетия. Так, в коллективной монографии омских авторов¹, зафиксировано и описано институциональное поле популяризации, обозначены каналы репрезентации образа советского ученого и науки: кинематограф, центральная пресса (газеты «Правда», «Известия», «Культура и жизнь»), в качестве важнейшей институции популяризации науки представлено общество «Знание». В определении его места в популяризации знаний тоже заметна эволюция от встроенности общества в систему агитации и пропаганды ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС), к его внутренней организации и жизни как самостоятельного социума, к его коммуникативным функциям между научными институтами, властью и массовым слушателем. Наиболее значимые исследования в этой области принадлежат Д.А. Пинаевой², А.В. Селезневу³, в западной традиции – М. Froggatt⁴. В работе чешской исследовательницы Д. Ольшаковой⁵ рассмотрены процессы популяризации науки в Чехословакии в сравнении с советским вариантом функционирования общества «Знание», в т.ч. в интересующий нас период.

Впервые в качестве самостоятельной проблемы вопросы популяризации научных знаний получили освещение в статьях и монографии Е.А. Долговой⁶. И хотя автор анализирует практики популяризации в ином хронологическом срезе, чем задумано авторами данной статьи, ее подход представляется продуктивным. Долгова рассматривает научное сообщество в советской России как особую статусную группу, наделенную привилегиями и ее функционирование связано не только с условиями «большой сделки» с властью, но и с моделью науки, ориентированной на модернизацию общества. Эта группа, осознает свою субъектность и право на ее сохранение, и, добавив мы, она стремится к укоренению ценностей науки и повышения статуса ученого в обществе. Автор обозначает основные каналы коммуникации и что важно, отмечает готовность общества их воспринимать. В ином ракурсе – ракурсе наукоориентированной культуры – проблемам популяризации науки посвящены исследования А.Г. Ваганова и К.Г. Фрумкина⁷.

¹ Трансформация образа 2011.

² Пинаева 2017: 108-118.

³ Селезнев 2018: 76-80.

⁴ Froggatt 2006.

⁵ Olšáková 2014.

⁶ Долгова 2018: 113-131; 2019: 112-122; 2020

⁷ Ваганов 2018: 162-168; Ваганов 2021; Фрумкин 2022.

Современный мемориальный бум в историографии нашел отражение и в интересе к академической юбилейной истории, которая связана с презентацией образа науки в целом, института, или того или иного ученого. Применительно к нашему периоду таким знаковым событием стал 220-летний юбилей АН СССР в победном 1945 г. Образ советской науки была широко представлен как в научных докладах академической элиты, так и в массовой печати, радиопередачах, встречах ученых с трудящимися. Показательно, что иностранные ученые отмечали интенсивную популяризацию как отличительную черту советской науки. Эти сюжеты получили освещение в работах В.С. Груздинской и В.П. Корзун⁸, Д.М. Колеватова⁹, М.В. Ковалева¹⁰, С.А. Лимановой¹¹.

Наконец, выделим еще одну значимую для нас группу трудов, связанную с проблематикой публичной истории как дисциплины в российской традиции. Теоретическое осмысление предметного поля *Public history* представлено в работах И.М. Савельевой¹², Л.П. Репиной¹³, Е. Исаева¹⁴. Своеобразным интеллектуальным парадом публичной истории в начале XXI века можно считать недавно изданную книгу «Все в прошлом: Теория и практика публичной истории»¹⁵. Хотя отметим, что процесс дисциплинаризации этого направления рассматривается изолированно от ранее существовавших форм публичности науки.

Представленный историографический обзор позволяет выявить лакуны и более четко обозначить проблемное поле изучения публичной истории советской науки. Итак, в стороне до сих пор оказывается фундаментальная проблема – способов и форм презентации науки внутри научной корпорации как отражение ее самопознания и субъектности. До конца не проясненным остается и другое направление популяризации за пределами академического сообщества, в пространство массовой культуры, хотя оно представлено в историографии более основательно. Наука как социальный институт встроена в общество и тесно связана с его запросами, в т.ч. на изменение публичной функции ученого.

Актуальность выделенного проблемного поля объяснима не только фрагментарностью освещения обозначенной проблемы, но и состоянием современного научного сообщества в условиях, когда снижается престиж науки и ученого. Вопросы о легитимных способах презентации научного знания за пределами академических институтов, о статусе медийной деятельности ученого приобретает особую значимость. По большому счету речь идет о формировании культурной памяти по от-

⁸ Корзун, Груздинская 2020: 374-392.

⁹ Корзун, Колеватов 2020: 207-219.

¹⁰ Ковалев 2021: 53-81.

¹¹ Лиманова 2020: 187-191; Лиманова, 2022: 78-81.

¹² Савельева 2015: 24-36.

¹³ Репина 2015: 55-67.

¹⁴ Исаев 2016: 7-13

¹⁵ Все в прошлом 2021.

ношению к национальной науке и соответствующих ценностей в отношении современного ученого и его деятельности.

На обрисованном нами историографическом фоне обратимся к локальному сюжету, связанному непосредственно с изучением журнала «Знание-сила», как каналу популяризации советской науки. В этом плане журналу явно не повезло. В самом общем виде имеется упоминание о журнале в диссертационном исследовании В.В. Добровольского «Становление и развитие издательской деятельности Всесоюзного общества “Знание”»¹⁶, поскольку журнал с 1968 г. стал печатным органом этого общества. По истории журнала нами выявлено несколько работ. В статье И.А. Харичева «Между обществом и наукой»¹⁷ речь идет в основном о первом десятилетии XXI века и обозначена проблема значимости репрезентации научных знаний через научно-популярный журнал. Автор отмечает широкий читательский адрес журнала «Знание-сила»: «Он полезен учёным, инженерам, техническим работникам, менеджерам, студентам – всем, кто интересуется состоянием современной науки, кто в эпоху глобализации воспринимает науку и научное знание как действенный инструмент преодоления экономических и социальных проблем». Выделим, на наш взгляд, несколько реперных точек, обозначенных в статье. Первая – журнал предназначен не только для широкой аудитории, но и для научного сообщества в его дисциплинарном разнообразии. Не случайно первым адресатом журнала назван ученый. Автор подчеркивает значимость междисциплинарных коммуникаций в меняющемся образе науки. Одну из своих основных целей редакция журнала видит в поднятии престижа науки и учёного в российском обществе. Вторая интересная мысль, мотивирующая популяризаторскую миссию журнала, связана с преемственностью поколений в науке, с меморизацией. Мысль не нова, но автор постулирует ее в принципиально новом контексте, апеллируя к мнению выдающихся ученых современности о том, что делать открытия всё труднее, «временной масштаб, необходимый для того, чтобы эти открытия были сделаны, становится всё более и более протяженным. Экстраполируя, можно предположить, что со временем он растянется на несколько поколений, а потом и ещё больше. Выдвигать первоначальные гипотезы и проектировать эксперимент будут учёные одного поколения, развивать теорию и создавать установку – другого, получать результаты – третьего»¹⁸. Важно не потерять в этом космосе интеллектуальную память и связь времен и поколений.

Несколько работ посвящено визуальному образу журнала преимущественно в период «оттепели»¹⁹. Искусствоведческий ракурс расширил традиционную историко-научную проблематику. В оформлении журнала, по мнению И.Н. Миклушевской и М.Т. Соостер, проявились

¹⁶ Добровольский 1986: 211.

¹⁷ Харичев 2010: 36-39.

¹⁸ Там же: 36.

¹⁹ Миклушевская, Соостер 2019: 372-385; Васильева 2023.

не только черты сюрреализма, метафизического искусства и поп-арта, которые отражали тенденции мировой художественной культуры и меняли в 1960-е гг. ровное течение советского искусства, но что важно, обозначена проблема тесной связи искусства и науки: «Искусство прошлых эпох и современное, представленное наглядно в качестве иллюстрации, помогало постичь науку, а наука, в свою очередь, проецировала себя на произведения искусства и поясняла его относительно себя. Так абстрактные символы и беспредметное искусство в области научной иллюстрации приобрели прикладной характер и новые смыслы»²⁰. Более широкую трактовку получает проблема пространства журнальной коммуникации, в поле зрения исследователей попадают выставки в рамках изучения художников-оформителей журнала в научных институтах и Домах ученых²¹. Сциентистский дискурс проникает в поры культуры, провоцируя выход за грани обыденного.

Как видим историографическое осмысление темы публичной истории науки демонстрирует нам параллельное, практически непересекающееся движение локального (на уровне отдельного коммуникативного кейса) и макро-процессуального (на уровне описания коммуникативного поля науки в его целостности, с акцентированием публичности). Данная статья – это попытка преодоления сложившегося разрыва. Для нас вдохновляющей на этом пути явилась высказанная Р. Коллинзом мысль о встроенности микроситуаций в «макропаттерны». По Коллинзу, «никакая локальная ситуация не является одиночной; ситуации окружают друг друга во времени и пространстве»²².

Время, мотивы и краски: меняющийся образ журнала

Начнем с двух отступлений. Первое касается специфики выбора учеными стратегии общения с массовой аудиторией. В литературе выделяется дистанционное и непосредственное общение, для каждого характерен особый набор инструментов, изменяющихся во времени. Научно-популярный журнал – инструмент по преимуществу дистанционного общения (как, собственно, и любой журнал), провоцирующий сложную коммуникативную сеть: ученый (автор текста), журналист – издатель – редактор – художник-оформитель – читатель. Почему по преимуществу? Потому, что имеется и такой канал популяризации, как устный выпуск журнала²³, активными акторами коммуникации выступают те же действующие лица, что и в первом случае, но вместо фигуры читателя появляется фигура активного слушателя. В этом случае меняется структура «текста-презентации», связанная, прежде всего с коррекцией языка общения, с соотношением рационального и эмоционального. Хотя эмоциональная составляющая безусловна, значима в популяризации вообще. С иронией о внутреннем «гриме» ученых под священников

²⁰ Миклушевская, Соостер 2019: 384.

²¹ Васильева 2023: 15.

²² Коллинз 2002: 67.

²³ ГАРФ Ф. Р-9547 Оп. 1 Д. 2786. Л. 8.

писал в письме к брату Петр Леонидович Капица. И добавлял: «Наука должна быть веселая, увлекательная и простая. Такими же должны быть и ученые»²⁴. Эта мысль ученого перекликается с высказываниями и деятельностью известного популяризатора науки в дореволюционной и советской России Я.И. Перельмана²⁵ о «занимательной науке», то есть науке, возбуждающей интерес.

Второе отступление проясняет размах популяризации науки в советской практике в интересующий нас период. Ограничимся перечислением журналов данной направленности: «Наука и жизнь», «Техника – молодёжи», «Химия и жизнь», «Юный техник», «Юный натуралист», «Вокруг света», «Земля и Вселенная», «В мире науки», «Наука в России». Так что журнал «Знание-сила» существовал в напряженном конкурентном поле, и в борьбе за пространство внимания его редакция расширяла не только состав своей аудитории, но и искала новые формы презентации журнала и по большому счету – науки. Это был трудный поиск между Сциллой достоверности и Харибдой доступности.

Итак, о журнале. Советский научно-популярный и научно-художественный журнал «Знание-сила» основан в 1926 г. В первых номерах редакторы определяли его направление как «ежемесячный научно-популярный журнал для подростков». Материалы были ориентированы на школьную аудиторию и написаны доступным языком художественного рассказа. С началом «индустриализации» в 1928 г. журнал изменил акценты и стал презентовать себя как орган юных техников. 1920–1930-е годы – это время рождения советской науки: «Наука не только стала признанной частью государственного престижа, но и сама профессия ученого приобрела публичный характер: это наложило определенные ограничения на его работу и сформировало новые требования к производимой им научной продукции и особенностям презентации результатов научного труда»²⁶. В раннесоветский период задача популяризации научных знаний получила дополнительный импульс к развитию, опираясь, в том числе, и на просвещенческую дореволюционную традицию. Постепенно складывался концепт «науки для народа». И журнал выполнял эту миссию. В 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны издание журнала было прекращено. Возобновить издание удалось только в 1946 г. усилиями бывшего главного редактора Льва Жигарева²⁷. Направление работы журнала было определено в первом номере за 1946 г.: «журнал снова выступает перед юным читателем. В системе государственных трудовых резервов обучаются новые пополнения ква-

²⁴ Письма о науке 1989: 37.

²⁵ Яков Перельман (1882–1942), известный популяризатор науки, автор работ «Занимательная геометрия», «Занимательная арифметика», «Занимательная алгебра», «Занимательная астрономия», «Занимательная механика», «Фокусы и развлечения», «Физика на каждом шагу», «Загадки и диковинки в мире чисел», всего более ста названий.

²⁶ Долгова 2020.

²⁷ Жигарев URL: http://archivsf.narod.ru/1910/lev_zhigarev/index.htm

лифицированных специалистов. Для нашей славной рабочей молодежи и возобновляет свое издание научно-популярный журнал «Знание-сила»²⁸. Журнала выходит в издательстве «Трудрезервиздат», в нем он издается до 1968 г., после передается Всесоюзному обществу «Знание». Постепенно исчезает и акцентирование молодежной направленности, журнал ориентируется на более широкую аудиторию.

Возобновление выхода журнала отмечено неуклонным ростом его тиража: в 1946 г. – 25 тысяч, в 1950 г. – до 50 тысяч в месяц, а уже в 1967 г. тираж достигает пика – 700 тысяч. Дальше тираж снижается, но вплоть до середины 1980-х гг. не опускается ниже 500 тыс. в месяц, и несмотря на это, по свидетельству современников, купить журнал было достаточно сложно, он был востребован читающей публикой.

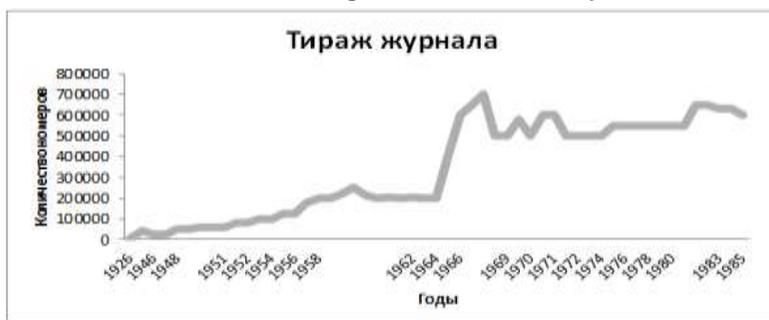

График № 1. Тираж журнала «Знание-сила».

Естественно, в интересующей нас длительной хронологической перспективе менялись главные редакторы журнала. С 1945 по 1947 г. редколлегию возглавлял Л.В. Жигарев; с 1947 по 1961 – А.Ф. Бордадын; с 1961 по 1965 – В.А. Мезенцев; с 1965 по 1966 – Н.Н. Адабашев; с 1966 по 1989 – Н.С. Филиппова. Не всегда смена главного редактора отражалась на внешнем облике журнала, и не всегда вместе с ним серьезно менялась редколлегия. В состав редколлегии входили ученые, журналисты, писатели. Серьезные изменения происходят с приходом на пост главного редактора опытной журналистки Н.С. Филипповой, расширяется редколлегия, по сравнению с предшествующим составом в два раза, и достигает 22 человек. Принципиально меняется оформление журнала²⁹, как уже отмечалось, журнал передается в ведение общества «Знание». Н.С. Филиппова отстаивает и сохраняет его просветительскую и политематическую направленность.

Востребованность журнала объясняется и внутринаучным контекстом и настроением общества, самой эпохой, характерной чертой которой были надежды на ускорение темпов научно-технического прогресса и вера в его преобразующую силу. Победа в войне, «неоспоримые результаты военно-технической и научно-технической революций реше-

²⁸ Знание-сила 1946. № 1: 40.

²⁹ Знание-сила 1967. № 1.

ние стратегических оборонных задач, позволили в дальнейшем «попутно» запустить космическую программу, вызвали в обществе ощущение всемогущества «большой науки»³⁰ и высокого статуса ученого в обществе. Это был период технического романтизма. Исследовательский нарратив становится своего рода стилем мышления, создавая благодатную почву не только для рационализаторского движения, но и для междисциплинарного поворота. Советская наука этого времени дает множество примеров подобных поисков – это технизация и математизация, которая захватывает и гуманитарные науки. Указанный нами культурно-психологический аспект заслуживает специального изучения. В таком контексте научно-популярные издания являлись рупором, транслирующим на понятном языке идеи рационально устроенного будущего.

В 1960-е гг. журнал «Знание-сила» – один из лучших иллюстрированных журналов СССР. В самом начале 1960-х в журнале начали работу выпускники Московского полиграфического института – Александр Добрицын, Юрий Соболев, последний с 1967 по 1980 г. занимает пост главного художника. Команда художников-нонконформистов, созданная Добрицыным, постепенно перешла работать в журнал. Среди них: Б. Алимов, А. Брусиловский, Р. Варшамов, Н. Калинин, В. Пивоваров, Н. Попов, И. Кабаков, Б. Лавров, Э. Неизвестный, М. Ромадин, Ю. Соостер, В. Янкилевский. Как отметили Н.И. Миклушевская и М.Т. Соостер редакция «Знание-сила» «позволяла художникам оставаться художниками»³¹. Приход новых художников в журнал ознаменовал начало его расцвета, пик тиража пришелся на 1967 год³². Тексты ученых сопровождалась не только авторской графикой, но и современной научной фотографией, что вызывало дополнительный интерес у читателей.

В журнале регулярно печаталась прекрасно иллюстрированная фантастика, многие отечественные фантасты здесь начинали свой творческий путь. Рассказы известных авторов – Аркадия и Бориса Стругацких, Станислава Лема, Кира Булычева³³ и др. часто продолжают из номера в номер. Стильный журнал безусловно привлекал читателя.

Штрихи к портрету советской науки

Зададимся вопросом, каким представлен портрет советской науки на страницах журнала, насколько отразились в нем процессы «технизации» и антропологизации, другими словами, можно ли «увидеть небо в чашечке цветка»? Отвечая на этот вопрос, обратимся к библиометрическим показателям. Нас будет интересовать динамика количества публикаций, соотношение статей гуманитарного, технического и естественно-научного планов, рубрикация журнала. Для составления объемного портрета науки, отразившегося в журнале, требуется больше параметров

³⁰ Водичев 2012: 327.

³¹ Миклушевская, Соостер 2019: 372-385.

³² Знание-сила. 1967. № 1.

³³ Снегурочка // Знание-сила. 1973. №12; За миллиард лет до конца света // Знание-сила. 1976. №12: 58-62;

и их «качественная» характеристика, включающая содержательный анализ статей. Так что, речь пойдет скорее о штрихах к портрету науки.

Начнем с рубрикации: рассмотренная в динамике, она позволяет выявить изменения в популяризаторской политике журнала, выявить константы и меняющиеся формы популяризации. Это своего рода сетка координат коммуникативного поля журнала, отражавшая и концептуальную смену образа науки, и позицию редакции. Рубрикация с 1946 по 1957 г. свидетельствует о молодежной, образовательно-просветительской направленности журнала: Рассказы о природе и человеке (1946–1949); Завоевания науки и техники (1946–1949); Богатства нашей страны (1946–1947); Наука в спорте/Наука и спорт (1946–1975); Рассказы о профессиях (1946–1962); Фантастика (1946–1964), далее «Страна фантазия» до 1985; Наука и техника (1946–1980); Завоевания науки и техники (1946–1985); Люди русской науки (1950), которая затем трансформируется в рубрику «Ученые нашей страны»; Шахматы (1951). Как видим некоторые рубрики, обозначенные в этот период, стали постоянными и за его пределами. В последующем направленность смещается на популяризацию научно-технических разработок и успехов в области естественных наук, что было характерно для этапа середины 1960 – 1970-х гг. Остается востребованным жанр научной фантастики.

Выделяются политематические рубрики, ориентирующие читателя на выбор книг для чтения, на познание калейдоскопа событий из мира вселенной и научных открытий: Советуем прочесть (с 1946 г.); Во всем мире (с 1946 г.); Понемногу о многом (с 1946 г.); Хочу все знать (1953–1954); Вышли из печати (с 1946 г.); И в шутку, и в серьез (с 1957 г.); В редакцию приходят письма (с 1946 г.). Последняя рубрика показательна в плане складывания пространства для диалога и более того, появляется новая рубрика «Диалоги “Знания-сила”» в которой размещаются альтернативные взгляды ученых на развития науки и научное творчество. Эпизодические рубрики, посвященные отдельным юбилейным событиям, преимущественно связанным с историей советского государства, становятся все более заметными с конца 1960-х гг.

График № 2

Фронтальный просмотр журналов за период со второй половины 1940-х до середины 1980-х гг. позволяет сделать вывод, что количество публикаций посвященных популяризации технических и естественных наук превышает количество публикаций по гуманитарным наукам. Из общего массива материалов (10 073 публикации) лишь чуть более трети приходится на гуманитарные области знания.

Приведенная статистика свидетельствует, что презентация технических сфер знания и успехов в области точных и естественных наук считается редколлегией приоритетом для выстраивания популяризаторской политики, что вполне коррелируется с господствующей индустриализационной парадигмой. В ее рамках наука рассматривается как производительная сила, социально-экономический прогресс определяется связью науки, техники и технологий, проблема внедрения достижений науки в производство становится нервом этой парадигмы, хотя его «защемление» явственно наблюдается со второй половины 1960-х гг. Это отражается и во властной риторике на съездах партии, начиная с 1966 г. вплоть до конца интересующего нас периода³⁴, в ней фиксируется слабая связь науки с жизнью, и даже констатируется отставание от западных стран в развертывании научно-технического прогресса. Аналогичные мысли мы находим и в выступлениях самих ученых. Так, в 1986 г. на годичном собрании Академии наук СССР А.П. Александров констатировал разрыв между наукой и практикой внедрения в жизнь научных разработок³⁵, косвенно упрекая в этом ученых.

При общей тенденции роста массива публикаций технического и естественно-научного плана можно выделить его волнообразный характер. Рост числа такого рода статей приходится на период с 1953 по 1970 г. с небольшим спадом в самом начале 1960-х гг. и далее следующее за ним снижение, возвращение к периоду «разбега» второй половины 1950-х гг. Спад в начале 1960-х гг. объясним переходом редколлегии к публикации материалов большего объема. Соответственно их количество снижается, хотя объем журнала остается прежним.

Отметим более поступательное движение потока публикаций в области естественных наук, как и в первом случае, их пик приходится на вторую половину 1960-х – начало 1970-х гг., что подтверждает выводы исследователей о влиянии «оттепели» с ее противоречивыми реформами, в т. ч. в плане институализации науки, на интеллектуальный климат эпохи, на сциентистский запрос общества. Знаковым культурным событием этого периода стал выход на телеэкраны страны в феврале 1973 г. телепередачи «Очевидное-невероятное» с легендарным С.П. Капицей.

Включение журнала в структуру Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний обязывало следовать в фарватере его политики. Общество буквально мобилизует ученую кор-

³⁴ Фрумкин 2022: 307-309.

³⁵ Вступительное слово президента Академии наук СССР академика А.П. Александрова // Вестник Академии наук СССР. 1986. № 7: 8.

порацию на пропаганду научных достижений, да и сами ученые в своем большинстве осознают важность такой широкой коммуникации, что, с одной стороны, отражало внутренние закономерности развития науки, как коммуникативной системы, а с другой, – утопические представления о возможности науки перестроить мир. Это период бурного роста численности ученой корпорации, изменения ее инфраструктуры с пространственным поворотом на Восток. По подсчетам Г.А. Лахтина, темпы прироста численности научных кадров на рубеже 1950-х и 1960-х гг. достигали 25% в год³⁶. Массовизация науки, имела свои плюсы и минусы. С точки зрения социологии науки важной ее характеристикой можно считать обретение субъектности, «голос лидеров научного сообщества стал более весомым»³⁷. В современной исследовательской литературе к этому времени относят изменения в этосе ученой корпорации, осознание своей миссии, особой роли в обществе, складывание собственной субкультуры, с элементами «сословной мифологии» и фрондерства³⁸.

Мобилизация ученых на активную популяризацию достижений науки просматривается в нормативных документах общества «Знание», предусматривающих планирование, контроль за работой его отделений. В годовых отчетах научных учреждений, в т. ч. академических, в качестве обязательной появляется строка – результаты внедрения в производство. Планируемый массив лекций отражает ту же тенденцию приоритета технической и естественнонаучной проблематики, что было характерно и для публикаций в журнале³⁹.

Возникает вопрос, каким образом и насколько реагировал журнал на внешние социальные запросы. Мы не располагаем материалом о подготовке публикаций, соотношении внешнего заказа, цензурирующих органов и позиций журналистов и редакторов. Но даже данные о художественном оформлении журнала (напомним, что, несмотря на критику «беспредметного искусства» и призывы к соцреализму, журнал не изменил избранному еще в 1960-е г. своему художественному кредо) свидетельствуют о том, что не стоит низводить редакции журнала до автоматических исполнителей предписаний сверху.

Презентация в журнале достижений гуманитарных наук разворачивалась в русле памятных исторических событий государственного масштаба, и представляла собой одну из форм юбилейных коммемораций. Рассмотрение потока публикаций по гуманитарным наукам показывает, что преимущественно это статьи по истории России (история революции, история Великой Отечественной войны, история партийных съездов, история революционного движения, образование СССР). Из-

³⁶ Цит. по: Фрумкин 2022: 101.

³⁷ Фрумкин 2022: 103.

³⁸ Водичев, Куперштох 2001: 41-65; Юрчак 2014: 279-280.

³⁹ Показателен в этом плане проспект лекций на 1974 г., год столетнего ленинского юбилея, подготовленный учеными новосибирского Академгородка и изданный под грифом общества «Знание». Большая часть заявленных лекций посвящена успехам точных наук и проблемам внедрения. – ГАНО. Ф. 2175. Оп.1. Д. 730.

редка печатались материалы по археологии и этнографии, которые судя по откликам читателей, вызывали большой интерес.

Неудовлетворенность разрывом между гуманитарными и точными науками в публикациях журнала зафиксирована в документах проверки комиссией общества «Знание» его работы за 1977 г. – год 60-летия Октябрьской революции. Комиссия отмечает, что в публикуемых материалах есть перекос в сторону техники, статьи, которые посвящаются гуманитарным и социальным наукам, часто не касаются главных общественно-политических тем⁴⁰. Особо подчеркнута слабая подготовка к освещению юбилея Октябрьской революции⁴¹. Материалы, которые должны были выйти в преддверии этого события еще в 1976 г., появляются на страницах журнала в 1977 г. Речь шла о нечеткости, неконкретности планирования⁴². Последующая проверка в 1980 г. зафиксировала прежнюю диспропорцию между гуманитарными и точными науками⁴³. В последнем документе прослеживается усиливающаяся политизация – требование «повысить идейную, научную и художественную составляющую. Добавить материалов по планам и задачам XXV съезда КПСС»⁴⁴. Как видим, результаты предыдущей проверки существенно не отразились на тематике публикаций и их объеме, относительно точных наук.

Несмотря на ярко выраженные технократические акценты в журнале обнаруживается и антропологическая составляющая. Зафиксировать ее можно в различных ракурсах: в биографиях ученых, биографиях великих открытий, истории научных институций и научных сообществ, наконец, в постановке проблемы индивидуального и коллективного творчества. Первые четыре позиции ярко проявляются в юбилейных публикациях. Публикуются юбилейные материалы, посвященные как отечественным, так и зарубежным ученым, хотя соотношение их менялось. В пантеон классиков попадают и на то время действующие ученые, в основном речь шла об управленческой академической элите (А.Е. Ферсман⁴⁵, М.В. Келдыш⁴⁶, И.И. Артоболевский⁴⁷ и др.).

Особое место занимают юбилеи политических деятелей. В 1954–1955 гг. публикуются материалы о И.В. Сталине⁴⁸ в которых он представлен и как выдающийся ученый. Грандиозно празднуются Ленинские юбилеи. В 1968–1970 г. вождю посвящено 12 статей⁴⁹, с 1980 г. юбилейные статьи о В.И. Ленине публикуются практически каждый год.

⁴⁰ ГАРФ Ф. Р-9547 Оп. 1 Д. 2786. Л. 58.

⁴¹ ГАРФ Ф. Р-9547 Оп. 1 Д. 2786. Л. 23.

⁴² Там же.

⁴³ ГАРФ Ф. Р-9547 Оп. 1 Д. 3157. Л. 19.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Финн 1958. № 11: 20.

⁴⁶ Тихонов 1971. № 3: 10.

⁴⁷ Лепихов 1975. № 10: 34-35.

⁴⁸ Знание-сила. 1954. № 12: 1-2; Знание-сила. 1955. № 12: 3-4.

⁴⁹ Знание-сила. 1969. № 1; № 2; № 3; №4; №5; №8; №9; №10; № 11; Знание-сила. 1970. №1, № 3.

Портретная галерея ученых, представленная в журнале, отражает общественно-политический и культурный фон в стране. После войны появилась рубрика «Люди русской науки», с 1950 по 1956 г. она существовала в формате короткой справки об ученом и объемного материала о его личности и работе. Рубрика представлена именами П.П. Лазарева, М.В. Ломоносова, А.М. Зайцева, И.И. Мечникова, М.А. Мензibra, Г. Седова, Д.И. Менделеева, В.Л. Комарова, П.П. Шорыгина, С.И. Спасокукоцкого, Д.Н. Прянишникова, В.К. Арсеньева, Н.А. Шилова. На волне патриотического порыва после победы в Великой Отечественной войне, а затем борьбы с космополитизмом в первое послевоенное десятилетие, наблюдается культ русской науки, поддерживаемый Сталиным, отстаивание ее приоритета в важнейших мировых открытиях. Именно тогда вышел двухтомник «Люди русской науки»⁵⁰. Весьма симптоматично появление в 1948 г. приказа министерства высшего образования «о внедрении в вузах преподавания истории техники и отдельных наук – с особым акцентом на историю советской науки и техники и обязательным показом ее приоритета»⁵¹, а также о рекомендации открытия кафедры по истории науки в МГУ. Вне рубрики в журнале были отмечены юбилеи лишь двух корифеев мировой научной мысли Леонардо да Винчи (500 лет со дня рождения) и Авиценны (1000 лет). Важные данные для понимания атмосферы, в которой функционировал журнал, приведены К.Г. Фрумкинским об отображении биографий ученых в серии «Жизнь замечательных людей». По его подсчетам пик публикаций биографий ученых пришелся на 1951–1955 гг., «43% издаваемых книг серии ЖЗЛ были посвящены биографиям ученых, причем биографии иностранных ученых в это время практически не издавались»⁵².

С 1957 г. вместо рубрики «Люди русской науки» в журнале появляется новая – «Ученые нашей страны». В ней было размещено всего три статьи и далее вплоть до начала 1970-х гг. единой рубрики, в которой регулярно публиковались бы статьи о жизни и работе ученых, нет. Это не означает, что в этот период вообще отсутствуют материалы, посвященные ученым, они размещены по разным рубрикам. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом – возрастающей ролью науки, ее массовизацией и демократизацией, с появлением нового героя – молодого научного работника (физика по преимуществу), с одной стороны, а, с другой, несмотря на количественный рост публикаций естественнонаучного и технического характера, рубрика, которая по своему назначению призвана представлять фигуры, творящие эту новую науку, рассыпается. Этот феномен требует специального исследования.

В 1973 г. в журнале появляется рубрика «Люди науки» (об ученых всего мира) или «Люди советской науки» (об ученых СССР), и остается активно наполняемой до конца исследуемого периода. С 1973 по 1985 г.

⁵⁰ Люди русской науки 1948.

⁵¹ Фрумкин 2022: 75.

⁵² Там же.

в ее рамках журнал опубликовал 54 юбилейных и биографических материала. В наполнении этих рубрик присутствуют имена как отечественных, так и иностранных ученых, примечательно, что в пантеон классиков возвращаются имена, ранее вычеркнутые из списка знаковых фигур. Несмотря на общий спад интереса к науке, журнал наращивает линию на популяризацию научных достижений, на демонстрацию значимости креативной личности в истории. Показательны в этом плане и публикации дискуссионных материалов о соотношении индивидуального и коллективного в научном творчестве⁵³.

Таким образом, между окончанием Великой Отечественной войны и началом перестройки, журнал «Знание-сила» выполнял миссию обустройства коммуникативного поля советской науки, пытаясь «зажечь искру любви к науке», являясь одновременно важной коммуникативной площадкой, стягивавшей на себя не только заинтересованного, совсем не пассивного читателя, но и производителя научного знания – ученого. В его деятельности естественно отразились общие процессы развития науки в СССР, однако вряд ли можно говорить об их зеркальном отражении в популяризаторской политике журнала. Перед нами, безусловно, чрезвычайно интересный источник, не только в плане моделирования интеллектуальной читающей аудитории, но и в плане прояснения меняющихся образов советского ученого, антропологии науки в целом. К сожалению, нам пока не доступны источники, позволяющие прояснить, кто стоял за воплощением высоких замыслов, известны лишь фамилии главных редакторов и членов редколлегии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 2175. Оп.1. Д.730. [Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). F. 2175. Op.1. D.730].
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9547 Оп. 1 Д. 2786, Д. 3157. [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9547 Op. 1 D. 2786, D. 3157].
- Аршавский И. Наука без великих ученых // Знание-сила 1972. № 8. С. 28. [Arshavskij I. Nauka bez velikih uchenyh // Znanie-sila. 1972. № 8. S. 28].
- Булычев К. Снегурочка // Знание-сила. 1973. № 12. С. 39-41. [Bulychev K. Snegurochka // Znanie-sila. 1973. № 12. S. 39-41].
- Знание-сила: журнал для подростков / учредитель изд-во «Молодая Гвардия». 1926. № 9. [Znanie-sila: zhurnal dlya podrostkov / uchreditel' izd-vo «Molodaya Gvardiya». 1926. № 9].
- Знание-сила: научно-популярный журнал / учредитель изд-во Трудрезервиздат. 1946. № 1. [Znanie-sila: nauchno-populyarnyj zhurnal / uchreditel' izd-vo Trudrezervizdat. 1946. № 1].
- Лепихов А. Жизнь для науки // Знание-сила. 1975. № 10. С. 34-35. [Lepihov A. Zhizn' dlya nauki // Znanie-sila. 1975. № 10. S. 34-35.].
- Мирская Е. Миф о великом ученом // Знание-сила. 1972. № 8. С. 27. [Mirskaya E. Mif o velikom uchenom // Znanie-sila 1972. № 8. S. 27].
- Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света // Знание-сила. 1976. № 12. С. 58–62. [Strugackij, A., Strugackij, B. Za milliard let do konca sveta // Znanie-sila. 1976. №12. S. 58–62].
- Тихонов А. Юбилей ученого // Знание-сила. 1971. № 3. С. 10. [Tihonov A. Yubilej uchenogo // Znanie-sila. 1971. № 3. S. 10.].
- Финн Э. Человек, который заставил говорить камни // Знание-сила. 1958. № 11. С. 20. [Finn E. Shelovek, kotoryj zastavil govorit' kamni // Znanie-sila. 1958. № 11. S. 20.].

⁵³ Мирская 1972. № 8: 27; Аршавский 1972. № 8: 28.

- Ваганов А.Г. Спираль жанра: от «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России. М.: Ленланд. 2021. [Vaganov A.G. Spiral' zhanra: ot «narodnoj nauki» do razvlekatel'nogo biznesa. Istoriya i perspektivy populyarizacii nauki v Rossii. Moskva : Lenland. 2021.]
- Ваганов А.Г. Закономерности исторической динамики научно-популярного жанра // Наука и школа. 2018. № 1. С. 162-168. [Vaganov A.G., Zakonomernosti istoricheskoy dinamiki nauchno-populyarnogo zhanra // Nauki i shkola. 2018. №1. S. 162-168].
- Васильева В.В. Законы физического мира в иллюстрациях В. Янкилевского // Философия и культура. 2023. № 1. [Vasil'eva, V.V. Zakony fizicheskogo mira v illyustracijah V. Yankilevskogo // Filosofiya i kultura. 2023. № 1].
- Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под редакцией А. Завадского и В. Дубиной. М.: Новое изд-во, 2021. 445 с. [Vse v proshlom. Teoriya i praktika publichnoj istorii / pod redakciej A. Zavadskogo i V. Dubinoj. Moskva: Novoe izd-vo, 2021. 445 s.].
- Вступительное слово президента Академии наук СССР акад. А.П. Александрова // Вестник Академии наук СССР. 1986. № 7. С. 8. [Vstupitel'noe slovo prezidenta Akademii nauk SSSR akademika A.P. Aleksandrova // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1986. № 7. S. 8].
- Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск: НП Академическое изд-во «Гео», 2012. 348 с. [Vodichev E.G. Nauka na Vostoke SSSR v usloviyah industrial'noj paradigmy. Novosibirsk: NP Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2012. 348 s.].
- Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–65. [Vodichev E.G., Kupershtoh N.A. Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody // Sociologicheskij zhurnal. 2001. № 4. S. 41–65.].
- Добровольский В.В. Становление и развитие издательской деятельности Всесоюзного общества "Знание". Дис... канд. ист. наук. М., 1986. 211 с. [Dobrovolskij V.V. Stanovlenie i razvitie izdatel'skoj deyatelnosti Vsesoyuznogo obshchestva "Znanie". Dis... kand. ist. nauk. Moskva, 1986. 211 s.].
- Долгова Е.А. Научное сообщество конца 1910-х – первой половины 1930-х гг.: Теоретические подходы в исторической ретроспективе // Стены и мосты VII. Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает? Сб. трудов Международной научной конференции, Москва, 24–25 мая 2018 г. М.: РГГУ, 2019. С. 112-122. [Dolgova E.A. Nauchnoe soobshchestvo konca 1910-h – pervoj poloviny 1930-h gg.: Teoreticheskie podhody v istoricheskoy retrospektive // Steny i mosty VII. Mezhdisciplinarnost': chto ot istorika trebuets, chto daets i chego lishaet? Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva: RGGU, 2019. S. 112-122.].
- Долгова Е.А. Преподавательское сообщество Института красной профессуры в 1930-е гг. // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 4. С. 113-131 [Dolgova E.A. Prepodavatel'skoe soobshchestvo Instituta krasnoj professury v 1930-e gg. // Sociologicheskij zhurnal. 2018. T. 24, № 4. S. 113-131].
- Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 325 с. [Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920-1930-e gg. Moskva: RGGU, 2020. 325 s.].
- Жигарев Л. // Архив фантастики [Zhigarev L. // Arhiv fantastiki. URL: http://archivesf.narod.ru/1910/lev_zhigarev/index.htm].
- Исаев Е.М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 2 (33). С. 7-13. [Isaev E.M. Publichnaya istoriya v Rossii: nauchnyj i uchebnyj kontekst formirovaniya novogo mezhdisciplinarnogo polya // Vestnik Permskogo universiteta. 2016. Vyp. 2 (33). S. 7-13].
- Коллинз Р. Социология философов: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с. [Kollinz R. Sociologiya filosofij: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya. Novosibirsk : Sibirskij hronograf, 2002. 1282 s.].
- Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 374-392. [Korzun V.P., Gruzdinskaya V.S. 220-j yubiley AN SSSR v pobednom 1945-m: scenarij prazdnovaniya v sociokul'turnom kontekste epohi // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2020. T. 19, № 2. S. 374-392.].

- Корзун В.П., Колеватов Д.М. "Русские поклоняются знаниям" (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 3. С. 207-219 [Korzun V.P., Kolevator D.M. "Russkie poklonuyayutsya znaniyam" (220-letnij yubiley AN SSSR v vospriyatii kanadskogo uchenogo) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. T. 162, № 3. S. 207-219].
- Ковалев М.В. "Я впечатлен их колоссальными исследованиями и преподаванием". Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна "Путешествие в Россию" о поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53-81. [Kovalev M. V. "YA vpechatlen ih kolossal'nymi issledovaniyami i prepodavananiem". Dnevnik laureata Nobelevskoj premii fizika Maksa Borna "Puteshestvie v Rossiyu" o poezdke v Moskvu i Leningrad na 220-letnij yubiley AN SSSR. 1945 g. // Istoricheskij arhiv. 2021. № 5. S. 53-81].
- Лиманова С.А. «Академия наук сыграла решающую роль в создании <...> орудий победы»: отклики на 220-летний юбилей Академии наук в июне 1945 г. // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Сб. статей, Оренбург, 23–25 апреля 2020 года. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. С. 187-191. [Limanova S.A. «Akademiya nauk sygrala reshayushchuyu rol' v sozdanii <...> orudij pobedy»: otkliki na 220-letnij yubiley Akademii nauk v iyune 1945 g. // Velikaya Otechestvennaya vojna i problemy nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 75-letiyu Pobedy Sovetskogo Soyuzha nad fashistskoj Germaniej. Sbornik statej, Orenburg, 23–25 aprelya 2020 goda. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2020. S. 187-191].
- Лиманова С.А. Подготовка к празднованию 250-летия АН СССР: работа Пресс-центра при Юбилейном комитете // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: Материалы Международной конференции, Москва, 28 марта 2022 года. М.: ИИЕТ РАН, 2022. С. 78-81. [Limanova S. A. Podgotovka k prazdnovaniyu 250-letiya AN SSSR: rabota Press-centra pri YUbilejnom komitete // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii Rossijskogo nacional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 28 marta 2022 goda. Moskva: IJET RAN, 2022. S. 78-81].
- Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / С предисл. и вступ. статей ["Советская наука на службе Родине", с. 21-58] акад. С.И. Вавилова. М.; Л.: Гостехиздат, 1948. [Lyudi russkoj nauki : Ocherki o vydayushchihhsya deyatel'ah estestvoznaniya i tekhniki / S predisl. i vstup. statej ["Sovetskaya nauka na sluzhbe Rodine", s. 21-58] akad. S. I. Vavilova. Moskva; Leningrad : Gostekhizdat, 1948.].
- Миклушевская И.Н., Соостер М.Т. Образ журнала «Знание-сила» в 1960-е годы // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2019. № 2-1. С. 372-385. [Miklushevskaya I.N., Sooster M.T. Obraz zhurnala «Znanie-sila» v 1960-e gody // Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA. 2019. № 2-1. S. 372-385.].
- Пинаева Д.А. "Помни: нужно много знать, чтоб стране полезным стать!": о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного общества "Знание") // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108-118. [Pinaeva D.A. "Pomni: nuzhno mnogo znat', chtoby strane poleznym stat'!": o nekotoryh problemah populyarizacii nauki v SSSR (na primere deyatel'nosti Vsesoyuznogo obshchestva "Znanie") // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 420. S. 108-118].
- Письма о науке, 1930–1980 / П.Л. Капца; [Сост., предисл. и примеч. П.Е. Рубинина]. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 37. [Pis'ma o nauke, 1930–1980 / P.L. Kapca; [Sost., predisl. i primech. P.E. Rubinina]. Moskva: Mosk. rabochij, 1989. S. 37].
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. №3 (157). С. 55-67. [Repina L.P. Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v

- kontekste istoricheskoj kul'tury epohi globalizacii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. №3 (157). S. 55-67].
- Савельева И.М. Таланты и посредники: граница между академической и публичной наукой // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 24-36. [Savel'eva I.M. Talanty i posredniki: granica mezhdru akademicheskoj i publichnoj naukoj // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. №1. S. 24-36].
- Селезнев А.В. Пропаганда сельскохозяйственных знаний Красноярским краевым отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в 1949–1954 гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 76-80. [Seleznnev A.V. Propaganda sel'skohozyajstvennyh znaniy Krasnoyarskim kraevym otdeleniem Vsesoyuznogo obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnyh znaniy v 1949–1954 gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2018. № 4. S. 76-80.].
- Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с. [Transformaciya obraza sovetsoj istoricheskoj nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-h – seredina 1950-h godov. Moskva: ROSSPEN, 2011. 471 s.].
- Фрумкин К.Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М., СПб.: Нестор-История. 2022. 352 с. [Frumkin K.G. Lyubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie social'noj istorii sovetsoj nauki v literature, iskusstve i publichnoj ritorike. Moskva, SPb.: Nestor-Istoriya. 2022. 352 s.].
- Фрумкин К.Г., Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛО. 2014. С. 279-280. [Frumkin K.G., Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetsoe pokolenie. Moskva: NLO. 2014. S. 279-280.].
- Харичев И.А. Между обществом и наукой. О журнале "Знание – сила" // Библиотечное дело. 2010. № 24(138). С. 36-39. [Harichev I.A. Mezhdru obshchestvom i naukoj. O zhurnale "Znanie – sila" // Bibliotечноe delo. 2010. № 24(138). S. 36-39.].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО. 2014. С. 279-280. [Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetsoe pokolenie. Moskva: NLO. 2014. S. 279-280.].
- Olšáková, Doubravka. Věda jde k lidu! Československá společnost pro šíření politických a vědeckých znalostí a popularizace věd v Československu ve 20. století. Praha: Academia, 2014.
- Froggatt, M. Science in Propaganda and Popular Culture in the USSR under Khrushchëv (1953–1964). University of Oxford, 2006. 248 p.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

Носова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, научный сотрудник; mari93_1993@mail.ru

Seeing the Sky Within a Calyx: 'Knowledge Is Power' Magazine as a Communicative Platform for the Popularization of Soviet Science

We are talking about the magazine "Knowledge-Power" as a communicative platform for the popularization of Soviet science in the period from 1945 to the mid-1980s. The popularization policy of the journal is considered in the context of the search for new models for the development of science and the dynamics of the socio-political climate in the country. A frontal review of the journal, which revealed more than a thousand publications, allows us to conclude that the presentation of technical fields of knowledge and successes in the field of exact and natural sciences is considered by the editorial board of the journal to be a priority for building popularization policy, which is quite correlated with the prevailing industrialization paradigm, but it was not a mirror reflection of the general processes related to scientific-technical progress.

Keywords: Knowledge-Power magazine, popularization, scientists, Soviet science, public history of science, technical romanticism, communicative field

Korzun Valentina Pavlovna, Doctor of Historical Sciences, Professor; Omsk State University F.M. Dostoevsky; korzunv@mail.ru

Nosova Marina Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Omsk State University F.M. Dostoevsky, researcher; mari93_1993@mail.ru

Н.Э. АДАМОВА

«КНИГА ХРОНИК» ХАРТМАНА ШЕДЕЛЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧТЕНИЯ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ¹

Статья посвящена восприятию «Книги хроник» (1493) Хартмана Шеделя читателями раннего нового времени. В статье рассматриваются особенности создания «Книги хроник», то, каким видели будущего читателя ее нюрнбергские создатели, а также, кем были реальные владельцы экземпляров книги в Европе раннего нового времени. Наконец, на основе анализа читательских маргиналий конца XV–XVII вв. в ста экземплярах «Книги хроник» из британских, российских и немецких библиотек характеризуются интересы и практики читателей этой книги. Особое внимание уделяется тому, как в условиях Реформации читатели разной конфессиональной принадлежности взаимодействовали с нарративом Шеделя о «сакральной истории».

Ключевые слова: история книги, Кобергер, читательские практики, маргиналии, пометы, Нюрнбергская хроника, Всемирная хроника, Реформация, инкунабулы.

«Книга хроник» (“*Liber Cronicarum*”) доктора Хартмана Шеделя, изданная в 1493 г. нюрнбергским типографом Антоном Кобергером, является одним из самых знаменитых инкунабулов². Для специалиста по истории книги или Эпохи Возрождения «Книга хроник» не нуждается в представлении, однако более широкому читателю она может оказаться малоизвестна. «Книга хроник» – огромное 600-страничное издание формата ин-фолио, которое рассказывает об истории мира сквозь призму библейской и христианской истории, а затем – истории Священной Римской Империи. Кроме того, «Книга хроник» - это и энциклопедия по географии, так как значительную часть книги занимают описания европейских городов и стран. Но наиболее известна «Книга хроник» своими иллюстрациями: в ней более 1800 прекрасныхксилографических гравюр, выполненных знаменитыми нюрнбергскими художниками Михаэлем Вольгемутом и Вильгельмом Плейденвурфом, в мастерской которых ранее учился и работал Альбрехт Дюрер.

Неудивительно, что такое особенное издание как «Книга хроник» всегда привлекало внимание исследователей книжной культуры. Уже с конца XIX в. глубоко изучались технические особенности создания «Книги хроник»: как печаталось иллюстрированное издание, как созда-

---

¹ Статья написана при поддержке гранта The British Academy Visiting Fellowship «Reading sacred history in Reformation Europe», а также гранта СПбГУ для академической мобильности «Книги по истории церкви и их читатели в эпоху Реформации: маргиналии в исторических хрониках XV–XVI вв.».

² Schedel VII.1493. ISTC No. is00307000. Поскольку в книге нет титульного листа, и напечатано лишь заглавие к указателю («Содержание книги хроник с фигурами и иллюстрациями от сотворения мира») «*Registrum huius operis libri cronicarum cu[m] figuris et ymagibus ab initio mu[n]di*»), то ее называют по-разному: в немецкоязычной историографии - «Всемирная хроника» Шеделя (*Weltchronik*), а в англоязычной - «Нюрнбергская Хроника» (*Nuremberg Chronicle*).

вались шрифты, как подбирались бумага, как разрабатывался макет текста. Не меньше внимания уделялось и содержанию книги: выявлению литературных источников текста «Хроники» и анализу иллюстраций – особенно, панорам городов, которые неизменно привлекали внимание искусствоведов и исследователей топографии и урбанистики эпохи Ренессанса³. Однако этими темами потенциал «Книги хроник» как исторического источника не исчерпывается. Как писал историк чтения Роже Шартье, «следует признать, что текст существует лишь постольку, поскольку существует читатель, способный придать ему смысл»⁴. История книги остается неполной без исследования ее восприятия: кто, когда и зачем читал эту книгу, и как ее интерпретировал⁵.

Тема чтения и восприятия «Книги хроник» Шеделя едва затронута в обширной историографии «шеделианы». Единственным крупным исследованием в этой области является докторская диссертация американского историка Джонатана Грина, в которой проанализировано более двухсот экземпляров «Книги хроник» с историей распространения и бытования, в основном, на территории германских земель в раннее новое время⁶. Помимо этой работы, история восприятия «Книги хроник» обсуждается только в нескольких статьях об отдельных экземплярах книги, как правило, принадлежавших выдающимся владельцам⁷. Однако до сих пор не изучено чтение Хроники в других регионах, нет и сравнительных исследований, которые позволили бы на основе анализа читательского восприятия одной и той же книги получить объемную картину изменений и колебаний читательских интересов по темам, затронутым в Хронике, в контексте менявшегося мира раннего нового времени.

В данной статье предпринимаются первые шаги в этом направлении. На основе анализа более 100 экземпляров «Книги хроник» из британских, канадских, немецких и российских библиотек исследуется восприятие «Книги хроник» Шеделя за пределами германских земель в раннее новое время. Исходя из того, для какого читателя создавалась «Книга хроник» в конце XV в., статья анализирует ее распространение в раннее новое время, выделяет категории ее владельцев, и наконец, на материале читательских маргиналий обозначает основные интересы и запросы ее читателей, а также их практики в использовании этой книги.

«Книга хроник» в задумке и исполнении

Мы необычно много знаем о целях, обстоятельствах и контекстах создания «Книги хроник». Для книги инкунабульного периода о ней сохранилось удивительно много документов: контракты заказчиков с художниками и типографом, рукописные макеты текста на латинском и

³ См. историографию «шеделианы»: Reske, 2000: 2–12; 124–138.

⁴ История чтения в Западном мире... 2008: 9.

⁵ По истории чтения в раннее новое время опубликованы десятки работ, см. историографию: Snook, 2013.

⁶ Green 2003.

⁷ Например: Schoeck 1962; Цеханович 1990; Payne 2011.

немецком языках, счета и итоги по первым продажам, рекламное объявление о продаже, и даже авторский печатный экземпляр самого Шеделя с его собственными пометами как читателя (Рис. 1)⁸. Доступность этих данных уникальным образом позволяет нам понять, для чего и для кого издавалась Хроника, что хотели сказать ее создатели и каким они представляли себе будущего читателя своей книги⁹.

Рис. 1. Schedel VII.1493: f. 264r. Bayerische Staatsbibliothek: Rar. 287. (CC BY-NC-SA 4.0) Хартман Шедель в своем личном экземпляре «Книги хроник» дополнил страницу с изображением смерти другими рассуждениями на эту тему: цитатой из «Метаморфоз» Овидия и эпитафией из сочинения Педро Альфонса «Disciplina clericalis».

«Книга хроник» с точки зрения своего содержания занимает промежуточное положение между средневековой хроникой и ренессансной исторической работой. В «Книге хроник» всемирная история была поделена, в соответствии со средневековой традицией, на шесть эр от Адама до года издания книги и заканчивалась седьмой, последней эрой Апокалипсиса. Исторический нарратив книги часто относят к жанру «*historia sacra*» (сакральной истории). Однако повествование в хронике не сводилось к истории церкви: в тексте много биографий, топографических описаний, сводок новостей, астрологических выкладок и рассказов о чудесах. Завершают «Книгу хроник» обширные приложения (Addenda), описывающие отдельные регионы Европы.

⁸ Описание документов см.: Reske 2000: 124–132.

⁹ Помимо немецкоязычных и англоязычных исследований «Книги хроник» недавно издан их краткий обзор на русском языке: Подберезкин 2021.

«Книга хроник» была задумана во многом как творение во славу Нюрнберга. Так, в рекламном объявлении о книге в духе городской корпоративной этики создатели «Хроники» именовались в первую очередь «горожанами Нюрнберга»¹⁰, именно изображение Нюрнберга было самой крупной гравюрой в книге¹¹. Идея «Книги хроник» в таком контексте была предложена нюрнбергскими горожанами и меценатами Зебальдом Шрейером (1446–1520) и его шурином Себастьяном Каммермайстером (1446–1503), которые поддерживали много городских проектов. Исполнителями были другие гуманисты Нюрнберга. Авторы гравюр художники Михаэль Вольгемут (1434–1519) и Вильгельм Плейденвурф (ок. 1460–1494) к началу 1490-х гг. уже были известными иллюстраторами нескольких книг, типограф Антон Кобергер (1440–1513) руководил одним из самых больших в Европе издательских домов, а составитель текста Хартман Шедель (1440–1514), врач и историк, был городским врачом Нюрнберга и собирателем большой исторической библиотеки¹².

В то же время «Книга хроник» была типичным для своего времени коммерческим издательским проектом. В расчете на значительную прибыль первые два издания «Книги хроник» были напечатаны огромным для XV в. тиражом¹³. По подсчетам исследователей, Антон Кобергер выпустил не менее 1400 экземпляров латинского издания в июле 1493 г. и не менее 700 экземпляров немецкого в переводе Георга Альта в декабре того же года¹⁴. Помимо этого, Зебальд Шрейер намеревался сразу же запустить и второе латинское, исправленное издание «Книги хроник», хотя в итоге отказался от этой идеи¹⁵.

Предположение о неизбежном коммерческом успехе такого издания вдохновило печатника Иоганна Шёнспергера из Аугсбурга (ок. 1450 – ок. 1520): он выпустил три издания своей «Книги хроник», позже прозванной историками «пиратской» копией или «Малым Шеделем»: в 1496 г. на немецком языке, в 1497 г. – на латинском, а в 1500 г. – еще раз на немецком¹⁶. «Пиратские» издания Шёнспергера не были точной копией кобергеровской «Книги хроник». Они были меньше по размеру, напечатаны на более дешевой бумаге, а небрежно скопированные иллюстрации лишь отдаленно напоминали работы Вольгемута и Плейденвурфа. Издания Шёнспергера были доступнее кобергеровских, и их широкое распространение, возможно, стало одной из причин предполагаемой коммерческой неудачи нюрнбергского проекта.

¹⁰ *Commendatio operis noui cronicarum cum ymaginibus temporum et Europa Enee pii* (Nuremberg: Anton Koberger, 1493). Текст объявления см.: Schedel, Füßsel 2001: 9.

¹¹ Schedel VII.1493. F. 99v-100r. Из-за значимости места создания за «Книгой хроник» впоследствии и закрепилось название «Нюрнбергская хроника».

¹² Reske 2000: 158–161.

¹³ Schedel XII.1493. ISTC No. is00309000.

¹⁴ Schedel, Füßsel 2001: 32.

¹⁵ Reske 2000: 199–200.

¹⁶ Schedel 1496. ISTC No. is00310000; Schedel 1497. ISTC No. is00308000; Schedel 1500. ISTC No. is00311000.

В стремлении поразить читателя и создать конкурентоспособный продукт на уже богатом издательском рынке спонсоры нюрнбергского издания Шрейер и Каммермайстер сделали основную ставку на иллюстрации. Количество изображений действительно было выдающимся для печатной работы конца XV в.: более 1800 ксилографий были выполнены с около 650 гравировальных досок. Среди иллюстраций были многочисленные портреты – одиночные и групповые, виды городов – реальные и вымышленные, изображения конкретных событий.¹⁷ В рекламном объявлении о продажах с гордостью подчеркивалось, что «Книга хроник» позволяла «не просто читать истории, а увидеть их своими собственными глазами»¹⁸. О значении иллюстраций говорит и то, что равноправными партнерами Шрейера и Каммермайстера стали именно художники¹⁹, а не печатник или автор. Более того, работа над «Книгой хроник» началась именно с ксилографий, к которым Шедель потом дописывал текст²⁰. Характерно, что имя самого Шеделя даже не значится в колофоне книги, где указаны спонсоры, художники и переводчик на немецкий язык. Многие читатели «Книги хроник» впоследствии сами вписывали имя Шеделя на «титульном» листе или указывали номера страниц, где в тексте упоминалось его авторство²¹.

Тем не менее, над текстом также была проделана большая работа. Хартман Шедель, историк с широчайшим кругозором и обладатель прекрасной библиотеки, постарался дать читателям выдержки из новейшей исторической литературы своего времени. За это Шеделя историки часто пренебрежительно называют «компилятором», однако скорее всего, его задачей и было собрать текст из других источников²². Больше всего заимствований он делал из исторических сочинений Джакомо Форести ди Бергамо, Вернера Ролевинка, Флавио Бьондо, а также из параллельных биографий Бартоломео Платины и географических описаний Энея Сильвия Пикколомини²³. В изложении более современных ему событий Шедель обращался к источникам другого рода – печатным листовкам, рассказывавшим о дурных предзнаменованиях, чудесах и знамениях²⁴.

В целом, размах нюрнбергского проекта говорит о том, что «Книга хроник» задумывалась как «хит» гуманистического книжного рынка. Латинское издание в первую очередь было нацелено на «ученых и образованных людей», которым, как обещало рекламное описание, ничто не принесет большего удовольствия, чем «Новая Книга Хроник»²⁵. Также предполагалось, что роскошная иллюстрированная хроника заинтересу-

¹⁷ Об источниках иллюстраций см.: Grafton 2013: 154–155.

¹⁸ Schedel, Füßsel 2001: 9.

¹⁹ См.: Reske 2000: 167–168.

²⁰ Reske 2000: 170–185.

²¹ Шедель упоминается на л. 252v., на монограмме на л. 258v и на л. 266v.

²² Schedel, Füßsel 2001: 14.

²³ Reske 2000: 155–156.

²⁴ Grafton 2013: 154–156.

²⁵ Цит.по: Schedel, Füßsel: 8–9.

ет читателей и как презентационное издание, которое прославит Нюрнберг и его граждан. Вопрос же о том, для каких читателей предназначалось немецкое издание «Книги хроник», менее однозначен. Долгое время считалось, что выполненный Георгом Альтом перевод должен был адаптировать «Книгу хроник» к менее образованной читательской аудитории германских государств²⁶. Однако проведенное Джонатаном Грином сличение латинского текста и немецкого перевода показало, что немецкое издание предназначалось для такого же образованного немецкого читателя, а сокращения и добавления в текст были сделаны, чтобы учесть немецкие региональные интересы²⁷. Таким образом, оба издания рассчитывали на образованные читательские круги в разных регионах.

Владельцы и читатели «Книги хроник» распространение и бытование экземпляров

До нашего времени сохранилось необычно большое количество экземпляров «Книги хроник», что значительно увеличивает ее потенциал как источника по истории чтения. Так, по количеству сохранившихся экземпляров только латинское издание Кобергера занимает первое место среди всех публикаций инкунабульного периода. Согласно данным британского Сводного каталога инкунабулов Incunabula Short Title Catalogue (ISTC), на текущий момент в 858 библиотеках мира хранится 1226 экземпляров латинского издания «Книги хроник»²⁸, т.е. 87 % от предполагаемого исходного тиража в 1400 книг. Но в реальности количество сохранившихся книг в библиотеках еще больше, поскольку данные ISTC, как и данные немецкого Общего каталога инкунабулов Gesamtkatalog der Wiegendrucke (GW), не совсем полны²⁹. Кроме того, общие подсчеты затрудняет и то, что неизвестно точное количество книг в частных собраниях и количество утраченных экземпляров.

Последним в 2011 г. попытался подсчитать общее число сохранившихся экземпляров «Книги хроник» Джонатан Грин³⁰. Он «нашел» в британских, американских, немецких и французских аукционных каталогах XX в. еще от 134 до 470 книг первого издания, разошедшихся по частным коллекциям. Приняв в расчет погрешность неточных данных ISTC, Грин в итоге пришел к выводу, что всего сохранилось от 1035 до 1480 экземпляров «Книги хроник»³¹. Однако его заключения требуют пересмотра, поскольку с 2011 года, когда Грин опубликовал свою работу, каталог ISTC уточнил свои данные, увеличив число экземпляров

²⁶ Об этом см.: Green 2003: 69–71.

²⁷ Green 2003: 72–116.

²⁸ Schedel, Hartmann... Для сравнения, второе «место» по количеству экземпляров занимает издание, имеющееся лишь в 349 библиотеках (ISTC No: ip00486000).

²⁹ В списке ISTC не указаны, например, Научная библиотека МГУ, библиотека Государственного Эрмитажа и многие региональные библиотеки. Также, например, ISTC насчитывает в Библиотеке Академии наук (БАН) 4 экземпляра Schedel XII.1493, в то время как в действительности их 5.

³⁰ Green 2003: 228–234.

³¹ Green 2003: 232–233.

первого издания «Книги хроник» в библиотеках мира с 786 (у Грина) до 1226 (на настоящий момент)³². Таким образом, сейчас при учете 134–470 книг из частных коллекций, мы получаем от 1358 до 1694 сохранившихся экземпляров первого издания. Как нетрудно заметить, это число приближается или даже значительно превышает предполагаемый тираж издания в 1400 книг. Такой результат дает основания предполагать, что, либо 100 % экземпляров сохранились, и нам известно об их местонахождении (что невозможно, ибо мы знаем и о книгах, разорванных на листы, и об ошибках ISTC, и о неполноте аукционных данных), либо, что более вероятно, исходный тираж Кобергера был больше 1400 книг.

В любом случае, такая высокая сохранность действительно уникальна для изданий раннего нового времени. Многие популярные, наиболее активно читавшиеся издания, вышедшие огромными тиражами, как раз совсем не дошли до нас, или дошли лишь в нескольких экземплярах³³. «Книга хроник» избежала этой судьбы благодаря специфике своего издания: формат ин-фолио, качественная бумага и объем способствовали сохранности, а в совокупности с ее иллюстрациями быстро обеспечили ей статус «coffee-table book» – презентационного издания, интересного не только как текст, но и как материальный объект. Поэтому распространение и бытование «Книги хроник» возможно реконструировать с большей долей точности.

Сохранившиеся источники дают некоторую информацию о том, как тираж распространялся после выхода из печати. Так, согласно расчетному документу 1509 года, т.е. спустя 16 лет после издания, более 350 экземпляров все еще оставались нераспроданными³⁴. Это делает обоснованным предположение, что издание «Книги хроник» в итоге не принесло Шрейеру и Каммермайстеру тех прибылей, на которые они рассчитывали³⁵. Повредить продажам могла и высокая стоимость книги, и, что более существенно, появление доступных «пиратских» изданий «Книги хроник» Иоганна Шёнспергера в 1496–1500 гг. Тем не менее, проданные экземпляры, согласно тому же расчетному документу, широко разошлись по всей Европе. К 1509 г. через сеть книготорговцев, торговые и банковские дома, а также через агентов в ученых кругах и среди духовенства крупные партии книг были проданы помимо самого Нюрнберга в Милан, Флоренцию, Геную, Болонью, Лион, Париж, Буду, Вену, Пассау, Лейпциг, Прагу и другие города³⁶. В свою очередь, книготорговцы в этих городах перепродавали книги по всей

³² Во многом, за счет австрийских библиотек, см.: Green, McIntyre 2016: 60. Однако в ISTC все еще много неточных данных: например, по данным ISTC, в Бодлианской библиотеке в Оксфорде два экземпляра латинского издания «Книги хроник» 1493 г., хотя в действительности их три.

³³ О современных теоретических подходах и кейсах поиска данных о потерянных книгах см.: Lost books... 2016.

³⁴ Green 2003: 3. С. Фюссель утверждает, что их было 595: Schedel, Füssel 2001: 31.

³⁵ Reske 2000: 200

³⁶ Schedel, Füssel 2001: 31–32.

Европе: например, уже в начале XVI в. экземпляры «Книги хроник» встречаются и на Британских островах, и в Нидерландах³⁷.

Владельцев «Книги хроник» в раннее новое время не всегда возможно идентифицировать, а еще сложнее определить, кто же читал «Книгу хроник», поскольку читатели чаще оставались анонимными. Часть экземпляров «Книги хроник» не атрибутировать, поскольку их нередко разрывали на отдельные листы, чтобы продавать ксилографии. Другие книги были испорчены из «благих» побуждений: в XIX в. коллекционеры из стремления к «аккуратности» заново переплетали книги и специально «вымывали» или отбеливали страницы, стирая столь ценные для атрибуции владельческие записи и читательские пометы. Тем не менее, на имеющихся данных в изученных экземплярах можно выявить некоторые закономерности во владении «Книгой хроник» в раннее новое время и попытаться понять, какого же читателя в итоге нашли издания нюрнбергских мастеров.

Такой анализ экземпляров «Книги хроник» с историей бытования в Баварии и других регионах Германии в XV–XVII вв. провел Джонатан Грин. На основе, по выражению Грина, «проведения аутопсии» 112 книг, а также учета данных по другим европейским экземплярам из опубликованных каталогов, Грин выявил основные категории их владельцев. Чаще всего издания «Книги хроник» принадлежали городским элитам – образованным и состоятельным слоям городского населения, к которым принадлежали и сами создатели Хроники. На втором месте среди владельцев «Книги хроник» – приходское духовенство, представители высшего клира и мужские монастыри. Отличительной особенностью владения «Книгой хроник» в Священной Римской империи было то, что титулованное дворянство реже встречалось среди их обладателей, чем вышеперечисленные категории владельцев³⁸.

По результатам проведенного нами исследования, в Британии владельцы «Книги хроник» распределялись по социальным стратам схожим образом, хотя были и некоторые особенности. Так, в результате изучения 79 «Книг хроник» из британских библиотек, было выявлено 34 экземпляра, которые попали на Британские острова не позже конца XVII в.³⁹ Их владельцами было в основном духовенство, и примерно в равных долях ученые, титулованное дворянство и чуть меньше – городские элиты. В отличие от континента, в Англии после Реформации Генриха VIII не существовало монастырских библиотек, поскольку они были секуляризованы вместе с самими монастырями. Поэтому с середины XVI в. экземпляры «Книги хроник» обнаруживаются в других

³⁷ Так, в Англии уже в конце XV в. оказался экземпляр печатника Ричарда Пинсона (Schedel VII.1493. Oxford, Pembroke College Library: U.5.d. (Rhodes)) и экземпляр Роберта Фабиана (Schedel VII.1493. Guildhall Library, London: SAFE); а в Нидерландах, возможно, экземпляр броссельского поэта и художника Йоханнеса Стимаера Перчевая (Schedel VII.1493. Thomas Fisher Library, Toronto, Canada: Inc ff copy 1).

³⁸ Green 2003: 21–68.

³⁹ Статья с анализом этих данных находится в подготовке.

клерикальных собраниях. Так, у елизаветинского архиепископа Кентерберийского Мэтью Паркера было два экземпляра «Книги Хроник» (Рис. 2)⁴⁰, у архиепископа Джона Уитгифта – три других экземпляра⁴¹, а преемник Уитгифта, Ричард Бэнкрофт, к унаследованному от Уитгифта экземпляру добавил еще один, который он позаимствовал из Королевской библиотеки⁴². Монастырские книги расходились и по другим частным собраниям – от короля и высокопоставленных лиц до мелкого духовенства и дворянства, которое участвовало в приобретении монастырского имущества⁴³. В результате в Англии дорогостоящие «Книги хроник» иногда неожиданно оказывались в руках деревенских приходских священников или сельских джентльменов – например, священника в маленьком сассекском приходе⁴⁴ или эсквайра из Уилтшира⁴⁵.

Исторические процессы влияли и на дальнейшее перераспределение экземпляров «Книги хроник» и в остальной Европе. Некоторые экземпляры из частных собраний переходили в клерикальные библиотеки. Так, Казимир Лев Сапега (1609–1656) передал свою книжную коллекцию, в том числе, «Книгу хроник», библиотеке Иезуитской Академии в Вильне⁴⁶. Книги переходили к новым владельцам и в результате продаж частных библиотек. Например, из данных аукционных каталогов следует, что в Нидерландах XVII в. «Книги хроник» продавались в составе коллекций книготорговцев, профессоров и представителей городской администрации⁴⁷. Выпускники университетов часто завещали книжные коллекции своим учебным заведениям, а коллекционеры – первым публичным библиотекам. Кроме того, внушительные «Книги хроник» ценились и как военные трофеи, которые завоеватели перевозили в свою страну⁴⁸. В XIX и XX вв. с массовыми волнами эмиграций книги в составе частных собраний стали перетекать и за пределы Европы – в Северную и Южную Америку, Австралию и Новую Зеландию. Наконец, поскольку уже с XVIII в. «Книга хроник» становится объектом коллекционирования, ее экземпляры активно скупали и скупают библиофилы для частных и институциональных собраний.

⁴⁰ Schedel VII.1493. Cambridge University Library: Inc.0.A.7.2[888] (Экземпляр оцифрован: <https://cudl.lib.cam.ac.uk/view/PR-INC-00000-A-00007-00002-00888/1>) и Cambridge, Corpus Christi Library: EP.D.2. (Parker).

⁴¹ Carley 2015: 289.

⁴² Исходно этот экземпляр принадлежал Генриху VIII. Schedel VII.1493. Lambeth Palace Library: SR1 [ZZ]1493.1. О нем: Carley, 2015: 289.

⁴³ Coates 1999: 122–170.

⁴⁴ Schedel VII.1493. Chetham's Library, Manchester: Mun.I.8.2. Об этом экземпляре см.: Adamova 2022.

⁴⁵ Schedel 1497. Leeds Central Library: SRQ 909/SCH 22. Об этом экземпляре см.: Adamova 2019.

⁴⁶ Schedel VII.1493. БАН: 483 (704).

⁴⁷ Благодаря Артура дер Ведувена за разрешение ознакомиться с этими данными из базы аукционных каталогов, собранных для работы над Book trade catalogues... 2021.

⁴⁸ Например, Schedel VII.1493. БАН: 485 (701) из коллекции Радзивиллов Несвижских попал в Петербург после раздела Речи Посполитой в 1772 г.

Как один из самых необычных инкунабулов, «Книга хроник» была предметом интереса и многих русских коллекционеров. Именно из их собраний – в частности, Н.П. Румянцева⁴⁹, Н.П. Лихачева⁵⁰, Михалковых⁵¹, П.К. Сухтелена⁵² – экземпляры «Книги хроник» попали в фонды РНБ, БАН, РГБ. В собрания Санкт-Петербургского и Московского университетов были переданы экземпляры из коллекций профессоров – М.С. Куторги в СПбГУ⁵³ и В.В. Величко в МГУ⁵⁴. Экземпляры «Книги хроник» попадали в Россию и из книжных собраний Речи Посполитой: так, например, в РНБ хранится экземпляр из коллекции братьев Залуских⁵⁵, в БАН – экземпляры Радзивиллов Несвижских⁵⁶ и Казимира Льва Сапеги⁵⁷. Наиболее интересен из них экземпляр, попавший в Россию из Вильны во время русско-польской войны 1654–1667 гг., и включенный в собрание боярина Бориса Ивановича Морозова⁵⁸. Наконец, значительная часть экземпляров «Книги хроник» поступила в советские библиотеки из Германии после Второй мировой войны в составе так называемых «перемещенных культурных ценностей»⁵⁹.

Чтение «Книги хроник»: интересы, запросы и практики читателей

Историю чтения или, скорее, использования⁶⁰ любой книги раннего нового времени возможно реконструировать, только обращаясь непосредственно к сохранившимся экземплярам изданий. Основным источником для изучения читательских реакций на книгу являются маргиналии, т.е. пометы читателей, и другие следы чтения. В раннее новое время оставлять записи на полях книг считалось не только не зазорным, а напротив, поощрялось⁶¹. В некоторых изданиях Библий и других духовных книг верующим рекомендовалось загибать страницы, подчеркивать важные места, поскольку только так можно было «получить пользу» от чтения. Громадный объем маргиналий в книгах раннего нового времени остается одним из перспективных и наименее исследованных источников в истории этого периода.

⁴⁹ Schedel XII.1493. Российская государственная библиотека: МК АО:11.

⁵⁰ Schedel VII.1493. БАН: 706 (723 инк, 670 инк). О ней см.: Звучат лишь письменна...: 404-405.

⁵¹ Из собрания Михалковых: Schedel VII.1493. БАН: 484 (705).

⁵² Schedel VII.1493. РНБ: 9.4.3.7.

⁵³ Schedel XII.1493. Научная библиотека СПбГУ: F IV 387.

⁵⁴ Schedel XII.1493. Научная библиотека МГУ: Вел., 3351. Экземпляр оцифрован: <http://nbgmu.ru/fulltxt/R479.pdf>

⁵⁵ Schedel VII.1493. РНБ: 9.6.2.2.

⁵⁶ Schedel VII.1493. БАН: 485 (701).

⁵⁷ Schedel VII.1493. БАН: 483 (704).

⁵⁸ Schedel VII.1493. Библиотека Санкт-Петербургского института истории РАН. Об этом экземпляре, см.: Цеханович 1990.

⁵⁹ Так, например, в РНБ из 21 экземпляра «Книги хроник» всех пяти изданий 14 относятся к «перемещенным» изданиям. Например, Schedel VII.1493: 8.12.1.20 (экземпляр оцифрован: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000019376/view/?#page=1>); 8.12.1.19 и др.

⁶⁰ Sherman, 2008: xiii–xv.

⁶¹ Sherman, 2008: 4.

В каждом из изученных нами 102 экземплярах «Книги хроник» были следы чтения – от пары подчеркиваний на всю книгу до полностью исписанных комментариями полей⁶². Читатели оставляли пометы на протяжении двух веков, по крайней мере, до середины XVII в., что примечательно, поскольку сам жанр хроники уже утратил актуальность к середине XVI в.⁶³ Тем не менее, в некоторых экземплярах встречаются маргиналии, относящиеся даже к XVIII в. – такие, например, оставил анонимный французский читатель эпохи Французской революции в хронике, хранящейся в колледже Святого Иоанна в Кембридже⁶⁴.

Читатели «Книги хроник» интересовались всеми темами этого энциклопедического издания, но особенно часто – сакральной историей мира. Уже с конца XV в. читатели помечали информацию о святых, еретиках, вселенских соборах, обрядах и т.д., таким образом, используя «Книгу хроник» как справочник по истории церкви⁶⁵. Маргиналии же читателей эпохи Реформации демонстрируют их стремление отстоять «правильную» интерпретацию священной истории. Наиболее ярко это выразилось в конфессиональной цензуре, которой католики и протестанты подвергали «Книгу Хроник». Католики были особенно чувствительны к легенде, которую любила повторять протестантская пропаганда⁶⁶: к истории папессы Иоанны, которая якобы под видом мужчины занимала папский престол в IX в.⁶⁷ Рядом с этим фрагментом, католические читатели писали «ложь», зачеркивали портрет Иоанны, или даже полностью вымарывали его⁶⁸. Читатель экземпляра, принадлежавшего библиотеке иезуитской коллегии в Льеже, был еще более изобретательным: он просто пририсовал папессе мужскую бороду, тем самым исчерпав проблему ее пола⁶⁹.

Протестантские читатели «Книги хроник», в свою очередь, вымарывали упоминания Пап и кардиналов, закрашивали глаза у их портретов, писали критические комментарии, рисовали карикатуры. Некоторые читатели зачеркивали вообще все слова «рара» подряд, однако такой систематический подход в исследованной выборке встречался только в экземплярах с британской историей бытования, большинство из которых в раннее новое время находилось в английских университетских или клерикальных библиотеках (Рис. 2)⁷⁰.

⁶² Примеры подходов к чтению «Книги хроник» можно увидеть на виртуальной выставке «Reading the Nuremberg Chronicle», подготовленной автором статьи совместно с британским историком Розамунд Оатс при поддержке Британской Академии: Reading the Nuremberg Chronicle...

⁶³ Об эволюции жанра исторической хроники, см.: Woolf 2000: 11–78.

⁶⁴ Schedel VII.1493. St John College, Cambridge: Upper Library Ii.2.26.

⁶⁵ Например, Schedel VII.1493. Wellcome Library, London: 5.f.6 (SR).

⁶⁶ Freeman 2006: 68.

⁶⁷ Schedel VII.1493. F. 169v.

⁶⁸ Например, Schedel VII.1493. БАН: 483 (704).

⁶⁹ Schedel VII.1493. Durham Cathedral Library: ChapterLib Inc.16. Оцифрованные страницы см.: Editing Pope Joan...

⁷⁰ Например, Schedel VII.1493. Cambridge University Library: Pet.U.5.17.

Рис. 2. Schedel VII.1493: f. 99v – 100r. Cambridge University Library: Inc.0.A.7.2[888] (CC BY-NC 3.0). Пример конфессиональной цензуры: в экземпляре, принадлежавшем архиепископу Кентерберийскому Мэтью Паркеру, тонкой линией зачеркнуты все слова "papa" (Папа Римский).

Можно предположить, что вычеркивание пап было вызвано не только или не столько личным желанием избавиться от «римских антихристов», сколько формальными цензурными требованиями: в 1535 г. Генрих VIII приказал стереть упоминания о Папе Римском «из всех книг»⁷¹. Возможно, из тех же соображений многие английские читатели зачеркивали и портрет Томаса Бекета, самого значимого святого в Англии до Реформации, в отношении которого Генрих VIII выпустил аналогичный запрет в 1538 г.⁷² Интересно, что читатели подвергали цензуре не только печатный текст, но и пометы предыдущих читателей. Так, протестантские читатели вымарывали в чужих маргиналиях слово «рапа», а католические, наоборот, вписывали его поверх вычеркнутого⁷³.

Однако эмоциональные реакции на текст и цензура занимают небольшую часть комментариев на тему религии. Чаще читатели просто писали заметки на полях или подчеркивали слова в тексте, что демонстрирует как по-разному, не обязательно антагонистически, люди раннего нового времени воспринимали деноминационное противостояние. И католиков, и протестантов интересовала в первую очередь информация о Папах: они искали либо подтверждение правомерности статуса преемников Апостола Петра, либо, напротив, истории о связанных с папами скандалах и схизмах в истории церкви. Не меньший интерес у чи-

⁷¹ The Pope 1885.

⁷² Например, Schedel 1497. Leeds Central Library: SRQ 909/SCH 22, f. 225v.

⁷³ Например, Schedel VII.1493. БАН: 484 (705). Оцифрованные страницы см.: Conflicting religious readings...

тателей вызывало происхождение таинств и порядка богослужения⁷⁴. Читателей всех вероисповеданий привлекали описания идолопоклонничества, биографии «еретиков» и описания «ересей», как богословских течений древней церкви, так и новейших учений Джона Уиклифа и Яна Гуса. Внимание привлекали ереси, поскольку и католики, и протестанты в доказательство своей позиции часто приводили аргументы именно из истории древней церкви. Наконец, читатели часто обращались к страницам с описаниями знамений, чудес и истории Апокалипсиса⁷⁵.

Помимо религии, читателей «Книги хроник» увлекала и светская история. Среди них были английские историки XVI века, которые использовали материалы Шеделя в своих работах – Томас Мор, Ричард Графтон и Роберт Фабиан⁷⁶. Пометы Фабиана (ум. в 1512 г.) служат ярким примером такого «профессионального» чтения⁷⁷. Фабиан пользовался «Книгой хроник» во время работы над историей французских и английских королей. Он выписал на поля «Книги хроник» биографии королей, и, что примечательно, сведения о многих из них он явно почерпнул из других книг, так как у Шеделя они не упоминаются. Эти рукописные биографии Фабиан оформил в том же стиле, что и печатные перечни королей и императоров, и указал для них страницы на полях шеделевского указателя-оглавления⁷⁸. Таким образом, Фабиан усовершенствовал свою «Книгу хроник», сделав из нее собственный справочник по истории монарших династий.

Подавляющее большинство читателей «Книги хроник», конечно, не были профессионалами. Их пометы часто встречаются на страницах, посвященных библейским рассказам, античности, биографиям поэтов, ученых, философов. Историей интересовались и из практического интереса: так, в экземпляре из библиотеки английского короля Генриха VIII все маргиналии касаются Англии, двоеженства и римского престола⁷⁹. Некоторых читателей занимали вопросы хронологии: они указывали даты событий, почерпнутые из других источников, указывали на несоответствия с текстом Шеделя⁸⁰. Не менее часто читатели проявляли интерес к обширным описаниям регионов и городов, особенно к своим родным местам. Например, в экземпляре из собрания Иезуитской Академии в Вильне читатель XVII в. подчеркнул и прокомментировал упоминания о язычестве литовцев⁸¹, читатель из Северной Германии выписал назва-

⁷⁴ Например: Schedel VII.1493. The British Library: Inc. 122.

⁷⁵ Например, в Schedel VII.1493. The Library of St John's College, Cambridge: Ii.2.26.

⁷⁶ Schoeck 1962: 84–86.

⁷⁷ Schedel VII.1493. Guildhall Library, London: SAFE. Об установлении принадлежности этого экземпляра Фабиану, см.: Payne 2011.

⁷⁸ Оцифрованные страницы этого экземпляра, см. Writing the history of England...

⁷⁹ Schedel VII.1493. f. 140v. Lambeth Palace Library: [ZZ]1493.1. Оцифрованные страницы см.: Henry VIII's reading...

⁸⁰ Так, на страницах экземпляра Schedel VII.1493. РНБ: 9.16.1.9., f. 16v–17r. анонимный немецкий читатель пытался восстановить хронологию истории Иерусалима.

⁸¹ Schedel VII.1493. БАН: 483 (704), f. 280r.

ния северогерманских городов⁸², а английский читатель патриотично написал на изображении Англии на карте Европы: «Воистину Бог создал эту страну»⁸³. Часто читатели дополняли книгу событиями, последовавшими после ее публикации: так, анонимный читатель конца XV в. аккуратно записывал рядом с изображениями немецких городов их историю за несколько лет, прошедших со времени публикации Хроники⁸⁴.

Рис. 3. Schedel VII.1493: f. 98v. Chetham's Library: Mun.I.8.2. (By kind permission of Chetham's Library, Manchester). Маргиналии английского читателя Томаса Гудлоу.

Яркий и необычный пример использования «Книги хроник» как энциклопедического справочника и в то же время хранилища информации – это экземпляр, хранящийся в Библиотеке Читемс (Chetham's Library) в Манчестере (Рис. 3)⁸⁵. Его владелец и читатель Томас Гудлоу, сельский джентльмен и юрист из Ланкашира, в конце XVI в. методично исписал все поля своего латинского издания «Книги хроник». Гудлоу перенес в Хронику отрывки из исторических сочинений английских протестантских историков, полностью скопировал глоссарий из латинско-английского толкового словаря и снабдил свои собственные маргиналии четырьмя указателями. Более того, он составил из отрывков поэзии, теологических трактатов и исторических книг отдельные «введение» и «заключение», и ввел их в свою «Книгу хроник». Таким образом, Гудлоу превратил экземпляр латинской шеделевской хроники в

⁸² Schedel 1497. Senate House Library, London: Inc. 107: F. 316v.

⁸³ Schedel VII.1493. Gonville and Caius College Library, Cambridge: F.9.3.

⁸⁴ Schedel VII.1493. Wellcome Library, London: 5.f.6 (SR).

⁸⁵ Schedel VII.1493. Chetham's Library, Manchester: Mun.I.8.2.

огромную англоязычную энциклопедию с протестантским уклоном. Читательские практики Гудлоу особенно интересны в контексте профессиональных тренировок в его родном Ланкашире в 1590-х гг. и проливают свет на особенности восприятия идей пуританизма и католического рекузанства «обычным» елизаветинским протестантом⁸⁶.

«Книгой хроник» пользовались и читатели, не владевшие латынью или немецким языком: как и обещали создатели книги, «читать» Хронику можно было визуально. Показателен экземпляр «Книги хроник», привезенный во время одной из военных кампаний из библиотеки Виленской Академии в Московское царство, и в середине XVII в. принадлежавший боярину Борису Ивановичу Морозову. В этом экземпляре, вероятно, для Морозова, к иллюстрациям были сделаны аккуратные подписи на русском языке⁸⁷. Практику «визуального прочтения» книги демонстрируют и экземпляры, в которых при отсутствии помет, характерных для внимательного чтения, явно заметны следы частого использования: потемневшие уголки страниц, отпечатки пальцев, следы воска⁸⁸. То есть «Книгу хроник» листали, держали раскрытой, рассматривали при свете свечи – как грамотные, так и неграмотные люди⁸⁹.

Была и категория читателей, которые использовали свои экземпляры «Книги хроник» вне всякой связи с содержанием книги – как хранилище разного рода записей. Иногда на полях записывали благочестивые высказывания, молитвы и афоризмы, превращая книгу в сакральное пространство для благочестивых действий. Другие вели летопись своих семейных событий – рождений, браков и смертей, как это часто делалось в семейных Библиях⁹⁰. Некоторые записывали на полях и страницах «Книги хроник» все подряд – от стихов до рецептов⁹¹.

Наконец, многие владельцы явно «использовали» свою «Книгу хроник» как материальный объект, не обращаясь к ее тексту. Как отмечает Лиза Джардин, в эпоху Ренессанса владельцы богато оформленных печатных книг часто выставляли их в своих домах на видном месте как предметы роскоши наряду с другими произведениями искусства⁹², и «Книга хроник» явно не была исключением. Даже нераскрашенные экземпляры «Книги хроник» могли восприниматься как маркер общественного положения. Примером может служить экземпляр, принадлежавший семье олдерменов Рипона в графстве Йорк во второй половине XVI в. Все пометы, оставленные отцом и сыном Джонсонами в разных

⁸⁶ Этот экземпляр проанализирован здесь: Adamova 2022. Оцифрованные страницы см.: Protestant histories...

⁸⁷ Schedel VII.1493. Библиотека СПбИИ РАН, об экземпляре см.: Цеханович 1990.

⁸⁸ Напр., Schedel VII.1493. The Library of Christ's College, Cambridge: Inc.1.5.

⁸⁹ Об изучении «следов использования» книг, см.: Sherman 2008.

⁹⁰ Например, такая семейная летопись есть в этом экземпляре: Schedel VII.1493. The Library of Gonville and Caius College, Cambridge: F.9.3 (G.A.S. 21), f. 266r-266v.

⁹¹ Например, в экземпляре: Schedel VII.1493. Library of Christ's College, Cambridge: Inc.1.5

⁹² Jardine 1996: 203–205.

местах книги, – это их имена и статус на латыни и английском языке⁹³. Так, Хроника служила не только источником информации, книгой с сакральным контекстом, предметом эстетического наслаждения – но также была одним из объектов материальной культуры и быта человека раннего нового времени.

***

Таким образом, большой тираж, высокая степень сохранности экземпляров «Книги хроник» и ее широкое распространение дают возможность наблюдать за меняющимися читательскими интересами и практиками раннего нового времени. Несмотря на то, что «Книга хроник» создавалась во многом на основе германской исторической повести, разнообразие представленных в книге тем привлекало читателей из разных регионов, что открывает перспективы для дальнейшего сравнительного исследования читательского восприятия этой книги.

«Книга хроник», как и предполагали нюрнбергские гуманисты конца XV в., действительно завоевала признание у многих «ученых и образованных людей». Но в некоторых аспектах дальнейшая история «Книги хроник» пошла по незапланированному ее авторами сценарию. С одной стороны, популярность «Книги хроник» была меньше, чем ожидалось. Издания Кобергерера не принесли немедленного коммерческого успеха, а уже через полвека в условиях отмирания жанра хроники и сам исторический нарратив «Книги хроник» быстро устарел. Кроме того, и в контексте конфессионализации XVI в. изложенная в книге сакральная история также перестала удовлетворять читателей – как протестантов, так и католиков. С другой же стороны, мы видели, что «Книгу хроник» на протяжении раннего нового времени читала намного более разнообразная аудитория, чем могли предположить ее создатели. Среди владельцев и читателей были не только ученые и высшее духовенство, но и мелкое дворянство и низший клир, а иногда – и незнающие латынь или немецкий язык люди, которые так или иначе пользовались этой книгой.

Наконец, исследование чтения «Книги хроник» демонстрирует некоторые специфические читательские практики. Например, читатели использовали «Книгу» в качестве хранилища информации, собранной из разных источников, превращая свои экземпляры в персонализированные исторические энциклопедии. Непредсказуемо для создателей, «Книга хроник» стала и полем для богословских дискуссий. В целом, вовлеченность читателей «Книги хроник» еще раз подтверждает вывод, к которому часто приходят историки чтения: читатели раннего нового времени не просто пассивно получали информацию из книг. Они активно интерпретировали прочитанное, входили в дискуссии с автором и другими читателями, и инициировали диалог между разными книгами⁹⁴.

⁹³ Schedel VII.1493. F. 1v, 9r, etc. Manchester Central Library, SR 1 BRff902S10.

⁹⁴ Jardine, Grafton 1990: 30; Woolf 2000: 90.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Adamova N. E. Rural readings of sacred history: The Nuremberg Chronicle and its Lancashire readers // *Communities of Print: Books and their Readers in Early Modern Europe Library of the written word*. / Ed. by R. Oates, J. G. Purdy. Leiden, Boston: Brill, 2022. P. 157–177.
- Adamova N. E. Writing in the Margins: The Annotated Nuremberg Chronicle. URL: <https://secretlibraryleeds.net/2019/09/12/writing-in-the-margins-the-annotated-nuremberg-chronicle/>
- Book trade catalogues in early modern Europe / Ed. by A. der Weduwen, A. Pettegree, G. Kemp. Leiden; Boston: Brill, 2021. 548 p.
- Carley J. P. The Libraries of King Henry VIII: an Update of the Westminster Inventory of 1542 // *Library*. 2015. T. 16. № 3. P. 282–303.
- Coates A. English Medieval Books: The Reading Abbey Collections from Foundation to Dispersal. New York: Oxford University Press, 1999. 211 p.
- Conflicting religious readings // *Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition* / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/chronicles/conflicting-religious-readings/>
- Editing Pope Joan // *Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition* / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/chronicles/treating-pope-joan/>
- Freeman T. S. Joan of Contention: The Myth of the Female Pope in Early Modern England // *Religious Politics in Post-reformation England: Essays in Honour of Nicholas Tyacke* / Ed. by K. Fincham, P. Lake. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2006. P. 60–79.
- Grafton A. Chronologies as Collections // *Collectors' knowledge: what is kept, what is discarded* / Ed. by A.-S. Göing, A. Grafton, P. Michel. Leiden: Brill, 2013. P. 145–162.
- Green J. The Nuremberg Chronicle and its readers: The reception of Hartmann Schedel's "Liber cronicarum": PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2003. 283 p.
- Green J., McIntyre F. Lost Incunable Editions: Closing in on an Estimate // *Lost books: reconstructing the print world of pre-industrial Europe* / Ed. by F. Bruni, A. Pettegree. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 55–72.
- Henry VIII's reading // *Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition* / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/chronicles/henry-viiiis-reading/>
- Jardine L. Worldly goods. London: Macmillan, 1996. 470 p.
- Jardine L., Grafton A. «Studied for Action»: How Gabriel Harvey Read His Livy // *Past & Present*. 1990. № 129. P. 30–78.
- Lost books: reconstructing the print world of pre-industrial Europe / Ed. by F. Bruni, A. Pettegree. Leiden; Boston: Brill, 2016. 523 p.
- Payne M. T. W. Robert Fabyan and the Nuremberg Chronicle // *The Library*. 2011. T. 12. № 2. P. 164–169.
- Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/>
- Editing Pope Joan // *Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition* / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/chronicles/treating-pope-joan/>
- Protestant histories in the margins // *Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition* / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/chronicles/protestant-histories-in-the-margins/>
- Reske C. Die Produktion der Schedelschen Weltchronik in Nürnberg =: The production of Schedel's Nuremberg chronicle. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. 203 p.
- Schedel H. Das Buch der Croniken und Geschichten. Nuremberg: Anton Koberger, XII 1493.
- Schedel H. Das Buch der Croniken und Geschichten. Augsburg: Johann Schönsperger, 1496.
- Schedel H. Das Buch der Croniken und Geschichten. Augsburg: Johann Schönsperger, 1500.
- Schedel H. Liber cronicarum. Nuremberg: Anton Koberger, VII 1493.
- Schedel H. Liber cronicarum. Augsburg: Johann Schönsperger, 1497.
- Schedel H., Füssel S. The Book of Chronicles: The complete and annotated Nuremberg Chronicle of 1493. Köln: Taschen, 2001. 88 p.
- Schedel, Hartmann: Liber cronicarum: ISTC No.: is00307000 // *Incunabula Short-Title Catalogue: the international database of 15th-century European printing*. URL: <https://data.cehl.org/istc/is00307000>.
- Schoeck R. J. The 'Cronica Cronicarum' of Sir Thomas More and Tudor Historians // *Historical Research*. 1962. T. 35. № 91. P. 84–86.

- Sherman W. H. Used books: marking readers in Renaissance England. Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press, 2008. 259 p.
- Snook E. Recent Studies in Early Modern Reading // English Literary Renaissance. 2013. Т. 43. № 2. P. 343–378.
- The Pope // Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII / Ed. by J. Gairdner. London: Her Majesty's Stationery Office, 1885. P. 324.
- Woolf D. R. Reading history in early modern England. Cambridge [England]; New York: Cambridge University Press, 2000. 360 p.
- Writing the history of England // Reading the Nuremberg Chronicle: Digital Exhibition / Ed. by N. Adamova and R. Oates. URL: <https://nurembergchronicle.co.uk/chronicles/writing-the-history-of-england/>
- Звучат лишь письма: К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева / Науч. ред.: А.О. Большаков, Е.В. Степанова. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 598 с. [Zvuchat lish' pis'mena: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikolaya Petrovicha Lihacheva / Nauch. red.: A.O. Bol'shakov, E.V. Stepanova. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2012. 598 s.]
- История чтения в Западном мире от Античности до наших дней: сборник статей / Под ред. Р. Шартье, Г. Кавалло. М.: ФАИР, 2008. 542 с. [Istoriya chteniya v Zapadnom mire ot Antichnosti do nashih dnei: sbornik statej / pod red. R. Shart'e, G. Cavallo. M.: FAIR, 2008. 542 s.]
- Подберезкин Ф. Д. «Книга Хроник» Хартмана Шеделя (1493) - энциклопедия Позднего Средневековья. Минск: Беларуская навука, 2021. 85 с. [Podberезkin F. D. «Kniga Hronik» Hartmana SHedelya (1493) - enciklopediya Pozdnego Srednevekov'ya. Minsk: Belaruskaya navuka, 2021. 85 s.]
- Цеханович А. А. «Всемирная хроника» Шеделя // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л.: Наука, 1990. С. 227–239. [Cekhanovich A. A. «Vsemirnaya hronika» Shedelya // Knizhnye sokrovishcha: K 275-letiyu Biblioteki AN SSSR. L.: Nauka, 1990. S. 227–239.]

Адамова Нина Эдуардовна, к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра теории и истории международных отношений, доцент, n.adamova@spbu.ru

The Nuremberg Chronicle by Hartmann Schedel a Source for Early Modern History of Reading

The paper examines how early modern readers perceived and used the “Nuremberg Chronicle” (1493) by Hartman Schedel. The paper outlines creation of the “Nuremberg Chronicle”, discussing the intentions of its authors, and observes what readers actually possessed the “Nuremberg Chronicle” in early modern Europe. Finally, relying on the early modern readers’ marginalia in more than one hundred copies of the “Nuremberg Chronicle” held by the British, Russian, and German libraries, the paper explores the readers’ interests and reading practices. The paper especially focuses on how the readers of conflicting confessional affiliations interacted with Schedel’s narrative of “sacred history” in the context of Reformation.

Keywords: *Book history, Koberger, reading practices, marginalia, annotations, Liber cronicarum, Welchronik, Reformation, incunabula, sacred history, British provenance, Early modern England.*

Nina Adamova, PhD, Associate Professor at St Petersburg State University, Department of Theory and History of International Relations, n.adamova@spbu.ru

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ 1914–1916 ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ¹

В статье раскрываются особенности участия крестьянства в процессах национальной мобилизации в России в 1914–1916 гг. Показаны гендерно-дифференцированные реакции крестьян на вступление страны в войну и способы адаптации к военной повседневности, формы крестьянского участия в усилиях домашнего фронта. Проанализированы последствия изменения гендерной ситуации в связи с мобилизацией мужчин-домохозяев и новой социальной ролью солдатки, новые гендерные практики и отношение к ним крестьян. Раскрыты особенности восприятия крестьянами патристической пропаганды, формы ментальных и поведенческих реакций на информацию о состоянии фронта и тыла, роль гендерных образов и языка в низовом дискурсе. Показана роль крестьянки, на чьи плечи легла вся тяжесть труда по поддержанию семьи и домохозяйства, в нарастании недовольства продовольственной политикой правительства, главным проявлением которого стали «бабы бунты». Сделан вывод о том, что ментальные реакции, социальные и гендерные практики крестьянства в условиях войны продемонстрировали пределы политической мобилизации российского общества, не завершившего социокультурную трансформацию.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, крестьянство, национальная мобилизация, политическая мобилизация, гендер.

Проблема участия крестьянства в национальной мобилизации воюющих стран в годы Первой мировой войны, включая ее гендерные характеристики, стала предметом рассмотрения в целом ряде современных исследований². Гендерные аспекты данного процесса в России, мужские и женские модели поведения в условиях войны изучены в трудах, посвященных призывной кампании и участию крестьян в мобилизации, бунтарской активности солдаток и крестьянок, эмоциональной реакции различных слоев населения на войну, участию крестьянства в благотворительности, использованию гендерных образов в пропаганде³. В целом же тема влияния гендерного фактора на специфику участия крестьян в национальной, и, в частности, политической мобилизации, требует дальнейшего осмысления. Это определяется актуальностью исследования феномена политической мобилизации, которая связана с особой ролью первой в истории «тотальной войны» в его формировании. Первая мировая война впервые породила «управление мнениями» посредством официальной и неправительственной пропаганды⁴. Создатель теории пропаганды Г. Лассуэлл писал: «Во время войны пришлось

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»).

² Егмасова 2015

³ Petrone 1998: 95-120; Сенявская 1999: 161–163; Gatrell 2003: 198-215; Посадский 2002; Щербинин 2004; Колоницкий 2010; Асташов 2014; Stoff 2015; Чуракова 2019: 246 – 277; Аксенов 2020.

⁴ Лассуэлл 1929.

убедиться, что мобилизация людей и средств оказалась недостаточной. Потребовалась мобилизация мнений»⁵. Модели национальных мобилизаций в странах-участницах конфликта включали в качестве своей сердцевины политическую мобилизацию как объединение вокруг значимых идей, символов и ценностей, коренящихся в основаниях политической культуры нации. Это обеспечивалось посредством массовой пропаганды, вовлечения в политическую коммуникацию широких слоев населения, стимулирования и использования ритуальных форм политической поддержки, апелляции к эмоциям и исторической памяти.

Анализ исторического опыта политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны позволяет выявить специфические механизмы и практики, причины политической «демобилизации» общества, обернувшейся революционным взрывом. Значимую роль в процессах и результатах политической мобилизации играла позиция основной массы российского населения – крестьянства, в рядах которого, в отсутствие ушедших на фронт мужчин, значительную долю составляли женщины-крестьянки. Крестьянство стало основным резервом пополнения русской армии: из 15,8 млн мобилизованных к осени 1917 г. свыше 12,8 млн были призваны из деревни⁶. Важно прояснить влияние гендерных факторов на восприятие крестьянством войны и пропаганды, роль меняющейся ситуации на фронте и в тылу в формировании способов реакции крестьянства на события и путей участия в процессах политической мобилизации/демобилизации российского общества.

Гендерный фактор был важной характеристикой, определявшей накануне войны степень вовлеченности мужского и женского крестьянского населения в общественно-политические процессы. Если крестьяне-домохозяева мужского пола получили в результате Первой русской революции представительство в Государственной Думе, участвуя также в земском самоуправлении, то женское крестьянское население было лишено таких прав. Женщины представляли в общине ушедших на заработки глав семейств, женщины-вдовы участвовали в сходах с правом голоса, однако вовлеченность женщин-крестьянок в общественные дела деревни допускалась лишь до тех пор, пока отсутствовал муж или дети были несовершеннолетними, при этом сами женщины выступали, как правило, защитницами семейных и общинных традиций⁷.

Сохранение общины как основной социальной ячейки в деревне определяло не только жизненный уклад подавляющей части ее населения, но и устойчивость традиционных архетипов общинной ментальности. Общинный строй был особенно силен в великороссийских губерниях: на традиционном общинном праве в начале XX в. продолжали жить две трети х крестьян⁸. Во время Революции 1905–1907 гг. впервые кре-

⁵ Там же: 31.

⁶ Россия в мировой войне 1914–1918: 4, 49.

⁷ Миронов 1999. Т. 1: 477.

⁸ Там же: 483.

стьяне боролись за реализацию своих требований политическими методами. Однако навыков (и потребности) систематического участия в политическом процессе у широких масс крестьян, интересы и кругозор которых по преимуществу ограничивались рамками сельского мира, к началу мировой войны по-прежнему не было.

Вовлечению крестьян в общественно-политическую коммуникацию национального масштаба препятствовал и низкий уровень грамотности. В период 1908–1913 гг. по 12 губерниям Европейской России грамотные составляли 24–25% от общей численности сельского населения⁹. Расхождение в показателях грамотности мужчин и женщин было исключительно большим: в среднем по рассмотренной группе губерний грамотных среди мужчин было 38%, а среди женщин – 9%¹⁰. Таким образом, мы видим почти поголовную (на ⁹/₁₀) неграмотность женщин в сельских местностях России того времени.

Крестьяне и крестьянки в условиях национальной мобилизации военного времени: социальные практики

Для крестьян в России, как и практически во всех воюющих странах, было характерно восприятие начавшейся войны как рока, неподвластного человеку стихийного бедствия¹¹. Традиционное, утвердившееся еще в XIX в. в России, объяснение смысла любой войны формулой «За Веру, Царя и Отечество», принималось крестьянами как политический символ и ритуал. Оно сопрягалось с религиозным толкованием начавшейся войны как «борьбы за правду Святой Руси», разъяснявшемся с амвонов церквей, получившем широкое воплощение в визуальной пропаганде. «Россия борется за Богом благословенную правду»¹², «Русь всегда боролась на правое дело, за справедливость»¹³, «Мирлюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»¹⁴ – эти символы-мифы национального самосознания, имея глубокую культурную укорененность, оказывали в начале войны влияние на ее восприятие в деревне. Среди крестьян это проявлялось в популярности создававшихся в традиционном стиле лубков, которые вывешивались в избах рядом с иконами и изображениями святых. Лубки воплощали сакральное видение войны как события космического масштаба, испытания, посланного Богом. Многочисленные плакаты использовали современные версии традиционного изображения святого героя верхом на белом коне для обозначения героизма и создания образа справедливой войны. Такие плакаты воспроизводились в виде открыток, которые, как и лубки, развешивались на стенах домов в городе и в деревне¹⁵.

⁹ Рашин 1956: 295.

¹⁰ Там же.

¹¹ Егмасога 2015.

¹² Россия борется за правду. 1914: 4.

¹³ Там же: 30.

¹⁴ Великая война 1914 года. 1914: 4.

¹⁵ Petrone 1998: 98.

Социально-гендерные различия в полной мере проявлялись в эмоциональной и поведенческой реакции на начавшуюся войну. Молодые неженатые парни часто воспринимали войну как боевое приключение, возможность проверить себя, уйти от рутины жизни. На такой основе возникало приподнятое, возбужденное настроение¹⁶. С воодушевлением и подъемом воспринимали известие о скором объявлении войны, с которым был связан переход к активным действиям, и проходившие срочную службу солдаты¹⁷. Семейные призывники, домохозяева были, как правило, подавлены, переживали тоску и отчаяние. Во время отправки на фронт, в перерывах между боями, в госпиталях солдаты пели песни жалобные, заунывные и тоскливые. Среди них были распространены песни-причитания, песни-жалобы, такие как «О серой шинели», «О бедном солдате»¹⁸. Подавленное психологическое состояние солдат объяснялось рядом факторов: их фаталистическим взглядом на войну; переживаниями в связи с разлукой с семьей, хозяйством, малой родиной; ожиданием неизвестности. Угнетенное морально-психологическое состояние переживали и родственники призванного, крестьянки плакали, предчувствуя опасности, горести и лишения, которые принесет война¹⁹.

Специфической мужской реакцией на запрет продажи алкоголя во время мобилизации стали погромы винных лавок и складов, «пьяные бунты» призывников, сопровождавшиеся бесчинствами по ходу следования на фронт. Закрытие казенных винных лавок в связи с введением в стране сухого закона нарушало многовековую традицию деревенских проводов рекрутов на войну, обязательным элементом которой была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утрате свободы распоряжения своей жизнью, а, возможно, и самой жизни. Вот как вспоминал крестьянин Я.Д. Драгуновский дни мобилизации: «В это время там [у волостного правления] слышались крики между солдатами: «Давайте казенку разобьем! Почему водку не дают? Может быть, последний раз тут живем! Надо же с родными выпить на прощанье!»²⁰. Не последнюю роль в таком поведении мобилизованных играло стремление снять стресс, нейтрализовать психологическую реакцию страха, отчаяния: «Эх, вначале как погнали нас, семнадцатерню, из деревни, ничего не понятно, а больше плохо... Ух, и заскучали мы... На каждой станции шум делали, матерно барышень ругали...»²¹. Другой новобранец при-

¹⁶ Федорченко 1917: 10.

¹⁷ Оськин 1929: 59.

¹⁸ Оськин 1929: 81; Федорченко 1917: 7, 9, 18, 30.

¹⁹ Щербинин 2004: 224.

²⁰ Драгуновский 1989: 331.

²¹ Федорченко 1917: 10.

знавался: «Загулял я тогда на целую неделю. Сильно с тоски да со страху баловал. Очнулся чуть не на самой позиции»²². В целом волнения призывников не повлияли на результаты мобилизации. В том, что 96% подлежащих призыву явились на сборные пункты²³, сказывалось восприятие войны как неотвратимого бедствия, крестьянская привычка покорности властям, меры, принятые правительством.

Война, как и всякое масштабное бедствие, привела к оживлению религиозных чувств крестьянства, что отмечали в своих отчетах епархиальные архиереи²⁴. Крестьяне, среди которых возрос удельный вес женщин и стариков, вверяли своих близких, ушедших на войну, воле Бога, провидения. Параллельно с оживлением религиозных настроений происходило усиление суеверий, которые прихожане, особенно женщины, по отзывам священников, «примешивали» к христовой вере. Женским вариантом психологической адаптации к ситуации неизвестности и тревоги были гадания на ушедших на фронт, ворожба, заговоры²⁵.

После пережитого эмоционального стресса, связанного с началом войны, ситуация в деревне стабилизировалась. Крестьяне, несмотря на «стихийный» и «локальный» характер их патриотизма, любили свою матушку-Русь и желали ей победы, их патриотизм проявлялся в разнообразных, весьма действенных, формах. Сельские общества составляли приговоры о пожертвовании хлеба из своих запасов на нужды армии, что приобрело значительные масштабы и побудило Совет министров осенью 1914 г. установить предел на такие жертвования (не свыше $\frac{1}{5}$ наличного запаса или капитала)²⁶. Кроме того, они выделяли денежные средства на устройство лазаретов для больных и раненых воинов²⁷. Сельское население систематически материально и морально, в письмах, поддерживало своих родных на фронте, что составляло, как отметил А.Б. Асташов, важную часть мотивации борьбы русского солдата²⁸.

Крестьянки участвовали в помощи фронту своим трудом, заменив мужчин в производстве сельскохозяйственной продукции, изготавливая теплые вещи, подарки для фронтовиков. Крестьянские девушки вязали и шили вещи для отправки на фронт. Участие крестьянок в общенациональном деле высоко оценивалось в прессе. В статье «Война» «Женского вестника» отмечалось: «Русские женщины... направили свои усилия на то, чтобы облегчить России тяжелую борьбу... На женщин в деревне – двойная тяжесть... И все это делает та крестьянка, про которую говорят, что она слишком невежественна и тупа, чтобы иметь

²² Там же: 11.

²³ Головин 1939. Т. 2: 120.

²⁴ РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 40; Д. 2646. Л. 22; Д. 2650. Л. 15; Д. 2651. Л. 36; Д. 2658. Л. 66; Д. 2663. Л. 37.

²⁵ РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2658. Л. 70; Д. 2693. Л. 18; Д. 2713. Л. 450об.; Д. 2754. Л. 23об.

²⁶ Мацузато 1995: 195.

²⁷ ГАРФ Ф. 102. ДП 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108 т. 2. Л. 4.

²⁸ Асташов 2014: 177.

право решающего голоса в общественных делах. Какая несправедливость!»²⁹. В прессе рассказывалось о помощи крестьянок фронту, их самоотверженной работе по поддержанию семьи и домохозяйства, подвигах на фронте в качестве добровольцев³⁰. И хотя в некоторых случаях крестьянки назывались «младшими сестрами» образованных современниц, утверждалась равноценность их работы в условиях войны: «Подвиги русских женщин, – это в большинстве своем подвиги интеллигентных женщин, а об их младших сестрах, – русских бабах, нам как-то мало приходится слышать, но и эти младшие сестры по духу, по великой любви, нисколько не уступают старшим», – констатировал журнал «Женская жизнь»³¹. В деревнях главным образом женщины оказывали помощь семьям, оставшимся без кормильцев³².

Факторами улучшения социальной ситуации в деревне в 1914 и 1915 гг. были хорошие урожаи, выдача солдаткам казенного пайка, организация общественной помощи семьям, потерявшим кормильцев, рост цен на сельскохозяйственную продукцию. В этих условиях проявились новые тенденции в сфере семейно-брачных отношений и гендерных практик. Получение от государства, земств и сельских обществ пособий и другой помощи солдатскими, в том числе гражданскими, женами призванных, обеспечение внебрачных детей военнослужащих³³, опережающий рост денежного дохода крестьян по сравнению с их расходным бюджетом³⁴ породили новые явления в социальном поведении крестьян и крестьянок. Несмотря на небольшой размер казенного пособия (примерно 2–2,5 руб. на каждого члена семьи в месяц) он был не только подспорьем в хозяйстве, но и дополнительным источником денежных средств, которые все больше стали использоваться на непроизводственные нужды (покупка красивой одежды, мебели, лакомств и т.д.). В тенденции увеличения непроизводственных расходов крестьян можно усмотреть не только влияние ситуации, когда происходило накопление ими денежных средств, а необходимых в хозяйстве товаров промышленность выпускала крайне мало, но и результат воздействия городской культуры с ее соблазнами, стремление солдаток реализовать свои специфически женские потребности. Получение женщинами возможности самостоятельно вести хозяйство, распоряжаться деньгами, выполнять функции главы семьи приводило к серьезным изменениям в менталитете солдатских жен. Для многих женщин впервые в жизни появилась возможность купить себе нарядную одежду, обувь, обновить гардероб. При этом солдатки признавались, что до войны мужья часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда чаем и шелковым платочком. Однако

²⁹ Женский вестник 1914. № 9: 173.

³⁰ Женщины и война // Женский вестник 1915. № 3: 73; 1916 г. № 1: 20.

³¹ Женщина и война // Женская жизнь 1914. № 1: 9.

³² Щербинин 2004: 229.

³³ Солдатские пенсии... 1915: 40; Россия в мировой войне: 6; ГАРФ. Ф. 7738. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 11; Мацузато 1995: 194.

³⁴ Кондратьев 1991: 130–131.

окружение солдаток не принимало их новую, более самостоятельную, роль: и большая семья, и соседи неодобрительно относились к «мотовству», осуждали «вольности» в расходовании солдатками средств³⁵. Эти явления, нежелание солдаток делить паек с семьей мужа, порождавшие конфликты, а в некоторых случаях даже семейные разделы, бичевали и сельские священники в донесениях епархиальным архиереям³⁶.

С началом войны обнаружилось широкое распространение в деревне гражданских браков, что стало полной неожиданностью для правительства и общества³⁷. В условиях войны мужчины, подлежавшие призыву, спешили обвенчаться и узаконить внебрачные связи, длившиеся порой по 10–15 и более лет, но уйти на войну женатыми удавалось не всем. Мобилизация проходила быстро, многим священники отказывали в венчании из-за нехватки документов³⁸. Новым фактором отношений полов в деревне в 1915 и особенно в 1916 г. стало размещение военнопленных германской и австро-венгерской армий по крестьянским домам для помощи в сельскохозяйственных работах. Солдат волновала проблема сохранения супружеской верности их женами, а возмущение «развратом» в деревне было второй, после дороговизны, темой их писем³⁹.

По мере затягивания войны все более ощутимым становился ущерб от потери деревней мужчин-работников наиболее трудоспособного возраста. В Европейской части страны из 17,6 млн лиц взрослого мужского населения, занимавшегося до войны сельскохозяйственным трудом, за годы войны было призвано в армию более 11 млн., т. е. около 60%⁴⁰. Тяжелыми были демографические потери деревни: на 1 февраля 1917 г. солдатские потери русской армии убитыми, ранеными, контуженными, отравленными газами, пропавшими без вести и попавшими в плен составили около 6 млн. человек, здоровью почти 50% участников войны был нанесен значительный ущерб⁴¹.

Помимо упадка хозяйств из-за отсутствия или потери кормильцев, важной причиной распространения недовольства в деревне стали реквизиции и твердые цены на сельскохозяйственную продукцию. 17 февраля 1915 г. командующие военными округами наделялись правом устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупаемые для армии, запрещать вывоз хлеба из любой местности в пределах округов, реквизировать продукты по пониженным ценам. После января 1915 г. органы, занятые снабжением армии, стали закупать хлеб не у крестьян, а в основном у торговых посредников, что создало широкое поле для спекуляции ими продовольствием⁴². Это поставило крестьян в невыгодное

³⁵ Щербинин 2004: 246.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2751. Л. 19об.

³⁷ Булгакова 2009: 183.

³⁸ Там же: 195.

³⁹ Щербинин 2004: 247.

⁴⁰ Тюкавкин, Шагин 1987: 119.

⁴¹ Россия в мировой войне 1925: 5, Табл. 6.

⁴² Оськин 2011: 53–55.

положение, так как цены на несельскохозяйственные продукты продолжали расти быстрыми темпами. И хотя крестьяне придерживали хлеб, продавали его по рыночным ценам⁴³, ощущение несправедливости экономической политики правительства у них нарастало. Женщины-солдатки, на чьи плечи легла вся тяжесть войны, первыми почувствовали усталость от этого бремени, став застрельщицами выступлений против реквизиций хлеба из хлебозапасных магазинов по твердым ценам, сопровождаемых стычками с земскими служащими и полицией. Они вместе со стариками, вооружившись вилами, вставали на охрану хлебозапасных магазинов, не подпуская к ним представителей земств⁴⁴. Мотивом их действий был не только протест против низких заготовительных цен и принудительных реквизиций, но и широко распространившееся среди крестьян убеждение, что хлеб пойдет не на фронт, а рабочим оборонных заводов, укрывавшимся, по их мнению, от мобилизации, а также земскому начальству, которое перепродает хлеб частным скупщикам⁴⁵.

Таким образом, в связи с ростом дороговизны, недовольства солдаток своим положением, усталости от войны, в 1915–1916 гг. ярко проявил себя феномен женского бунтарства. «Бабы бунты» прокатились по деревне, где они приобрели широкие масштабы в 1916 г. Как верно отметил П.П. Щербинин, женское бунтарство было составной частью и проявлением радикализации общественных настроений, а в деревне односельчане использовали солдаток как щит или таран, надеясь, что баб простят, а войска не будут стрелять в безоружных женщин⁴⁶.

Вследствие гендерного взаимовлияния домашний фронт был глубоко переплетен с линией фронта, что показали также бабы бунты, которые войска не хотели подавлять⁴⁷. Если в 1914–1915 гг. солдатки, как правило, не писали мужьям на фронт о своем тяжелом положении, то в дальнейшем ситуация изменилась, они стали сообщать мужьям об одиночестве, усталости, тяготах повседневного существования, способствуя дезертирству, падению морального духа и росту недовольства в армии, чем приближали политическую «демобилизацию» солдат и в конечном итоге, – революцию⁴⁸. Тяга солдат-крестьян домой, была ли она вызвана ностальгией, реальной необходимостью работ в крестьянском хозяйстве или желанием разобраться в накопившихся семейных проблемах, в годы войны превратилась в проблему боеспособности армии⁴⁹.

⁴³ До сентября 1916 г. существовали параллельно твердые, по закупкам для нужд армии, и рыночные цены на хлебные продукты, лишь Указ 9 сентября 1916 г. установил твердые цены для всех сделок без исключения. См.: Оськин 2011: 56.

⁴⁴ Земства получили право заготовки и продажи хлеба по твердым ценам. – Там же.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Д-во Оп. 125 1916 г. Д. 15. Ч 2. Л. 1; Д. 15. Ч. 3. Л. 4, 8; Д. 50. Ч. 3. Л. 19, 23; ГАПК Ф. 65 Оп. 1 Д. 333. Л. 252, 280, 296, 297, 298; Д. 334. Л. 8, 11, 26; Д. 1040. Л. 4.

⁴⁶ Щербинин 2004: 264.

⁴⁷ Gatrell 2003: 202.

⁴⁸ Щербинин 2004: 250.

⁴⁹ Асташов 2014: 186.

Крестьянское восприятие пропаганды и гендерный язык низового дискурса

Новым явлением общественно-политической жизни накануне и в годы Первой мировой войны стало проникновение газет в деревню. Высокий интерес к событиям в условиях войны создавал ситуацию, когда крестьяне, по сведениям корреспондентов, зачитывали «до дыр» попадавшие к ним газеты⁵⁰. «Темный деревенский народ, – писала «Московская копейка», – как никто интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки. *И все же многое остается непонятным* (курсив мой – О.П.)»⁵¹. Крестьяне по-другому, не так, как представители традиции рационального мышления, прочитывали и воспринимали информацию газет. Как показал А.Б. Асташов, солдаты-крестьяне были невосприимчивы к газетной литературе, а их техника чтения, характерная для малограмотного человека, затрудняла уяснение конечной мысли пропагандистов. Чтение по складам, с разбивкой текста, способствовало «опредмечиванию» понятий, когда появление знакомых понятий-сюжетов (мир, земля и др.) приводило к прекращению чтения и началу их коллективного обсуждения, без связи с главной мыслью автора. Кроме того, чтение происходило, как правило, принародно, а потому провоцировало слухи, панику, коллективное внушение⁵². Этот же механизм коммуникации, описанный А.Б. Асташовым применительно к фронту, в полной мере проявлялся в деревне, в тылу. Под влиянием совместного (из-за немногочисленности грамотных и по традиции коллективного решения важных вопросов) чтения крестьянами газет, происходило придание слухам «достоверности», обоснованности, обрастание их новыми догадками и подробностями. В том, что чтение газет стимулировало критические заявления крестьян, делавшиеся в процессе их обсуждения, можно убедиться по документам Министерства юстиции по делам крестьян, привлекавшихся в 1914–1916 гг. к уголовной ответственности за оскорбления в адрес царя и членов императорской фамилии. Материал газетных публикаций вызывал такое преломление в сознании крестьян, такое толкование, на которое не рассчитывали авторы публикаций. Так, крестьянин д. Михайловицы Костромской губ. Е.А. Чумаков (59 лет) в конце июня 1915 г., выслушав прочитанное одним из односельчан газетное сообщение (сам он был неграмотен), закричал: «Убить бы давно нужно нашего Государя, какую он власть дал немцам»⁵³. Подобная психологическая реакция крестьян была нередкой⁵⁴. Согласно уголовной статистике, оскорбление представителей царской семьи было прежде всего

⁵⁰ Московская копейка. 1915. 19 января; Вятская речь. 1915. 9 января; Зауральский край. 1915. 6 февраля.

⁵¹ Московская копейка. 1915. 19 января.

⁵² Асташов 2014: 568-570.

⁵³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 93.

⁵⁴ Там же. Л. 36, 104 об., 178.

преступлением «пьяным», «русским», «крестьянским»⁵⁵. Б.И. Колоницкий справедливо отмечает, что жившие в удаленных друг от друга концах империи крестьяне использовали один и тот же язык оскорблений, это был язык патриархального мужского шовинизма, который употребляли и крестьянки. Во многих обвинениях император был лишен должных мужских качеств, выступал как «Царь-баба»⁵⁶. Крестьяне ругали царя за то, что не занимался настоящим мужским делом – подготовкой к войне, а «строил мосты да кабаки», «клубы да театры устраивал», «бутылки отливал», уподобился плохой деревенской бабе, плохому крестьянину, ничего не заготовившим для хозяйства⁵⁷. Вот типичное высказывание на этот счет крестьянина д. Аделаидовки Бугурусланского уезда Самарской губ. А.А. Герасимова (44 лет), сделанное в январе 1915 г.: «Германский царь в ожидании войны наготовил орудий, а русский царь оказался хуже плохой деревенской бабы, ничего не приготовил»⁵⁸.

Симптоматичны заявления, в которых правящий монарх характеризуется как ничтожная личность, называется не только «бабой», но и «дураком», «посадским», «глотом» и т.д. В них говорится, что такому государю не стоит служить, что род Романовых выродился⁵⁹.

По мере затягивания войны, ухудшения состояния крестьянских хозяйств, неуверенной политики самого Николая II, обострения экономического и политического кризиса расширялась база для инверсии образа монарха в крестьянском сознании. Серьезная его дискредитация была связана с распространением на фронте и в тылу в 1916 – начале 1917 гг. слухов о похождениях Распутина, его влиянии на царя и связях с императрицей, соответствующих карикатур, что не только вызывало нравственное отторжение у крестьянства, но и в корне противоречило нормам его авторитарно-патриархального сознания. Так, на одной из карикатур, ходивших в феврале 1916 г., был изображен Вильгельм, меряющий длину германского снаряда, и Николай, измеряющий, «стоя на коленях аршином известную часть тела Распутина»⁶⁰.

Уже в первый год войны в связи с несогласованностью действий разных звеньев государственного аппарата, плохим снабжением армии вооружением и боеприпасами, неудачами на фронте в обществе начали циркулировать слухи об измене в высших эшелонах власти, немецких шпионах, «толки» о немецком засилье, доходившие и до крестьян. С этим было связано появление в их среде суждений об императрице Александре Федоровне и вдовствующей императрице Марии Федоровне как о «немках», якобы сочувствовавших Германии и всеми способами вредивших России⁶¹. Такие представления не имели ничего обще-

⁵⁵ Колоницкий 2010: 45.

⁵⁶ Там же: 211.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. ЛЛ. 93об., 116об., 145об., 146., 148об., 223.

⁵⁸ Там же. Л. 223.

⁵⁹ Там же. Л. 8, 10об., 34об., 116об., 139об., 145об.

⁶⁰ Колоницкий 2010: 539.

⁶¹ РГИА Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 3об., 145об., 170.

го с действительностью, но вкупе с толками и слухами о самом императоре и придворной камарилье стали первыми кирпичиками того образа внутреннего врага – «внутреннего немца», «темных сил», который стал интенсивно формироваться в массовом сознании с лета 1915 г., не без влияния критики, развернутой либеральной оппозицией. В одном из высказываний крестьян утверждается, что теплые вещи, связанные крестьянками для нужд армии, не дойдут до солдат, так как Мария Федоровна «все ваши вещи прокутит и прогуляет...»⁶², в другом говорится, что Александра Федоровна «готова сделать все для германского императора Вильгельма, с которым состоит в родстве»⁶³. Наиболее ярко характеризует такие представления следующее высказывание крестьянки д. Богомильцево Ярославской губ. Д.А. Хозовой (47 лет): «Старая государыня у нас несчастная немка, переписывается с германцами, и когда русских солдат бьют, то радуется, а когда наши бьют германцев, то плачет. Таких надо давить»⁶⁴. Встречаются высказывания о ненужности царя вообще: «Нам царя не надо, так как он ничего нам не дает. Он обманул нас, обещал во время Японской войны дать нам свободу и не дал»⁶⁵; о необходимости выбирать царя «из высших людей на несколько лет, как выбирают старост»⁶⁶. Это показывает, что ростки новых воззрений на государственную власть как управление самого народа (через своих представителей или непосредственно), появившиеся в период Первой русской революции, не погибли, были разбросаны в толще народа, могли при благоприятных условиях получить бурное развитие.

***

Вступление России в мировую войну, как всякое масштабное событие, актуализировало традиционалистские идейно-психологические установки сознания крестьян, определявшие отношение к начавшемуся кровопролитию как к неподвластному року, испытанию, посланному Богом. Традиционная формула «За веру, царя и Отечество», освящавшая войну, воспринималась как политический символ и ритуал, в крестьянской среде получили распространение визуальные лубочные репрезентации образа справедливой войны как «борьбы за правду Святой Руси», имевшие глубокую укорененность в культурно-исторической памяти народа. Значимую роль в восприятии начавшейся войны имели социально-гендерные различия, дифференцировавшие эмоциональные реакции крестьян в зависимости от возраста, семейного положения, пола.

После эмоционального стресса, вызванного вступлением страны в войну, в деревне наступила социальная стабилизация, в условиях которой в полной мере проявился практический, действенный характер крестьянского патриотизма. Разнообразные формы участия деревни в деле

⁶² Там же. Л. 3об.

⁶³ Там же. Л. 145об.

⁶⁴ Там же. Л. 170.

⁶⁵ Там же. Л. 58об.

⁶⁶ Там же. Л. 133.

помощи фронту имели место в условиях переноса основной тяжести работ на плечи женщин-крестьянок. Война проявила и породила новые гендерные практики, обусловленные мобилизацией мужчин-домохозяев и новой социальной ролью солдатки.

Затягивание войны, ухудшение состояния хозяйств, продовольственная политика правительства, вызывавшая недовольство крестьян, определили радикализацию их настроений, наиболее ярким проявлением которой стали «бабьи бунты». Солдатки влияли на настроения крестьян-солдат на фронте, способствуя падению их морального духа, политической «демобилизации».

Традиции устной культуры коммуникации, характерные для крестьян, препятствовали восприятию ими системы аргументации официальной патриотической пропаганды (за исключением лубочных изданий, брошюр, предназначенных для народных библиотек). Социальные чаяния крестьян, нашедшие выражение в приговорном движении 1905–1907 гг., крестьянских наказах 1917 г., не получили отражения в правительственной политике, идеологии и пропаганде периода войны, а национальные интересы и цели России в противостоянии держав были мало понятны крестьянству. В условиях «тотальной» войны, потребовавшей единения усилий и доверия между властью и обществом, традиционные ритуальные обоснования ее смысла были недостаточны, а убеждения, основанные на понимании целей войны и отстаиваемых в ней общенациональных интересов, у крестьян сложиться не могли. Социальные и гендерные практики крестьянства в условиях войны продемонстрировали пределы политической мобилизации российского общества, не завершившего модернизационную трансформацию.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 333, 334, 1040
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108 т. 2.; Оп. 125 1916 г. Д. 15. Ч 2. Д. 15. Ч 3. Д. 50. Ч. 3. Ф. 7738. Оп. 1. Д. 4.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645, 2646, 2650, 2651, 2658, 2663, 2693, 2713, 2751, 2754; Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476.
Великая война 1914 года. Художественная летопись войны. Пг.: Благовещ. изд-во, 1914. 16 с. [Velikaia voina 1914 goda. Khudozhestvennaia letopis' voiny. Pg.: Blagoveshch. izd-vo, 1914. 16 s].
Вятская речь. 1915. 9 января. [Viatskaia rech'. 1915. 9 ianvaria].
Драгуновский Я.Д. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-голстовцев. 1910–1930-е гг. / [Сост. А. Б. Рогинский; Примеч. Д. И. Зубарева, А. Б. Рогинского]. М.: Книга, 1989. 477 с. [Dragunovskii Ia.D. Moia zhizn' // Vospomnaniia krest'ian-tolstovtsev. 1910–1930-e gg. / [Sost. A. B. Roginskii; Primech. D. I. Zubareva, A. B. Roginskogo]. М.: Kniga, 1989. 477 s.].
Женский вестник 1914. № 9. 1915. № 3. 1916 № 1. [Zhenskij vestnik 1914. № 9, 1915. № 3. 1916 № 1.].
Женщина и война // Женская жизнь. 1914. № 1. С. 8-9. [Zhenshchina i vojna // Zhenskaya zhizn'. 1914. № 1. P. 8-9].
Зауральский край. 1915. 6 февраля [Zaural'skii krai. 1915. 6 fevralia].
Московская копейка, 1915, 19 января [Moskovskaia kopeika, 1915, 19 ianvaria].
Оськин Д. Записки солдата. М.: Федерация, 1929. 334 с. [Os'kin D. Zapiski soldata. М.: Federatsiia, 1929. 334 s].
Россия борется за правду. [о войне с Германией]. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 32 с. [Rossiia boretsia za pravdu.: [o voine s Germaniei]. М.: Tip. T-va I. D. Sytina, 1914. 32 p.].

- Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: ЦСУ, 1925. 103 с. [Rossiia v mirovoi voine 1914–1918 gg. (v tsifrakh). M.: TsSU, 1925. 103 s].
- Солдатские пенсии, денежные пособия и разная помощь солдатам и их семьям: (Из законов «О признании нижних воинских чинов и их семейств»). Киев: тип. И.И. Чоколова, 1915. 48 с. [Soldatskie pensii, denezhnye posobiia i raznaia pomoshch' soldatam i ikh sem'iam : (Iz zakonov "O priznenii nizhnikh voinskikh chinov i ikh semeistv"). Kiev: tip. I.I. Chokolova, 1915. 48 s.]
- Федорченко С.З. Народ на войне. Фронтовые записи. Киев: Издательский Подотдел Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза, 1917. 139 с. [Fedorchenko S.Z. Narod na voine. Frontovye zapisi. Kiev: Izdatel'skii Podotdel Komiteta Iugo-Zapadnogo fronta Vserossiiskogo zemskogo soiuza, 1917. 139 s].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с. [Aksenov V. B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniia rossiian v gody voiny i revolutsii (1914-1918). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 992 s.].
- Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 - нач. 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014 740 с. [Astashov A. B. Russkiy front v 1914 - nachale 1917 goda: voyennyy opyt i sovremennost' . Moscow: Novyy khronograf Publ., 2014. 740 s.].
- Булгакова Л.А. Невенчаные солдаты: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 183-214. [Bulgakova L.A. Nevenchannyye soldatki: bor'ba za priznanie grazhdanskikh brakov v gody Pervoi mirovoi voiny // Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX – nachale KhKh v. SPb.: Nestor-Istoriia, 2009. S. 183-214].
- Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж Т-во объединённых издателей, 1939. В 2-х тт. Т. 2. 242 с. [Golovin N.N. Voennyye usiliia Rossii v mirovoi voine. Parizh T-vo ob'edinennykh izdatel'ei, 1939. V 2-kh tt. T. 2. 242 s].
- Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с. [Kolonitskii B.I. «Tragicheskaiia erotika»: obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 664 s].
- Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 486 с. [Kondrat'ev N.D. Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremia voiny i revolutsii. M.: Nauka, 1991. 486 s].
- Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Н. М. Потапова. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 201 с. [Lasswell G. Tekhnika propagandy v mirovoi voine / per. s angl. N. M. Potapova. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. 201 s.].
- Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России. 1864 – 1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185-197. [Matsuzato K. Sel'skaia khlebozapasnaiia sistema v Rossii. 1864 – 1917 gody // Otechestvennaia istoriia. 1995. № 3. S. 185-197].
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 547 с. [Mironov B.N. Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nach. XX vv.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999. T. 1. 547 s.].
- Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 г.: поиски выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 53-66. [Os'kin M.V. Prodovol'stvennaia politika Rossii nakanune fevralia 1917 g.: poiski vykhoda iz krizisa // Rossiiskaia istoriia. 2011. № 3. S. 53-66].
- Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года : (На материалах Саратовской губернии). Саратов: Изд-во СГУ, 2002. 156 с. [Posadskii A. V. Krest'ianstvo vo vseobshchei mobilizatsii armii i flota 1914 goda : (Na materialakh Saratovskoi gubernii). Saratov: Izd-vo SGU, 2002. 156 s.].
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет. (1811 – 1913 гг.). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с. [Rashin A.G. Naselenie Rossii za 100 let. (1811 – 1913 gg.). Statisticheskie ocherki. M.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1956. 352 s.].

- Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. М.: РОССПЭН. 1999. 382 с. [Seniavskaia E.S. Psikhologiya voyny v XX veke. M.: ROSSPEN. 1999. 382 s.].
- Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. 206 с. [Tukavkin V.G., Shchagin E.M. Krest'ianstvo Rossii v period trekh revoliutsii. M.: Prosveshchenie, 1987. 206 s.].
- Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 246–277. [Churakova O.V. «Dusha chelovecheskaia razrushaetsia ot voyny...»: pis'mennye istochniki perioda Pervoi mirovoi voyny kak resursu genderno orientirovannoi istorii emotsii // Vestnik RUDN. Serii: Istoriia Rossii. 2019. T. 18. № 2. S. 246–277].
- Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с. [Shcherbinin P. P. Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX veka. Tambov: Iulis, 2004. 508 s.].
- Ermacora, Matteo: Rural Society, in:1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War, ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell, Oliver Janz, Heather Jones, Jennifer Keene, Alan Kramer, and Bill Nasson, issued by Freie Universität Berlin, Berlin 2015-01-06. URL: <http://www.1914-1918-online.net/> (date of access: 11.07.2023)
- Gatrell, Peter: Epic and domestic. Women and war in Russia, in: Braybon, Gail (ed.): History and the Great War. Historians and the impact of 1914-1918, New York et al. 2003, pp. 198-215.
- Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War, in: Borderlines. Gender and Identities in War and Peace, 1870-1930. New York: Routledge, 1998, pp. 95-120.
- Stoff L. Russia's Sisters of Mercy and the Great War: more than binding men's wounds. Lawrence: University of Kansas, 2015. 375 p.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина o.s.porshneva@urfu.ru

Russian Peasantry in the Conditions of National Mobilization of 1914-1916: Gender Aspect⁶⁷

The article reveals the features of the participation of the peasantry in the processes of national mobilization in Russia in 1914-1916. The gender-differentiated reactions of peasants to the country's entry into the war and ways of adapting to military everyday life, forms of their participation in the home front efforts are shown. The consequences of changing the gender situation in connection with the mobilization of male householders and the new social role of the soldatki, new gender practices and the attitude of the peasants towards them are analyzed. The peculiarities of peasants' perception of patriotic propaganda, forms of mental and behavioral reactions to information about the state of the front and rear, the role of gender images and language in grassroots discourse are revealed. The role of a peasant woman, on whose shoulders all the hard work of maintaining a family and household fell, in the growing discontent with the government food policy, the main manifestation of which were “women's riots”, is shown. It is concluded that the mental reactions, social and gender practices of the peasantry in the conditions of war demonstrated the limits of the political mobilization of Russian society, which has not completed the socio-cultural transformation.

Keywords: World War I, Russia, peasantry, national mobilization, political mobilization, gender

Olga Porshneva, Dr. Sc. (History), Professor, Department of International Relations, Ural Federal University after the first President of Russia B.N. Yeltsin; o.s.porshneva@urfu.ru

⁶⁷ The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (Project № 22-28-00201 “The gender factor of political mobilization under the conditions of the First World War: Russia, France, Germany”)

И.В. САВИЦКИЙ

**«НАС ТОГДА БЕЗ УСМЕШЕК ВСТРЕЧАЛИ»:
ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.
В ПЕРЕПИСКЕ А.И. АФАНАСЬЕВОЙ И П.В. ВАРХОВЕВОЙ**

В статье анализируются письма ленинградской пенсионерки П.В. Вархоевой, сохранившиеся в личном фонде петрозаводского историка А.И. Афанасьевой. Специфика текста позволяет использовать гендерный подход и анализировать женский взгляд на региональную общественную жизнь 1920–1940-х гг. В задачу статьи входит изучение женского восприятия отношений внутри управленческих структур первых послереволюционных десятилетий. Высокая общественная активность Вархоевой давала ей возможность общения как с руководством Автономной Карельской ССР, так и с поселковой администрацией, постепенно соединяя воспоминания в единый нарратив. Меморизация впечатлений о карельской юности и пережитой Блокаде кристаллизовала в памяти оптимистичные сюжеты, богатые авторской рефлексией. Не менее интересны и коммуникативные аспекты эпистолярных отношений, в т. ч. способы влияния мемуариста на изучающего его материалы историка. Анализ писем Вархоевой позволяет рельефно выделить возрастные и гендерные различия в отношениях между людьми 1920-х гг., проследить ироничную рефлексию мемуариста в восприятии себя и окружающих, а также способы защиты от негативных воспоминаний начала 1940-х гг. Исследование также подтверждает ряд концепций о практике женской меморизации и влиянии на нее со стороны гендерной политики в СССР.

Ключевые слова: *гендерная история, эпистолярный, личная переписка, эгодокументы, женские делегатские собрания, блокада Ленинграда.*

В личном фонде петрозаводского историка Александры Ивановны Афанасьевой (1927–2003)¹ в Национальном архиве Республики Карелия (далее – НА РК) сохранились две папки писем ленинградской пенсионерки Прасковьи Васильевны Вархоевой. Это единственный комплекс эпистолярных источников, переданных в архив семьей Александры Ивановны и представляющий собой цельную систему. Цель данной публикации – проанализировать особенности общения двух незаурядных женщин без общего прошлого, знакомых в основном по переписке.

Всего сохранилось 24 письма и открытки за 1968–1978 гг., из которых 23 – от П.В. Вархоевой (тексты А.И. Афанасьевой представлены одним карандашным черновиком, но их содержание понятно из ответов адресата). Прасковья Вархоева родилась в 1902 г. в пос. Ладва Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. В 1914 г. с похвальным листом закончила церковно-приходскую школу, после Революции работала в системе народного образования. В год рождения А.И. Афанасьевой Прасковья Васильевна стала кандидатом в члены ВКП(б), а в следующем 1928 г. была в нее принята. В Петрозаводске у нее складывалась успешная карьера – она стала секретарем парторганизации Карельского педагогического института, членом Петрозаводского горсовета и ревизионной комиссии обкома профсоюза работников просвещения. В 1935 г.

---

¹ Об А.И. Афанасьевой см.: Филимончик 2022.

была откомандирована в Ленинград на учебу, получила юридическое образование. С 1941 по 1951 гг. работала народным судьей Смольнинского района в Ленинграде и пережила в нем Блокаду, с 1951 по 1959 гг. избиралась членом Ленинградского городского суда, была депутатом Смольнинского райсовета депутатов трудящихся. Свой уход на пенсию из-за болезни она считала вынужденным, и жажда деятельности в полной мере чувствуется в ее эпистолярном стиле.

С точки зрения фактического материала ленинградские письма не представляют ничего оригинального, но выделяемые самим автором гендерный и возрастной акценты являются привлекательными для применения гендерного подхода в их исследовании. Такова судьба большинства архивных документов, не представляющих интереса для реконструкции крупных исторических сюжетов; они раскрываются лишь с помощью конкретных исследовательских дискурсов, называемых сторонниками «объективных» подходов «прокрустовым ложем» методологии (а в данном случае еще и «сексизмом»). Между тем, именно при использовании узких методик большинство источников приобретает научный интерес. Поэтому неправильно считать, будто документ «ждет своего часа»; каждый источник ждет своего дискурса.

Гендерная история в русскоязычном пространстве представлена в основном тремя самостоятельными научными школами Л.П. Репиной, Н.Л. Пушкаревой и И.Р. Чикаловой. При этом изучение деятельности женщин-коммунисток с гендерных позиций стало актуальным в новейших зарубежных исследованиях; и хотя итальянский эффект «double blind spot»² российской историографии не грозит, биографический и просопографический подходы развиты намного сильнее гендерного. По-прежнему важна работа с архивными и опубликованными памятниками «женского письма»³, но хотя фундированность исследований считается несомненным достоинством отечественных публикаций, большинство из них не выходят за рамки описательности⁴. Большое значение для конкретно-исторических исследований имеют работы, схожие по хронологическим рамкам, и в этом отношении положение женщины в межвоенный период изучено недостаточно. Среди недавних работ выделяется публикация А.В. Беловой, рассматривающей практики женской меморизации в качестве уникального инструмента преобразования трагических (травмирующих) опытов в конструктивную мотивацию к выживанию и дальнейшему развитию⁵, в т. ч. под влиянием хрущевской «оттепели». В предлагаемой статье анализируется схожая ситуация с ретроспективным описанием социальных отношений в межвоенные годы.

² Strazzeri 2022: 2.

³ Афанасьев, Бреева 2017; Воробьева 2013; и др.

⁴ Пушкарева 2019а: 206–207; ею же составлен минимальный список вопросов к женщинам-«нарраторшам», полезный для анализа биографических материалов в целом: Пушкарева 2018: 173–174.

⁵ Белова 2022: 64.

Под влиянием хрущевской «оттепели» в карельской прессе стали появляться публикации о первых руководителях Автономной Карельской ССР, многие из которых были репрессированы в 1930-е гг. за «буржуазный национализм». В середине 1960-х гг. была опубликована статья о председателе Карельского ЦИКа в 1924–1929 гг. А.Ф. Нуортева, после чего в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР поступило письмо от жительницы Ленинграда П.В. Вархоевой; Прасковья Васильевна обещала поделиться воспоминаниями об А.Ф. Нуортева и показать его письмо. Идея заинтересовала выпускницу МГУ, кандидата исторических наук А.И. Афанасьеву (фото 1), перед этим участвовавшую в публикации сборника документов о Гражданской войне в Карелии. Дважды извинившись за длительное молчание и сославшись на болезнь, Александра Ивановна приняла предложение ленинградки, дополнительно попросив ее «написать о себе», о работе в женском движении 1920-х гг., а также указать фамилии и адреса других оставшихся в живых активистов межвоенного десятилетия. Целью работы была обозначена подготовка сборника воспоминаний участников социалистического строительства в Карелии.

Фото 1 – Александра Ивановна Афанасьева, кон. 1960-х гг.

Человек в реальном и эпистолярном пространствах воспринимается по-разному. Тем не менее, по робкому интеллигентному тону письма петрозаводского историка, многочисленным извинениям и благодарностям уроженка Карелии не могла не узнать более молодую женщину неместного происхождения, занимающуюся историей XIX – начала XX в. и знакомую с Карелией в основном как источниковед. На обдумывание дальнейших действий и написание ответа ушло два месяца, в течение которых из Петрозаводска пришла бандероль с упомянутым сборником документов. Наконец в мае 1968 года в институт поступило письмо на 8 двусторонних листах альбомного формата с приложениями и эмоциональным описанием первых десятилетий Советской власти.

Не единожды сравнивая дореволюционный быт с советским в пользу последнего, Прасковья Васильевна составила текст таким, каким его хотела бы видеть региональный специалист по истории культуры XIX – начала XX в. «В период суровой самодержавной действительности девушка лишь мечтала о заработке и “счастье” немного заработать выпадало иной только перед праздником Пасхи» в виде помывки потолков и стен в избах “от солнца до солнца” за 15 копеек. Потеряв в начале войны отца и старшего брата, 13-летняя Прасковья заготавливала дрова и сено, перевозила купеческие товары за 35 верст и с надеждой встретила революционные изменения с наделением «земли столько, что хлеба хватало для безбедного существования на целый год»⁶. Про Гражданскую войну и коллективизацию она не вспоминала. Прожив более 30 лет в Ленинграде, не навещая родную Ладву более 10 лет, она идеализировала быт своей молодости, умело подбирая для этого критерии, персонажей и ироничные фразы. Начало своей общественной деятельности Прасковья Васильевна отсчитывала с осени 1924 г. «До этого я была отсталой крестьянской девушкой. На деревенском собрании, когда передовые женщины села выдвинули мою кандидатуру и спросили мое согласие стать делегаткой, то я в ответ задала два вопроса: можно ли делегатке ходить в церковь и можно ли завтра выписаться из делегаток. Мне ответили, что все можно и тогда я дала согласие». А избранная председателем, Прасковья «не знала, как вести собрание, сидевшие рядом в президиуме женщины мне подсказывали, но я не чувствовала земли под ногами, казалось лечу в воздухе – так я дрожала»⁷. Лишь в 1969 г., вспоминая участниц делегатских собраний, она назвала их «цементом женщин»⁸.

Безусловно, Александру Ивановну интересовала оценка Вархоевой результатов деятельности женских объединений, но на просьбу рассказать о них подробнее Прасковья Васильевна с едва заметным раздражением составила два абзаца сухого текста. Очевидно, что эта общественная сторона имела для нее ценность лишь своими деталями, эпизодами; революционный феминизм в СССР к 1960-м гг. давно потерял свое значение, и реальные результаты деятельности делегатских собраний для Вархоевой стали восприниматься как промежуточные или вовсе ничтожные. Зависимость человеческой памяти от развития нового опыта, новой социальной среды и идей была отмечена как европейскими классиками, так и современными российскими историками⁹.

Благодаря организаторским способностям Прасковья быстро нашла себя в карельском женском движении и в церковь больше не ходила. Знакомство со взрослой бюрократической работой совпало с вхождением в мир мужчин. Ее начальник, председатель волостного кре-

⁶ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 3–4.

⁷ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

⁸ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 84. Л. 13 об.; о делегатских собраниях и значении женского движения см.: Здравомыслова, Темкина 2003: 308; Мирошниченко 2016: 21–22.

⁹ Хальбвакс 2007: 146; Репина 2003: 10–15.

стьянского комитета, пользовался нюхательным табаком и демонстративно чихал в ее присутствии. «Его недоброжелательство мне понятно, – вспоминала П.В. Вархоева. – Малограмотный председатель нуждался не в таком помощнике, а в секретаре, могущем оформить документы, а у меня было лишь одно горячее желание учиться». Лишь на третий день «советский старик» начал объяснять Прасковье смысл ее работы, заслужив упоминание имени «Василий Александрович». Зато о ровесниках-комсомольцах, заходивших к ней после рабочего дня помогать с оформлением бумаг, у Прасковьи остались лишь хорошие воспоминания¹⁰.

Фото 2 – Крестьянка П.В. Вархоева среди депутаток 14 Петрозаводского уездного съезда Советов, 28 декабря 1925 г. (из фондов НА РК)

Однако как личность Прасковья не могла состояться без разностороннего влияния других женщин. Дело было не только в общественной работе, но и в живом человеческом общении. Эпизодические фрагменты проливают свет на путь мемуаристки от диковатой крестьянки (фото 2) до видной общественницы. Так, найдя собеседницу в лице агронома во время санаторного отдыха в 1925/1926 гг. («это была чудесная культурная женщина») и ответив на прощальное «спокойной ночи» своим «спасибо», Прасковья навсегда запомнила, как та «добродушно, с большим тактом сказала: “надо отвечать спокойной ночи”. И так во всем, постепенно расширялся мой кругозор»¹¹.

¹⁰ О первоначальном качестве ее работы говорил случай с оформлением «акта о смерти павшего животного гражданина Иванова», над формулировкой которого смеялся весь отдел: НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 41 об.

¹¹ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 42.

К сюжету об А.Ф. Нуортева П.В. Вархоева обратилась не сразу. Он слушал ее доклад в марте 1925 г., а через два года во время своего выступления на Всекарельском съезде работниц и крестьянок увидел в зале с «мальчишеской» прической и вслух заметил, что «тогда у нее еще были длинные волосы». Именно он летом 1928 г. направил Прасковью в числе четырех активисток на курсы для работниц Советов в Смольный, принимая девушек у себя на квартире перед отъездом. «Он растил актив, как садовник облюбванное деревцо», – писала она во втором письме. В домашнем архиве Вархоевой были телеграмма и три письма от Нуортева, из которых она решила сохранить на память лишь одно.

В сентябре 1935 г. Вархоева по направлению Карельского ЦИКа уехала на учебу в Ленинградский институт советского строительства (будущий юридический факультет СПбГУ), окончила его с отличием и была принята в аспирантуру, специализируясь по гражданскому праву. «В связи с уходом мужчин на фронт» Вархоева уже 30 июня 1941 г. заняла кресло народного судьи Смольнинского района. Она осталась в осажденном Ленинграде, «перенесла систематические бомбежки и артобстрелы, дистрофию, цингу, голодные обмороки и проч. А когда становилось, казалось, невыносимо и комок подходил к горлу, то сознание твердило: отставить товарищ Паша, не время! И комок уходил. Слез не было. А вот когда загремели победные салюты, тогда мы плакали и не стыдились слез своих»¹². Неженское лицо войны очень точно передано в этом письме, к которому для сравнения были приложены фотографии 1941 и 1943 гг., все говорящие без слов. На фотографиях 3 и 4 восторженный взгляд уже немолодой женщины в ярком платье сменился стрессом от военных тягот на лице мерзнувшей от голода женщины.

Фото 3 – Аспирантка П.В. Вархоева. Ленинград, 1941 г.

Фото 4 – Народный судья П.В. Вархоева. Ленинград, март 1943 г.
(из фондов НА РК)

¹² НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 6. По теме см.: Женщина и война 2006.

Мысли о судьбе родственников в Карелии Вархоева гнала прочь. «Я не читала в сводках Совинформбюро о занятии Ладвы и Петрозаводска, хотя и следила за сводками. Мучительные раздумья старалась отгонять надеждой, что возможно нет врага, что может быть там партизанский край, а не оккупация! Ведь она тяжелее любой блокады, даже такой неповторимой как блокада Ленинграда». Допущенное спустя четверть века противопоставление понятий «партизанский край» и «оккупация» позволяет представить, насколько сильно автор гнала от себя трагические мысли. После известия об освобождении «племянница запрыгала, сразу же написала письмо и ответ пришел быстро. Писали старая и малая»¹³. Такая переписка должна была не только закрыть информационный вакуум, но имела важное психологическое значение.

Структура первого письма к А.И. Афанасьевой получилась сложной. С одной стороны, она включала две «волны памяти» с 1914 по 1959 и с 1927 по конец 1950-х гг., различающиеся даже по тону чернил. Причем день приема в партию (1928), оставшийся «в памяти на всю жизнь, как самый светлый день в моей жизни», попал лишь во вторую «волну». Погружая автора в свой мир, пожилая ленинградка пыталась защитить его от незнакомого человека отходом к принятым стереотипам: благодаря за книгу, считала ее хорошим учебным пособием для средней школы; описывая аттестат церковно-приходской школы с портретами всех царей Романовых, рассказывала о тяжелом предреволюционном детстве. Общим знаменателем было следование лозунгам Советской власти: «Можно подумать, зачем я допустила в этом письме столько подробностей. Но это я делаю лишь потому, чтобы напомнить, какую исключительно трудную огромную работу проводила партия и советская власть в деле осуществления лозунга В.И. Ленина “Каждая кухарка должна научиться управлять государством”»¹⁴. Верность идеологическому курсу повышала вероятность публикации малозначительных деталей в воспоминаниях и обосновывала тот «веер микрособытий», происходивших в разноуровневых локусах индивида¹⁵.

Кроме того, важной чертой писем П.В. Вархоевой стало разделение текста на самостоятельные деловую и интимную части. После исторических и личных сюжетов шли прощание и подпись, а на отдельных листах (так же с обращением и подписью) следовали просьба об исправлении пунктуации или описание нелицеприятных деталей в биографиях общих знакомых («а теперь о мелочах жизни»). Связанная с делопроизводством в течение всей своей рабочей биографии, Прасковья Васильевна понимала, что ее письма будут сохраняться историком, и давала возможность не хранить второстепенную информацию.

А.И. Афанасьева обрабатывала ленинградские письма несколько месяцев. Кроме машинописных копий ею был сделан машинописный

¹³ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 43.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 9.

¹⁵ Репина 2020: 36.

вариант текста для возможной публикации; он был скомпонован из двух писем П.В. Вархоевой и лишен необходимых для эпистолярного жанра комплиментов (опубликованный в 1976 г. с изменениями авторского текста¹⁶, он передавал фактический материал, но стирал ряд особенностей меморизации сюжетов полувековой давности). Можно предположить, что во время работы с источником Александру Ивановну беспокоил и другой вопрос – год отъезда Вархоевой из Петрозаводска (1935) был началом широкомасштабной кампании против «буржуазного национализма» руководства Карелии, закончившейся гибелью председателя Совнаркома АК ССР Э. Гюллинга, первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Г. Ровио и других «красных финнов»¹⁷. В этом контексте тема о скончавшемся в 1929 г. А.Ф. Нуортева была относительно безопасной; Прасковья Васильевна обещала рассказать «остальное при личной встрече», но это вряд ли было нужно историку-архивисту при подготовке сборника.

А.И. Афанасьева изначально собирала «несерьезные» сюжеты про установление Советской власти и культурные преобразования в Карелии, подозревая в них дополнительный потенциал для исследований. Понимая, что юмор в научных работах (тем более посвященных социалистическим преобразованиям) должен быть дозирован, она до последнего момента подвергала свои тексты мощной самоцензуре. «М. б. не надо публиковать?» – такие ремарки можно встретить даже на прошедших обсуждение машинописных вариантах будущих публикаций. Выходец из крестьянской семьи Прасковья Вархоева быстро почувствовала внутреннюю неуверенность своего адресата, от которого зависела судьба заинтересовавших ее публикаций. Так или иначе, в их дальнейшей переписке прослеживается несколько путей воздействия опытной партийной активистки на терзаемого сомнениями историка. Четвертьвековая разница в возрасте давала Вархоевой весомое преимущество.

Во-первых, нужно было укрепить канал связи. Вархоева неоднократно просила «своего» историка отправлять ей заказные письма, так как в ее доме корреспонденция пропадала. Видимо просьба не соблюдалась, и Прасковья Васильевна за время переписки назвала еще два ленинградских адреса, куда можно было отправлять письма в зависимости от статуса корреспонденции и нахождения адресата в больнице. Кроме того, бывшая судебная служащая соблюдала высокую культуру письма, демонстрируя свой контроль за процессом: в случае, если ответы из Петрозаводска сильно задерживались, ветеран партии просила «не отказать в любезности» (!) сообщить хотя бы о получении письма и в даль-

¹⁶ Вархоева П.В. Незабываемые годы // На фронте мирного труда: Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии, 1920–1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 220–226.

¹⁷ Возможно, Александру Ивановну настораживала и судебная деятельность адресата. Так, ленинградская общественность помнила П.В. Вархоеву как судью на сфабрикованном процессе против А.И. Маринеско в 1949 г., по которому будущий Герой Советского Союза получил три года лишения свободы.

нейшем перечисляла все свои отправления, оставленные без ответа. Понимая, что в отсутствии корреспонденции может быть виновата почта, она не укоряла Александру Ивановну в невнимании, но раз в месяц напоминала ей о неотвеченных письмах. В контактах также могли участвовать петрозаводская племянница П.В. Вархоевой и сыновья А.И. Афанасьевой, о телефонных переговорах информации нет. Личную встречу Прасковья Васильевна предпочитала в Ленинграде, а на предложение петрозаводчанки «если у Вас будет твердое намерение побывать в Карелии» с иронией парировала – «Ах, это “если” у пожилых людей!»¹⁸.

Во-вторых, Вархоева активно взялась за расширение круга персонажей изучаемых событий. Высланными фотографиями и упоминаниями в письмах она сохранила образ своей подруги В.Г. Корнышевой – первого «женорганизатора» Ладвы, погибшей при эвакуации из Петрозаводска в 1941 г. Но ее целью было расширение источниковой базы за счет еще живых свидетелей прошлого. В своих письмах она рекомендовала связаться с другими активистами 1920-х гг. – А.Н. Меркуловым, Е.А. Голенищевой, Н.Н. Демехиным, обменялась с Афанасьевой газетными вырезками и затем интересовалась, удалось ли ей выйти с ними на связь. В этой манипуляции Прасковьи Васильевны показателен перенос ею акцентов с себя на других людей – рубеж, означающий понимание собственной исчерпанности как источника свежей информации при внутренней потребности в сохранении переписки. П.В. Вархоева меняет амплуа: из первоисточника она стремится превратиться в своеобразного регулировщика информации личного происхождения. А.И. Афанасьева советы принимала, но результата видно не было – именные указатели издаваемых карельскими историками книг не содержали нужных Вархоевой фамилий, зато сама она упоминалась в публикациях Афанасьевой трижды (в том числе под именем «Параскева»).

Наконец, ленинградского адресата беспокоил статус петрозаводской исследовательницы. П.В. Вархоева не единожды намекала Александре Ивановне о необходимости защиты докторской диссертации, умудряясь соединять это с другими линиями сюжета. «А в Ленинград Вас, Александра Ивановна, возможно “пригонит” лишь докторская диссертация», – иронизировала она в 1975 г., попутно увязывая переход А.И. Афанасьевой на работу в университет с ее написанием¹⁹.

Изменяя спектр от полуделового до личного, переписка между двумя женщинами длилась десять лет и сохранилась не полностью. «Я писала только благодаря такому “толкачу”, как Вы, – дрожащими пальцами признавалась Вархоева в 1977 г. – И хотя на Ваши просьбы я откликнулась охотно, но писала только для Вас, для Института». «Я когда пло-

¹⁸ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 83. Л. 13.

¹⁹ А.И. Афанасьева станет доктором исторических наук лишь в 1990 г. Отсутствие карьерных амбиций и несогласие с рядом принятых в науке стереотипов (например, с термином «культурная революция» применительно к Карелии) оттянуло этот момент до периода «перестройки».

хо себя чувствую, то всегда думаю неужели мы так и не увидимся?» Словно отвечая на немой вопрос о сущности десятилетних отношений, она характеризовала себя и Афанасьеву как «единомышленников в понимании исторического процесса первых десятилетий Советской власти»²⁰. Но к концу 1970-х гг. их отношения явно не ограничивались перепиской: Прасковья Васильевна благодарила за бруснику, с намеком жалуясь на нехватку кофе в ленинградских магазинах, а взамен предлагала килограмм зерна и «безвредное лекарство» от какого-то недуга. Обмениваться предлагалось с помощью сыновей Александры Ивановны, которым описывалось количество остановок от метро и особенности ленинградской жилой планировки. «Мне очень понравились Ваши сынки», – закончила П.В. Вархоева свое последнее письмо в мае 1978 г.²¹

***

Гендерный аспект писем П.В. Вархоевой проявляется с нескольких сторон. Во-первых, это подчеркивание «женского» в общественном движении 1920-х гг., что было обусловлено исторической обстановкой. Во-вторых, акцентирование возраста окружающих ее лиц; в этом отношении особо показателен термин «советский старик»: в мужском обществе советских «товарищей» это не было принято, использовалось лишь негативное понятие «бородач» (противник социалистических преобразований в деревне). В-третьих, это принятие условных «мужских» ролей в разных ситуациях. Известно, что официальное обращение «товарищ» существенно корректировало в сторону маскулинности провозглашенное в СССР равенство мужчин и женщин. Письма Вархоевой показывают, что данная тенденция охватила не все общество и в женском кругу имела место лишь на определенном возрастном и карьерном уровнях, сильнее проявляясь в критических ситуациях («товарищ Паша»). В мужском обществе все было однообразнее, и друзья по рабфаку в послевоенный период вспоминали о П.В. Вархоевой не иначе как «а где наш партийный вождь?» При этом характеристика однокурсницы эпитетом мужского рода воспринималось в мужском обществе как похвала.

Анализируемым текстам присущи такие считавшиеся стереотипными в XX в. черты «женской исповеди», как отсутствие линейного повествования, эпизодность, использование внелитературных форм, а также разделение приватной и общественной сфер жизни с акцентированием на частном и повседневном²². Сейчас многие звенья этого ряда можно было бы поставить под сомнение, тем более что в советских воспоминаниях о 1920-х гг. именно общественно-политическая сфера выходит на первый план и служит поводом к созданию самих мемуаров. При этом представитель «цемента женщин», видимо, не смогла в дальней-

²⁰ НА РК. Ф. Р-3753. Оп. 1. Д. 84. Л. 17.

²¹ Старший сын А.И. Афанасьевой Сергей Спиридонов стал известным карельским журналистом, продюсером, членом Академии Российского телевидения; младший Андрей – археологом, дипломатом, кандидатом исторических наук.

²² Рюткенен 2000: 13.

шем соблности баланс между личной и общественной жизнью: из членов семьи ею упоминается только проживавшая отдельно племянница.

Для изучения нелинейного повествования (как якобы особенности женского нарратива) интересным является добавление Вархоевой положительных эмоций (например, о дне приема в партию) именно во вторую «волну» своих воспоминаний. Со второй попытки приписывая событиям прошлого, по Хальбваксу, «обаяние, которым не обладала реальность»²³, автор не только подчинялся общественным стереотипам, но и с небольшим опозданием прощал прошлое за перенесенные тяготы. Насколько в этом «прощении» были сильны общественные стереотипы, можно судить по полному отсутствию упоминаний о Гражданской войне и коллективизации, которые Вархоева, несомненно, застала в Карелии.

Несколько особенностей переписки вряд ли можно отнести к гендерным различиям. В частности, это эмоциональность и предпочтение частных деталей крупным сюжетам, которые угадываются косвенно – по совпадению дат, присылаемым фотографиям, упоминаемым персонажам (исключение составляет Блокада, о которой А.И. Афанасьева адресата не спрашивала, но которая осталась в памяти П.В. Вархоевой как идентификатор ее профессионализма, патриотизма и морального права называться ленинградкой). Кроме того, к негендерным аспектам можно отнести приверженность к стереотипным политическим лозунгам, полемичность изложения и (в данном случае) отсутствие цифровых данных, которые не могут служить основанием для выводов о женском автобиографическом нарративе. Немногочисленные попытки авторов приписать мужскому нарративу исключительную способность к оперированию цифрами игнорируют либо источниковую базу мемуаров, либо индивидуальные особенности человеческой памяти.

Каждая эпоха диктует свое восприятие «мужского» и «женского», требуя контекстуализации. По утверждению Деборы Том, гендерная история ставит под вопрос свои категории и проверяет, насколько глубоко в исторических записях можно различить стереотипы мужского или женского поведения²⁴. Так, указанные выше черты слабо стыкуются с особенностями, акцентированными в известной статье Н.Л. Пушкиревой (больше внимание к семейным сюжетам и меньшая индивидуализированность собственного «я» в женских автобиографиях)²⁵, однако разгадка скрывается в отмеченном ею же восприятии собеседника: образ самой А.И. Афанасьевой эволюционирует от формального редактора сборника документов до женщины, хорошо знакомой с историческим материалом и проявившей к мемуаристке искренний интерес. П.В. Вархоева перестала тревожить свою память и перешла к описанию современных деталей ее личной жизни. В случае сохранения психологической дистанции историку вряд ли удалось бы получить больше

²³ Хальбвакс 2007: 151.

²⁴ Thom 2008: 8.

²⁵ Пушкирева 2019б: 214.

информации: сухие ответы ленинградки четко обозначили пределы, внутри которых она готова была делиться воспоминаниями.

Важная особенность женской переписки 1960–1970-х гг. – отсутствие упоминаний о феминистских тенденциях, отмеченных в публикациях о межвоенном времени (напр. И.Р. Чикаловой, Ю.В. Градсковой, Г.Г. Карповой, Е.О. Ярской-Смирновой и др.²⁶). П.В. Вархоева находилась в гуще этих процессов, однако с одной стороны, за послевоенные десятилетия произошла переоценка ценностей и автору писем не хотелось разминаться со временем, с другой – она могла не видеть смысла объяснять историку очевидные вещи. Так или иначе, «товарищ Паша» целенаправленно избегала прямых высказываний о социально-политической стороне феминизма, показывая его реализацию на бытовых примерах. В ее письмах нет и описания этакратических нюансов советской политики, что свидетельствует о большой степени адаптации к ним.

Анализируемые сюжеты переписки позволяют по-своему взглянуть на извечную тему гендерных исследований – соотношение прав мужчин и женщин. Эмансипация женщин в ходе и после революции 1917 г. была частью государственной политики, и П.В. Вархоева могла бы сильно удивиться предмету современных дискуссий историков о реальности «эмансипации» ввиду активного приобщения женщин к труду²⁷. При этом в вопросах власти «плоды прогресса» между мужчинами и женщинами действительно распределялись неравномерно (хотя бы в силу бытовой занятости женщин), а в кризисных ситуациях статус женщин резко возрастал²⁸ (например, в связи с уходом мужчин на фронт).

Наконец, сюжеты переписки полностью подтверждают принятую периодизацию политических представлений о роли женщины в обществе: 1920-е гг. – социальный эксперимент, связанный с реформированием семьи, быта и включением женщин в общественную жизнь, 1930–1950-е гг. – трудовая мобилизация женщин, 1960–1970-е гг. – акцентирование образа «работающая мать»²⁹. Беспокойство о детях А.И. Афанасьевой и о ней самой – по сути единственный сюжет о 1960–1970-х гг. в письмах П.В. Вархоевой, о собственных детях которой сведений нет.

Таким образом, анализ конкретно-исторической ситуации на материале небольших эгодокументов позволяет выявить детали гендерной политики в СССР и проверить на прочность ряд теоретических научных положений. Ленинградский судья с двадцатилетним стажем службы и статусом блокадницы вряд ли соответствует стереотипным представлениям о «маленьком человеке» в СССР; это позволяет историку вырабатывать медианную позицию, отходя от поверхностного освещения позиции «молчаливого большинства» и лозунгов элиты, стремившейся формировать политическую линию в гендерном вопросе.

²⁶ Женщины в истории 2002: 241–289.

²⁷ Studer 2015: 126–137.

²⁸ Репина 2002: 26.

²⁹ Женщины в истории 2002; Мирошниченко 2015: 39; 2016: 21; Здравомыслова, Темкина 2003: 304.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афанасьев А.С., Бреева Т.Н. Гендерный аспект изучения литературы: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 96 с. [Afanas'ev A.S., Breeva T.N. Gendernyj aspekt izucheniya literatury: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 96 p.]
- Белова А.В. Память и забвение в женском автобиографическом нарративе // Личное есть историческое 2.0: Сб. статей к 65-летию профессора Т.Г. Леонтьевой. Тверь: ТГУ, 2022. С. 62–70. [Belova A.V. Pamyat' i zabvenie v zhenskom avtobiograficheskom narrative // Lichnoe est' istoricheskoe 2.0: Sb. statej k 65-letiyu professora T.G. Leont'evoj. Tver': TGU, 2022. PP. 62–70].
- Воробьева С.Ю. Проблема «Женского письма» в контексте теории дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1. С. 180–187. [Vorob'eva S.Yu. Problema «Zhenskogo pis'ma» v kontekste teorii diskursa // Vestnik VolGU. Seriya 2: Zazykoznanie. 2013. № 1. PP. 180–187].
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3–4. С. 299–321. [Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2003. T. 1. № 3–4. PP. 299–321].
- Женщина и война: о роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1945 гг.: Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 313 с. [Zhenshchina i vojna: o roli zhenshchin v oborone Leningrada. 1941–1945 gg.: Sb. statej. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2006. 313 p.]
- Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. научных ст. / Гл. ред. И.Р. Чикалова. Вып. 2. Минск: БГРУ им. М. Танка, 2002. 312 с. [Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi / Gl. red. I.R. Chikalova. V. 2. Minsk: BGRU im. M. Tanka, 2002. 312 p.]
- Мирошниченко М.И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 35–42. [Miroshnichenko M.I. Soderzhanie pervoj sovetskoj gendernoj modeli v 1920-e gg. // Vestnik YUUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2015. № 1. PP. 35–42].
- Мирошниченко М.И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 21–26. [Miroshnichenko M.I. Razvitie pervoj sovetskoj gendernoj modeli v pervoj polovine 1930-h gg. // Vestnik YUUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2016. № 1. PP. 21–26].
- Пушкарева Н.Л. Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 161–180. [Pushkareva N.L. Publichnoe vtorzhenie v chastnyu zhizn' (evristicheskaya cennost' ustnyh i pis'mennyh ego-dokumentov dlya gendernoj istorii) // Zapad – Vostok. 2018. № 11. PP. 161–180].
- Пушкарева Н.Л. Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 206–213. [Pushkareva N.L. Osobennosti pamyati o zhenskom social'nom proshlom i trud istorika // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2019. T. 18, № 2. PP. 206–213].
- Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. История России. 2019. № 2. С. 214–245. [Pushkaryova N.L. Evristicheskaya cennost' avtobiografij dlya genderologa: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Vestnik RUDN. Istoriya Rossii. 2019. № 2. PP. 214–245].
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Москва: РОССПЭН, 2002. 352 с. [Repina L.P. Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropejskogo proshlogo. Moskva: ROSSPEN, 2002. 352 p.]
- Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. Москва: Круть, 2003. С. 9–18. [Repina L.P. Obrazy proshlogo v pamyati i istorii // Obrazy proshlogo i kolektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni. Moskva: Krug, 2003. PP. 9–18].
- Репина Л.П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.

2020. Т. 20, № 1. С. 34–40. [Repina L.P. Pamyat' o sobytiyah v izmereniyah prostranstva i vremeni // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. Т. 20, № 1. PP. 34–40].
- Рюткенен М. Гендер и литература: Проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–17. [Ryutkenen M. Gender i literatura: Problema «zhenskogo pis'ma» i «zhenskogo chteniya» // Filologicheskie nauki. 2000. № 3. PP. 5–17].
- Филимончик С.Н. Вклад А.И. Афанасьевой в развитие исторической науки Карелии // Балагуровские чтения: Материалы X-й Межрегиональной конференции. Беломорск, 22 октября 2021 г. Беломорск, 2022. С. 5–15. [Filimonchik S.N. Vklad A.I. Afanas'evoy v razvitiye istoricheskoy nauki Karelii // Balagurovskie chteniya: Materialy X Mezhregional'noj konferencii. Belomorsk, 2022. PP. 5–15].
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. 348 с. [Halbwachs M. Social'nye ramki pamyati. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p.]
- Strazzeri Victor. Beyond the Double Blind Spot: Relocating Communist Women as Transgressive Subjects in Contemporary Historiography // Gender & History. December 2022. PP. 1–20. DOI: 10.1111/1468-0424.12675.
- Studer Brigitte. Communism and feminism // Clío: Women, Gender, History. 2015. V. 41. PP. 126–139. DOI: 10.4000/cliowgh.924.
- Thom Deborah. What Happened to Gender and History? // Revue Française de Civilisation Britannique. 2008. XIV–4. DOI: <https://doi.org/10.4000/rfcb.5978>.

Савицкий Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет; sawiz@onego.ru

They Took Us Seriously Then: Image of A Woman of the First Half of the 20th Century in Letters Between A. Afanasyeva and P. Varkhovea

The article analyzes the letters of a Leningrad pensioner Praskovya Vasilyevna Varkhovea from the private archive of a Petrozavodsk historian Alexandra Ivanovna Afanasyeva. The specificity of the text enables to use the gender approach for examining a woman's view of the regional public life in the 1920–40s. The aim of the research was to study a woman's perception of the internal relations in the administrative apparatus during the first post-Revolution decades. As a prominent public activist Praskovya Varkhovea interacted with the authorities of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic and the administration of her village, gradually combining her memories into a single narrative. The memorialization of her young years in Karelia and her survival during the Leningrad Siege eventually crystallized the optimistic life stories enriched with the author's reflection. Of special interest are also the communicative aspects of the studied epistolary relationship, namely the means used by the memoirist to exert some influence on the researcher. Using Varkhovea's letters for analyzing the specific historical situation helps to reveal clear age and gender distinctions in the relations between people in the 1920s, to trace the elements of ironic reflection in the memoirist's perception of herself and people around her, and to identify her ways of protection against the negative memories of the early 1940s. The conducted research also confirms a number of concepts concerning the women's memorialization practices and how they were influenced by the USSR's gender policy.

Keywords: *gender history, letters collection, personal correspondence, egodocuments, women activists' assemblies, Siege of Leningrad.*

Ivan V. Savitsky, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University; sawiz@onego.ru

АМЕРИКА КАК ПАСТОРАЛЬ И / ИЛИ ВАРВАРСКАЯ ОКРАИНА В ДВУХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАВЕЛОГАХ XVIII ВЕКА

Соединенные Штаты на этапе становления своей государственности вызывали острый интерес европейских современников. Создаваемые ими образы заокеанской республики, как правило, формировали идеализирующий и негативизирующий дискурс в отношении США. В статье анализируются яркие примеры европейского восприятия ранней Америки: «Дневник благородной дамы» Дженет Шоу и «Новое путешествие по Соединенным Штатам» Жак-Пьера Бриссо.

Ключевые слова: имагология, образ Другого, травелоги, Американская революция, Дженет Шоу, Жак-Пьер Бриссо.

Травелогографические исследования являются одним из актуальных направлений современной исторической науки в рамках «пространственного поворота», представляющего мир как пространство взаимодействия в контексте исторического времени¹. Не менее востребованы исследования инокультурных образов, восприятий, стереотипов, которыми занимается имагология. Данная статья написана на стыке травелографии и имагологии и посвящена образам Америки в двух европейских травелогах последней четверти XVIII в. Первый анализируемый текст – «Дневник благородной дамы», написанный шотландкой Дженет Шоу. Второй – «Новое путешествие в Соединенные Штаты Северной Америки» – принадлежит перу известного политического деятеля, лидера Жиронды Жак-Пьера Бриссо (1754–1793). Эти тексты интересны своим контрастом. Авторы наблюдают Американскую революцию на разных ее стадиях, их идеологические установки противоположны, что, разумеется, влияет на восприятие. Ни один из этих травелогов ранее в российской историографии не анализировался. Представляется, что их изучение может способствовать раскрытию новых граней проблематики «культурной идентичности» и «образа Другого».

Травелоги Дженет Шоу и Ж.П. Бриссо в равной мере считаются ценными источниками по ранней истории США. В этом качестве они часто используются в трудах исследователей. В то же время сами эти тексты относительно мало изучены. «Дневник благородной дамы» привлекал внимание историков в основном в общем контексте изучения шотландской дневниковой прозы или творчества шотландских писателей². Кроме того, предметом исследования был колониальный дискурс в описаниях Вест-Индии, вышедших из-под пера Дженет Шоу; ее отношение к расовой проблеме в Вест-Индии и Северной Америке; ее наблюдения над трансатлантическими миграционными процессами³.

---

¹ Репина 2019.

² Напр.: Edwards 2004; McMillan 2020: 119–124; Van Netten Blimke 2022.

³ Bohls 1995: 46–65; Bohls 1994: 363–390; Bannet 2006: 137–157.

Биографы Бриссо не уделяли особенного внимания американскому эпизоду его жизни. В знаменитой «Истории жирондистов» А. де Ламартина об этом вообще ничего не говорится⁴. Самый ранний анализ «Нового путешествия», видимо, содержится в биографии, написанной Элоизой Эллери, которая считала, что пребывание в Америке оказало на Бриссо решающее влияние, а его политика в годы Французской революции имела целью воспроизвести американский образец во Франции⁵. Леонора Лофт приходит к выводу, что США имели для Бриссо двойную ценность: как пример республики, не связанной ограничениями размера, на которых настаивал Монтескье, и как образец демократии, где пресса играет ключевую роль в просвещении граждан. В целом, Леонора Лофт описывает восприятие США Жак-Пьером Бриссо как «либертарианскую утопию», что верно, но несколько односторонне⁶. Николь Аронсон сравнивала американский вояж Бриссо с поездкой убежденного марксиста в Советский Союз и описывала его видение Америки как «рай добродетели и свободы». Самого Бриссо она считала «доктринером, полным энтузиазма и иллюзий»⁷, хотя ранняя биография Бриссо не дает оснований считать его наивным энтузиастом, да и цели его поездки в Америку не были только идеологическими. Из более частных вопросов исследуются антирабовладельческие аспекты «Нового путешествия»⁸, а также деловые связи Бриссо с Клавьером и другими влиятельными финансистами⁹. Но имагологического анализа «Нового путешествия» не существует.

Данная статья ставит целью восполнить существующий пробел и проанализировать образы Америки во время становления ее государственности, складывавшиеся в двух примечательных травелогах европейского происхождения. Предполагается раскрыть текстологическую историю обоих текстов, их место в биографии авторов, а также провести их компаративный анализ. Основными источниками стали сами исследуемые травелоги¹⁰, но также привлечены в качестве дополнительных: ранняя работа Бриссо, посвященная первой конституции Пенсильвании; дебаты в Законодательном собрании 1791 г., напечатанные в официальной газете «*Moniteur universel*»¹¹. Это дает возможность констатировать устойчивый интерес Бриссо к американской тематике.

Для исследования созданных Дженет Шоу и Ж.П. Бриссо инокультурных образов используются методологические подходы исторической имагологии, предполагающие выявление и анализ общих представлений, в рамках которых два европейских автора воспринимают американского Другого. Выявляются основные элементы образа Америки, ко-

⁴ Lamartine 1847: t. 1.

⁵ Ellery 1915: 59–89.

⁶ Loft 2002: xx, 13.

⁷ Aronson 1976: 960.

⁸ Rossignol 2010: 139–156.

⁹ Jourdan 2012: 360–381.

¹⁰ Schaw 1921; Brissot 1791.

¹¹ Brissot 1948: 25–43; Réimpression 1800–1845.

торые стереотипизируются в рассматриваемых текстах: эгалитаризм, неосвоенность, наличие/отсутствие политической свободы и т.п.

О личности и биографии Дженет Шоу известно мало. Она родилась в окрестностях Эдинбурга в 1730-х гг., в 1774–1775 гг. сопровождала своего брата Александра в путешествии в Вест-Индию и Северную Каролину, где он надеялся сделать карьеру и обзавестись плантацией, но политическая обстановка не благоприятствовала этим планам. Брат и сестра Шоу прибыли в Северную Каролину в феврале 1775 г., буквально накануне Войны за независимость. Военные действия с апреля того же года происходили главным образом на территории Новой Англии, но антианглийское движение развивалось и в Северной Каролине, и мисс Шоу, равно как и тем лоялистским семьям, с которыми она общалась, становилось психологически некомфортно. Существовала также опасность репрессий со стороны американских патриотов. Осенью 1775 г. Дженет покинула Америку и через Португалию вернулась в Эдинбург. О ее дальнейшей жизни нет почти никакой информации.

Травелог Дженет Шоу публиковался при ее жизни. Текст рукописи был случайно обнаружен в Британском музее и впервые опубликован в 1921 г. Йельским университетом. После этого вышло несколько переизданий; последнее по времени имело место в 2022 г.

Бриссо ко времени поездки в США успел заработать репутацию оппозиционного памфлетиста и даже отсидеть в Бастилии за вольнодумные публикации¹². Еще до путешествия Бриссо в своем кругу пользовался репутацией знатока американских дел¹³. Он пробыл в Америке с июля по декабрь 1788 г. и, таким образом, наблюдал финальную стадию Американской революции, когда Соединенные Штаты, благодаря принятию новой Конституции создали у себя стабильную федерацию.

Заявленные цели его путешествия были политическими. В частности, предполагалось изучить «воздействие свободы на развитие человека, общества и правительства»¹⁴. Но была и более прагматичная задача. Бриссо должен был оценить возможности спекуляции ценными бумагами США и земельными участками на Западе. В этих видах Э. Клавьер и еще четверо французских и американских банкиров решили профинансировать путешествие Бриссо¹⁵. Как и мисс Шоу, Бриссо планировал переселиться в Америку и даже делился этими планами с Т. Джефферсоном¹⁶. Как и мисс Шоу, он вынужден был прервать свое путешествие раньше, чем планировал. Из текста «Нового путешествия» следует, что

¹² В то же время его преследовали слухи, что на самом деле он работает на полицию: Марат 1956: т. 3: 74; Dartton 1968: 301–327. Ламартин называет его «одним из продажных талантов, пишущих для того, кто платит» (Lamartine 1847: v. 1: 236–237).

¹³ Moore 1962: 103.

¹⁴ Brissot 1791: vol. 1: 4.

¹⁵ Oliver 2016: 18. Этьен Клавьер – финансист и политик; в период пребывания Жиронды у власти был министром финансов.

¹⁶ Jefferson 1950–2022: vol. 14: 530.

это произошло в связи с известиями из Франции осенью 1788 г.¹⁷ Бриссо не сообщал, какие именно новости он получил. Анни Журдан предполагает, что это была новость о созыве Генеральных Штатов, но скорее всего, ошибочно¹⁸. Эдикт о созыве Генеральных Штатов вышел 24 января 1789 г. Так что, вероятно, это были сообщения о конфликте короля с Парижским парламентом, начавшемся в августе 1788 г. В отличие от Дженет Шоу, которая вела дневник для себя и своих друзей, профессиональный журналист Бриссо изначально планировал публикацию, которая и вышла в 1791 г. В своей книге он старался ответить на вопросы, намеченные Клавьером, но писал и о том, что интересовало его самого.

Начнем анализ двух травелогов с их литературной подосновы. Несмотря на различие позиций в политике, и мисс Шоу, и Бриссо сформировались в интеллектуальной атмосфере Просвещения, соответственно, в его шотландском и французском варианте. Также на обоих повлияло актуальное литературное направление – сентиментализм. Недаром Линда ван Неттен-Блимке определяет Дженет Шоу как «сентиментальную империалистку»¹⁹. Источником вдохновения для «Дневника благородной дамы», видимо, стало знаменитое «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна. Литературоведы подчеркивают: Стерн ставит на первый план не описание нравов, обычаев, природы и т.п., но отношение путешественника к увиденному²⁰. Мисс Шоу следовала той же модели. Подробные описания в ее дневнике неизменно сопровождаются внутренней позицией путешественницы, снабжены эмоциональной окраской. Можно предположить также, что популярные произведения С. Ричардсона определили выбор формы «Дневника»: подражая роману в письмах, Дженет Шоу использовала квази-эпистолярную форму, которую, впрочем, не выдерживала. Ее обращения к неизвестной подружке в начале каждой записи – скорее всего такая же условность, как обращение к «дорогому дневнику» в дневниковой прозе современных американок.

Как и Дженет Шоу, Бриссо выбрал эпистолярную форму, и у него эта форма также условна. Скорее это была серия очерков, к тому же автор их дорабатывал, готовя к публикации в 1791 г. Как и Дженет Шоу, Бриссо создавал свое «сентиментальное путешествие», хотя его сентиментализм восходит скорее к Ж.Ж. Руссо, чем к Стерну. Как опытный публицист, он хорошо знал, чего именно ждет от него публика, и не стеснялся прибегать к стилизации под руссоистские описания Швейцарии даже там, где для этого вроде бы не было материала. Например, он совершенно явно описывал быт Вашингтона в Маунт-Верноне более скромным, чем он был на самом деле.

Оба автора начинали повествование описанием отплытия, но положение их было различно, как и отношение к происходящему. Дженет

¹⁷ Brissot 1791: vol. 2: 294.

¹⁸ Jourdan 2012: 371.

¹⁹ Van Netten Blimke 2022: Chapter 2.

²⁰ Набилкина 2013: 125.

Шоу, расставаясь, как она думала, навсегда с друзьями и родными в Шотландии, оплакивала эту разлуку²¹. Бриссо отплевывал с совершенно иным настроением; абсолютистская Франция в его глазах не стоила сожалений. Он обращался к Клавьеру, своему условному адресату: «И вот, мой дорогой друг, я на берегу океана, я вижу судно, которое унесет меня от моей родины. Я покидаю ее без сожаления, ибо раздирающий ее министерский деспотизм позволяет мне видеть в грядущем лишь ужасные бури, рабство и войну. Да пощадят несчастья, грозящие сему прекрасному краю, всё, что я оставляю здесь драгоценного моему сердцу!»²²

Разными оказались и их первые впечатления от Америки. Для Дженет Шоу первый увиденный ею американский пейзаж – устье реки Кейп-Фир в Северной Каролине – «унылый», «бесплодный», «печальный»²³. Бриссо, со своей стороны, прибыв в Бостон, увидел воплощенную мечту. Он делился с Клавьером: «С какой радостью, мой добрый друг, я спрыгнул на эту землю свободы!»²⁴

Интересно, что вдали от своей страны менялась самоидентификация обоих путешественников. Британия XVIII в. была, по словам Джонатана Свифта, подобна «кораблю с двойным днищем», и основа этого дуализма была заложена унией²⁵. Шотландия не всегда готова была смириться с условиями союза с Англией. Однако Лоулэнд, где жила мисс Шоу, к концу века оказался в значительной степени англоязычен. Дженет Шоу гордилась своим происхождением и полемически заявляла: «Напрасно будут мне говорить о более прекрасных климатах, о более богатых почвах, ничто никогда не сравнится с Шотландией»²⁶. В то же время, что вполне ожидаемо, оказавшись в Новом Свете, она ощущала себя в большей степени британкой, нежели шотландкой. Имперская идентичность возобладала над региональной.

Для Франции Старого порядка региональная идентичность также имела огромное значение. Диалекты-патуа были едва ли не более распространены, чем общенациональный язык. Однако Бриссо, тринадцатый сын шартрского трактирщика, видимо, расстался со своим региональным самосознанием еще в юности, перебравшись в Париж. В Новом Свете он прибег к еще более широкой самоидентификации и определял себя как европейца.

Не менее важна социальная самоидентификация. Дженет Шоу позиционировала себя как «благородную даму» (lady of quality). Это понятие из XVII века подразумевало даму, которая наделена изящной внешностью, манерами, утонченной культурой. Бриссо в своем травелогe использовал термин *qualité* лишь в ироническом ключе. Так, в одном из

²¹ Schaw 1921: 21.

²² Brissot 1791: vol. 1: 61.

²³ Schaw 1921: 141.

²⁴ Brissot 1791: vol. 1: 110.

²⁵ Апрыщенко 2016: 423.

²⁶ Schaw 1921: 42.

эпизодов встречается «...некий французский путешественник, которого я подозреваю в «благородстве» (*que je soupçonne de qualité*), по его презрению к *канальям*»²⁷. В то же время приставка *de Warville*, которую Бриссо добавил к своей скромной фамилии, предполагала, что и он был не чужд попыток репрезентировать себя на социальной лестнице выше, чем был в действительности.

Для обоих авторов характерна типично просвещенческая шкала развития человечества от дикости к цивилизации. Для Дженет Шоу воображаемым центром, откуда исходит цивилизация, был Лондон. Прочие регионы империи заведомо ближе к дикости. Даже на пространстве Британских островов нет культурной однородности. Лоуленд Шотландии – место вполне «цивилизованное», что, в сущности, означает: англоязычное. Америка, напротив, – олицетворение «дикости», которая в «Дневнике благородной дамы» передается прежде всего через пейзаж. Это четко прослеживается в описании прибытия в устье реки Кейп-Фир: «Наконец передо мной Америка – унылая пустошь, бесплодные белые пески и печальные, клонящиеся сосны. На протяжении многих миль ни одного приветливого коттеджа, чтобы усладить взор. Все кажется мрачным, диким и пустынным. И ради этого было истрачено столько денег, пролиты потоки британской крови? О милая страна, как дорого ты купила это обиталище медведей и волков!»²⁸. С самого начала намечаются несколько тем, которые будут развиваться в «Дневнике» при описании Америки: пустынность, неосвоенность, дикость. Америка предстает как населенная не людьми, а хищными животными. В дальнейшем этот мотив будет подхвачен при описании северокаролинцев. Их дегуманизация, бестиализация весьма характерны для мисс Шоу. В отличие от многих просвещенческих дискурсов, в рамках которых близость к природе оценивалась сугубо позитивно, здесь, напротив, Англия изображается как «земной рай», но не Америка²⁹. Характерен один бытовой эпизод, включенный в «Дневник благородной дамы». Мисс Шоу решила пойти на бал в Уилмингтоне (Северная Каролина) в модной шелковой обуви на красных каблучках и потом изливала досаду: «Достаточно сказать, что бал у нас был, были платья, танцы и церемонии, достаточно смехотворные. Но смешнее всего была я сама. Разодетая на британский манер, с высоко поднятой головой и в фижмах, я тащилась по немощеным улицам в вышитых туфельках»³⁰. Комический эффект должен создаваться контрастом между самой рассказчицей как воплощением британскости и «варварским» американским окружением.

Бриссо также противопоставлял Америку европейской цивилизованности. Как и Дженет Шоу, он отмечал пустынность и неосвоенность просторов Нового Света: «Бросив взгляд на большую карту Новой Ан-

²⁷ Brissot 1791: vol. 2: 194; курсив Бриссо.

²⁸ Schaw 1921: 141.

²⁹ Schaw 1921: 149.

³⁰ Schaw 1921: 154.

глии... вы увидите огромные просторы на севере Массачусетса, между Нью-Гэмпширом и новым штатом Вермонт; они разделены на пронумерованные квадраты. Там даже отмечено положение будущих городов. Когда их возведут? Не знаю. Можно верить даже, что этот обширный край никогда не будет заселен»³¹. Но, в отличие от Дженет Шоу, Бриссо прибегал к эстетизации американского ландшафта. Здесь особенно четко прослеживаются параллели между его описаниями и «Новой Элоизой» Руссо. Так, Бриссо описывал пейзаж Новой Англии, подчеркивая «...постоянный контраст дикой природы и искусства, ее смиряющего. Эти обширные пруды, теряющиеся посреди чащи; ручьи, орошающие луга, только что вырванные у невозделанной природы; прелестные домики в лесах»³². Ср. у Руссо: «Случалось, из темного ущелья я вдруг выходил на прелестный луг, радовавший взоры. Удивительное смешение дикой природы с природой возделанной свидетельствовало о трудах человека там, куда, казалось бы, ему никогда не проникнуть»³³.

Он постоянно и во всем подчеркивал неевропейские черты США, в т. ч. в мелочах повседневной жизни. Так, он противопоставлял легкомысленную веселость, приписываемую французам («у нас, французов, репутация весельчаков, которые надо всем смеются и в горе утешаются водевилем»³⁴), и веселость квакеров, которую описывал при помощи цитаты из Сенеки: «Или, по-твоему, радуется тот, кто смеется? Нет, это душа должна окрылиться и уверенно вознестись надо всем. Поверь мне, настоящая радость сурова»³⁵. Еще одна постоянная тема Бриссо – полемические утверждения, что американская «дикость» на деле выше европейской «цивилизованности». Так, он писал, что в США отсутствуют разбойники, грабящие путешественников (последнее не соответствовало действительности). Во Франции путник рисковал быть ограбленным, тогда как в США «вы путешествуете без боязни и без оружия... Судите же, какая из стран заслуживает имени цивилизованной»³⁶. Приметы «цивилизации» в европейском смысле, например, наметившийся в США прогресс промышленности, Бриссо воспринимал довольно болезненно, как отклонение от «естественности». В чем-то он был близок к экономической концепции Т. Джефферсона. По мнению обоих, Америка должна была оставаться аграрной.

Будучи лоялисткой, мисс Шоу не принимала эгалитаризм. В Америке, по ее мнению, господствовало «самое отвратительное равенство», и она сомневалась в том, что американский джентльмен чем-то отличается от «американского хама» (American clown)³⁷. При этом ей свойст-

³¹ Brissot 1791: vol. 1: 149. Здесь содержится небольшая ошибка. Вермонт в 1788 г. еще не имел статуса штата.

³² Brissot 1791: vol. 1: 166.

³³ Руссо 1968: 68.

³⁴ Brissot 1791: vol. 2: 180.

³⁵ Сенека 1977: 23: 3–4; Brissot 1791: vol. 2: 180–181.

³⁶ Brissot 1791: vol. 1: 161–162.

³⁷ Shaw 1921: 153.

венна этнизация и расиализация классовых и политических различий. Это касалось не только американцев. Например, группа законтрактованных слуг с Оркнейских островов, которых везли в Америку на том же пакетботе, на котором плыла мисс Шоу, напоминали ей «только что пойманных йеху декана Свифта»³⁸. Северокаролинцам она также приписывала физическую неполноценность: «Их внешний вид во всех отношениях противоположен силе и энергичности, которой так примечательны британские крестьяне. Они высокие и худощавые, с короткой талией и длинными конечностями, желтоватым цветом лица и темными глазами, когда не возбуждены алкоголем. Их ступни плоские, суставы ослаблены, а походка неровная». В духе популярных в эпоху Просвещения физиологических и медицинских теорий Дженет Шоу искала причины такой неполноценности в «расслабленном» образе жизни северокаролинских фермеров, разжижении крови из-за неправильного питания и «постоянных медленных лихорадок, которые истощают их тело, расслабляют нервы и ослабляют весь организм»³⁹. Одна из постоянных тем – «лень» американцев, из-за которой не культивируется дикий виноград или зарастают опунцией плодородные участки. Мисс Шоу саркастически описывала образ жизни северокаролинских фермеров: «Если они могут вырастить столько кукурузы и свинины, чтобы прокормиться самым жалким образом, они больше ничего не просят... остальное время они проводят, прогуливаясь по лесу с ружьем, или сидят в тени деревьев, попивая новоанглийский ром, превращенный в грог, самый отвратительный напиток, какой вы можете себе представить»⁴⁰.

Восприятие Бриссо совершенно иное. Для него равенство – основа и необходимое условие существования США. Проявления эгалитарности он находил даже в повседневных мелочах, например, в дилижансах, где можно было увидеть губернатора, путешествующего в компании рядовых американцев. Как это было характерно для идеологии классического республиканизма и в Старом, и в Новом Свете, он связывал стабильность республиканского строя с отсутствием роскоши и нищеты. Не менее важна для классических республиканцев была гражданская добродетель, которая выражалась, в частности, в умеренности потребностей. Традиционно считалось, что идеал социума в республике – это общество независимых фермеров, «йоменов». Именно в этом ключе Бриссо описывал Маунт-Вернон и его владельца Дж. Вашингтона. Здесь наблюдалась сильная степень стилизации. Крупную рабовладельческую плантацию Бриссо называл «фермой», а о Вашингтоне замечал: «Француза прежде всего поразила бы его скромность»⁴¹.

Ту же тему, но более полемически, Бриссо развивал, описывая свое посещение пенсильванской легислатуры. Для комического эффекта он

³⁸ Schaw 1921: 28.

³⁹ Schaw 1921: 153.

⁴⁰ Schaw 1921: 153.

⁴¹ Brissot 1791: vol. 2: 268.

ввел в повествование воображаемого французского щеголя, противопоставленного суровым республиканцам: «Петиметр, который свалился бы прямиком из Парижа в эту ассамблею, наверняка нашел бы ее довольно смехотворной. Его скандализовала бы простота и часто небрежность костюмов [депутатов]. Но всякий мыслящий человек пожелал бы, чтобы такая простота сохранялась надолго и стала всеобщей»⁴².

Мисс Шоу отсутствие роскоши в Америке трактовала как бедность деспотической страны, Бриссо – как простоту республиканского строя. Восприятие их полярно и при этом у обоих идеологически окрашено.

На основании приведенных выше высказываний Бриссо историки приходят к выводу, что он идеализировал Америку, что вся его книга – гимн американскому республиканизму⁴³. Однако следует отметить, что Бриссо, превознося американское равенство, говорил только о северных штатах. Юг (конкретно Мэриленд и Виргиния) в его описании неожиданно сближается с негативными образами, созданными Дженет Шоу. Причиной столь резкой смены оптики (исключение делалось только для Маунт-Вернона) был «особый институт» американского Юга. Дженет Шоу, сама мечтавшая стать плантаторшей, воспринимала рабство как должное. Она доказывала, что рабы в Северной Каролине обеспечены лучше, чем бедняки в Шотландии, и при этом неблагодарны и вороваты⁴⁴. А вот Бриссо был активным аболиционистом. Перед самым своим трансатлантическим вояжем он вместе с Клавьером и аббатом Грегуаром создал «Общество друзей черных», ставившее своей целью постепенную отмену рабства⁴⁵. На эту тему он заговаривал со всеми влиятельными политиками США, с которыми встречался, включая Джефферсона и Вашингтона. Он надеялся, что рабов заменят сельскохозяйственные машины⁴⁶, а пока отмечал пагубное воздействие рабства на экономику и ментальность Юга: «Недостаточная или плохая агрикультура... лица бледные, исхудалые, изглоданные лихорадкой; нагие негры; жалкие лачуги; вот что мы обычно видели в Мэриленде»⁴⁷.

Бриссо не жалел черных красок, описывая лень рабов и «жалкую роскошь» плантаторов Виргинии и Мэриленда. Он подчеркивал трудолюбие свободных афроамериканцев, их способности к обучению и сожалел о том, что им нельзя переступить порог колледжа. Лениость темнокожих рабов он считал следствием самого института рабства. Южанам он приписывал не только дикие по европейским меркам манеры (например, привычку носить сапоги с шелковыми чулками⁴⁸), но и нечистоплотность. По сведениям Бриссо, «у самых богатых [виргинцев] не больше пяти-шести рубашек, а у большинства всего две-три. Пока одна

⁴² Brissot 1791: vol. 1: 355.

⁴³ Нап.: Maxwell 1962: 108–109; Aronson 1976: 968; Jourdan 2012: 370.

⁴⁴ Schaw 1921: 176–177.

⁴⁵ См. о нем: Barlier 2010.

⁴⁶ Brissot 1791: vol. 2: 273.

⁴⁷ Brissot 1791: vol. 2: 258.

⁴⁸ Brissot 1791: vol. 2: 263.

носится, другая отбеливается»⁴⁹. В Европе Нового времени было принято менять белье несколько раз в день. Показательный эпизод есть в «Красном и черном» Стендаля. Жюльен Сорель, поселившись в Париже и получив скромную должность секретаря, должен был обзавестись необходимым минимумом рубашек: не менее двадцати четырех⁵⁰.

Выстраивается еще один контраст: между республиканским Севером и рабовладельческим Югом. На Юге Бриссо подмечал шокирующие детали повседневности, которые иногда курьезным образом связывал с прежней колониальной властью. При переходе от Севера к Югу пастораль в изображении Бриссо сменялась откровенным варварством. Исключение составлял Маунт-Вернон, где республиканский идеал для Бриссо снова воспроизводился, даже несмотря на то, что речь шла о рабовладельческой плантации. Французский аболиционист предпочитал закрыть глаза на неудобный факт, когда речь идет о Вашингтоне. Виргиния в целом в его описании схожа с описаниями Дженет Шоу. Однако стоит учесть, что о Виргинии он судил в основном с чужих слов и в его рассказе об этом штате постоянно появляются формулы «мне говорили», «меня уверили» и т.п.

Еще один аспект, которому оба автора уделяют немало внимания, – это политическая жизнь Америки. Мисс Шоу была убежденной лоялисткой и не могла смотреть на северокаролинских патриотов, «не думая о смоле и перьях»⁵¹. Ее описание политической обстановки 1775 года было соответствующим: «Меланхолия омрачает всякое честное лицо, а на лицах их врагов пламенеют свирепость и бесстыдство»⁵². В ее травелоге приводятся многочисленные примеры пренебрежения законностью и прямого произвола революционеров. Впрочем, некоторые эпизоды, описанные ею, выглядят излишне «литературными». Например, в одной из ситуаций лоялист поинтересовался полномочиями офицера революционного ополчения. В ответ лоялист услышал почти дословную цитату из исторического труда Д. Юма, с которым Дженет Шоу, хорошо знавшая ключевые труды шотландского Просвещения, не могла не быть знакома. Патриот указал на своих солдат и заявил: «Вот мои полномочия, оспаривайте их, если можете»⁵³. Ср. у Юма: «Джойс, вооруженный пистолетами, явился в королевские покои (3 июня) и сказал Карлу, что тот должен немедленно ехать с ним. Куда? – спросил король. – В армию, – отвечал Джойс. – По какому полномочию? Тут Джойс показал на солдат, которых он привел с собой, высоких, статных, отлично снаряженных молодых. Ваши полномочия, – заметил Карл, улыбаясь, – написаны удивительно четкими буквами и читаются без всякого труда»⁵⁴.

⁴⁹ Brissot 1791: vol. 2: 274.

⁵⁰ Стендаль 1978: т. 1: 288.

⁵¹ Schaw 1921: 154.

⁵² Schaw 1921: 180.

⁵³ Schaw 1921: 192.

⁵⁴ Юм 2001–2002: т. 1: 411.

Вербовка ополченцев в описании Дженет Шоу представляла собой сочетание беспардонного шантажа и обещаний необременительной службы. Она описывала: «В настоящее время военное положение действует следующим образом: офицер или член комитета входит на плантацию со своим отрядом. Предлагается альтернатива: соглашайтесь присоединиться к нам, и ваши люди и имущество будут в безопасности; у вас есть шиллинг стерлингов в день; ваша обязанность – не чаще одного раза в месяц появляться с оружием в руках в Уилмингтоне, что окажется всего лишь развлечением, где вы будете пить столько грога, сколько сможете. Но если вы откажетесь, мы прямо сейчас скосим вашу кукурузу, пристрелим ваших свиней, сожжем ваши дома, захватим ваших негров и, возможно, обмажем вас дегтем и перьями. Чтобы не выбрать первое, требуется больше мужества, чем у них есть, и я полагаю, что этот метод редко подводит с низшим сортом»⁵⁵. Набранное в итоге ополчение казалось ей жалким, но опасным: «У них совершенно невоенный вид. Но и самый неуклюжий персонаж может выстрелить из-за куста и убить даже генерала Вольфе»⁵⁶. Последняя фраза намекала на эпизод взятия Квебека в 1759 г., во время которого английский командующий Джеймс Вольфе был смертельно ранен.

Постоянной в «Дневнике благородной дамы» является тема репрессий. Описывая сцену несостоявшегося наказания лоялиста, мисс Шоу создавала яркий контраст между безжалостностью патриотов и собственной обостренной чувствительностью, подобающей жантильной даме: «Я услышала, как кричат о дегте и перьях. Я была готова лишиться чувств при мысли об этом ужасном действе. Я бы с радостью ушла с балкона, но я так боялась, что жертвой станет кто-то из моих друзей, что не могла двигаться... Это был несчастный английский грум мистера Нейлсона. Вы вряд ли можете понять, что я почувствовала, глядя, как его, бедолагу, тащат вперед, напуганного до беспамяатства». Вина грума, по крайней мере, в интерпретации Дженет Шоу, состояла в том, что он улыбнулся при виде патриотического ополчения. Наказание, впрочем, было заменено изгнанием из города⁵⁷. Если революционеры в трактовке Дженет Шоу жестоки, то власти метрополии, напротив, слишком милосердны. Она риторически спрашивала: «Британия, чем ты занята, когда твоих верных и послушных сынов так оскорбляют их незаконные братья? Разве их природные родители забыли о них?»⁵⁸

При этом «Дневник благородной дамы» воспроизводил некоторые характерные темы британской имперской пропаганды. Одна из них, например, представляла собой зеркальное отражение пропаганды американской. Обе стороны играли на противопоставлении свободы и тирании, но для американских патриотов источником тирании были вла-

⁵⁵ Schaw 1921: 198.

⁵⁶ Schaw 1921: 190.

⁵⁷ Schaw 1921: 190–191.

⁵⁸ Schaw 1921: 192.

сти метрополии, а для британских пропагандистов – Конгресс. Дженет Шоу часто упоминала о попытках Континентального конгресса регулировать питание американцев, их рекреационные практики. Она сетовала: «Конгресс запретил все виды развлечений, даже игру в карты»⁵⁹.

Неудивительно, что патриоты в ее глазах – не совсем люди. Прием расчеловечивания противника присутствует в конфронтационных пропагандистских дискурсах в разные периоды истории, и период Войны за независимость не исключение. Мисс Шоу сравнивала американских патриотов с хищными животными. Постоянно упоминалось об их «свирепости и бесстыдстве»⁶⁰, «невежественном рвении»⁶¹. Характеристику жены Корнелиуса Харнетта, активного «Сына Свободы» и в будущем делегата Континентального конгресса, мисс Шоу снабдила таким комментарием: «Уверена, я была бы счастлива с ней познакомиться. Но это невозможно: ее муж – *животное во всех отношениях*, и потом он президент комитета и великий подстрекатель того жестокого и несправедливого обращения, которому сейчас подвергаются друзья правительства»⁶².

Бриссо ожидаемо создавал совсем иную картину. Как уже говорилось, он заранее сформировал позитивную оценку политической системы США. Задолго до знакомства с реальной Америкой он писал, например, о конституции Пенсильвании: она «основана на принципе, который не был признан или хотя бы упомянут в какой-либо другой конституции. Я имею в виду *благополучие индивида*»⁶³. То, что он видел в США, казалось ему в целом подтверждающим эту высокую оценку. Особенно политической системы, в его глазах, влияли на всю жизнь страны, даже на внешность граждан. Едва сойдя на берег в бостонской гавани, Бриссо делился впечатлениями: «У них (бостонцев) не было беспокойного вида, хлопотливого, жадного до развлечений, которым отличаются мои соотечественники. У них был вид простой, добродушный, но полный достоинства, как у людей, которые сознают свою свободу, но в других людях видят лишь братьев и равных себе»⁶⁴. В том же ключе он описывал «отцов-основателей» США, с которыми встречался. Парадоксальным образом, для него, как и для Дженет Шоу, это не вполне люди. Но если мисс Шоу бестиализировала патриотов, то Бриссо их героизировал, превращая в своем воображении в полубогов. Вот как он описывал свой визит к Дж. Адамсу, который в 1785–1788 гг. был послом США в Великобритании: «Я видел его близ его сельских пенатов, в Брейнтри. Он занят возделыванием своей фермы и позабыл, чем он был некогда, когда попирали ногами гордыню своего короля, который назначил цену за его голову и был принужден принять его как посла свободной страны. Та-

⁵⁹ Schaw 1921: 149.

⁶⁰ Schaw 1921: 180.

⁶¹ Schaw 1921: 154.

⁶² Schaw 1921: 179. Курсив мой – М.Ф.

⁶³ Brissot 1948: 30. Курсив Бриссо.

⁶⁴ Brissot 1791: vol. I: 111.

ковы были, без сомнения, полководцы и дипломаты прекрасной эпохи Рима и Греции, таковы были Эпаминонд, Цинциннат, Фабий»⁶⁵. В использованном Бриссо выражении «cultiver sa ferme» читается явная отсылка к знаменитому выражению из вольтеровского «Кандида» «cultiver son jardin» (возделывать свой сад), здесь противопоставленная государственным делам. Столь же характерно для культурного контекста эпохи упоминание об идеализированной античности.

Темы милосердия и жестокости присутствуют в «Новом путешествии», как и в «Дневнике благородной дамы». Но роли кардинальным образом меняются. Там, где Дженет Шоу считала британцев излишне мягкими, Бриссо подчеркивал их безжалостность. Характерный эпизод из «Нового путешествия»: «По дороге (из Филадельфии к водопадам Скулкилла) генерал (Миффлин) показал мне руины домов, сожженных англичанами. Сельская местность была голой и безлесной; англичане разрушили всё»⁶⁶. Патриотам, напротив, Бриссо приписывал большую мягкость, нежели та, которую они на деле демонстрировали. В сложной политической обстановке 1780-х он выбрал пример, подтверждавший его мысль – «Письма Фокиона» А. Гамильтона, действительно призывавшие к постреволюционному примирению. Бриссо писал: «Мсье Гамильтон победоносно с ними (лоялистами) воевал во время войны. Когда же наступил мир, он придерживался мнения, что не следует их приводить в отчаяние жестокими преследованиями. Он имел счастье привести своих соотечественников на сторону мягкости»⁶⁷. Здесь автор «Нового путешествия» сильно преувеличил воздействие «Писем Фокиона» на общественное мнение. Американские патриоты не только не склонились «на сторону мягкости», но подвергли Гамильтона резкому осуждению, отвергая саму возможность примирения с недавними врагами⁶⁸.

При описании американской армии Бриссо в очередной раз демонстрирует парадоксальные совпадения с дискурсом Дженет Шоу. При этом он, кажется, не видел американских солдат даже на маневрах. Его в Америке интересовали сугубо гражданские учреждения. Даже когда он говорил с кадровыми военными Вашингтоном и Гамильтоном, беседа не касалась их боевого прошлого. В итоге его представления об американской армии были совершенно фантастическими. Он описывал подобие иррегулярного добровольческого соединения, не обладающего ничем, кроме идеологической мотивации. Его оценка, однако, была сугубо позитивной: «Восхитительное зрелище: люди без оружия, без амуниции, без подготовки, без помощи, без вождя сражаются против хорошо дисциплинированной и хорошо обеспеченной всем необходимым армии, которой командуют опытные офицеры»⁶⁹ (описывается

⁶⁵ Brissot 1791: vol. 1: 146.

⁶⁶ Brissot 1791: vol. 1: 356.

⁶⁷ Brissot 1791: vol. 1: 243.

⁶⁸ См. об этом: Филимонова 2021: 55–81.

⁶⁹ Brissot 1948: 29.

сражение при Саратоге). Если Дженет Шоу описывала ополчение первых месяцев Войны за независимость и ее описания имели под собой некоторое основание, то в 1777 г., во время сражения при Саратоге Континентальная армия не представляла собой безоружную толпу, которую вообразил себе Бриссо. Но созданный образ настолько сильно повлиял на него, что позже, дискутируя с М. Робеспьером по поводу перспективы войны Франции с Австрией и Пруссией, он воспроизводил ту же нереальную картину. Отстаивая провоенную позицию, он ссылаясь на пример США: «Американцы завоевали Тревтоль [Трентон?], не имея сапог. У нас нет ружей... ну что же, вооружитесь пиками и топорами; измените свою военную тактику»⁷⁰.

Подводя итоги, отметим, что для обоих авторов проанализированных травелогов Америка была лишь эпизодом в биографии. Оба вернулись в Старый Свет раньше, чем планировали, и в связи с определенными политическими событиями. Путешествие Дженет Шоу было прервано начинающейся Войной за независимость США; Бриссо прервал свою поездку в связи с предреволюционным кризисом во Франции.

С текстологической точки зрения, оба травелога написаны в русле актуальной для второй половины XVIII в. культурной повестки. Оба выдержаны в квази-эпистолярной форме, в обоих случаях эта форма условна. На обоих авторов повлиял литературный сентиментализм, в частности Л. Стерн (в случае Дженет Шоу) и Ж.Ж. Руссо (в случае Бриссо). В какой-то мере и Бриссо, и мисс Шоу пытались создать собственное «сентиментальное путешествие».

Компаративный анализ построенных двумя авторами образов американского Другого показывает, что оба автора выстраивают контраст Америки и Европы через ряд бинарных оппозиций (цивилизация/варварство, богатство/бедность, сословность/эгалитаризм, деспотизм/свобода и т.п.). Бриссо, располагавший несколько более широким опытом знакомства с Америкой, смог выстроить еще одну оппозицию, которой нет у Дженет Шоу (свободный Север/рабовладельческий Юг).

В обоих травелогах Америка описывается как незападное общество. Например, подчеркиваемая Дженет Шоу «лень» северокаролинцев – один из характерных стереотипов при описании неевропейских обществ⁷¹. К этому в «Дневнике благородной дамы» добавляются другие элементы стандартного описания восточной деспотии: экономический упадок⁷², немотивированная агрессивность, тираническое правление. Источником жестокости якобы выступают американские революционеры, источником тирании – Континентальный конгресс.

Как это свойственно многим евроцентричным дискурсам Просвещения, общество, описанное как западное, тем самым характеризует-

⁷⁰ Réimpression 1800–1845: vol. 13: 85.

⁷¹ Напр.: Саид 2006: 279, 390.

⁷² Ср. ее описание сельского хозяйства Шотландии и Северной Каролины: Schaw 1921: 163.

ся как неполноценное. При этом для Дженет Шоу не характерен рас пространенный в ее эпоху исторический оптимизм. По крайней мере, в отношении Америки она не верит в прогресс. Даже возможный триумф британского оружия и подавление революции, по ее убеждению, не приведут ни к каким благоприятным последствиям.

Образ Америки у Бриссо более сложен. Исследователи часто приходили к излишне категоричному выводу, что Бриссо «был сильно привязан к Соединенным Штатам в силу своей страсти к демократии»⁷³. Также часто предполагается, что целью Бриссо при издании «Нового путешествия» было предложить полезные идеи, которые могли бы быть применены во Франции⁷⁴.

Действительная картина сложнее. Для Бриссо, как и для мисс Шоу, США незападное общество. Его незападность определялась экономическим отставанием, которое будущий жирондист трактовал как аграрно-патриархальный руссоистский идеал. Считал ли он американский опыт применимым во Франции? Судить об этом сложно. В 1785 г., анализируя пенсильванскую конституцию, Бриссо делал оговорку: «Я не предполагаю, впрочем, что нужно, в подражание американцам, установить демократию в Санкт-Петербурге или любой другой монархии. Не только потому, что этот тип управления неприменим в обширных государствах, как говорит императрица [Екатерина II], но и потому, что там, где существует старый и привычный порядок вещей, его следует оставить или улучшить, если то возможно»⁷⁵. «Любая другая монархия» в этом пассаже – несомненно, Франция, но Бриссо мог вставить соответствующий абзац по цензурным соображениям. Во время Французской революции, будучи лидером Жиронды, он ссылался на пример США по разным поводам, но его прямого воспроизведения не предлагал⁷⁶.

Если Дженет Шоу интерпретировала незападность Америки как неполноценность, то восприятие Бриссо двойственно. С одной стороны, он воспринимал политическую систему США как более прогрессивную по сравнению с европейскими образцами. Он описывал американские города, их достижения, такие как Гарвардский колледж или городская больница в Филадельфии. С другой стороны, экономика страны воспринималась через призму сентименталистской идеализации сельского хозяйства. Черты прогресса в этой сфере, в частности, первые шаги к развитию промышленности, оценивались Бриссо как пагубные.

Ключевая черта социальной структуры США для Бриссо, по контрасту с Францией Старого порядка, эгалитаризм. То, в чем Дженет Шоу видела дикость и варварство, в глазах Бриссо становилось достойной республиканской умеренностью. Он создавал иронический контраст между восприятием воображаемого петиметра и мыслящего ев-

⁷³ Brissot 1948: 25.

⁷⁴ Oliver 2016: x.

⁷⁵ Brissot 1948: 28.

⁷⁶ См.: Филимонова 2000: 148–157.

ропейца, т.е. своим собственным. Воображаемый петиметр часто получал право голоса на страницах «Нового путешествия», позволяя автору резче оттенять чуждость Америки и одновременно ее нравственное превосходство над Европой. Если в Америке царила добродетель, то в Европе порок. Впрочем, у США были свои темные стороны. В глазах аболициониста Бриссо рабство в США не могло быть оправдано и должно было быть уничтожено в интересах как белых, так и черных.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время. В поисках идентичностей. СПб: Алетейя, 2016. 715 с. [Apyshchenko V.YU. SHotlandiya v Novoe vremya. V poiskah identichnostej. SPb: Ale-tejya, 2016. 715 s.]
- Марат Ж.П. Избранные произведения: 3 т. М.: АН СССР, 1956. [Marat Zh.P. Izbrannye proizvedeniya: 3 t. M.: AN SSSR, 1956.]
- Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. Травелог – лингвокультурологическая основа образа города и государства // Приволжский научный вестник. 2013. № 8–2 (24). С. 124–129. [Nabilkina L.N., Kubanev N.A. Travelog – lingvokulturologicheskaya osnova obraza goroda i gosudarstva // Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2013. № 8–2 (24). S. 124–129.]
- Репина Л.П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16. [Repina L.P. Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 69. S. 5–16.]
- Руссо Ж.Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М.: Художественная литература, 1968. 788 с. [Russo Zh.Zh. Yuliya, ili Novaya Eloiza. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1968. 788 s.]
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 640 с. [Saïd E. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. M.: Russkij mir, 2006. 640 s.]
- Сенека, Л. Анней. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. 384 с. [Seneka, L. Annej. Nravstvennyye pis'ma k Luciliyu. M.: Nauka, 1977. 384 s.]
- Стендаль. Собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1978. [Stendal'. Sobr. soch. v 12 t. M.: Pravda, 1978.]
- Филимонова М.А. «Подражайте примеру американцев»: Американский конституционализм в зеркале Французской революции XVIII в. // Россия и внешний мир. Сб. материалов заочного методологического семинара Курского института социального образования (филиала) МГСУ. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. С. 148–157. [Filimonova M.A. «Podrazhajte primeru amerikancev»: Amerikanskij konstituci-onalizm v zerkale Francuzskoj revolyucii XVIII v. // Rossiya i vneshnij mir. Sb. materialov zaonchnogo metodologicheskogo seminaraga Kurskogo instituta soci-al'nogo obrazovaniya (filiala) MGSU. M.: Izd vo MGSU «Soyuz», 2000. S. 148–157.]
- Филимонова М.А. Пресса становится властью: Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII в. М.: Инфра-М, 2021. 200 с. [Filimonova M.A. Pressa stanovitsya vlast'yu: Politicheskie diskussii na stranicah periodicheskoy pechati SSHA v konce XVIII v. M.: Infra-M, 2021. 200 s.]
- Юм Д. Англия под властью дома Стюартов: 2 т. СПб.: Алетейя, 2001–2002. [YUm D. Angliya pod vlast'yu doma Styuartov: 2 t. SPb.: Aletejya, 2001–2002.]
- Aronson N. Chastellux et Brissot: deux images de l'Amérique au dix-huitième siècle // The French Review. Vol. 49. No. 6, Bicentennial Issue: Historical and Literary Relations between France and the United States (May, 1976). P. 960–971.
- Bannet E.T. Trading Roots and Eighteenth-Century Migrations: Reframing Janet Schaw // Recording and Reordering: Essays on the Seventeenth- and Eighteenth-century Diary and Journal / ed. D. Doll, J. Munns. Lewisburgh: Bucknell University Press, 2006. P. 137–157.
- Barlier J.-P. La Société des amis des noirs, 1788–1791. P.: Éditions de l'Amandier, 2010. 196 p.
- Bohls E.A. The Aesthetics of Colonialism: Janet Schaw in the West Indies, 1774–1775 // Eighteenth-Century Studies. Vol. 27. No. 3 (Spring, 1994). P. 363–390.
- Bohls E.A. Women Travel Writers and the Language of Aesthetics, 1716–1818. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 309 p.
- Brissot de Warville J.P. Nouveau voyage dans les Etats-Unis de l'Amérique Septentrionale fait en 1788: 2 vols. P.: Buisson, 1791.

- Brissot De Warville on the Pennsylvania Constitution of 1776 / ed. J.P. Selsam // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 72. No. 1 (Jan., 1948). P. 25–43.
- Darnton R.C. The Grub Street Style of Revolution: J.-P. Brissot, Police Spy // *The Journal of Modern History*. Vol. 40. No. 3 (Sep., 1968). P. 301–327.
- Edwards Ph. *The Story of the Voyage: Sea-Narratives in Eighteenth-Century England*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 244 p.
- Ellery E. *Brissot de Warville; A Study in the History of the French Revolution*. Boston – New York: Houghton Mifflin company, 1915. 558 p.
- Jefferson Th. *The Papers: 46 vols.* / ed. J.P. Boyd, B.B. Oberg. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1950–2022.
- Jourdan A. A Tale of Three Patriots in a Revolutionary World: Théophile Cazenove, Jacques-Pierre Brissot, and Joel Barlow (1788–1811) // *Early American Studies*. Vol. 10. No. 2, Special Issue: Anglo-Dutch Revolutions (Spring 2012). P. 360–381.
- Lamartine A. de. *Histoire des Girondins: 8 t. P.*: Furne & Cie, W. Coquebert, 1847.
- Loft L. *Passion, Politics, and Philosophie: Rediscovering J.-P. Brissot*. Westport, Ct.: Greenwood Publishing Group, 2002. 279 p.
- McMillan D. *Some Early Travellers // History of Scottish Women's Writing* / ed. D. Gifford. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 119–124.
- Moore J.M. *The Roots of French Republicanism; The Evolution of the Republican Ideal in French – Revolutionary France and its Culmination in the Constitution of 1793*. N.Y.: American Press, 1962. 344 p.
- Oliver B.W. *Jacques Pierre Brissot in America and France, 1788–1793: In Search of Better Worlds*. Lanham e.a.: Lexington Books, 2016. 222 p.
- Réimpression de l'ancien *Moniteur*. Ser. 1–4. P.: Plon, 1800–1845.
- Rossignol M.-J. *Jacques-Pierre Brissot and the Fate of Atlantic Antislavery during the Age of Revolutionary Wars // War, Empire and Slavery, 1770–1830* / ed. R. Bessel, N. Guyatt, J. Rendall. Basingstoke: Springer, 2010. P. 139–156.
- Schaw J. *Journal of a Lady of Quality Being the Narrative of a Journey from Scotland to the West Indies, North Carolina and Portugal in the Years 1774–1776*. New Haven: Yale University Press, 1921. 341 p.
- Van Netten Blimke L. *Political Affairs of the Heart: Female Travel Writers, the Sentimental Travelogue, and Revolution, 1775–1800*. Bucknell University Press, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2v55brx>

Мария Александровна Филимонова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научная лаборатория «Центр изучения США», Курский государственный университет, mar-filimonova@yandex.ru

America as a Pastoral and/or Barbaric Periphery in Two European Travelogues of the Eighteenth Century

The United States at the stage of the formation of its statehood aroused the keen interest of European contemporaries. The images they created of an overseas republic, as a rule, formed idealizing and negativizing discourses about the United States. This article analyzes vivid examples of the European perception of early America, *Journal of a Lady of Quality* by Janet Schaw and *Nouveau voyage dans les Etats-Unis de l'Amérique Septentrionale* by Jacques-Pierre Brissot.

Keywords: *imagology, the image of the Other, travelogues, the American Revolution, Janet Schaw, Jacques-Pierre Brissot.*

Maria Filimonova, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the scientific laboratory «Center for the Study of the USA», Kursk State University, mar-filimonova@yandex.ru

СУДЬБА ЖУРНАЛИСТА: ОПЫТ МОДАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

В статье через призму биографии журналиста А.И. Распевина, работавшего в довоенные и послевоенные годы в разных региональных и центральных изданиях, раскрываются общие вехи истории советской журналистики. Основной фокус исследования направлен на реконструкцию профессиональной деятельности журналиста как типичной для целого поколения журналистов-шестидесятников, вписанной в широкий социокультурный контекст эпохи. Истоки трансформаций журналистики в предвоенные годы, периоды «оттепели» и «застоя» можно найти в журналистике периода нэпа и «большого скачка», во фронтовой очеркестике и репортажах и проследить по изменениям повестки дня, форматов подачи материала, а также жанров, которые становились актуальными и востребованными. Так как пик творческой деятельности журналиста пришелся на период хрущевского правления, в статье особое внимание обращается на феномен «оттепельной» журналистики.

Ключевые слова: советская журналистика, партийная печать, землячество, модальная биография, репортаж, «оттепель».

Данная статья написана в жанре *модальной биографии*, описывающей индивида, вобравшего в себя наиболее характерные черты своей (в данном случае профессиональной) группы. При этом в работе используются элементы *контекстной биографии*, вписывающей данный кейс в рамки политических, социальных и культурных практик эпохи и биографического окружения как важнейшего фактора выстраивания карьеры и формирования профессиональной этики.

В биографии Алексея Ивановича Распевина, как в фокусе, сошлась история разных изданий – «Горьковской коммуны», «Крокодила», «Советской печати», «Журналиста», «Советов депутатов трудящихся», «Правды», «Известий» и «Экономической газеты». Но открытым остается вопрос о типичности жизненной и профессиональной траектории нашего героя для советской журналистики вообще и периода «оттепели», в частности. Сначала выделим ряд факторов, сформировавших жизненную и профессиональную траекторию журналиста, а затем сравним их с основными этапами жизни и деятельности тех журналистов, чей творческий путь в довоенный и послевоенный периоды пересекался с Распевиним, который все годы поддерживал дружеские и творческие связи с земляками. Так, теплые отношения с Леонидом Александровичем Кудреватых сохранялись долгие годы, о чем свидетельствуют фотографии из семейного архива и трогательный автограф: «*Алексею Распевину, старому и верному другу, журналисту, с которым уже более трех десятилетий идем по путям жизни с дружбой*»¹.

Сформулируем основные критерии, позволяющие, на наш взгляд, говорить о типичности жизненного и профессионального пути нашего

¹ Кудреватых 1975. В домашней библиотеке родственников Распевина сохранилась книга «Коммунист в сфере искусства» (М., 1981) с автографом Алексея Владимировича Романова, работавшего в «Горьковской коммуне» в 1933–1944 и 1946–1947 гг.

героя. Во-первых, Алексей Распевин начинал журналистскую карьеру в провинциальных изданиях. Во-вторых, отметился на ниве комсомольской и партийной работы. В-третьих, получил гуманитарное образование. В-четвертых, приобрел опыт военной журналистики. В-пятых, пик его деятельности пришелся на хрущевскую «оттепель». В-шестых, являлся членом Союза журналистов СССР.

Для сравнения параметров жизненного и профессионального пути были выбраны журналисты и литераторы, чей творческий путь, как и у Распевина, начинался в Нижнем Новгороде – «кузнице» литературных и журналистских кадров советской эпохи; судьба многих из них в послевоенные годы оказалась связана со столицей. В данном случае предположительно мы имеем дело не со «средней температурой по стране» (типичными советскими журналистами послевоенной эпохи), а с сотрудниками центральных изданий, задающих общий вектор развития «оттепельной» журналистики. Результаты анализа² представлены ниже.

Биографические сведения о профессиональном окружении А.И. Распевина

ФИО	Место и дата рождения	Образование	Опыт комсомольской и партийной работы	Опыт военной журналистики	Членство в творческих союзах	Трудовая деятельность в 1953–1964 гг.
Шестериков Михаил Васильевич	с. Хватовка Арзамасского уезда Нижегородской губ. 2.11.1906)	Арзамасская совпартшкола и Горьковский пединститут	Член ВКП (б) с 1927 Секретарь сельской комсомольской ячейки, затем член Нижегородского губкома ВЛКСМ	Корреспондент фронтовой газеты «Красное знамя» 24-й, затем 4-й Гвардейской армии (1942-1947)	Делегат Первого съезда советских писателей (1934)	Руководитель Горьковского отделения Союза писателей СССР (1948-1960)
Сатюков Павел Алексеевич	с. Горки Нижегородской губ. 29.06.1911	Горьковский пединститут и Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)	Член ВКП (б) с 1939 г. Сотрудник аппарата ЦК (1942-1946)	Нет сведений	Председ. правлен Союза журналистов СССР (1959-1964)	Главный редактор газеты «Правда» (1956—1964)
Рябчиков Евгений Иванович	Ярославль 25.03.1909	Нижегородский пединститут	Член ВКП (б)	В лагере и на поселении (1937-1945)	Член правления Московской организации Союза журналистов	Спецкор журнала «Огонёк» (1950-1957); редактор «Литературной газеты» по разделу внутр.

² Сто писателей-нижегородцев... 2004; Важнов 2017 и др.

					листов СССР и председатель секции репортеров (с 1960)	жизни (1957-1959); спецкорр и и.о. редактора «Правды» по информации (1959-1965); член редколлегий журналов «Знамя» (1959-1970); и «Смена» (1958-1979)
Рюриков Борис Сергеевич	За границей (20.03.1909), вернулся с матерью в Россию в 1912 г. 1912 г. Россию (с. Чернуха Арзамасского уезда)	Нижегородский пединститут (не окончил)	Член ВКП (б) с 1932 г.; Зам. заведующего отделом культуры ЦК КПСС (1955-1958)	Спецкор одной из газет Сталинградского фронта, потом ответственный редактор армейской газеты (1941-1946)	Делегат Первого съезда советских писателей (1934)	Глав. ред. «Литературной газеты» (1953-1955) и журнала «Иностран. литература» (1963-1969); зав. отд. науки и культуры журнала «Проблемы мира и социализма» (1958-1961)
Кудрватых Леонид Александрович	с. Вознесение Никольского уезда Вологодской губ. 31.05.1906	Нет сведений	Работник уездного комитета партии	военный корреспондент, «Известий» и «Правды»	Нет сведений	Зам. главного редактора журнала «Огонёк»
Погодин Константин Иванович	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Собкор по Туркменской ССР, в Сталино и Куйбышеве	Нет сведений	Нет сведений
Поздняев Константин Иванович	с. Яковлевское Нерехтского уезда Костромской губ. 2.11.1911	Горьковский пединститут	Член ВКП (б) с 1941 г.	военный журналист газет «Красный воин», «Фронтвик» и «Красное знамя»	Нет сведений	Сотрудник журнала «Советский воин» (в запас в 1960); зам. глав. ред. и глав. ред. газеты «Литература и жизнь» (1960-1963); глав. ред. еженедель-

						ника «Литературная Россия» (1963 – сер. 1970-х)
Романов Алексей Владимирович	г. Белёв Тульской губернии (16.02. 1908)	Высшие государственные литературные курсы и Высшая партийная школа при ЦК ВКП (б)	Кандидат в члены ЦК КПСС в 1961-1986 гг.; член Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1961-1962)			Член редколлегии, отв. секретарь, зам. шеф-ред. газеты Информационно-коммунистических и рабочих партий «За прочный мир, за народную демократию!» (1949-1955); консультант отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам. (1955-1956); зам. зав. отд. пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам (1956-1962); первый зам. зав. Идеологическим отделом ЦК КПСС (1962-1963); председатель Госкомитета Совмина СССР по кинематографии (1963-1965); глав. ред. газеты «Советская культура» (1972-1983)

Из десяти персон, на которых удалось обнаружить сопоставимые биографические сведения, не учитывались двое, чей жизненный путь оборвался в сталинских лагерях. Уроженец Нижегородского уезда Павел Петрович Штатнов, начинавший журналистскую карьеру в нижегородской газете «Молодая рать», умер в Буреполомлаге 14 апреля 1945 г. Коренной нижегородец Михаил Васильевич Попов, в 1930 г. ставший ответственным редактором газеты «Ленинская смена», был расстрелян в 1938 г. Остальные соратники Алексея Распевина по журналистскому цеху начинали карьеру в 1920–1930-е гг. в нижегородских изданиях «Молодая рать», «Ленинская смена» и «Горьковская коммуна». Социальное происхождение никакой роли не играло: помимо представителей рабочих и крестьян, среди наших персонажей есть выходцы из семей сельской и городской интеллигенции. В разные годы все они (нет сведений по К.И. Погдину) стали членами партии и имели опыт комсомольской и/или партийной работы; четверо закончили местный пединститут, один в нем учился, а об образовании двоих нет сведений. За исключением Е.И. Рябчикова (в годы войны он находился в лагере и на поселении), остальные шестеро имели разный опыт военной журналистики. Все они (по Погдину нет сведений) вели активную журналистскую и литературную работу в годы «оттепели». Хотя по большинству из них отсутствуют сведения о членстве в творческих союзах, скорее всего, все они, работая в центральных изданиях, были членами Союза журналистов.

Все сказанное дает основания рассматривать профессиональный путь Распевина (в т.ч. в период «оттепели») как типичный для творческого «авангарда» поколения журналистов-шестидесятников. В семейном архиве родственников Распевина сохранилась его автобиография, ряд справок, заявлений и характеристик. Родился он 25 февраля 1907 г. в Нижнем Новгороде в многодетной семье. Мать занималась домашним хозяйством, а отец работал столяром на одном из заводов Общества железодельных, сталелитейных и механических заводов «Сормово», в ноябре 1922 г. переименованного в «Красное Сормово». Впрочем, отец Алексея до этого события не дожил, скончавшись в 1920 г., а вскоре умерла и мать. Тринадцатилетний подросток был вынужден идти работать рассыльным в сормовский рабочий кооператив, а в 1922 г. стал учеником литейщика (позднее литейщиком) на заводе «Красное Сормово» и одновременно вступил в комсомол.

С самого начала трудовой деятельности Алексей включился в работу местной комсомольской и партийной печати в качестве юнкора. Но его профессиональная журналистская деятельность началась чуть позже – в 1925 г. – в редакции краевой молодежной газеты «Молодая рать» в качестве заведующего отделом рабочей молодежи. Из воспоминаний П.П. Штатнова узнаем о состоявшемся в редакции 12 марта 1925 г. собрании «начинающих поэтов и писателей», среди которых был «Алексей Распевин, подвизавшийся потом на поприще фельетониста под

псевдонимом А. Грош»³. Собрание положило начало созданию литературного кружка «Молодая рать», из которого выросла литературная группа «Молодая гвардия», преобразованная в апреле 1928 г. в Нижегородскую ассоциацию пролетарских писателей, а в 1934 г. – в Горьковское отделение Союза советских писателей. О том, что Алексей Распевин входил в ядро «молодоратейцев», упоминал и М.В. Шестериков, чей литературный дебют состоялся в этом кружке⁴.

В газете «Молодая рать» Алексей Распевин проработал до ее закрытия в 1929 г., сменив редакцию на кабинет зав. отделом агитации и пропаганды Сормовского райкома ВЛКСМ. Но уже в 1930 г. молодой коммунист (с 1927 г.) был направлен на работу в возобновившую свою деятельность под названием «Ленинская смена» краевую комсомольскую газету, где быстро проделал путь от зав. отделом до главного редактора газеты, в редакции которой работали ставшие впоследствии известными всей стране журналисты. Отмечая 50-летний юбилей газеты, «Комсомолка» писала: «С каждым годом крепла, обростала активом «Ленинская смена». Многие потом стали видными профессиональными журналистами: Евгений Рябчиков, Леонид Кудреватых, Алексей Распевин, Константин Погодин ...»⁵. Один из сотрудников газеты Константин Поздняев отмечал, что в газете работали «талантливые люди, чьи имена со временем получили широкую известность»: критик Борис Рюриков, писатель-документалист Евгений Рябчиков, журналисты Константин Смирнов, Виктор Николаев и Алексей Распевин⁶.

В октябре 1931 г. наш герой был избран вторым секретарем Нижегородского крайкома ВЛКСМ⁷, а в январе 1932 г. – членом Нижегородского крайкома ВКП (б). Не имевший высшего образования Алексей обратился с просьбой отпустить его на учебу и был откомандирован в Горьковский Институт марксизма-ленинизма. Но учебу завершить не удалось: в 1933 г. Распевин был направлен на работу в политотдел Котовской МТС Горьковской области в качестве заместителя начальника по партийно-массовой работе. Однако ликвидация политотделов МТС в ноябре 1934 г. позволила Алексею Ивановичу вернуться к любимой работе. В конце 1934 г. он был назначен заведующим промышленным отделом «Горьковской коммуны», которой посвятил 10 лет, в частности, в 1941-1943 г. заведовал отделом партийной жизни⁸. Последующие 16 лет его журналистской деятельности были связаны с «Известиями». В 1943-1945 гг. Алексей Иванович трудился корреспондентом газеты по Горьковской и Ростовской областям, а после Победы был переведен в аппарат редакции газеты. Начав путь с литературного редактора отдела советского строительства, Распевин стал заместителем редактора

³ Воспоминания П.П. Штатнова... 2011: 141.

⁴ Пашкова 2016; Родина 2018: 235; Штатнов 1966: 6-7.

⁵ Курьлев 1969: 3.

⁶ Поздняев 1981: 20.

⁷ Распевин 1982: 4.

⁸ Агеев, Распевин 1979: 3.; Смирнов 2006.

этого отдела, заведующим отделом информации, а с декабря 1954 г. по июнь 1959 г. – членом редколлегии и редактором отдела критики и библиографии⁹. В марте 1967 г. в канун 50-летия «Известий» в поздравлении коллектива газеты был отмечен вклад Распевина в упрочение *«авторитета и популярности газеты в массах читателей»*. Еще в одном поздравлении от известинцев *«трудолюбивому пахарю на ниве журналистики»* Алексея Ивановича называли *«толпредом ... газеты»*¹⁰.

В 1945 г. уже сложившийся журналист, с опытом партийной работы, поступил на заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б), которую окончил в ноябре 1948 г. После окончания ВПШ он регулярно привлекался Отделом пропаганды и агитации ЦК к работе в редакционных аппаратах съездов партии и сессий Верховного Совета СССР, а также для проведения семинаров с заведующими отделов советского строительства региональных газет¹¹. Продолжил он и литературную деятельность, в частности, его афоризмы были включены в антологию *«Крокодилу – 60 лет: Юбилейная летопись»*¹².

Пик журналистской деятельности Алексея Ивановича пришелся на вторую половину 1950-х – 1960-е гг. «Оттепель» и «советская журналистика». Объединяя эти слова, мы сразу представляем ставшие хрестоматийными фигуры главных редакторов «Нового мира» (А. Твардовского) и «Известий» (А.И. Аджубея). Но за флагманами советской журналистики стояла целая армия журналистов, менявшая, пусть и медленно, облик сталинской печати. Именно «офицеры» журналистского «фронта» (одним из них был и Распевин) формировали и поддерживали общий дух «оттепельной журналистики» с ее нацеленностью на человека.

Впрочем, хрущевские перемены были встречены нашим героем, как и большинством его коллег, с осторожным оптимизмом. Сегодня «журналистская оттепель» воспринимается иначе, нежели ее ощущали современники, для которых картина была далеко не монолитной. Илья Эренбург, вспоминая, как после смерти Сталина *«просыпалась критическая мысль»*, отмечал, что в 1954–1956 гг. *«мы слишком предавались иллюзии, да и слишком легко отчаивались»*. Так, «Литературная газета» всего за два месяца до XX съезда партии приписывала Сталину выступления против «культы личности» и рассуждала о позитивном влиянии вождя на развитие советской литературы. Многие статьи этого периода *«ничего не выражали, да и ничего не отражали»*, так как *«люди еще побаивались говорить о многом, что оставалось несказанным»*¹³.

Понятно, что советская журналистика не могла дружно развернуться на 180 градусов. Газетный дискурс не менялся сильно и резко. Например, контент-анализ выявил типичность употребления слов

⁹ Хроника 1954: 8.

¹⁰ Из домашнего архива родственников А.И. Распевина.

¹¹ Два семинара 1948.

¹² Распевин 1983: 191-192.

¹³ Эренбург 2005.

«труд», «лёд», «выбор», «человек» и «коммунизм» для «Известий» 1950–1952 гг. Аналогичны данные за 1947–1949 гг. и 1953–1955 гг. Однако в 1953–1955 гг. в текстах «Известий» все чаще появляется слово «тепло», по частоте употребления сопоставимое со словом «коммунизм». Похожа и картина 1956–1958 гг., за исключением того, что среди значимых появились слова «спутник» и «правда».

Для 1959–1961 гг. динамика сохраняется, хотя актуализируется употребление слова «холод», видимо, как антипода «тепла», и увеличивается частота использования слова «космос». И, наконец, для периода 1962–1964 гг. расширяется употребление слов «подвиг», «сердце», «снег» и «страх». Заметно, что газетные тексты этого времени изобиловали «метеорологической лексикой», противопоставляя слова «оттепель», «весна», «солнце» и «тепло» - «зиме», «холоду», «льду» и «снегу», которые, видимо, должны были вызывать у читателей ассоциации с недавним прошлым¹⁴.

Очевидно, что новые веяния в журналистике не возникли на ровном месте. Истоки «оттепельной» журналистики лежали в лучших образцах фронтовой и послевоенной очеркистики. Осенью 1951 г. в «Известиях» появилась целая серия очерков Распевина о людях труда: инженере и конструкторе московского завода «Динамо» Степане Труфанове, слесаре Подольского механического завода Николае Чайке, художнике и скульпторе из Ногинска Федоре Кузнецове. Биографии героев очерков мастерски вписывались в историю семьи (Труфанов), завода (Чайка) и города (Кузнецов)¹⁵. Уже в 1953–1954 гг. в СМИ были затронуты такие важные вопросы как, например, «Что следует говорить о прошлом?», «В чем заключается миссия интеллигенции и каковы ее взаимоотношения с партией?» и т.п.¹⁶.

Не наблюдалось резких перемен и в кадровой политике. «Комсомольской правдой» в 1950–1957 гг. руководил Дмитрий Петрович Горюнов, чью деятельность его преемник А.И. Аджубей оценивал весьма высоко: *«Во-первых, ценился и вырабатывался профессионализм, во-вторых, уже в самом начале 50-х больше, чем в других газетах, допускались свобода мнений, спор, поощрялась острая тема»*¹⁷.

Главным редактором «Крокодила» в 1953–1958 гг. оставался Сергей Александрович Швецов, а сменивший его Мануил Григорьевич Семенов занимал кресло главного редактора до 1975 г. Константин Николаевич Губин, бывший главным редактором «Известий» с января 1948 г. по май 1959 г., писателю, поэту и журналисту Ивану Владимировичу Дроздову запомнился как *«этаким дворянином, забредшим в наше грубое, лохматое время»*, который *«из вежливости ... перестал требовать звонких заголовков»* и *«мирно, без разносов и возражений, подпи-*

¹⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Перова 2017: 140–143.

¹⁵ Распевин 1951a; 1951c.; 1951b.

¹⁶ Волковский 2006: 47.

¹⁷ Аджубей 1989: 59

сывал газетные полосы, на которых пестрели» стандартные заголовки типа «К новым успехам» или «Слово передовика»¹⁸.

Это неудивительно, учитывая, что повестка советской журналистики артикулировалась партийными органами. Однако журналистика этого периода «не просто репродуцировала партийные постулаты, но стремилась по-своему интерпретировать окружающую действительность»¹⁹. Культивирование образа положительного героя – строителя новой жизни; особая роль визуального ряда; акцент на выделении «повестки дня» (репортажи, авторские колонки, злободневные материалы в «Известиях») ²⁰, — все это было веянием времени. Перед международным отделом «Известий» была поставлена непривычная для советской журналистики задача: «Газета сама должна делать политику, и она же ее отражать»²¹. Вместо доминировавшей политико-идеологической тематики на первое место выходили социально-экономические вопросы. Исследования дискурса «оттепельной» журналистики²² позволяют выделить ее характерные черты: некоторую свободу слова и наличие авторского мнения; актуализацию дискуссии об общественно значимых проблемах; новые способы подачи материала.

Но привычной практикой оставалось «дублирование», когда региональные газеты давали перепечатки из ведущих изданий страны и информационных агентств без всяких комментариев. На это обстоятельство в ноябре 1955 г. обратил внимание герой нашей статьи: «*Читатели отмечают, что даже о не очень крупных событиях в столице (выставках, концертах, слетах и пр.) они вынуждены читать “одну и ту же информационную заметку во всех или почти во всех центральных газетах”, под которой “стоит неизменная подпись – ТАСС”*». Причину этого журналист видел в отсутствии в редакциях газет «репортеров, «добытчиков» злободневных новостей, фактов ...»: «лагерь репортеров» сохранился только в ТАСС и на радио²³. Поэтому именно на восстановление жанра репортажа Распевин направил свои усилия.

Этому способствовала сложившаяся в «Известиях» во второй половине 1950-х гг. творческая атмосфера, ставшая своеобразным брендом издания. Немалую роль в этом играло руководство газеты. И.В. Дроздов вспоминал, как в 1960 г. пришел на работу в «Известия». Журналист, более 10 лет проработавший в газете «Сталинский сокол» (с 1956 г. - «Советская авиация») попал на прием к «наиглавнейшему человеку в редакции» - первому заместителю главреда Александру Николаевичу Баулину, который и «газету «вел», и кадрами ведал». Дроздов отмечал «как много работал, как был умен, талантлив и доброжела-

¹⁸ Дроздов 2018.

¹⁹ Стровский 2001: 10.

²⁰ Аджубей 1989; Уль 2011.

²¹ Максимова 2003: 110.

²² Буряк 2016; Даутова 2010а; Марущак 2009; Перова 2017.

²³ Распевин 1955: 7,8.

телен этот человек», который первым покинул газету, «едва вступил к нам на порог Аджубей»²⁴.

Если в предыдущие годы члены редакций газет подбирались, главным образом, по партийному стажу и социальному происхождению²⁵, постепенно на смену рабкорам и селькорам приходили люди творческих и интеллектуальных профессий. Это смещало стратегию газетных публикаций в сторону социально-нравственных вопросов²⁶, а редакции превращались в «живое место, ... где идет творческое обсуждение номеров, планов и проблем»²⁷. Именно в этот период окончательно оформилось литературное и журналистское кредо Распевина, весьма разнообразное по жанрам и тематике. Однако ведущую роль он по-прежнему отводил репортажу, так как был уверен, что читателям необходимо «больше информационных сообщений о событиях, происходящих в нашей стране»²⁸. Одним из первых советских журналистов Алексей Иванович опубликовал на страницах «Известий» серию репортажей о поездке в КНР²⁹, позднее изданную отдельной брошюрой.

Конечно, Алексей Иванович был человеком эпохи, где общий вектор перестройки журналистики определяли высшие партийные инстанции³⁰. Например, в условиях информационного противостояния двух сверхдержав он откровенно издевался над антикоммунистической истерией в США, где отставной генерал Стэндли потребовал снять с рождественских елок в Калифорнии красные звезды как «символы коммунизма»³¹, или высмеивал освещение «Манчестер Гардиан» визита в Москву премьер-министра Великобритании М. Макмиллана в традициях «большого вранья и дешевой лжи», представляя советскую власть как смесь «тяжелого папиросного дыма, пота, соленых огурцов и дешевых духов»³².

Распевин продолжил работу в газете и после прихода команды Аджубея, с июня 1959 г. по июнь 1960 г. занимая пост редактора отдела. Но в июне 1960 г. решением Секретариата ЦК КПСС он был назначен ответственным секретарем еженедельника ЦК партии – «Экономической газеты», пробыв на этом посту 2 года. А в неоднозначных условиях брежневского «неосталинизма» важная часть профессиональной деятельности Распевина оказалась связанной с ежемесячником «Журналист», призванным способствовать повышению профессионализма советской журналистики. 2 февраля 1967 г. коллеги по редакции сер-

²⁴ Дроздов 2018.

²⁵ Даутова 2010b: 100.

²⁶ См., например: Понедельник 1960; Тэсс 1959; Чайковская 1962.

²⁷ Аграновский 1978.

²⁸ Распевин 1955: 8.

²⁹ Распевин 1956b; 1956c; 1956d; 1956a; 1957.

³⁰ В Центральном Комитете КПСС... 1962: 1-2; О работе газеты «Известия»... 1987: 342-344; Съезд журналистов... 1960: 11.

³¹ Распевин 1950.

³² Иванов 1959.

дечно поздравили его с 60-летием, пожелав «хорошей рыбалки / у реки, газетной подшивки, у океана острот/». В 1970 г. за многолетнее и плодотворное участие в работе редакции «Журналиста» внештатный корреспондент журнала Распевин был награжден Почетной грамотой Секретариата Правления Союза журналистов СССР³³.

Существенное сужение сферы творческих поисков в брежневскую эпоху заставляло журналистов прибегать к «эзопову» языку или сосредотачиваться на региональной тематике и «формальной» стороне журналистской деятельности. Именно этим путем пошел Алексей Иванович, в конце 1960-х гг. выступивший за возрождение незаслуженно забытых в ряде газет жанров обзора и обозрения³⁴, в которых активно работал все шестидесятые годы. Особенно оперативно Распевин реагировал на происходящие изменения в сфере журналистики (особенно региональной), выискивая «жемчужины» в море однообразных материалов. В частности, он информировал читателей журнала «Советская печать» о создании в местных газетах новых отделов, выпуске сменных полос для городских и сельских читателей («Газетный лист – зеркало работы редакции») ³⁵. Целая серия обзоров региональных газет (в том числе, под псевдонимами Алексей Иванов и И. Алексеев) об опыте по освещению работы местных советов (в «Камчатской правде», «Магаданской правде», владимирском «Призыве» и др.) и популяризации службы быта (в ярославском «Северном рабочем») была опубликована в 1960-е гг. в журнале «Советы депутатов трудящихся»³⁶.

В последующие годы Алексей Иванович прочно занял нишу обзоров, обозрений и рецензий различных изданий. Он высоко оценил инициативу газеты «Львовская правда», организовавшей читательскую дискуссии по проблемам профилактики пьянства³⁷. Обратил внимание читателей на ставшую периодической рубрику «За коллектив без правонарушений» на страницах «Белгородской правды»³⁸. Поддержал опыт ивановской областной газеты «Рабочий край» по пропаганде технического перевооружения промышленности³⁹. Журналист особенно активно пропагандировал новацию «Брянского рабочего», где в ноябре 1979 г. появилась рубрика «Летопись 10 “А”», в которой за полгода было опубликовано 15 больших материалов (своеобразная летопись) о 10 «А» навлинской средней школы № 2⁴⁰. Приветствовал журналист и инициативу газеты «Красный Север», где на первом странице несколько раз в неделю стала выходить информационная рубрика «По страницам центральных газет и журналов. О делах вологжан». Вскоре анало-

³³ Благодарность коллегам 1970: 35.

³⁴ Распевин 1968b.

³⁵ Распевин 1963a: 11.

³⁶ Иванов 1964a: 95-96; 1964b: 94-95; Распевин 1968a: 77-79; 1968c: 79-81.

³⁷ Алексеев 1972a: 60.

³⁸ Алексеев 1972c: 31.

³⁹ Алексеев 1972b: 53.

⁴⁰ Распевин 1980b: 49-50.

гичные рубрики появились и в других газетах⁴¹. Ценной считал Распевин новацию газеты «Горьковская правда», с начала 1980 г. начавшей еженедельно публиковать целевые страницы «Стадион» - об успехах и проблемах развития областного спорта в преддверии Олимпиады-80⁴².

В феврале 1977 г. в связи с 70-летием со дня рождения и 50-летием журналистской деятельности Алексей Иванович был награжден почетным дипломом за подписью главного редактора «Журналиста» Владимира Прохоровича Жидкова. Именно при Жидкове, занимавшем это кресло в 1969–1989 гг., *«журнал постарался вернуть себе и прежние степени свободы, и профессионализм»* и в *«движении из репрессивного к свободному перестроичному периоду ... всегда был чуть впереди общества»*⁴³. Александр Щербаков, бывший в 1970–1988 гг. ответственным секретарем журнала, вспоминал, что журнал в годы *«явного брежневского слабоумия, андроповского тупизма, черненкоовского не пойми чего»* оказался *«удобным прибежищем в тягостной череде «решающих», «определяющих», «завершающих», «предсъездовских» и прочих заунывных годов, когда журналистика в нашей стране превратилась в истинно подручную служанку Партии с большой буквы»*. Публикация в каждом номере обязательного материала, соответствующего *«идеологической линии ЦК»*, позволяла *«вести полноценный разговор о профессии, ее конкретике и деталях»*, давая возможность *«создать благодатный закуток, свободный от политической трескотни»*⁴⁴. Именно поэтому после выхода на пенсию Алексей Иванович в 1980–1984 гг. продолжил сотрудничество с журналом.

За 30 лет работы в советской и партийной печати журналист опубликовал несколько сотен статей, очерков, корреспонденций и брошюр. Литературное творчество Алексея Ивановича (в т.ч. под псевдонимом Антон Улыбин) представлено, прежде всего, *афоризмами*, за годы деятельности структурированными по разным рубрикам⁴⁵, в том числе, *«Из размышлений Пруткова (внука)»*⁴⁶. В творческой копилке журналиста - эпиграммы, фельетоны и стихотворения. Если проанализировать эти *«мысли вслух»*, то можно обнаружить, что красной линией через все творчество Распевина проходит тема профессионализма, девизом которой могут служить его слова *«Бедную мысль суетливостью пера не обогатишь»*⁴⁷.

Заслуги Алексея Ивановича на журналистском поприще были отмечены правительственными наградами - двумя орденами «Знак Почета» и тремя медалями, одна из которых – *«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»*. Но важнее другое – вклад

⁴¹ Распевин 1980с: 24.

⁴² Распевин 1980а: 19.

⁴³ Гребенникова 2016.

⁴⁴ Распопова 2022.

⁴⁵ Распевин 1978: 5; Распевин 1971: 104–105.

⁴⁶ Распевин 1963b.

⁴⁷ Распевин 1952; Распевин 1964; Распевин 1983.

журналиста в формирование новых подходов, тем и жанров советской журналистики. Было бы неправильно характеризовать творчество Распевина как нечто, выходящее за границы советской, партийной по риторике, журналистики. Но в своем творчестве он всегда стремился отойти от набивших оскомину штампов, отразить в своих репортажах и очерках живую жизнь и человека труда, причем, в самом широком смысле этого слова, не ограничиваясь «пролетарским» фокусом. Алексей Иванович был уверен, что «авторитет завоевывается упорным трудом, творческой работой, кипучей энергией»⁴⁸. В своем творчестве он руководствовался принципом: «Если склонен писать без конфликтов – поступай в нотариусы»⁴⁹. Конечно, подобные выводы требуют глубокого анализа текстов журналиста, что выходит за рамки данной статьи. Пока можно констатировать, что, оставаясь человеком советской системы, он через всю свою жизнь пронес веру (пусть в чем-то наивную) в то, что профессионализм каждого на своем месте может изменить мир к лучшему.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Агеев П., Распевин А. «Комсомол – это и есть подлинная поэма ...» // Ленинская смена. Орган Горьковского областного комитета ВЛКСМ. 1979. 22 апр. № 80 (99951). С. 3. [Agueyev P., Raspevin A. «Komsomol – eto i yest' podlinnaya poema ...» // Leninskaya smena. Organ Gor'kovskogo oblastnogo komiteta VLKSM. 1979. 22 apr. № 80 (99951). S. 3.]
- Алексеев И. Бурьян вырывают с корнем // Журналист. 1972а. № 5. С. 60. [Alekseyev I. Bur'yan vyruvayut s kornem // Zhurnalist. 1972a. № 5. S. 60.]
- Алексеев И. Выгоды реконструкции // Журналист. 1972b. № 10. С. 53. [Alekseyev I. Vygody rekonstruktsii // Zhurnalist. 1972b. № 10. S. 53.]
- Алексеев И. «За коллектив без правонарушений» // Журналист. 1972с. № 4. С. 31. [Alekseyev I. «За kollektiv bez pravonarusheniy» // Zhurnalist. 1972с. № 4. S. 31.]
- Иванов А. Капля и море // Советы депутатов трудящихся. 1964а. № 2. С. 95-96. [Ivanov A. Kaplya i more // Sovety deputatov trudyashchikhsya. 1964a. № 2. S. 95-96.]
- Иванов А. По старой орбите // Известия. 1959. № 50 (12977). 28 февр. [Ivanov A. Po staroy orbite // Izvestiya. 1959. № 50 (12977). 28 fevr.]
- Иванов А. Чтобы всегда было хорошее настроение // Советы депутатов трудящихся. 1964b. № 6. С. 94-95. [Ivanov A. Chtoby vsegda bylo khorosheye nastroyeniye // Sovety deputatov trudyashchikhsya. 1964b. № 6. S. 94-95.]
- Распевин А. Будни советов далеко полуострова // Советы депутатов трудящихся. 1968а. № 8. С. 77-79. [Raspevin A. Budni sovetov daleko poluostrova // Sovety deputatov trudyashchikhsya. 1968a. № 8. S. 77-79.]
- Распевин А. В гору идущие // Известия. 1951а. 3 нояб. [Raspevin A. V goru idushchiye // Izvestiya. 1951a. 3 noyab.]
- Распевин А. В добрый путь, «Стадион» // Журналист. 1980а. № 4. С. 19. [Raspevin A. V dobryu put', «Stadion» // Zhurnalist. 1980a. № 4. S. 19.]
- Распевин А. В индустриальном крае // Известия. 1957. 6, 9 янв. [Raspevin A. V industrial'nom krae // Izvestiya. 1957. 6, 9 yanv.]
- Распевин А. В первом ряду // Известия. 1953. № 75. 29 марта [Raspevin A. V pervom ryadu // Izvestiya. 1953. № 75. 29 marta.]
- Распевин А. В литературном салоне // Крокодил. 1973. № 35. С. 6. [Raspevin A. V literaturnom salone // Krokodil. 1973. № 35. S. 6.]
- Распевин А. Важный жанр // Экономическая газета. 1968b. № 42. [Raspevin A. Vazhnyy zhanr // Ekonomicheskaya gazeta. 1968b. № 42.]
- Распевин А. Восхождение на горы // Известия. 1956а. 22 дек. [Raspevin A. Voskhozhdeniye na gory // Izvestiya. 1956a. 22 dek.]

⁴⁸ Распевин 1953.

⁴⁹ Распевин 1952.

- Распевин А. Время не дает отсрочек // Советская печать. 1963а. № 9. С. 11-15. [Raspevin A. Vremya ne dayet otsrochek // Sovetskaya pechat'. 1963а. № 9. S. 11-15.]
- Распевин А. Всегда боец // Марийская правда. 1982. 11 февр. №35 (15731). С. 4. [Raspevin A. Vsegda boyets // Mariyskaya pravda. 1982. 11 fevr. №35 (15731). S. 4.]
- Распевин А. Достойная всех жанров ... // Советы депутатов трудящихся. 1968с. № 12. С. 79-81. [Raspevin A. Dostoynaya vseh zhanrov ... // Sovety deputatov trudyashchikhsya. 1968с. № 12. S. 79-81.]
- Распевин А. Елки без звезд // Известия. 1950. № 302 (10451). 23 дек. [Raspevin A. Yelki bez zvezd // Izvestiya. 1950. № 302 (10451). 23 dek.]
- Распевин А. Из записной книжки // Журналист. 1978. № 10. С. 5. [Raspevin A. Iz zapisnoy knizhki // Zhurnalist. 1978. № 10. S. 5.]
- Распевин А. Из размышлений Пруткова (внука) // Крокодилу – 60 лет: Юбилейная летопись / Сост. М. Семенов. М.: «Правда», 1983. С. 191-192. [Raspevin A. Iz razmyshleniy Prutkova (vnuka) // Krokodilu – 60 let: Yubileynaya letopis' / Sost. M. Semenov. M.: «Pravda», 1983. S. 191-192.]
- Распевин А. Из размышлений Пруткова (внука) // Мысли и афоризмы. М.: Изд-во «Правда», 1963b. С. 3-16. [Raspevin A. Iz razmyshleniy Prutkova (vnuka) // Mysli i aforizmy. M.: Izd-vo «Pravda», 1963b. S. 3-16.]
- Распевин А. Из размышлений Пруткова (внука) // Известинец. 1952. № 5. С. 4. [Raspevin A. Iz razmyshleniy Prutkova (vnuka) // Izvestinets. 1952. № 5: 4.]
- Распевин А. Из размышлений Пруткова (внука) // Советская торговля. 1964. № 8: 3. [Raspevin A. Iz razmyshleniy Prutkova (vnuka) // Sovetskaya torgovlya. 1964. № 8: 3.]
- Распевин А. Интервью на рисовом поле // Известия. 1956b. 21 нояб. [Raspevin A. Interv'yu na risovom pole // Izvestiya. 1956b. 21 noyab.]
- Распевин А. Летопись 10 «А» // Журналист. 1980b. № 11. С. 49-50. [Raspevin A. Letopis' 10 «А» // Zhurnalist. 1980b. № 11. S. 49-50.]
- Распевин А. Мысли и афоризмы // Спутник. Ежемесячный дайджест. 1971. № 12. С. 104-105. [Raspevin A. Mysli i aforizmy // Sputnik. Yezhemesyachnyy daydzhest. 1971. № 12. S. 104-105.]
- Распевин А. Мэй Шу-сянь и другие // Известия. 1956с. 7 дек. [Raspevin A. Mey Shu-syan' i drugiye // Izvestiya. 1956с. 7 dek.]
- Распевин А. Нужен репортер, нужен репортаж! // Советская печать. 1955. № 2. Ноябрь. С. 7-8. [Raspevin A. Nuzhen reporter, nuzhen reportazh! // Sovetskaya pechat'. 1955. № 2. Noyabr'. S. 7-8.]
- Распевин А. По широкому фарватеру // Известия. 1956d. 30 нояб. [Raspevin A. Po uzkomu farvateru // Izvestiya. 1956d. 30 noyabrya.]
- Распевин А. Прутков (внук). Раздумья о пере // Советская печать. 1964. № 8. [Raspevin A. Prutkov (vnuk). Razdum'ya o pere // Sovetskaya pechat'. 1964. № 8.]
- Распевин А. Разговор о духовной культуре // Известия. 1951b. 19 окт. [Raspevin A. Razgovor o dukhovnoy kul'ture // Izvestiya. 1951b. 19 okt.]
- Распевин А. Утро Китая // Известия. 1956е. 15 нояб. № 271. [Raspevin A. Utro Kitaya // Izvestiya. 1956е. 15 noyab. № 271.]
- Распевин А. Чайка // Известия. 1951с. 2 окт. [Raspevin A. Chayka // Izvestiya. 1951с. 2 okt.]
- Распевин А. «Что пишут о нас в Москве?» // Журналист. 1980с. № 1. С. 24. [Raspevin A. «Chto pishut o nas v Moskve?» // Zhurnalist. 1980с. № 1. S. 24.]

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аграновский В.А. Ради единого слова: Журналист о журналистике. М.: Мысль, 1978. 168 с. [Agranovskiy V.A. Radi yedinogo slova: Zhurnalist o zhurnalistike. M.: Mysl', 1978. 168 s.]
- Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989. [Adzhubey A.I. Te desyat' let. M., 1989.]
- Благодарность коллегам // Журналист. 1970. № 11. С. 35. [Blagodarnost' kollegam // Zhurnalist. 1970. № 11. S. 35.]
- Буряк Е.М. Пресса конца 1950-х - начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). [Buryak Ye.M. Pressa kontsa 1950-kh - nachala 1960-kh gg. kak kanal formirovaniya obshchestvennogo soznaniya v SSSR // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 3 (53).]
- В Центральном Комитете КПСС. О повышении действенности выступлений советской печати // Советская печать. 1962. № 10. С. 1-2. [V Tsentral'nom Komitete KPSS. O povyshenii deystvennosti vystupleniy sovetской печати // Sovetskaya pechat'. 1962. № 10. S. 1-2.]

- Важнов М. Неистовый. Жизнь и судьба Е.И. Рябчикова. 1909–1996. М.: Издательство Просек-ов, 2017. 480 с. [Vazhnov M. Neistovyy. Zhizn' i sud'ba Ye.I. Ryabchikova. 1909–1996. M.: Izdatel'stvo Prosekov, 2017. 480 s.]
- Волковский Н.Л. Отечественная журналистика 1950-2000. СПб, 2006. [Volkovskiy N.L. Otechestvennaya zhurnalistika 1950-2000. SPb, 2006.]
- Воспоминания П.П. Штатнова о возникновении и первых годах существования газеты «Молодая рать» [1935 г.] // Творческий Нижний: к истории становления и развития творческих организаций. 1918-1939 гг. / Сост. Я. М. Хорошкин. Нижний Новгород: Центральный арх. Нижегородской обл., 2011. [Vospominaniya P.P. Shtatnova o vznikhnovenii i pervykh godakh sushchestvovaniya gazety «Molodaya rat'» [1935 g.] // Tvorcheskiy Nizhniy: k istorii stanovleniya i razvitiya tvorcheskikh organizatsiy. 1918-1939 gg. / Sost. YA. M. Khoroshkin. Nizhniy Novgorod: Tsentral'nyy arkh. Nizhegorodskoy obl., 2011].
- Гребеникова Н. Журналист Нина Мальченко // «Заволжье». Николаевская общештенополитическая газета. 2016. Вып. 85 от 29 окт. [Grebennikova N. Zhurnalist Nina Mal'chenko // «Zavolzh'ye». Nikolayevskaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta. 2016. Vyp. 85 ot 29 okt.] URL: <http://zavol34.ru/articles/media/2016/11/1/zhurnalist-nina-malchenko/>.
- Даутова Р.В. Границы свободы слова в годы хрущевской «Оттепели» // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010а. № 4. [Dautova R.V. Granitsy svobody slova v gody khrushchevskoy «Ottepeli» // Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. 2010a. № 4.]
- Даутова Р.В. Кадровая ситуация в региональной журналистике периода «оттепели» // Вестник Томского государственного университета. История. 2010б. № 4 (12). [Dautova R.V. Kadrovaya situatsiya v regional'noy zhurnalistike perioda «ottepeli» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2010b. № 4 (12).]
- Два семинара // Известиец. 1948. 5 мая № 131. [Dva seminarov // Izvestietets. 1948. 5 maya № 131.]
- Дроздов И.В. Последний Иван. М.: «Чеховский Печатный Двор», 2018 [Drozdov I.V. Posledniy Ivan. M.: «Chekhovskiy Pechatnyy Dvor», 2018].
- Кудреватых Л. Мои современники. М.: Советский писатель, 1975. [Kudrevatykh L. Moi sovremenniki. M.: Sovetskiy pisatel', 1975.]
- Курылев Л. Всегда на переднем крае. Газете «Ленинская смена» - 50 лет // Комсомольская правда. 1969. 30 мая. № 124 (13501). С. 3. [Kurylev L. Vseгда na perednem kraye. Gazete «Leninskaya smena» - 50 let // Komsomol'skaya pravda. 1969. 30 maya. № 124 (13501). S. 3.]
- Максимова Э. Начало // Алексей Адзубей в коридорах четвертой власти. М., 2003. С. 110. [Maksimova E. Nachalo // Aleksey Adzhubey v koridorakh chetvertoy vlasti. M., 2003. S. 110.]
- Марущак А.В. Специфика публицистических текстов отечественной прессы периода хрущевской «Оттепели» (1953-1964 годы) // Филология и человек. 2009. №1. [Marushchak A.V. Spetsifika publitsicheskikh tekstov otechestvennoy pressy perioda khrushchevskoy «Ottepeli» (1953-1964 gody) // Filologiya i chelovek. 2009. №1.]
- О работе газеты «Известия». Постановление ЦК КПСС 24 июня 1959 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 342-344. [O rabote gazety «Izvestiya». Postanovleniye TSK KPSS 24 iyunya 1959 g. // KPSS o sredstvakh massovoy informatsii i proragandy. M., 1987. S. 342-344.]
- Пашкова В. Серебряный век в Нижнем Новгороде // ИЛИ Новости и история Нижнего Новгорода 10 февраля 2016 <https://old.ili-nnov.ru/serebryanyij-vek-v-nizhnem-novgorode/> [Pashkova V. Serebryanyy vek v Nizhnem Novgorode // ILI Novosti i istoriya Nizhnego N ovgoroda 10 fevralya 2016].
- Перова Е.А. Особенности газетного дискурса периода хрущевской «оттепели» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов. 2017. № 10 (76). Ч. 2. С. 140-143 [Perova Ye.A. Osobennosti gazetnogo diskursa perioda khrushchevskoy «ottepeli» // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, Tambov. 2017. № 10 (76). CH. 2. S. 140-143].
- Поздняев К. Боевое перо ветерана // Литературная Россия. 1981. 22 мая. № 21 (957). С. 20. [Pozdnyayev K. Boyevoye pero veterana // Literaturnaya Rossiya. 1981. 22 maya. № 21 (957). S. 20.]
- Понедельник В. Заинтересованные ведомства. А заинтересованные люди? // Известия. 1960. 18 февр. [Ponedel'nik V. Zainteresovannyye vedomstva. A zainteresovannyye lyudi? // Izvestiya. 1960. 18 fevr.]
- Распопова С. Одна на всех: из истории отечественной журналистики // Журналист. 2022. № 1. URL: <https://jrnlst.ru/history-journalism> [Raspopova S. Odnа na vsekh: iz istorii otechestvennoy zhurnalistiki // Zhurnalist. 2022. № 1. URL: <https://jrnlst.ru/history-journalism>].

- Родина Г.И. А.М. Горький в жизни и в творчестве М.В. Шестерикова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. № 3. С. 234-240. [Rodina G.I. A.M. Gor'kiy v zhizni i v tvorchestve M.V. Shesterikova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2018. № 3. S. 234-240].
- Смирнов С. Неповторимые и легендарные // Нижегородская правда. Архив номеров - № 62 от 17 июня 2006 URL: <http://old.ppravda-nn.ru/archive/number:80/article:993/> [Smirnov S. Nepovtorimyye i legendarnyye // Nizhegorodskaya pravda. Arkhiv numerov - № 62 ot 17 iyunya 2006 URL: <http://old.ppravda-nn.ru/archive/number:80/article:993/>].
- Сто писателей-нижегородцев: жизнь и творчество: краткие сведения. Н. Новгород, 2004. [Sto pisateley-nizhegorodtsev: zhizn' i tvorchestvo: kratkiye svedeniya. N. Novgorod, 2004].
- Стровский Д.Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. [Strovskiy D.L. Otechestvennyye politicheskiye traditsii v zhurnalistike sovetskogo perioda. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001.].
- Съезд журналистов, 1-й, 1959 г.: Стенографический отчет. М., 1960. [S"yezd zhurnalistov, 1-y, 1959 g.: Stenograficheskiy otchet. M., 1960.]
- Тэсс Т. Что вы даете другим? // Известия. 1959. 10 окт. [Tess T. Chto vy dayete drugim? // Izvestiya. 1959. 10 okt.].
- Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279-326 [Ul' K. Pokoleniye mezhdru «geroicheskim proshlym» i «svetlym budushchim»: rol' molodezhi vo vremya «ottepeli» // Antropologicheskiiy forum. 2011. № 15. S. 279-326]
- Хроника // Известиец. 1954. 25 дек. № 13 (207). С. 8. [Khronika // Izvestinets. 1954. 25 dek. № 13 (207). S. 8.].
- Чайковская О. Свирепая добродетель // Известия. 1962. 29 авг. [Chaykovskaya O. Svirepaya dobrodetel' // Izvestiya. 1962. 29 avg.].
- Штатнов П. Прекрасная жизнь. Роман. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1966. 316 с. [Shtatnov P. Prekrasnaya zhist'. Roman. Gor'kiy: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1966. 316 s.].
- Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. В 3-х тт. Т. 3. Кн. 7. М.: Текст, 2005. Сайт «Военная литература» URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/erenburg_eg07/index.html [Erenburg I.G. Lyudi, gody, zhizn'. V 3-kh tt. T. 3. Kn. 7. M.: Tekst, 2005. Sayt «Voyennaya literatura» URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/erenburg_eg07/index.html].

Орлов Игорь Борисович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». IOrlov@hse.ru

Цыганова Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Школа коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Itsyanova@hse.ru

Soviet Journalism of the “Thaw” Period: Experience of Modal Biography

This article is devoted to the history of Soviet journalism during the "Thaw" period through the prism of the biography of the journalist A.I. Raspevin, who worked in newspapers and magazines: "Crocodile", "Soviet Press", "Journalist" and "Soviets of Working People's Deputies", "Pravda", "Izvestia" and "Economic Newspapers". The focus of the study is aimed at the reconstruction of the professional activity of a journalist as typical for a whole generation of journalists of the sixties, inscribed in the socio-cultural context. And, on the transformation of journalism during the years of the “Thaw”, the origins of which can be found in military essays and reports, changing the agenda, formats for presenting material, genres that were relevant and in demand.

Keywords: «Thaw» period, modal biography, Soviet journalism, «Izvestia», politically affiliated printed media

Orlov Igor, D.Sc. (History), Professor, HSE University. IOrlov@hse.ru

Tsyganova Lubov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, School of Communications, HSE University. Itsyanova@hse.ru

О.В. ШЕМЯКИНА

ОБЩЕСТВО ДОМА-МУЗЕЯ ПАМЯТИ БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ В ПЕТРОГРАДЕ (1917–1919)¹

Статья посвящена истории Общества Дома-музея памяти борцов за свободу, существовавшего в Петрограде в 1917–1919 гг. Организация занималась сбором материалов по истории революционного движения и революции 1917 г. с целью создания Дома-музея, который задумывался как способ трансляции в массы революционной культуры, сложившейся в среде российской интеллигенции за предшествующие десятилетия. В статье рассмотрены цели создания Общества, его персональный состав, деятельность, связи с другими организациями, причины ликвидации.

Ключевые слова: революционное движение в России, революция 1917 года, историческая память, музейное дело в России, историко-революционный музей

Свержение самодержавия в России в феврале 1917 года привело к резкому изменению статуса участников революционного движения, которые из заключенных, ссыльных, эмигрантов и подпольщиков превратились в реальных претендентов на власть и новых культурных героев. История российского революционного движения к этому моменту насчитывала уже несколько десятилетий, через него прошли десятки тысяч человек, многие из которых были жертвами царских репрессий. Почти сразу после Февральской революции группой интеллигенции в Петрограде была выдвинута идея создания Дом-музея памяти борцов за свободу, для реализации которой создали одноименное общество (далее – ОДМ). Общество Дома-музея проработало с 1917 по 1919 гг., так и не достигнув своей изначальной цели – создания полноценного музея. Тем не менее, история этой организации заслуживает внимания. ОДМ было особым переходным звеном в процессе превращения сложившейся к 1917 г. революционной культуры из «подпольной» в национальную. Кроме того, в рамках ОДМ были заложены основы дальнейшей музеефикации истории революционного движения и развития историко-революционных музеев в России. При этом деятельность ОДМ долгое время оставалась практически неизвестной. Первые публикации о нем появляются только в 2000–2010-е гг.² Основным источником для изучения ОДМ является его небольшой фонд в Государственном архиве РФ. В данной статье будет рассмотрен персональный состав ОДМ, цели и результаты его работы, направления деятельности, взаимодействие с другими организациями и причины закрытия.

Возникновение ОДМ было первой в России попыткой создания музея истории революционного движения, хотя в эмиграции подобные идеи возникали и ранее. Так, проектом «Музея истории борьбы за поли-

¹ За помощь при подготовке статьи автор выражает благодарность Н.М. Саркисяну, Г.С. Кану, Н.Р. Славнитскому, Д.И. Иванову.

² Вакулина 2000; Саркисян 2017; Каплан 2017; Трибунский 2020.

тическое освобождение России» занимался М. Горький в 1912 г. на Капри, но после его отъезда из Италии эта работа не была продолжена³. До 1917 г. собиралась коллекция предметов, связанных с историей российского революционного движения; она находилась в Берлине на хранении у Социал-демократической партии Германии⁴. Планы по созданию аналогичного музея были и у редактора журнала «Былое» В.Л. Бурцева⁵.

Возникшее сразу же после Февральской революции, ОДМ было явлением своего времени. В революционной России создание общественных организаций стимулировалось новым гораздо более демократичным законодательством: 12 апреля 1917 г. было утверждено постановление «О собраниях и союзах», по которому все российские граждане получили право образовывать общества и союзы. Это привело к возникновению многих общественных организаций экономического и политического характера (профсоюзов, союзов предпринимателей и др.)⁶. Общественный подъем и либерализация законодательства способствовали также появлению новых обществ научного, творческого и культурно-просветительского характера (хотя в этой сфере резкого «бума» в тот момент не произошло). Так, в 1917 г. были созданы Общество российских архивных деятелей, общество «Культура и свобода», Союз деятелей искусств и др. С общими тенденциями совпали и постепенное угасание и затем и прекращение деятельности ОДМ уже на втором–третьем году его работы. После прихода к власти большевиков деятельность общественных организаций подверглась ограничениям на законодательном уровне, множество из них были закрыты решением новой власти. На затухание или полное прекращение работы организаций повлияли также разруха и хаос Гражданской войны. В результате это привело к тому, что, например, в Петрограде в 1918–1920 гг. из 500 существовавших ранее обществ остались только 50 организаций⁷.

Развитие музейного дела в постреволюционной России шло по несколько иной траектории. В крайне тяжелые для страны 1918–1920 гг. произошел музейный «бум», и количество музеев резко возросло. Это было связано с возникшей в условиях революции и Гражданской войны необходимостью охраны культурных памятников, конфискацией и национализацией культурных ценностей, дворцов, усадеб, особняков и монастырей. Таким образом, идея создания Дома-музея памяти борцов за свободу появилась на волне роста музейной активности, и в то же время ОДМ закладывало основы нового направления в музейном деле – создания историко-революционных музеев, которые стали открываться в России с 1920 г., начиная с Музеев революции в Петрограде и Москве.

³ Летопись жизни... 301, 314, 351.

⁴ Фигнер 1929: 449; Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 479. Folder 9.

⁵ От редакции журнала...

⁶ Ильина 2000: 29–30.

⁷ Там же: 32.

Инициатива создания Дома-музея и его Общества исходила не из музейной или историко-научной среды. Она зародилась в Петроградском комитете помощи политическим заключенным. История организаций под общим названием Политический Красный Крест (далее – ПКК), занимавшихся помощью политзаключенным, берет свое начало в конце 1870-х гг. в народнической и народовольческой среде. В период между революцией 1905 г. и Первой мировой войной таких обществ было несколько, как за границей (в Лондоне, Париже, Кракове), так и в разных городах России, где они действовали нелегально или полуполюгально. После Февральской революции произошло массовое освобождение политзаключенных, и актуальной стала проблема их адаптации к новой жизни. В связи с этим в Петрограде, Москве и других городах начали создаваться общества помощи освобожденным политзаключенным. Однако репрессивная политика большевиков вновь создала необходимость в организации помощи политзаключенным, и с конца 1917 г. началось воссоздание ранее действовавших комитетов, в т. ч. Московского Политического Красного Креста (МПКК), он функционировал легально с 1918 по 1922 г. После его ликвидации была создана новая организация – «Помощь политическим заключенным» под руководством Е.П. Пешковой (Помполит) – она просуществовала до 1938 г.⁸ В течение нескольких лет действовали также комитеты ПКК в Петрограде–Ленинграде (во главе с М.В. Новорусским, а с 1925 г. С.П. Швецовым)⁹, в Полтаве и Харькове, но их деятельность неминуемо затухала ввиду недостатка средств и объективной невозможности оказывать помощь политзаключенным¹⁰.

Непосредственными основательницами ОДМ стали три члена Петроградского комитета помощи политзаключенным – Т.А. Богданович, В.Р. Шах и Л.П. Куприянова. В первые дни и недели после Февральской революции, когда происходило освобождение политзаключенных по всей России, Комитет, прекращавший, как ему казалось тогда, свою работу, принял решение, что создание Дома памяти борцов за свободу станет лучшим увенчанием многолетней деятельности Комитета¹¹. Преемственность между ОДМ и ПКК проявилась также в их персональном составе: из активных деятелей ОДМ к ПКК имели непосредственное отношение В.Р. Шах, Л.П. Куприянова, М.В. Новорусский, В.Н. Фигнер.

Общество Дома-музея было создано 3 апреля 1917 года. В том же году 22 мая состоялось учредительное собрание, на котором были определены его цели и задачи и принят устав. Еще одно общество собрания членов ОДМ прошло в феврале 1918 г. Во главе Общества стоял Совет, который собирался приблизительно раз в месяц. Также постепенно в ОДМ были сформированы несколько комиссий: финансовая, издательская, опросная, художественная, комиссия по изучению революции 1917 г., комиссия по собиранию материалов до 1917 г. Финан-

⁸ Леонтьев 2000: 102–104.

⁹ Шкаровский 2021: 125.

¹⁰ Батцер 1980: 523–538.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

сировалось ОДМ частным образом, в основном коммерческими организациями¹². В 1919 г. деятельность Общества была прекращена.

Для понимания деятельности ОДМ следует проанализировать его состав. Согласно сохранившемуся списку, в ОДМ было 138 членов. Однако большинство из них реального участия в его работе принимали. На учредительном собрании в мае 1917 г. присутствовали 43 чел., на общем собрании в феврале 1918 г. – только 25. Работой Общества руководил Совет из 12 чел., но не все избранные в Совет посещали его заседания. Поэтому для характеристики персонального состава ОДМ можно ограничиться теми, кто реально принимал участие в работе: В.Л. Бурцев, С.А. Венгеров, И.Я. Гинцбург, Н.И. Кареев, Л.П. Куприянова, Б.И. Николаевский, М.В. Новорусский, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков, В.И. Срезневский, В.Н. Фигнер, В.Р. Шах, П.Е. Щеголев.

Начнем с деятелей ОДМ из академической среды, не имевших прямого отношения к революционному движению. Именно к этой группе относились оба председателя Совета ОДМ. Первым из них был Николай Иванович Кареев (1850–1931) – одна из самых известных и значимых фигур в российской исторической науке, социологии и образовании начала XX века, историк Французской революции, специалист в области теории и методологии истории, профессор Санкт-Петербургского университета, общественный деятель, член партии кадетов. Будучи одним из наиболее выдающихся историков своего времени, Н.И. Кареев также занимался популяризацией исторических знаний, организаторской работой, общественной и политической деятельностью, имел обширные связи в различных кругах российской интеллигенции.

После Н.И. Кареева председателем Совета ОДМ стал Семен Афанасьевич Венгеров¹³ (1855–1920) – профессор Санкт-Петербургского университета, известный литературный критик, историк литературы, библиограф. При всей академичности профессиональной деятельности С.А. Венгерова он в некоторой степени был близок к революционному движению. Его литературоведческие труды были тесно связаны с историей общественной мысли и освободительного движения в России и неоднократно подвергались цензуре. Он был редактором издательства «Светоч», где публиковались в том числе и материалы по истории революционного и общественного движения, например – первое в России издание знаменитого письма Белинского к Гоголю (1906). В 1880-е гг. Венгеров сочувствовал «Народной воле», оказывал ей услуги, предоставляя свою квартиру для конспиративных встреч. С 1882 по 1895 гг. Венгеров находился под негласным полицейским надзором, в 1899 г. был отстранен от преподавания из-за «политической неблагонадежности». О близости Венгерова к революционной среде свидетельствует его участие в делах Е.Ф. Азефа и Н.П. Стародворского¹⁴. Венгеров был со-

¹² Трибунский 2020: 249.

¹³ Ананьев 2021.

¹⁴ Бурцев 1928: 191, 192, 202, 203.

здателем уникального собрания материалов по истории российской литературы («архива Венгерова»), редактировал отдел русской литературы в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, издал полные собрания сочинений Пушкина и Белинского, был составителем «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» (1889–1904). В 1916–1917 гг. С.А. Венгеров возглавлял Литературно-библиографический институт, затем – созданную в 1917 г. Книжную палату.

Еще один деятель ОДМ, принадлежавший к академической среде, Всеволод Измайлович Срезневский¹⁵ (1867–1936) работал в Библиотеке Академии наук с 1893 г., с 1900 г. заведовал отделом рукописей. Он занимался не только каталогизацией уже имевшегося массива рукописей, но и сбором нового материала. При его содействии в БАН поступили архивы некоторых писателей, декабристов, различных политических и общественных организаций. Кроме того, В.И. Срезневский имел связи с деятелями революционного подполья и занимался сбором нелегальной литературы, несмотря на очевидную опасность (у него неоднократно проводились обыски, но более серьезных последствий ему удалось избежать). Помимо работы в Библиотеке академии наук, В.И. Срезневский принимал активное участие в деятельности Толстовского Общества, а в 1911 г. возглавил Музей Л.Н. Толстого в Петербурге.

Активным участником ОДМ был также историк, ученик С.Ф. Платонова, Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929), известный своими работами по истории средневековой Руси. Он не имел связей с революционным движением, был человеком либеральных взглядов. Пик его политической активности пришелся на 1905–1906 гг., когда он стал членом партии кадетов, выступал в либеральной прессе с публицистическими статьями на политические темы, в т. ч. о декабристах и народническом движении¹⁶. Еще одним представителем петербургской исторической школы в ОДМ стал Михаил Александрович Полиевктов (1872–1942)¹⁷, ученик С.Ф. Платонова и Г.В. Форстена, занимавшийся историей внешней политики России в первой половине XVIII в., автор фундаментальной монографии о царствовании Николая I. Полиевктов в дореволюционный период придерживался либеральных взглядов, но был далек от какой-либо политической активности¹⁸. О его связях с революционной средой неизвестно, за исключением того, что он был женат на дочери общественного деятеля и публициста Н.Я. Николадзе (1843–1928), который в 1860–1880-е гг. был близок к революционному движению, участвовал в переговорах между Исполнительным комитетом «Народной воли» и тайной монархической организацией «Священная дружина» в 1882 г. в качестве посредника со стороны народовольцев¹⁹.

¹⁵ Горяинов 2003.

¹⁶ Брачев 2011: 82–87.

¹⁷ Lyanders 2013: 15–50.

¹⁸ Там же: 25.

¹⁹ Николадзе 1917.

В отличие от Н.И. Кареева, А.Е. Преснякова и М.А. Полиевктова, следующие два участника ОДМ непосредственно специализировались на истории общественного и революционного движения в России и успели еще до 1917 г. внести большой вклад в его изучение. Речь идет о двух создателях и редакторах журнала по истории российского освободительного движения «Былое». Это революционер, историк революционного движения, знаменитый «Шерлок Холмс русской революции», разоблачивший Е.Ф. Азефа и других провокаторов и агентов полиции, Владимир Львович Бурцев (1862–1942) и историк и литературовед Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931).

Работу организации подобной ОДМ невозможно представить себе без участия «старых революционеров», однако среди активных членов Общества таковых было немного – уже упомянутый В.Л. Бурцев, В.Н. Фигнер и М.В. Новорусский. Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) – знаменитая участница народнического движения 1870-х гг., член Исполнительного комитета «Народной воли». Она провела в заключении в Шлиссельбургской крепости 20 лет (с 1884 по 1904 гг.), но сумела выжить, сохранив здоровье физическое и психическое. После освобождения жила в Европе, занималась общественной деятельностью, организацией помощи политзаключенным, некоторое время была членом партии эсеров. Во время Первой мировой войны В. Н. Фигнер вернулась в Россию и навсегда осталась на родине. Основную часть своей большой работы по сохранению памяти о народническом движении 1870-х гг. и «Народной воле» В. Н. Фигнер проделает уже в советский период, однако еще до революции ей удалось написать первоначальный вариант своих знаменитых воспоминаний «Запечатленный труд», а также несколько биографических очерков о товарищах. Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925), в отличие от Фигнер, не имел богатой революционной биографии: она ограничивалась его участием в подготовке покушения на Александра III в 1887 г., после чего он также оказался в заключении в Шлиссельбурге и провел там 18 лет. После освобождения Новорусский написал и опубликовал свои воспоминания, вел научно-популяризаторскую работу (выступал с лекциями, писал статьи и книги на разные темы), заведовал Подвижным музеем наглядных учебных пособий и много занимался вопросами музейной педагогики, а в 1917 г. стал директором Сельскохозяйственного музея в Петрограде.

Самым молодым из активных членов Совета ОДМ (в 1917 г. ему было всего 30 лет, остальным – от 40 до 67) был Борис Иванович Николаевский (1887–1966) – революционер, меньшевик, в будущем известный историк, архивист, внесший большой вклад в сохранение материалов по истории революционного движения.

Среди участников ОДМ по своей профессии выделялся Илья Яковлевич Гинцбург (1859–1939), который был известным скульптором и академиком Академии художеств. Помимо этого, он входил в Совет

Толстовского Общества в Петербурге, проводил экскурсии в Толстовском музее²⁰. Непосредственного участия в революционном движении И.Я. Гинцбург не принимал, однако известно, что он был знаком с А.М. Горьким, П.А. Кропоткиным, Г.В. Плехановым, хранил у себя в мастерской нелегальную социал-демократическую литературу, а также выполнил бюст эсера-террориста Г.А. Гершуни, который был установлен на его могиле в Париже²¹.

Гораздо менее известными фигурами, по сравнению с названными выше, были две деятельницы ОДМ, которые стояли у самых его истоков – В.Р. Шах и Л.П. Куприянова, занимавшая всей текущей работой ОДМ. Лидия Петровна Куприянова (1870–1941), двоюродная сестра В.Н. Фигнер, участница революционного движения, в 1900-е гг. занималась просветительской и пропагандистской деятельностью среди рабочих, с 1899 г. работала в Комитете помощи политзаключенным. В 1906–1909 гг. Л.П. Куприянова была секретарем редакции журналов «Былое» и «Минувшие годы»²². О Валентине Рафаиловне Шах, к сожалению, пока не удалось найти информации, кроме того, что она была членом Петроградского Комитета помощи политзаключенным и Союза музыкальных и драматических писателей и композиторов²³.

Помимо членов Совета, большую роль в деятельности ОДМ играли его постоянные сотрудники. Должность секретаря ОДМ с августа 1917 г. занимала²⁴ Эмилия Венцеславовна Яковлева-Покорни – вдова известного историка революционного движения, еще одного редактора журнала «Былое» В.Я. Яковлева-Богучарского (1860–1915). В январе 1918 г. постоянным сотрудником Общества, занимавшимся организацией сбора материалов, стал Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975)²⁵, в будущем крупный советский историк, археограф, архивист. С февраля по август 1918 г. на должности заведующего делами Дома-музея работал еще один будущий известный советский историк, автор классической монографии «Люди и нравы Древней Руси» Борис Александрович Романов (1889–1957)²⁶. С.Н. Валк и Б.А. Романов были почти ровесниками, выпускниками историко-филологического факультета Петербургского университета, учениками виднейших представителей петербургской исторической школы, прежде всего, А.Е. Преснякова, через которого, видимо, они и попали в ОДМ. С ноября 1918 г. должность заведующего делами Дома-музея занял Всеволод Семенович Венгеров (1887–1938) – сын С.А. Венгерова, меньшевик, активный участник событий революции 1917 г. В марте–июле 1918 г. в Обществе работал, занимаясь

²⁰ Горяинов 2003: 237–241.

²¹ Скульптор Илья Гинцбург...: 65–66.

²² ГАРФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 2524.

²³ РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 2. Д. 430. Л. 77.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 18(об).

²⁵ Там же. Л. 26–28.

²⁶ Там же. Л. 31, 32, 41–41(об).

составлением каталога изданий по истории революционного движения, вышедших за границей, Дмитрий Петрович Якубович (1897–1940)²⁷ – сын известного народовольца и поэта Петра Филипповича Якубовича, студент историко-филологического факультета Петроградского университета, ученик С.А. Венгерова, в будущем литературовед-пушкинист.

Интересно, что работа в ОДМ является неизвестной страницей жизни почти всех его активных деятелей, даже тех, чьи биографии достаточно хорошо изучены.

Обзор деятельности участников ОДМ до 1917 г. показывает, что они принадлежали к широкому политическому спектру – от бывших революционеров-террористов до умеренных либералов. В совокупности активные члены ОДМ имели профессиональные качества необходимые для организации Дома-музея, так как среди них были не только историки-исследователи и люди причастные к революционному движению, но и те, кто имел опыт работы по систематизации, хранению, библиографированию больших объемов письменных источников, опыт организаторской, издательской, музейной и популяризаторской деятельности. Также можно сделать вывод, что на персональном уровне Общество имело преемственную связь не только с Комитетом помощи политзаключенным, но и историко-филологическим факультетом Петербургского университета, журналом «Былое», Толстовским обществом и музеем.

В уставе ОДМ его цели определялись так: создание в Петрограде Дома-музея, всестороннее изучение истории русского освободительного движения, «развитие и укрепление духа общественности в широких кругах народа». Для этого в уставе были конкретизированы задачи Общества: сбор материалов по истории освободительного движения в России с XVIII в. (документы, рукописи, печатные издания, ноты, картины, бюсты, портреты, фотографии, реликвии); содействие научным исследованиям истории освободительного движения; организация курсов, лекций и издание литературы по истории освободительного движения в России. Сам Дом-музей должен был включать в себя музей, архив, библиотеку с читальным залом, аудиторию и кабинеты для научных занятий²⁸. Видимо, именно в связи с таким широким набором составляющих планируемый музей был назван именно «домом-музеем». (В то время это слово в привычном сегодня значении, видимо, почти не использовалось, так как практика создания домов-музеев в современном понимании стала распространенной только в 1920–1980-е гг.).

При общей ясности идеи ОДМ его участники все же несколько по-разному расставляли в ней акценты. Сохранившиеся материалы дают наиболее четкое представление о взгляде М. Горького на цели Общества и будущего Дома-музея, отразившемся в тексте его речи (видимо, на учредительном собрании ОДМ)²⁹. Однако стоит иметь в виду, что Горь-

²⁷ Там же. Л. 32(об), 37.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2–3.

кий, будучи одним из создателей ОДМ, в дальнейшем непосредственного участия в его работе не принимал. Горький называл будущий Дом-музей «институтом социальной психологии», целью которого было «воспитание в юношестве гражданских и социальных чувств». В своей речи он говорил, что значительная часть молодежи в России в последние годы жила «вне социальных идей, вне общественных интересов», что это поколение было охвачено состоянием «морального бессилия», выразившегося в эпидемии самоубийств и «повальном и болезненном увлечении вопросами пола». Причиной этого Горький считал нарушение процесса преемственности идей, в результате которого молодежь осталась вне влияния «духовных вождей» предыдущих поколений. Теперь же, после произошедшей революции, в том числе и этой молодежи предстояло взять на себя ответственность за будущее страны и свободно работать на благо ее народа. Соответственно, Дом-музей должен был восстановить эту нарушенную преемственность и воспитывать молодежь на примерах деятелей освободительного движения прошлого, которые обладали «непоколебимой верой в творческие силы разума», «железной волей» и мироощущением «социального идеализма».

Несколько другой взгляд был у В.Н. Фигнер. В своей речи³⁰ на концерте-митинге, устроенном ОДМ 2 июня 1917 г., она сравнила будущий Дом-музей с посещенными ею во время пребывания в Европе Польским музеем в Рапперсвиле (Швейцария) и Музеем Карнавалэ в Париже. Это же сравнение вошло и в текст первого воззвания ОДМ³¹. Оба эти музея не были посвящены конкретно революционной тематике: Польский музей представлял польскую историю и культуру в целом, Музей Карнавалэ – историю Парижа. Из слов В. Н. Фигнер можно сделать вывод, что она рассматривала будущий Дом-музей как национальный музей, призванный сделать историю освободительного движения полноправной частью национальной истории. Ее речь открывает и еще один смысл выбора словосочетания «дом-музей» (вместо просто слова «музей») – обретение историей революционного движения своего «дома» на родине после долгого пребывания в эмиграции или подполье, обретение своего места в национальной истории.

П.Е. Щеголев, выступая на общем собрании членов ОДМ в феврале 1918 г., назвал целью ОДМ «воспитательную работу», а именно – воспитать в населении «уважение к ценности и важности архивов, пробудить сознание и любовь к изучению истории революционного движения, для чего следует популяризировать историко-революционные знания, организовать для этой цели курсы, лекции, выставки собранных материалов». Щеголев рекомендовал Совету ОДМ привлекать как можно больше внимания к своей деятельности, «чтобы не быть изолированными от масс населения». В ходе собрания предложения Щеголева были поддержаны, и Совету было поручено организовать дело популяризации

³⁰ Фигнер 1929: 448–454.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

историко-революционных знаний в массах³², но в последующей деятельности Общества это направление работы заметной роли не играло.

Почти с самого начала Общество Дома-музея выдвинуло идею создания союза обществ с аналогичными целями, для чего планировалось провести совещание их представителей: Общества изучения революции 1917 г., Общества памяти декабристов, Союза архивных деятелей, Толстовского общества, Кружка имени А.И. Герцена, Общества для создания Музея революции в Москве. Также устанавливались связи с университетами для сбора материалов.

Наиболее тесной была связь ОДМ с Обществом изучения русской революции 1917 г., что в итоге привело к его вхождению в состав ОДМ в июне–сентябре 1917 г. История этой организации достаточно хорошо изучена³³. Общество изучения русской революции было создано в апреле 1917 г. под председательством А.Е. Преснякова. Задачей Общества было собирание материалов по истории революции 1917 г. (документов, воспоминаний, дневников, фотографий и др.). Было создано несколько секций в связи с изучением участия в революции разных социальных групп и организаций (солдат, рабочих, студентов, политических партий), а также Комиссия опросов Таврического дворца, которая занималась сбором интервью у ключевых участников событий Февральской революции. Собранные Комиссией материалы, представляющие большую историческую ценность, долгое время были недоступны для исследователей, так как находились в личном архиве М.А. Полиевктова и хранились у его вдовы Р.Н. Николадзе в Тбилиси. Впервые они были использованы советским историком Э.Н. Бурджаловым³⁴. В 2000-е гг. доступ к материалам Комиссии смог получить американский историк С.М. Ляндерс, который опубликовал отдельной книгой в переводе на английский язык интервью, взятые членами Комиссии в мае 1917 г.³⁵

После вхождения в состав ОДМ Общество превратилось в секцию по изучению революции 1917 г. во главе с А.Е. Пресняковым. В планы секции входило изучение экономической жизни России в 1917 г.³⁶ Кроме этого, в апреле 1918 г. была создана опросная комиссия, в которую вошли С.Н. Валк, В.Н. Фигнер и М.А. Полиевктов³⁷. С.Н. Валк в мае 1918 г. проводил в воинских частях опросы о событиях 1917 г.³⁸, планировалось проведение аналогичных опросов и среди рабочих³⁹, сохранялось намерение опрашивать политических деятелей⁴⁰. Продолжение работы по сбору материалов о революции 1917 г. среди солдат и рабо-

³² Там же. Д. 1. Л. 56.

³³ Николаев 2015: 216–217; Lyanders 2013: 38–39.

³⁴ Бурджалов 1967: 79.

³⁵ Lyanders 2013.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

³⁷ Там же. Л. 35.

³⁸ Там же. Д. 9. Л. 25–27.

³⁹ Там же. Д. 1. Л. 36(об).

⁴⁰ Там же. Л. 40.

чих было сопряжено с большими трудностями в связи со сложной политической обстановкой. Один из членов ОДМ, который самостоятельно проводил опросы в армии в Гельсингфорсе, вскоре после Октябрьского переворота писал, что работа осложнилась из-за «недоверчивости низов масс и излишней осторожности в рассказах со стороны офицерства»⁴¹. К сожалению, материалы, собранные опросной комиссией в 1918 г., либо не сохранились, либо до сих пор не обнаружены.

ОДМ взаимодействовал и с созданным в марте 1917 г. Союзом архивных деятелей, который сыграл ключевую роль в спасении архивов во время революции и создании основ уже советской архивной системы. Вопрос сохранности архивов был важнейшим для исторического сообщества в 1917 г., так как в ходе революционных событий архивы государственных учреждений подвергались разорению и уничтожению. ОДМ непосредственно этой работой не занималось: в феврале 1918 г. на общем собрании его членов Б.И. Николаевским и А.С. Поляковым был поставлен вопрос о необходимости принятия Обществом срочных мер по спасению местных жандармских архивов, но другие участники собрания инициативу не поддержали, считая, что это находится вне рамок задач ОДМ. Однако было принято решение установить связь с Союзом архивных деятелей, направив туда своих представителей⁴² – ими стали А.Е. Пресняков и В.И. Срезневский⁴³. Кроме того, многие деятели ОДМ в 1917–1918 гг. сыграли ключевую роль в сохранении архивного наследия России (действуя лично или в рамках Союза архивных деятелей, Петроградского историко-революционного архива и др.) – А.Е. Пресняков, С.Н. Валк, Б.А. Романов, П.Е. Щеголев, Б.И. Николаевский.

Параллельно с ОДМ в Петрограде аналогичная по своим целям организация возникла в Москве. В марте 1917 г. по инициативе литературоведа, публициста, директора музея Всероссийского Союза городов Владимира Павловича Кранихфельда (1865–1918) было создано совещание историков, музейных работников и других представителей интеллигенции с целью создания в Москве Музея революции. В результате возникло Общество Музея революции (далее – ОМР), начался процесс собирания материалов. Несмотря на все усилия, Общество так и не получило здания для будущего музея. В 1918 г. В.П. Кранихфельд умер, и ОМР прекратило свое существование⁴⁴. В самом начале своей работы ОДМ в Петрограде и ОМР в Москве действовали совместно: Кранихфельд выступал на учредительном собрании ОДМ⁴⁵, первое воззвание ОДМ было выпущено также и от имени ОМР (в нем значились фамилии членов ОМР, и был дан московский адрес для пожертвований)⁴⁶. Однако в дальнейшем их сотрудничество, видимо, прекратилось.

⁴¹ Там же. Д. 6. Л. 10–10(об).

⁴² Там же. Д. 1. Л. 29–30.

⁴³ Там же. Л. 31(об).

⁴⁴ Трибунский 2020: 238–254.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 6. Л. 11, 12.

⁴⁶ Там же. Д. 4. Л. 1.

Конкретная деятельность ОДМ состояла в сборе материалов по истории революционного движения и (после объединения с Обществом изучения русской революции) истории революции 1917 г., прежде всего, печатной продукции (изданий политических партий, газет, листовок, воззваний, плакатов, портретов, карикатур и др.), а также предметов и рукописей. Общество обратилось в Публичную библиотеку и Книжную палату с просьбой пересылать им дубликаты текущих революционных изданий, в Библиотеку Академии наук – с просьбой предоставить им дубликаты революционных изданий, вышедших до 1917 г., устанавливались связи с различными издательствами и редакциями с тем, чтобы они передавали в ОДМ свои издания после февраля 1917 г. Несмотря на все усилия, в декабре 1917 г. Л.П. Куприянова констатировала, что дело собирания материалов продвигалось медленно, и что удалось собрать только плакаты и воззвания различных партий к выборам в Учредительное собрание, и получить через Библиотеку академии наук дубликаты революционных изданий 1905–1906 гг.⁴⁷ В ОДМ также делались крупные передачи коллекций материалов, однако не все из них были переданы Обществу физически, продолжая оставаться на своих прежних местах в ожидании обретения Домом-музеем своего полноценного помещения. Так, по предложению В.Н. Фигнер были переданы материалы от Общества помощи освобожденным политзаключенным (регистратура всех лиц политических освобожденных, прошедших через Общество, и другие документы)⁴⁸. Через В.Н. Фигнер были получены обещания от известных адвокатов Д.В. Стасова и О.О. Грузенберга предоставить в Дом-музей имеющиеся у них материалы по политическим процессам, в которых они участвовали в качестве защитников⁴⁹. На временное хранение был принят архив ЦК меньшевиков⁵⁰. Вдова В.Я. Богучарского передала в Дом-музей его библиотеку, а В.Л. Бурцев – архив редакции «Народной воли», «Былого» и «Будущего», который, правда, оставался за границей. Кроме собирания материалов, ОДМ занималось проведением опросов среди участников событий 1917 г., о чем уже было сказано выше. Вся издательская деятельность и деятельность по популяризации истории революционного движения остались лишь в планах.

Отчасти ОДМ занимался вопросами мемориализации бывших мест заключения революционеров, в частности – Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. Активное участие в этом принимал М.В. Новорусский, о чем он докладывал на заседаниях Совета ОДМ. Так, в Петропавловской крепости в 1918 и 1919 гг. он организовал фотографирование камер и зданий и копирование надписей на стенах⁵¹. Но процесс музеефикации Петропавловской крепости был затруннен тем, что в го-

⁴⁷ Там же. Д. 1. Л. 23.

⁴⁸ Там же. Л. 23; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 230. Л. 9.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Д. 1. Л. 39(об).

⁵¹ Там же. Л. 37, 72. Эти фотографии сохранились в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга (сообщено Н.Р. Славнитским).

ды Гражданской войны она продолжала использоваться и как военный объект, и как место заключения⁵². Музеем со свободным входом и проведением экскурсий Петропавловская крепость станет только в начале 1920-х гг. (официально войдет в состав Музея революции в 1924 г.)⁵³.

Бóльших результатов удалось добиться в Шлиссельбургской крепости. После Февральской революции «Русская Бастилия» незамедлительно стала значимым «местом памяти» революционной эпохи. Уже летом 1917 года в Шлиссельбург из Петрограда отправлялись экскурсии рабочих. Известно, что в их проведении из «старых» шлиссельбуржцев принимали участие М.В. Новорусский и В.С. Панкратов. Последний в письме к В.Н. Фигнер рассказывал, как во время такой экскурсии для петроградских трамвайщиков один из слушателей задал вопрос: «Значит вы были в южном союзе?». «В каком южном?» – не понял Панкратов, на что экскурсант серьезно спросил: «Ведь Вы декабрист?»⁵⁴.

В это время остро встал вопрос о состоянии места захоронений погибших в Шлиссельбурге заключенных: оно было завалено дровами и мусором, не имело ограждений⁵⁵. В августе–сентябре 1918 г. Новорусский определил точное место, где хоронили погибших в 1884–1905 гг. заключенных, и предложил план по его благоустройству⁵⁶. Идея была поддержана большевистскими властями в лице Г.Е. Зиновьева и В.Н. Мещерякова. В результате уже в ноябре 1918 г. место захоронения было расчищено, оформлено и на нем был установлен памятник. Организатором процесса был Новорусский, а создателем монумента стал также член Совета ОДМ – скульптор И.Я. Гинцбург. Власти организовали шумное открытие памятника (гораздо более заметное, нежели планировал сам Новорусский), очевидно, в собственных агитационных целях⁵⁷. Оно состоялось 22 января 1919 г. и было приурочено к годовщине «кровавого воскресенья». С речами на открытии выступили «старые» (т.е. отбывавшие наказание еще до революции 1905 г.) шлиссельбуржцы Новорусский и И.Д. Лукашевич, представители «молодого» поколения шлиссельбуржцев (т.е. отбывавшие наказание между 1905 и 1917 гг.) из большевиков, а также Г.Е. Зиновьев⁵⁸. Разумеется, последние в своих выступлениях стремились актуализировать память о шлиссельбуржцах и провести линию преемственности между погибшими в крепости революционерами и нынешней властью большевиков. Речь Новорусского, напротив, была довольно сдержанной: он сказал о важности сохранения памяти о деятелях революционного движения и призвал присутствующих записать свои воспоминания о Шлиссельбурге и его заключенных⁵⁹.

⁵² Славнитский 2013.

⁵³ Славнитский 2010: 421–422.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 197. Л. 232.

⁵⁵ Там же; Иванов 2018: 82.

⁵⁶ Иванов 2018: 82; ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–43.

⁵⁷ Иванов 2018: 82–84.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 75. Л. 1–13. (Сообщено Д.И. Ивановым).

⁵⁹ Там же. Л. 13–13(об).

Почему же ОДМ не смогло развернуть активную деятельность и в итоге прекратило свое существование? Во-первых, уже было сказано об общем ухудшении условий для работы общественных организаций после октября 1917 г., что привело к закрытию не только ОДМ, но и многих других обществ. Во-вторых, ОДМ столкнулось с появлением организаций, которые занимались решением тех же задач и дублировали его функции. Прежде всего, это была создаваемая новыми властями архивная система – Главное архивное управление и Петроградский историко-революционный архив. В апреле 1918 г. на заседании Совета ОДМ была даже выдвинута идея, что Общество теперь должно сосредоточиться на собирании исключительно музейных экспонатов, и что Дом-музей будет открыт при Петроградском историко-революционном архиве⁶⁰.

В-третьих, хотя изначально у учредителей ОДМ были представления (пусть и несколько отличающиеся друг от друга) об идейном смысле его создания (сохранение памяти о погибших в царских тюрьмах, передача культуры революционной интеллигенции последующему поколению, вписывание истории революционного движения в национальную историю, популяризация историко-революционных знаний), в непосредственной работе ОДМ эти идеологические линии в дальнейшем почти не получили развития, и на первый план выдвинулась деятельность по собиранию, систематизации и сохранению материалов.

Само название будущего музея – Дом-музей памяти борцов за свободу – наталкивает на рассмотрение его в контексте культа «борцов за свободу», резко возникшего на массовом уровне во время Февральской революции⁶¹. Этот феномен нашел отражение в почитании памяти погибших во время революции или отчасти в предшествующий период (например, во время революции 1905 г.), выразившемся в организации мемориальных мероприятий (торжественных похорон и др.). В этом контексте создание ОДМ можно рассматривать как попытку «старой» революционной и околореволюционной интеллигенции стать трансляторами собственной революционной культуры в массы, сделать так, чтобы вклад революционеров предыдущих поколений не был потоплен в новой революционной стихии, а напротив – стал ее духовным фундаментом. Однако спустя год после Февральской революции столь масштабная идея казалась чем-то уже совершенно невероятным, и на ее место приходит задача сохранения революционного наследия. Так, в Бюллетене ОДМ в 1918 г. констатировалось, что Дом-музей «оказался теперь перед задачей <...> не задаваясь грандиозным, собрать, разыскать и уберечь от забвения и уничтожения, что возможно»⁶².

Коллекция, собранная ОДМ, после его ликвидации, видимо, разошлась по другим учреждениям. Коллекции печатной продукции (листовки, плакаты, газеты, относящиеся к 1917 г.) предположительно пе-

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

⁶¹ Колоницкий 2001: 45–55.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

решили в фонды Библиотеки Академии наук⁶³ или Российской Публичной библиотеки (ныне РНБ)⁶⁴, но прямых подтверждений этому нет. Музейные экспонаты, возможно, были переданы в созданный в 1919 г. Музей революции в Петрограде. Часть материалов опросной комиссии, как уже говорилось, сохранилась в личном архиве Полиевктова в Грузии.

Многие активные члены ОДМ продолжили заниматься изучением и сохранением памяти о революционном движении после закрытия Общества. В.Н. Фигнер в 1920-е – первой половине 1930-х гг. стала ключевой фигурой в развитии народнической мемуаристики: она не только сама написала и опубликовала свои знаменитые воспоминания «Запечатленный труд» и множество других текстов, но и активно содействовала работе других «старых революционеров». П.Е. Щеголев до 1926 г. продолжал издавать журнал «Былое», был автором большого количества публикаций по истории революционного движения, работал в Петроградском историко-революционном архиве. С.Н. Валк почти всю свою научную деятельность в 1920–1930-е гг. посвятил изучению архивных документов, связанных с историей революционного движения. Б.И. Николаевский с 1922 г. жил в эмиграции, где продолжал заниматься изучением истории революционного движения. За свою жизнь он собрал значительную коллекцию материалов по этой теме, которую передал в Гуверсовский институт при Стэнфордском университете.

Попыткой возродить ОДМ, видимо, было создание в 1920 г. при Петроградском историко-революционном архиве Общества изучения истории освободительного и революционного движения в России, в которое вошли и бывшие члены ОДМ (С.Н. Валк, В.Н. Фигнер, М.В. Новорусский, П.Е. Щеголев и др.), но оно просуществовало всего три месяца⁶⁵. В самом начале 1920-х гг. инициатива по созданию организаций, занимавшихся формированием исторической памяти о революционном движении в России, перешла в руки государства и партии большевиков: возникли Музей революции в Петрограде и Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Однако эти организации можно считать преемственными по отношению к ОДМ, так как ряд представителей старой революционной интеллигенции, в т. ч. бывшие члены ОДМ, играли в них заметную роль на протяжении еще полутора десятилетий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-6685. Оп. 1. Д. 1, 4, 5, 6, 9; Ф. А539. Оп. 4. Д. 2524. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 641. Оп. 2. Д. 430; Ф. 1185. Оп. 1. Д. 197, 230.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 3. Д. 75. Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 479. Folder 9.
- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. К истории архива С.А. Венгерова в 1920-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 2 (10). С. 146–158 [Anan'ev V.G., Buharin M.D. K istorii arhiva S.A. Vengerova v 1920-e gg. // Muzej. Pamyatnik. Nasledie. 2021. № 2 (10). S. 146–158.].

⁶³ Питулько 2017.

⁶⁴ Михеева 2017.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-6686. Оп. 1. Д. 1.

- Минин Дм. [Бацер Д.М.] Еще о Политическом Красном Кресте // Память: исторический сборник. Вып. 3. Париж: YMCA-Press, 1980. С. 523–538. [Minin Dm. [D.M. Bacer] Esheche o Politicheskom Krasnom Kreste // Pamyat': istoricheskij sbornik. Вып. 3. Parizh: YMCA-Press, 1980. S. 523–538].
- Брачев В.С. А.Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб.: Астерион, 2011. 240 с. [Brachev V.S. A.E. Presnyakov i peterburgskaya istoricheskaya shkola. SPb.: Asterion, 2011. 240 s.].
- Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 407 с. [Burdzhalov E.N. Vtoraya russkaya revolyuciya: vosstanie v Petrograde. M.: Nauka, 1967. 407 s.].
- Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 267 с. [Burcev V.L. V pogone za provokatorami. M.; L.: Molodaya gvardiya, 1928. 267 s.].
- Вакулина Е.Н. Проблема создания историко-революционного музея в отечественной музеелогической мысли // Проблемы теории, истории и методики музейной работы / ГЦМСИР. Вып. 25. М., 2000. С. 264–308. [Vakulina E.N. Problema sozdaniya istoriko-revolucionnogo muzeya v otechestvennoj muzeologicheskoy mysli // Problemy teorii, istorii i metodiki muzejnoj raboty / GCMSIR. Вып. 25. М., 2000. С. 264–308].
- Горьянов А.Н. Всеволод Измайлович Срезневский – археолог, славяновед и общественный деятель // Славянский альманах 2002. М.: Индрик, 2003. С. 237–252. [Goryainov A.N. Vsevolod Izmajlovich Sreznevskij – arheograf, slavyanoved i obshchestvennyj deyatel' // Slavyanskij al'manah 2002. M.: Indrik, 2003. S. 237–252].
- Иванов Д.И. Память о революционерах в Шлиссельбурге, 1917–1919 // Международные научно-практические Петербургские чтения. Ч. I. СПб.: ДБ, 2018. С. 79–89. [Ivanov D.I. Pamyat' o revolyucionerah v Shlissel'burge, 1917–1919 // Mezhduнародnye nauchno-prakticheskie Peterburgskie chteniya. Ch. I. SPb: DB, 2018. S. 79–89].
- Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 215 с. [Irina I. N. Obshchestvennye organizacii Rossii v 1920-e gody. M.: IRI RAN, 2000. 215 s.].
- Каплан В. Исторические общества и формирование памяти о Феврале в 1917 г. // Эпоха войн и революций: 1914–1922. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 42–44. [Kaplan V. Istorieskie obshchestva i formirovanie pamyati o Fevrale v 1917 g. // Epoha vojn i revolyucij: 1914–1922. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. S. 42–44].
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с. [Kolonickij B. I. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast'. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2001. 347 s.].
- Леонтьев Я. В. «Красный Крест» политический // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М.: БРЭ, 2000. Т. 3. С. 102–104. [Leont'ev Y. V. «Krasnyj Krest» politicheskij // Otechestvennaya istoriya: istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1917 goda: enciklopediya. M.: BRE, 2000. T. 3. S. 102–104].
- Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 623 с. [Letopis' zhizni i tvorchestva A. M. Gor'kogo. Вып. 2. М.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 623 s.].
- Михеева Г. В. «От Февраля к Октябрю»: коллекция листовок 1917 года в фондах Российской национальной библиотеки // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 1 (30). С. 6–14. [Miheeva G. V. «Ot Fevralya k Oktyabryu»: kollekcija listovok 1917 goda v fondah Rossijskoj nacional'noj biblioteki // Vestnik SPbGUKI. 2017. № 1 (30). S. 6–14].
- Николадзе Н. Переговоры священной дружины с партией Народной воли в 1882 г. Пг., 1917. 40 с. [Nikoladze N. Peregovory svyashchennoj družiny s partijей Narodnoj voli v 1882 g. Pg., 1917. 40 s.].
- Николаев А. Новая книга С. М. Ляндерса // Российская история. 2015. № 5. С. 215–222. [Nikolaev A. Novaya kniga S. M. Lyandersa // Rossijskaya istoriya. 2015. № 5. S. 215–222.]
- От редакции журнала «Былое» // Былое. 1908. № 7. С. 156–160. [Ot redakcii zhurnala «Byloe» // Byloe. 1908. № 7. S. 156–160].
- Питулько Г. Н., Исаев А. П. Русская революция 1917 года и ее отражение в редких изданиях Библиотеки РАН // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 157–163. [Pitul'ko G. N., Isaev A. P. Russkaya revolyuciya 1917 goda i ee otrazhenie v redkih izdaniyah Biblioteki RAN // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. № 9. S. 157–163].
- Саркисян Н. М. «Февральские» истоки Государственного музея Революции // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: СПб.: ДБ, 2017. С. 152–159. [Sarkisyan N. M. «Fevral'skie» istoki Gosudarstvennogo muzeya Revolyucii: // Revolyuciya 1917 goda v Rossii: sobytiya i koncepcii, posledstviya i pamyat'. SPb.: DB, 2017. S. 152–159].

- Скульптор Илья Гинцбург: воспоминания, статьи, письма / вст. ст. А. Лебедева. Л.: Художник РСФСР, 1964. 280 с. [Skul'ptor I'ya Gincburg: vospominaniya, stat'i, pis'ma / vst. st. A. Lebedeva. L.: Hudozhnik RSFSR, 1964. 280 s.].
- Славнитский Н.Р. Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав государственного Музея истории Санкт-Петербурга // Труды Первого Всерос. съезда историков-регионоведов. СПб.: СПбГУ, 2010. Т. 3. С. 421–431. [Slavnitskij N.R. Muzeifikaciya Petropavlovskoj kreposti i ee vključenje v sostav gosudarstvennogo Muzeja istorii Sankt-Peterburga // Trudy Pervogo Vseros. s'ezda istorikov-regionovedov. SPb.: SPbGU, 2010. T. 3. S. 421–431.].
- Славнитский Н. Р. Петроградская (Петропавловская) крепость в годы Гражданской войны // История в подробностях. 2013. № 12 (42). С. 16–21. [Slavnitskij N. R. Petrogradskaya (Petropavlovskaya) krepost' v gody Grazhdanskoj vojny // Istorija v podrobnostyah. 2013. № 12 (42). S. 16–21.].
- Трибунский П. А. Попытки организации историко-революционных музеев в Петрограде и Москве в 1917 году // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Т. 13. № 1. С. 232–258. [Tribunskij P. A. Popytki organizacii istoriko-revoljucionnyh muzeev v Petrograde i Moskve v 1917 godu // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. T. 13. № 1. S. 232–258.].
- Фигнер В. Н. Речь о Музее революции на вечере 2 июня 1917 г. // Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1929. С. 448–454. [Figner V. N. Rech' o Muzee revolyucii na vechere 2 iyunya 1917 g. // Polnoe sobranie sochinenij. T. 5. M., 1929. S. 448–454.].
- Шкаровский М. В. Создание и деятельность Ленинградского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в середине 1920-х годов // Петроград на переломе эпох. СПб.: ГМИ СПб, 2021. С. 116–133. [Shkarovskij M. V. Sozdanie i deyatel'nost' Leningradskogo otdeleniya Obshchestva politkatorzhan i ssyl'nposelencev v seredine 1920-h godov // Petrograd na perelome epoch. SPb.: GMI SPb, 2021. S. 116–133.].
- Lyanders S. The Fall of Tsarism: untold stories of the February 1917 revolution. Oxford University Press, 2013. 322 p.

Шемякина Ольга Владимировна, старший преподаватель, кафедра истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, shemiakina@yandex.ru

The Society of the Freedom Fighters Commemoration House Museum in Petrograd (1917–1919)

The article examines the history of the Society of the Freedom Fighters Commemoration House Museum, which existed in Petrograd in 1917–1919. The organization collected various materials on the history of the revolutionary movement and the revolution of 1917 in order to create a Museum, conceived as a way to broadcast to the masses the revolutionary culture that had developed among the Russian intelligentsia over the previous decades. The article discusses the goals of the Society, its personnel, activities, relations with other organizations, and the reasons for its liquidation.

Key words: Society of the Freedom Fighters Commemoration House Museum, the Revolution of 1917, historical memory, museums of revolution, revolutionary culture, revolutionary movement in Russia, revolutionary intelligentsia.

Shemyakina Olga Vladimirovna, senior lecturer, Department of Contemporary Russian History, Russian State University for the Humanities, shemiakina@yandex.ru

ГАБСБУРГСКИЙ МИФ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В представленной статье рассматривается влияние габсбургского мифа на развитие политических процессов в регионах и государствах, возникших на территории бывшей империи Габсбургов во второй половине XX – начале XXI вв. Распространение в регионе авторитаризма (тоталитаризма) и Вторая мировая война способствовали реабилитации империи Габсбургов в исторической памяти народов Центрально-Восточной Европы и соседних регионов и осознанию ими общности исторического, политического и культурного развития. Принадлежность к габсбургскому пространству является важнейшим политическим кодом, определяющим европейскость Центрально-Восточной Европы, ее отличие от России. В материале также показано влияние интеллектуального наследия империи Габсбургов, габсбургского мифа на формирование общеевропейской идеи, интеграционные процессы в Европе после Второй мировой войны.

Ключевые слова: габсбургский миф, Австро-Венгрия, империя Габсбургов, Центрально-Восточная Европа, Европейский союз, авторитаризм, Франц-Иосиф I

Имперская мифология занимает прочные позиции в исторической памяти народов. Ностальгические воспоминания становятся модными в различных социальных группах, включая значительный сегмент научного сообщества¹. Воспоминания об империях становятся важным антропологическим пластом, проявлением ностальгии о «золотом веке», на фоне непредсказуемой современности. Одним из таких феноменов является Габсбургский миф. Как уже неоднократно отмечалось, данный термин был предложен итальянским филологом К. Магрисом в 1963 г. Он воспринимается как идеал примирения «различий» в политической и культурной сферах многонационального государства. По мнению ученого, габсбургский миф является не социальным феноменом или искажением истории, а попыткой народов не когда живших в империи Габсбургов, и переживших трагедию XX века, найти идеальный мир и свое место в либеральной Европе².

Политические конфликты, набирающие силу внутри Европейского союза и нестабильность на его внешних рубежах, актуализируют интерес общественности, интеллектуального и политического истеблишмента к различным формам построения в Европе наднациональных структур. Империя Габсбургов также выступает в качестве примера, поликультурного и многонационального государства, сложного сообщества наций, объединенного в единое целое³. Это идеал активных сторонников европейской интеграции в начале XXI в., столкнувшихся с

---

¹ Иванов 2018: 99.

² Claudio K. 1963: 15.

³ Thompson 2020: 45-66.

Брекситом, оппозицией стран Вишеградской группы и ростом евроскептицизма внутри «старых» членов союза.

Мультикультурализм империи Габсбургов, ее тесная включенность в европейские дела рассматриваются как предтеча ЕС. Правда территориальные рамки Союза несколько диссонируют с имперским пространством государства Габсбургов, но расширение ЕС на Восток в начале XXI в. несколько ослабляет данное противоречие. Габсбургский миф, историческая память народов бывшей империи, позволяют во многом проследить внутреннюю иерархию ЕС, характер его конфликтности с Россией, характер пограничья ЕС и Турции, а в широком смысле слова исламского мира, что определяет их популярность в коридорах «брюссельской бюрократии» и в различных политических кругах.

ЕС придерживается политического принципа Австро-Венгрии «единство в многообразии», стремясь создать собственное наднациональное объединение. Претендуя на конструирование наднациональной структуры, империя Габсбургов апеллировала к историческому прошлому, единству народов Центрально-Восточной Европы, ЕС также постоянно обращается к истории Европы, единству семьи европейских народов. Защищая наднациональные структуры, Австро-Венгрия в последние годы столкнулась с разгулом крайнего национализма, что в принципе сейчас наблюдается в ЕС. В Европе вновь стали популярными размышления Й. Рота и С. Цвейга. В трудах С. Цвейга, Й. Рота, Р. Музиля и других интеллектуалов конца XIX – начала XX в. прослеживаются истоки идей европейского единства и их связь с габсбургским мифом, угрозы, исходящие поликультурному обществу.

Неслучайно, Председатель Европейской комиссии Д.Ж. Баррозу (2004–2014 гг.) не раз цитировал С. Цвейга, олицетворявшего единство европейской культуры и ее ценностей, лежавших в основе европейской интеграции⁴. Правда, некоторые публицисты отмечают глубокий пессимизм С. Цвейга в связи с распространением в Европе национализма и ксенофобии⁵. На эти материи в творчестве С. Цвейга сторонники европейской интеграции стараются не обращать внимание.

XX век – век наций и национализма, приведшие Европу к глобальным политическим катаклизмам, в том числе к двум мировым войнам, несколько поколебал привлекательность национальной идеи. Она уже не воспримется как абсолютное благо, как в кругах интеллектуалов, так и широкой общественности. Поэтому рост интереса к империи Габсбургов, стремление человечества к поиску «золотого века» в прошлом способствует обращению внимания к наднациональным государствам. Габсбургская ностальгия становится одной из форм борьбы с современным национализмом, особенно эта проблема актуальна для стран Центрально-Восточной Европы. В конфликтах в современной

⁴ Barroso 2013.

⁵ Barber 2016.

Каталонии, Валлонии и Шотландии эксперты проводят параллели с империей Габсбургов, когда децентрализация и компромисс являются непременным условием выживания государства.

Именно в Австро-Венгрии концепция европейского единства приобретает четкое интеллектуальное очертание. Важную роль в развитии идеи о необходимости объединения Европы сыграл граф Р. Куденхове-Калерги, основавший в 1923 г. Панъевропейское движение⁶. Выросший в космополитичной семье богемских аристократов, граф призывал Европу к объединению, без чего она не могла на равных конкурировать с другими гигантами, такими как США, Россия, Британская империя, Япония и Китай⁷. Главную угрозу единству Европы Куденхове-Калерги видел в расцвете национализма, который идет на спад после Второй мировой войны. Следует отметить, что идеи Куденхове-Калерги повлияли на формирование взглядов отцов-основателей ЕЭС. После II Мировой войны данную деятельность продолжил последний наследник престола Габсбургов Отто фон Габсбург, возглавлявший с 1973 по 2004 гг. Международный панъевропейский союз. Это стало возвращением Габсбургов в политику, поскольку О. фон Габсбург являлся еще и евродепутатом от германской партии ХСС. Он активно поддерживал процесс европейской интеграции, настаивая на соблюдении либеральных ценностей, как непременном условии расширения Союза⁸.

Следует отметить, что распространение габсбургской ностальгии имеет не только общеевропейскую окраску. Она служит основой для поиска странами Центрально-Восточной Европы собственной идентичности, нахождения своего места в «братской семье европейских народов». Идеализация Запада в 90-е гг. XX в. довольно быстро улетучилась, и доктрина «внедрения в Запад» заменяется осознанием своей инаковости, отличия от Запада. Поэтому Венгрия, Польша, Словакия и Чехия стремятся к объединению в рамках ЕС, сохранив Вишеградскую группу, что позволяет им более последовательно отстаивать интересы в Брюсселе⁹. Осознание общности исторического прошлого и культуры служит одной из основ укрепления сотрудничества между государствами Центрально-Восточной Европы. Историческая память народов, населяющих данные государства, габсбургскую ностальгию не распространяет только на «золотой век» Франца Иосифа. Она имеет многоплановый вектор (Ян Собеский спас не только Вену, но и Центральную Европу и т.д.).

Габсбургский миф (ностальгия) пережил сложную историческую эволюцию. После крушения империи в 1918 г. казалось, что ни что неспособно породить позитивные воспоминания о ней, кроме монархических кругов, аристократии и ветеранских организаций. Отрицание империи становится основой для развития Австрии, Чехословакии, Юго-

⁶ Джонстон 2004: 481.

⁷ Coudenhove-Kalergi 1967: 17-19.

⁸ Интервью с Отто фон Габсбургом.

⁹ Шимов 2002: 24.

славии, Румынии и отчасти Венгрии. Так, первый президент Чехословакии Т.Г. Масарик постоянно демонизировал империю Габсбургов¹⁰.

Нестабильность 1920-х гг., торжество авторитаризма в 1930-е гг., II Мировая война культивируют позитивный образ императора Франца-Иосифа I¹¹, воплощение толерантности и стабильность в регионе. Негативные моменты, связанные с периодом нахождения монарха у власти в исторической памяти народов Центрально-Восточной Европы постепенно стирались или трансформировались под воздействием «катаклизмов современности». Даже в Чехословакии, где активно поддерживался образ Австро-Венгрии – тюрьмы народов, председатель Верховного суда Э. Гаха в начале 1940-х гг. с грустью отметил, что не было бы наблюдаемых им трагических политических катаклизмов, если бы не распалась Австрия¹². Он призывал создать Дунайскую федерацию на месте бывшей Австро-Венгрии. Более четко данную идею сформулировал лидер словацких аграриев М. Годжа в 1942 г., находясь в эмиграции в Лондоне¹³. Один из критиков империи Габсбургов в Великобритании Р.В. Сетон-Уотсон в 1920-е гг. сожалел о распаде империи, призывая народы Центрально-Восточной Европы к объединению перед лицом наступления на регион Германии и СССР¹⁴.

В 1920–1930-е годы Центрально-Восточная Европа столкнулась с ростом ксенофобии и антисемитизма. Права национальных меньшинств нарушаются в Румынии, Польше, Югославии, Италии. Олицетворением этой тенденции становится волна антисемитских погромов, прошедших на территории Трансильвании в 1927 г. Даже в демократической Чехословакии возникают серьезные проблемы на национальной почве. Многими политическими кругами Центрально-Восточной Европы крайний национализм и авторитаризм воспринимаются как законмерная и оправданная альтернатива прогнившей и недееспособной империи Габсбургов. Кстати, данная идея получила распространение среди Судетских немцев, в то время как у немцев Румынии, Венгрии и Югославии габсбургская ностальгия проявляется в 20-е гг. Национальный вопрос приобретает международную окраску, открывая путь для утверждения в Центрально-Восточной Европе авторитаризма¹⁵.

Новые политические режимы, несмотря на все усилия, не смогли окончательно разрушить положительный образ империи, что проявлялось даже на проблемных территориях Австро-Венгрии. В 1940 г. в Боснии-Герцеговине французская исследовательница Вера Санкт-Эрлих, изучая этнографию провинции и постоянно встречаясь с местными жи-

¹⁰ Масарик: 1926: 33.

¹¹ Claudio K. 1963: 225.

¹² «Почти никто не мыслит эту страну вне интегрированного европейского цивилизационного пространства. Интервью с Я.Шимовым 2018: 118.

¹³ Hodza 1970: 128-136.

¹⁴ Сетон-Уотсон, Урбан. 1982: 189.

¹⁵ Ведерников 2017: 82.

телями, отмечала повсеместное распространение ностальгии по габсбургскому прошлому. Представители разных этнорелигиозных групп (хорваты-католики, боснийцы-мусульмане, сербы) с какой-то меланхолией и большой долей грусти вспоминали стабильную жизнь при императоре Франце-Иосифе, отмечая рост уровня жизни населения, бурные изменения в экономике, торжество закона, религиозную терпимость. Этнограф делала общий вывод имперская ностальгия – это ощущение стабильности. Когда, исследовательница напоминала о сепаратистских настроениях в Боснии-Герцеговине накануне I мировой войны, ее собеседники либо говорили о том, что это было совсем не так, либо смущались, либо высказывали сожаление по этому поводу¹⁶. Период строительства социализма не искоренил данные воспоминания. В современной, уже независимой Боснии-Герцеговине габсбургский миф продолжает существовать, может не столь очевидно, как в 1920–1940-е гг. Однако опыт вхождения Боснии-Герцеговины не вызывает отрицательные отзывы на бытовом уровне¹⁷. Современные боснийские политики в нахождении в составе Австро-Венгрии находят подтверждение европейскости страны, ее приверженности европейским ценностям.

Идеализация империи Габсбургов, ностальгия по Австро-Венгрии становятся частью австрийской культуры и общественно-политического дискурса, формирования новой идентичности жителей Австрии или «австрийства»¹⁸. Б. Крайский, один из столпов «Второй республики», в своих воспоминаниях, рассуждая о последствиях распада империи Габсбургов, отмечал три утраченные возможности для Центрально-Восточной Европы в связи с гибелью Австро-Венгрии. Во-первых, развал единого Центрально-Европейского экономического пространства. Во-вторых, крах барьеров на пути распространения национализма, приведшего к утверждению в регионе авторитарных режимов. В-третьих, угасание уникальной наднациональной культуры, после 1938 г. Вена потеряла статус одной из культурных столиц мира¹⁹.

Презрение Гитлера к империи Габсбургов и антинацистские настроения многих представителей дома Габсбургов (Максимилиан фон Гогенберг и Эрнст фон Гогенберг оказались в концлагере) способствовали дальнейшей реабилитации династии и росту ее популярности в Австрии. Избавление от нацистского прошлого в стране во многом проходит с помощью габсбургской релаксации, воспоминаний о способности австро-немцев создать либеральное общество, происходит своеобразный «отказ от черной истории», «испорченного нацизмом прошлого»²⁰. Габсбургская ностальгия становится важным компонентом формирования идентичности австрийцев. Вступление страны в ЕС в 1995 г.

¹⁶ St. Erlich. 1966.

¹⁷ Сараево: обзор достопримечательностей.

¹⁸ Tonkin 2008: 9.

¹⁹ Kreisky 1986: 55.

²⁰ Schlipphacke 2010: 14.

рассматривается большинством австрийцев как закономерный результат ее уникального исторического прошлого.

После Второй мировой войны образ «тюрьмы народов» прочно утвердился в официальной идеологии на Востоке Европы. Однако габсбургский миф постепенно прорывался через идеологические окопы. В 1985 г. выходит фильм венгерского режиссера Й. Сабо «Полковник Редль», казалась известная шпионская история, должна была выставить на показ неприглядные стороны истории дуалистической монархии. Однако полковник А. Редль (его роль замечательно сыграл К.М. Брандаур) вызывает больше симпатий, чем антипатий. Социальные и политические неурядицы, терзавшие империи Габсбургов отходят на второй план. Как-то мимоходом идет речь о событиях 1848 г., о кризисе на Балканах, о склоках внутри империи. Австро-Венгрия предстает территорией стабильности и благополучия, хотя в сценах бала в Вене и бала в Галиции некоторые гости и демонстрируют негативное отношение к дуалистической системе²¹. Фильм невольно культивирует габсбургский миф. Зритель впитывал от его просмотра в целом положительное мнение об империи Габсбургов. В конце фильма исполняется марш Радецкого выступающего своеобразным маркером общей судьбы народов Центрально-Восточной Европы. Следует подчеркнуть, что кинолента имела большой успех в социалистических государствах, ранее входивших в состав империи.

Судьбы Австро-Венгрии и историческая специфика развития Центральной Европы волновало диссидентское сообщество региона. Чешский писатель-прозаик Милан Кундера полагал, что Австро-Венгрия могла стать бастионом, объединяющим народы Центральной Европы в равноправную и либеральную федерацию. Однако она, к большому сожалению, не выполнила свою миссию из-за пангерманизма, национализма и отсутствия внятного понимания собственного места в Европе. Но, империя создает неповторимую культуру, особый ментальный код региона, отличающий его как от Запада, так и от России²². В Центральной Европе, по его мнению, проявилась трагедия Европы в целом, регион, разделенный на малые народы/государства, может стать легкой добычей для мощных соседей²³. Поэтому М. Кундера и многие диссиденты поддержали Европейскую интеграцию, веря, что Центральная Европа сможет со временем вернуться в Европу. Роман Шпорлук, вслед за М. Кундерой относил к данному региону и Украину, очевидно апеллируя к габсбургскому прошлому ее западных регионов²⁴.

Крушение социализма открывает новый этап в развитии Центрально-Восточной Европы. Историческое прошлое империи Габсбургов подвергается пересмотру и реабилитации, сохраняя некоторую

²¹ Christensen 2006: 5.

²² Кундера 1985: 176, 178.

²³ Кундера 1985: 181.

²⁴ Шпорлук 1985: 80.

национальную специфику. В 1989 г. в Венгрии проводится опрос населения, на вопрос какие европейские страны ближе всего Венгрии, респонденты назвали государства ранее, входившие в состав империи Габсбургов, значительно опередив Западную Европу²⁵. Расширение ЕС в Центрально-Восточной Европе приобретает некоторое габсбургское очертание. В начале 90-х гг. в политических кругах Вены возникают проекты реализации интеграционных проектов Австрии с государствами региона, избавившихся от социализма, идут разговоры о возможности Австрии выступить в качестве локомотива их вступления в ЕС. Данные проекты оказались нереализованными. В то же время, несмотря на ряд проблем, Австрия активно поддерживала вступление государств региона в ЕС. Когда в ЕС готовились переговоры с Турцией о вступлении в ЕС, Вена настаивала на необходимости скорейшего начала таких же переговоров с Хорватией, чувствуя свою историческую ответственность за Западные Балканы²⁶.

Габсбургский миф имеет особое звучание в Венгрии, которое проявилось уже в 20-40-е гг. Он, скорее является напоминанием о «Великой Венгрии», существовавшей в рамках империи Габсбургов, и получившей равноправный статус с Австрией в 1867 г. Поэтому «золотой век» для венгров это эпоху дуализма и отчасти годы правления Марии Терезии. «Травма Трианона» на всем протяжении XX в. является «незаживающей раной» в исторической памяти венгров²⁷. В 1988 г. еще при правлении коммунистов в Венгрии прошла крупная антирумынская демонстрация, власти оказались не в состоянии ее предотвратить. Поводом для выступлений послужили новые антивенгерские акции в Трансильвании, проводимые диктатором Н. Чаушеску. После краха социалистического режима в Венгрии в 1990 г. премьер-министр Й. Анталл, отражая данные настроения, заявил, что он хотел бы стать премьер-министром 15 млн. венгров, то есть и проживавших в соседних странах. Не раз ностальгические высказывания звучат в выступлениях В. Орбана, вызывая резкую критику со стороны партнеров по Вишеградской группы, особенно в соседней Словакии. Историческое прошлое не однократно становится объектом для острой полемики между Венгрией и Румынией. Вступление Венгрии, Словакии и Румынии в ЕС создает предпосылки для преодоления исторических травм, но данный процесс идет не столь быстро.

Венгрия в немалой степени способствует возвращению Габсбургов в большую политику. Несмотря на то, что представителям династии позволили вернуться в страну в 1989 г., а в Австрию в 1966 г., по свидетельству Дьердя (Георга) Габсбурга, сына Отто фон Габсбурга, именно в Венгрии, а не в Австрии он чувствуют себя наиболее комфортно. В

---

²⁵ Чепели 1991: 225.

²⁶ Буланникова 2010: 314.

²⁷ Грендель 2011: 122-123.

Вене до сих пор проявляется некоторое недоверие к политическим амбициям династии. В начале 90-х гг. венгерские политики вели переговоры с Отто фон Габсбургом об избрании его на должность президента страны, но он решительно отказался от такой возможности. В 2021 г. Дьердь Габсбург назначается послом Венгрии во Францию, где ему представилась возможность внести свой вклад в развитие непростых отношений Будапешта с Парижем. Его двоюродный брат Эдуард Габсбург занял должность посла Венгрии в Ватикане²⁸.

После крушение социализма, в Чехии начинается переосмысление исторического прошлого империи Габсбургов. В этой связи появляются сенсационные статьи, где пересматриваются исторические оценки империи. Наибольшую активность в этом направлении проявляют правые политики и католическая церковь. Архиепископ Праги с 2010 по 2022 г. Д. Дука стал один из вдохновителей этого процесса²⁹. В Праге и в регионах начинается процесс восстановления памятников, связанных с историей империи Габсбургов, в том числе Марианской колонны в чешской столице. Либералы сетуют, что все это происходит при полном равнодушии сограждан. Мэр Прага З. Гржиб заявил, что восстановление Марианской колонны равносильно воссозданию памятнику И.В. Сталину, но он не стал решительно выступать против действий сторонников реабилитации исторического прошлого империи Габсбургов. В результате решение о восстановлении Марианской колонны утвердил городской совет Праги, что стало полной неожиданностью для сторонников этой идеи. Многие члены городского совета руководствовались при голосовании эстетическими соображениями. Однако правые политики, в частности М. Бенда в этом видят важное политическое послание.

Восстановление памятников эпохи Габсбургов сопровождается разрушением памятников, связанных с периодом социализма, вершиной этого процесса становится снос памятника маршалу И.Коневу в Праге. Данный факт во многом объясняется изменениями в исторической памяти чехов. Она теперь в большей степени ориентируется не на память об их угнетении Габсбургами, а на борьбу с советским тоталитаризмом. Поэтому в 2005 г. во время опроса населения о самых знаменитых чехах, победителем неожиданно стал вымышленный герой-эрудит Ян Цимрман, спокойно без агрессии, как ему казалось, борющийся с «габсбургским гнетом», который меркнет на фоне трагических событий XX в. Свой высокий статус он подтвердил в 2010 г.³⁰ В современном чешском обществе не ставится под сомнение важность 1918 г. для национального развития чехов и словаков. Однако Австро-Венгрия теперь не воспринимается как «тюрьма народов», а как либеральное государство, внесшее большой вклад в развитие Чехии и Словакии.

---

²⁸ Kaszas Today 2021.

²⁹ McEnchroe 2020.

³⁰ Физекова 2020.

В Словацкой республике габсбургское прошлое в меньшей степени присутствует в общественно-политическом дискурсе, хотя и здесь наблюдаются некоторые подвижки³¹. Непростые отношения с Венгрией, наличие многочисленной венгерской общины внутри страны, различные громкие акции В. Орбана на территории Словакии тормозят данный процесс³². В то же время все чаще словацкие политики отмечают региональную общность народов Центрально-Восточной Европы, во многом сформировавшуюся в рамках империи Габсбургов.

Польше не надо доказывать свою принадлежность к европейской семье, поскольку она являлась частью Европы, играя весомую роль в истории региона в XV–XVII вв. Габсбургская ностальгия здесь имеет в большей степени внутривосточный окрас. Поэтому в Польше габсбургским миф приобретает региональную окраску, являясь напоминанием о польском прошлом Галиции в составе империи Габсбургов. Авторитаризм, процветавший в российской части Польши в исторической памяти поляков, противопоставляется либерализму польской Галиции империи Габсбургов³³. В этой связи не раз польские политики отмечали, что именно Австро-Венгрия стала местом сохранения польского патриотизма, вспоминая политические биографии Ю. Пилсудского и В. Сикорского. В условиях новых геополитических реалий в Восточной Европе Галиция эпохи дуализма выступает в качестве возможного моста для формирования союза Польши и Украины, исторической основы для распространения тезиса о польском либеральном транзите в Украину.

На Западной Украине габсбургский миф прочно входит в политическую практику после получения независимости. Он не только становится частью региональной идентичности жителей Галиции, но и демонстрирует ее европейскость, принадлежность к Центральной Европе³⁴. Еще в начале XX в. Галиция в восприятии многих политиков и интеллектуалов являлась своеобразным украинским «Пьемонтом», где развивалось национальное движение, где украинцы получили большую культурную автономию и приобрели первый опыт приобщения к либеральным ценностям.

Несколько особняком стоит Буковина – Австро-Венгрия в миниатюре, символ мирного сожительства различных европейских народов, принадлежащих к разным культурам. Габсбургское прошлое в этом регионе также становится важным элементом украинского национального самосознания, подчеркивающего его принадлежность к европейской цивилизации. 25 июня 2011 г. в Черновцах состоялось торжественное открытие новой синагоги, кроме всего, символизирующее возвращение Буковины к габсбургскому мультикультурализму. Габсбургская ностальгия, в Галиции и Буковине становится одной из форм

³¹ Крючкова, Крючков, Рокина 2021:180.

³² Крючков 2022: 134-135.

³³ Bialasiewicz 2003: 32-33.

³⁴ Simonek 2012: 177-178.

десоветизации, что проявляется в политической практике и в формировании городского ландшафта³⁵.

На постюгославском пространстве габсбургский миф проявляется в несколько ином плане. Уже в 20–30-е гг. в Хорватии и Словении в условиях противостояния с сербским национализмом вырисовывается ностальгия по империи Габсбургов, хотя в Хорватии еще свежи были воспоминания об остром политическом конфликте с Венгрией рубежа XIX–XX вв. В 80–90-е гг. XX в. в Хорватии и Словении много говорится о византийском (авторитарном) культурном коде сербов, принадлежности хорватов и словенцев к западной (либеральной) цивилизации, в том числе посредством вхождения в состав империи Габсбургов³⁶.

После I мировой войны габсбургский миф распространяется среди немцев Южного Тироля и словенцев, оказавшихся на территории Италии. Одной из форм его проявления становится их увлечение региональной историей, позволявшей изучать жизнь немцев и словенцев в составе империи Габсбургов. Они пытаются установить памятники местным знаменитостям, прославившимся на службе Габсбургам³⁷. Итальянские власти всячески стремились пресекать такие действия, рассматривая их как проявление сепаратизма.

Примерно аналогичная тенденция отмечается в Триесте, пережившем множество политических потрясений в XX в. Местное итальянское население традиционно поддерживает итальянское национальное движение. Однако и здесь отмечается распространение габсбургского мифа. С одной стороны, это есть не «отказ от истории» как в случае с австрийцами, а наоборот ее возрождение на региональном уровне, ставшим важным элементом региональной идентичности. С другой стороны, формой протеста по поводу игнорирования центральным правительством нужд региона, его стремления к автономии³⁸.

Таким образом, после распада Австро-Венгрии память об историческом прошлом империи переживает сложную трансформацию в XX – начале XXI вв. Габсбургский миф становится неотъемлемой частью политической жизни стран Центрально-Восточной Европы. С одной стороны, он позволяет им избавиться от «плохой истории» 20-80-х гг. С другой стороны, подчеркнуть свою европейскость и приверженность либеральным ценностям. Габсбургский миф способствует формированию региональной истории и региональных идентичностей, а также сохранению национальной идентичности бывших подданных Габсбургов, оказавшихся в положении национальных меньшинств, конструированию австрийской национальной идеи.

Следует подчеркнуть, что габсбургский миф более выражен в тех государствах/регионах, которые входили в австрийскую половину им-

³⁵ Narvselius 2014: 59-83.

³⁶ Buc S. 1970: 60.

³⁷ Baskar 2003: 5.

³⁸ Hametz 2014: 131-132.

перии Габсбургов, где после 1867 г. развиваются федеративные начала, а народы Цислайтании получили широкую автономию. В бывшей венгерской половине империи габсбургский миф выражен не столь ярко, поскольку политика мадьяризации до сих пор воспримется как одна из форм центральноевропейского национализма.

В условиях развития интеграционных процессов в Европе после Второй мировой войны габсбургский миф является одним из обоснований общности судеб европейских народов, вне зависимости от их региональной принадлежности и культурной специфики. Многим политикам и представителям интеллектуального сообщества Австро-Венгрии представляется неким прообразом будущего ЕС, где наднациональные структуры становятся основой объединения поликультурного общества. Неслучайно, кроме всего, панъевропейское движение зарождается в Австро-Венгрии. Исторический опыт империи Габсбургов подтверждает верность столь популярной в наши дни концепции разноректорной (разноравневой) интеграции в рамках ЕС.

Любой миф искажает действительность, в случае с габсбургским мифом он ее идеализирует. Он становится формой избавления народов Центрально-Восточной Европы от исторических травм XX века, основой для их консолидации в рамках ЕС – Вишеградская группа.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Буланникова Ю.А. Процесс интеграции стран Западных Балкан в Евросоюз// Вестник МГИМО – университета. 2010. №2. С. 311-318. [Bulanikova Ju.A. Process integracii stran Zapadnyh Balkan v Evrosojuz // Vestnik MGIMO – universiteta. 2010. No. 2. P. 311-318].
- Ведерников М.В. Исторические предпосылки Вишеградского политического стиля//Современная Европа. 2017. №7. С. 78-87. [Vedernikov M.V. Istoricheskie predposylki Vishegradskogo politicheskogo stija // Sovremennaja Evropa. 2017. No. 7. P. 78-87].
- Грендель Л. Венгерская травма – венгерские заблуждения/Венгерский гений. Венгры, как они видят себя, Венгрию, свое место в истории и современном мире. М.: Логос, 2011. С. 115-143. [Grendel' L. Vengerskaja travma – vengerskie zabluzhdenija // Vengerskij genij. Vengry, kak oni vidjat sebja, Vengriju, svoe mesto v istorii i sovremennom mire. Moscow: Logos, 2011. P.115 – 143].
- Джонстон У.М. Австрийский ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1939 гг. М.: Московская школа политических исследований, 2004. [Dzhonston U.M. Avstrijskij renessans. Intellektual'naja i social'naja istorija Avstro-Vengrii 1848-1939 gg. Moscow: Moscow school of political studies, 2004].
- Иванов А.Г. Имперский миф – «метауровень» политической мифологии/Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. №3. С.96-103. [Ivanov A.G. Imperskij mif – «metauroven» politicheskoi mifologii // Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii. 2018. No. 3. P.96-103].
- Интервью с Отто фон Габсбургом [Interv'ju s Otto fon Gabsburgom Available] at: <https://archive.svoboda.org/programs/CE/2000/CE.112000.asp>.
- Крючков И.В. Взаимоотношения Венгрии с государствами Вишеградской группы (2014–2021)//Актуальные проблемы Европы. 2022. №2. С. 124-145. [Krjuchkov I.V. Vzaimootnoshenija Vengrii s gosudarstvami Vishegradskoj grupy (2014–2021) // Aktual'nye problemy Evropy. 2022. No. 2. P.124 – 145].
- Крючкова Н.Д., Крючков И.В., Рокина Г.В. Габсбургский миф в исторической памяти Вишеградской Европы и ее соседей // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 174–186. [Krjuchkova N.D., Krjuchkov I.V., Rokina G.V. Gabsburgskij mif v istoricheskoi pamjati Vishegradskoj Evropy i ee sosedej // Dialog so vremenem. 2021. No. 75. P. 174–186].

- Кундера М. Трагедия Центральной Европы//Проблемы Восточной Европы. 1985. №11-12. С. 170–191. [Kundera M. Tragedija Central'noj Evropy // Problemy Vostochnoj Evropy. 1985. No. 11-12. P. 170-191].
- Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Т.1. Прага, 1926. [Masarik T.G. Mirovaja revoljucija. Vospomnanija. Vol.1. Praga, 1926].
- «Почти ни кто не мыслит эту страну вне интегрированного европейского цивилизационного пространства. Интервью с Я. Шимовым//Историческая экспертиза. 2018. №1. С. 115–130. [«Pochti ni kto ne myslit jetu stranu vne integrirovannogo evropejskogo civilizacionnogo prostranstva. Intervju s Ja. Shimovym // Istoricheskaja jekspertiza. 2018. No. 1. P.115–130].
- Сараево: осмотр достопримечательностей//https://www.getyourguide.ru/discovery/sarajevo-12281/sightseeing-tours-tc2/?utm_force=0 (дата обращения 14.03. 2023). [Saraevo: osmotr dostoprimechatel'nostej Available at: https://www.getyourguide.ru/discovery/sarajevo-12281/sightseeing-tours-tc2/?utm_force=0 (Accessed: 14.03. 2023)].
- Сетон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты// Проблемы Восточной Европы. 1982. №5-6. С. 172–216. [Seton-Uotson H., Urban Dzh. Nacionalizm i ego aspekty // Problemy Vostochnoj Evropy. 1982. No. 5–6. P.172-216].
- Физекова И. Яра Цимрман – непризнанный гений или универсальный чех/Чехия сегодня. 5.08.2010 [Fizekova I. Jara Cimrman – nepriznannyj genij ili universal'nyj cheh/Chehija segodnja. 5.08.2010 Available at: <https://czechtoday.eu/obshhestvo/2010/yara-czimrman-nepriznannyj-genij-ili-universalnyj-cheh/>
- Чепели Д. Национальное самознание в посткоммунистической Венгрии//Проблемы Восточной Европы. 1991. № 31-32. С. 206–233. [Chepeli D. Nacional'noe samoznanie v post-kommunisticheskoj Vengrii // Problemy Vostochnoj Evropy. 1991. No. 31–32. P. 206-233].
- Шимов Я. Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий. М., 2002. [Shimov Ja. Perekrstok. Central'naja Evropa na rubezhe tysjatiletej. Moscow, 2002].
- Шпорлук Р. К Определению «Центральная Европа». Власть, политика и культура // Проблемы Восточной Европы. 1985. № 7-8. С. 74–86. [Shporluk R. K Opredeleniju «Central'naja Evropa». Vlast', politika i kul'tura // Problemy Vostochnoj Evropy. 1985. No. 7-8. P. 74-86].
- Barber T. The change in political tide buoys Austria's far right// Financial Times 26.04.2016.
- Barroso J. M. D. (4 april 2013). Speech by President Barroso: “Culture: The cement that binds Europe together”. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_13_280
- Baskar B. Ambivalent Dealings with an Imperial Past: The Habsburg Legacy and New Nationhood in ex-Yugoslavia Wien Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2003.
- Bialasiewicz L. Another Europe: remembering Habsburg Galicja// Cultural geographies. 2003. №10. P. 21–44.
- Buc S. Croatia and Central Europe/ Toward a New Central Europe. A symposium on the problems of the Danubian nations. Ed. by F. Weyner. Astor Park, 1970. P. 58–66.
- Christensen P.G. "Szabó's Colonel Redl and the Habsburg Myth"//CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2006. T 8. I. Article 8. P. 1–10.
- Claudio K. Il mito absburgico nella letteratura austriaca moderna. Turin: Einaudi, 1963.
- Coudenhove-Kalergi R. Die Europäische Nation. Stuttgart: Deutsche Verl., 1967. S.17-19.
- Hametz M. Presnitz in the Piazza: Habsburg Nostalgia in Trieste// Journal of Austrian Studies. Vol. 47. № 2. 2014. P.131-154.
- Hodza M. Federation in Central Europe/ Toward a New Central Europe. A symposium on the problems of the Danubian nations. Ed. by F. Weyner. Astor Park, 1970. P. 128–137.
- Kaszás F. Hungary is the center of my life' – György Habsburg, Hungary's New Ambassador to France//Hungary Today (5.02.2021) // <https://hungarytoday.hu/gyorgy-habsburg-interview-hungary-ambassador-france/>
- Kreisky B. Zwischen den Zeiten. Erinnerungen aus fünf Jahrzehnten. Berlin: Seifert, 1986.
- McEnchroe T. Cardinal Duka blesses Marian column as supporters and opponents gather on Old Town Square//Radio Prague International (15.08.2020) // <https://english.radio.cz/supporters-and-opponents-marian-column-gather-old-town-square-8689302>
- Narvselius E., Bernsand N. Lviv and Chernivtsi: Two Memory Cultures at the Western Ukrainian Borderland//East/West: Journal of Ukrainian Studies 1. №. 1. 2014. P. 59–83.
- Schlipphacke H. Nostalgia after Nazism: History, Home, and Aff ect in German and Austrian Literature and Film. Lewisburg: Bucknell University Press, 2010. 312 p.
- Simonek S. Der Habsburger-Mythos als Moment einer regionalen Identität Galiziens?: (Beispiele aus der zeitgenössischen ukrainisch-galizischen Literatur)/ Dialogy o slovanských literaturách:

tradice a perspektivy. Dohnal, Josef (editor); Zelenka, Miloš (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2012. P. 177-186.

St. Erlich V. Family in Transition: A Study of 300 Yugoslav Villages. Princeton, New Jersey: The Princeton University Press, 1966. 4

Tonkin K. Joseph Roth's March into History: From the Early Novels to Radetzkyarsch and Die Kapuzinergruft. Rochester-New York, Camden House, 2008.

Thompson H. The Habsburg Myth and the European Union"/ Europe's Malaise (Research in Political Sociology, eds. Duina F., Merand F. Vol. 27. Emerald Publishing Limited. 2020. P. 45–66.

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет; igory5@yandex.ru

Крючкова Наталья Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; intist08nk@yandex.ru

The Habsburg Myth and Political Processes in Europe in the 20th and at the Beginning of the 21st cc.: The Pan-European Idea and Regional Identities

This article examines the impact of the Habsburg myth on the development of political processes in regions and states that emerged on the territory of the former Habsburg Empire in the second half of the twentieth and at the beginning of the twenty-first centuries. The spread of authoritarianism (totalitarianism) in the region and the World War II contributed to the rehabilitation of the Habsburg Empire in the historical memory of the peoples of Central and Eastern Europe and neighbouring regions and to their awareness of the common historical, political and cultural development. Belonging to the Habsburg space is the most important political code that defines the Europeaness of Central and Eastern Europe, its difference from Russia. The material also shows the influence of the intellectual heritage of the Habsburg Empire and the Habsburg myth on the formation of the pan-European idea and the integration processes in Europe after the World War II.

Key words: Habsburg myth, Austria-Hungary, Habsburg Empire, Central-Eastern Europe, European Union, authoritarianism, Franz Josef I.

Igor Kryuchkov, Dr. Sc. (History), Professor, North-Caucasus Federal University; igory5@yandex.ru

Natalia Kryuchkova, Cand. Hist. Sci., Associate Professor, North-Caucasus Federal University; intist08nk@yandex.ru

И.А. СЛЕПЕНКО

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье рассматривается такой вид историографических источников как «исторические описания». Произведения с такими названиями получили широкое распространение в российской исторической культуре XVIII в., в связи с чем возникает вопрос их классификации. В центре исследования находится критический анализ классификации историографических источников в феноменологической концепции источниковедения историографии на примере «исторических описаний».

Ключевые слова: историография, источниковедение историографии, феноменологическая концепция источниковедения, виды историографических источников, социально ориентированный тип исторического знания, исторические описания.

Целью статьи является разбор гипотезы о существовании такого вида историографических источников, как «(краткие) исторические описания», предложенной С.И. Маловичко в 2020 г. До этого *исторические описания* не находились в ракурсе внимания исследователей историографии. Согласно данной гипотезе, *историческое описание* – это вид историографических источников, «для которых характерна презентация неразделенного исторического и географического материала в совокупности с описанием культурных особенностей описываемых объектов»¹. Хронологически существование *исторических описаний*² можно ограничить второй четвертью XVIII – началом XIX в., поскольку именно для этого периода характерно большое количество историографических источников, имеющих названия такого рода: «историческое описание», «краткое описание», «краткое историческое описание».

Историография у данной проблемы отсутствует, поскольку мы говорим именно о попытках комплексного изучения историографии этого периода. Фундаментальный труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»³, до сих пор сохраняет свою актуальность, однако для нашего исследования в нем не содержится ничего интересного. Также существуют две специальные работы, посвященные описываемому периоду, под авторством С.Л. Пештича⁴ и М.А. Алпатова⁵ соответственно. Особо стоит отметить С.Л. Пештича, т.к. сами *исторические описания* попадали в его поле зрения⁶, но об их потенциальной классификации он не задумывался. Монография же М.А. Алпатова, во многом идеологизирова-

---

¹ Маловичко 2020:138.

² Имеется в виду российская историческая культура, для европейских «описаний» характерны иные хронологические рамки. Там же.

³ Рубинштейн 2008.

⁴ Пештич 1965.

⁵ Алпатов 1985.

⁶ Пештич 1965: 57, 328, 343.

на и в равной мере направлена как на доказательство первенства русской историографии перед европейской, так и на отыскание в ней «прогрессивных» начал. В известной степени эта работа является идейной наследницей работы М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»⁷. Безусловно нельзя пройти мимо последнего исследования М.Б. Свердлова⁸, посвященного этой теме, которое отличается широтой кругозора и исследовательской скрупулезностью, однако ракурс этого исследования задает такие рамки, в которых нет места для *исторических описаний*.

Но вернемся к нашей проблеме. Сами попытки концептуализировать историографический процесс можно только приветствовать, тем более в отношении столь важного периода складывания современной исторической культуры⁹, которая в тех или иных формах продолжает существовать до нашего времени¹⁰. Именно поэтому гипотеза о существовании (*кратких*) *исторических описаний* как вида историографических источников является весьма перспективной и нуждается в проверке.

Перед тем, как перейти к исследованию, стоит сделать несколько важных предупреждений. Во-первых, гипотеза об исторических описаниях сделана в рамках определенного подхода, а именно, в рамках источниковедения историографии, развиваемого представителями Научно-педагогической школы источниковедения (НПШ), Р.Б. Казаковым, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. Под источниковедением историографии «авторы понимают предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории»¹¹. Данный подход непосредственно связан с феноменологической концепцией источниковедения историографии¹². Центральной идеей является разделение историографических источников на две группы видов: научную историю и социально ориентированное историческое описание, которые авторы считают рядоположенными, но не пересекающимися (!), так как они позиционируют разные типы исторического знания¹³. Такое деление представляется не слишком удачным (во всяком

⁷ Коялович 1884.

⁸ Свердлов 2022.

⁹ Мы склонны согласиться с таким определением: «Понятие исторической культуры охватывает многообразные отношения между профессиональной историографией и более обширной сферой общественных представлений об истории (историческим сознанием) в разные эпохи и периоды. Характер этих взаимодействий понимается не как односторонний процесс продвижения от сознания «вообще» к науке — исключительно в плоскости академизации и критического пересмотра повседневных, массовых или обыденных представлений о прошлом». См.: Дмитриев 2012: 9–10.

¹⁰ Мы говорим, как минимум, о формальной стороне научной практики историописания — виды историографических источников, сложившиеся в середине XIX в., продолжают успешно существовать до сих пор.

¹¹ Казаков, Маловичко, Румянцева 2016: 228.

¹² Маловичко 2013: 112.

¹³ Источниковедение: 524; Маловичко, Румянцева 2013: 76; Маловичко 2015: 36–44.

случае в его существующем виде)¹⁴, но его критика не является целью этой статьи. Во-вторых, основанием «выделения видовой структуры историографических источников... [является] принцип целеполагания его автора», соответственно в первую очередь при классификации необходимо определить «целеполагание историка прошлого и культуры его времени»¹⁵. Данный классификационный принцип представляется вполне плодотворным, несмотря на некоторые его ограничения, которые будут показаны ниже. В-третьих, непосредственной реализацией принципа целеполагания при выделении *исторических описаний* в отдельный вид историографических источников является предположение, что целеполагание автора (и культуры его времени) каким-то образом выражается в названии произведения, соответственно сходные целеполагания приводят к сходным названиям¹⁶.

Также стоит сделать ремарку по поводу нашей интерпретации рядоположенности двух типов исторического знания. Несмотря на то, что авторы концепции не используют определение «непересекающиеся» при характеристике взаимоотношений социально ориентированного и научного историописания, мы бы рискнули охарактеризовать их взаимоотношения в данной концепции именно так.

Поскольку объектами для изучения являются вид/система видов историографических источников, а основным классификационным принципом – принцип целеполагания, то стоит обратиться к названиям видов историографических источников в двух типах историописания. Общих названий видов историографических источников, объединяющих в себе и научное, и социально ориентированное историописание – нет¹⁷. В таком случае мы позволим себе говорить о «непересекающихся» типах исторического знания в т. н. «слабой версии»¹⁸.

С логической точки зрения нам кажется, что таковых «пересекающихся» видов историографических источников в данной концепции быть и не должно (в ее изначальном виде), в противном случае либо возникнет вопрос о пересмотре основного классификационного принципа, либо это приведет к невозможности демаркации научного и социально ориентированного историописания в рамках соответствующих видов историографических источников¹⁹.

¹⁴ У С.И. Маловичко существуют упоминания о «как минимум двух типах» исторического знания, правда, без какого-либо намека на остальные возможные типы знания. Развития эта тема не получила. – Источниковедение: 527; Маловичко 2020: 140.

¹⁵ Источниковедение: 523.

¹⁶ Данный принцип эксплицирован нами из работы: Маловичко 2020.

¹⁷ Источниковедение 2015: 525-559.

¹⁸ Поскольку мы говорим не об абсолютных различиях этих видов/типов по любым категориям сравнения (это было бы «сильной версией»).

¹⁹ Мы уделяем много внимания этому аспекту, так как основной практической возможностью, вытекающей из деления историописания на два типа, как раз и состоит в легкости демаркации исторической науки от других типов исторического знания. Данная демаркация происходит путем определения видовой принадлежности историографического источника. В описанной выше ситуации эта возможность теряется.

После необходимых оговорок приступим к выяснению места *исторических описаний* в ряду историографических источников, согласно гипотезе С.И. Маловичко. Что нам необходимо для этого сделать?

- Выявить принадлежность *исторического описания* к одному из двух типов исторического знания (научное или социально ориентированное), т.е. отнести их к той или иной группе видов историографических источников.

- Выявить инвариантные характеристики *исторических описаний* для формулирования определения такого вида историографических источников как *историческое описание*.

Возьмем для анализа некоторые *исторические описания*. Выбор таковых нами осуществлялся согласно оговоренному выше принципу, что целеполагание автора каким-то образом выражается в названии произведения. Поскольку данная проблематика до нас никем не была исследована, то этим обуславливается случайность выборки «исторических описаний», взятых нами в качестве источников, впрочем, исходя из нашей цели, мы настаиваем на ее репрезентативности.

Для нашего исследования мы выбрали пять *исторических описаний*:

- «*Краткое описание всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ создания сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу*» Г. Ф. Байера²⁰. Впервые она была издана в 1737 г. на немецком языке, но уже в 1738 г. вышел ее перевод на русский язык²¹.
- «*Краткое историческое описание Кіевопечерскія Лавры*» под авторством С. Г. Миславского²². Существует три издания – 1791, 1795 и 1798 гг. К изданиям отдельно прилагались брошюры, две к первому – «*Достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ*» и «*Краткое историческое извѣстіе о Кіевѣ*» и ещё одна ко второму и третьему – «*Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ князьяхъ и княгиняхъ роду Рюрика*»²³.
- «*Описание императорскаго, столичнаго города Москвы*», сочинённое надворным советником В. Г. Рубаном и изданное в 1782 году²⁴.
- «*Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы съ приобщеніемъ генеральнаго и частныхъ ея плановъ*», написанное Т. Полежаевым и изданное в 1796 году²⁵.
- «*Краткое историческое и хронологическое описание жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супруговъ и дѣтей*» под авторством коллежского советника Ефрема Филиповского, изданное в 3-х частях в типографии Платона Бекетова соответственно в 1805, 1807 и 1810 гг.²⁶.

Итак, согласно рассматриваемой гипотезе, историческое описание – это вид историографических источников, «для которых характерна презентация неразделенного исторического и географического материала»

²⁰ Байер 1782.

²¹ Лущов 1976: 76.

²² Миславский 1795.

²³ Сводный каталог... 1966: 86–87.

²⁴ Рубан 1782.

²⁵ Полежаев 1796.

²⁶ Филиповский 1805; 1807; 1810.

ла в совокупности с описанием культурных особенностей описываемых объектов»²⁷. Поскольку мы выше писали о необходимости «выявить инвариантные характеристики *исторических описаний*», то налицо парадокс – зачем этим заниматься, если все уже сделано до нас, чему свидетельствует приведенное определение С.И. Маловичко? Дело в том, что мы не согласны с таким определением (иначе бы не было и данной статьи). Стоит заметить, что мы вынуждены были отчасти эксплицировать данное определение у С.И. Маловичко, но при этом у нас нет никаких сомнений в его правильности²⁸. Кто-то может нас упрекнуть в том, что мы сами создали удобную для спора категорию, однако у нас есть несколько контраргументов против такого возражения.

Во-первых, в упомянутой работе С.И. Маловичко имеется ряд синонимов понятия «вид историографических источников»: «виды исторических нарративов»²⁹, «формы повествования»³⁰, «виды историописания»³¹, «практика изложения исследовательского и учебного материала»³², «вид исторических произведений»³³, «формы историописания»³⁴.

Во-вторых, в приведенной цитате³⁵ в части, касающейся определения того, что такое «историческое описание», присутствует слово «вид». В контексте феноменологической концепции источниковедения историографии³⁶ все историографические источники делятся на группы и виды, других классификационных единиц попросту не предусмотрено.

В-третьих, при подведении итогов параграфа «Формирование системы видов исторических нарративов о российской истории»³⁷, автор обобщает описание различных историографических практик (учебная книга, большая история, опыты, записки, очерки, начертания, (краткое) историческое описание) следующим образом: «из рассмотренных видов историографических источников»³⁸.

Таким образом, представляется вполне корректным относить «исторические описания» именно к отдельному виду историографического источника. Разумеется, использование синонимов – свойство естественного языка, которым мы оперируем. Однако стоит заметить, что феноменологическая концепция источниковедения историографии не эксп-

²⁷ Маловичко 2020: 138.

²⁸ Если следовать букве текста, то определение звучало бы так: «историческое описание – это *вид исторических произведений* ...». Там же.

²⁹ Там же: 121.

³⁰ Там же: 124.

³¹ Там же: 121.

³² Там же: 137.

³³ Там же: 138.

³⁴ Там же: 139.

³⁵ «...довольно популярным уже в XVII в. становится такой вид исторических произведений как (краткое) историческое описание». Там же: 138.

³⁶ В контексте которой развивал свою гипотезу С.И. Маловичко.

³⁷ Посвященного формированию системы видов историографических источников в XVIII в. в России.

³⁸ Маловичко 2020: 139.

лицирует данные свойства нашего языка, хотя сама при этом явно тяготеет к однозначности употребляемых классификационных единиц³⁹.

Рассмотрим вопрос о принадлежности исторических описаний к одной из двух групп видов историографических источников – либо научной истории, либо социально ориентированному историописанию. Несмотря на то, что в феноменологической концепции источниковедения виды историографических источников не должны пересекаться, в случае *исторического описания* такое парадоксальное пересечение происходит. «В российской исторической культуре XVIII в. присутствовали исторические произведения научного характера, имевшие в самоназвании слово «описание»⁴⁰, а также произведения, которые относятся к социально ориентированному типу исторического знания, имевшие цель конструирования той или иной идентичности», – пишет С.И. Маловичко⁴¹.

Получается историческое описание – это вид историографических источников, который включает в себя и научные и социально ориентированные работы? Противоречие налицо. Если историческое описание – все-таки вид историографических источников, то это ломает концепцию рядоположенных, но не проникающих друг в друга двух типов исторического знания. Если же это не вид историографических источников, то тогда, о чем мы ведем речь в рамках феноменологической концепции источниковедения историографии? При чем данная концепция в ее существующем виде не предполагает разговора о «протовидах»⁴² историографических источников, поэтому мы вынуждены рассматривать историческое описание именно как вид и постулировать парадоксальность такого рассмотрения.

В результате анализа конкретного материала в попытках определения его видовой классификации, мы также приходим к выводу о невозможности существования такого вида историографических источников, как *историческое описание*, под именем которого скрывается целый ряд разнохарактерных источников. Для понимания того, насколько различными друг от друга и по форме, и по содержанию являются сочинения, называемые «историческими описаниями», «краткими описаниями», «описаниями», «краткими историческими описаниями» и т.д., достаточно провести сравнительный анализ нескольких из них.

Начнём с «*Краткого описания всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ создания сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу*» Г.Ф. Байера (1738). Несмотря на то, что в названии описания Байера отсутствует характеристика – «историческое», именно сочинение немецкого историка является наиболее историческим по своему содержанию, в отличие от остальных описаний, речь о которых пойдет

³⁹ См.: Источниковедение 2015.

⁴⁰ Например, Байер 1782.

⁴¹ Маловичко 2020: 138–139.

⁴² В контексте самой историографической ситуации XVIII в. (а также ее изученности) это было бы особенно уместно.

ниже. Историк, безусловно, уделяет внимание географическому аспекту, что, например, проявляется в большом количестве ссылок на «ландкарты», присутствующих в сочинении⁴³, тем не менее, куда большую часть сочинения занимает именно исторический нарратив. Особенности подачи этого материала заслуживают отдельного внимания.

В первую очередь, стоит отметить наличие развитого ссылочного аппарата, с помощью которого автор даёт ссылки не только на сочинения древних авторов, но и на современные ему. Работа снабжена пространными примечаниями. Сведения авторов, приводимых в ссылках, постоянно комментируются историком, часто даже критически, а не «вырезаются» и затем «вклеиваются» в текст, что является характерной чертой других описаний. Вот некоторые примеры таких критических замечаний: «я не знаю, что бы Шардена въ такое мнѣніе могло привести»⁴⁴; «Ісаакъ Казаубонъ хотя и старался въ порядокъ привести, однакожь описать онъ ихъ не съ довольнымъ прилѣжаніемъ»⁴⁵. О родстве с полвцами Поляков и Литовцев у Стрыйковского и Бельского Байер говорит: «но все сіе не имѣетъ никакого основанія»⁴⁶. Много внимания Байер уделяет лингвистическому анализу, пожалуй, это один из основных методов историка, которым он пользуется на протяжении всей работы (какое из других *исторических описаний* еще могло бы этим «похвастаться?»). Байер также руководствовался чем-то похожим на принцип историзма. Вот несколько примеров: «...надъ собою Тираннамъ оставить... Такъ называли они своихъ...праведныхъ Государей...сіе имя в тогдашнія времена не такъ в худомъ знаменованіи принималось»⁴⁷; «Ихъ тогдашній Бургомистръ, ежели такъ сказать можно» (в примечании: «У Корсунъ назывался онъ Протѣνωγ»)»⁴⁸.

Таким образом, налицо присутствие в «кратком описании» Байера элементов характерных для научного стиля. И если рассматривать данную работу в контексте развития исторической науки XVIII в., то нет никаких сомнений в том, что она научная⁴⁹.

Следующим описанием, избранным для анализа, является «*Краткое историческое описание Киевопечерскія Лавры*» (1795) под авторством С. Г. Миславского. Собственно, к историческим, да и то с некоторыми натяжками, можно отнести лишь третью, четвертую и седьмую «главы»⁵⁰. В свою очередь первая и вторая «главы» по большей части

⁴³ Байер 1782: 3, 7, 8, 21, 22, 170, 191.

⁴⁴ Там же: 5–6.

⁴⁵ Там же: 11.

⁴⁶ Там же: 43.

⁴⁷ Там же: 10.

⁴⁸ Там же: 27.

⁴⁹ Что не мог не заметить и С.И. Маловичко. См. Маловичко 2020: 139.

⁵⁰ Приводим оглавление данного сочинения: 1. Зданія въ Лаврѣ. 2. Зданія внѣ ограды Лаврской. 3. О началѣ Игуменства, и Архимандріи въ Лаврѣ. 4. Достопамятныя происшествія въ Лаврѣ. 5. О Мошакъ святыхъ въ Лаврѣ. 6. О преимуществахъ Лавры, и ея Архимандритовъ. 7. Краткое описаніе Китаевской пустыни. 8. О Бывшихъ Игуменахъ и Архимандритахъ Лавры.

содержат описания архитектуры, как таковой, и архитектурных особенностей различных построек на территории Лавры и возле нее. Лишь отчасти в них присутствуют исторические сведения, касающиеся преимущественно обстоятельств возникновения тех или иных построек⁵¹. Но если в данном случае «исторический» элемент хотя бы присутствует, то в пятой и восьмой «главах», по большей части, содержится лишь сухой список с перечислением мощей и священнослужителей Лавры.

Отличаются от используемых Байером и приёмы, которыми пользуется Миславский. Так, в кратком описании Лавры отсутствует устойчивая система ссылок (в отличие от работы Байера)⁵². Ссылки размещаются то на полях⁵³, то внизу страницы⁵⁴, а иногда помещаются в сам текст с указанием страницы⁵⁵. При этом сочинение снабжено большим количеством примечаний внизу текста, т. е. автору знаком такой способ изложения, однако (опять-таки в отличие от работы Байера), он даже не превалирует. Так же не всегда можно проследить принцип отбора текста для размещения в примечании. Например, в «главе» о мощах. Неужели история обретения «мощей князя Владимира» настолько побочна, что её можно не вставлять в основной текст⁵⁶?

Таким образом, сочинение Миславского имеет набор самых разнообразных признаков⁵⁷ – и исторического сочинения, и «рекламного буклета», и путеводителя, и даже «душеспасительной» литературы.

Следующие «описания» мы условно можем определить как «топографические»: «*Описание императорскаго, столичнаго города Москвы*», сочинённое В.Г. Рубаном и «*Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы съ приобщением генеральнаго и частных ея плановъ*», написанное Т. Полежаевым. Они имеют ряд кардинальных различий с трудами Г.Ф. Байера и С.Г. Миславского. Эти описания очень похожи по своей структуре, так как в них «географический» компонент явно доминирует над историческим. Работа Полежаева, однако, отличается некоторым своеобразием. И то, таковое можно вывести только из ее сравнения с работой Рубана – если сравнивать с «описаниями» Байера и Миславского, то преобладание «географического» компонента у Полежаева будет все равно слишком большим.

Что же есть у Полежаева «исторического»? На первых нескольких страницах его «описания» даны краткие исторические сведения об истории Москвы во времена Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского⁵⁸.

⁵¹ Впрочем, таковые могут находиться и в современном туристическом путеводителе. Тем не менее, не относим же мы их к историографии.

⁵² С другой стороны, нельзя не отметить сам факт наличия ссылок.

⁵³ Миславский 1795: 4–6, 11, 14, 55, 60.

⁵⁴ Там же: 10, 68, 104–105, 108, 114, 116–117, 123.

⁵⁵ Там же: 5, 9–10, 15, 59.

⁵⁶ Там же: 80–82.

⁵⁷ Естественно, на наш взгляд, т. е. на «взгляд из современности». Не стоит потенциально обвинять автора в «не осознании видовой принадлежности» своей работы.

⁵⁸ Миславский 1795: 3–9.

Правда, они составляют лишь малую часть общего объёма сочинения., Причём Полежаев даёт объяснение, почему никаких подробных сведений о дальнейшей истории Москвы в его описании не содержится: «О прочих же всѣхъ бывшихъ въ Россіи произшествіяхъ... по краткости сего описанія здесь объяснять почитается за ненужное»⁵⁹. На этом «историческая» часть сочинения заканчивается, далее идёт сухое перечисление построек, улиц, районов Москвы, а «исторические» сведения ограничиваются указанием (и то изредка) на то, кем и когда было основано то или иное здание, например: «сдѣланъ...при Царѣ Ѳедорѣ Иоанновичѣ» и т.п.⁶⁰. Заканчивается описание приложением планов Москвы. В нем также отсутствует оглавление и ссылочный аппарат.

«*Описание императорскаго, столичнаго города Москвы*» В.Г. Рубана не имеет и того. Оно представляет собой всё тот же список топографических объектов, но «исторические» сведения здесь полностью отсутствуют. Нет оглавления и ссылочного аппарата. По сути, *описание* Рубана даже нельзя отнести к историографическим источникам, больше всего оно походит на архитектурное описание города в виде списка. Данное *описание* не укладывается в анализируемую нами гипотезу, поскольку не является ни *кратким*, ни *историческим*. Оно было привлечено нами к анализу намеренно, чтобы на его фоне показать минимальные отличия *описания* Т. Полежаева, которое является *историческим*.

«*Краткое историческое и хронологическое описание жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супруговъ и дѣтей*» под авторством коллежского советника Ефрема Филиповского⁶¹ является весьма интересным историографическим источником и нуждается в более обстоятельном изучении. Здесь же мы изложим лишь краткие выводы, полученные в результате его анализа. Идея, положенная Филиповским в основу своего труда, отнюдь не является оригинальной. Это идея монархического самодержавия, которое автор возводит к глубокой древности. В «Пантеоне...» имеются оглавление (хоть и не совсем обычное), ссылочный аппарат и примечания. Впрочем, ссылочный аппарат и примечания присутствует лишь во введении⁶², а «ссылочным аппаратом» выступает всего одна ссылка на работу А.И. Манкиева «Ядро русской истории»⁶³. Помимо нее в тексте есть пять примечаний⁶⁴. В этом отношении даже «*Краткое историческое описание Киевопечерскія Лавры*» является намного более наукооб-

⁵⁹ Там же: 9.

⁶⁰ Там же: 23.

⁶¹ С названием труда Филиповского связан один занимательный казус. Несмотря на то, что его официальным названием является: «Краткое историческое и хронологическое описание...», сам же Филиповский предлагает другое наименование, используемое им в качестве синонимичного – «Пантеонъ російскихъ государей».

⁶² Именуемым «Сокращеніем російской исторіи». См.: Филиповский 1805: VII–XXVIII.

⁶³ Там же: XIII.

⁶⁴ Там же: VIII, XVII–XVIII, XX, XXI, XXII–XXIII.

разной работой – там присутствует больше ссылок⁶⁵. «Пантеон...» в основе своей имеет стандартную линейную модель истории, изложенную в хронологическом порядке, где основной единицей периодизации является тот или иной правитель (монарх). Но есть одна деталь, которая позволяет говорить о своеобразии композиционных приемов Филиповского. Это иконография⁶⁶. Вся книга выстроена вокруг портретов и гравюр, что и позиционируется автором, как одно из ее главных достоинств⁶⁷.

Можно выделить несколько основных источников заимствований. Композицию своей работы Филиповский вполне мог заимствовать у «Пантеона российских авторов» Н.М. Карамзина изданного в типографии П.П. Бекетова в 1801 г.⁶⁸ Сами изображения по большей части были заимствованы из знаменитой книги Н.Г. Леклерка «Физическая, моральная, гражданская и политическая история современной России»⁶⁹, впрочем, тоже построенной по принципу портрет–глава. Таким образом, мы вполне обоснованно можем заявлять, что главный принцип построения «Пантеона...» – ориентация на визуальную составляющую, использовавшуюся главным образом для привлечения потенциальных читателей. Это были портреты с историей, а не история с портретами.

Источниковедческие приемы Филиповского не выдерживают никакой критики. Он не только переписывает на свой лад Иоакимовскую летопись⁷⁰, но и заимствует некоторые детали своих построений из пьес Екатерины II⁷¹. Все это делается для встраивания «фактов» в его схему исторического процесса, восходящую к идеологическим воззрениям самого Филиповского⁷². Впрочем, автор мог и не подозревать об ином способе писать историю⁷³ и для него это казалось нормальным.

Таким образом, в результате анализа «Пантеона...» Е.Е. Филиповского мы приходим к выводу, что он не является (*кратким*) историческим описанием, а скорее может относиться к *национально-государственному нарративу*⁷⁴, несмотря на самоназвание.

⁶⁵ В основном на «летопись Нестора».

⁶⁶ Подробнее об этом. См.: Ермакова 2020: 270–276.

⁶⁷ Филиповский 1805: III–IV.

⁶⁸ Структура данной работы абсолютно идентична – каждую главу предвдварет соответствующий портрет.

⁶⁹ Ермакова 2020: 273.

⁷⁰ См.: Татищев 1768: 32; Филиповский 1805: XIV.

⁷¹ Из пьесы Екатерины II «Из жизни Рюрика» Филиповский взял дополнительные сведения о мужьях дочерей Гостомысла, о которых Иоакимовская летопись не может сказать ни единого слова, кроме самого факта их наличия.

⁷² Которые имели много общего с концепцией просвещенного абсолютизма и общественного договора Екатерины II.

⁷³ Взять, к примеру, *историческое описание* Г.З. Байера.

⁷⁴ «Национально-государственный нарратив ... включает в себя всю известную историю того или иного народа-государства или значительную часть этой истории, выстраиваемой в линейной перспективе... [он] построен как четкая хронологическая последовательность логически выявляемых периодов [политической истории]. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем — народом (нацией)». См.: Маловичко 2014: 156–157.

Итак, из пяти взятых нами источников один является вполне научным для своего времени историческим исследованием, другой с трудом поддается классификации, третий лишь «наполовину исторический», четвертый вообще нельзя отнести к историографическим источникам, а пятый можно отнести к «национально-государственному» нарративу.

Если даже считать, что *исторические описания* Т. Полежаева и С.Г. Миславского укладываются в изначальное определение, то что делать с *историческими описаниями* Г.З. Байера и Е.Е. Филиповского? Как было показано, одно из них является научной работой, а другое – относится к национально-государственному нарративу.

Подведем итоги. Гипотеза С.И. Маловичко о существовании исторических описаний как отдельного вида историографических источников не может быть принята в существующем виде по двум причинам.

Первую причину можно назвать логической, и она была замечена самим С.И. Маловичко⁷⁵: *исторические описания* были и научными (казус Байера), и социально ориентированными. Впрочем, это важно лишь в контексте феноменологической концепции источниковедения, так как приводит к парадоксальному, с точки зрения ее постулатов, выводу: в таком случае *историческое описание* является видом историографических источников, принадлежащим одновременно к двум типам исторического знания: научному и социально ориентированному.

Вторую причину можно назвать эмпирической. Речь идет о том, что под названием *исторических описаний* скрываются слишком разнохарактерные источники, не укладывающиеся в первоначальное определение. Главным нашим аргументом здесь является «Пантеон...» Е. Филиповского, который по всем признакам, кроме названия, можно отнести к *национально-государственному нарративу*⁷⁶.

Выделение такого вида историографических источников как *исторические описания* представляется преждевременным. Гораздо уместнее вести речь о топосе «описаний», господствовавшем в книжной культуре того времени наряду с другими топосами. Но, несмотря на то, что гипотеза не получила своего подтверждения, мы считаем важным продолжение анализа эмпирического материала (форм историописания XVIII века), на котором базировал свои выводы С.И. Маловичко – это не только *исторические описания*, но и *начертания*, *известия* и т.д.

Плодотворным в этом плане представляется принцип авторского целеполагания – мы склонны видеть за тем или иным именованием автором своего произведения рациональный выбор, форму «культурной коммуникации с читательской аудиторией и с другими авторами»⁷⁷. Углубленный анализ существующего эмпирического материала может

⁷⁵ Маловичко 2020: 138–139.

⁷⁶ Не настаивая на точности нашей дефиниции, подчеркнем тот очевидный факт, что «Пантеон...» намного больше похож на *национально-государственный нарратив*, нежели на *историческое описание*.

⁷⁷ Маловичко 2020: 139.

также дать новый ракурс для подтверждения, опровержения или коррекции положений феноменологической концепции источниковедения о соотношении двух видов исторического знания: социально ориентированного и научного.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Байер Г.Ф. Краткое описание всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ создания сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу. 3-е изд. СПб.: 1782. [Bajer G.F. Kratkoe opisanie vsѣxъ slučaeвъ "sluchaevъ" kasayushixsya do Azova otъ sozdaniya sego goroda do vozvrashheniya onago podъ Rossijskuyu derzhavu. 3-e izd. SPb.: 1782].
- Миславский С.Г. Краткое историческое описание Киевопечерскія Лавры. Киев.: 1795. [Mislavskij S.G. Kratkoe istoricheskoe opisanie Kievopecherskiya Lavry. Kiev.: 1795].
- Полежаев Т. Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы съ приобщеніемъ генеральнаго и частныхъ ея плановъ. М.: 1796. [Polezhaev T. Istoričeskoe i topograficheskoe opisanie pervoprestol'nago grada Moskvy s' priobshheniemъ general'nago i chastnyxъ eя planovъ". М., 1796].
- Рубан В.Г. Описание императорскаго, столичнаго города Москвы. СПб., 1782. [Ruban V.G. Opisanie imperatorskago, stolichnago goroda Moskvy. SPb, 1782].
- Татищев В.Н. История Россійская. Кн. 1. М., 1768. [Tatishhev V.N. Istoriya Rossijskaya. Кн. 1. М., 1768].
- Филиповский Е.Е. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супругъ и дѣтей. Ч. 1. М.: 1805. [Filipovskij E.E. Kratkoe istoricheskoe i xronologicheskoe opisanie zhizni i dѣyanij Velikixъ Knyazey Rossijskixъ, Carej, Imperatorovъ i ixъ presvѣtлѣjshixъ suprugъ" i dѣtej. CH. 1. М., 1805].
- Филиповский Е.Е. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супругъ и дѣтей. Ч. 2. М.: 1807. [Filipovskij E.E. Kratkoe istoricheskoe i xronologicheskoe opisanie zhizni i dѣyanij Velikixъ Knyazey Rossijskixъ, Carej, Imperatorovъ i ixъ presvѣtлѣjshixъ suprugъ" i dѣtej. CH. 2. М.: 1807].
- Филиповский Е.Е. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супругъ и дѣтей. Ч. 3. М.: 1810. [Filipovskij E.E. Kratkoe istoricheskoe i xronologicheskoe opisanie zhizni i dѣyanij Velikixъ Knyazey Rossijskixъ, Carej, Imperatorovъ i ixъ presvѣtлѣjshixъ suprugъ" i dѣtej. CH. 3. М.: 1810].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая половина XIX в.) М.: Наука, 1985. 271 с. [Alpatov M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII—pervaya polovina XIX v.) М.: Nauka, 1985. 271 s.]
- Дмитриев А.Н. Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 9–30. [Dmitriev A.N. Proshloe nashego proshlogo: problematika istoricheskoj kultury v rossijskoj imperii // Istoričeskaya kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom. М.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2012. S. 9–30].
- Ермакова М.Е. «Пантеон российских государей» Ефрема Филиповского и иконография русских правителей // Румянцевские чтения – 2020: Мат-лы Международной научно-практической конференции / Сост. Е.А. Иванова. М.: Пашков дом, 2020. С. 270–276. [Ermakova M.E. «Panteon rossijskixъ gosudarej» Efrema Filipovskogo i ikonografiya russkixъ pravitelej // Rumyancevskie chteniya – 2020: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Sost. E. A. Ivanova. М.: Pashkov dom, 2020. S. 270–276].
- Источниковедение / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. 685 с. [Istochnikovvedenie / отв. red. M.F. Rumyanceva. М.: Izd. dom NIU VSHE, 2015. 685 s.]
- Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / под. ред. А.О. Чубарьяна, В.Р. Фирсова. М.: Этерна, 2016. С. 227–235. [Kazakov R.B., Malovichko S.I., Rumyanceva M.F. Klassifikaciya istoriograficheskixъ istochnikov: opyt

- sootmeseniya bibliograficheskogo i istochnikovedcheskogo podkhodov // Rol' bibliotek v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statej / pod. red. A.O. Chubar'yana, V.R. Firsova. M.: Eterna, 2016. S. 227–235].
- Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: 1884. 603 с. [Koyalovich M.O. Istoriya russkago samoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam". SPb.: 1884. 603 s.]
- Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время 1725–1740. Л.: Наука, 1976. 370 с. [Luprov S.P. Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremya 1725–1740. L.: Nauka, 1976. 370 s.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. 252 с. [Malovichko S.I., Rumyanceva M.F. Istoriya kak strogaya nauka vs social'no orientirovannoe istoriopisanie. Orekhovo-Zuevo: izd-vo MGOGI, 2013. 252 s.]
- Маловичко С.И. Национальная история в структуре исторического знания России второй половины XVIII века // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / под. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 115–157. [Malovichko S.I. Nacional'naya istoriya v strukture istoricheskogo znaniya Rossii vtoroj poloviny XVIII veka // Proshloe dlya nastoyashhego: istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti / pod. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. S. 115–157].
- Маловичко С.И. Национально-государственные нарративы в системе видов историографических источников // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 3(42). 2014. С. 155–159. [Malovichko S.I. Nacional'no-gosudarstvennye narrativy v sisteme vidov istoriograficheskix istochnikov // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. № 3(42). 2014. S. 155–159].
- Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского ун-та. № 2. 2015. С. 36–44. [Malovichko S.I. Problema klassifikacii istochnikov v predmetnom pole istochnikovedeniya istoriografii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 2. 2015. S. 36–44].
- Маловичко С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Диалог со временем. № 44. 2013. С. 112–126 [Malovichko S.I. Fenomenologicheskaya koncepciya istochnikovedeniya kak teoreticheskaya osnova istochnikovedeniya istoriografii // Dialog so vremenem. № 44. 2013. S. 112–126].
- Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2., Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 344 с. [Peshlich S.L. Russkaya istoriografiya XVIII veka. CH. 2., L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1965. 344 s.]
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 802 с. [Rubinshtejn N.L. Russkaya istoriografiya. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 802 s.]
- Свердлов М.Б. Российская историография второй половины XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2022. 544 с. [Sverdlov M.B. Rossijskaya istoriografiya vtoroj poloviny XVIII veka. SPb., Nestor-Istoriya, 2022. 544 s.]
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века в 6 томах. 1725–1800. Т. 3. М.: Государственная библиотека СССР им В.И. Ленина, 1966. 517 с. [Svodnyj katalog russkoj knigi grazhdanskoj pečati XVIII veka v 6 tomax. 1725–1800. T. 3. M.: Gosudarstvennaya biblioteka SSSR im V.I. Lenina, 1966. 517 s.]

Слепенко Илья Андреевич, аспирант, Институт российской истории РАН, ilya.slepenko@yandex.ru

Historical Descriptions as a Potential Type of Historiographical Sources

The article considers this type of historical sources as «historical descriptions». Works with such names have become widespread in Russian historical culture of the XVIII century, which raises a question of their classification. The focus of the study is a critical analysis of the classification of historical sources in the phenomenological concept of the source of historiography using historical descriptions as an example.

Key words: *historiography, phenomenological concept of studies of the sources applied to historiographical sources, classification of historiographical sources, types of historiographical sources, society-oriented type of historical knowledge, historical descriptions.*

Илья А. Слепенко, graduate student, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; ilya.slepenko@yandex.ru

СОСЛОВНОСТЬ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО, РЕГИОНАЛИЗМ МОСКОВСКАЯ РУСЬ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА¹

В статье анализируются взгляды видных представителей немецкоязычной историографии второй половины XX в. (Д. Герхарда, Г. Штёкля, Х.-Й. Торке, К. Гёрке, Х.-Г. Нольте) на ключевые проблемы социально-политической истории Московской Руси конца XV–XVII в.: сословность, представительство и регионализм. Характерными чертами данной научной традиции являются сравнительный подход в рамках классической дихотомии «Россия и Европа», а также пристальное внимание к терминологическому инструментарию историка. Несмотря на зависимость в ряде случаев от построений дореволюционных авторов, немецкоязычная историография рассматриваемого периода внесла значимый оригинальный вклад в изучение Московской Руси.

Ключевые слова: историография, Московское государство, земский собор, сословие, регионализм, Смутное время, восточноевропейские исследования.

В советской историографии на длительное время остались без внимания многие классические сюжеты социально-политической истории Московской Руси конца XV–XVII в., активно обсуждаемые в дореволюционный период. Между тем, дискуссии по этим темам получали продолжение в работах зарубежных авторов, и одна из линий преемственности ведёт к немецкоязычной традиции. Вторая половина XX в. была временем интенсивного развития славистических и «восточноевропейских» исследований в ФРГ, Австрии, Швейцарии². Сегодня освоение данного комплекса работ отечественными историками остаётся весьма фрагментарным. Свою роль в таком положении дел сыграли языковой барьер и преобладание англо-американской литературы среди зарубежной исторической русистики последних десятилетий. Актуализация этого историографического наследия составляет важную научную задачу.

Изучение немецкоязычных авторов не только представляет несомненный историографический интерес, но также может иметь практическое значение. Вернувшись после длительного перерыва к традиционной социально-политической тематике, отечественные историки нередко повторяют исследовательские решения, которые уже были предложены ранее в рамках других научных традиций. Кроме того, работа с

---

¹ Статья написана при поддержке РФФ, проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI—XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствование Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)».

² Ограниченный объём статьи не позволяет остановиться на истории направления «восточноевропейских исследований», которая обстоятельно рассмотрена в работах (Рарова; Dahlmann; Oberländer). О политическом контексте, постсоветской трансформации и актуальных тенденциях в развитии восточноевропейских штудий: Шрёдер 2020. Обзор новейших немецкоязычных исследований по истории допетровской Руси представлен в статье (Steindorff). Тематический анализ, посвящённый древнерусскому политогенезу: Дворниченко 2014, древнерусской знати – Стефанович 2001.

этим текстами позволяет эксплицировать и заново проблематизировать концептуальные основания, которые закрепились в историографии в качестве по умолчанию принимаемых предпосылок.

Не претендуя на систематический обзор, который вышел бы далеко за рамки одной статьи, мы рассмотрим взгляды ряда ключевых представителей немецкоязычной историографии второй половины XX в. на три взаимосвязанные проблемы истории Московской Руси: сословность (характер социальной стратификации), представительство (феномен так называемых земских соборов) и регионализм (конфигурация взаимоотношений центра и местных сообществ).

Характерной тенденцией зарубежных исследований середины XX в. являлась экзотизация российского (советского) исторического опыта. Такой взгляд особенно свойственен авторам, которые, являясь специалистами по другим регионам, стремились вписать Московскую Русь в свои сравнительные проекты. В 1952 г. увидела свет статья *Дитриха Герхарда* (1896–1985) «Регионализм и сословность как основная тема европейской истории» (1952)³. Лейтмотивом творчества Герхарда была идея «Старой Европы» – фундаментального структурного единства и континуитета европейского общества на протяжении тысячелетия (800–1800)⁴. Ключевыми детерминантами этого особого типа развития, по мысли исследователя, являлись регионализм и сословный порядок. В своей программной статье Герхард стремится продемонстрировать уникальность данных характеристик, обратившись к контрастному сопоставлению с историческим опытом двух «великих держав» середины XX в. Появление такого компаративного проекта было в значительной степени обусловлено особенностями жизненной и профессиональной траектории исследователя. В 1931 г. Герхард представил в Берлине хабилитационное сочинение по русско-английским отношениям XVIII в. (1931), вскоре вынужденно эмигрировал и начал карьеру в США, где читал множество курсов по европейской, американской и русской истории. Так сложился «триптих» регионов («Старая Европа» – США – Россия), которые сравнивались в качестве особых цивилизаций с характерными долговременными параметрами. Необходимо отметить, что Герхард не писал специальных трудов по русской истории, а в своих рассуждениях мог опереться лишь на немногочисленную переводную литературу и обзорные работы на нескольких языках. Тем не менее, по собственному признанию Герхарда, он на протяжении многих лет прилагал целенаправленные усилия, чтобы осмыслить своеобразие исторического пути России⁵.

³ Gerhard 1952. В английском переводе (Gerhard 1970) подверглись сокращению сноски. Так, оказался опущен примечательный сравнительный этюд, в котором Герхард сопоставляет понятия «привилегии» и «старинны» (Gerhard 1952: 317–318).

⁴ Gerhard 1981.

⁵ Gerhard 1980. См. также биографию исследователя, которая позволяет нам (с оговорками) относить Герхарда к числу представителей «немецкоязычной историографии» (Erstein: 83–88; Vierhaus).

Русское общество предстаёт у Герхарда фундаментально отличным от европейского. Контраст обнаруживается во всех сферах: в политической – отсутствие «промежуточных» властных институтов (*corps intermédiaires* наподобие французских парламентов), которые ограничивали бы монархическую волю; в социальной – служилый строй вместо сословности и корпоративных привилегий; в духовной – полная зависимость церкви от государства; в культурной – неразвитость юридического типа мысли. Европейской умеренности в деле интеграции, позволявшей сохранять уникальные идентичности присоединённых земель, противостоят безоглядно жёсткие методы инкорпорации новых областей, применявшиеся московскими правителями⁶. Причины такого положения дел – во-первых, в отсутствии на присоединяемых территориях сформировавшихся (в той степени, в какой это характерно для Европы) сообществ с корпоративными структурами, во-вторых – в куда меньшей оседлости, консолидированности и укоренённости в ландшафте постоянно мигрирующего населения. Для Герхарда русское общество (как элита, так и крестьянство) – «кочующее», и этим оно напоминает скорее США XVIII–XIX вв., чем «Старую Европу»⁷. Продолжая данную линию рассуждений, в статье 1959 г. Герхард предложил сравнение русской колонизации с североамериканским опытом фронта, описанным в тёрнеровской логике⁸.

Работы Герхарда примечательны не только оригинальной постановкой исследовательских проблем, но и тем, что подобные воззрения разделяли (не всегда выражая их в столь резкой форме) многие видные зарубежные историки. Особенно уместно упомянуть в этом контексте взгляды классика французской историографии Ролана Мунье. В масштабном исследовании, посвящённом крестьянским восстаниям раннего Нового времени (1967), Мунье неоднократно возвращается к идее о том, что важным фактором широкого распространения народных движений в России являлась «текучесть» населения, которое было лишено региональных корней и устойчивых привязанностей к территориальным со-

⁶ В анализе методов интеграции Герхард опирается на статью *Готхольда Роде* (1916–1990), вышедшую годом ранее (Rhode). Данная работа специально посвящена феномену насильственных переселений в восточноевропейской истории (до 1917 г.) и во многих отношениях превосходит положение Герхарда. Значительное внимание в статье уделено «выводам» (принудительным переселениям) конца XV и XVI вв. (здесь Роде опирается на монографию С.Ф. Платонова об Иване IV, но обращается также и к летописным текстам). В этой части обратим внимание на оригинальный авторский анализ судьбы населения Ливонии (Rhode: 172–174). В целом исследователь рассматривает насильственные переселения, во-первых, как способ утвердить власть на присоединяемых территориях и нейтрализовать «партикуляристские» тенденции, во-вторых – в качестве инструмента подавления нелояльной знати (Rhode: 165, 170–171). У населения России, подчёркивает Роде, выработался особый общегосударственный патриотизм, не предполагавший привязанности к конкретному региону, характерной для европейцев (Rhode: 170, 181–182).

⁷ Gerhard 1952: 311–313, 329–333.

⁸ Gerhard 1959. См. также: (Gerhard 1952: 331).

обществам⁹. Такое совпадение формулировок Герхарда и Мунье неслучайно: опираясь на вторичную литературу, они попали в характерную ловушку. Оба исследователя оказались в зависимости от концептуального багажа влиятельной традиции дореволюционной историографии (прежде всего, последователей так называемой «государственной школы»), для которой характерны представление об «особом пути» России и государственноцентричный нарратив¹⁰. В поисках российского регионализма Герхард и Мунье обратились к работам, авторы которых постулировали гомогенное единство самодержавного государства и на этом основании игнорировали региональную проблематику как таковую¹¹. Естественным следствием этой зависимости стало представление российского исторического опыта как «отчётливо неевропейского»¹². Показательными примерами подобной логики сравнения могут служить также статьи именитого австрийского историка Отто Бруннера, в которых он настаивал на фундаментальном типологическом различии европейского и русского города (1953) и крестьянства (1956)¹³.

Принципиально иной подход в тот же период развивал специалист по восточноевропейской истории *Гюнтер Штёкль* (1916–1998), последовательно выступавший против «ориентализации» региона по ту сторону железного занавеса. Начало профессиональной биографии этого исследователя связано с университетом Вены, где он в 1949 г. представил диссертацию о возникновении казачества. С 1956 по 1981 г. Штёкль состоял на кафедре восточноевропейских исследований Кёльнского университета¹⁴. Характерной чертой трудов Штёкля является основательная работа с источниками, а также хорошее знание русскоязычной историографии – как дореволюционной, так и советской. Идеологическая ангажированность последней неоднократно отмечалась Штёклем, однако он с большим вниманием относился к новым публикациям советских коллег, систематически учитывал их достижения и неоднократно вступал в полемику по различным вопросам.

Значительный интерес представляет новаторский анализ, представленный в программной статье Штёкля об истоках современного государства в Восточной Европе (1953)¹⁵. В данной работе исследователь демонстрирует, что Богемия, Венгрия, Польша, Сербия и Московская

⁹ Mousnier. См. об этом (Кром 2015: 190–192); ср.: Gerhard 1952: 329; Rhode: 181.

¹⁰ Об этой историографической традиции см.: (Киреева). Обсуждение наследия «государственной школы» в связи с региональной проблематикой: (Боярченко: 49–59; Кирпичников). Систематическая реконструкция генеалогий взглядов рассматриваемых авторов составляет особую задачу и выходит за рамки настоящей статьи.

¹¹ Подробнее об этом см. (Кирпичников: 274–277).

¹² Gerhard 1952: 309, 324.

¹³ Brunner 1951; Brunner 1953.

¹⁴ Leitsch. Список публикаций – в сборнике (Stöckl 1981: 330–352).

¹⁵ Stöckl 1953 («Восточная Европа» в данном контексте включает славянский ареал и Венгрию). В современной историографии проблематика современного государства в допетровской Руси разрабатывается М.М. Кромом (Кром 2016; Кром 2018).

Русь находились в русле общеевропейского развития, ключевой тенденцией которого являлось формирование государства современного типа. Базовые составляющие раннего этапа этого процесса – конституирование идеи «государства» как абстрактной «юридической персоны», обособленной от личности конкретного правителя¹⁶, а также противостояние монархического и сословного принципов. Чтобы непредвзято рассматривать Московское государство, Штёкль предлагает отказаться от расхожих экзотизирующих стереотипов. Ни Герберштейн, попавший в Москву под влияние риторики придворных «оппозиционеров», ни домыслы о византийских или монгольских корнях «деспотического самодержавия», не заслуживают большого доверия¹⁷. Как и в других частях Европы, в Московской Руси XIV–XVI вв. были представлены обе тенденции – монархическая и противостоявшая ей, с оговорками соотносимая с сословностью. Наряду с остальными европейскими правителями, великие князья и цари стремились к абсолютизации власти, но преуспели в этом гораздо в большей степени¹⁸.

Почему протосословным силам не удалось добиться успеха в противодействии самодержавным устремлениям московских государей? Боярской верхушке недоставало внутренней сплочённости перед лицом монарха и (здесь Штёкль ссылается на недавнюю статью Герхарда) опоры на локальный корпоративизм¹⁹. Московские правители преуспели в деле «жестокого пресечения всяких попыток построить регионально-консолидированные сообщества» во главе с местными элитами²⁰. Формировавшееся дворянство было зависимым от центральной власти и не имело необходимой общности интересов с боярством; церковь также стояла на прокняжеских позициях. Наконец, свою роль сыграла длительная и непрерывная преемственность правящего рода: в других европейских монархиях именно «межкорольевья» создавали возможности для приобретения и расширения сословных привилегий. Когда в конце XVI в. династический кризис случился, упущенного было уже не наверстать: русские «чины», являвшиеся скорее «служилыми рангами» (*Dienstränge*), на поверку оказались «лишёнными той исторической глубины, которая бы, возможно, позволила им стать сословиями»²¹.

¹⁶ Stökl 1953: 258–259. В своих рассуждениях о процессах деперсонализации власти в Богемии, Польше и Сербии Штёкль опирается на важную работу историка-эмигранта В.А. Соловьёва (1890–1971) о понятии *corona regni* (Soloviev). Большой интерес представляет специальное исследование Штёкля, посвящённое анализу политической терминологии славянских стран византийского культурного ареала (Stökl 1954). В более поздней статье на материале источников эпохи Смутного времени историк возвращается к идее формирования в Московской Руси понятия «государства», абстрагированного от персоны конкретного правителя, и сравнивает этот процесс с эволюцией представления о *corona regni* (Stökl 1963: 334–335).

¹⁷ Stökl 1953: 261; Stökl 1957: 539–546.

¹⁸ Stökl 1953: 260–269.

¹⁹ Stökl 1953: 267.

²⁰ Stökl 1957: 548–549.

²¹ Stökl 1963: 342.

В середине 1950-х гг. Штёкль одним из первых вновь обратился к феномену земских соборов, интерес к которому в советской историографии только начинал возрождаться. На X конгрессе исторических наук (Рим, 1955) исследователь выступил соавтором большого коллективного доклада, посвящённого европейским представительным учреждениям²². Соавторство, впрочем, являлось скорее формальным: Штёкль полностью написал на немецком языке «восточноевропейский» раздел, и содержательной интеграции с другими частями обширного англоязычного текста достигнуто не было. Примечательна классификация, на которую опирался Штёкль: страны «византийского» круга рассматриваются отдельно от «католического» культурного пространства. Такой подход, вытекающий из представления о влиянии византийской традиции на ключевые институты восточнохристианских государств, обоснован в тексте недостаточно и был подвергнут критике²³. Тем не менее, он дал возможность предложить оригинальный взгляд на генезис земских соборов в сопоставлении с совместными саборами церковной и светской элит в средневековых Сербии и Болгарии. В более поздней статье, построенной вокруг обсуждения собора 1549 г. (1960)²⁴, гипотезы относительно происхождения земских соборов звучат более сдержанно, а византийский контекст вовсе не упоминается. Соборы эпохи Ивана IV, по заключению Штёкля, могли иметь некоторые вероятные образцы в прошлом, однако являлись новой реальностью растущего государства, нуждавшегося в расширении социальной базы в условиях политического кризиса.

Общий взгляд Штёкля на земские соборы не отличается оригинальностью и в главных чертах воспроизводит положения дореволюционной историографии. В частности, ранние соборы рассматриваются исследователем как расширенные заседания светских и духовных функционеров, собиравшиеся *ad hoc* по инициативе центральной власти и носившие исключительно совещательный характер (точка зрения, закрепившаяся благодаря работам В.О. Ключевского). Однако, как неоднократно подчёркивает историк, с наступлением очередного периода нестабильности в начале XVII в. прежняя форма наполнилась новым социальным содержанием, и земские соборы обрели значительный политический вес²⁵. Событиям этой эпохи посвящена специальная статья Штёкля с характерным названием: «Существовали ли сословия в Московском государстве?» (1963)²⁶. По заключению исследователя, в годы Смутного времени русское общество продемонстрировало значительный потенциал самоорганизации и имело перспективу трансформации в

²² Cam, Marongiu, Stökl: 75–99.

²³ Keep: 101–102; Torke 1974: 128–129. Критическая реакция советских историков на позицию Штёкля отражена в обзорах (Дружинин: 11–12; Черепнин: 46).

²⁴ Stökl 1960.

²⁵ Cam, Marongiu, Stökl: 97.

²⁶ Stökl 1963.

«сословно-представительную монархию»²⁷ западноевропейского типа. К такому выводу Штёкль приходит на основе анализа источников, связанных с избранием на русский престол польского королевича в 1610 г. Неслучайно, как подчёркивает историк, русские «чины» в этот период систематически переводились на польский как «станы» («сословия») ²⁸. Штёкль последовательно доказывает, что идея ограничения власти Владислава сформировалась под непосредственным влиянием шляхетских привилегий и политических традиций Речи Посполитой²⁹. Планы избрания королевича так и остались на бумаге, однако в начале романовского царствования земские соборы фактически сохраняли весьма широкие полномочия. Так и не получив юридического оформления, они постепенно ослабли и исчезли с усилением монархической власти.

Фундаментальной причиной, по которой Московское государство не стало сословным государством с представительными учреждениями, Штёкль называет отсутствие у «чинов» региональной базы. Краеугольным камнем социально-политического устройства Речи Посполитой являлся не общий сейм (аналогом которого, с оговорками, являлась «вся земля» – земский собор), но сеймики (сословные собрания в рамках отдельных «земель»). Именно последней составляющей, а вместе с ней и всего контекста сословного регионализма, недоставало в Московской Руси. Что касается движения ополчений, это был, по выражению Штёкля, лишь стихийный «регионализм чрезвычайного положения» (*Notstandsregionalismus*), а не проявление активности зрелых территориальных корпораций³⁰. В отсутствие полноценной сословной организации на местах земские соборы не смогли состояться в качестве постоянных представительных учреждений с определённым правовым статусом.

Итак, в работах Штёкля 1950–1960-х гг. была предложена последовательная программа «нормализации» России в общеевропейском контексте, а также сделаны первые шаги в основанном на источниках исследовании властных институтов. Новый этап изучения социально-политического устройства допетровской Руси открылся с трудами Ханса-Йоахима Торке (1938–2000), ключевого представителя «берлинской школы исторической русистики», который по праву считается классиком восточноевропейских исследований. Рассмотрению идей Торке уже

²⁷ Термин «сословно-представительная монархия» Штёкль заимствует из программной статьи С.В. Юшкова с оговоркой, что он является элементом «марксистско-ленинской типологии» (Stökl 1963: 341). О происхождении (и проблематичности) данной категории см. (Бойцов).

²⁸ Критика данного аргумента: (Лисейцев 2020: 142–144; Torke 1974: 272–273).

²⁹ Штёкль проводит оригинальный сравнительный анализ пунктов Литовского статута 1588 г. и февральского договора 1610 г., подчёркивая параллели между ними (Stökl 1963: 335–338). В советской историографии звучала мысль о сходстве норм двух памятников (Савич: 222; Черепнин: 159), однако, насколько нам известно, она не получила систематического развития. Всесторонний анализ содержания и политического контекста договоров по поводу избрания королевича на московский престол можно найти в работе (Флоря).

³⁰ Stökl 1957: 549–550; Stökl 1963: 340–341.

уделено внимание в литературе, в том числе на русском языке³¹, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими замечаниями. Центральное понятие концепции исследователя, вынесенное в заглавие его хабилитационного *magnum opus* о России XVII в. (1974)³² – *Staatsbedingte Gesellschaft* – с трудом поддаётся переводу. Речь идёт об особом типе общества *обусловленном, сформированном и контролируемом* государством, *зависимом* от государства. По убеждению Торке, Московская Русь не знала западноевропейского сословного строя, и рассуждения о русских «сословиях» лишь затмевают суть дела. «Чины» представляли собой разнородный конгломерат социальных групп, объединённых главным образом служебными и налоговыми обязательствами перед государственной властью³³. Такая картина вовсе не означает, однако, возвращения к традиционному тезису о рабском подчинении безмолвного населения «деспотическому самодержавию». Будучи встроенным в систему самодержавного устройства (*Autokratische Herrschaftsverfassung*), общество имело инструменты влияния на монархию через каналы обратной связи – выборное локальное управление, коллективные челобитные и восстания. Кроме того, важным каналом для выражения устремлений населения на протяжении длительного времени являлись «московские собрания» (*Moskauer Versammlungen*).

Такое именование земских соборов в работах Торке не случайно. Отличительной чертой его исследовательского стиля является пристальное внимание к терминологии. Исследователь неоднократно предостерегает от применения к российскому историческому опыту как понятий, неосмотрительно перенесённых из западноевропейского контекста («сословия»), так и анахроничных терминов, изобретённых историками («сословно-представительная монархия»). Ко второй категории относится и словосочетание «земский собор». Как демонстрирует Торке, оно отсутствует в источниках и вошло в широкий обиход в середине XIX в. благодаря сочинениям славянофилов (несмотря на то, что собственно «земские люди», т.е. тяглое население, далеко не всегда принимали участие в заседаниях). Московские собрания, по заключению исследователя, являлись прежде всего «государственными» (и именно в этом смысле следует понимать выражения «вся земля»), а не «земскими» или «народными» (*Reichsversammlung* или *State Assembly*, но не *Landesversammlung* или *Assembly of the Land*). Главной функцией московских собраний в эпоху Михаила Фёдоровича, применительно к которой историки преувеличенно говорят о «соправительстве» царя и «земли», являлась информационная. Московские собрания «служили

³¹ Профессиональной биографии и исторической концепции Торке посвящена диссертация (Рарова). Взгляды исследователя на историю Московской Руси удачно проанализированы и прокомментированы в обзорах Р. Крамми (Crummey 1976; Crummeу 2001a; Crummeу 2001b) и К. Гёрке (Goehrke 1978a).

³² Torke 1974.

³³ Взгляды Торке на социальную стратификацию суммировал Г. Фриз (Freeze: 14–15).

правительству местом для деклараций» и позволяли получать актуальные данные о настроениях и финансовых возможностях населения.

Скептический взгляд на полномочия московских собраний эпохи их расцвета сопровождается у Торке критикой самого представления о «земском соборе» как преемственном учреждении. Аргументация, представленная в 1990 г. на первых чтениях памяти А.А. Зимина, в следующем году была в развернутом виде изложена на страницах «Вопросов истории», а в 1995 г. дополнена терминологическим анализом в очередном томе *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*³⁴. Торке настаивает, что под общим обозначением «земских соборов» оказались произвольно объединены разные формы коллективных совещаний. Так, совершенно особую природу имели собрания Смутного времени (которые недаром именовались не *соборами*, а *советами*): это были признанные суверенные правительства «всей земли» в отсутствие государя, обладавшие действительной политической властью³⁵. Важное исключение составляет также собор 1648–1649 гг., который оказал реальное влияние на государственную политику. Эпизодические московские собрания XVI в. (применительно к которым слово «собор», закреплённое за церковными заседаниями, ещё не использовалось) не играли роли в выработке правительственного курса и больше походили на «коллективную присягу». Такой подход неизбежно приводит к важному вопросу о правомерности традиционного описания истории «земских соборов» как эволюции единого политического института.

Если Штёкль сосредоточился на «нормализации» российского исторического опыта, то Торке на новом уровне знаний и работы с источниками акцентировал его своеобразные черты. Впрочем, по справедливому замечанию Р. Крамми, Торке последовательно рассматривал Московскую Русь в качестве одного из вариантов общеевропейского развития³⁶. Подчеркнём, что при обсуждении сословности и представительства ни Штёкль, ни Торке не проблематизировали третий элемент – регионализм. Вслед за дореволюционными авторами и Герхардом оба исследователя ассоциировали данный феномен исключительно с Западной Европой и предполагали, что он не был характерен для российской истории³⁷. Отсутствие в Московской Руси региональных корпораций служило объяснением неразвитости сословного строя и представительства. Как следствие, региональная тематика была практически полностью проигнорирована. Такое умолчание характерно и для советской историографии, где регионы рассматривались лишь в качестве временных препятствий, успешно преодоленных московскими правителями на пути строительства «централизованного государства»³⁸.

³⁴ Торке 1990, Торке 1991; Torke 1995.

³⁵ В последнем по времени исследовании «советов» эпохи Смуты автор придерживается скептического взгляда на существование таких институтов (Лисейцев 2022).

³⁶ Crummeу 1976: 26.

³⁷ Goehrke 1978a: 417.

³⁸ Кирпичников: 274–277.

Вопрос о региональном измерении истории России был заново поставлен в 1970-е гг. профессором кафедры восточноевропейских исследований Цюрихского университета *Карстеном Гёрке* (р. 1937), незадолго до этого защитившим диссертацию о структуре сельского населения Московской Руси и занимавшимся исторической географией³⁹. В статье 1978 г., заявленной в качестве «предварительных наблюдений для будущего исследования», Гёрке взял за основу широкое определение регионализма как любых социальных движений, а также способов действия и мышления, которые порождены специфическими интересами населения региона или отдельных его групп⁴⁰. Такие явления Гёрке (вслед за историками-федералистами середины XIX в.⁴¹, наследие которых оказалось востребованным спустя более чем столетие) обнаруживает в периферийных областях (Новгород, Псков, Вятка), на протяжении длительного периода сохранявших устойчивую территорию и отличавшихся своей социально-политической организацией от остальных русских земель. По мнению Гёрке, даже после насильственного выселения элиты и опричного разгрома Новгородская и Псковская земли сохраняли черты традиционного своеобразия. Эти особенности позволяли местным сообществам эффективно солидаризоваться в случае необходимости – как это происходило, в частности, в ходе восстаний 1650 г. Солидарность, направленная на защиту региональных интересов от чрезмерных притязаний московской власти, характерна также для казачьих окраин. Однако ни в одном из случаев участники провинциальных движений не формулировали последовательной «регионалистской» программы и не преследовали «антицентралистских» целей⁴². Вторая часть работы посвящена регионализму Нового времени – в частности, сибирскому областничеству, в изучении которого линия, намеченная Гёрке, вскоре получила развитие⁴³. В меньшей степени статья повлияла на исследования Московской Руси. Лишь четверть века спустя, в новом историческом и академическом контексте, в Вене состоялась конференция по истории России «из перспективы регионов», на которой Гёрке выступал с теоретическим докладом, развивавшим выдвинутые ранее тезисы⁴⁴.

В статьях конца 1970-х – 1980-х гг. профессор Ганноверского университета *Ханс-Генрих Нольте* (р. 1938) обратился к истории Восточной Европы с позиций мир-системного подхода, рассматривая данный регион в качестве единой «полупериферии» со сходными тенденциями развития. По его мнению, Россия на двести лет оказалась «выключенной» из этого пространства по причине монгольского нашествия, в результате чего возникла стадияльная асинхронность. В отличие от Польши, где

³⁹ Биография Гёрке описана в приуроченной к юбилею статье (Boškovska). Историко-географическая проблематика представлена в работах (Goehrke 1970; Goehrke 1975).

⁴⁰ Goehrke 1978b.

⁴¹ Боярченков.

⁴² Goehrke 1978b: 87–94, 104.

⁴³ Ананьев 2018.

⁴⁴ Goehrke 2004.

объём прибавочного продукта также был весьма ограниченным, и тоже не было «феодализма» в европейском понимании, но баланс после длительной борьбы сместился в сторону сословий, в Московской Руси отношения между обществом и короной оказались законсервированы. В XVII в., после короткого всплеска общественной активности в эпоху Смуты, страна вошла в общеевропейскую «абсолютистскую» фазу, и в итоге здесь так и не появилось достаточно сильного сословного движения, которое смогло бы ограничить центральную власть⁴⁵.

В статье, название которой отсылает к заглавию работы Штёкля – «Существовали ли сословия в Московском государстве? В поддержку нелинейного сравнительного исследования» (1998)⁴⁶ – Нольте подверг критике традиционный подход к проблеме сословности в Московской Руси. По заключению исследователя, вся предшествующая историография основана на не слишком продуктивном стремлении приложить идеально-типическую модель сословного строя к конкретному обществу. Однако в действительности ни в Западной, ни в Центральной Европе невозможно найти «сословий», которые бы в полной мере соответствовали классическим определениям. Такое несоответствие очевидно при обращении, например, к случаю Республики Соединённых провинций, где на Генеральных штатах было представлено множество разнопорядковых социальных и региональных групп. В то время как в западноевропейской историографии на смену прежним моделям приходят более гибкие представления о «сословном движении» (*ständische Bewegung*), которое имело различные проявления, специалисты по истории Восточной Европы остаются заложниками статичного варианта сословной парадигмы. Нольте высказывается в пользу новой стратегии компаративного изучения – «нелинейного сравнения», которое позволило бы избежать недостатков традиционных подходов. Специалистам по разным регионам необходимо в тесном взаимодействии выработать гибкие вопросники и постепенно приходить к согласию по поводу общих концептуальных позиций, а российский опыт предстоит заново интегрировать в сравнительные исследования европейских обществ.

Такой масштабный проект не реализован и через четверть века после выхода статьи Нольте⁴⁷. Необходимо подчеркнуть, что предложенная им исследовательская повестка логически вытекает из предшествующего развития немецкоязычной историографии Московской Руси.

⁴⁵ Nolte 1978; Nolte 1980; Nolte 1982.

⁴⁶ Nolte 1998.

⁴⁷ Аргумент в кратком виде приводится также в статье: Nolte 2016: 233–235. Схожая критика традиционных подходов к проблеме сословности и представительства характерна для работ российских медиевистов (Бойцов; Уваров). Актуальное состояние отечественных исследований представлено в публикациях по результатам масштабной конференции 2013 г. (Назаров; Ougarov, Nazarov, Vedyushkin). Яркое свидетельство возвращения российских историков к традиционным сюжетам – статья с классическим заголовком, возвращающим к дебатам полуторавековой давности на новом уровне знаний: «Почему Земский собор – не парламент?» (Лисейцев 2020).

Важной чертой этой традиции, как ясно из предпринятого нами обзора, являлось внимание к сравнительным контекстам изучаемых явлений, куда в меньшей степени характерное для советской историографии⁴⁸. Решения классической проблемы «Россия и Европа» оказывались различными: от утверждений о принципиально «неевропейской» организации допетровского общества (Д. Герхард) до поиска единых тенденций развития (Г. Штёкль, К. Гёрке, Х.-Г. Нольте) или констатации значительного своеобразия в общеевропейском контексте (Х.-Й. Торке). Среди характерных черт исследований истории России «с немецким акцентом»⁴⁹ необходимо выделить широкое использование методологии истории понятий – как для исследования прошлого, так и в качестве инструмента рефлексии над терминологическим аппаратом. В целом, несмотря на зависимость от построений дореволюционных авторов, отмеченную критиками⁵⁰, немецкоязычная историография второй половины XX в. внесла значимый оригинальный вклад в изучение Московской Руси. Стоит рассчитывать, что со временем не только отдельные находки, но и концептуальное наследие этих исследований станет предметом обсуждения широкого круга специалистов по российской истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ананьев Д.А. Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 201–213 [Anan'ev D.A. Sibirskoe oblastничество (1860-e gg. – nachalo XX v.) v ocenkah angloyazychnoj i nemecokozazychnoj istoriografii // Istoricheskij kur'er. 2018. № 1. S. 201–213].
- Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. 2014. Вып. 75. № 3–4. С. 65–78 [Bojcov M.A. Soslovno-predstavitel'naya monarhiya: oshibka v perevede? // Srednie veka. 2014. Vyp. 75. № 3–4. S. 65–78].
- Боярченков В.В. Историки-федералисты: Концепции местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с. [Bojarchenkov V.V. Istoriki-federalisty: Konceptii mestnoj istorii v russkoj mysli 20–70-h godov XIX veka. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2005. 256 s.].
- Дворниченко А.Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 487–497 [Dvornichenko A.Y. Drevnerusskij politogenez v germanskoj istoriografii // Bylye gody. 2014. № 34 (4). S. 487–497].
- Дружинин Н.М. Проблемы истории СССР на X Международном конгрессе историков в Риме // Исторические записки. М., 1956. Т. 55. С. 3–26 [Druzhinin N.M. Problemy istorii SSSR na X Mezhdunarodnom kongresse istorikov v Rime // Istoricheskie zapiski. M., 1956. T. 55. S. 3–26].
- Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. [Kireeva R.A. Gosudarstvennaya shkola: istoricheskaya koncepcija K.D. Kavelina i B.N. Chicherina. M.: OGI, 2004].
- Кирпичников И.А. Регионализм в истории Московской Руси: проблемы концептуализации // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Ч. 2. С. 272–285 [Kirpichnikov I.A. Regionalizm v istorii Moskovskoj Rusi: problemy konceptualizacii // Prepodavatel' XXI vek. 2022. № 3. Ch. 2. S. 272–285].
- Кром М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15 [Krom M.M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obsheevropejskaya model' i regional'nye razlichiya // Novaya i novejšhaya istoriya. 2016. № 4. S. 3–15].

⁴⁸ Кром 2016: 110–114.

⁴⁹ Crummeу 2001b: 703.

⁵⁰ Черепнин: 45–47; Bushkovitch; Keep: 101–102.

- Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с. [Krom M.M. Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 248 s.]
- Кром М.М. Рождение государства. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с. [Krom M.M. Rozhdenie gosudarstva. M., 2018. 256 s.]
- Лисейцев Д.В. «Совет вся земли» при 1-ом Ополчении: история одного фантома // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56. No. 4. P. 479–497 [Lisejcev D.V. «Sovet vseya zemli» pri 1-om Opolchenii: istoriya odnogo fantoma // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56. No. 4. P. 479–497].
- Лисейцев Д.В. Почему Земский собор – не парламент? // Российская история. 2020. № 4. С. 142–150 [Lisejcev D.V. Pochemu Zemskij sobor – ne parlament? // Rossijskaya istoriya. 2020. № 4. S. 142–150].
- Назаров В.Д. (отв. ред.). Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. М.: Древлехранилище, 2017. 316 с. [Nazarov V.D. (otv. red.). Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii XV – seredina XVII v. M.: Drevlekhranilishche, 2017. 316 s.]
- Рарова А.В. Ханс-Йоахим Торке (1938–2000 гг.) и традиции Берлинской школы исторической русистики: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 177 с. [Rarova A.V. Hans-Joachim Torke (1938–2000 gg.) i tradicii Berlinskoj shkoly istoricheskoi rusistiki: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2010. 177 s.]
- Савич А.А. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. 1939. Ч. 1. С. 179–243 [Savich A.A. Pol'skaya intervenciya nachala XVII v. v otsenke M.N. Pokrovskogo // Protiv istoricheskoi koncepcii M.N. Pokrovskogo. M.; L., 1939. Ch. 1. S. 179–243].
- Стефанович П.С. Древнерусская знать в работах современных западных историков-славистов // Мир истории. Электронный журнал. 2001. № 1 [Stefanovich P.S. Drevnerusskaya znat' v rabotah sovremennyh zapadnyh istorikov-slavistov // Mir istorii. Elektronnyj zhurnal. 2001. № 1].
- Торке Х.-Й. Так называемые «земские соборы». К вопросу о представительной монархии в России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. М.: Институт истории Академии наук СССР, 1990. Ч. 2. С. 263–265 [Torke H.-J. Tak nazyvaemye «zemskie sobory». K voprosu o predstavitel'noj monarhii v Rossii // Spornye voprosy otechestvennoj istorii XI–XVIII vv. M., 1990. Ch. 2. S. 263–265].
- Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 3–11 [Torke H.-J. Tak nazyvaemye zemskie sobory v Rossii // Voprosy istorii. 1991. No. 11. S. 3–11].
- Уваров П.Ю. «Берём на себя ответственность!»: Русский медиевист и институты представительства // Российская история. 2017. № 3. С. 11–20 [Uvarov P.Y. «Beryom na sebya otvetstvennost'!»: Russkij medievist i instituty predstavitel'stva // Rossijskaya istoriya. 2017. № 3. S. 11–20].
- Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с. [Florya B.N. Pol'sko-litovskaya intervenciya v Rossii i russkoe obshchestvo. M.: Indrik, 2005. 416 s.]
- Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Языки славянской культуры, 2015. 432 с. [Cherepnin L.V. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv., M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 432 s.]
- Шрёдер Х.-Х. Восточноевропейские исследования и политика в Германии // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 41–61 [Shryoder H.-H. Vostochnoevropejskie issledovaniya i politika v Germanii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2020. № 4. S. 41–61].
- Boškovska N. Carsten Goehrke – 75 Jahre // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 2012. Bd. 60. H. 2. S. 314–316.
- Brunner O. Europäisches Bauerntum // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1951. V. 2. S. 400–411.
- Bushkovitch P. Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689 (Studies in East European History 17). Leiden: E. J. Brill, 1974. 328 p. // Russian History. 1976. Vol. 3. No. 2. P. 247–248.

- Brunner O. Europäisches und russisches Bürgertum // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1953. Bd. 40. S. 1–27.
- Cam H., Marongiu A., Stökl G. Recent Work and Present Views of the Origins and Development of Representative Assemblies // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Firenze: G. C. Sansoni, 1955. Vol. 1. P. 1–101.
- Crummey R. In Memoriam. Hans-Joachim Torke, 1938–2000 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. No. 3. P. 697–703. [Crummey 2001a]
- Crummey R. Die staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689. By Hans-Joachim Torke. Studies in East European History, vol. 17. Leiden: E. J. Brill, 1974. x, 328 pp. // Slavic Review. 1976. Vol. 35. No. 3. P. 529–530.
- Crummey R.O. Die staatsbedingte Gesellschaft Revisited // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 2001. Bd. 58. S. 21–27. [Crummey 2001b]
- Dahlmann D. (Hg.). Hundert Jahre Osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Stuttgart: Steiner, 2005. 297 S.
- Epstein C. A Past Renewed. A Catalog of German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 398 p.
- Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 11–36.
- Gerhard D. From European to American History: A Comparative View // Journal of American Studies. 1980. No. 14. P. 27–44.
- Gerhard D. Old Europe. A Study of Continuity. 800–1800. N.Y.: Academic Press, 1981. 147 p.
- Gerhard D. Regionalism and Corporate Order as a Basic Theme of European History // Studies in Diplomatic History: Essays in Memory of David Bayne Horn. London: Archon Books, 1970. P. 155–182.
- Gerhard D. Regionalismus und Ständisches Wesen als ein Grundthema Europäischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 174. S. 307–337.
- Gerhard D. The Frontier in Comparative View // Comparative Studies in Society and History. 1959. Vol. 1. P. 205–229.
- Goehrke C. [Rezension] Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689. E. J. Brill, Leiden, 1974. 327 S. hfl. 80 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1978. Bd. 26. H. 3. S. 414–418. [Goehke 1978a]
- Goehrke C. Geographische Grundlagen der russischen Geschichte // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1970. Bd. 18. H. 2. S. 161–204.
- Goehrke C. Historische Geographie Rußlands: Entwicklung als Fach, Definitionsprobleme und Darstellungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1975. Bd. 23. H. 3. S. 381–418.
- Goehrke C. Russlands Regionen und der Regionalismus: Forschungsgeschichtliche Bilanz und Ausblick // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2004. S. 38–51.
- Goehrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 75–107. [Goehke 1978b]
- Keep J. L. H. The Decline of the Zemsky Sobor // The Slavonic and East European Review. 1957. Vol. 36. No. 86. P. 100–122.
- Mousnier R. Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China. London: George Allen & Unwin LTD, 1972. 358 p.
- Ouvarov P.Y., Nazarov V.D., Vedyushkin V.A. Las instituciones rusas de representacion durante los siglos XVI y XVII en el contexto Europeo: Una perspectiva historiografica // Studia Historica. Historia moderna. 2015. Vol. 37. P. 21–51.
- Nolte H.-H. Gab es im Moskauer Staat Stände? Ein Plädoyer für nichtlinear vergleichende Forschung // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Festschrift Peter Nitsche. Stuttgart: Steiner, 1998. S. 115–128.
- Nolte H.-H. The Position of Eastern Europe in the International System in Early Modern Times // Review (Fernand Braudel Center). 1982. Vol. 6. No. 1. P. 25–84.
- Nolte H.-H. The Tsar Gave the Order and the Boyars Assented // The Medieval History Journal. 2016. Vol. 19. No. 2. P. 229–252.

- Nolte H.-H. Zur Stellung Osteuropas im internationalen System der frühen Neuzeit. Außenhandel und Sozialgeschichte bei der Bestimmung der Regionen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1980. Bd. 28. H. 2. P. 161–197.
- Nolte H.-H. Zur Stellung Rußlands im europäischen Feudalismus // *Gesellschaftsformationen in der Geschichte*. Berlin: Argument Verlag, 1978. S. 149–163.
- Leitsch W. Günther Stökl // *Almanach der Österreichischen Akademie der Wissenschaften für das Jahr 1997/98*. 148. Jahrgang. Wien, 1998. S. 441–447.
- Oberländer E. (Hg.). *Geschichte Osteuropas: Zur Entwicklung Einer Historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und Der Schweiz 1945–1990*. Stuttgart: Steiner, 1991. 350 S.
- Rhode G. Zwangsumsiedlungen in Osteuropa vor der Oktoberrevolution // *Geschichtliche Landeskunde und Universalgeschichte*. Hamburg, 1951. S. 163–182.
- Soloviev A. *Corona regni (Развитие идеи государства в славянских монархиях XIV века)* // *Przewodnik historyczno-prawny = Revue d'histoire du droit = Zeitschrift für Rechtsgeschichte [Lwów]*. Roczn. 4 (za rok 1933). 1934. S. 27–48.
- Steindorff L. *Historiography on Muscovy (1462–1689) in Germany, Austria and Switzerland (2000–2020)* // *RussianStudiesHu*. 2021. Vol. 3. No. 1. P. 65–106.
- Stökl G. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slawen // *Saeculum*. 1954. No. 5. S. 104–118.
- Stökl G. Die Moskauer Landesversammlung. Forschungsprobleme und politisches Leitbild // *Historische Forschungen und Probleme. Peter Rassow zum 70. Geburtstag dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern*. Wiesbaden: Steiner, 1961. S. 66–87.
- Stökl G. Der Moskauer Zemskij Sobor: Forschungsproblem und politisches Leitbild // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1960. Bd. 8. H. 2. S. 149–170.
- Stökl G. Der russische Staat in Mittelalter und früher Neuzeit: Ausgewählte Aufsätze zum Anlaß seines 65. Geburtstages. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1981. 378 S.
- Stökl G. Die Wurzeln des modernen Staates in Osteuropa // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1953. Bd. 1. H. 3. S. 255–269.
- Stökl G. Gab es im Moskauer Staat Stände? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1963. Bd. 11. H. 3. S. 321–342.
- Stökl G. Rußland und Europa vor Peter dem Großen // *Historische Zeitschrift*. 1957. Bd. 184. H. 3. S. 531–554.
- Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689. Leiden: E. J. Brill, 1974. 327 S.
- Torke H.-J. Konzil, Reichsversammlung und Reichsrat. Zur Bedeutung der Begriffe „sobor“ und „sovet“ in der Smuta // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1995. Bd. 50. S. 363–373.
- Vierhaus R. Dietrich Gerhard. 7.11.1896 – 31.7.1985 // *Historische Zeitschrift*. 1986. Vol. 242. No. 1. S. 758–762.

Кирпичников Иван Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, СПбГУ; ivkirs@mail.ru

Corporate Order, Representation, Regionalism: Muscovy in German Historiography of the Second Half of the 20th Century

The article analyzes the views of prominent representatives of the German-language historiography of the second half of the 20th c. (D. Gerhard, G. Stökl, H.-J. Torke, C. Goehrke, H.-H. Nolte) on the key problems of the socio-political history of Muscovite Russia: corporate order, representation, and regionalism. The characteristic features of this research tradition are a comparative approach within the framework of the dichotomy “Russia and Europe”, as well as close attention to the historian's terminological apparatus. Despite the dependence in some cases on the assumptions of pre-revolutionary historiography, German-language historiography made a significant original contribution to the study of Muscovy.

Keywords: *historiography, Muscovy, Assembly of the Land, estate, regionalism, Time of Troubles, Osteuropastudien.*

Ivan A. Kirpichnikov, PhD in History, Senior Researcher, Institute of History, Saint-Petersburg University (SPbU), ivkirs@mail.ru

Н.А. ВЛАСОВ

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА У ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ 1870–1880-х гг.¹

Последняя треть XIX в. стала временем значительного ухудшения российско-германских отношений. Важной причиной были действия германского политического и военного руководства, основанные на определенных представлениях о Российской империи, в т. ч. о российском панславизме. Целью статьи является выяснение особенностей образа российского панславизма у германской военно-политической элиты (военных и государственных деятелей). В результате изучения широкого круга разнообразных источников можно сделать вывод о том, что понятие «панславизм» активно использовалось в указанной среде с конца 1870-х по конец 1880-х гг. в качестве собирательного термина для обозначения разных политических и общественных течений, направленных на изменение внутренней и внешней политики России. Панславизм воспринимался всеми представителями германской военно-политической элиты вне зависимости от их взглядов как крайне могущественная, иррациональная и потому опасная сила, стремившаяся к войне с Германией.

Ключевые слова: панславизм, российско-германские отношения, проблема восприятия, германская военно-политическая элита, Отто фон Бисмарк, Ганс Лотар фон Швейниц, Альфред фон Вальдерзее.

Последняя треть XIX в. – время серьезного ухудшения российско-германских отношений. Среди причин этого процесса далеко не последнюю роль играла эволюция мышления германской военно-политической элиты: усиливающееся восприятие Российской империи как потенциальной угрозы и растущий скепсис по поводу возможности устойчивых добрососедских отношений. В основе этой эволюции лежала негативная оценка процессов, происходивших в российской внутренней и внешней политике, правящей элите и обществе. В 1870–1880-е гг. внутреннее развитие России рассматривалось в Берлине как нестабильное и чреватое серьезными потрясениями, внешняя политика – как все более непредсказуемая и агрессивная². При этом в качестве одного из ключевых факторов такого развития представители германской военной и политической элиты зачастую называли панславизм.

Российский панславизм второй половины XIX в. был, действительно, ярким и заметным явлением, привлекавшим внимание зарубежных наблюдателей. Однако какой конкретный смысл вкладывали в это понятие в германских правящих кругах? Как оценивалось влияние панславистского движения на общественные настроения и государственную политику? Как представители германской военно-политической элиты воспринимали причины распространения, сущность и характер панславистских идей? Поиск ответов на перечисленные вопросы и явля-

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

² Власов 2021: 200–232.

ется целью данной статьи. При этом следует особо оговорить, что предметом исследования является именно образ российского панславизма в представлениях немцев; вопрос о степени соответствия этого образа реальности остается за рамками статьи. Очевидно, что любые представления лишь частично отражают сам объект, и в данном случае восприятие российского панславизма германскими государственными и военными деятелями было во многом обусловлено уже существовавшими у них убеждениями и стереотипами о России, распространенными в Германии XIX в., зачастую тенденциозными и неверными.

Образ России в Германии второй половины XIX в. слабо изучен. Имеется набор небольших исследований об образе России у разных исторических фигур или в отдельных средствах массовой информации³. Единственная попытка обобщения темы была предпринята Л. Копелевым в рамках «Вуппертальского проекта»⁴. Не стали самостоятельным объектом исследования и представления о российском панславизме.

В качестве источниковой базы исследования были выбраны тексты, принадлежащие перу представителей военно-политической элиты Германской империи – военных и государственных деятелей, участвовавших в принятии решений стратегического характера. Речь идет о текстах, не предназначенных для широкой общественности – деловой и личной переписке, дневниковых записях, меморандумах и документах стратегического планирования. Особое внимание обращалось на высказывания деятелей, непосредственно вовлеченных в развитие российско-германских отношений – Отто фон Бисмарка, в 1871–1890 гг. занимавшего пост имперского канцлера, Ганса Лотара фон Швейница, с 1876 по 1892 г. представлявшего Германию в Петербурге, Альфреда фон Вальдерзее, который с 1882 г. был заместителем шефа прусского Большого генерального штаба, а в 1888–1891 гг. возглавлял эту ключевую структуру военно-стратегического планирования. Важно отметить, что среди этих деятелей были лица, придерживавшиеся различных взглядов, в том числе как сторонники, так и противники политики Бисмарка на российском направлении. К числу вторых принадлежат, например, Вальдерзее или германский дипломат Фридрих фон Гольштейн.

Качественный контент-анализ дал возможность учесть не только частоту упоминания в данных текстах определенного понятия, но и связанные с ним смыслы и коннотации⁵. Проведенный анализ позволил установить, что до Восточного кризиса 1875–1878 гг. в Берлине уделяли мало внимания российскому панславизму⁶. Само понятие редко встречается в текстах представителей прусского, а затем германского военно-политического руководства, так что можно предположить невысокую оценку значимости самого явления. Впрочем, в данном случае следует

³ Напр. Lammich 2000, Liszkowski 2000, Schröder 2010.

⁴ Kopelew 2000.

⁵ Schreier 2012.

⁶ См. Bismarck 2001.

говорить не об одном, а о двух практически тождественных понятиях: «панславизм» и «славофилия» (в данном случае мы отказались от употребления распространенного в российской исторической науке термина «славянофильство», чтобы подчеркнуть смысловые различия между ними). Содержание указанных понятий в германском дискурсе не было четко разграничено, в связи с чем эти два термина то употреблялись как полные синонимы, то выражали различные смысловые оттенки.

В 1860–1870-е гг. российский панславизм если и упоминался в документах, принадлежавших перу представителей германской военно-политической элиты, включая главу правительства, то скорее мимоходом⁷; куда более распространенным был образ русского национализма. Бисмарк еще в начале 1860-х гг., в период своего пребывания на посту прусского посланника в Петербурге, сообщал в Берлин о наличии в российских правящих кругах сильной партии, симпатизировавшей полякам и жаждавшей масштабных политических преобразований⁸. Характерной чертой этой группировки, идеи которой приобретали все большую популярность в обществе, прусский дипломат считал агрессивный национализм, поэтому часто обозначал ее как «национально-русская»⁹ или «московитская»¹⁰. В качестве ее ключевых фигур он называл военного министра Д.А. Милютин и публициста М.Н. Каткова. Однако в 1870-е годы лексикон политика, ставшего к тому времени канцлером Германской империи, начал меняться. В 1872 г. в его текстах впервые встречается термин «панславизм»: в одной из бесед он заявил о непрерывном нарастании в России «панславистской агитации»¹¹. С этого момента он все чаще говорит о «панславистской», «славофильской» или попросту «славянской»¹² партии в рядах правящей элиты в Петербурге, используя эти три понятия как синонимы. При этом сущностные черты этой группировки в глазах Бисмарка оставались неизменными.

Схожей была эволюция взглядов на российскую элиту у Швейница, в 1865–1869 гг. занимавшего пост военного уполномоченного прусского короля при российском императоре. В 1868 г. он говорил о «фанатично национальной» и «национально-русской» партии, в руках которой находятся практически все независимые газеты Петербурга и Москвы¹³. Только в 1869 г. он вскользь упоминал в своем дневнике «славофилов» при российском дворе¹⁴. Упоминание о враждебных Германии панславистах впервые встречается в 1871 г. у Вальдерзее¹⁵.

⁷ См. напр. Bismarck 2001. Bd. 5: 260.

⁸ Bismarck 1925: 284.

⁹ Bismarck 2001. Bd. 4: 388.

¹⁰ Bismarck 1930: 212.

¹¹ Bismarck 2001. Bd. 5: 260.

¹² Bismarck 2008: 172.

¹³ Schweinitz 1928: 45.

¹⁴ Ibid.: 51.

¹⁵ Waldersee 1922: 138.

Вернувшись на берега Невы в 1876 г. в ранге германского посла, Швейниц сразу же заинтересовался деятельностью «славянских комитетов». По его мнению, «славофильская» идея была на тот момент еще чужда основной массе российского общества и пропагандировалась сравнительно узкими, однако довольно влиятельными кругами¹⁶. Тем не менее, на фоне Восточного кризиса эта пропаганда быстро набирала обороты, и одним из главных ее адресатов являлся Александр II. Швейниц с тревогой отмечал растущие, как на дрожжах, власть и влияние панславистов. Германский посол был уверен, что Александр II начал в 1877 г. войну с Османской империей лишь под давлением панславистской общественности¹⁷. Той же точки зрения придерживался и Бисмарк, неоднократно писавший, что именно панслависты заставили российско-го императора пуститься в военную авантюру¹⁸.

При такой оценке неудивительно, что с конца 1870-х гг. панславистское движение стало объектом пристального внимания со стороны германских политиков и дипломатов, а его влияние на российскую политику оценивалось в Берлине очень высоко. Четкого определения этому термину не давалось; в самом общем смысле подразумевалась некая идеология, предусматривавшая как минимум активную поддержку зарубежных славян, как максимум единство славянских народов и требовавшая ради достижения этой цели серьезных изменений во внутренней и внешней политике Российской империи. По мнению Бисмарка, панславизм являлся идеологией, широко распространенной как в российской правящей элите, так и в рядах образованных средних слоев общества. Влияние панславистов усиливалось благодаря их тактическому сотрудничеству с революционерами-нигилистами. Этот тезис может вызвать недоумение, но Бисмарк был уверен, что значительная часть высокопоставленных государственных служащих и генералов в России являются тайными противниками самодержавия и желают его ослабления ради проведения масштабных преобразований¹⁹.

В инструкции германскому дипломату Л. фон Весделену в феврале 1880 г. Бисмарк писал о «двух родственных, но еще не тождественных течениях... – панславистском, к которому принадлежат Милютин и великие князья, и революционном»²⁰. В других случаях он говорил о «панславистской революционной партии», очевидно, объединяя две группировки в одну²¹. Такого рода нечеткие границы заметны и в дальнейших его высказываниях; вероятно, с точки зрения «железного канцлера» не было важным различать панславистов и революционеров, поскольку они в конечном счете работали в одном направлении – в пользу отказа от умеренного курса и перехода к качественно иной внутренней и

¹⁶ Schweinitz 1927. Bd. 1: 341.

¹⁷ Schweinitz 1927. Bd. 2: 91.

¹⁸ Bismarck 1933: 906.

¹⁹ Bismarck 2001. Bd. 6: 347.

²⁰ Bismarck 2008: 344.

²¹ Ibid.: 176.

внешней политике. Словосочетание «панславистская партия» становится в этот период важной составляющей германских описаний российской элиты и фигурирует во многих текстах различных авторов²².

Бисмарк неоднократно описывал панславистскую группировку в рядах российской элиты как настолько могущественную, что действовать вопреки ей не в состоянии даже император. В конце 1879 г. он называл Александра II «полностью находящимся под влиянием генералов, особенно военного министра Милютина, и панславистской агитации»²³. Безусловно, в эти месяцы канцлер стремился преувеличить всемогущество панславистов и исходящую от них опасность в целях заключения оборонительного союза с Австро-Венгрией. Однако подобные высказывания он нередко делал и в дальнейшем. В 1883 г. Бисмарк говорил о «будущей панславистской направленности всей русской политики»²⁴, а четырьмя годами позже утверждал, что Александр III хочет сохранить только что заключенный «договор перестраховки» с Германией в секрете из страха перед реакцией панславистской общественности²⁵. Канцлер считал панславизм весьма популярным в российской обществу в целом, однажды заявив даже, что вся нация заражена этой идеологией²⁶.

Примерно такие же оценки давал происходящему Швейниц. В октябре 1883 г. он заявлял: «Царь слишком слаб для того, чтобы заставить славофилов замолчать, но слишком ленив, чтобы следовать их советам»²⁷. Ровно то же самое говорил об Александре III и Вальдерзее: под давлением панславистской общественности «он будет вынужден плыть с потоком»²⁸. Царь может не сдержать «коней панславизма, если они понесут», – писал в 1887 г. Бернгард фон Бюлов, советник посольства в Петербурге, часто замещавший Швейница во время отпуска²⁹.

Чего хотели панслависты и в каком направлении они толкали российскую политику, с точки зрения германских политиков и генералов? Естественно, на первый план в их глазах выходила враждебность этой партии к Германии и Австро-Венгрии. С влиянием панславистов связывались перемены в российской внешней политике, усиление ее ориентации на Францию в ущерб традиционной дружбе династий и монархической солидарности. Однако и внутри страны панслависты, по мнению представителей германской военно-политической элиты, желали масштабных перемен – вплоть до революционных, с целью ослабить самодержавие и установить контроль над механизмом принятия решений.

В 1880-е гг. Бисмарк неоднократно говорил о том, что под влиянием панславистов российская внешняя политика становится все более

²² Тамп.: Bismarck 2001. Bd. 7: 286; Hohenlohe 1907: 278; Schweinitz 1927. Bd. 2: 55.

²³ Bismarck 1926: 324.

²⁴ Bismarck 2010: 492.

²⁵ Die Große Politik 1922. Bd. 5: 266.

²⁶ Bismarck 2001. Bd. 6: 377.

²⁷ Schweinitz 1927. Bd. 2: 249.

²⁸ Waldersee 1922: 331.

²⁹ Holstein 1961: 215

агрессивной и все менее предсказуемой³⁰. «С момента падения Наполеона миру в Европе не угрожает никто, кроме славифильской России», – писал канцлер в 1879 г. в одном из докладов императору³¹. «Россия, – утверждал он в другом документе, – начала новую политику: панславистскую, воинственную и не без революционной примеси»³². Панславизм он неоднократно отождествлял с шовинизмом³³. Острие данной политики, по мнению Бисмарка, было направлено не только против «естественного врага», Австро-Венгрии с ее многочисленным славянским населением, но и против союзной Габсбургам Германии. К политическим факторам при этом примешивается национальная антипатия: панславистов, заявлял канцлер в начале 1887 г., отличает ненависть к немцам и симпатии к французам³⁴. «Нет никаких сомнений, что чиновничья Россия, как и панславистская, считает желательной германо-французскую войну и несмотря на все официальные заверения и опровержения тайно работает над ее развязыванием», – утверждалось в другом документе, продиктованном князем³⁵. Более того, ради победы над немцами панслависты, по мнению канцлера, готовы пойти даже на союз с традиционной противницей – Англией³⁶. Германия, говорил он, находится в состоянии «вынужденной обороны» от панславистской опасности³⁷. Бюлов в 1884 г. писал о «славифильских кругах» как главных противниках «политики трех императоров»³⁸.

Той же позиции придерживались в Большом генеральном штабе. Фельдмаршал Г. фон Мольтке, возглавлявший его до 1888 г., в одном из меморандумов писал о панславистах как о силе, способной вовлечь Россию в войну и даже повлиять на характер стратегического развертывания русской армии³⁹. Его заместитель, а затем преемник Вальдерзее придерживался аналогичной точки зрения и предвидел скорое российское нападение, спровоцированное панславистами. Еще в 1879 г. он называл их главными врагами Германии⁴⁰. Генерал от кавалерии В. фон Лёэ, командовавший VIII армейским корпусом, в 1886 г. писал Вальдерзее, что одна из двух главных причин враждебности России к империи Гогенцоллернов – «панславизм, мечтающий о войне с германским миром»; он иррационален, поэтому с ним ничего нельзя поделать⁴¹.

Бисмарк и Швейниц были уверены, что лидеры российского панславизма принимают все возможные усилия для ухудшения отношений

³⁰ Bismarck 2011: 790.

³¹ Bismarck 2008: 175.

³² Ibid.: 240.

³³ Ibid.: 678.

³⁴ Bismarck 2001. Bd. 7: 472.

³⁵ Bismarck 2018: 468.

³⁶ Bismarck 2001. Bd. 7: 286.

³⁷ Lucius 1920: 468.

³⁸ Die Große Politik 1922. Bd. 3: 376.

³⁹ Graf Moltke 1929: 108

⁴⁰ Waldersee 1922: 194.

⁴¹ Waldersee 1928: 37.

между Петербургом и Берлином; германский посол считал своим долгом этому противодействовать⁴². Швейниц полагал, что инструментом для достижения своих целей панслависты считают большую европейскую войну и работают над тем, чтобы развязать ее в нужный момент⁴³. Еще в 1877 г. он писал в Берлин, что панславистская агитация «для Европы опаснее открытия Дарданелл и разрушительнее торпед»⁴⁴; десять лет спустя он сомневался в способности Александра III противостоять спровоцированным панславистами воинственным настроениям в российском обществе⁴⁵. При этом Швейниц полагал, что панслависты готовы пойти на радикальные внутренние преобразования в России и, таким образом, являются на самом деле врагами самодержавия. В 1886 г. он писал, что «все панслависты под непревзойденным руководством Обручева работают на республику»⁴⁶. В результате складывалась картина, в которой император оказывается заложником в руках враждебных ему элит – образ, который часто встречается и в текстах Бисмарка. Ф. фон Гольштейн, служивший во внешнеполитическом ведомстве в ранге действительного тайного советника, писал в 1882 г. в своем дневнике, что «панславистская оппозиция» в России угрожает власти императора⁴⁷.

Важной характеристикой панславистских взглядов была, с точки зрения немцев, их полная ошибочность и даже иррациональность. Для любезной сердцу панславистов российско-германской войны, писал Вальдерзее, нет никаких разумных причин⁴⁸. Бисмарк утверждал, что панславистская внешняя политика базируется на совершенно ложных предпосылках: «освобожденные» славянские народы вовсе не будут испытывать по отношению к ней чувства благодарности. «Похоже, господин Победоносцев еще не понял, что вся панславистская политика России начиная с 1877 г. была заблуждением» - писал он в конце 1880-х гг.⁴⁹ Той же точки зрения придерживался и Швейниц, писавший в 1883 г., что «под влиянием славофильской химеры Россия слепа и глуха к собственным экономическим интересам»⁵⁰. Четырьмя годами позже он называл М.Н. Каткова «наполовину свихнувшимся газетчиком»⁵¹.

Для нас важно также выяснить, кого именно в Берлине считали наиболее яркими представителями и лидерами российского панславизма. Любопытно, что фамилии идеологов, публицистов и писателей практически не упоминались. Швейниц в своих донесениях несколько раз называл И.С. Аксакова – вероятно, благодаря его деятельности в славян-

⁴² Schweinitz 1927. Bd. 2: 230.

⁴³ Ibid.: 314.

⁴⁴ Schweinitz 1927. Bd. 1: 429.

⁴⁵ Die Große Politik 1922. Bd. 5: 221.

⁴⁶ Schweinitz 1928: 227.

⁴⁷ Holstein 1957: 17.

⁴⁸ Waldersee 1922: 301

⁴⁹ Bismarck 2011: 774.

⁵⁰ Schweinitz 1928: 190.

⁵¹ Ibid.: 240.

ских комитетах в 1870-е гг. Бюлов в начале 1888 г. в своем донесении назвал известного петербургского историка-слависта и общественного деятеля профессора В.И. Ламанского одним из главных идеологов панславистов⁵². Но ключевой фигурой панславизма считали М.Н. Каткова. Его влияние оценивалось крайне высоко, порой он считался едва ли не всемогущим властителем. Бисмарк еще в 1860-е гг. подчеркивал значимую роль «Московских ведомостей», но до определенного момента относил их не к панславистскому, а к националистическому направлению. В 1886 г. он утверждал, что уже не знает, кто в России «обладает императорским влиянием – Александр III или Катков»⁵³, а год спустя даже назвал Каткова «чем-то вроде параллельного правительства»⁵⁴. Его старший сын, граф Герберт фон Бисмарк, во время пребывания в России в начале 1884 г. писал: влияние Каткова так велико, что даже его единомышленники-славофилы испытывают по этому поводу тревогу⁵⁵. Вальдерзее в 1887 г. писал о «параллельном правительстве Каткова»⁵⁶.

Катков в данном случае выступал как своего рода олицетворение российской прессы. Именно газеты, по мнению представителей германской военно-политической элиты, являлись основными орудиями панславистов и практически полностью находились в руках последних. На это указывал в своих донесениях Швейниц⁵⁷. Словосочетание «панславистская пресса» применительно к российской печати в целом прочно закрепилось в 1880-е гг. в лексиконе германских государственных и военных деятелей⁵⁸. Вальдерзее в 1886 г. возлагал на «панславистов и их прессу» ответственность за многолетнее успешное натравливание российской общественности на Германию⁵⁹. Той же точки зрения придерживались и в политическом руководстве⁶⁰. Но гораздо чаще, чем идеологи и публицисты, в роли ключевых фигур российского панславизма упоминались представители правящей элиты, причем представляется вполне логичным, что германские политики ставили на первое место российских государственных деятелей, а генералы – военных. Чаще других звучали имена Д.А. Милютина, Н.П. Игнатьева, К.П. Победоносцева, М.Д. Скобелева, Н.Н. Обручева. Швейниц уделял особое внимание московским деятелям, считая древнюю столицу России истинным гнездом панславизма⁶¹, в отличие от Бисмарка, который говорил о «москвитской партии» скорее в метафорическом смысле, используя древнюю столицу России в качестве символа определенного образа мыслей.

⁵² Holstein 1961: 230.

⁵³ Bismarck 2001. Bd. 7: 427.

⁵⁴ Bismarck 2018: 371.

⁵⁵ Die Große Politik 1922. Bd. 3: 342.

⁵⁶ Waldersee 1922: 321.

⁵⁷ Die Große Politik 1922. Bd. 5: 174.

⁵⁸ Graf Moltke 1929: 143

⁵⁹ Waldersee 1922: 301.

⁶⁰ Holstein 1961: 192.

⁶¹ Schweinitz 1927. Bd. 2: 197.

Распределение ролей между «вожаками панславистов» рисовалось по-разному. Так, в конце 1881 г. Швейниц писал о «славофилах Каткове, Аксакове и подчинившемся им Игнатъеве»⁶², явно подразумевая, что идеологи играют главенствующую роль. Но чаще встречалась противоположная картина, выставлявшая прессу орудием в руках политиков.

После окончания европейского кризиса 1885–1888 гг. использование терминов «панславизм» и «славофильство», заметно идет на спад – в этот период представления в Берлине о происходящем в России начали трансформироваться. Во-первых, набирала силу уверенность в том, что Александр III не является игрушкой в руках непокорной элиты, а крепко держит в своих руках бразды правления и способен справиться с любой потенциальной оппозицией (именно в такой роли в Германии видели российских панславистов). Во-вторых, стал заметен упадок панславизма как идейного течения. Бюлов уже в конце 1886 г. писал: «Интеллигенция раздражена тем, что панславистская идея, которую она на протяжении 25 лет считала неоспоримой догмой, оказалась громадной ложью. Она чувствует себя Дон Кихотом, узнавшим, что обожествлен ная им Дульсинея – всего лишь пастушка»⁶³. Швейниц говорил в 1890 г. о «славофилах» и «шовинистических генералах» как двух отдельных группировках⁶⁴, а чуть позже утверждал: «Я не наблюдаю роста влияния панславизма. Напротив, рискну утверждать, что он отступает под натиском великорусской партии»⁶⁵. Под последней он понимал «классических» шовинистов, мечтавших не о «славянском братстве», а об усилении империи Романовых. Губернатор Страсбурга и будущий прусский военный министр генерал Ю. Верди-дю-Вернуа в 1888 г. писал о «старорусской партии» в рядах российской элиты, вкладывая в это понятие примерно тот же смысл⁶⁶. Представитель великого герцогства Баден в Берлине А. Маршалл фон Биберштайн, в 1887 г. еще писавший о «панславистской России»⁶⁷, двумя годами позже предпочитал говорить о «русском шовинизме»⁶⁸. Бисмарк в 1892 г., уже после своей отставки, в беседе с германским журналистом заявил, что настоящие русские не заражены панславизмом, а все панславистские статьи в российских газетах пишут поляки, рассчитывающие тем самым столкнуть Россию и Германию⁶⁹. Здесь нужно принять во внимание, что в это время князь любил позиционировать себя в качестве верного сторонника добрых отношений между Берлином и Петербургом и поэтому несколько сглаживал острые углы. Однако примерно тогда же Бюлов, ставший германским посланником в Румынии, докладывал новому канцлеру Л. фон Ка-

⁶² Schweinitz 1928: 182.

⁶³ Die Große Politik 1922. Bd. 5: 69.

⁶⁴ Die Große Politik 1922. Bd. 7: 13.

⁶⁵ Schweinitz 1927. Bd. 2: 422.

⁶⁶ Waldersee 1928: 151.

⁶⁷ Großherzog Friedrich I. 1975: 478.

⁶⁸ Ibid.: 680.

⁶⁹ Bismarck 2001. Bd. 8 Teil B: 93.

приви: «Славянское движение поддерживает связи с панславизмом или, правильное сказать, с панрусизмом»⁷⁰. Тем самым он проводил границу между двумя течениями и обозначал второе как более актуальное. Термин «панславизм» не исчез из германских документов, но сочетавшийся с ним образ всемогущей и неодолимой силы ушел в прошлое.

Подведем итоги. Во-первых, несмотря на частные расхождения, образ панславизма (или «славофильства») в среде германской военно-политической элиты обладал, в целом, едиными ключевыми характеристиками. Во-вторых, интерес к российскому панславизму и оценка его влияния пережили резкий подъем в конце 1870-х в связи с Восточным кризисом и сохранялись на этом уровне примерно десятилетие, после чего резко пошли на спад. В-третьих, термин «панславизм» использовался германской элитой как своего рода ярлык для всех идейных и политических течений, выступавших за реформы внутри страны и против ориентации на Германию во внешней политике. При этом зачастую не проводились границы между православными консерваторами, сторонниками либеральных реформ и «нигилистами»: панславизм выступал в качестве единой силы, подчинившей себе власть и общество и диктовавшей свою волю монарху. В-четвертых, наконец, идеи панславизма рассматривались не просто как ошибочные, а как иррациональные. Это в глазах германских наблюдателей делало российскую политику не только враждебной, но и непредсказуемой и оттого вдвойне опасной. На договоренности с таким соседом просто нельзя было положиться, и в ведомстве иностранных дел укрепляли союз с Австрией, а в Большом генеральном штабе активно готовились к войне.

Образ панславизма в 1870-80-е гг. можно назвать стержнем тех представлений о механизме формирования российской политики, которые существовали у германской военной и политической элиты. Характеристики этого образа, зачастую искажавшего реальность, хорошо объясняют, почему в Берлине стали господствовать враждебность и недоверие к восточной соседке, которые легли в основу германской политики на российском направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Власов Н.А. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. [Vlasov N.A. Rossija glazami Bismarka. Saint-Petersburg: Evrazija, 2021].
- Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 3. Politische Schriften: März 1859 bis September 1862. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1925.
- Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 6a. Politische Schriften: 1867 bis 1869. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1930.
- Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 8. Gespräche. Bis zur Entlassung Bismarcks. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1926.
- Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 14/II. Briefe 1862-1898. Berlin, 1933.
- Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 4. Schriften 1879-1881. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008.
- Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 5. Schriften 1882-1883. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010.

⁷⁰ Die Große Politik 1922. Bd. 7: 185.

- Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 6. Schriften 1884-1885. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011.
- Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichsruher Ausgabe. Abt. III. Bd. 7. Schriften 1888-1887. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2018.
- Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 4, 5, 6, 7, 8 Teil B. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001.
- Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Bd. 3, 5, 7. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922.
- Graf Moltke. Die deutschen Aufmarschpläne 1871-1890. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1929.
- Großherzog Friedrich I. von Baden und die Reichspolitik. Bd. 2. 1879-1890. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1975.
- Hohenlohe-Schillingsfürst C.z. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst. Bd. 2. Stuttgart – Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1907.
- Holstein F.v. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Bd. 2. Tagebuchblätter. Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1957.
- Holstein F.v. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Bd. 3. Briefwechsel. Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1961.
- Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 11-109.
- Lammich M. Vom „Barbarenland“ zum „Weltstaat“ – Rußland im Spiegel liberaler und konservativer Zeitschriften / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 146-198.
- Liszkowski U. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr – Bismarcks Rußlandbild / Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink, 2000. S. 111-145.
- Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1920.
- Schreier M. Qualitative Content Analysis in Practice. London: SAGE, 2012.
- Schröder H.-H. „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild // Osteuropa. 2010. Bd. 60. No. 10. S. 83-100.
- Schweinitz H.L.v. Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1928.
- Schweinitz H.L.v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd. 1-2. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1927.
- Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart, Berlin, Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1928.
- Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Stuttgart – Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922.

*Власов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, СПбГУ
n.vlasov@spbu.ru*

The Image of Russian Pan-Slavism in German Military-Political Leadership of 1870s and 1880s

The last third of the 19th century was a time of significant deterioration in Russian-German relations. Among important reasons were the actions of the German political and military leadership, based on certain ideas about the Russian Empire, including pan-Slavism. The goal of this article is to determine the characteristic features of the image of Russian pan-Slavism among the German military-political elite. After studying a wide range of various sources, it can be concluded that the concept of "pan-Slavism" was actively used by German politicians and generals from the late 1870s to the late 1880s as a term for all trends aimed at changing the domestic and foreign policy of Russia. Pan-Slavism was perceived as an extremely powerful, irrational, and therefore dangerous force, striving for war with Germany.

Keywords: *Pan-Slavism, Russian-German relations, perception, the German military-political elite, Otto von Bismarck, Hans Lothar von Schweinitz, Alfred von Waldersee.*

Vlasov Nikolay Anatolievich, candidate of science in history, Associate professor, Saint-Petersburg State University. n.vlasov@spbu.ru

О.Д. ТАЛЬСКАЯ

ОБОСНОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДОВ М.А. ТЕРЕНТЬЕВА

Автор обсуждает результаты политико-текстологического анализа трудов М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии» и «Россия и Англии в Средней Азии». Впервые особое внимание уделяется тому, как автор трехтомного описания процесса интеграции Россией новых азиатских территорий концептуализировал государственное устройство России и его устойчивость в историческом контексте.

Ключевые слова: политико-текстологический анализ, М.А. Терентьев, государственное устройство России, устойчивость государственного устройства.

Средняя Азия – стратегическое направление геополитических интересов современной России, особенно в условиях кризиса сотрудничества со странами Европы и США. Важность эффективного взаимодействия с Азией растет, однако существуют проблемы, решение которых невозможно без учета исторического контекста. Изучение современных тенденций и процессов политического, экономического, культурного, религиозного сотрудничества России и государств Средней Азии требует обращения к анализу исторических обстоятельств, что, в свою очередь, предполагает изучение важных для восстановления общей картины работ отечественных деятелей, государственных и военных, которые были непосредственными участниками процесса присоединения Средней Азии. Их донесения, дневники, мемуары и публицистические сочинения образуют остов исторической памяти.

В каждом национальном регионе Российской империи существовали свои схемы управления, соответствующие общероссийским законам, но среднеазиатская окраина нуждалась в особом подходе как к управлению, так и к контролю за этим управлением. Эти вопросы решались с большим трудом в связи с разнообразием территориальных, социальных, экономических, политических, исторических, конфессиональных, культурных и других особенностей и проблем.

Изучением вопроса присоединения Средней Азии к Российской империи занимались многие исследователи, историки, политологи и др. Видный советский ученый, изучавший имперскую политику в Средней Азии, Н.А. Халфин исследовал предпосылки политики Российской империи в регионе, ее экономическую составляющую¹.

Одним из свидетелей сложного пути Российской империи в Средней Азии был востоковед и историк, лингвист и юрист Михаил Африканович Терентьев. Большую часть своей карьеры он служил в Средней Азии на управляющих и судебных военных должностях и вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. М.А. Терентьев не являлся теоретиком или пропагандистом, обосновывающим интересы Российской им-

---

¹ Халфин 1988, 1983, 1975, 1974, 1965, 1960, 1959, 1957.

перии в регионе. Как непосредственный участник и проводник российской политики в Средней Азии, он обобщил свои представления и впечатления о процессах интеграции среднеазиатских территорий в состав Российской империи. Анализ его работ позволяет продемонстрировать историко-политический взгляд «изнутри».

Используя современные источники и труды Терентьева можно реконструировать основные идейно-политические комплексы, которыми руководствовались как российское правительство, так и непосредственные исполнители этой политики – военные и государственные чиновники, а также выяснить отношение к вопросу присоединения Средней Азии в российском обществе, то, как имперская идеология становится фактором противодействия угрозам того времени, как она легитимизируется в глазах военного сословия и как осуществляется.

Заслуги М.А. Терентьева подтверждаются архивными данными. 2 февраля 1867 г. он был награжден персидским Орденом Льва и Солнца 3-й степени, 17 апреля 1869 г. получил первый бриллиантовый перстень «за поднесенный им Государю Императору мрамор, замечательный в историческом отношении, и вообще за труды по археологии», а 19 марта 1876 г. «за поднесённое его величеству сочинение грамматики и хрестоматии Турецкого, Персидского, Киргизского и Узбекского языков награждён бриллиантовым перстнем» во второй раз. Наконец, 14 декабря 1877 г. «за отличие при поражении 3 октября 1877 г. турецкой армии на Аладжинских высотах, награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом»². Существуют различные оценки того, насколько труды М.А. Терентьева объективны или предвзяты, каково истинное значение его работ. Невозможно отрицать, что он воспринимался по-разному в России и представителями тех народов, на чьих землях силы Российской империи осуществляли интеграционные процессы.

Междисциплинарный метод политико-текстологического анализа базируется на анализе политических явлений и процессов на основе изучения текстов. В рамках данного подхода тексты рассматриваются как исторические формы проявления политической культуры, общественного сознания³. Описанный метод использовался нами следующим образом: содержание трудов Терентьева сопоставлялось с известными историческими, политическими и геополитическими факторами, на основе чего делались выводы об анализируемых событиях и реалиях. Политико-текстологический анализ текстов Терентьева по вопросу устойчивости государственного устройства Российской империи на материале его труда «История завоевания Средней Азии»⁴ позволяет сделать ряд выводов. По мнению автора, наиболее сильными сторонами политики Российской империи была веротерпимость, создание линий из укреплений для обеспечения безопасности на обширных кочевых

² Послужной список 1901: 3.

³ Политическая текстология как наука и учебная дисциплина 2014: 110-111, 116-117.

⁴ Терентьев 2018.

территориях и деятельность по продвижению русского языка в местных школах, из чего можно заключить, что он рассматривал вопросы устойчивости российского государственного устройства с точки зрения модели империи и особое внимание уделял именно интеграционным процессам, как ключевым в контексте обеспечения устойчивости.

По своей структуре терентьевская «История завоевания Средней Азии» схожа с его же работами середины 1870-х гг. «Россия и Англия в Средней Азии» и «Россия и Англия в борьбе за рынки». Но «История завоевания Средней Азии», в отличие от «России и Англии в Средней Азии», никогда не издавалась на английском языке. Этот труд был опубликован после того, как Терентьев ушел в отставку, в связи с чем он мог позволить себе в ряде случаев более свободно высказывать свои оценки и мнения без каких-либо опасений. В «Истории завоевания Средней Азии» Терентьев описывает хронологию событий, упоминает многих конкретных деятелей, освещает хозяйственные и технологические аспекты оснащения войск и, кроме некоторых исключений, отказывается от оценочных суждений или же скрывает их, делая непрямыми и неочевидными, нуждающимися в интерпретации. При этом между тремя книгами есть значительное отличие: в «Истории завоевания Средней Азии» авторские комментарии, демонстрирующие позиции Терентьева, встречаются значительно реже, чем в двух других книгах.

Работа М.А. Терентьева над «Историей завоевания Средней Азии» началась с поручения генерал-губернатора Кауфмана в 1869 г., а цель ее раскрывается в следующих словах автора: «Работа моя до того меня захватила, столько нашлось новых, еще неизвестных никому данных, что остановиться на том или другом выборе было весьма затруднительно. Мне все казалось важным и ценным, всякая мелочь. К тому же и гигантскую борьбу вели не исполины, а скромные русские люди. Задавшись целию воздать каждому по делам его, я не обходил и одного, самого скромного подвига, но реляции всегда сверял с частными донесениями. Не стоит писать истории, если не писать всю правду. Пусть перед читателем пройдет живой человек со всеми его слабостями и ошибками: дело он сделал, след свой оставил, а что он был такой же, как и мы, так этим он нам еще милее»⁵. Помимо желания «воздать каждому по делам его», здесь автор заявляет о стремлении к исторической истине, достоверности данных, о внимании к деталям, к быту людей.

Одной из целей своего труда, Терентьев считал предотвращение ошибок в будущем: «Ошибки и промахи также поучительны, хотя и отрицательною стороною: расплачиваться за них приходится кровью и костями подчиненных, поэтому повторяться они не должны. А между тем они повторяются...»⁶. Действительно, и в этом уверен Терентьев, те, кто не знает истории, обречены повторить все допущенные в прошлом ошибки. Критикуя ошибки, совершенные русской армией и граждан-

⁵ Терентьев 2018. Т. 1: 25.

⁶ Там же. Т. 1: 25-26.

ской администрацией в Средней Азии, Терентьев стремился найти правду, которую нужно донести до власти и общества. «Итак, не желая быть рабом реляций, я относился к ним критически: панегириков я писать и не собирался, а правду высказать не боялся, мало заботясь о том, понравится ли это тому или другому из деятелей, прославленных уже и превознесенных на полях Средней Азии»⁷. Иными словами, он заявляет о своем намерении показать объективную картину исторических событий. Как отмечает Терентьев, такой подход встретил неодобрение внутри России: «Ген. Кауфман... был весьма недоволен моей «критикой»»⁸.

Наконец, он обосновывает необходимость издания своей работы, в которой стремится непредвзято оценить достоинства и недостатки среднеазиатской политики Российской империи: «Казалось бы, пора поднять завесу, скрывающую от нас подробности деяний наших славных военачальников, но скрывающую также и их ошибки. И то, и другое знать необходимо тому, кто хочет служить в Средней Азии, руководясь добытым уже нашими предшественниками опытом и остерегаясь повторять прежние ошибки... Наше общество и наши правящие сферы, право, заслуживают того, чтобы знать настоящую, не прикрашенную и не закрашенную правду, а кто не боялся сказать ее в глаза людям, от которых зависел, тот еще менее будет стесняться с людьми, от которых уже не зависит»⁹. Здесь Терентьев вновь подчеркивает, что его работа должна остаться нейтральной и объективной, что только правдивое изложение истории имеет практическое значение, позволяет принимать в будущем более разумные решения, избегать уже совершенных когда-то ошибок.

Российское государство в рассматриваемый период было империей. Существует множество трактовок термина «империя», научного консенсуса нет. Мы используем следующее определение термина «империя»: государство с иерархической связью между центром и периферией, неоднородной политической и экономической системой, территориально-географической рассредоточенностью и проживанием на ее территории различных народностей. Империями считаются только те государства, в которых существуют зависимые территории, где центральная власть империи устанавливает особый режим политического и экономического управления. Несмотря на наличие у империй большого числа общих черт, исторически каждая из них оказывалась уникальной и требующей отдельного детального процесса изучения¹⁰.

В XVIII–XIX вв. в Российской империи произошел ряд административно-территориальных реформ, которые привели как к изменениям в области местного самоуправления, так и к территориальным приращениям. Российский империализм XIX века не достиг того уровня, когда можно было бы претендовать на мировое господство, но в сознании лю-

⁷ Терентьев 2018. Т. 1: 26.

⁸ Там же. Т. 1: 27.

⁹ Там же. Т. 1: 28.

¹⁰ Тальская 2017: 341.

дей основой геополитики стала имперская идея¹¹. Присоединение к России обширных территорий Средней Азии не влекло упразднения исторически сложившихся там форм государственности.

Слабыми сторонами российской модели империи были, по мнению Терентьева, коррупция, недостаток знаний о местном населении, ландшафте, климате, культуре, социально-политическом строе, экономике, нецелевое расходование средств, неудачные назначения, провал дипломатических усилий. Терентьев полагал, что исторической задачей России было привнесение в Азию идеалов и благ западной цивилизации. С его точки зрения, Российская империя была частью именно западной цивилизации и своего рода бастионом между Европой и Азией.

Присоединение Средней Азии имело большое значение, прежде всего для торговой сферы, где после вытеснения российских товаров с западных рынков, главными партнерами становятся ханства. Интерес купеческих слоев возрастал день ото дня. Бурное промышленное развитие России продолжало требовать новых рынков сбыта. Недостаток сведений о землях Средней Азии не отпугнул российское правительство. Именно в середине XIX в. начинает интенсивно развиваться востоковедение (ориенталистика), которое было тесно связано с деятельностью военных и дипломатических ведомств и обеспечивало интересы Империи в вопросах внешней торговли.

Порядок и форма управления Средней Азией создавались поэтапно. В 1865 г. было издано Временное положение об управлении Туркестанской областью. В нем формулировались основные принципы проведения внутренней политики: осуществление общего надзора за местным населением, невмешательство во внутренние дела, правовые, земельные и религиозные отношения. В июле 1867 года для обсуждения проблемы административного устройства присоединенных территорий был создан специальный комитет, который возглавил Д.А. Милютин, тогда же было принято решение о создании новой административной единицы – Туркестанского генерал-губернаторства. Столицей стал Ташкент, а возглавил край генерал К.П. Кауфман. Особенность управления в этом регионе заключалась в том, что вся полнота власти принадлежала военной администрации, тогда как в других областях Российской империи политика управления проводилась через Министерство внутренних дел.

Такая централизованная система в Туркестанском генерал-губернаторстве, подчиненная Военному министерству, была необходима в связи с нестабильным положением внутри Туркестанского края и опасностью конфликтов с соседними Афганистаном и Ираном, действовавшими при британском посредничестве. На идее усиления и централизации власти настаивал и сам Кауфман, которого считали очень властолюбивым. Его проект, представленный в 1873 г., заключавшийся в унификации управленческих начал, так и не был принят, но в 1882–1883 гг. тайным советником Гирсом была проведена первая сенатская ревизия, ко-

¹¹ Цыганков 2010: 31.

торая выявила, что на территории Туркестанского генерал-губернаторства действуют четыре положения об управлении. В 1884 г. была создана специальная комиссия, разработавшая к 1886 г. новое положение, которое просуществовало вплоть до 1917 г. Это положение отличалось тем, что имело общий обязательный статус для территории Средней Азии и уже не предоставляло широких прав генерал-губернатору, в ведении которого оставалось лишь общее руководство и надзор.

При генерал-губернаторе состояли его помощник и особый комитет из военных и гражданских чиновников края. Органом исполнительной власти являлась канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства. Состояла она из трех отделений. Первое занималось вопросами управления и личным составом; второе ведало земельными вопросами, делами строительства, связи, учебы; за третьим отделением были закреплены вопросы финансовой политики, а также наблюдение за иностранными подданными. Дипломатический отдел канцелярии был на особом счету. В его задачи входило решение вопросов, связанных с протекторатом над Хивой и Бухарой. В 1899 г. он был заменен представителем Министерства иностранных дел¹². Генерал-губернаторство было поделено на волости и уезды, но власть все же концентрировалась в руках военной администрации. Во главе областей стояли военные губернаторы и областные правления, уезды возглавляли уездные начальники. Эта система управления, в отличие от систем управления колониальных держав, отличалась гибкостью и напоминала скорее отношения между центром и провинцией, нежели между метрополией и колонией.

Усилия Российской империи в Средней Азии не ограничивались сферой внешней политики, но для благополучия внутренней политики имперской системы необходимо было прежде всего покорение новых территорий. В этой связи «Большая Игра», соперничество с Великобританией, оказались положительными факторами, так как создавали возможность усиления влияния Российской империи в Средней Азии¹³.

Главная идея заключалась в том, что монарх в своей империи вправе устанавливать собственные порядки, не требующие дополнительного пояснения. В случае с национальным вопросом проблема идеологического обоснования заключалась в подтверждении мощи Российского государства. М.А. Терентьев был убежденным приверженцем имперских взглядов, он видел в Российской империи силу, приносящую опасным, неразвитым народам блага западной цивилизации, и был уверен в правильности имперских идеалов. Он также считал нужным в целях поддержания устойчивости российского государственного устройства применять различные методы воздействия на европейские и азиатские народы. В Средней Азии он считал важным не полагаться на дипломатию, учитывать вероломство местных жителей и как можно эф-

¹² История Узбекской ССР... Т.2. От присоединения узбекских ханств к России до великой октябрьской социалистической революции. Ташкент: 1968: 42.

¹³ Андерсон, Тальская 2019: 28.

фективнее создавать укрепления с конечной целью стабилизации ситуации в регионе и предотвращения самой возможности набегов. В случае с Европой, в частности с Британской империей, он полагал, что необходимо использовать общественное мнение для влияния на политику их государств. В отдельных случаях М.А. Терентьев на примере публичной дипломатии, осуществляемой российскими соотечественниками за рубежом, приводит принцип этой работы, возможно, не осознавая теоретическую значимость описываемого механизма воздействия и его инновационность по меркам того времени.

Можно подвести следующий итог: с точки зрения М.А. Терентьева основные угрозы устойчивости Российского государственного устройства были сопряжены с имперской моделью управления. Эффективная интеграция новых территорий в состав Российской империи была необходимым залогом устойчивости всей системы госуправления. Немалую роль М.А. Терентьев также отводил созданию эффективной системы военного контроля для своевременного отражения нападений и защиты как территорий, так и их населения: «Отбросим же всякие увертки и взглянем на вопрос посмелее. Зачем мы забрались в Азию? Ответ мы извлечем из предлежащего труда: наше движение на восток не зависело от далеких планов – мы преследовали только ближайшие цели: дикие номады, не признающие никаких прав, кроме права силы, нападают на наши границы, захватывают “полон” и продают русских тысячами на рынках Средней Азии. Ответные набеги наших отрядов только запутывали счета и разжигали взаимную ненависть. Испробовали другой способ: степные укрепления. – Дело пошло лучше, но форты надобно было связать друг с другом. Образовались линии. Стремление связать линии оренбургскую с сибирской – повело к занятию позиций на реках Сыр-Дарье и Чу, а это вызвало вражду со стороны Кокана, Бухары и Хивы. Ряд войн с этими ханствами – привел нас на теперешние стоянки»¹⁴.

Основными инструментами в этом отношении было использование системы образования: «Прежде всего, значит, мы должны позаботиться о школах для туземцев. Мы должны ввести в них обучение русскому языку. Мало того – мы должны ввести в употребление и наш алфавит... Образование туземцев ведется, с искони, самым несложным и самым притупляющим способом: ученик зубрит в долбежку непонятный ему текст Корана и завершает эту долбню несколькими стихотворениями Гафиза, Саади и Фирдоуси... Очевидно, что поддерживать такой ненормальный порядок народного образования не может быть в видах русской цивилизации, тем более, что и сами туземцы сознают бесплодность своей школьной науки»¹⁵. Другой инструмент – веротерпимость: «Честный мусульманин, не преступающий ни одной йоты наших гражданских законов – на наш взгляд – лучше плута христианина, хотя бы

¹⁴ Терентьев 1875: 271–272.

¹⁵ Терентьев 1875: 355–356.

тот и соблюдал все точки и запятые религиозных установлений»¹⁶.

И более того: «Во всяком случае все мероприятия наши по вопросу об ассимиляции народностей Туркестанского края принадлежат будущему. Но есть одно мощное средство, которое всегда применялось в России немедленно ко всем присоединяемым к ней народам – это мощное средство: равноправность. Перед таким, искони усвоенным нами, христианским космополитизмом не существуют: “ни раб, ни свободный, ни грек, ни варвар, ни скиф, ни иудей”. ... Политика наша, по отношению к завоеванным странам, отличалась всегда особенным великодушием и, так сказать, самопожертвованием. Такая политика проведена по всей нашей истории и составляет одно из ее блистательных отличий. В этой-то политике, в этом христианском космополитизме и заключается наша сила. В этом и наша будущность»¹⁷.

При этом М.А. Терентьев не отрицал, что существует целый ряд факторов, которые являются угрозами стабильности российского государства. Среди них он выделял коррупцию, нецелевое расходование средств, неудачные кадровые назначения, дипломатические ошибки, а также недостаток знаний и информации о различных ситуациях и регионах: «Главный пробел, сразу бросающийся в глаза каждому исследователю – это отсутствие сведений о наших дипломатических сношениях. Некоторые иностранные правительства издают периодически официальные сборники дипломатических документов, (синие, красные и т.п. книги), – эти-то сборники и служат пока единственным для нас источником, так как в них помещаются и русские депеши»¹⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон К.М. и др. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 110–136. [Anderson K.M. i dr. Politicheskaja tekstologija kak nauka i uchebnaja disciplina: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskije nauki, 2014. № 4. S. 110–136].
- Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3-х т. М.: АИРО-XXI, 2018. 1666 с. [Terent'ev M.A. Istorija zavoevanija Srednej Azii. V 3-h t. M.: AIRO-XXI, 2018. 1666 s].
- Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: П. Меркурьев, 1875. 264 с. [Terent'ev M.A. Rossija i Anglija v Srednej Azii. SPb.: P. Merkur'ev, 1875. 264 s].
- Цыганков П.В. М.А. Терентьев и его труд «Россия и Англия в Средней Азии»: у истоков азиатской геополитики Российской империи (вторая половина XIX в.) // Омский научный вестник. Исторические науки, № 4 (89), 2010. С. 28-31. [Cyganov P.V. M.A. Terent'ev i ego trud «Rossija i Anglija v Srednej Azii»: u istokov aziatskoj geopolitiki Rossijskoj imperii (vtoraja polovina XIX v.) // Omskij nauchnyj vestnik. Istoricheskie nauki, № 4 (89), 2010. S. 28-31].
- Послужной список Военного Судьи Виленского Военно-Окружного Суда Генерал-майора Терентьева. Составлен 6 февраля 1901 г. // Российский государственный исторический архив, Фонд 409, опись 1, дело 4/9/15, заголовок дела п/с 67-803. [Posluzhnoj spisok Voennogo Sud'i Vilenskogo Voенно-Okružhnogo Suda General-majora Terent'eva. Sostavljen 6 fevralja 1901 g. // Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv, Fond 409, opis' 1, delo 4/9/15, zagolovok dela p/s 67-803].

¹⁶ Там же: 353.

¹⁷ Там же: 361.

¹⁸ Терентьев 1875: III.

- Андерсон К.М., Тальская О.Д. Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета. № 2, 2019. С. 22-30. [Anderson, K.M., Tal'skaja, O.D. Obosnovanie sredneaziatskoj politiki Rossijskoj imperii v kontekste «Bol'shoj igry» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, № 2, 2019. S. 22-30].
- Тальская О.Д. Феномен империй в современных политических теориях // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 2. С. 341-347. [Tal'skaja O.D. Fenomen imperij v sovremennyh političeskijh teorijah // Social'no-gumanitarnye znanija, 2017, № 2. S. 341-347].
- Халфин Н.А. Дж. Н. Керзон в российской Средней Азии // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 106-115. [Halfin N.A. Dzh. N. Kerzon v rossijskoj Srednej Azii // Voprosy istorii. 1988. № 3. S. 106-115].
- Халфин Н.А. Лорд Керзон — идеолог и политик британского империализма // Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 20-40. [Halfin N.A. Lord Kerzon — ideolog i politik britanskogo imperializma // Novaja i novejšaja istorija. 1983. № 1. S. 20-40].
- Халфин Н.А. Российская империя и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX - начало XX в.). М.: Восточная литература, 1975. 128 с. [Halfin N.A. Rossijskaja imperija i Buharskij jemirat na Zapadnom Pamire (konec XIX - nachalo XX v.). M.: Vostochnaja literatura, 1975. 128 s].
- Халфин Н.А. Российская империя и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974. 408 с. [Halfin N.A. Rossijskaja imperija i hanstva Srednej Azii (pervaja polovina XIX v.). M.: Nauka, 1974. 408 s].
- Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к Российской империи (60-90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с. [Halfin N.A. Prisoedinenie Srednej Azii k Rossijskoj imperii (60-90-e gg. XIX v.). M.: Nauka, 1965. 468 s].
- Халфин Н.А. Политика Российской империи в Средней Азии (1857-1868 гг.) М.: Издательство восточной литературы, 1960. 272 с. [Halfin N.A. Politika Rossijskoj imperii v Srednej Azii (1857-1868 gg.) M.: Izdatel'stvo vostočnoj literatury, 1960. 272 s].
- Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX - начале XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959. 96 с. [Halfin N.A. Proval britanskoj agressii v Afganistane (XIX - nachale XX v.). M.: Socjckgiz, 1959. 96 s].
- Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент: САГУ, 1957. 251 с. [Halfin N.A. Anglijskaja kolonial'naja politika na Srednem Vostoке (70-e gg. XIX v.). Tashkent: SAGU, 1957. 251 s].
- Тальская Ольга Дмитриевна, ассистент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ollytalsky@gmail.ru*

Stability of the Russian State Structure:

M.A. Terentyev's Perception as Laid Out in His Body of Work

In this article we present the discussion of political-textual analysis results that was conducted on "History of the Conquest of Central Asia" and "Russian and Great Britain in Central Asia" by M.A. Terentyev. Particular attention is paid to how the author of this three-volume body of work describing the process of integrating new Asian territories into Russia deliberated on such topics as Russian state structure and its stability in a historical context.

Keywords: political-textual analysis, M.A. Terentyev, Russian state structure, state structure stability

Olga D. Talskaya, Assistant Lecturer, Lomonosov Moscow State University; ollytalsky@gmail.ru

**КОНСТРУИРОВАНИЕ БИОГРАФИИ В. М. МОЛОТОВА
И ДЕЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА
НИЗШИХ И СРЕДНИХ ШКОЛ КАЗАНИ 1909 г.**

Статья посвящена конструированию ранней политической биографии В.М. Молотова. Его партийный стаж с 1906 г. был важным политическим ресурсом и источником авторитета. При восстановлении в партии в 1984 г. для В. М. Молотова было принципиально важно, чтобы партстаж был восстановлен с 1906 г., что делало его рекордным. Однако, как показано в статье, В.М. Скрябин (Молотов) может считаться членом РСДРП (и затем КПСС) с 1911 г., а до этого примыкал то к РСДРП, то к ПСР. Также искажаются и обстоятельства участия В.М. Молотова в создании «Правды» и знакомства с И.В. Сталиным. Это конструирование биографии характерно для понимания различия в оценке должного и недолжного поведения революционера в начале XX в. и в 1930-е гг. (и позднее). В начале века в подпольной общественной среде разделение между партиями было условно. Молодые люди устанавливали контакты в ситуации подполья, которые могли не полностью соответствовать их теоретическим склонностям, и сами склонности были результатом взаимовлияния и смешения народнической традиции и марксистской тенденции. Различие между большевизмом и меньшевизмом только оформлялось в принципиальный раскол, который для многих активистов на местах не был очевиден вплоть до середины 1917 г. Однако то, что было нормально до 1917 г., становилось «компроматом» в 1920–1950-е гг. Это требовало конструирования биографий деятелей большевизма, с большим или меньшим успехом скрывавших и дописывающих эпизоды своей революционной деятельности. А затем эти поправки, пройдя через десятилетия, откладывались не только в официальной коммунистической «агиографии», но и в историографии XXI века.

Ключевые слова: *В.М. Молотов, И.В. Сталин, К.У. Черненко, Российская социал-демократическая рабочая партия, Партия социалистов революционеров, большевики, меньшевики, Революционный союз низших и средних школ Казани.*

---

7 июня 1984 г. произошло символическое политическое событие, ставшее одним из резонансных шагов коммунистического руководства в небогатый событиями период правления Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко – в КПСС был восстановлен В.М. Молотов. Как известно, он был исключен из партии в 1962 г. за участие в «антипартийной группе» и «злоупотребления властью, нарушения социалистической законности, в результате чего погибло большое число ни в чем не повинных людей»¹. Все эти годы Молотов настаивал на восстановлении в рядах, утверждая: «Я вступил в КПСС в 1906 году и с тех пор никогда не отходил от партии, непрерывно и активно работал в ее рядах 56 лет»². Дата вступления Молотова в партию большевиков давно стала канонической и без сомнения указывается в справочных изданиях, подтверждается в биографиях видного партийного государственного деятеля, в т. ч. в работах его внука и наиболее плодотворного биографа В.А. Никонова³. Молотов придавал своему рекордному по длительности членству в пар-

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 80. Л. 68.

² Там же. Л. 61.

³ Ивкин 1999: 429; Горячев 2005: 303; Никонов 2005: 55-56; 2016. Кн. 1. 17; Кн. 2. 468.

тии первостепенное значение. 12 июля 1984 г. на Политбюро Черненко сообщал коллегам: «Я принимал В.М. Молотова, беседовал с ним. Он воспринял наше решение с большой радостью и чуть не прослезился. Молотов сказал, что это решение означает его второе рождение»⁴. Молотов со своей стороны рассказывал: «Когда я вошел, он вышел из-за стола навстречу, поздоровался за руку, и мы сели за длинным столом напротив друг друга. Он что-то сказал, но я плохо слышу, а он, бедолага, неважно говорит. И тогда он показал постановление. Я ему говорю: «Я же с 1906 года...» – А он говорит: «Вот в постановлении так и записано».

– Чтоб стаж сохранить?

– Да, да.

– У вас теперь самый большой стаж в стране – 80 лет в партии!

– Да уж...

– Такого ни у кого нет»⁵.

Такой партстаж в 1984 г. был для Молотова предметом гордости, но за три десятилетия до этого партстаж был политическим ресурсом. После смерти Сталина он был старейшим не только по возрасту, но и по пребыванию в партии членом Президиума ЦК. На следующем уровне руководства чуть больший партстаж был только у кандидата в члены Президиума ЦК Н.М. Шверника, который был большевиком с 1905 г. – почти то же самое. Дело было не только в цифрах – годом раньше, годом позже, важно было отсутствие колебаний. Настоящий коммунист должен был, раз ступив на стезю большевизма, с нее уже не сходить (и Молотов подчеркивал, что с ним было именно так). Это позволяло «давить авторитетом» во время дискуссий 1950-х гг., чем Молотов активно пользовался, представляя себя хранителем традиций старого большевизма после Сталина. Время от времени он подчеркивал это, демонстративно вмешиваясь даже в спор «Литературной газеты» и «Комсомольской правды» об отходе В.В. Маяковского от партийной деятельности. Дело было не в недостатке самоцензуры у литературных критиков и не в Маяковском. Раскритиковав «Литературку» и ее редактора К. Симонова за неправильное понимание проблемы партийности литературы, Молотов демонстративно разослал их полемику членам Президиума ЦК КПСС⁶. Мол, смотрите, кто тут эталон большевистской мысли.

К своему партстажу и неукошнительному следованию делу Ленина Молотов апеллировал и во время судьбоносной полемики на июньском пленуме ЦК, который знаменовал его падение с Кремлевского Олимпа: «Я состою в партии не первый десяток лет. И до революции, как и за все годы революции, я ни в каких группировках не участвовал, был всегда с Лениным, поддерживал его и был ленинцем. Я проводил неизменно на протяжении всей партийной жизни ту линию, которую проводит наша партия, которую проводили Ленин и ленинцы»⁷. Молотова

⁴ Пихоя 1998: 431.

⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева 1991: 530.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 32. Л. 47-50.

⁷ Молотов, Маленков, Каганович. 1998: 101.

перебивали, требовали не злоупотреблять этим. Но в 1984 г., восстановив в КПСС, новое партийное руководство признало его правоту – он был эталоном ленинца с 1906 г.

Если бы выяснилось, что это не так, да еще о колебаниях Молотова между марксизмом и Партией эсеров (ПСР) – у Молотова возникли бы серьезные проблемы не только в 1950-е, но и в 1920–1930-е гг. Такие колебания могли восприниматься как большой идеологический грех, хотя в обстановке начала века не считались таковым.

Между тем, об обстоятельствах вступления В.М. Скрябина (будущего Молотова) в РСДРП мы знаем только с его слов. Юношеская общественная деятельность Скрябина зарождалась в Казани, что происходило на глазах его друзей, в том числе А.Я. Аросева, который впоследствии писал биографию Молотова. А вот первого партсобрания, в котором по рассказу Молотова он участвовал, друзья не видели – это по словам Молотова произошло в Нолинске летом 1906 г. У нас нет весомых оснований считать рассказ Молотова выдумкой, но сами обстоятельства участия в партсобрании РСДРП в Нолинске документально не подтверждены. По словам Молотова, к марксизму его приобщали муж его двоюродной сестры Л. Чирковой (Кулеша) А. Кулеша и нолинский социал-демократ с псевдонимом Марков. Эти трое и пригласили юношу на собрание нолинской организации РСДРП, конспиративно собравшееся в лесу и обсуждавшее вопрос о выборах в Государственную думу. В Нолинске Л. Кулеша стояла на ленинской позиции бойкота выборов, а остальные члены РСДРП – за участие в них. В итоге обсуждения, в котором Скрябин не считал себя вправе принять участие, только слушал, победила меньшевистская точка зрения – в выборах участвовать. Скрябин вспоминает, что при голосовании воздержался (т. е. фактически не считал возможным в нем участвовать). Ему поручили обеспечить распечатать резолюцию и распространить ее по Нолинску. Уединившись в бане с печатной машинкой, он напечатал текст и затем разбросал листовки по городу⁸. В.А. Никонов комментирует этот рассказ деда: «Однако с этого собрания, в котором он принимал полноправное участие и поручение которого претворял в жизнь, Молотов и вел отчет своего членства в РСДРП. Да и как иначе могло фиксироваться членство? Ведь никаких партийных билетов или учетных карточек до 1917 г. не было и быть не могло. Для конспиративной группы какой-либо строгий учет смерти подобен»⁹. Билетов и карточек, конечно, не было, но прием в члены для конспиративной организации – важная процедура, чтобы можно было понять, на кого в какой степени можно рассчитывать. И никаких признаков приема Скрябина в члены партии и тем более полноправного участия в прениях в рассказе Молотова об этом собрании нет. Ему дали поручение как человеку, примыкающему к организации, не более того. Большевистское понимание членства в партии было сформулировано

⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева 1991: 128-129.

⁹ Никонов 2005: 55-56.

Лениным еще в 1903 г.: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций»¹⁰. Как известно, на II съезде РСДРП победила «меньшевистская» формулировка устава, предложенная Ю.О. Мартовым: «Членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий партии регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»¹¹. Нет никаких признаков ни постоянного личного участия Скрябина в нолинской организации РСДРП, ни даже регулярного личного содействия ей – его содействие было судя по всему одноразовым¹².

Так что, если Молотов все изложил как было и ничего не присочинил, можно считать, что в 1906 г. Скрябин примыкал к организации РСДРП в Нолинске. Тогда РСДРП объединяла большевиков и меньшевиков в своем составе, Скрябин примыкал, судя по его рассказу, внефракционно, хотя его единственное «партийное задание» того времени было продиктовано меньшевиками. Признаков его «примыкания» к этой организации в дальнейшем нет. Общественная деятельность Скрябина продолжалась в Казани, где с городской организацией РСДРП, судя по всему, он не контактировал (не по своей вине, разумеется – РСДРП переживала не лучшие времена, ютилась в подполье, а в январе 1909 г. казанский комитет РСДРП был разгромлен). Но энергия молодого революционера и его друзей направила их в другую сторону.

По версии начальника Казанского губернского жандармского управления полковника Калинина начало оппозиционной группе, в которую входил Скрябин, положил студент Казанского университета К.А. Белорусов. В конце 1908 г. он вел эсеровскую пропаганду среди рабочих Алафузовского завода и входил в горком партии эсеров, разгромленный жандармами 1 декабря. Однако накануне провала эсеры вывели Белорусова из комитета, потому что он «благодаря своей порывистости» плохо соблюдал конспирацию. В результате из этой эсеровской группы как раз он-то и остался на свободе. Продолжать прежнюю работу он не мог из-за потери связей (во всяком случае так это виделось жандармам). Но и сидеть без общественного дела порывистый Белорусов не мог. Через своего знакомого А. Карачевцева, также причастного к организации эсеров, он вышел на воспитанников среднетехнического промышленного училища и как старший товарищ организовал для них кружок, где продолжил пропагандировать революционные идеи. В эту группу вошли уче-

¹⁰ Ленин 1959: 256.

¹¹ Второй съезд РСДРП. Стенографический отчет: 425.

¹² А. Я. Аросев со слов Молотова излагал историю, о том, что «в Нолинске, в ссылке жил Васнецов, брат известного художника», который стал давать Скрябину революционные поручения и вовлек его в группу по изготовлению взрывчатых веществ (Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. 1989: 59). Применительно к биографиям братьев Аркадия и Александра Васнецовых это – чистая выдумка.

ники А. Чуприков, Н. Скоробогатый и А. Ковалев, с которым вместе жил Карачевцев. На их квартире и происходили «сборища» с участием нескольких учеников¹³.

2 марта 1909 г. кружок выбрал делегата в ЦК объединенных групп казанских средне-учебных заведений. Создать такой ЦК стало возможным благодаря тому, что группа Белорусова начала взаимодействовать с группой учеников 1-го Казанского реального училища. Лидером этой группы был В. А. Тихомирнов, который в 1908 г. окончил 1-е Реальное училище и теперь находится «под непосредственным влиянием Белорусова». Тот организовал выступления Тихомирнова перед рабочими, которых конспиративно собирали на беседы. Из «реалистов» в группу под руководством Тихомирнова входили В. Скрябин, М. Бедер, Н. Мальцев, М. Жаков, В. Баланов, Г. Лосанов. Скрябин стоял первым в списке, отмечалась его переписка с Пензенской организацией. Мальцев был делегатом в городской организации. В этом кружке жандармы констатировали наличие правильной организации, которой нет в других казанских группах. Ученики реалисты стали собирать деньги на политзаключенных, для чего даже организовали лотерею с книгами (правда, разыграть их не успели, но 200 лотерейных билетов по 25 копеек распространялись среди учеников Казани)¹⁴. Тихомирнов был сыном богатого домовладельца, после смерти которого получил солидное наследство. Судя по его последующей биографии и воспоминаниям о нем, он симпатизировал социал-демократии. Но это не значит, что во время своего политического становления он резко отделял себя от эсеров. Это касается и Скрябина, который идейно тяготел к РСДРП, но стремился к действию. А РСДРП таких возможностей не предоставляла. В.А. Никонов отрицает, что Тихомирнов находился под влиянием эсера Белорусова¹⁵. Но почему бы и нет? В той обстановке эсеры и социал-демократы общались и вполне могли влиять друг на друга, тем более на местном уровне. Белорусов был старше и причастен к серьезной организации. Полиция «выводит» организацию из деятельности Белорусова видимо потому, что он первым попал под наблюдение как причастный к опасной организации эсеров. По мнению полиции, руководителями оппозиционной группы в реальном училище были Скрябин, Бедер, Мальцев и Лосанов. Тихомирнов познакомился с ними в период учебы в училище. В 1909 г. состоялось объединение двух кружков в организацию, стремившуюся приобщить казанскую молодежь к революционной деятельности. На занятиях члены союза пропагандировали материализм, опровергая положения «Закона Божия» с помощью физики, а на занятиях по литературе и истории подводили под свои ответы критическую классовую базу, о чем потом с удовольствием вспоминал Аросев¹⁶.

¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 38-40.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-4.

¹⁵ Никонов 2005: 64, 67

¹⁶ Никонов 2005: 59.

В конце XIX – начале XX в. молодые революционные романтики действовали примерно одинаково: приходя к выводу, что мир устроен неправильно, объединялись в кружок, обсуждали теорию, писали уставочные документы, и, если их к этому времени не отправляли под арест, искали возможность распропагандировать окружающих, чтобы создать массовую организацию борьбы за свои идеалы, которые могли быть еще не сформулированы четко. А для этого нужно использовать легальные поводы, устанавливать конспиративные связи с другими революционно-настроенными группами, часто независимо от идейных различий. С ростом рядов возникает необходимость создания координационных или руководящих органов. Таким путем пошли и юные казанские революционеры. Скрябин написал устав Революционного союза низших и средних школ Казани, который помог придать контактам ученических кружков более серьезную, «взрослую» форму. В организации участвовало 4 кружка при реальном училище с 34 участниками, кружок техников с 8 участниками, 5 гимназистов 2-й гимназии. Также на кружки ходило 9 учащихся инородческой учительской семинарии¹⁷.

Тихомирнов и Скрябин со товарищи освоили навыки печатания листовок на гектографе (при аресте он будет найден у Тихомирнова¹⁸). Действовали конспиративно. Вячеслав получил свой первый псевдоним «Дядя». Он вел переписку с аналогичными кружками в Пензе и Елабуге, надеясь создать объединенную организацию. В переписке с представителями «Елабужской группы организации средней школы» обсуждался устав общей структуры. Елабужцы (среди них, возможно, был будущий советский хозяйственник В.М. Бажанов¹⁹) сообщали казанцам: «Теперь мы решили вести оживленные отношения с организациями других городов, потому что таким образом мы будем как бы оказывать поддержку друг к другу, а также приобретем сведения о жизни учащихся других городов»²⁰. Казанцы приглашались к сотрудничеству в журнале – вышло уже три номера и готовился четвертый. Елабужцы предлагали распространять журнал совместными усилиями: «издавать журнал в одном каком-нибудь городе, а потом отсылать по отпечатанному экземпляру в другие города для перепечатки»²¹. Скрябин подготовил ответ (он затем и был найден у него при обыске), в котором настаивал на сохранении единства елабужской организации, которая переживала организационные трудности, интересовался тем, что читают в кружках, каково влияние журнала, в каких учебных заведениях есть члены организации. Возможность участия в елабужском журнале Вячеслав фактически отклонил под предлогом того, что казанская организация скоро будет выпус-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 19-19 об.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

¹⁹ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии 1989: 61.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

кать свой. Достаточно обмениваться журналами. Вероятно, ему не хотелось, чтобы идейным центром их движения становилась Елабуга. От имени казанцев Скрябин предложил создать Всероссийский революционный союз средних и начальных школ с лозунгом «В знании и борьбе – сила и право»²². Лозунг скорее эсеровский, чем марксистский.

В старости Молотов так вспоминал об этой первой в своей жизни организации: «Мы туда допускали социал-демократов, эсеров и анархистов. Наша группа социал-демократическая, где я вроде лидера был, добилась в конце концов, что эсеров мы превратили в социал-демократов, а кой-кого пришлось и выбросить – редкие случаи, но были»²³. Конечно, не мог же ветеран-коммунист начинать борьбу в полуэсеровской организации. Однако, судя по документам, как раз эсеры превратили начинающих социал-демократов в сторонников своей партии. Письмо к елабужцам, содержание которого очевидно было согласовано с другими лидерами и отражало их коллективную позицию, Скрябин заканчивает словами, не оставляющими сомнений в идейно-политической ориентации союза: «Имеете ли связи с П.С.Р. орг. адрес для чего мы вам сообщим»²⁴. РСДРП не упоминается. Так что организация, в которой состоял Скрябин, ориентировалась не на социал-демократов, а на Партию социалистов-революционеров. Жандармы в дальнейшем считали организацию учащими эсеровской²⁵ и соответственно к ней относились.

Разгромив в декабре 1908 г. Казанский комитет ПСР, а примерно через месяц Казанский комитет РСДРП, жандармы взялись и за «подлесок», чтобы не подрос. Полковник Калинин принял решение провести обыски у 16-ти молодых людей, а Белорусова и Тихомирнова сразу арестовать²⁶. По месту жительства Скрябина обыск был произведен 21 марта. Обнаружили материалы союза, и 26 марта Скрябина пригласили на допрос, за которым последовал арест. Арестовали и его друзей Тихомирнова, Аросева и Мальцева. Все оказались в губернской тюрьме.

Было решено «по рассмотрении в особом совещании» В.М. Скрябина «как избличенного в принадлежности к революционной организации, подчинить гласному надзору полиции на два года, считая срок с 16 июля 1909 года в Вологодской губернии»²⁷. Аросева и Мальцева также приговорили к ссылке в Вологодскую губернию, а Тихомирнова – в Архангельскую. Вскоре его выпустят за рубеж. Скрябин тоже просился в эмиграцию, но его ходатайство Министр внутренних дел «оставил без последствий»²⁸.

Скрябин и Аросев оказались в Тотьме. Они решили бежать за границу. Аросеву побег удался, а вот Скрябина 15 октября по этапу отпра-

²² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. 19-19 об.

²³ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. 1991: 130.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. 19 об.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-4.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

вили в более строгую ссылку в Сольвычегорск. Там он продолжил курс самообразования, который окончательно превратил его в марксиста. От Тихомирнова из-за границы Мальцев и Скрябин получали подпольные большевистские издания, спрятанные в легальных посылках. С разрешения властей Скрябин и прибывший сюда же Мальцев сдали экстерном экзамены в Вологодском реальном училище. Теперь можно было, дождавшись завершения ссылки, поступать, в Санкт-Петербургский политехнический институт.

Скрябин и Мальцев осмелели и попробовали наладить контакты с рабочим классом. Вологда, конечно, не была мощным промышленным центром. Но важным «отрядом» рабочего класса России были железнодорожники. Их можно было найти даже в тех местах, где промышленность еще не была развита – в том числе в Вологде. Скрябин и Мальцев познакомились со слесарем Роговым, а через него – с другими путейцами. Но юные социал-демократы не очень доверяли рабочим и не стали привлекать их даже к распространению первомайских листовок, опасаясь провала. Массовостью паства вологодских социал-демократов не отличалась. 11 июня Скрябин должен был прочесть доклад на сходке, но она не состоялась, так как пришло всего несколько человек²⁹.

В листовке, написанной при участии Скрябина (он мог быть и основным ее автором) от имени РСДРП говорилось, что 1 мая «рабочие всех стран забастовками, тысячными демонстрациями, митингами пропагандируют пролетарский праздник». Рабочих призывали к борьбе за 8-часовой рабочий день. Листовка обличала «озверевших царских палачей»: «И теперь, едва только промышленность немного оживилась, и уже в больших городах вновь возникают союзы, учащаются забастовки, звучат настойчивые требования – новые бойцы берут избитое пулями красное знамя. Товарищи вологодские рабочие и работницы, поднимем и мы свои головы!... Идите в союзы, объединяйтесь в ряды Российской Социал-демократической рабочей партии! И пусть первым требованием на всех собраниях будет свобода всем политическим узникам царизма»³⁰. А там уж и за Учредительное собрание, и за социализм будем бороться. Начав с вполне реалистичной и интересной рабочим программы – создать в Вологде профсоюзы и начать борьбу за социальные права, за 8-часовой рабочий день – молодые социал-демократы затем потянули туда, куда интереснее им – к теме борьбы с политическими репрессиями, за Учредительное собрание, которое связано с борьбой за социализм. Это уже куда дальше от интересов рабочих того времени. Но во всяком случае в 1910 г. Скрябин и его товарищи позиционировали себя как социал-демократы. Однако они действовали вне связи с партийной организацией РСДРП.

Вологодские жандармы заметили связи Скрябина с железнодорожниками и, кстати, отмечали его хорошие организационные способ-

²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 230.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 134-137.

ности и знание социал-демократической литературы³¹. Прямо накануне завершения срока ссылки, в ночь на 15 июня 1911 г., у Скрябина произвели обыск. Но ничего компрометирующего не нашли³². Вячеслав был освобожден и покинул Вологду.

По дороге из Вологды Скрябин и Мальцев встретились под Саратовом со старым другом Тихомирновым, легально вернувшимся в Россию. Он рассказал о встречах с Лениным и планах выпускать большую социал-демократическую газету. Скрябин сможет принять в этом участие, оказавшись в столице. Успешно сдав экзамены в училище, он был без экзаменов зачислен в Петербургский политехнический институт.

Скрябин начал в 1911 г. сотрудничать в большевистской газете «Звезда», выходявшей сначала как еженедельник, а потом чаще. Руководил ей большевистский депутат Государственной думы Н.Г. Полетаев. Уже в письмах Скрябина из ссылки виден складный слог. Теперь можно было найти применение своим способностям и усовершенствовать их. В газете сотрудничали опытные марксистские авторы М.С. Ольминский и Н.Н. Батурин, а из начинающих подключились Скрябин, будущий красный флотоходец» Ф.Ф. Ильин (Раскольников) и Е.А. Придворов (будущий известный советский поэт Д. Бедный). В газете Скрябин вел хронику стачечной борьбы, обращался и к аграрному вопросу – статья «Голодный вопрос» вызвала гнев цензуры за то, что автор, скрывавшийся за псевдонимом А. Рябин, выводил причины голода из помещичьего землевладения и предлагал наделить крестьян землей без выкупа³³. Авторитету Скрябина в редакции могло способствовать и то, что в финансировании издания участвовал его друг Тихомирнов.

Таким образом, примыкая в 1906–1909 гг. то к социал-демократам, то к эсерам, с 1911 г. Скрябин (в будущем Молотов) стал вести постоянную работу в РСДРП, причем в ее большевистской фракции. Именно с этого времени его можно считать полноценным членом партии большевиков. При этом в 1908–1909 гг. Молотова можно считать активным участником революционного движения, так как Революционный союз низших и средних школ Казани был значимым явлением общественного движения губернии.

С этим сюжетом ранней биографии Молотова и становления большевизма тесно связан еще один, которого мы хотели бы кратко коснуться для полноты картины конструирования биографии видного коммунистического лидера, которое продолжалось и после смерти Молотова.

В январе 1912 г. на Пражской конференции большевики окончательно откололись от остальной РСДРП, провозгласив себя ее единственными преемниками. Было принято решение выпускать крупную ежедневную большевистскую газету. Ею станет «Правда». К организации новой газеты подключился бежавший из ссылки в ночь на 28 февраля и

³¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 229.

³² Никонов 2005: Кн. 1. С. 22-24.

³³ Никонов 2005: 111.

нелегально прибывший 13 апреля³⁴ в Петербург член большевистского ЦК И.В. Сталин. Он поселился у Полетаева, который имел депутатскую неприкосновенность, в т. ч. жилища. Здесь они с Полетаевым, Ольминским и Батуриным обсуждали запуск «Правды»³⁵. Туда по делам «Звезды» мог заходить Скрыбин. Впоследствии он вспоминал, что познакомился со Сталиным как раз в эти судьбоносные дни создания «Правды». Уже после смерти Сталина Молотов рассказывал, что впервые встретил его на конспиративной квартире у некоего зубного врача в присутствии Свердлова (дата не называется). При этом Молотов утверждал, что это было «перед выпуском «Правды», по некоторым основным вопросам говорили»³⁶. Внук Молотова вспоминает о его рассказе, как после этого Сталин ночевал у Скрыбина, и они обсуждали аренду помещения для редакции и выбор типографии³⁷. В этой версии Скрыбин предстает одним из ключевых создателей «Правды», можно сказать техническим организатором, работающим под мудрым сталинским руководством. Однако упоминание Свердлова сразу ставит молотовскую версию знакомства со Сталиным под сомнение – Яков Михайлович был до декабря в Нарымской ссылке. Так что втроем они могли встретиться только зимой, скорее всего в январе 1913 г., по возвращении Сталина из Кракова.

Сталин среди основателей «Правды» Молотова не называет, хотя мог бы – его воспоминания вышли в мае 1922 г., когда тот уже стал его ближайшим сотрудником. Даже Демьяна Бедного упомянул как соратника «Правды», а Скрыбина «забыл»³⁸.

В апреле 1912 г. Сталин был в столице на свободе недолго – с 15 по 22 апреля, находясь на квартире Полетаева. За это время он написал восемь статей, т. е. сидел в основном дома и работал. Квартира находилась под наблюдением, а Джугашвили – в розыске. Маловероятно, что он ходил в это время к зубному врачу и Скрыбину, тем более – со Свердловым. Известно, что Сталин вышел из депутатской квартиры 22 апреля (в день выпуска «Правды») и по одной из версий как раз к Скрыбину и направился. Но тут был вполне закономерно арестован³⁹. Скрыбин не пострадал, так как Сталин до него не дошел. Получается, что пути этих двух людей, имена которых теперь неразрывно связаны в истории, сошлись несколько позднее, и Скрыбин не играл такой важной роли в становлении «Правды», о которой рассказывал на склоне лет, и которая в результате стала как бы фактом его биографии.

Значение Скрыбина в издании «Правды» действительно стало значительным после ареста ответственного секретаря редакции Ильина 22 мая. На его место нужен был человек преданный и аккуратный. Скрыбин

³⁴ Островский 2002: 358-361.

³⁵ Сталин 1947: 130.

³⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева 1991: 241.

³⁷ Никонов 2005: 113.

³⁸ Сталин 1947: 130.

³⁹ Островский 2002: 362.

прекрасно подходил. Так он занял пост, который уже обеспечивал ему определенное место в истории большевизма, которое затем возрастало.

Ранняя политическая биография Молотова и ситуация в революционном движении Казани показательны: в это время в подпольной общественной среде разделение между партиями было условно. Молодые люди, борющиеся с самодержавием, открывали для себя новые идеи, устанавливали контакты в ситуации подполья, которые могли не полностью соответствовать их теоретическим склонностям, да и сами склонности были результатом взаимовлияния и смешения народнической традиции и марксистской тенденции. Различие между большевизмом и меньшевизмом только оформлялось в принципиальный раскол, который для многих активистов на местах не был очевиден вплоть до середины 1917 г. Однако то, что было нормально до 1917 года, становилось «компроматом» в 1920–1950-е гг. Это требовало конструирования биографий деятелей большевизма, с большим или меньшим успехом скрывавших и дописывающих эпизоды революционной борьбы. А затем эти поправки, пройдя через десятилетия, откладывались не только в официальной коммунистической «агиографии», но и в современной историографии XXI века. Этот диалог со временем коммунистических деятелей продолжается и после их ухода в историю.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Второй съезд РСДРП. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. [Vtoroj s'ezd RSDRP. Stenograficheskij otchet. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1959.].
- Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. Историко-биографический справочник. Составитель В.И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999. [Gosudarstvennaya vlast' SSSR. Vysshie organy vlasti i upravleniya i ih rukovoditeli. Istoriko-biograficheskij spravochnik. Sostavitel' V.I. Ivkin. M.: ROSSPEN, 1999.].
- Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. М.: Книга, 1989. [Deyateli Soyuzo Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Oktjabr'skoy revolyucii. Avtobiografii i biografii. M.: Kniga, 1989.].
- Ленин В.И. Сочинения. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. [Lenin V.I. Sochineniya. T. 7. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1959.].
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. [Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Stenogramma iyun'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty. M.: Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 1998.].
- Никонов В.А. Молотов: Молодость. М.: Вагриус, 2005. [Nikonov V.A. Molotov: Molodost'. M.: Vagrius, 2005.].
- Никонов В.А. Молотов. Наше дело правое. М.: Молодая гвардия, 2016. [Nikonov V.A. Molotov. Nashe delo pravoe. M.: Molodaya gvardiya, 2016.].
- Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., М.: Олма-пресс, 2002. [Ostrovskij A.V. Kto stoyal za spinoy Stalina? SPb., M.: Olma-press, 2002.].
- Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М.: Издательство РАГС, 1998. [Pihoya R. G. Sovetskij Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991. M.: Izdatel'stvo RAGS, 1998.].
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI).].
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI).].

Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1947. [Stalin I.V. Sochineniya. T. 5. M.: M.: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947.]

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Terra, 1991. [Sto sorok besed s Molotovym. Iz dnevnika F. Chueva. M.: Terra, 1991.]

Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б) 1917-1991. Историко-биографический справочник. Автор-составитель Ю.В. Горячев. М: Издательский дом Парад, 2005. [Central'nyj komitet KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b) 1917-1991. Istoriko-biograficheskij spravochnik. Avtor-sostavitel' YU.V. Goryachev. M: Izdatel'skij dom Parad, 2005.]

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Constructing the Biography of V. M. Molotov and the Case of the Revolutionary Union of Lower and Secondary Schools of Kazan 1909

The article is devoted to the construction of the early political biography of V. M. Molotov. His party membership since 1906 has been an important political resource and source of authority. When he was restored to the party in 1984, it was fundamentally important for V. M. Molotov that the party experience was restored since 1906, which made it a record. However, as shown in the article, V. M. Scriabin (Molotov) can be considered a member of the RSDLP (and then the CPSU) since 1911, and before that he was near the RSDLP or the esers. The circumstances of V. M. Molotov's participation in the creation of "Pravda" and acquaintance with I. V. Stalin are also distorted. This construction of the biography is characteristic of understanding the difference in the assessment of the proper and improper behavior of a revolutionary in the early twentieth century and in the 30s (and later). At the beginning of the century, in the underground social environment, the division between the parties was conditional. Young people established contacts in an underground situation that might not fully correspond to their theoretical inclinations, and the inclinations themselves were the result of mutual influence and mixing of the narodnik tradition and the marxist tendency. The difference between Bolshevism and Menshevism was only taking shape in a fundamental split, which for many activists on the ground was not obvious until mid-1917. However, what was normal before 1917 became "compromising material" in the 20-50s. This required constructing biographies of Bolshevik figures who, with more or less success, concealed and completed episodes of their revolutionary activities. And then these amendments, having passed through decades, were postponed not only in the official communist "hagiography", but also in the modern historiography of the XXI century.

Key words: V.M. Molotov, I.V. Stalin, K.U. Chernenko, Russian Social Democratic Workers' Party, Party of Socialist Revolutionaries, Bolsheviks, Mensheviks, Revolutionary Union of Lower and secondary schools of Kazan.

Alexander Vladlenovich Shubin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Д.А. МОРОЗОВ

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ В «СОЖЖЕННОМ РОМАНЕ» Я. Э. ГОЛОСОВКЕРА¹

В статье художественное произведение Я.Э. Голосовкера «Сожженный роман», впервые опубликованное в 1991 году, рассматривается в качестве реализации его оригинального философского проекта. С опорой на трактат Голосовкера «Имагинативный абсолют» и другие работы автор рассматривает, как ключевые философские сюжеты отразились в творчестве мыслителя: идея познания воображением, противопоставление *imaginatio* и *ratio*, связь культуры и «духа», роль «смыслообразов». В данной интерпретации «Сожженный роман», события которого происходят во второй половине 1920-х гг., предстает диагнозом кризиса культуры, который Голосовкер ставит эпохе. Особое внимание уделено тому, как «Сожженный роман» встраивается в интеллектуальный контекст. В частности, как эстетика «молчаливого» Христа объединяет романы Достоевского, Булгакова и Голосовкера.

Ключевые слова: *воображение, культура, кризис, Великий Инквизитор, Христос, Блок, Ленин.*

В седьмом выпуске журнала «Дружба народов» за 1991 год было опубликовано небольшое художественное произведение Якова Эммануиловича Голосовкера (1890–1967) под названием «Сожженный роман». События его происходят в Москве в канун и после Пасхи, предположительно в 1926 г. Это произведение, как и ключевые философские работы автора, увидели свет лишь после его смерти. Творческая судьба Голосовкера отразилась на истории осмысления его наследия, которое в полной мере началось лишь в период «перестройки». Деятельность автора была крайне разносторонней, но в настоящем исследовании он предстанет в первую очередь как мыслитель, а не литератор. Тема кризиса культуры проходит красной линией в его главном философском трактате «Имагинативный абсолют». В художественной форме Голосовкер созвучно выражает свое отношение к кризису и его конкретным проявлениям. Стоит показать, как он реализовал в «Сожженном романе» ключевые идеи своего философского проекта, и рассмотреть текст в качестве примера «философии-как-искусства». В рамках настоящего исследования представляют интерес не только размышления автора о судьбе культуры, но и встроенность его произведения в интеллектуальный контекст эпохи.

В небольшой автобиографической работе «Миф моей жизни» Голосовкер называет роман-поэму «Запись неистребимая» второй фазой личного мифа. Создание этого произведения он датирует 1925–1928 гг. «Миф моей жизни» написан в 1940 г. – после того, как Голосовкер вернулся из воркутинской каторги и обнаружил, что его рукописи (в т. ч. «Запись неистребимая») были сожжены перед смертью обезумевшим художником Беринговым, которому он их доверил: «Мне осталось толь-

---

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ко воображение – память, в которой живет мучительно то, чего уже нет и что безвозвратно»². Впереди его ждали повторная утрата рукописей в 1943 г. и реконструкция утраченного. Текст «Сожженного романа» является перерождением «Записи неистребимой». В сопроводительной статье «Пепел и алмаз» Н.В. Брагинская, подготовившая текст к публикации, рассматривает непростую историю его создания и пишет о таком приеме, как игра нулевым текстом, подчеркивая близость Голосовкера к романтикам³. Судьба автора, гибель его текстов позволили поэтизировать утраченное, подчеркнуть незавершенность, фрагментарность восстановленного, что отразилось и в новом названии. В том же выпуске журнала «Дружба народов» опубликована статья М.О. Чудаковой «Исус и Иешуа»⁴, посвященная интеллектуальному родству романов Булгакова и Голосовкера. Среди исследовательской литературы стоит отметить работу А. Графа⁵, в которой он обращается не только к Булгакову, но и к Достоевскому. «Сожженный роман» переведен на несколько иностранных языков. Особую ценность представляет статья немецкой переводчицы Л. Дебюзер «Воскрешение сожженной рукописи Голосовкера»⁶.

Начало «Сожженного романа» открывает время, место и лейтмотив произведения: «В апрельскую пасхальную ночь, в годы НЭПа, в Москве, из Психейного дома таинственно исчез один из самых загадочных психейно-больных, записанный в домовый книгу под именем Исус»⁷. Старинная церковь превращена в «Психейный дом», или «Юродом», в котором живут «духовидцы»: поэты, мыслители, философы. В «Мифе моей жизни» Голосовкер так характеризует свою эпоху: «Само слово “дух” стало непонятным»⁸. В «Сожженном романе» сказано, что в описываемые годы слово «дух» было не совсем приличным⁹. Возникает важный для немецкого романтизма образ автономной республики гениев. Тем не менее он пронизан иронией над романтическим идеалом, который был близок самому Голосовкеру: «дух» сохраняется лишь в огороженном от внешнего мира психейном доме, «республике юродомовцев»¹⁰.

Будучи переводчиком Гельдерлина, в одном из комментариев Голосовкер с чувством пишет, что идея о воображаемой гармонии природы, общества и искусства, а также романтическая мечта о славе немецкого поэта-мыслителя не реализовались: «Германия не возродилась. Высший человек не возникал, – и сознание Гельдерлина не выдержало»¹¹. Гений погружается в безумие, так как не смог преобразить культу-

² Голосовкер 2010: 441.

³ Брагинская 1991: 130–131.

⁴ Чудакова 1991.

⁵ Граф 1998.

⁶ Debüser 1992.

⁷ Голосовкер 1991: 96.

⁸ Голосовкер 2010: 447.

⁹ Голосовкер 1991: 97.

¹⁰ Голосовкер 1991: 104.

¹¹ Голосовкер 2010: 395.

ру. В.К. Зелинский, следуя формуле Мережковского, называет Гельдерлина, Ницше и кентавра Хирона «вечными спутниками» Голосовкера, с которыми он разделит их конец¹². «Абсолютно свободных духовидцев» из республики «Психейного дома» также стоит включить в список «вечных спутников». Для Голосовкера «Сожженный роман» стал трагически-пророческим произведением, на что справедливо указала Н.В. Брагинская¹³. Описанный им «психейный дом» стал и его средой в конце жизни. Автобиографический сюжет задает важную грань понимания «Сожженного романа», однако стоит вернуться к теме кризиса.

Как Голосовкер осмысляет «дух» и культуру? Он понимал себя в первую очередь как мыслителя, «философа-систематика». В трактате «Имагинативный абсолют» Голосовкер предложил свой вариант решения конфликта природы и культуры, эта проблема была актуальна для немецких романтиков. Его концепция предполагает, что в природе человека есть низшие инстинкты, вегетативный и сексуальный (олицетворяют временность), а также высший инстинкт, живущий в воображении и стремящийся к постоянству, бессмертию. Высший инстинкт и есть имагинативный абсолют, побуд к творчеству, созданию имагинативной реальности, то есть реальности культуры. Таким образом, «дух» понимается как «устремление к постоянству, к формам культуры»¹⁴. Инстинкт культуры присутствует в каждом человеке, но в ком-то он более развит: «Он воплощает свой порыв к бессмертию в свое бессмертное творение, работая одной силой воображения»¹⁵. Ярчайшими носителями *imagina* в истории культуры Голосовкер называет Ницше, Гельдерлина («вечных спутников»), Достоевского, Платона.

Имагинативному абсолюту противостоят не только низшие инстинкты, но и другое начало – *ratio*, олицетворяющее рассудочное, отвлеченное и формальное мышление. В русской философии сформировалась традиция борьбы с «*ratio*», в своей концепции Голосовкер продолжает ее. Генезис *ratio* и *imaginatio* четко им не проговаривается, однако на основании их противопоставления он создает учение о двух потоках в истории мысли: «философия-как-наука» (его примеры: Кант, Фихте) и «философия-как-искусство». Помимо «вечных спутников», ярких носителей имагинативного абсолюта и самого Голосовкера в поток «философия-как-искусство» следует включить «духовидцев» из автономной республики юродомовцев.

Противопоставление формального *ratio* и живого *imaginatio* присутствует в тексте «Сожженного романа». Когда из «Психейного дома» пропадает автор таинственной рукописи, между духовидцами и возглавлявшим «Юродом» психиатром возникает спор: является ли описанный им в рукописи побег героя «поэтическим вкладом воображения» или

¹² Зелинский 2017: 148.

¹³ Брагинская 1991: 129.

¹⁴ Голосовкер 2010: 97.

¹⁵ Голосовкер 2010: 42

«бредовым воображением»¹⁶. На последнем варианте настаивает психиатр – здравомыслящий «логик». Голосовкер обвинял поток «философия-как-наука» в том, что его представители пренебрегали воображением, считали его источником гносеологических проблем, «всех познавательных грехов»¹⁷. Подобная историко-философская оценка справедлива далеко не ко всем мыслителям, которых он причисляет к этому потоку. В проекте Голосовкера воображение предстает в качестве творческой живой силы, чьи познавательные способности превосходят отвлеченный рассудок. Можно утверждать, что в указанном споре за поэтический, творческий вклад воображения выступают не только духовидцы (герои романа), но и сам автор. В «Мифе моей жизни» он пишет, что современный кризис «духа» (побуда к культуротворчеству) обусловлен не только «обнажением» низших инстинктов, но и усилением роли «логического механизма рассудка» (*ratio*), стремящегося дать «свою машинообразность в качестве руководства инстинкту»¹⁸. Подразумевается высший инстинкт – имагинативный абсолют.

После исчезновения автора его рукопись (артефакт культуры) становится центром повествования и называется с большой буквы. В психейном доме появляется художник-маринист, который её сжигает. После этого события «безумец» и «преступник» умирает. Автобиографические параллели с сожженными рукописями самого Голосовкера, которые он доверил живописцу Берингову, кажутся закономерными. Н.В. Брагинская поднимает вопрос о том, был ли указанный эпизод в «Записи неистребимой» (тогда это пророчество), или он появляется только в «Сожженном романе» после событий в жизни самого автора?¹⁹ К сожалению, текст «Записи неистребимой» не доступен для исследования, поэтому вопрос остается интеллектуальной загадкой.

С утратой рукописи связан ключевой философский сюжет: идея познания воображением²⁰. В своем проекте Голосовкер хотел открыть логику воображения, сформулировать имагинативные законы. Если у воображения есть единая логика, то носители высшего инстинкта культуры могут восстановить утраченное. Голосовкер не только разрабатывал философскую концепцию, но и применял ее на практике. Ярким примером являются его «Сказания о титанах», которые он называл «самостоятельным художественным произведением, а не переложением»²¹. От мифов о титанах осталось крайне мало сведений, но Голосовкер реконструирует то, что создано воображением греков три тысячи лет назад. Такой же реконструкцией занимаются герои «Сожженного романа», «духовидцы», образовавшие редакционную комиссию по восстановлению рукописи:

¹⁶ Голосовкер 1991: 98.

¹⁷ Голосовкер 2010: 102.

¹⁸ Голосовкер 2010: 447.

¹⁹ Брагинская 1991: 129.

²⁰ Голосовкер 1991: 104.

²¹ Голосовкер 1993: 6.

«Психейно-больных охватил тот высокий восторг, который создал человеку искусство и предугадал величайшие идеи знания»²².

От предыстории восстановленной рукописи следует перейти к её содержанию, «Видению отрекающегося» (Часть 1). В «Сожженном романе» затрагивается не только актуальная для романтизма тема безумия, но и лейтмотив двойничества. Видение начинается с того, что с церковной фрески (артефакт культуры) сходит Иисус: «Они стояли друг против друга: Иисус в белом покрове и Орам в белом больничном халате [...] оба – одного роста, одного возраста»²³. Дальнейший диалог двойников представляет интерес в контексте философской концепции Голосовкера. Одна из аксиом его проекта предполагает, что культура живет исключительно в моральном измерении²⁴. Мыслитель вводит два неологизма: культуримагинации (абсолютные ценности культуры) и смыслообразы (их конкретные воплощения в живых образах культуры). Нравственное начало в культуре амбивалентно, т.е. в ней одновременно присутствуют позитивные и негативные образы совершенства. К примеру, Иуда предстает в образе «совершеннейшего предателя»²⁵. Роман можно проинтерпретировать как разъяснение о другом смыслообразе – образе Христа.

Перед содержательным рассмотрением диалога Орама и Иисуса необходимо обратиться к теме, которую Е.Б. Рашковский назвал «щекотливой». Религиозные воззрения самого Голосовкера и его отношение к христианству представляют интеллектуальное затруднение. Рашковский с опорой на интерпретацию «Сожженного романа» о Георгием Чистяковым стремится представить его автора в качестве «неортодоксального», но все же христианского мыслителя²⁶. Подобный подход вызывает возражения, если мы обратимся к философскому трактату «Имагинативный абсолют», который Голосовкер считал «все завершающим». В разделе 4.3 «Одно возражение» он отвергает право мыслителя на метафизическую проблему, т.е. отказывается от потустороннего, трансцендентного измерения²⁷. Примечательно, что Голосовкер отвергает и то, что в своей философии он воспроизводит кредо немецких романтиков, также называя их метафизиками. Тем не менее романтические мотивы сильны в его творчестве (это прослеживается и в «Сожженном романе»: республика гениев, темы безумия, двойничества), поэтому его самописание не всегда выглядит убедительным. Стоит показать, почему Голосовкера нельзя назвать христианским мыслителем исходя из установок его философии.

В контексте культуримагинаций (ценностей культуры) вопрос о Боге занимает особое положение. Голосовкер утверждает, что понятие «Бог» стало синтезом всех абсолютных культурных ценностей, и с опорой на аргументационный ход Фейербаха пишет: «Он (примеч. - *имаги*

²² Голосовкер 1991: 104.

²³ Голосовкер 1991: 106.

²⁴ Голосовкер 2010: 178.

²⁵ Голосовкер 2010: 40.

²⁶ Рашковский 2017: 22–24.

²⁷ Голосовкер 2010: 84.

нативный абсолютом) раздевается, чтобы одеть своими одеждами бога»²⁸. Высший инстинкт культуры, живущий в воображении человека, занимает центральное положение. В другом месте он утверждает, что, к примеру, «идеи» Платона тоже являются порождениями имагинативного абсолюта²⁹. Принципиальный антропологизм и отказ от трансцендентного стоит назвать ключевыми характеристиками его мысли. Словосочетание «бытие Бога» в имагинативной философии синонимично «бытию культуры» (это *realiora* – подлинная реальность). Сила имагинативного абсолюта предстает безграничной, а высший инстинкт затеяет его носителей. Однако Голосовкер фиксирует эпоху кризиса культуры, а его художественное произведение предстает своеобразным диагнозом кризиса. В заочном споре с Рашковским о «щекотливой теме» стоит скорее согласиться с мнением Н.В. Брагинской, которая пишет о *безрелигиозном* обожествлении культуры: «...она (*примеч. культура*) свободна, она бессмертна и дает бессмертие, она – творческое начало и цель творчества»³⁰. Итак, автора «Сожженного романа» нельзя назвать христианским (в религиозном смысле) мыслителем, однако образ Христа играет решающую роль в его примере «философии-как-искусства».

Диалог двойников предстает как обращенный к Иисусу монолог Орама. Его ключевая идея – в том, что за 2000 лет христианская культура так и «не сумела истребить зла добром». Орам говорит о новой Идее с большой буквы, которую привносят истребители христианской любви, «знающие-от-ума» (снова критика *ratio*). Теперь человечество одержимо следующей Идеей: «Если зло не истребимо добром, то нельзя ли зло истребить злом?»³¹ Орам называет выражением этой Идеи «государство», ее носители экспроприировали идеалы человечества: «Они готовы терзать, убивать, уничтожать тысячи и миллионы людей, якобы мешающих им любить человека и основать царство одних только любящих друг друга»³². В философских работах Голосовкера нет размышлений о природе власти и других политических вопросах. Эпизод «Сожженного романа», в котором прослеживается критика государства и, по всей вероятности, именно советского государства, представляет исследовательскую ценность. Следует учитывать, что Орам и Иисус – персонажи художественного произведения, поэтому полностью отождествлять их реплики с позицией Голосовкера как мыслителя было бы ошибкой. Однако критика Идеи государства и экспроприации человеческих идеалов «знающими-от-ума» встраивается в «диагноз эпохи», который устанавливает мыслитель: царствуют низшие инстинкты и *ratio*, а высший инстинкт подавлен, «система идеалов (*примеч. культуримагинаций*) рухнула». Несмотря на такой «диагноз», культура еще жива. Как это возможно?

²⁸ Голосовкер 2010:39.

²⁹ Голосовкер 2010: 46.

³⁰ Брагинская 1993: 133.

³¹ Голосовкер 1991: 107.

³² Голосовкер 1991: 109.

Орам говорит о том, что полной реализации Идеи «гуманности XX века» мешает образ совершеннейшего человека: «[...] идея тебя, Иисуса, Спасителя человеков, самый идеал "совершеннейшего-в-любви" еще живет в сознании культуры и мешает осуществить новую высокую цель: истребить зло злом»³³. Смыслообраз Христа становится камнем преткновения, живущим в сознании культуры. Этот идеал совершенства уничтожить «не в силах никакая наука». Голосовкер критиковал *ratio*, науку и в особенности технику за то, что ее продукт находится *вне* сферы морали, «её развитие может принести любое добро и любое зло»³⁴. Напомню, что, согласно его философской аксиоме, культура живет исключительно в нравственном измерении. В своей критике технической цивилизации он продолжает традицию, идущую от Шпенглера, Бердяева, но интерпретирует её через оптику своего имагинативного проекта. Следует выдвинуть тезис: для Голосовкера Христос важен не как Богочеловек (религиозный фактор), а в качестве живого образа культуры, олицетворяющего нравственный идеал совершенства. Культура находится в кризисе, доминирует новая «Идея», лучшие носители высшего инстинкта заточены в «психейном доме», но культура жива, потому что еще живы в сознании людей её смыслообразы.

Образ Иисуса мешает победе Идеи, начинается эпизод «искушения». Орам призывает Иисуса отказаться от любви к человечеству и разрушить смыслообраз, т. е. совершить зло: «убить любовью свою любовь – убить не символически, а фактически»³⁵. Иисус отказывается от ножа, который предлагает ему Орам. Саморазрушения сошедшего с неканонической фрески смыслообраза не происходит. Примечательно, что, по Голосовкеру, реальность обожествленной культуры действительно бессмертна, такому бессмертию («бытию») он противопоставляет временное существование, движимое низшими инстинктами: «Их смерть (*примеч. Бориса Годунова и Гамлета*) на сцене бессмертна в культуре (а не в истории), ибо она обладает имагинативным бытием»³⁶. В «Сожженном романе» мыслитель развивает эту идею и указывает, что единственный способ уничтожить смыслообраз – саморазрушение, от него Иисус отказывается. В следующую ночь, в страстную субботу, он снова сходит с фрески. Понимая, что его речь не оказала эффекта, Орам отправляет Иисуса убедиться в том, что тот больше не нужен человеку. Далее начинается вторая часть рукописи под названием «Запись неистребимая (изнанка)», в которой описываются четыре эпизода странствий Иисуса по Москве.

Перед второй частью есть небольшое отступление, написанное редакцией «городомовцев». В заметке поднимается вопрос о столкновении реального и идеального: чьи странствия описываются? Сбежавшего автора рукописи или художественного героя под именем Иисус? Голосовкер

³³ Там же.

³⁴ Голосовкер 2010: 178.

³⁵ Голосовкер 1991: 110.

³⁶ Голосовкер 2010: 190.

сближает сферу воображаемого и действительного и не дает ответа, используя игру двойственности в качестве приема. Подробный пересказ сюжета четырех эпизодов не представляет интереса в контексте настоящего исследования, ориентированного на философское осмысление «Сожженного романа». Четыре сюжета отвечают на общий вопрос о нужности или ненужности Иисуса. Во всех случаях он проявляет любовь, сострадание, готовность пожертвовать собой, чтобы помочь ближнему. Однако Иисус получает отказ или непонимание со стороны людей, которые находятся в сложных обстоятельствах. В ходе анализа стоит обратить внимание на первый и четвертый эпизоды в связи с речью Орама и кризисом культуры. Перед этим необходимо показать встроенность «Сожженного романа» в интеллектуальный контекст эпохи.

Некоторые авторы справедливо указывают, что в диалоге Орама и Иисуса переосмыслиется поэма о «Великом инквизиторе» из романа Достоевского «Братья Карамазовы». К примеру, немецкая переводчица и исследовательница Лола Дебюзер уделяет этому вопросу большую часть своей статьи, посвященной «Сожженному роману». Голосовкер действительно был внимательным читателем романа, в опубликованной при жизни книге «Достоевский и Кант» он размышляет о «Братьях Карамазовых» и «Критике чистого разума». Примечательно, что в этой работе тема «Великого инквизитора» затрагивается лишь косвенно. Речи Орама и инквизитора объединяют попытка «искушения» и убеждение Христа в его ненужности. Дебюзер развивает идею о «русском Фаусте», Иване Карамазове, в душе которого одновременно сталкиваются вера и неверие, любовь и бунт, Иисус и инквизитор³⁷. Орам в своем монологе тоже одновременно восстает и любит своего двойника Иисуса: он понимает ценность смыслообраза в сознании культуры, но предлагает ему путь саморазрушения, чтобы Идея могла победить.

Ивана Карамазова и Орама объединяет и то, что изложенные ими идеи содержат в себе внутреннее противоречие. Алеша Карамазов, выслушав поэму брата, восклицает: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того»³⁸. Схожий «обратный эффект» возникает при чтении речей Орама. Он говорит об Идее «победить зло злом», однако сам воспринимается как сочувствующий Иисусу критик этой Идеи, а не ее сторонник. В своей философии Голосовкер фиксирует кризис культуры, а в художественном произведении его критика современности раскрывается в полной мере. Значимое отличие от Достоевского состоит в том, что Голосовкер написал трактат «Имагинативный абсолюте», который можно использовать в качестве конкретного *философского* ключа к пониманию его художественных произведений, «философии-как-искусства». В случае с произведениями Достоевского такой возможности нет, из-за чего спектр интерпретаций его романов крайне широк.

³⁷ Debüser 1992: 119.

³⁸ Достоевский 1991: 335.

Сам Голосовкер считал, что ключевая идея «Братьев Карамазовых» заключается в антиномичности, способности принять противоречия. В отличие от Флоренского он не рассматривает антиномизм в религиозной сфере, что возвращает нас к спору с Рашковским о «щекотливой теме». Голосовкеру важно само переживание антиномизма³⁹: на принятие противоречий способно воображение, но не *ratio*. Если развивать данную концепцию, то сама культура антиномична, так как в ней живут одновременно позитивные и негативные смыслообразы (к примеру, Иисус и Иуда). Автора «Сожженного романа» нельзя причислить к т. н. «русской религиозной философии», но он встроен в отечественную интеллектуальную традицию в своей критике *ratio* и особом внимании к антиномизму.

Первый эпизод странствий посвящен тому, как Иисус на рассвете приходит в тюрьму к анархисту, приговоренному к смерти. После диалога, в котором Иисус занимает молчаливую позицию, он хочет подменить анархиста, пожертвовав собой. Приговоренный к смерти отказывается от подобного плана и критикует Иисуса за «самопожертвования ягненка»: «Уйди! Ты не нужен мне такой. Ненужный ты! Ненужный! Прочь! Прочь! Прочь!»⁴⁰ Снова подчеркивается ненужность смыслообраза, Иисус оставляет смертника. Дебюзер считает, что анархо-террорист становится другим Я Орама, и видит отсылку к «Бесам» Достоевского, который взял идею об уничтожении Бога у теоретика анархизма Бакунина⁴¹. Подобная интерпретация не получила дальнейшего развития, ее обоснованность проблематична. Гораздо более продуктивной кажется идея Дебюзера о том, что Голосовкер в романе сравнивает свою эпоху с планом Великого Инквизитора⁴². В «Братьях Карамазовых» инквизитор просит Иисуса уйти и не мешать, в эпоху Голосовкера окончательной победе новой «Идеи» мешает лишь образ Иисуса в сознании культуры.

В критике идеи «государства» и «знающих-от-ума» экспроприаторов «живой любви» прослеживается отношение Голосовкера к советской эпохе. Возможно, он согласился бы с формулой «новая религия без Бога», но под «Богом» в его случае стоит понимать реальность культуры. Напомню, что «Сожженный роман» был опубликован лишь в 1991 г.

Во втором эпизоде странствий Иисус пытается защитить девочку, а в третьем – девушку от проявлений «низших инстинктов», но его помощь вызывает непонимание и противоположную реакцию. Иисус – художественный герой Голосовкера, за которым стоит образ Христа.

В статье «Точка зрения “адвоката дьявола”» С. С. Аверинцев отмечает парадоксальность образа Христа в поэме «Великий инквизитор». Иисус предстает безмолвным, нежным, робким мечтателем, чье «молчание приобретает какие-то психологические качества сновидения; атмо-

³⁹ Голосовкер 2010: 366.

⁴⁰ Голосовкер 1991: 116.

⁴¹ Debüser 1992: 123.

⁴² Debüser 1992: 121.

сфера, совершенно неизвестная Евангелию»⁴³. Аверинцев фиксирует противоречие с народными верованиями о Христе и с русскими традиционными иконами, на которых он предстает «неизменно суровым». В образности Христа Голосовкер следует за Достоевским, данная выше характеристика актуальна и для Иисуса «Сожженного романа». Более того, слова Аверинцева об атмосфере сновидения получают новый смысл в контексте того, что Голосовкер называет Иисуса «видением-в-белом»⁴⁴. Также стоит отметить, что Иисус сходит с фрески, на которой изображение Явления воскресшего Христа «отнюдь не отвечало каноническому Евангелию»⁴⁵.

Тему молчаливого Христа продолжает А.Б. Шишкин в статье «“Легенда о великом инквизиторе” в истолковании Вяч. Иванова», где он реконструирует доклад, прочитанный Ивановым в 1938 г. В 1930-х Иванов занял критическую позицию по отношению к поэме и считал, что отождествление евангельского Христа и Христа поэмы – серьезная ошибка⁴⁶. В частности, возражение вызывал поцелуй Христа инквизитору, «непростительная вещь в художественном смысле», потому что Христос не целует – целуют его. В произведении Голосовкера Иисус никого не целует, но принцип ослабления божественного, о котором пишет Шишкин, актуален и для «Сожженного романа». Иисус предстает молчаливым, слабым и даже ненужным. Голосовкер не претендует на евангельский образ и открыто указывает на неканоничность. Аверинцев и Шишкин отмечают, что подобная эстетика Христа свойственна и роману Булгакова «Мастер и Маргарита». Произведение Голосовкера не рассматривается в их исследованиях, однако образы Иисуса Достоевского, Иешуа Булгакова и Иисуса Голосовкера однозначно встают в один ряд. Шишкин воспроизводит финальный аргумент Иванова: непосредственный автором поэмы о «Великом инквизиторе» является «бестолковый писатель» Иван Карамазов, а не Достоевский, что лишь подчеркивает его литературное мастерство⁴⁷. По такой логике иерусалимские главы написаны Мастером, а не Булгаковым; сожженная рукопись создана таинственным автором, а не Голосовкером. Использование рамочной структуры и тема безумия у внутритекстовых «авторов» объединяют три произведения. «Поздний» Иванов настроен излишне критично к обновленной образности «ослабленного» Христа, интеллектуальная тенденция к которой прослеживается в трех романах. Нужно отметить, что в 1938 году Иванов не мог быть знаком с произведениями Голосовкера и Булгакова.

Близость «Сожженного романа» и «Мастера и Маргариты» – отдельный сюжет, который подробно рассматривает М.О. Чудакова в статье «Иисус и Иешуа». Эта статья была опубликована в том же номере

⁴³ Аверинцев 1994: 5.

⁴⁴ Голосовкер 1991: 112.

⁴⁵ Голосовкер 1991: 98.

⁴⁶ Шишкин 2011: 538.

⁴⁷ Шишкин 2011: 542.

«Дружбы народов», что и произведение Голосовкера. Между двумя произведениями множество смысловых и сюжетных параллелей: «психейный дом», горящая рукопись, роман о Христе, рамочная конструкция, место действия – Москва и т. д. Стоит обратить внимание, что история дважды сгоревшего текста Голосовкера дополняет его содержание и поновому раскрывает фразу «рукописи не горят» из романа Булгакова. Чудакова не исключает возможность знакомства Булгакова с рукописью Голосовкера, которая могла оказать определенное влияние. Однако она справедливо отмечает, что прочесть эти произведения в обратном порядке (в силу истории их публикации) уже не получится⁴⁸. В настоящее время «Сожженный роман» действительно остается в тени «Мастера и Маргариты», хотя произведения интеллектуально близки и созданы в схожей творческой атмосфере. Возможно, настоящее исследование поможет реактуализации произведения Голосовкера.

Четвертый и заключительный эпизод странствий Иисуса носит название «Человек на стене». Напомню, что описываемые события происходят через несколько лет после смерти Ленина. По сюжету в Москве возникают слухи о том, что «Сам» (подразумевается покойный Ленин) иногда гуляет по Кремлевской стене. Под вторую пасхальную ночь часовые увидели на стене «человека-в-белом», это был вновь вышедший из Юродома на испытания Иисус. Часовые узнали этот образ, кричали ему «стой!» и были готовы стрелять. Закатное солнце освещает Иисуса, в результате чего возникает особый эффект: «На стене стоял Красный Иисус». Он поднимает руки: «Казалось, что не закат, а эти истерзаннные ладони заливают кровью Кремль»⁴⁹. Роман заканчивается тем, что Иисус резко уходит, раздается выстрел, но часовые уже никого не находят на стене. Чудакова акцентирует внимание на замене образа Христа культом Ленина, который оформлялся в тот исторический период⁵⁰. Дебюзер также отмечает, что культ Ленина после его смерти принял невообразимые масштабы: «[...] идеи великого инквизитора начинают все сильнее захватывать человеческие сердца»⁵¹. Произведение Голосовкера с его символичным финалом можно интерпретировать как реакцию на данные процессы. Если возвращаться к философской оптике, то в «Сожженном романе» он показал, как живущий в культуре смыслообраз искусственно подменяется «Идеей» и культом Ленина, в результате чего Иисус оказывается непонятым и ненужным. Заключительный эпизод носит апокалиптический характер и завершает «диагноз кризиса», который Голосовкер ставит своей эпохе.

Продолжая тему интеллектуального контекста, следует сказать о влиянии творчества Александра Блока на «Сожженный роман», на что обращает внимание ряд исследователей. К примеру, А. Граф восприни-

⁴⁸ Чудакова 1991: 141.

⁴⁹ Голосовкер 1991: 128.

⁵⁰ Чудакова 1991: 139.

⁵¹ Debüser 1992: 133.

мает роман Голосовкера в качестве ответа на поэму Блока «Двенадцать». Ключевым сюжетом снова становится образ Христа. Если в финале поэмы «Двенадцать» Иисус (у Блока тоже «Иисус») идет вместе с красногвардейцами, то в романе Голосовкера они уже стреляют в него⁵². К середине 1920-х гг. стало понятно, что революционная романтика, или «музыка революции», Блока не оправдала себя, «Сожженный роман» лишь фиксирует это. Интересно, что образ Иисуса с «нежной поступью надвьюжной» и «в белом венчике из роз» встраивается в эстетику неканоничного «ослабленного» Христа, о которой говорилось выше. Духовный мир Блока близок Голосовкеру, в своем произведении он цитирует стихотворение «Скифы»⁵³. Можно утверждать, что Блок в представлении Голосовкера был одним из «духовидцев», ярким носителем имажинативного абсолюта. Поэт не застал процессы, которые начались после смерти Ленина и далее в 1930-х гг. Воркута, утрата рукописей, невозможность публикации и ощущение кризиса культуры художественно отразились в «Сожженном романе».

Несмотря на апокалиптический финал произведения, который коснулся и его автора: в конце жизни он разделил судьбу своих героев, философия Голосовкера не является абсолютно трагической, в ней есть надежда. Да, за пределами «психейного дома» царствуют низшие инстинкты и *ratio*, «само слово “дух” стало непонятным», ключевые смыслообразы кажутся ненужными, однако они еще живы в сознании культуры. Голосовкер выступает *дейтельным* защитником и хранителем культуры, создавая с помощью имажинативного абсолюта пример «философии-как-искусства» даже в период кризиса. При этом он сохраняет интеллектуальную традицию, отражая в своем творчестве духовный мир немецких романтиков, Достоевского, Блока. Философское наследие Якова Эммануиловича, открытое чуть более 30 лет назад, дает пространство для рефлексии о судьбе отечественной мысли, современном состоянии культуры и её *живых* смыслообразях.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С. Точка зрения «адвоката дьявола» / Искусство кино, № 4, 1994, С. 3–6 [Averincev S. Tochka zreniya «advokata d'yavola» / Iskusstvo kino, № 4, 1994, S. 3–6]
- Брагинская Н.В. Пепел и алмаз. М.: Дружба народов”, 1991, № 6. С. 129–135 [Braginskaya N.V. Pepel ialmaz. M.: Druzhiba narodov”, 1991, № 6, S. 129–135].
- Брагинская Н.В. О Голосовкере // Символ. - Париж, 1993, № 29. С. 129–134. [Braginskaya N.V. O Golosovkere // Simvol. - Parizh, 1993, № 29. S. 129–134.].
- Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 499 с. [Golosovker Ya.E. Izbrannoe. Logika mifa. M.; SPb.: Centr gumanitarny'x iniciativ, 2010. 499 s.].
- Голосовкер Я.Э. Сожженный роман. М.: Дружба народов, № 7, 1991. С. 96–142 [Golosovker Ya.E. Sozhzhennyj roman. M.: Druzhiba narodov, № 7, 1991. S. 96–142].
- Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М.: Высшая школа, 1993. 320 с. [Golosovker Ya.E. Skazaniya o titanah. M.: Vy'sshaya shkola, 1993. 320 s.].
- Граф А. «Сожженный роман» Я. Э. Голосовкера в контексте «Легенды о великом инквизиторе» и романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Slavica Ter Gestina, 1998, № 6.

⁵² Граф 1998: 140.

⁵³ Голосовкер 1991: 101.

- S. 126–144 [Graf A. «Sozhennyj roman» Ya. E'. Golosovkera v kontekste «Legendy» o velikom inkvizitore» i romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita», Slavica Ter Gestina, 1998, № 6. S. 126–144].
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Ч.1-2. – М.: Правда, 1991. 416 с. [Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy'. Roman v chetyr'ech chastyax s e'pilogom. Ch.1-2. – М.: Pravda, 1991. 416 s.].
- Зелинский В.К. Между титаном и вепрем. Памяти Я.Э. Голосовкера // Яков Эммануилович Голосовкер / Под ред. Рашковского Е.Б. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 117–156 [Zelinskij V.K. Mezhdru titanom i veprem. Pamyati Ya.E'. Golosovkera // Yakov E'mmanuilovich Golosovker / Pod red. Rashkovskogo E.B. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2017. С. 117–156].
- Рашковский Е.Б. Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека / Яков Эммануилович Голосовкер / Под ред. Рашковского Е.Б. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 7-40 [Rashkovskij E.B. Yakov E'mmanuilovich Golosovker: filosofiya v poiskax cheloveka / Yakov E'mmanuilovich Golosovker / Pod red. Rashkovskogo E.B. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2017. С. 7-40].
- Чудакова М. О. Иисус и Иешуа. М.: Дружба народов. 1991. №7. С. 135–141 [Chudakova M. O. Iisus i Ieshua. M.: Druzhiba narodov. 1991. №7. S. 135–141].
- Шишкин А.Б. «Легенда о Великом инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) / Культурный палимпсест: сборник статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб: Наука, 2011. С. 534–543 [Shishkin A.B. «Legenda o Velikom inkvizitore» v istolkovanii Vyach. Ivanova (1938) / Kul'turnyj palimpsest: sbornik statej k 60-letiyu V. E. Bagno. Spb: Nauka, 2011. S. 534–543].
- Debüser L. Die Aufersehung von Golosowkera verbranntem Manuscript / Lola Debüser / Jesus verläßt Moskau: ein verbranntner Roman / Jakob Golosovker. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1992. S. 111-135

Морозов Даниил Антонович, стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); dmorozov@hse.ru

The Crisis of Culture in «The Burnt Novel» by Ya. E. Golosovker

The article considers the artistic work by Ya.E. Golosovker «The Burnt Novel», first published in 1991, as an implementation of his original project of philosophy. Author, relying on the treatise «Imaginative Absolute», shows how the key philosophical themes were reflected in «The Burnt Novel»: idea of cognition by imagination, opposition of imaginatio and ratio, connection of culture and «spirit», role of «meaning images». «The Burnt novel», the events of which take place in the second half of the 20s of the XX century, in this interpretation appears as Golosovker's diagnosis of crisis to culture. Special attention is paid to the embeddedness of «Burnt Novel» in the intellectual context. In particular, to the aesthetics of the «silent» Christ unites the novels of Dostoevsky, Bulgakov and Golosovker.

Key words: imagination, culture, crisis, Grand Inquisitor, Christ, Blok, Lenin

Daniil A. Morozov, Research Assistant, the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University «Higher School of Economics» (HSE University); dmorozov@hse.ru

А.В. Сидоров, Л.А. Сидорова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ ИСТОРИКА. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматривается содержание нового выпуска в серии «Профессия – историк», посвященного юбилею члена-корреспондента РАН, Президента Российского общества интеллектуальной истории Лорины Петровны Репиной¹. Книга раскрывает актуальные тенденции развития исторической науки на современном этапе.

Ключевые слова: история исторической науки, интеллектуальная история, историческая антропология, сообщество историков, творческая лаборатория историка

Издания, приуроченные к юбилейным датам своих коллег по историческому цеху, – давняя и прекрасная традиция историков. Они – выражение глубочайшего уважения к научным трудам и исследовательской деятельности юбиляра, признание его заслуг в развитии исторической науки. Книга, размышлениями о которой хотелось бы поделиться, не только дар глубокому методологу и проникновенному исследователю Лорине Петровне Репиной от ее единомышленников и последователей. Представленные в ней статьи дают срез современного состояния одного из фундаментальных направлений исторической мысли – интеллектуальной истории, превращая этот сборник в цельное монографическое исследование. В нем ярко проявляется новый облик историографии как исторической дисциплины, расширение ее исследовательского поля и направлений исследовательского интереса².

В фокусе внимания всех авторов книги, российских и зарубежных, работающих в центральных и региональных научных центрах, – Историк, создающий свои труды в доставшееся ему время, историк, которого они пытаются застать в самый важный и труднодостижимый для стороннего наблюдателя момент исследовательской деятельности – «этап аналитической мысли и структурирования нарратива»³. Стремление представить историка во всей возможной полноте его духовного мира и неотделимой от него профессиональной деятельности, в научном поиске, полном сомнений, колебаний и обретений, – является плодотворным путем к познанию истории и истории исторической науки.

Различные на первый взгляд сюжеты составляющих книгу статей, посвященных историкам разных времен и народов, складываются в единую яркую мозаичную картину, в которой проступает образ Историка, творца своих исторических сочинений. В каждой из них – свои краски и

---

¹ Рец. на кн.: Профессиональная идентичность и самосознание историка. К юбилею Л.П. Репиной / под общ. ред. О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2022. 480 с.

² Репина 2011.

³ Профессиональная идентичность... 2022: 443. Далее ссылки на страницы книги даются в скобках.

стилистика в описании профессиональной идентичности и самосознания историка, что делает это издание еще интереснее. Структура книги, предложенная составителем и редактором О.В. Воробьевой, концентрирует внимание на сквозных проблемах, которые разносторонне затронуты в отдельных статьях. Выделение крупных тематических блоков – «Профессиональная идентичность историка», «Историография как инструмент самопознания историка» и «Мастерская историка», дает читателю надежную лоцию в безбрежном историографическом море.

Издание открывается статьей И.М. Савельевой, посвященной воспоминаниям видного советского медиевиста Е.В. Гутновой⁴. И это не случайно: историческая наука развивается в живой связи поколений историков и межличностном общении. «Лорина Петровна стала ученицей Гутновой, и в какой-то степени эта статья – мой оммаж юбиляру» (11), – пишет автор, облекая свое поздравление в средневековый канон. И.М. Савельева рассматривает «Пережитое» «в контексте отечественной и мировой автобиографии историка, во времени, современном созданию текста» (11), подчеркивая, что особенно ее увлекло «эмоциональное напряжение жизнеописания» (10). В воспоминаниях Е.В. Гутновой автор выделяет два главных эмоциональных лейтмотива – это «страх» и «дружба» (11-12), которые во многом определили личную и профессиональную судьбу историка. Остановливается она и на паразитирующей ее особенности этих мемуаров, в которых «почти нет эпизодов и тем, связанных с обидой и злостью» (25). И.М. Савельева отмечает нескрываемую субъективность Е.В. Гутновой. В ее воспоминаниях нет «никакого стремления к объективности и отвлеченности, которое присуще автобиографиям западных историков и сохранялось еще в последние десятилетия прошлого века» (26). Но именно эта субъективность открывает новые горизонты в изучении истории исторической науки, давая возможность проникнуть в мир эмоций историка, понять психологию его научного творчества, без чего созданные им работы остаются молчаливыми памятниками эпохи. Заставить заговорить труды историков прошлых лет – в известном смысле долг современных историографов перед своими предшественниками, личность которых в той или иной степени отразилась в их исследованиях. Тем более что в эго-документах историков прослеживается мысль о влиянии авторского начала в историческом повествовании. Так, в своем дневнике крупнейший знаток социально-экономической истории Русского государства XV–XVII вв. С.Б. Веселовский писал 11 октября 1917 г.: «...Задача историка не может состоять в том, чтобы рассказать, “как это было”, а в том, чтобы ясно изложить, как я себе представляю, как это было, и почему я представляю себе это именно так, а не иначе»⁵.

О «контролируемой субъективности историка как могущественной силе в его исследовательском арсенале» (57) рассуждают И.В. Нарский

⁴ Гутнова 2001.

⁵ Веселовский 2000: 95.

и Н.В. Нарская. Свой подход к «антропологизации исторического исследования и беллетризации научного текста» Нарский назвал «лирической историографией», принципиальной особенностью которой явилось «введение в научный текст фигуры активного автора» (29). Обращает внимание на сближении работы историков с творчеством литераторов и художников, на изменении соотношения анализа и синтеза в их исследовательской деятельности, на создании ими образов прошлого. В то же время строго очерчивается предел такого конструирования: «Фантазию историка от фантазии литератора отличает известная “дисциплинированность”, задающая допустимые пределы ее полета» (38). Эта «дисциплинированность» – приоритет, от которого отталкивается исследователь в своем рассказе о прошлом. И.В. Нарский и Н.В. Нарская анонсируют свою будущую книгу, посвященную блошиным рынкам, в основание работы над которой положена идея «лирической историографии». Герои этой книги, помимо самих ее соавторов, «вещи с историей, волею судеб очутившиеся на блошином рынке, и люди, наделяющие историями продаваемые или купленные предметы» (56). И снова человек – в центре всего этого интригующего повествования: авторы-историки, владельцы старых вещей, настоящие или мнимые, всегдадатаи блошиных рынков – но все в той или иной степени – хранители времени.

Не могут не привлечь внимания читателя суждения В. Вжосека о методологии истории, в частности о том, «какая поэтика исторического дискурса стоит за тем, что говорит и пишет историк» (62). Лишь немногие историки, констатирует автор, ставят перед собой эти вопросы, столь сложные, сколь и необходимые. Это мнение справедливо, хотя кому-то может показаться высокомерным. Здесь важно обратить внимание на то, что в нем – не пренебрежение к историкам, ограничившим свои исследования лишь апробированными методиками. В нем – признание того факта, что методологический поиск привлекает к себе ученых с широким взглядом на историческую науку и философским складом ума. Таким историком была, например, М.В. Нечкина, которая в начале научного пути в канун наступавшего 1922 года сформулировала свое научное credo: «Как всегда – на первом плане метод: не что, а как»⁶.

Интересные аспекты в исследовании синтетической темы «Историк» раскрыты в статье О.В. Воробьевой, посвященной специфике методологического мышления А.Дж. Тойнби. В своем изучении творческого «Я» знаменитого британского историка она останавливается на двух образах историка: «ключевом для тойнбианского творчества образе историка-проводника» (83) и образе «социального ученого» (84), выясняя диалектику их взаимодействия. Анализируя все десять томов «Постижения истории», Воробьева раскрывает рефлексии его автора, пытавшегося найти золотую середину в исполнении историком своего предназначения, обусловленного этими двумя его ипостасями. Просле-

⁶ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 134.

живая «методологическую одиссею» Тойнби, она подчеркивает важность высказанных им мыслей о соединении в научной деятельности историка научного метода и «поэзии, которая исходит из сердца больше, чем из головы» (88), понимаемой как эмоционально-личностное восприятие прошлого. Именно такой подход, по справедливому мнению Воробьевой, во многом определил востребованность трудов Тойнби.

Тема объективности и субъективности в научном знании продолжена статьей В.В. Высоковой и Ю.С. Шипицыной, посвященной творческой деятельности авторитетного историка науки Лоррейн Дастон. В ней признаются плодотворными высказанные Дастон идеи о более сложном характере принципа объективности как базового принципа современной науки, о «подвижности границы между объективным и субъективным знанием» (115). Подчеркивается методологическая важность обращения Л. Дастон к «этике и эмоциям ученых, создающих и использующих научные образы» (116), и актуальность поставленных ею вопросов – «Что утаивают от исследователей архивы, почему невозможно быть “по-настоящему” объективным, каким образом морально-этические нормы находят свою опору в научном дискурсе?» (117) – и «призывов не игнорировать противоречия современной познавательной модели, обращать внимание на практики и инструменты “добывания” знания в каждом конкретном историческом обстоятельстве» (118). Все затронутые Дастон проблемы эпистемологии исторического знания – из категории вечных, их решение на каждом историческом этапе ищет пылкий ученый. Добавим к приведенному выше суждению академика С.Б. Веселовского еще одно, в котором он предлагает учитывать психологические основания в интерпретации революционного и, шире, общественного движения начала XX в.: «Через призмы оптимизма или пессимизма неминуемо проходят и преломляются те предпосылки общественных движений, которые лежат в экономике, праве и социальном строе вообще»⁷. Оно перекликается с мыслями Лоррейн Дастон об этике и эмоциях ученых, а ведь между ними временная дистанция в век.

Завершает первый раздел книги полемическая статья И.Н. Ионова, посвященная чрезвычайно дискуссионной в отечественной и мировой историографии теме российской цивилизации. Внимание автора, принявшего активное участие в становлении цивилизационных исследований в России, сосредоточено на «логике развития научного подхода к российской цивилизации как таковой» (125). Оставаясь на академических позициях, Ионов выступает против новой политизации истории, оставляющей за историком роль «марионетки политического процесса» (142). Резко критикуя стремление ряда зарубежных и отечественных историков представить цивилизационный поворот в российской историографии как «чисто консервативный, форму “цивилизационного национализма”» (125), Ионов отстаивает строго научный стиль ведения дис-

⁷ Веселовский 2000: 96.

куссий по этим вопросам, критикуя «односторонние и поверхностные» представления об истории российского цивилизационного подхода (142).

Значительное место в книге уделено историографии как инструменту самопознания историка. Этому посвящена ее вторая часть. Она открывается статьей О.Б. Леонтьевой, в которой автор анализирует отечественную историографию за последнюю четверть века и прослеживает отражение в ней вопросов диалектики научного творчества и преемственности историков в их человеческом и социокультурном измерении. Конкретизируя проблему научной преемственности, Леонтьева показывает, «какие типы и формы научной преемственности выявляют историографы, обращаясь к изучению развития исторической науки в России на протяжении двух последних столетий, какие точки разломов и “перерывы постепенности” выделяют они в судьбе научного сообщества российских историков, и как, с точки зрения исследователей, трансформировались за два столетия практики межпоколенческих научных коммуникаций» (153). Автор признает обоснованными заключения российских историков науки «о сохранении линий научной преемственности, сколь бы ни были причудливы их траектории, от дореволюционной науки к поздней советской и далее – к современности» (174). Российский историк XXI века, справедливо отмечает О.Б. Леонтьева, ощущает «потребность в выстраивании долговременных линий интеллектуальной преемственности», что выражается в поиске новых методологических подходов и исследовательского инструментария, в «восстановлении связей с наследием дореволюционной и эмигрантской науки, с переоценкой и новым прочтением советской историографии» (176-177).

Интересный ракурс изучения историографического наследия предложен в статье А.А. Кузнецова. Его внимание привлекли «опоздания» и «упущенные возможности» в научном творчестве историков. Этот сюжет автор развивает на примере судеб работ историков, оставшихся неопубликованными или утраченными. В качестве одного из примеров приводится история двух статей с одинаковыми названиями, совпадающим временем и местом осуществленной и неосуществленной публикации, но отличающихся по содержанию и принадлежащих двум разным авторам. Речь идет об опубликованной осенью 1941 г. в «Историческом журнале» статье тогда члена-корреспондента АН СССР Е.А. Косминского и посланной в тот же журнал в августе 1941 г., но неопубликованной статье горьковского историка С.И. Архангельского. Озаглавлены обе – «Роль русских историков в разработке истории Англии» (196).

А.А. Кузнецов видит две возможные причины такой коллизии, одну из которых он связывает с тяжелейшими обстоятельствами первых месяцев Великой Отечественной войны, в условиях которых посланная по почте статья С.И. Архангельского могла просто затеряться, а другую относит к ее идейному содержанию. Сравнивая статью Е.А. Косминского с рукописью С.И. Архангельского (которая при участии А.А. Кузнецова

увидела свет в 2020 г.), он показывает противоположность подходов двух авторов: сосредоточенность Е.А. Косминского исключительно на достижениях советского англоведения резко контрастирует с рефлексивной историографией С.И. Архангельского, вписавшего его в контекст исторической школы России в целом.

Думается, что именно в подходах к заявленной теме двух историков-англоведов и кроется причина произошедшего. Добавим еще один аргумент в пользу такого выбора, который подсказывает анализ книги «Двадцать пять лет исторической науки в СССР»⁸, подготовленной и изданной Институтом истории АН СССР в 1942 г. В ней бескомпромиссная борьба за марксистское понимание истории во вступительном очерке А.М. Панкратовой удивительным образом сосуществует с подчеркнутой преемственностью советской исторической литературы с русской классической историографией и упоминанием о международных контактах советских и англо-американских историков во многих других статьях книги. Но конфликт между двумя обозначившимися тенденциями в развитии советской историографии был неизбежен и ярко проявился в инициированном А.М. Панкратовой Совещании историков в ЦК ВКП(б) весной-летом 1944 г.⁹

Выстраивая линейку «историк – текст – время», А.А. Кузнецов заостряет внимание на «раскрытии и преломлении личностного “я” автора-гуманитария» (185-186), отчего тексты становятся неотделимы от эпохи, в которую они создавались. Одновременно, отталкиваясь от идей Ю.М. Лотмана, автор показывает, что даже прошедшие незамеченными в момент публикации или неопубликованные труды историков в «отложенном или опосредованном виде» становятся достоянием научного сообщества и общества в целом (191).

К размышлению о невероятно сложной и многослойной проблеме «миф и история», с которой историк постоянно, часто даже не сознавая того, сталкивается в своей исследовательской деятельности, влечет статья В.П. Будановой, посвященная процессу изучения и осмысления истории готов. Отталкиваясь от диалектики понятий «научный факт» и «миф» – «если научный факт может стать почвой для мифа, то миф влияет на осмысление научного факта», – автор акцентирует внимание на феномене «готицизма» как синтезе исторического знания и исторического мифа и его месте в готоведении как академической дисциплине (211). Предложенный В.П. Будановой подход к анализу рефлексии «готицизма» чрезвычайно плодотворен. Его суть состоит в «погружении в профессиональный и гражданский контекст исследовательского внимания к готам, которое накапливалось столетиями, проходя через кризисы и тупики исследовательских взлетов и разочарований» (211). Интересны рассуждения В.П. Будановой о причинах неубывающего интереса

⁸ Двадцать пять лет исторической науки в СССР 1942.

⁹ См. Сидорова 2021: 132-143.

к истории готских племен и ее образам, в т. ч. к «готицизму». Она отмечает, что «движение исторического мифа в готской проблематике становится самостоятельным объектом исследования, равнозначным письменной традиции, данным археологии, а также исторической лингвистики» (232). Основываясь на методах интеллектуальной истории, автор показывает, как «готицизм» оказался фактором в идеологической и политической борьбе, отразившим умонастроения элит европейского общества на определенных временных этапах. Ею высказана плодотворная мысль о том, что, «возможно, племена готов превратились в некий собирательный мифологизированный образ сакральной общеевропейской древности, который своим присутствием и участием в важнейших исторических событиях объединяет историю Европы» (232), с этим образом трудно и подчас невозможно расстаться. Невольно приходят на память пушкинские строки – «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...» – из его стихотворения «Герой» 1830 г. В нем А.С. Пушкин оправдывает нежелание свое и публики разрушить романтико-героизированный образ Наполеона, несмотря на достоверность фактов, этому образу противоречащих. Слова, обращенные Другом к Поэту – «Мечты поэта – Историк строгий гонит вас!»¹⁰ – не поколебали убежденности последнего в правильности своего восприятия Героя.

Подытоживая свой анализ современного состояния изучения готской проблемы, В.П. Буданова называет основные пути преодоления ее мифологизации, которые состоят в системном подходе и «многогранной, но обнадеживающей реинтерпретации письменных источников, ибо только древние авторы могут нам все сказать, даже когда молчат» (232). И вновь важное напоминание для Историка – о возможности и необходимости раскрывать причины и смысл фигур умолчания в исторических трудах и использовать эти неявные, но, тем не менее, ценные историографические свидетельства.

В книге затрагиваются вопросы, связанные с изучением русской исторической школы, сложившейся в России в XIX в., с ее традициями и персоналиями. О появлении в тот период нового типа исследователя-кочевниковеда пишет Г.Г. Пиков. Анализируя труды Н.Я. Бичурина (о. Иакинф), В.П. Васильева и М.Н. Суворцова, автор приходит к выводу, что они свидетельствовали о начале «эпохи фундаментального становления востоковедения в целом и кочевниковедения в особенности в России» (258). Г.Г. Пиков, используя образное сравнение Л.Н. Гумилева, выделяет отличительную черту восприятия прошлого этими учеными, которые «буквально сроднились с Центральной Азией и стали смотреть на ее историю “раскосыми и жадными” глазами кочевников» (240).

О «русской исторической школе» идет речь в статье Г.П. Мягкова, Т.Н. Ивановой и В.П. Корзун. Авторы остановились на 1879 году как «контрапункте» в ее формировании. Напоминая, что в музыкальном

¹⁰ Пушкин 1974. Т. 2: 251.

искусстве контрапункт – образующее гармоническое целое одновременное движение нескольких самостоятельных мелодий, они прислушиваются к голосам только еще вступавших на стезю науки М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова и профессора-«шестидесятника» В.И. Герье. Ключевая роль отведена магистерскому диспуту Н.И. Кареева, состоявшемуся 21 марта 1879 г. в Московском университете, и той научной и общественной атмосфере, которая в нем отразилась. Анализируя его предысторию и последствия, авторы обнаружили новую методологическую конфигурацию в русской исторической школе, в которой сотрудничество этих выдающихся историков продолжалось, но отныне «каждый из них “вел” свою партию». Такая полифония, по мнению авторов, способствовала развитию «русской исторической школы», однако место в ней самого В.И. Герье изменилось: «был отгеснен на периферию этого научного содружества» (284).

Разделяя высказанные суждения, добавим еще два небольших, но весьма показательных штриха, подтверждающих усиление научных позиций учеников В.И. Герье и их влияние на молодое поколение российских интеллектуалов. Юная М.В. Нечкина, будущий советский академик, на пороге выбора своей научной судьбы мечтала стать обладателем книги Н.И. Кареева «Историология. Теория исторического процесса» (СПб., 1915) и отдать жизнь «великой науке социологии»¹¹. А 31 марта 1916 г., узнав о кончине М.М. Ковалевского, она записала в своем дневнике: «Эта смерть, не знаю почему, произвела на меня большое впечатление: мне было так больно. Почему? Может быть, потому что имя его связано у меня с самым дорогим для меня понятием – с социологией. Сегодня за вечерней я поставила свечку за упокой его души»¹².

Диссертационной культуре в целом как научной традиции в сообществе российских историков начиная с XIX и вплоть до середины XX века посвятили свою статью Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришина. Проследившая полуторавековой путь ее развития, авторы обнаружили в ней сложное переплетение политико-идеологических составляющих с принципами научного академизма и этоса науки. Диссертационная культура оказалась одним из интеллектуальных мостов, связывавших российскую дореволюционную и советскую историческую науку (318-919).

В статье А.А. Сальниковой и С.Ю. Малышевой представлены биографии четырех профессоров русской истории, преподававших в Казанском университете в 1918 – начале 1930-х гг. и оказавшихся перед выбором своей жизненной и профессиональной позиции в условиях новых политико-идеологических реалий и становления марксистской исторической науки. Проследившая столь различные и трагически завершившиеся линии жизни профессора «старой школы» Н.Н. Фирсова, «целенаправленно и последовательно шедшего на сотрудничество с советской

¹¹ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 71.

¹² Там же: 77.

властью», но не избежавшего травли за немарксистские взгляды (326), и его учеников П.Г. Архангельского, скончавшегося в самом начале 1921 г. от сыпного тифа, В.И. Огородникова, покинувшего Казань в сентябре 1918 г. после вступления в город частей Красной Армии, дни которого закончились в 1938 г. в сталинских лагерях, и С.А. Пионтковского, ставшего историком-марксистом и репрессированного в 1937 г., авторы задаются вопросом: стали ли эти историки «своими» в советской действительности и исторической науке и дают на него отрицательный ответ (339). Соглашаясь с таким выводом в целом, некоторую поправку, на наш взгляд, надо сделать в случае С.А. Пионтковского, к судьбе которого более применима крылатая фраза – «Революция, подобно богу Сатурну, пожирает своих детей». Но к ним ко всем с полным на то основанием можно отнести строки великой Анны Ахматовой:

«Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь...
И сколько я стихов не написала...»¹³

Третий раздел книги посвящен мастерской историка. Представленные в нем биографические исследования, изучают профессиональное творчество отдельного историка как часть бытия исторической науки и общества в целом. Лаборатории Вильгельма фон Гумбольдта в его ипостаси историка посвящена статья Н.В. Ростиславлевой. Отмечая, что он «предвосхитил некоторые линии трансформации исторического знания не только в XIX, но и в XX веке» (353), она отмечает использование ученым антропологических, эстетических и лингвистических идей в своих подходах к познанию истории. Автор подчеркнула актуальность мысли Гумбольдта о том, что «историк может работать как художник, прибегая к фантазии, корреспондируя ее с опытными данными и согласовывая с духовными законами, отражавшими действительность» (349). Ростиславлева приводит слова Гумбольдта, обращенные к И.В. Гете: «Историк должен вести себя как поэт; если он владеет материалом, то он должен воссоздать его совершенно заново» (349). Трудно переоценить это напоминание исследователям, призывающее их не останавливаться на стадии анализа исторического материала, а переходить к его синтезу.

И еще одно небольшое, кому-то, возможно, могущее показаться излишним, сравнение облика Вильгельма фон Гумбольдта с известным каждому описанию Владимира Ленского, которое дал Пушкин в своем бессмертном романе. В нем присутствуют и «геттингенская» душа, и Кант, и даже «кудри черные до плеч»¹⁴, которые мы видим в скульптурном портрете знаменитого ученого перед зданием созданного им Берлинского университета, но, что всего важнее, сопряженность с поэзией и миром художественных образов в целом.

¹³ Ахматова 2016: 257-258.

¹⁴ Пушкин 1985. Т.2: 210.

Тема «историк – писатель» возникает и в статье Т.А. Тоштендаль-Сальчевой. В ней рассматриваются две книги, написанные современными шведскими авторами – историком Петером Энглундом и журналистом Магнусом Вэстербру – в жанре популярной истории, главным героем которых стал шведский король Карл XII. На их примере показан потенциал научного биографического метода, обогащенного принципами микроистории, в сочетании с живым языком и образностью художественной литературы могущего нарисовать яркую и запоминающуюся картину прошлого. Тоштендаль-Сальчева подчеркивает, что обе книги «созданы со знанием того, как пишется научная историческая работа» (413) и основаны на исторических источниках, прежде всего это-документах. Остановившись на использованных в них литературных приемах, она выделяет умение Петера Энглунда и Магнуса Вэстербру использовать в своем повествовании цвет и движение, отмечает употребление настоящего времени вместо прошедшего, включение в ткань рассказа диалогов действующих исторических лиц, создание их психологических портретов, а также «выведение на авансцену театра войны женских персонажей» (412). Отдельные из перечисленных выше приемов художественного письма могут, по нашему мнению, быть с успехом использованы и в мастерской историка-профессионала.

О том, с какими методами надо подходить к изучению новых исследовательских полей, рассуждают Е.А. Вишленкова и С.Н. Затравкин. На примере анализа еще достаточно скромной по своему объему литературы, посвященной истории современной российской фармацевтике, они показывают преимущества исторического, по сравнению с чисто экономическим, подхода к исследованию этой части истории медицины.

Методы новой биографической истории затрагиваются в книге и на материале незападной историографии. В статье Д.Е. Мартынова проанализирована полемика современных китайских ученых Тан Чжицзюня и Ли Цзехоу, в центре которой – «Книга о Великом единении» выдающегося китайского реформатора Кан Ювэя. Отмечая доминирование политико-идеологических составляющих в ее трактовках, исследователь видит задачу нового поколения синологов в том, чтобы «пробиться» к самому Кан Ювэю и перечитать его труды (377).

Дневники, воспоминания, переписка, элементы устной истории, интервью историков являются непреходящими инструментами, позволяющими приоткрыть дверь в их творческую мастерскую. С помощью некоторых из них в статье Н.И. Девятайкиной, посвященной научно-преподавательской деятельности профессора Саратовского университета С.М. Стама (1913–2010), исследуются различные «статусы» историка – личный, научный, культурный и социальный, в которых ярко проявились индивидуальность ученого и его время. Автор убедительно показывает, что именно исследовательское начало в личности С.М. Стама и его профессионализм позволили ему, следуя творческой модели исполь-

зования марксизма (422), создать значимые работы по истории средневекового города и культуре эпохи Возрождения, быть ученым, сплотившим вокруг себя большой круг учеников и единомышленников.

Завершает книгу интервью с астраханским историком-краеведом, писателем и иллюстратором А.С. Марковым, которое Г.В. Шпак взял у него накануне его 90-летия в августе 2021 года. Это интервью – историографический источник и одновременно творческая автобиография. В нем отразились не только факты из жизни А.С. Маркова, но и его раздумья над пройденным путем. Оно вновь возвращает читателя к теме «историк – художник», в данном случае не только в широком смысле слова, но и в профессиональном. Рисование было второй, после истории, страстью А.С. Маркова со школьных лет. Дар художника помогал ему – начинающему учителю: для своих учеников он «всегда рисовал наглядные пособия к каждому историческому событию» (435). Помогал и в работе писателя над историческими сюжетами, дополняя содержание книг визуальными образами в авторском прочтении. Интересны размышления А.С. Маркова над своим опытом работы с историческими источниками, об отражении личности исследователя и писателя в создаваемых им трудах и об отражении в ней его эпохи. Комментируя почтовую открытку 1960-х гг. с фотографией первомайской демонстрации у стен Астраханского кремля, которая помещена в книге, А.С. Марков сказал: «Тогда мы все действительно думали, что будем жить при коммунизме...» (442), – еще раз подтверждая ту непреложную истину, что понять и оценить деятельность историка вне его времени невозможно.

Охватывая взглядом рецензируемую книгу целиком, прибегнем к вынесенному в название одной из ее статей удачному сравнению из мира музыки, которое можно отнести ко всему ее содержанию. Звучащие в отдельных ее статьях темы и мотивы, раскрывающие профессиональную идентичность и самосознание историка, исполняя свои мелодии, соединяются в единую симфонию интеллектуального поиска, воссоздавая многомерный образ историка-творца. Важно подчеркнуть, что собранные в книге статьи предлагают свое видение различных сторон исследовательской деятельности историка и открывают дальнейшие перспективы в их изучении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ахматова А.А. Северные элегии // Ахматова А.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2016. 624 с. [Axmatova A.A. Severnye elegii // Axmatova A.A. Maloe sobranie sochinenij. Spb.: Azbuka, 2016. 624 s.].
- Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с. [Gutnova E.V. Perezhitoe. M.: ROSSPEN, 2001. 464 s.].
- Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. академика Волгина В.П., академика Тарле Е.В. и члена-корреспондента Академии наук СССР Панкратовой А.М. М. - Ленинград: Издательство Академии наук Союза ССР, 1942. 217 с. [Dvadcat' pyat' let istoricheskoi nauki v SSSR. Pod red. akademika Volgina V.P., akademika Tarle E.V. i chlena-korrespondenta Akademii nauk SSSR Pankratovoj A.M. M. - Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk Soyuzu SSR, 1942. 217 s.].

- Дневники С.Б. Веселовского 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 84 – 110 [Dnevniky S.B. Veselovskogo 1915-1923, 1944 godov // Voprosy istorii. 2000. № 3. S. 84 – 110].
- «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар; Сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 824 с. [«I muchilas', i rabotala neveroyatno»: Dnevniky M.V. Nechkinoy / Otv. red. E.I. Pivovar; Sost., vstup. st. i komment. E.R. Kurapova. M.: RGGU, 2013. 824 s.].
- Профессиональная идентичность и самосознание историка. К юбилею Л.П. Репиной / под общ. ред. О.В. Воробьева. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2022. 480 с. (Профессия – историк / общ. ред. О.В. Воробьева; вып. III) [Professional'naya identichnost' i samosoznanie istorika. K yubileyu L.P. Repinoy / pod obshh. red. O.V. Vorob'evoy. Moskva: Institut vseobshhej istorii RAN, 2022. 480 s. (Professiya – istorik / obshh. red. O.V. Vorob'eva; vy`p. III).].
- Пушкин А.С. Герой // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1974 [Pushkin A.S. Geroj // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 tt. T. 2. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1974].
- Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1985 [Pushkin A.S. Evgenij Onegin // Pushkin A.S. Sochineniya v trex tomah. T. 2. M.: «Xudozhestvennaya literatura», 1985].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Крузь, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug`, 2011. 560 s.].
- Сидорова Л.А. «Под грифом Института истории АН СССР»: смена научных ориентиров в условиях складывания антигитлеровской коалиции // Российская история. 2021. № 5. С. 132-143. [Sidorova L.A. «Pod grifom Instituta istorii AN SSSR»: smena nauchnyx orientirov v usloviyax skladyvaniya antigitlerovskoj koalicii // Rossijskaya istoriya. 2021. № 5. S. 132-143].

Сидоров Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Sidorov@spa.msu.ru

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель, Центр «Историческая наука России», Институт российской истории РАН; lasidorova@rambler.ru

Professional Identity and Self-Consciousness of the Historian Results and Prospects of the Study

The content of the new issue in the "Profession – Historian" series dedicated to the anniversary of the chief researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Society of Intellectual History Lorina Petrovna Repina is considered. The book reveals the current trends in the development of historical science at the present stage.

Keywords: *history of historical science, intellectual history, historical anthropology, community of historians, creative laboratory of the historian.*

Sidorov Alexander Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Sidorov@spa.msu

Sidorova Lyubov Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of the Center "Historical Science of Russia", Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; lasidorova@rambler.ru

А.А. САЛЬНИКОВА

**«МЕЖДУ СПИЛЛОЙ КАССЫ И ХАРИБДОЙ ИДЕОЛОГИИ»
ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СОВЕТСКОГО ДЕРЕВЕНСКОГО КИНО**

Статья представляет собой размышления по поводу монографии Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева «Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа» (2022), посвященной методологическим, теоретическим и конкретно-предметным вопросам изучения советских художественных фильмов как уникального источника по истории российской деревни XX века. Особое внимание уделено специфике транскрибирования, «прочтения» и интерпретации авторами монографии художественного кинематографического текста, выявлению ими его информационной отдачи в процессе реконструкции основных сюжетов советской сельской истории и сельской повседневности. Скрупулезный анализ советской «деревенской» фильмографии 1920-х – начала 1990-х гг. позволил авторам книги рассмотреть это кино как образец явного социального заказа, репрезентирующего трансформирующуюся позицию власти по отношению к советскому крестьянству, но в то же время получить эксклюзивные сведения о жизни советской деревни, отсутствующие в источниках иной типо-видовой принадлежности.

Ключевые слова: Л.Н. Мазур, О.В. Горбачев, советский кинематограф, российская деревня, XX век, исторический источник, анализ, интерпретация.

Художественный кинематограф – это источник, которому долгое время «не везло» ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Априорные представления о его мнимой недостоверности, обусловленной спецификой этого вида художественного творчества, рождающего вымышленные образы в условиях вымышленной реальности, на протяжении долгого времени отодвигали художественные фильмы на дальнюю периферию информационного источникового пространства, по существу негласно выталкивая их за его пределы. И хотя в утвердившейся в отечественном источниковедении типологии кинофотодокументы (а в более поздней терминологии – визуальные документы) традиционно включались в типо-видовую классификацию исторических источников, речь шла, в первую очередь, о документальном кино¹. За художественным кинематографом закреплялась в лучшем случае иллюстративная функция, либо изучение его всецело отдавалось на откуп киноведам. В отечественной историографии сложилось прямо не декларируемое, но довольно устойчивое представление о том, что в связи со спецификой фиксируемой художественным кино информации и особенностями ее презентации историк, владеющий навыками анализа преимущественно письменных текстов, просто не способен к пониманию «языка кино», к перекодированию кинотекстов на язык истории.

---

¹ См., напр.: Источниковедение 2004: 211–247. Автором этого раздела учебника является В.М. Магидов, который посвятил документальному кино как источнику единственное на сегодняшний день специальное монографическое исследование. См.: Магидов, 2005.

Справедливо обращалось внимание и на ряд сопряженных с изучением художественного кинематографа как источника трудностей, требующих компетентности в области слишком далеко отстоящих от истории дисциплин, в первую очередь, техники и технологий кинопроизводства и кинопроката, осведомленности в области маркетинга и менеджмента, социальной психологии, культурологии, искусствоведения и пр.

В широко известной зафиксированной М. Ферро «строгой иерархии» используемых исследователями источников кинодокументам не нашлось места не только среди «привилегированных», но даже среди «деклассированных» текстов: ни среди «разночинцев», ни среди «пломпенов»². Кинокадр, по словам М. Ферро, был «сиротой, не имеющим ни стыда, ни совести», которого историк-исследователь даже помыслить не мог поставить в один ряд с такими «величественными фигурами», как статьи закона, торговые соглашения, министерские декларации или политические программы³. Такая иерархия, действительно, долгое время оставалась незыблемой. Однако антропологический поворот в социогуманитаристике с имманентно присущей ему трансдисциплинарностью неизбежно должен был привести и на самом деле привел к освоению и присвоению историками ряда максимально «очеловеченных» групп источников, одним из безусловных лидеров, среди которых являлись художественные кинофильмы. Эта тенденция привела к формированию особой научной дисциплины – «cinema studies», обозначившей за рубежом в 1960-х – 1970-х гг., а в России – ближе к рубежу XX–XXI вв. Cinema studies можно было найти и среди руссиеведческих, а точнее говоря – советоведческих зарубежных исследований (D. Gillespie, P. Kenez, A. Lawton, D. and V. Shlapentokh, R. Taylor, D. Youngblood и др.). При всем многообразии и своеобразии каждой из этих работ, всех их объединяло одно: основной исследовательской проблемой для них становилась проблема идеологизации и политизации советского кинематографа, сюжет «кинематограф и власть». Не отрицая безусловной значимости и даже необходимости этого сюжета и такого подхода как некой нормативной рамки, встраивающей советский кинематограф во властный дискурс, это все же существенно ограничивало возможности его применения как источника информации о «советской жизни» во всех ее проявлениях и ипостасях. Ведь одной из главных особенностей художественного кино как исторического источника является именно полигlossия, многоголосие кинотекста. И потому задача исследователя как раз и состоит в том, чтобы за громко и откровенно звучащим голосом власти услышать и «другие» голоса, пусть тихие и незаметные, прислушаться к вербальному и визуальному молчанию и шумам, содержащим подчас такую информацию, которую невозможно извлечь откуда бы то ни было еще.

В первые десятилетия XXI в. и в отечественной историографии появился ряд теоретических и конкретно-проблемных исследований в об-

² Ферро 1993: 47.

³ Там же: 48.

ласти *cinema studies*, отмеченных серьезным осмыслением различных жанров советского кинематографа как носителя особой визуальной культуры, с одной стороны, и особой аудиовизуальной информации о «советском», с другой (Т. Дашкова, Е. Добренко, В. Подорога, Н. Самутина, Б. Степанов, Н. Хренов и др.). В ряду этих работ следует упомянуть и серию статей Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева, посвященных визуальной репрезентации советской деревни в отечественном художественном кинематографе 1920-х – начала 1990-х гг. и проблемам историко-культурного анализа и интерпретации советского художественного фильма⁴. Эти статьи явились заделом для вышедшей в 2022 г. в издательстве «Политическая энциклопедия» совместной монографии указанных авторов, получившей название «Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа»⁵.

Почему авторы обратились к фильмам, снятым на сельскую тему? Причина кроется, видимо, не только в том, что оба они являются известными специалистами в области аграрной истории России XX века. Она заключена в специфике самого деревенского кино как особого культурного феномена со своей собственной проблематикой и эстетикой, – феномена, формирувавшегося, по мнению авторов монографии, с 1950-х гг. на волне все возрастающей урбанизации, все более очевидных противоречий и контрастов между городом и деревней, на фоне рефлексии по поводу уходящего сельского мира. Именно поэтому основным объектом исследования стали художественные фильмы, снятые в 1953–1991 гг. Несколько меньшее внимание уделено в книге советскому «сельскому» кинематографу предшествующего периода, который, по словам авторов, выполнял либо всецело, либо в значительной степени «агитационно-пропагандистскую функцию, не отражая жизни деревни, а скорее моделируя образы, необходимые для решения задач социалистического строительства» (255) – от борьбы с классовым врагом (кулаком и попом) в первые постреволюционные годы до условно-театральной мифологизации обретенной за прошедшие советские десятилетия «счастливой деревенской жизни» в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Соглашаясь с такой оценкой, не следует все же преуменьшать информационную значимость советских фильмов, в частности, фильмов 1920-х – начала 1930-х гг., вписывавших идейно-политические установки в довольно реалистичный материальный контекст. Они достаточно информативны при изучении вещно-предметного мира деревни, создающего благодаря своей материальности базовую основу для изучения сельской повседневности, ее структур, поведенческих практик крестьян – как «советских», так и «советских» не вполне. Впрочем, имеющийся в книге материал, относящийся к периоду 1920-х – начала 1950-х гг., вполне достаточен для получения целостного представления о советском кино о селе, его эволюции и его зрителе.

⁴ См.: Мазур 2013; Мазур, Горбачев 2014 и ряд др.

⁵ Мазур, Горбачев 2022. Далее ссылки на страницы книги даются в скобках.

Во введении авторы четко оговаривают круг визуальных источников исследования – художественных фильмов о деревне и основные задачи, поставленные при их изучении. Следуя традиционной классификации художественных фильмов, использовавшейся еще в советском кинопроизводстве и кинопрокате, в основе которой лежало их темпоральное измерение – степень приближенности отображаемых в фильме событий и явлений к современности, авторы монографии делят фильмы на две категории: так называемые «актуальные», отражающие современную их создателям реальность (синхронные тексты), и ретроспективные, изображающие явления и события прошлого (диахронные тексты). И те, и другие предлагают зрителю образы времени: либо (в первом случае) трансляцию и художественную интерпретацию образов настоящего, встроенных в текущий историко-культурный контекст, либо (во втором) – образов прошлого, отложившихся в исторической памяти более поздней эпохи. Монография Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева четко определяется ими как источниковедческое исследование: художественное кино анализируется здесь в первую очередь как уникальный источник по истории советской сельской повседневности, источник, отражающий реальность, а не представления о ней (7). И потому вполне естественно, что источниковую основу исследования составили художественные фильмы первой категории, отражающие властные установки по нормированию сельских повседневных практик (а во многих случаях – представления власти о некоей «идеальной» сельской повседневности), с одной стороны, и реалии деревенской жизни, пробивавшиеся на экран через завесу идеологии и иллюзии мифологического конструирования, с другой.

Книга состоит из шести глав. I глава носит теоретический характер и посвящена общей характеристике художественных фильмов как исторического источника. Рассматривая влияние визуального поворота на методологию и методику исторических исследований и становление визуальной истории как особого направления в современной исторической науке, авторы монографии считают визуализацию и «переход от текста к образу» «базовым трендом развития исторического познания» на современном этапе (12). Образ, в том числе и образ визуальный как одна из его разновидностей, определяется ими как «модель окружающего мира, построенная на его чувственном восприятии и конструируемая с помощью художественных приемов, меняющихся «в зависимости от используемых технологий» (15). Основная и сложнейшая исследовательская задача сводится к деконструкции образа на уровне источника и реконструкции его на уровне исследования, осуществляемых в случае с визуальными текстами путем перевода визуальной информации в вербальную. Эта задача многократно усложняется при обращении к художественному кинематографу, имеющему весьма сложную информационную структуру в силу своей синкретичности и использования множе-

ства «языков» для построения аудиовизуальной «реальности» – визуального, текстового, звукового, образного (32). Такое многообразие и взаимодействие разных потоков информации должно бы было, кажется, только способствовать лучшему пониманию, транскрибированию и «прочувствованию» экранных образов. При этом каждый из этих «языков» имеет свой собственный методологический инструментарий для «прочтения» и интерпретации, а комплексное гармоничное их применение составляет сложную исследовательскую задачу. И, наконец, никто не отрицает возможности применения к художественному кино устоявшихся источниковедческих процедур, едва ли не основной среди которых является установление степени достоверности источника, нивелирование и скепсис в отношении которой и оставляли этот источник долгое время в ряду «второстепенных». Среди факторов, искажающих реальность в советском художественном кинематографе, Л.Н. Мазур и О.В. Горбачев называют собственно авторскую позицию создателей фильма, их теоретические и эстетические установки; идеологическое вмешательство власти, коммерциализацию кино (24–26). Однако все более проявлявший себя в последние советские десятилетия политический запрос на правду наряду с имманентно присущим кино стремлением к узнаваемости и типизации способствовали, по их мнению, все большему возрастанию степени его достоверности и, соответственно, все возрастающей его информационной отдаче как источника по истории советских повседневных реалий, а не только властных установок. Данный раздел монографии, несмотря на его теоретическую и методологическую сложность, написан простым и понятным языком, что может быть особенно полезно в преподавательской практике в условиях практически полного отсутствия разделов о художественном кинематографе в существующих учебниках и учебных пособиях по источниковедению.

II глава посвящена решению такой основополагающей задачи любого источниковедческого исследования, как изучение происхождения источника. Авторы книги задаются тремя основными вопросами: для кого снималось «сельское кино», кем оно снималось и для чего оно снималось, что в результате позволяет им конкретизировать это понятие и обозначить границы формируемого исследовательского поля. Прослежено наличие постоянно присутствующего в советском кино противоречия между коммерческой и идеологической составляющими («между Сциллой кассы и Харибдой идеологии») (47) и их соотношение в динамике развития советского кинематографа – от безраздельно господствовавшего пропагандистского дискурса в первые советские десятилетия до практически полного вытеснения таких фильмов в советском кинопрокате конца 1980-х гг. с заменой их на коммерчески перспективные фильмы. На конкретном материале в динамике рассмотрена также система организации сельского кинопроката и кинопоказа, поиски особой модели кино «для деревни», так и не увенчавшие-

ся, в конечном итоге, особыми успехами: на смену дискуссиям об особом кино «для крестьян» 1920-х – середины 1930-х гг. пришел успешно выполнявшийся курс на унификацию городской и сельской киноаудитории (46-58). Изменения в составе сельского зрителя и его киноактивности также свидетельствовали о все большем тяготении сельской аудитории к городским стандартам кинопотребления. И потому очевидным становится ответ на поставленный авторами вопрос: что же в итоге представляло собой советское «сельское кино» – фильмы о деревне или фильмы для деревни?

В III главе монографии на основании мультимедийного информационного электронного издания «Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия» (2003) дан количественный анализ советского сельского кино, показано общее и особенное между деревенской прозой и деревенским кино как литературным и кинематографическим вариантами единого художественного направления, выявлены жанровые, проблемно-тематические и художественные особенности «сельских» фильмов, определена роль «ретроспективного» кино в реконструкции представлений об истории российской деревни. Анализ советской «ретроспективной» фильмографии на деревенскую тему позволил авторам констатировать высокий потенциал художественного кино как источника изучения способов формирования и семантики санкционированных властью исторических образов (103). Однако за откровенным социальным заказом подчас проглядывало авторское видение, скрытые вопросы, ответ на которые должен был дать сам размышляющий зритель, что предоставляло ему возможность уйти от сложившихся стереотипов (104).

IV и V главы суммарно составляют самую большую по объему часть работы и посвящены визуальным репрезентациям материальной культуры российской деревни и повседневным практикам ее обитателей. Основное внимание уделено здесь кинофильмам 1950-х–1980-х гг. Рассматривая на основе разработанной авторами монографии структурно-динамической модели материальной сельской культуры (108) процессы изменения пространственной организации сельских поселений, ее архитектурной составляющей, социальной инфраструктуры и транспортных коммуникаций, частного жилищного пространства сельского жителя и его наполнения, Л.Н. Мазур и О.В. Горбачев констатируют очевидно обозначенный и зафиксированный художественным кинематографом переход от традиционной модели материальной культуры села к ее урбанизированной модели, построенной на городских стандартах. При этом попытки перенести традиции общества потребления на сельскую почву оказались не вполне успешными в связи с явным противоречием между быстро вторгавшимися в сельскую жизнь атрибутами «нового» вещно-предметного городского мира (одежды, предметов интерьера и пр.) и сохранявшемся при этом традиционным качеством жизни и бытовых условий (156-157). Аналогичные тенденции можно

проследить и в отображаемых на экране повседневных практиках крестьянства, стремящихся к городским, но по-прежнему сохраняющими в себе значительные традиционные и даже патриархальные ценности.

Последняя, небольшая по объему VI глава характеризует особенности отражения в советском кинематографе наиболее значимых явлений и событий сельской истории – коллективизации, Великой Отечественной войны, хрущевских аграрных реформ, освоения целины и их роли в формировании общественного сознания и исторической памяти. Констатируя сохранявшуюся героику в отображении Великой Отечественной войны, авторы прослеживают происходивший в то же время процесс постепенной перекодировки героического советского мифа о коллективизации или целинной эпопее в «миф преобразования», оправдывавший проводимую политику необходимостью модернизации страны.

Подводя итог, хочется заметить, что монография Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева – не просто интересное для профессионалов и полезное в преподавательской практике исследование, вносящее существенный вклад в теорию и методику источниковедения и расширяющее границы его предметного поля. Она на самом деле, как это обозначено в названии книги, представляет собой удачное обобщение богатого исследовательского опыта ее авторов, являясь примером успешного применения авторской теоретической концепции в исследовательской практике. Следует заметить также, что это одна из довольно редко публикуемых в последнее время монографий по источниковедению источников советского периода. При этом, несмотря на широту привлеченного материала и тщательность проведенного анализа в изучении советского деревенского кино рано еще ставить точку. Например, любопытно было бы выяснить, какое место занимало деревенское кино в общей структуре советского кинематографа, как соотносилось оно с другими его социально-тематическими направлениями, было ли деревенское кино в СССР исключительно «национальным» явлением или в мировой кинематографической практике можно найти соответствующие аналоги. Все эти вопросы еще ждут своего изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / Под ред. А.К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. 687 с. [Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriia, metodologiia, praktika: Uchebnik / A.K. Sokolov (ed.). М.: Vysshia shkola, 2004. 687 s.].
- Магидов В.М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 393 с. [Magidov V.M. Kinofotodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniia. М.: RGGU, 2005. 393 s.].
- Мазур Л.Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 282–302 [Mazur L.N. Obrazy sel'skoi istorii v sovetskom khudozhestvennom kine-matographe 1920–1991 gg.: opyt kolichestvennogo analiza // Dialog so vremenem. 2013. Вып. 43. S. 282–302].
- Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Материальная культура советской деревни второй половины XX века: опыт интерпретации художественного кино // Ежегодник по аграрной исто-

рии Восточной Европы. 2013 год. М.: Древлехранилище, 2014. С. 234–250 [Mazur L.N., Gorbachev O.V. Material'naia kul'tura sovetskoï derevni: opyt interpretatsii khudozhestvennogo kino // Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2013 god. M.: Drevlekhranilishche, 2014. S. 234–250].

Мазур Л.Н., Горбачев О.В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 349 с. [Mazur L.N., Gorbachev O.V. Sovetskie fil'my o derevne: opyt interpretatsii khudozhestvennogo obraza. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2022. 349 s.].

Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57 [Ferro M. Kino i istoriia // Voprosy istorii. 1993. № 2. S. 47–57].

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Alla.Salnikova@kpfu.ru

“Between the Scylla of the Ticket Booth and the Charybdis of Ideology”: On the Experience of Historical Interpretation of Soviet Rural Cinema

The article is a reflection on the monograph by Ludmila N. Mazur and Oleg V. Gorbachev "Soviet films about the village: the experience of historical interpretation of the artistic image" (2022). It is dedicated to the methodological, theoretical, and specific-object issues of studying the Soviet feature films as a unique source on the history of the Russian village of the 20th century. Particular attention is paid to the specifics of transcribing, "reading" and interpretation by the authors of the monograph of the cinematographic text, the identification of its informative impact in the reconstruction of the main plots of Soviet rural history and rural daily life. A scrupulous analysis of the Soviet "village" filmography of the 1920s – early 1990s allowed the authors of the book to consider this cinema as an example of a clear social order, which represents the transforming position of the authorities in relation to the Soviet peasantry. However, at the same time it allows to obtain exclusive information about the life of the Soviet village, missing in sources of other type and species.

Keywords: *Ludmila N. Mazur, Oleg V. Gorbachev, Soviet cinematography, Russian village, 20th century, historical source, analysis, interpretation.*

Alla Salnikova, Dr.Sc. (History), Professor, Kazan Federal University, Alla.Salnikova@kpfu.ru

А.А. ПАВЛОВ

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ. ЭТИМОЛОГИИ, ИЛИ НАЧАЛА КНИГА XVIII. О ВОЙНЕ И ИГРАХ*

В настоящем выпуске публикуется перевод восемнадцатой книги «Этимологий» (гл. I–XV) Исидора Севильского (560–636). Труд Исидора, покоящийся в значительной мере на римской антикварно-грамматической и энциклопедической традиции, сам стал фундаментом средневекового энциклопедизма. В восемнадцатой книге автор рассматривает ряд важных для римского сознания сфер бытия, связанных с агональностью. Как и в других книгах, опираясь на свой «панграмматический метод», он рассматривает войну, судопроизводство и различного рода состязания через призму терминов, с ними связанных. В предисловии к переводу кратко изложены сведения о структуре книги и ее источниках.

Ключевые слова: *Исидор Севильский, римская антикварно-грамматическая традиция, раннесредневековый энциклопедизм, война, игры.*

Третья часть XVIII книги «Этимологий» Исидора Севильского посвящена агональным практикам, в общем виде определенным автором как *ludi* (игры). Она включает 54 кратких титула (XVI–LXIX), объем которых меньше первых четырнадцати, посвященных войне, что связано с ограниченностью источниковой базы по теме, а также с негативным отношением к *ludi* самого автора.

При описании игр главным источником для Исидора служило сочинение христианского апологета II в. Тертуллиана «О зрелищах». Исидор, опирающийся (в силу характера «Этимологий») прежде всего на различного рода комментарии, трактаты антикварно-грамматического и энциклопедического содержания, предпочел обратиться здесь к специальному труду христианского апологета, поскольку заимствует у него не только информацию о происхождении игр, об их видах и связях с языческими воззрениями и богами, но и негативные характеристики и оценки Тертуллиана, даваемые им этому явлению античной культуры. Но и в этой части, поскольку текст Тертуллиана не имеет отношения к этимологии, Исидор неоднократно обращается к комментариям грамматика IV в. Сервия Гонората на «Энеиду» и «Георгики» Вергилия. Ему знакомы в каких-то списках и антикварно-грамматические тексты Варрона, Секста Помпея Феста, Нония Марцелла, энциклопедический труд Плиния Старшего. Из христианских авторов помимо Тертуллиана он использует выписки из текстов Лактанция, Августина, Сидония Аполлинария, Кассиодора. Неоднократно Исидор прибегает и к сведениям, изложенным им самим в других частях его труда, либо представленным в его грамматическом сочинении «Дифференции». В отличие от первых двух частей книги, где автор многократно цитирует тексты Вергилия, Лукана, Цицерона и других античных авторитетов, в третьей части есть всего несколь-

ко редких цитат из Энния (XXXVI. 3), Вергилия (XXXIII. 1, XXXIV. 1) и Доркация (LXIX. 1), а также две ссылки на мнение Варрона (XVI. 2; L. 1).

Структурно текст этой части начинается с вводной главы «О зрелищах» (XVI), в которой, опираясь на Тертуллиана, Исидор говорит как о происхождении самих игр, так и слова *ludus*, указывая на порочность зарождения игр, что впоследствии станет основанием для их неприятия и критики; здесь же он вычленяет четыре вида игр (гимнастические, цирковые, гладиаторские, сценические), рассматриваемых им в последующих главах, в которых выстраивает материал, следуя всякий раз от общего к частному. Первый блок (гл. XVII–XXVI) посвящен гимнастическим играм (*De ludo gymnico*). Сначала Исидор указывает на их характер и место проведения (*gymnasium*), косвенно проясняет происхождение термина, указывая на то, что юноши упражнялись здесь нагими (XVII). Далее рассматривает отдельные виды гимнастических состязаний (XVII–XXIII) – прыжки (*saltus*), бег (*cursus*), метание (*iactus*), состязание в силе (*virtus*), борьбу (*luctatio*), завершая блок анализом термина «агон» и видов агона (XXV–XXVI).

Титул *De ludis circensibus* открывает второй блок (XXVII–XLI), посвященный цирковым играм. В отличие от гимнастических состязаний, которые прямо не подвергаются автором критике, цирковые игры, с момента их появления, объявляются идолопоклонством (XXVII.1). Автор рассматривает устройство цирка (XXVIII–XXXII), а далее следует за структурой, определенной в первом параграфе титула XXXIII, где в *ars Circi* включает возниц, ристания, конные и пешие состязания. Завершается блок главой, посвященной цветам лошадей (XLI), в которой, на самом деле, вслед за Тертуллианом, Исидор говорит не столько о лошадях, сколько о цветах ливрей наездников и соответствующих группировках (красные, белые, зеленые, голубые). Подобно тому, как блок был начат, завершается он еще более жесткой отповедью, где цирковые игры осуждаются как игры дьявола. К таковым он относит и рассматриваемые в следующем блоке театральные игры (XLII–LI). Рассмотрев этимологию слова «театр» (XLII), Исидор сразу же определяет его как «дом разврата», связывая его с лупанарием и действующими возле него проститутками (*luræ*). Вслед за этим рассматривает части театра (сцена, орхестра), а также актеров, музыкантов и плясунов (XLIII–L). Завершается блок указанием на патронов театральных игр (LI), где, как и в предыдущем блоке, Исидор концентрируется на их критике, характеризуя театр как место распутное и непотребное для христианина.

Следующий блок посвящен гладиаторским играм (LII–LIX). Начав с рассмотрения места (амфитеатр), Исидор далее переходит к видам состязаний и типам гладиаторов (региарии, секуторы, лаквеарии, велиты). В титуле LIX им подводится итог цирковым, театральным и гладиаторским играм; здесь автор отвергает возможность для праведного христианина лицезреть все перечисленные игры по причине их связи с языческими богами и культурами, идолопоклонством и дьявольской сущностью.

Рассмотрев четыре вида *ludi*, заявленных вначале (XVI), Исидор, тем не менее, переходит к не заявленному изначально блоку, в котором рассматривает азартные игры (LX–LXVIII).

В отличие от трех предыдущих типов игр, азартные игры не вызывают у Исидора религиозного негодования, они не связываются с языческими богами и идолопоклонством. Обвинения, которые он здесь приводит в их адрес, это обвинения, имеющие социальный и светско-правовой характер: они связаны с обманом и разорением проигравшего. Они отвергаются, но отвергаются не церковью, а государством, которое запретило их законодательно. Выделяя их в отдельный блок, Исидор относит их к играм иного рода (*ludi*), нежели рассмотренные выше зрелища (*spectacula*). Инаковость эта проявляется в самом месте их проведения, с указания на которое он начинает каждый новый блок. Если для выделенных четырех типов игр (гимнастических, цирковых, театральных, гладиаторских) таковыми являются публичные пространства – гимнасий, либо палестра, цирк, театр, амфитеатр, то местом для ведения азартных игр служит игровая доска (*tabula*). Такие игры носят частный, не публичный характер¹.

Завершается книга отдельной главой (LXIX) об играх с мячом. Глава, в отличие от всех предыдущих блоков, не начинается с указания на место проведения. Игры с мячом могут проводиться на любой свободной площадке. Они не осуждаются Исидором и допустимы для христианина². Ничего не говорит он и об их запрете со стороны государства. Таким образом, Исидор начинает и завершает третью часть книги играми, не осуждаемыми ни церковью, ни государством, располагая их также в соответствии с критерием публичности / приватности.

Как и весь труд, XVIII книга построена на принципе изложения, опирающемся на этимологический метод. В ряде случаев Исидор опирается на этимологии, предложенные в античной традиции, начиная с Варрона. Однако имеется немало примеров, когда в нашем распоряжении нет источников, от которых он зависит: либо таковые не сохранились, либо Исидор создавал в этих случаях собственные этимологии. Следуя принципам, изложенным им в первой книге (I. 29), Исидор использует этимологические построения различного характера: *ex causa* (*iudex, auriga*), *ex nominum derivatione* (*lupanar, thymelicus*), *ex graeca etymologia* (*tessera, gymnasium*); порой *ex origine* (*framea*), *ex contrariis* (*bellum*), *ex nominibus locorum* (*histrion*). Несмотря на то, что Исидор базирует свои сведения на информации предшественников, в некоторых случаях его данные носят уникальный характер. Это касается, в частности, терминологии, связанной с азартными играми и игрой в мяч, где его источники не очевидны.

¹ Ульпиан говорит о доме как месте их проведения (D. 11. 5. 1. 2).

² Здесь Исидор следует скорее за Климентом Александрийским (Paed. III. 10), нежели за Тертуллианом (Spect. XVIII).

Глава XVI. О зрелищах

(1) *Зрелищами* (*spectacula*), полагаю, именуются, как правило, удовольствия¹; они позорны не сами по себе, но в силу того, что на них происходит. Названы они *spectacula* оттого, что людям предлагается там публично взирать (*inspectio*) [на происходящее]². Называли их и *ludicra*, потому как бываюг во время игр (*ludi*) и пиров. (2) Происхождение игр, как передают, таково³: лидийцы, выходяцы из Азии, осели в Этрурии во главе с Тирреном, когда тот уступил своему брату в споре за власть. Будучи в Этрурии, они, наряду с прочими суеверными ритуалами, учредили под именем религии (*religio*) еще и зрелища. Римляне позаимствовали от них [эту практику], приглашая к себе оттуда артистов; по этой причине и сами игры (*ludi*) названы от лидийцев (*Lydii*).

Варрон, однако, утверждает, что звались они так от [слова] «забава» (*lusus*), потому что юноши имели обыкновение ублажать народ в праздничные дни, состязаясь в своей ловкости⁴. Считается поэтому, что эта юношеская забава была связана и с праздничными днями, и с храмами, и с религиозными церемониями. (3) Но нет более необходимости говорить о происхождении слова, тогда как причиной самого действия является идолопоклонство. В этой связи и все игры без разбору именовались в честь Отца Либера (*Liber*) *Либералиями* (*Liberalia*)⁵. По этой причине должно обратить внимание на бесстыдство их происхождения, чтобы не посчитать за благо то, что зачато было от зла. Игры (*ludus*) бываюг либо гимнастическими, либо цирковыми, либо гладиаторскими, либо сценическими.

Глава XVII. О гимнастических играх

(1) Гимнастические (*gymnicus*) игры – прославление быстроты и силы. Место их [проведения] зовется гимнасием (*gymnasium*), там тренируются атлеты и состязаются в скорости бегуны. С этим связано то, что занятия всеми почти искусствами именуются *gymnasia*. (2) Прежде, состязающиеся в такого рода искусствах, подпоясывались, дабы не быть нагими; но позже случилось так, что некий бегун упал и умер, когда у него неожиданно развязался пояс. Тогда архонт Гиппомен по решению Совета разрешил всем тренироваться обнаженными⁶. В связи с его решением и получил свое название *гимнасий* (*gymnasium*), поскольку юноши упражнялись на арене нагими⁷, прикрыв лишь только срам⁸.

Глава XVIII. О видах гимнастических состязаний

(1) Видов гимнастических состязаний пять: прыжки (*saltus*), бег (*cursus*), метание (*iactus*), состязание в силе (*virtus*) и борьба (*luctatio*). Говорят, в этой связи, что некий царь, имевший столько же юных сыновей, приказал им поспорить за царскую власть во всех этих [пяти видах состязаний].

¹ См.: *Tert. Spect.* I. 1.

² См.: *D.* 43. 21. 1. 3.

³ См.: *Tert. Spect.* V. 2-4.

⁴ См.: *Liv.* VII. 2; *Val. Max.* II. 4. 4.

⁵ См.: *Tert. Spect.* V. 4. Либер отождествлялся с греческим богом виноделия Дионисом. О Либере см.: *Cic. Nat. deor.* II. 62; *Varr. LL.* VII. 87; *Sen. Dial.* IX. 17. 8; *Serv. Aen.* IV. 638; *Macr. Sat.* I. 18. 16; *Lyd. Mens.* IV. 51; *August. Civ.* VI. 9; *Fulg. Myth.* II. 12; *Isid. Diff.* I. 349; *Etym.* VIII. 11. 43. В честь него 17 марта справлялись Либералии.

⁶ Афинский архонт 723–713 гг. до н.э. Гесиод пишет (*Mulier* 74): «Поначалу у древних существовал обычай состязаться в набедренных повязках. В четырнадцатую олимпиаду во время состязаний у лакедемонянина Орсиппа развязалась повязка и это явилось причиной его поражения. С тех пор установлено правило состязаться в беге обнаженными» (пер. В.Н. Ярхо).

⁷ Тем самым автор указывает на происхождение слова от греч. γυμνός (голый, нагой).

⁸ Ср.: *Isid. Etym.* VIII. 6. 17; XV. 2. 30sq.

Глава XIX. О прыжках

(1) Прыжок назван *saltus*, как если бы говорили *exilire in altum* (прыгать в высоту), ведь суть прыжка состоит в том, чтобы прыгнуть выше (*exilire altius*), либо дальше¹.

Глава XX. О беге

(1) *Бег* (*cursus*) зовется так от быстроты голеней (*сгures*), ведь бег есть быстрота ног.

Глава XXI. О метании

(1) «Метание» (*iactus*) произошло от [глагола] «метать» (*iacere*). Отсюда и рыбацкая сеть именуется *iaculum*. Подобаает в этом искусстве бросать вдаль поднятые [с земли] камни, метать с размаху копья, уравнив [на ремне]², пускать стрелы из лука.

Глава XXII. О состязании в силе

(1) Состязание в силе названо *virtus* от большей физической силы (*vis*), [явленной] в работоспособности и телесной массе³.

Глава XXIII. О борьбе

(1) *Борьба* (*luctatio*) названа так от обхватывания боков (*latus*) [борцами], на них, стоя лицом к лицу, опираются соперники, которые по-гречески именуются атлетами (*athletae*).

Глава XXIV. О палестре

(1) Место для занятия борьбой зовется палестрой. Говорят, что *палестра* (*palaestra*) названа так или *ἀλὸ τῆς πάλης*, то есть от [греческого слова] «борьба», или *ἀπὸ τοῦ πάλλειν*, то есть от резкого броска, ведь в пылу схватки, когда обхватывают противника за пояс, то стремятся бросить его [на землю]; греки характеризуют это действие посредством [глагола] *πάλλειν*⁴. Некоторые полагают, что искусство борьбы было позаимствовано от медвежьей схватки, ведь среди прочих зверей только медведи, сойдясь в схватке, встают на задние лапы, быстро приседают и насаждают вновь; по обычаю борцов они то атакуют соперника лапами, то берут в объятия.

Глава XXV. Об агоне

(1) То, что по-латински зовется *состязаниями* (*certamina*), греки называют *агонами* (*ἀγῶνες*) из-за скопления людей там, где они происходили. Действительно, и всякого рода сходка, и собрание зовутся агонем (*agona*); другие полагают, что названы они агонами оттого, что проводились они на круглых, как бы *agoniis*, площадках, то есть таких, что без углов (*sine angulo*)⁵.

¹ См.: *Sen. Epist.* XV. 4; *Non. Marc. s.v. Saltus.* P. 387M.

² См.: *Isid. Etym.* XVIII. 7. 5-6.

³ Окончание фразы (*in labore et pondere corporis*) не вполне очевидно. Несмотря на то, что автор говорит об одном из видов состязаний, он ограничивается здесь лишь этимологией *virtus*, производя слово, как и его предшественники (*Varr. LL.* V. 73; *Cic. Tusc.* II. 43; *August. Epist.* 167. 11), от *vis, viris* (сила). Ср.: *Isid. Diff.* II. 82: «Таким образом, мужчина, как говорит Лактанций, назван *vir* по той причине, что обладает он большею силой, нежели женщина; отсюда обрела свое имя и доблесть (*virtus*)»; *Lact. Opif.* XII. 16: «Потому мужчина (*vir*) и имеет такое имя, что в нем больше силы (*vis*), чем в женщине; отсюда же свое имя обрела и доблесть (*virtus*)» (пер. В.М. Тюленева).

⁴ См.: *Serv. Georg.* II. 531.

⁵ Этимология Исидора проистекает от греческого слова угол (*γωνία*) и имеющей обратное значение приставки *-a-*. См.: *Fest. P.* 9L: «*Agonium*, то есть «игра», произошло оттого, что место, на котором первоначально происходили игры, было без углов; празднества на этом месте назывались Агоналиями».

Глава XXVI. О видах агонов

(1) Были следующие виды агонов: это и состязания в силе, в быстроте бега, в стрельбе из лука, в выносливости, в пляске под кифару или флейту, а также и в манерах, красоте и пении; помимо того, поединки на суше и морские сражения, состязания, демонстрирующие способность выдерживать пытки.

Глава XXVII. О цирковых играх

(1) Цирковые игры были учреждены ради совершения священнодействий и почитания языческих богов; очевидно, вследствие этого, что и те, кто за ними наблюдает, угождают бесовским культам. Действительно, прежде конное дело было занятием простым и, будучи общим для всех, оно не было порочным¹. Но когда эта естественная практика стала сочетаться с играми, то трансформировалось оно в бесовской культ. (2) Этот вид состязаний вмещается Кастору и Поллуксу, которым, как утверждается в историях², кони были дарованы Меркурием. Но и Непгун, которого греки именуют Конником (ἵππιος), связан с конскими ристаниями. Также на играх кони посвящены Марсу и Юпитеру, а сами они предводительствуют над квадригами.

(3) *Цирковые игры* (Circenses) названы так либо от движения по кругу, либо от того, что там, где ныне находятся меты, некогда вставлялись мечи, которые огибались квадригами; по этой причине и названы Цирковыми – от лезвий мечей, вокруг которых проносились [колесницы]³. Да и возницы, тренируясь на берегу реки, устанавливали на нем мечи в определенном порядке, их задача состояла в том, чтобы провести коней мимо этих опасных препятствий⁴. Полагают, что отсюда и названы игры *Circenses*, как бы *circum enses* (вокруг клинков)⁵.

Глава XXVIII. О цирке

(1) Цирк (Circus) был посвящен⁶, прежде всего, богу Солнца, чей храм стоял посреди цирка, а [рельефное] изображение блистало на его фронте, потому что [язычники] считали, что нельзя поклоняться под крышей тому, кто им явлен открыто. Цирком зовется все то пространство, вокруг которого несутся кони. (2) Римляне полагают, что назван он так от движения коней по кругу, потому что кони несутся там вокруг мет (circum)⁷. Греки же заявляют, что назван он так от Цирцеи⁸, дочери Солнца, которая учредила этот вид состязаний в честь своего отца; они утверждают также, что и само слово *circus* (цирк) произошло от ее имени. Была она волшебницей, заклинательницей и жрицей демонов, с нею связывают и магию, и культ идолопоклонства.

Глава XXIX. О [цирковом] оборудовании

(1) Оборудование цирка: яйца, меты, обелиск, стартовый барьер. Некоторые полагают, что яйца посвящены Поллуксу и Кастору⁹, они не стыдятся верить в то, что родились [братья] из яйца от лебедя, в образе чьем Юпитер [явился Леде]. (2) Римляне воображают, что Цирковые игры восходят к первопричинам мироздания, чтобы тем самым оправдать беспочвенность своих суеверий.

¹ См.: *Tert. Spect.* IX. 1-2.

² Исидор отличает историю (*historia*) от басни (*fabula*), им он посвятил отдельные главы (XL; XLI) первой книги. Под историей он понимает события, реально имевшие место в прошлом, под басней – вымышленные. См.: XVIII. 27; 34; 46; 49.

³ См.: *Serv. Aen.* VIII. 636.

⁴ См.: *Serv. Georg.* III. 18.

⁵ См.: *Cassiod. Var.* III. 51. 10.

⁶ См.: *Tert. Spect.* VIII. 1.

⁷ См.: *Cassiod. Var.* III. 51. 10; *Isid. Etym.* XV. 2. 33.

⁸ См.: *Tert. Spect.* VIII. 2; *Lyd. Mens.* I. 12.

⁹ См.: *Varr. Rust.* I. 2. 11; *Liv.* IV. 27. 6; *Tert. Spect.* VIII. 3; *Cassiod. Var.* III. 51.

Глава XXX. О метах

(1) Словом *metae*, в строгом его значении, они стремились, разумеется, обозначить пределы и границы мира, потому как всему отмерен (*emetiri*) предел, либо в ознаменование восхода и заката солнца¹.

Глава XXXI. Об обелиске

(1) Передают, что первым возвел обелиск царь Египта Месфер², и вот по какой причине. Поскольку некогда Нил нанес огромный ущерб Египту мощным наводнением, разгневанный царь как бы наложил на него наказание: он пустил в его воды стрелу. Немного времени спустя, тяжело заболев, он лишился зрения, а когда после полной слепоты к нему вновь вернулось зрение, он посвятил Солнцу два обелиска. Обелиском зовется стрела, которая устанавливается посреди цирка, по той причине, что солнце держит свой путь через середину мира. (2) Обелиск, установленный на равном расстоянии от обеих мет, означает вершину и верхнюю точку неба, так как солнце на своем пути от восхода к закату оказывается в этой точке в зените дня. На вершине обелиска располагалась некая позолоченная деталь, символизировавшая пламя, ибо солнце содержит в себе много жара и огня.

Глава XXXII. О стартовых барьерах

(1) В цирке [места], откуда выпускаются кони, называют *carceres* (стартовые барьеры), по той же причине, что и тюрьму в городе, ведь как удерживаются в тюрьме заключенные и осужденные, так и стартовые барьеры удерживают (*conserere*) лошадей, чтобы не вырвались они прежде, чем будет подан сигнал³.

Глава XXXIII. О возницах

(1) Искусство Цирка – это возница и ристание, конные и пешие. *Возница* назван так (*auriga*) оттого, что ведет и направляет (*agere et regere*) колесницу, либо оттого, что подгоняет (*ferire*) запряженных коней⁴. Ибо *aurit* имеет то же значение, что и *ferit*, как то у Вергилия (Aen. 10,314):

Latus aurit apertum

... в ребра / впиля [Энея клинок].

(2) Он же и *agitor*, то есть погонщик⁵; а назван он так от *agere* (погонять). Возницы бывают двух цветов⁶, которыми обряжают они свое идолопоклонство, ведь язычники зеленый цвет посвятили земле, а лазоревый – небу и морю⁷.

Глава XXXIV. О квадригах

(1) Говорят, что Эрихтоний, который правил в Афинах, первым запряг чет-верку коней, чему подтверждением слова Вергилия, говорящего (Georg. 3, 113):

Primus Eric(t)honi(us) currus et quattuor ausus
Iungere equos, rapidisque rotis insistere victor.

Первым посмел четверню в колесницу впрячь Эрихтоний
И победителем встать во весь рост на быстрых колесах.

(2) Был же он сыном Минервы и Вулкана, рожденным, как сказывают предания⁸, от похоти [бога], падшей на землю; бесовское порождение, да что там, – дьявол, он первым посвятил колесницу Юноне. Таким вот создателем были сработаны и квадриги.

¹ Ср.: *Ovid. Met. X. 106; Tert. Spect. V. 7.*

² См.: *Plin. NH. XXXVI. 14. 64; 69.*

³ См.: *Varr. LL. V. 153; Isid. Etym. XV. 2. 46.* Ср.: *Serv. Aen. I. 54; V. 145; Georg. III. 104; Isid. Etym. V. 27. 13.*

⁴ См.: *Serv. Aen. XII. 85; Prisc. Gramm. III. 509. 34.*

⁵ См.: *Serv. Georg. I. 273.*

⁶ См.: *Tert. Spect. IX. 5; Isid. Etym. XVIII. 41. 1-2.*

⁷ См. ниже гл. XLI.

⁸ См.: *Serv. Georg. III. 113; а также: Ovid. Met. II. 758; Gigin. Myth. 158; Non. Panop. XLI. 62.*

Глава XXXV. О колеснице

(1) Колесница (*carrus*) названа так от ристаний (*cursus*), или потому, что кажется, что у нее [много] колес; отсюда и телега – *carrus*, как бы *carrus*¹. У квадриги некогда было двойное дышло, но хомут на всех лошадей надевался общий. (2) Клисфен Сикийский² первым схомутал только двух коней, находящихся в центре упряжки, а к ним с каждой стороны припряг простою обвязкой по одной лошади; от вида перевязи, которой прежде они обвязывались, греки называют их *σφαιρόβουρς*, а латиняне – *присяжными* (*funarii*)³.

Глава XXXVI. О лошадях, используемых нами на скачках

(1) От числа лошадей в упряжке и слова «хомут» (*iugum*) колесницы названы *quadrigae* (четверки)⁴, *bigae* (двойки), *trigae* (тройки) и *seivgae* (шестерки). Из них четверки посвящены солнцу, двойки – луне, тройки – богам преисподней, шестерки – Юпитеру, а наездники-вольтижеры – Люциферу и Гесперу⁵. Четверки связывают с солнцем по той причине, что годичный цикл содержит четыре времени года: весну, лето, осень и зиму. (2) Двойки – с луной, потому что следует она сходным с солнцем курсом, или потому, что видна и ночью, и днем. Запрягают ведь [в двойку] одного черного, другого белого коня. Тройки посвящены богам нижнего мира, поскольку они забирают к себе людей трех возрастов, то есть и детей, и молодых, и старых. Шестеркой – величайшей из колесниц, правит Юпитер, потому как полагают, то он является величайшим из их богов. (3) Говорят они, что «четверки несутся на колесах», либо оттого, что мир быстро вращается по собственному кругу, либо из-за солнца, потому что движется оно по круглой орбите. Так Энний говорит (Ann. 558):

Inde patefecit radiis rota candida caelum.

И вот уж раздалось на небе золотыми лучами белое колесо.

Глава XXXVII. О семи этапах

(1) Квадриги пробегают семь этапов (*spatium*), что связано с путем, проходимым семью светилами, которые, как говорят, управляют миром, либо с движением семи присутственных дней, по истечении которых наступает жизни исход; по завершении [семи] этих этапов – белая финишная черта (*steta*)⁶, а вместе с тем, судейское решение (*iudicium*).

Глава XXXVIII. О наездниках

(1) Говорят, что скачут наездники по одному оттого, что каждый в одиночку проходит и завершает жизни своей путь, следуя один за другим, пусть и в разное время, но единою дорогою тленности до достижения собственной смерти меты.

Глава XXXIX. О наездниках-вольтижерах

(1) Наездники-вольтижеры были названы *desultores* оттого, что некогда, как только они достигали конца конного отрезка, спрыгивали (*desilire*) с лошади и бежали; либо оттого, что перепрыгивали (*transilire*) с одной лошади на другую.

¹ Ср.: *Isid.* Etym. XX. 12. 1: «Телега (*carrum*) названа так от колесной оси (*cardo*); отсюда же, как кажется, получили свое название и колесницы (*carrus*), поскольку они имеют колеса»; *Prisc.* Gramm. II. 262. 14.

² Клисфен Старший (Сикийский) – предпоследний тиран Сикийского государства (596–565 гг. до н.э.), победитель в скачках на колесницах (582 г. до н.э.) в воссозданных им Пифийских играх, дел афинского реформатора Клисфена.

³ От лат. *funis* – веревка.

⁴ См.: *Tert.* Spect. IX. 3.

⁵ См.: *Liv.* XXIII. 29; *Etym.* XVIII. 39.

⁶ См.: *Sen.* Epist. CVIII. 32.

Глава XL. О пеших бегунах

(1) *Пешими* (*pedites*) бегуны зовутся по той причине, что состязаются они в беге на собственных ногах (*pedes*), ибо каждый ногами своими продвигается к смерти. По той причине бегут они с более высокой части [цирка] в более низкую, то есть с востока на запад, что смертные рождаются и умирают. Они бегут нагими, потому что в итоге человеку ничего не достается из этого мира. Бегут они по прямой, потому что между жизнью и смертью нет зора. Однако все это они конечно выдумывают, чтобы оправдать свои суетные верования и святотатства.

Глава XLI. О цветах лошадей¹

(1) Язычники также связали цвета лошадей [и их наездников] с первоэлементами мира, уподобляя [одетых] в красное (*russei*) – солнцу, то есть огню, в белое (*albi*) – воздуху, в зеленое (*prasini*) – земле, в голубое (*veneti*) – морю. Таким же образом они считали, что красные мчат подобно лету, потому что они цвета пламени, а летом все становится золотисто-желтым; белые – подобно зиме оттого, что она леденящая, и [зимой] все серебрится от мороза; зеленого цвета прасины – подобно весне, потому что тогда густо прорастают побеги винограда. (2) Кроме того, посвятили они тех, что мчат в красном, Марсу, от которого происходят римляне, потому что вексиллы у римлян алого цвета, или оттого, что радуется Марс крови; тех, что в белом, посвятили они западным теплым ветрам и погожей погоде, одетых в голубое, – воде и небу, так как подобны они небесному цвету, тех, что в зеленом – цветам и земле, одетых в желтое (*lutei*), то есть шафрановое, – огню и солнцу, в пурпурное – Ириде, которую мы зовем радугой, потому что та содержит в себе много цветов.

(3) И так, зрелищем этим оскверняют они себя, поклоняясь культам богов и элементам мироздания, [с ним связанных], а вместе с тем, учатся, конечно, почитать и этих богов, и сами эти элементы. А посему, ты, христианин, должен обратить внимание на то, что Цирком правят божества нечистые. И по этой причине да будет чуждым тебе то место, что наполнено многими духами сатанинскими, ибо заполнено оно совершенно дьяволом и ангелами его.

Глава XLII. О театре

(1) *Театр* (*theatrum*) – это место, имеющее полукруглую форму, включающее в себя сцену, где все зрители смотрят стоя. Форма его первоначально была круглой, как у амфитеатра; позднее из половины амфитеатра был сделан театр. Назван же он театром от зрелища, *ἀπό τῆς θεωρίας*, так как в нем народ, стоящий на возвышении и взирающий на действие сверху, созерцал представления. (2) Что театр, что дом разврата, – одно и то же, потому как после того, как представления заканчивались, блудницы отдавали там себя в объятия порока². Он же назван и лупанаром (*lupanar*)³, от тех же блудниц, которые в силу легкости овладения их доступным телом звались волчицами (*lupae*)⁴; действительно, блудницы прозваны волчицами от их хищности, поскольку ловят и уводят к себе несчастных. Устроены лупанарии язычниками с тою целью, чтобы срам несчастных женщин делать там всеобщим достоянием, и покрываются там позором в равной мере как те, кто творит его, так и те, кто его сносит.

Глава XLIII. О сцене

(1) Сцена была местом в нижней части театра; по форме она представляла собой дом с дощатыми подмостками, которые звались *орхестрой* (*orchestra*); там пели комические и трагические актеры, скакали гистрионы и мимы. Названа же сцена

¹ См.: *Tert. Spect.* IX. 5.

² См.: *Tert. Spect.* X. 3.

³ См.: *Lact. Inst.* I. 20. 2; *Serv. Aen.* I. 273; III. 647; *August. Civ.* XVIII. 21.

⁴ Ср.: *Plaut. Epid.* 403; *Cic. Mil.* 55; *Liv.* I.4.7; *Dionys.* I. 84. 4; *Plut. Rom.* IV. 4; *Isid. Etym.* X. 163.

(scena) в соответствии с греческим ее наименованием, потому что по виду представляла собой дом. Аналогичным образом и у евреев освящение шатров от сходства с таковым домов именовалось *скеволтүүа*.

Глава XLIV. Об оркестре

(1) Оркестра представляла собой подмостки сцены, где мог выступать плясун (*saltator*), либо могли вести диалог меж собой два актера. Для состязания всходили на нее комические и трагические поэты, и пока они пели, другие разыгрывали действие. Сцене служили трагические и комические актеры, музыканты, гистрионы, мимы и плясуны¹.

Глава XLV. О трагических актерах

(1) Трагические актеры (*tragoedi*) суть те, кто перед лицезреющим народом воспевал в своих грустных песнопениях древние деяния и преступления царей.

Глава XLVI. О комических актерах

(1) Комические актеры (*comoei*) суть те, кто словами, либо жестами воспевал деяния простых людей, а также изображал в комедиях своих растление девиц и любовь кургизанок.

Глава XLVII. О музыкантах

(1) *Thymelici* были сценическими музыкантами, которые зачинали действие, играя на лирах и кифарах. Названы же они так оттого, что некогда пели, стоя в оркестре на помосте, который звался *thymele*.

Глава XLVIII. О гистрионах

(1) Гистрионы (*histriones*) суть те, кто, вырядившись в женское одеяние, изображал повадки бесстыдных женщин; танцуя, они разыгрывали надуманные и реальные истории². Названы же они гистрионами или оттого, что этот род сценического действия был заимствован из Истрии (*Histria*), или оттого, что изображали выдумки, переплетая их с историями (*historia*), как бы *historiones*.

Глава XLIX. О мимах

(1) *Мимы* (*mimi*) названы так от греческого слова³, потому что они – подражатели⁴ деяний человеческих; у них был свой сценарист, который, прежде чем разыгрывалась пантомима, излагал сюжет. Тексты составлялись поэтами так, что-бы можно было наилучшим образом изобразить их с помощью телодвижений.

Глава L. О плясунах

(1) Варрон говорит, что плясуны названы *saltatores* от Салия (*Salio*) из Аркадии, которого привел с собой в Италию Эней, и что он первым научил плясать римских знатных юношей⁵.

Глава LI. Что под чьим патронажем творится

(1) В сценических искусствах, в тех, что неразрывно связаны со сценой, особенно явным является покровительство Либера и Венеры искусству жеста и тела. Ибо развращенные (одни – вожделением, другие – роскошью), посвящают свое распутство Либеру и Венере; действительно, кто изводит себя словами и пением, духовными инструментами да лирами, имеет патронами своими Аполлонов и Муз, Минерв и Меркуриев. Вот поэтому, христианин, ты должен ненавидеть зрелище, чьих патронов ты уже возненавидел⁶.

¹ См.: *Dionys.* II. 70. 4; *Apul.* Flor. 18.

² *Liv.* VII. 2. 6; *Val. Max.* II. 4. 4; *Tac.* Ann. XIV. 21; *Plut.* QR. 107; *Fest.* s.v. *Histriones*. P. 89L.

³ Т.е. *μῖμος*.

⁴ Автор имеет в виду греч. *μῖμητής* (подражатель).

⁵ См.: *Dionys.* II. 70. 4.

⁶ См.: *Tert. Spect.* X. 8-9. Ср.: *Quint.* Inst. II. 13. 9; *Apul.* Met. XI. 8; *Arnob.* VI. 12.

Глава LII. Об амфитеатре

(1) Амфитеатр – место для зрелища, где сражаются гладиаторы. А школа названа гладиаторской (*ludus gladiatoris*) оттого, что в ней юноши совместно обучаются различным способам применения оружия, порой сражаясь меж собой на мечач (*gladii*) или кулаках, порой выходя против диких животных; они вступают в жестокое единоборство, гонимые не ненавистью, а мздой. (2) *Амфитеатр* (*amphitheatrum*) назван так оттого, что составлен из двух театров (*theatrum*), ведь амфитеатр – круглый; театр же, имея полукруглую форму, являет собой половину амфитеатра¹.

Глава LIII. О конном поединке

(1) Видов гладиаторских состязаний много, но первым из них является конный поединок (*ludus equester*). Два всадника появлялись (один с восточной части арены, другой с западной) на белых конях в маленьких позолоченных шлемах и легких доспехах, перед которыми выносились военные штандарты. После вступали они с яростным упорством в схватку, сражаясь, пока один за смерть не падал на другого, и все это ради того, чтобы тому, кто пал, досталась погибель, а тому, кто убил, слава. Проводился этот вид состязания ради Марса Воителя (*Mars Duellius*).

Глава LIV. О ретиариях

(1) *Ретиарий* [назван так от имеющегося у него] вооружения. В гладиаторском поединке, сражаясь с противником, он скрытно держал сеть (*rete*), именуемую *iaculum*, чтобы накрыть ею противника, тесня того трезубцем, и опутав его сетью, добиться превосходства и победы². [Поскольку ретиарий пользовался] трезубцем, этот вид состязания был посвящен Нептуну.

Глава LV. О секуторах

(1) *Секутор* (*secutor*) назван так оттого, что преследовал (*insequi*) ретиария. Орудовал же он копьем и свинцовой палицей, которой мешал противнику [использовать] сеть, дабы одолеть его прежде, чем тот набросит ее. Этот вид состязаний был посвящен Вулкану, ведь огонь всегда преследует (*insequi*); оттого ставился он в пару с ретиарием, что огонь и вода вечно враждуют меж собой.

Глава LVI. О лаквеариях

(1) Сражение лаквеариев (*laquearii*) состояло в том, чтобы, преследуя, свалить противника, прикрывающего себя кожаным щитом, набросив на него аркан.

Глава LVII. О велитах

(1) Сражение велитов состояло в том, чтобы взаимно забрасывать противника дротиками. Это сражение приобретало различные формы и нравилось зрителям больше остальных. *Велиты* (*velites*) названы так либо от *полета* (*volitatio*), либо от названия этрусского города *Велес* (*Veles*)³.

Глава LVIII. О сражении с дикими зверями

(1) Сражение с дикими зверями состояло в том, что юноши сталкивались лицом к лицу с выпущенными [на арену] зверями; они шли на смерть добровольно в силу страсти, а не по причине [совершенного] преступления.

Глава LIX. О практиковании этих игр

(1) Конечно, эти спектакли жестокости и созерцание сует, порождены были не только человеческими пороками, но и кознями бесовскими⁴. Поэтому христианину не подобает иметь ничего общего ни с безумством Цирка, ни с бесстыд-

¹ См.: *Cassiod.* Var. V. 42. 5; *Isid.* Etym. XV. 2. 35.

² Ср.: *Fest.* s.v. *Retiario*. P. 358L.

³ Ср.: *Isid.* Etym. IX. 3. 43. См.: *Fest.* s.v. *Advelitatio*. P. 27L; *Velitatio*. P. 507L; *Non. Marc.* s.v. *Velitatio*. P. 3M.

⁴ См.: *Tert. Apol.* XXXVIII. 4; *Spect.* XVI–XIX.

ством театра, ни с жестокостью амфитеатра, ни со злодейством арены, ни с распушенностью игр. Действительно, отвергает бога тот, кто стремится к подобно-го рода вещам, отступает от христианской веры, кто вновь ищет того, от чего прежде уже отказался в купели: то есть от дьявола, от соблазнов и дел его.

Глава LX. Об игровой доске

(1) *Alea*, то есть игра на [специальной] доске, изобретена греками на досуге во время Троянской войны, точнее неким воином, по имени Алея, от которого и само искусство это получило свое название. На доске играют, используя башенку, камешки и игральные кости.

Глава LXI. О башенках

(1) *Башенка* для игры в кости названа *pyrgus* оттого¹, что через нее вбрасывают (*pergere*) игральные кости, либо оттого, что похожа на башню, ведь греки башню называют *πύργον*.

Глава LXII. О камешках

(1) *Камешки* (*calculi*) названы так оттого, что гладки и округлы. Отсюда и мелкий камень называют галькой (*calculus*)² – из-за ее небольшого размера по ней можно ступать (*calcare*) безопасно. Также камешки названы *calculi* оттого, что двигаются они определенными путями, как бы по тропинкам (*calles*).

Глава LXIII. Об игровых костях

(1) *Игральные кости* названы *tesserae* оттого, что они со всех сторон квадратные. Иные называют их зайчиками (*lerusculi*), потому что, выскакивая, разлетаются они в разные стороны. Прежде, однако, кости от [глагола] «бросать» (*iacere*) назывались *iacula*.

Глава LXIV. О символике игры в кости

(1) Некоторые игроки мнят себе, что занимаются искусством, аллегорически связанным с природою, и выдумывают сходство с некоторыми элементами бытия. Так они утверждают, что играют в три кости по причине трех времен мира – настоящего, прошлого, будущего, поскольку и те не стоят, а проходят. При этом они считают, что сами дорожки на шести гранях размечены в соответствии с возрастными человека, а три ряда – в соответствии с тремя временами; поэтому говорят и доска расчерчена в три линии.

Глава LXV. О терминологии игры в кости

(1) Каждый бросок у опытных игроков именовался от числа, как то: *unio* (один раз), *[binio]* (дважды), *trinio* (трижды), *quaternio* (четырежды), *[quinio]* (пять раз), *senio* (шесть раз). Впоследствии наименования некоторых из бросков изменились, и *unio* стали именовать *canis* (собака), *trinio* – *suppus* (лежащий навзничь)³, *quaternio* – *planus* (плоскость).

Глава LXVI. О бросании костей

(1) Бросок костей опытными игроками делается так, чтобы выпадало то, что им было нужно, например, *senio*, такой бросок приносит удачу. «Собаки» же они избегают, потому что бросок этот пагубен, ведь означает «один».

Глава LXVII. О передвижении камешков

(1) Камешки движутся отчасти по порядку (*ordine*), отчасти хаотично (*vage*), соответственно первые зовутся *ordinarii*, а вторые – *vagi*; а те, которые вообще не могут двигаться, – *inciti* (запертые). Отсюда люди, все проигравшие, именуются *inciti* – те, у кого не осталось больше никакой надежды продолжать ходить⁴.

¹ Ср.: *Sid. Apol. Epist. VIII. 13*; а также: *Hor. Sat. II. 7. 17*.

² Ср.: *Fest. s.v. Cancri. P. 40L*; *Serv. Georg. II. 180*; *Isid. Etym. XVI. 3. 5*; 25. 8.

³ См.: *Fest. s.v. Suppum. P. 370L*; 371L.

⁴ См.: *Ovid. Trist. II. 471sq.*

Глава LXVIII. О запрете игры в кости

(1) Этому искусству всегда сопутствуют обман, ложь, нарушение клятвы, а в итоге ненависть и разорение; в этой связи из-за этих преступлений некогда они были запрещены законами¹.

Глава LXIX. Об игре в мяч

(1) *Pila* в прямом смысле значит «мяч», потому что он набит волосом (*pili*). Так же и шар назван *sfera* от *ferre* (носить), либо от *ferire* (набивать). Об их форме и весе Доркаций² говорит так (1):

Neu tu parce pilos vivacis condere cervi,
Uncta donec erit geminam super addita libram.

*Не жалей ты быстрого оленя волос, унция за унцией
Мяч набивая, пока не станет двух фунтов поболее весом.*

(2) Среди видов игры³ в мяч – *trigonaria* и *arenata*. *Trigonaria* – оттого, что в игре участвуют три игрока. *Arenata* – игра по командам: как только мяч брошен стоящими по кругу зрителями, игроки ловили мяч за пределами установленного пространства и начинали игру⁴. Называют они ее «игрой локтя» (*lusus cubitalis*), когда два игрока, находящиеся очень близко друг к другу, перебрасывают мяч, почти касаясь локтями. Говорится *suram dare*, когда, вытянув ногу, кто-либо дает пас сотоварищам, ударяя по мячу икрой (*sura*) ноги.

Перевод с латинского, предисловие и комментарии А.А. Павлова

Павлов Андрей Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, заведующий, кафедра истории России и зарубежных стран; aapavlov@rambler.ru

Isidore of Seville. Etymologies, or Origins. Book XVIII. War and games

In this issue we publish the translation of the first part of the XVIII book Isidore of Seville's "Etymologies". This work is based appreciably on the Roman grammatical and encyclopedic tradition, and itself became the base of the medieval encyclopedism. In the eighteenth book the author considers some of the important spheres of the life for the Roman consciousness connected with competitiveness. As well as in other books, basing on his "pan-grammatical method", he results the Latin terminology connected with war, legal proceedings and a various sort of competitions. In the foreword to translation briefly discussed the structure of the book and its sources.

Keywords: *Isidore of Seville, the Roman antiquarian and grammatic tradition, early medieval encyclopedism, war, games.*

Andrey Pavlov, PhD (History), Associate Professor, Head, Department of History of Russian and foreign countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; aapavlov@rambler.ru

¹ См.: D. 11. 5.

² Малоизвестный автор. Имя его встречается в надписи (CIL 5, 2793), с ним некоторые связывают анонима, к которому обращается Овидий в «Тристиях» (II. 485).

³ См.: *Mart.* IV. 19; *Climent.* Paed. III. 10.

⁴ Ср.: *Sid. Apol.* Epist. V. 17. 7.

А.Ю. СЕРЕГИНА, В.В. ШИШКИН

**ДИПЛОМАТИЯ И ТИРАНОУБИЙСТВО
ПИСЬМО РОБЕРТА СЕСИЛА, ГРАФА СОЛСБЕРИ,
К НИКОЛА ДЕ НЁВИЛЛЮ, СЕНЬОРУ ДЕ ВИЛЛЕРУА (1609)**

Публикация представляет неизвестное письмо государственного секретаря Якова I Роберта Сесила, графа Солсбери, своему французскому коллеге Никола де Нёвиллю, сеньору де Виллеруа из Собрания П.П. Дубровского (Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека. Авт. 72. № 16). В письмо, написанном в Лондоне 7 (18?) ноября 1609 г., Сесил информировал Виллеруа о готовящемся против французского короля Генриха IV заговоре. К письму должен был прилагаться меморандум с подробным рассказом о заговоре, но он не сохранился. Во вступительной статье реконструирован политический контекст письма, а также установлено имя посла, который привез Сесилу сообщение о заговоре. Им был Джон Барклай, который летом-осенью 1609 г. посетил Северную Италию и Германию; его миссией было преподнести европейским государям посвященный им политический трактат Якова I. Представлена транскрипция письма (на франц. языке) и его русский перевод с комментариями.

Ключевые слова: Англия, Франция, тираноубийство, Генрих IV Французский, Роберт Сесил, Джон Барклай, дипломатические отношения, раннее Новое время.

Убийство Генриха IV 14 мая 1610 г., последствия которого ощутила вся Западная Европа – одно из исторических событий, что изучены историками едва ли не поминутно, но при этом представляют собой трудноразрешимую загадку. Современники считали, что у Равальяка были сообщники, хотя убийца не назвал их даже под пыткой, утверждая, что действовал один. Историки так и не сумели обнаружить прямых доказательств связи Равальяка с какими бы то ни было заговорщиками во Франции или за ее пределами. Тем не менее, еще в XIX в. были выявлены косвенные данные о подготовке весной 1610 г. как минимум одного заговора против Генриха IV, хотя и необязательно связанного с Равальяком. Жюль Луазлер считал, что в заговоре против французского короля участвовали герцог д'Эпернон и фаворитка Генриха IV Генриетта д'Антраг, а также агенты испанского короля Филиппа III, а совершенное Равальяком преступление просто предвосхитило удар заговорщиков¹.

Р. Мунье убедительно показал, что многие аспекты внутренней и особенно внешней политики Генриха IV вызывали недовольство во Франции, где к тому времени были хорошо известны, а многими и усвоены идеи тираноборцев. Представив исчерпывающее обоснование версии убийцы-одиночки, действовавшего по идеологическим (религиозным) соображениям², Мунье был настолько убедителен, что после него историки практически прекратили искать следы заговора против французского короля и рассматривали совершенное 14 мая 1610 г. убийство как дело рук фанатика-одиночки. Тем не менее, сам Мунье не отрицал

---

¹ Loiseleur 1873: 100-108.

² Mousnier 1964. Русский перевод: Мунье 2008.

возможности заговора против Генриха IV и полагал версию Луазлера наиболее обоснованной (именно на нее он опирался в своем анализе)³, хотя считал ее избыточной для объяснения действий самого Равальяка.

При этом сведения о заговоре, нити от которого тянулись за пределы Франции, например, в испанский Милан, появлялись и после публикации труда Мунье и вели к источникам, не учтенным ни им самим, ни Луазлером. Так, Д. Буссере указал, что в конце апреля 1610 г. на возможность внезапной смерти Генриха IV намекал испанский губернатор Милана граф де Фуэнтес⁴. Информация об этом содержалась в письме, отправленном из Экса 25 мая 1610 г. Николая Фабри де Пейреском⁵ и адресованном его другу и покровителю, придворному поэту Франсуа де Малербу⁶ в Париж⁷. В письме, помимо прочего, пересказывался разговор, состоявшийся у патрона Пейреска, председателя парламента Прованса Гийома Дю Вера⁸ с гостем, венецианцем Пьетро Приули:

«В субботу вечером сюда приехал светлейший посол Венеции, Пьетро Приули⁹, который ранее был послом во Франции, тот самый, которого мы, Вы и я, встретили у господина де Конти¹⁰, и который был так благорасположен к этому государству. Вот поэтому он был так разгневан этим бедствием [убийством Генриха IV] и, путешествуя морем, как посол – резидент Венеции в Испании, решил навестить Первого президента [Дю Вэра] и рассказать ему, что в Милане, который он проехал по пути, господина принца де Конде¹¹ содержат скорее как пленника, нежели как кого-то другого, а когда он [Приули] разговаривал графом де Фуэнтесом¹² от французской армии, тот сказал, что не

³ Мунье 2008: 48–60.

⁴ Buisseret 1984: 175.

⁵ Николая-Клод Фабри де Пейреск (1580–1637) – гуманист и ученый; советник парламента Прованса.

⁶ Франсуа де Малерб (1555–1628) – литератор, личный секретарь губернатора Прованса Генриха Ангулемского, придворный поэт Генриха IV и Людовика XIII.

⁷ Peiresc 1976: 48–52.

⁸ Гийом Дю Вер (1556–1621) – писатель, государственный деятель; докладчик в Парижском парламенте, посланник в итальянских княжествах и в Англии, в 1596–1616 гг. председатель парламента в Провансе и епископ Лизьё.

⁹ Пьетро Приули – венецианский посол во Франции (1605–1608) и Испании (с 1609 г.). Его родственник Франческо Приули в 1609 г. был венецианским послом в Савойе, а позднее сменил Пьетро на посту в Мадриде.

¹⁰ Франсуа де Бурбон, принц де Конти (1558–1614), кузен короля Генриха IV.

¹¹ Анри (Генрих) II де Бурбон (1588–1646), принц Конде, герцог Монморанси и Энгийенский, принц крови и предполагаемый наследник французского престола до 1601 г. В мае 1609 г. женился на фрейлине королевы Марии Медичи Шарлотте-Маргарите де Монморанси (1594–1650). Генрих IV собирался сделать принцессу Конде своей фавориткой, но муж не согласился уступить Шарлотту королю и осенью 1609 г. увез ее из Парижа в Амьен. 29 ноября 1609 г. супруги бежали в Брюссель, на территорию Испанских Нидерландов. Когда весной 1609 г. Генрих IV потребовал от эрцгерцога Альбрехта выдачи супругов, принц Конде с женой перебрался в испанский Милан. Во Францию они вернулись только после убийства Генриха IV.

¹² Педро Энрикес де Асеведо (1560–1610), граф де Фуэнтес, из младшей ветви рода де Толедо, служил в испанской армии герцога Альбы в Португалии и стал его преемником, в 1589 г. отразил попытку высадки англичан в Лиссабоне. С 1591 г. воевал в Нидерландах, генерал-губернатор (1595–1598). Генерал-губернатор Милана (1600–1610).

боится ее, потому что смерть одного человека все разрушит, или что-то в этом роде, и тем самым показал, что замыслил это невиданное злодеяние»¹³.

Это сообщение указывает, что испанский губернатор Милана граф де Фуэнтес был, как минимум, осведомлен о заговоре против французского короля, если не напрямую замешан в нем. Однако, как мы видим, информация исходила из вторых рук, кроме того, она появилась уже после убийства Генриха IV. Ее вполне можно было бы отнести к категории недостоверных слухов, разошедшихся уже после события. Но находятся и косвенные подтверждения осведомленности миланских властей, исходящие из других источников. Так, 14 февраля 1610 г. венецианский посол в Милане Джованни-Франческо Маркезини сообщал дожу и сенату, что хотя до столицы Ломбардии дошли слухи о том, что французы вооружаются, губернатор Фуэнтес наотрез отказывался собирать дополнительные войска, утверждая, что даже если война и начнется, это случится не в Италии¹⁴. Утверждение кажется странным, если учесть, что в случае военных действий в испанских Нидерландах именно в Милане стали бы набирать подкрепления, которые потом проследовали бы «испанской дорогой» через альпийские перевалы вниз по долине Рейна. Таким образом, где бы ни случились военные действия, губернатору Милана пришлось бы на них реагировать набором солдат. Означало ли его подчеркнутое нежелание готовиться к войне неверием в нее, или же наличием у Фуэнтеса информации о том, что началу военных действий может воспрепятствовать какое-то внезапное событие?

Еще одно косвенное подтверждение этой версии содержится в публикуемом ниже письме английского государственного секретаря Роберта Сесила, графа Солсбери, своему французскому коллеге Никола де Нёвиллю, сеньору де Виллеруа¹⁵. Послание принадлежит к рабочему архиву Виллеруа (его значительная часть находится в коллекции П.П. Дубровского в РНБ)¹⁶. В письме граф доводит до сведения Виллеруа, с которым был знаком лично, полученную посланником Якова I Джоном Барклаем информацию относительно заговора против французского короля. К письму должен был быть приложен меморандум самого Барклая с изложением услышанного, но этот документ, видимо, утрачен.

¹³ Peiresc 1976: 50-51: «Le soir de samedi il arriva icy ung clarisme de Venise, P[ietr]o Priuli, qui avoit esté ambassadeur en France, celui que nous vismes, vous et moy, chez Mr de Conty, et quy estoit bien affectionné à cest Estat. C'est pourquoy il eust une extreme facherie de ce desastre; lequel, s'en allant par mer ambassadeur ordinaire de Venise en Hespaigne, voullust se contourner de son chemin pour venir voir Mr le premier President et luy dire qu'on tien à Milan, où il estoit passé en venant Monsr le prince de Condé plutost comme prisonnier que autrement, et que, parlant au comte de Fuentès de l'armée de France, il luy dict qu'il ne la craignoit point, d'aultant que la mort d'ung seul abbattroit tout, ou quelque chose de semblable, qui monstroit bien qu'il avoit machiné ceste insigne mechancetté». Авторы выражают благодарность А.В. Стоговой за предоставленную информацию.

¹⁴ CSP Venice 1904. Vol. 11: 415-423.

¹⁵ РНБ. Отдел рукописей. Собрание автографов П.П. Дубровского (Ф.971). Авт. 72. № 16. Ф.27^г-28^в.

¹⁶ Шишкин 2015.

Автор письма, Роберт Сесил, граф Солсбери (1563–1612), был младшим сыном Уильяма Сесила, лорда Бёрли, государственного секретаря, лорда-казначея и бессменного советника Елизаветы I, в нем отец видел своего преемника, способного занять его место в правительстве. Бёрли позаботился о том, чтобы дать ему хорошее образование. Роберт учился в Кембридже (колледж Св. Иоанна), а затем – в лондонской юридической корпорации Грейс Инн. В 1584 г., по окончании учебы, отец отправил его в путешествие во Францию совершенствовать язык и манеры. Во время этой поездки в Париже Роберт впервые встретился с адресатом публикуемого письма, сеньором де Виллеруа, который занимал пост государственного секретаря, отвечавшего за иностранные дела.

По возвращении в Англию Сесил начал свою парламентскую карьеру. В 1589 г. он женился на Элизабет Брук, дочери барона Кобэма (ум. 1597). У супругов родился сын Уильям Сесил (он упомянут в рассматриваемом письме, о нем см. ниже). В мае 1591 г. Роберт Сесил был возведен в рыцарское достоинство, а в августе 1591 г. введен в состав Тайного Совета. В первой половине 1590-х гг. он был *de facto* государственным секретарем, хотя в должности его утвердили только в 1596 г. В этом качестве Сесил в 1598 г. отправился во Францию с не увенчавшейся успехом миссией отговорить французского короля и союзника Генриха IV от заключения сепаратного мира с Испанией (Вервенский мир 1598 г.). Генрих IV выказал ему благосклонность и подарил свой портрет. Тогда же состоялась вторая встреча Сесила и Виллеруа.

После смерти отца в 1598 г. Роберт Сесил стал самым влиятельным политиком окружения королевы Елизаветы и фактически возглавил Тайный Совет. В этом качестве Сесил инициировал тайную переписку с Яковом VI Шотландским, обещая последнему беспрепятственный переход к нему власти в Англии. После восшествия на престол король утвердил Роберта Сесила в должности государственного секретаря, назначил его лордом-хранителем малой печати, даровал ему титул барона Сесила из Эссендона (1603), виконта Кранборна (1604), а в 1605 г. – графа Солсбери. В 1608 г. его назначили лордом-казначеем, при этом он, в отличие от своего отца, оставался и государственным секретарем, объединив в своих руках важнейшие государственные должности¹⁷.

Адресат письма – Никола де Нёвилль, сеньор де Виллеруа (1543–1617). Как и Сесил, он был отпрыском придворных и королевских советников. Его отец и тезка, Никола де Нёвилль, сеньор де Виллеруа, также входил в состав королевского совета, а дед, Гийом Прудом являлся королевским казначеем. Виллеруа-младший учился в Парижском университете, в престижном Наваррском коллеже. В 1559 г. он стал секретарем по финансовым делам, а в 1567 г. – государственным секретарем по иностранным делам и в этом качестве служил четырем государям – Карлу IX, Генриху III, Генриху IV и Людовику XIII. По причине утраты до-

¹⁷ Croft 2004.

верия Генрих III уволил его и других членов правительства в 1588 г., после чего Виллерау некоторое время служил Католической Лиге, однако в 1594 г., после обращения Генриха IV в католичество, вернулся на прежнюю должность, которую и занимал до самой смерти в 1617 г.¹⁸

В письме, помимо английского посланника Баркляя (о нем – см. ниже), упомянут также Уильям Сесил (1591–1668), II граф Солсбери, единственный сын Роберта Сесила. В 1605–1612 гг. он носил титул виконта Кранборна. Уильям учился в школе в Кранборне, а затем в Кембридже в колледже Св. Иоанна. Следуя по стопам отца, в 1608 г. Уильям Сесил отправился в путешествие по Европе с рекомендательными письмами отца к влиятельным европейским придворным и министрам (в их число входил и Виллерау). Сначала Уильям отправился во Францию, откуда в декабре отец вызвал его домой: Уильям Сесил женился на Кэтрин Ховард, дочери графа Саффолка – королевского советника и политического союзника его отца. После свадьбы виконт Кранборн вернулся к прерванному путешествию во Францию¹⁹. После убийства Генриха IV граф Солсбери отозвал сына в Англию²⁰.

Сообщение английского посланника показывает, что сведения о каком-то заговоре против Генриха IV просачивались (или сознательно распускались) на севере Италии еще летом 1609 г., почти за 10 месяцев до убийства короля, подтверждая тем самым слова Приули – Пейреска.

Политический контекст письма Сесила

Публикуемое письмо было составлено в ожидании большой европейской войны, развязыванию которой английский король Яков I желал воспрепятствовать. Яков I воспринимал всерьез свою репутацию *Rex Pacificus*. С его восторжеством на английский престол закончилась англо-испанская война. Король считал себя посредником и примирителем воюющих христианских государей, а его политический альянс с немецкими и североевропейскими протестантами уравновешивался хорошими отношениями с католическими странами. При этом Яков I стремился к формированию союза (пусть и неформального) с правителями, которые, не отказываясь от католического вероучения, были готовы противостоять тому, что король считал папским абсолютизмом, т.е., вмешательством понтифика в политическую сферу и претензиями на право объявлять государей и правительства лишенными власти. Яков I усматривал в этом угрозу для всех монархов: ситуации, когда церковные власти объявляли того или иного короля тираном, не имеющим права на корону, приводили к возникновению заговоров, т.е., физической угрозе для этих правителей, которая за предыдущие десятилетия не раз реализовывалась в политических убийствах (Вильгельма Оранского, Генриха III Валуа, покушения на Генриха IV).

¹⁸ Карьеру Н. Виллерау посвящена недавняя докторская диссертация: Ferrer-Bartomeu 2022. См. также Dickerman 1971; Sutherland 1962.

¹⁹ Owen 2004.

²⁰ ССР 1970. Vol. 21: 220.

Английский король был особенно чувствителен к этой угрозе, так как сам не раз становился мишенью заговорщиков, а последняя такая попытка была предпринята незадолго до описываемых событий (Пороховой заговор 1605 г.). Неудивительно, что он искал союзников среди католических государей, отношения которых с Римом по разным причинам были осложнены. К их числу относилось правительство Венеции, которая в 1606–1607 гг. находилась под интердиктом из-за споров о юрисдикции в отношении венецианского католического духовенства²¹.

Однако важнейшим союзником Якова I был французский король Генрих IV. И именно союз с ним мог втянуть Англию к 1610 г. в большой европейский конфликт, несмотря на все усилия *Rex Pacificus*. Несмотря на заключенный в 1598 г. мир с Испанией, французский король продолжал считать испанских Габсбургов главной угрозой своей власти. Его беспокойство усиливало завершение военного противостояния в Нидерландах и заключение перемирия между Испанскими Нидерландами и отделившимися от них северными провинциями. Переговоры о мире или перемирии начались в 1607 г. при посредничестве Франции и Англии и продолжались до весны 1609 г. 9 апреля 1609 г. в Антверпене был подписан договор о 12-летнем перемирии²².

После прекращения военных действия испанская армия, ранее действовавшая в Нидерландах, теперь теоретически могла угрожать границам Франции. По крайней мере, именно так видел ситуацию Генрих IV, который немедленно начал создавать новые антигабсбургские военные союзы. Франко-савойские переговоры в Турине (осень 1609 – весна 1610 г.) привели к заключению договора в Брюсселе / Брузоло (названного по замку близ Турина, где он был подписан в апреле 1610 г.) между французским королем и герцогом Карлом Эммануилом I Савойским. Участники договора обязались объединить усилия для изгнания испанцев из Италии. После победы герцогу Савойскому должна была достаться рука французской принцессы и корона короля Ломбардии. Одновременно Генрих IV вел переговоры с немецкими князьями-протестантами, объединенными в Протестантский Союз. Договор о военном союзе был подписан в январе 1610 г.²³ Тогда же прирейнские территории затронул новый политический кризис. В марте 1609 г. умер бездетный герцог Иоганн-Вильгельм, правитель герцогств Юлиха, Клеве, Берга и Марка на нижнем Рейне. Оба его потенциальных наследника – маркграф Бранденбургский и герцог Пфальц-Нейбурга – были лютеранами, а подавляющее большинство населения герцогств составляли католики. Император Рудольф II передал герцогства под имперское управление (сместив тем самым регентов, назначенных по договору между потенциальными наследниками). Юлих был занят войсками эрцгерцога Леопольда, брата императора. В ответ Протестантский союз

²¹ Patterson 2000: 90-91; Lee 1970; Smuts 2002.

²² Израэль 2018: 414-424.

²³ Bély 2009: 115-140.

начал военные действия²⁴. Генрих IV готовился выступить с армией на помощь своим немецким союзникам в мае 1610 г., но французское вмешательство было остановлено ударом Равальяка²⁵.

Политическая теория как фактор внешней политики XVII века миссия Джона Баркляя (1609)

Раскрытие Порохового заговора в Англии (5 ноября 1605 г.) вызвало в стране серьезные политические потрясения. Одним из последствий стало рассматриваемое в данной статье посольство Джона Баркляя, миссия которого была тесно связана с представлением английского короля о политических теориях, стоявших за доктриной тираноубийства.

Король в обращении к парламенту в ноябре 1605 г. (сразу после раскрытия заговора) заявил: «хотя... только слепое суеверие и заблуждения ложной веры породили их [заговорщиков] отчаянный план, из этого не следует, что все, исповедующие Римскую религию, виновны»²⁶. Однако антикатолические меры были значительно ужесточены по сравнению даже с елизаветинскими законами, подтвержденными Яковом I в 1604 г.²⁷ И еще один статут сформулировал присягу на верность (*juramentum fidelitatis*), которую предписывалось под страхом тюремного заключения требовать у католиков, если их подозревали в измене, а также у всех англичан, выезжавших за границу, либо возвращавшихся оттуда (кроме моряков и купцов)²⁸. Сначала присяга распространялась только на простолудинов и нетитулованных дворян, но с 1616 г. ее можно было требовать и от баронов. Присяга содержала следующие положения:

«Я... истинно и честно признаю, свидетельствую и заявляю по совести перед Богом и миром, что наш Государь, король Яков – поистине законный правитель этого королевства и прочих своих владений, и что Папа ни лично, ни властью церкви или Римского престола не имеет права и силы сместить короля... , разрешить какому-либо иностранному государю вторгнуться в его владения ..., освободить подданных от долга верности по отношению к Его Величеству..., позволить им... поднять восстание или совершить насилие над личностью короля... Также я клянусь от всего сердца, что невзирая на любое объявление... об отлучении или лишении [власти], которое... будет сделано

²⁴ Война на Рейне шла с переменным успехом до 1614 г. Согласно Ксантенскому мирному договору, заключенному при французском и английском посредничестве, спорные владения были разделены между претендентами: Клеве и Марк достались маркграфу Иоганну III Сигизмунду Бранденбургскому, а Юлих и Берг – Вольфгангу Вильгельму Пфальц-Нейбургскому. Последний к тому времени перешел в католичество и стал союзником Габсбургов. Wilson 2010: 229-238.

²⁵ Greengrass 2013: 236-249.

²⁶ The Political Works 1965: 285.

²⁷ Статутами 1606г. предписывалось взимание штрафа в не только за recusancy (отказ появляться на воскресной литургии), как раньше, но и за уклонение от причастия в церкви Англии, за крещения и венчания вне приходской церкви, причем взимание штрафа теперь могло быть заменено конфискацией движимого и 2/3 недвижимого имущества. Кроме того, католики-рекузанты лишались права заниматься определенными видами деятельности (связанными с юриспруденцией, армией, флотом, медициной): The Statues of the Realm 1819: 1071-1074, 1105-1108.

²⁸ The Statues of the Realm 1819: 1103-1105.

Папой... в отношении короля... я сохранию верность и преданность Его Величеству... Я... ненавижу и отрицаю как нечестивое и еретическое... учение о том, что государи, отлученные Папой от церкви, могут быть смещены с престола или убиты своими подданными... (курсив наш. – авт.)»²⁹.

Среди историков нет согласия относительно цели введения присяги. Согласно долгое время господствовавшему мнению, присяга задумывалась как тест на лояльность монарху, позволявший отделить изменников от законопослушных подданных³⁰. В другой версии присяга рассматривается в контексте экуменической политики Якова I, стремившегося к сглаживанию конфессиональных противоречий и объединению европейских государей против папского абсолютизма³¹. Однако более убедительны другие объяснения. По мнению М. Кестье, присяга содержала положение, которое католики были не в состоянии принять – признание «нечестивым и еретическим» учения о смещении отлученных от церкви государей. Оно означало, что ряд разделявших его пап и теологов – еретики. Эта фраза могла быть прочитана как отрицание примаата папы, причем формулировка не случайна. Присяга задумывалась как одно из средств наступления на католическое сообщество, способ заставить католиков-рекузантов отказаться от неконформизма³². Замысел присяги коренился в представлениях Якова I о короне Англии как обладающей полнотой светской и духовной юрисдикций и о его бескомпромиссной борьбе со сторонниками теорий сопротивления монархам³³.

Папа Павел V издал два бреве, запрещавших английским католикам приносить присягу (в 1606 и 1607 гг.). Английские католики разделились. Иезуиты выступили против присяги, однако среди представителей других орденов, а также среди секулярных священников-миссионеров единства не было. Многие католики, священники и миряне, соглашаясь в принципе принести особую присягу на верность королю, просили переформулировать ее текст³⁴. Среди тех, кто с ого-

²⁹The Statues of the Realm 1819: 1074: 'I A.B. do truly and sincerely acknowledge, profess, testify and declare in my conscience before God and the world, that our sovereign lord King James is lawful and rightful King of this realm and of all other his Majesty's dominions and countries; and that the Pope, neither of himself nor by any authority of the church or See of Rome or my any other means... hath any power or authority to depose the King... to authorize any foreign prince to invade or annoy him or his countries, or to discharge any of his subjects of their allegiance and obedience to his Majesty, ...or to give licence or leave to any of them to bear arms, rise tumult or to offer any violence or hurt to his Majesty's royal person... Also I do swear from my heart that notwithstanding any declaration or sentence of excommunication or deprivation... to be made or granted by the Pope... against the King... I will bear faith and true allegiance to his Majesty... I do... abhor, detest and abjure, as impious and heretical, this damnable doctrine and position that princes which be excommunicated or deprived by the Pope may be deposed or murdered by their subjects...'. Русский перевод полного текста присяги см.: Серегина 2006: 286–287.

³⁰ Fincham, Lake 1985; Sommerville 1981. P. 10-15; Aveling 1966: 125-127.

³¹ Patterson 2000: 75-123.

³² Questier 1997: 319-325.

³³ Tutino 2010: 128; Lemon 2008: 110.

³⁴ Серегина 2006: 54–58.

ворками принял присягу, был и глава английских священников-миссионеров архипресвитер Джордж Блэкуэлл, который в 1607 г. (находясь под арестом), принес присягу и обратился к своим единоверцам с призывом последовать его примеру. Лично знавший Блэкуэлла католический богослов-иезуит, кардинал Роберто Беллармино обратился к нему с призывом одуматься и последовать предписаниям папы.

На этой стадии вся полемика могла бы остаться фактором исключительно английской истории и не выйти за рамки богословских прений. Все изменило вступление в спор английского короля. Яков I, живо интересовавшийся богословием и любивший полемику, воспринял послание Беллармино – адресованное не ему – как брошенную перчатку. В ответ по его приказу в том же 1607 г. был опубликован трактат *«Тройной клин тройного узла»*³⁵, защищавший принципы, на которых основывалась присяга. Его автором был сам король, хотя первое издание появилось без указания имени автора. Однако это не помешало оппонентам узнать, с кем они имеют дело. Против трактата, написанного королем Англии, выступил кардинал Беллармино, а поскольку трактат вышел анонимно, автором ответного сочинения был указан капеллан кардинала Маттео Торти³⁶. Так было положено начало полемике, не прекращавшейся около 15 лет и затронувшей ведущих католических и англиканских теологов, англичан и представителей других национальностей³⁷.

Следует очертить хотя бы первый этап этой полемики, поскольку именно сочинения 1608–1609 гг. имели прямое отношение к путешествию Джона Барклая и его пребыванию в Северной Италии. Обиженный тем, что его сочинению не было уделено достаточного внимания – ответ какого-то капеллана не мог считаться серьезным – Яков I в 1609 г. переиздал свой трактат уже под собственным именем, с новым предисловием и посвящением всем европейским государям³⁸. Сам по себе этот факт был беспрецедентным и нарушал обычные практики, согласно которым посвящение произведения кому-либо требовало согласия последнего. Такое нарушение представляло собой политический вызов и призыв к

³⁵ *Triplici Nodo, Triplex Cuneus. Or An Apologie 1607*. Латинское издание: *Triplici Nodo, Triplex Cuneus. Apologia 1607*.

³⁶ Беллармино выпустил трактат под именем своего капеллана Маттео Торти (*Respon-sio 1608*). Второе издание: *Apologia 1610*).

³⁷ Полемика вокруг присяги на верность фактически завершилась в 1625 г., когда папа Урбан VIII запретил католикам писать сочинения о возможности смещения государей римским понтификом. Среди сторонников присяги были протестантские теологи Ланселот Эндрюс, Роберт Бёрхилл, Уильям Тукер, Роберт Эббот, Уильям Барлоу, Джон Гордон, Ричард Томсон, Ричард Харрис, Сэмюэл Коллинз, Джордж Карлтон, Джон Бакеридж, Томас Мортон, а также католики Ричард Шелдон, Уильям Уормингтон и Томас Престон и др. В качестве ее оппонентов выступили, прежде всего, иезуиты – кардинал Беллармино, Франсиско Суарес, Мартин ван дер Бек, Йозеф Гретцер, Евдемон-Иоанн, Леонард Лессий, Роберт Парсонс и Томас Фишгерберг, а также кардинал Дюперрон и священник Мэтью Келлисон. См. Серегина 2006: 65–69.

³⁸ *An Apologie for the Oath of Allegiance 1609*. Латинская версия: *Apologia pro iuramento fidelitatis 1609*.

действию, т.е. к формированию антипапской коалиции. И конечно, оно предполагало преподнесение сочинения всем его адресатам – христианским монархам Европы. Для этой цели текст был переведен на латынь.

Одним из переводчиков сочинения стал Джон Барклай³⁹ (1582–1621), поэт-неоклассик, автор сатирических сочинений⁴⁰. Его отец, шотландец Уильям Барклай (1546–1608) был католиком и сторонником Марии Стюарт. После ее смещения с престола и бегства в Англию он покинул Шотландию и отправился во Францию, как многие его соотечественники, желавшие изучать право⁴¹. Барклай учился в университете Буржа в начале 1570-х гг., а в 1577 г. получил должность профессора гражданского права в университете Пон-а-Муссона в Лотарингии. Правитель герцогства Карл III был родственником Марии Стюарт, а ректором университета – кузен Барклая, шотландский иезуит Эдвард Хэй, покровительству которого он и быв обязан своим постом. В 1581 г. Уильям Барклай женился на местной дворянке Анне де Малавийе, а 21 января 1582 г. в Пон-а-Муссоне родился их сын⁴².

Джон Барклай получил образование в иезуитской коллегии Пон-а-Муссона, а окончив ее (1601/1602), учился в Парижском университете⁴³. В 1603 г., после восшествия на престол в Англии Якова I Стюарта, Уильям Барклай с сыном отправились в Англию в надежде найти для Джона покровителя при дворе и придворную должность⁴⁴. Таковая была ему обещана, и в 1605 г. Джон Барклай приехал в Англию один, а его отец занял профессорскую кафедру в Анжере. В Англии молодой поэт опубликовал несколько сборников своих латинских поэм и стихотворений; ему покровительствовал государственный секретарь Роберт Сесил, граф Солсбери, и сам король. Джон Барклай был его слугой, хотя отмечен в этом качестве только в 1610 г.⁴⁵ Королевская благосклонность отчасти объяснялась тем, что Барклай, как все придворные, подчинился требованию английских законов и бывал на воскресных службах в церкви⁴⁶.

Джон Барклай также выполнял дипломатические поручения монарха. В 1609 г. ему было поручено преподнести ряду европейских правителей книгу Якова I. Он – тот самый посол, о котором идет речь в публикуемом ниже письме. Выбор объяснялся знакомством Барклая с текстом преподносимого сочинения (ведь он переводил его на латынь), знанием языков, контактам среди католиков. Кроме того, отец Джона, Уильям Барклай, принадлежал антипапской галликанской традиции. Его

³⁹ CSPD James I. 1857. Volume I: 506.

⁴⁰ Биографические данные приводятся по: Royan 2004, уточнены по новой полной биографии Джона Барклая: Growhowski 2015.

⁴¹ До XVII в. в университетах Шотландии не преподавали права; шотландские студенты обычно отправлялись учиться во Францию.

⁴² Growhowski 2015: 35–45.

⁴³ Growhowski 2015: 72.

⁴⁴ Growhowski 2015: 78.

⁴⁵ Growhowski 2015: 460.

⁴⁶ Growhowski 2015: 474.

последним произведением стал трактат «*О власти папы*»⁴⁷, в котором отвергалась теория Беллармино о праве папы вмешиваться в светские дела. Издание трактата У. Баркляя подготовил его сын; произведение увидело свет в Лондоне в начале 1609 г. Согласно сообщению венецианского посла в Лондоне Марка-Антонио Коррера⁴⁸ от 10 июня 1609 г., Джону Баркляю было поручено преподнести дар Якова I герцогам Анри (Генриху) II Лотарингскому, Максимилиану I Баварскому и Карлу Эммануилу Савойскому⁴⁹. 18 июня Коррер писал, что Баркляю поручено также отвезти книгу в Швейцарию и, возможно, в Венецию, а 25 июня добавил, что в маршрут Баркляя были включены Мюнхен, Вена и Прага, а также Речь Посполитая. По словам посла, «ему [Баркляю] поручено извиниться за фразы, затрагивающие вероучение, и объявить, что они не предназначались для отвращения кого-либо от его веры»⁵⁰.

Поездка Баркляя началась с Франции. Не позднее 2 июля 1609 г. он был в Париже и остановился в доме английского посла сэра Джорджа Кэрю на улице Турнон⁵¹. Задачей Баркляя было всего лишь доставить книгу. Вручил ее королю Генриху IV сам посол, как это полагалось делать в странах, которые тогда имели постоянных представителей английской короны (в 1609 г. их было четыре – в Париже, Брюсселе, Венеции и Мадриде). К немалому раздражению папского нунция Генрих IV принял предложенный ему дар и передал книгу кардиналу дю Перрону, которому предстояло оценить труд Якова I на предмет (не)соответствия католическому учению⁵². Дальнейший маршрут Баркляя не вполне ясен. Неизвестно, когда именно он побывал в Швейцарии и Лотарингии. Коррер писал 13 августа, что в Лондоне получили известие о том, что герцог Лотарингский последовал примеру Генриха IV и вежливо принял книгу Якова I, несмотря на протесты нунция⁵³. Учитывая время, необходимое для того, чтобы известие об этом событии достигло Лондона, можно предположить, что Барклай оказался в Лотарингии примерно в середине июля, или несколько позже. Дорога из Лота-

⁴⁷ Barclay 1609.

⁴⁸ Марк-Антонио Коррер (1570–1638) – посол Венеции в Англии в 1608–1610 гг.

⁴⁹ CSP Venice 1904. Vol. 11: 286. Эти сведения подтверждаются приказом выплатить Баркляю 300 фунтов на расходы во время этого путешествия (дан 22 мая (3 июня) 1609 г. в Вестминстере, см. CSPD James I. 1857. Vol. 1: 514.

⁵⁰ CSP Venice Vol. 11: 287-288.

⁵¹ Growhowski 2015: 698-699. Сэр Джордж Кэрю (1560–1612) – парламентарий, судья Казначейства и суда по делам опеки, дипломатический агент в Дании, Швеции, Брауншвейге и Речи Посполитой; посол во Франции с весны 1605 по октябрь 1609 г.

⁵² Кардинал Жак Дави дю Перрон (1556–1618) был наставником Генриха IV в католической вере и принял его отречение от ереси. Позднее был послом французского короля в Риме, а затем – архиепископом Санским и великим альмонарием (главным раздатчиком милостыни), т.е. возглавлял духовенство при французском дворе.

⁵³ CSP Venice. 1904 Vol. 11: 316–317. Мэтью Гроуховски отнес к 13 августа само событие (Growhowski 2015: 713). Но это ошибка: 13 августа – дата письма, в котором венецианский посол Коррер проинформировал о случившемся дождя и сенат, но не сообщил, когда именно герцог Лотарингский принял доставленную ему книгу.

рингии в Турин, где он точно был, идет через Швейцарию, так что он, скорее всего, там тоже побывал.

Барклай прибыл в Турин 26 июля 1609 г., о чем венецианский посол в Савоие Грегорио Бадозр сообщил 2 августа⁵⁴. К тому моменту о цели путешествия было хорошо известно, и как только Барклай появился в столице герцогства, папский нунций немедленно заявил протест⁵⁵. Карл Эммануил Савойский отказался принимать книгу, но даровал Барклаю несколько аудиенций и согласился взять письмо Якова I. Барклай старался убедить герцога принять книгу, уверяя его, что она не содержала ничего, противоречащего католическому учению, а также, что ее приняли монархи Франции и Испании (последнее не соответствовало действительности)⁵⁶. До 8 августа Барклай покинул Турин. Стремясь показать, что отказ от подношения объясняется верностью католическому учению, но ни в какой мере не враждебностью к королю Якову I, Карл Эммануил Савойский пожаловал Барклаю драгоценностями и отправил в Милан в собственной карете в сопровождении свиты из своих дворян⁵⁷. 8 августа Барклай был уже в Милане хорошо принят испанским губернатором, графом Фуэнтесом. Здесь он не только не пытался вручить Фуэнтесу книгу, но даже и не заикнулся о ней, хотя миланские власти хорошо знали, что везет английский посланник: скандальное произведение обсуждали между собой венецианский представитель в Милане Маркезини и капеллан губернатора Фуэнтеса Джулио делла Торре⁵⁸. Из Милана Барклай, видимо, направил-ся в Венецию, хотя к тому времени английский посол в Венеции сэр Генри Уоттон⁵⁹ уже вручил дожу и сенату книгу Якова I (25 июля). Подобно Генриху IV, венецианские власти приняли письмо короля и книгу, но тут же приказали убрать ее под замок и никому не показывать⁶⁰. Далее Барклай проследовал в Баварию. 22 августа он был в Мюнхене, где его ждала неудача: герцог Максимилиан Баварский не только не принял книгу английского монарха, но отказал посланнику в аудиенции⁶¹. Более вежливым оказался Матвей Габсбург, эрцгерцог Австрии и король Венгрии. Он принял Барклая в Вене в начале сентября и, хотя и отказался от дара Якова I, ответил королю вежливым письмом (от 7 сентября), которое

⁵⁴ CSP Venice. 1904 Vol. 11: 310.

⁵⁵ Growhowski 2015: 711.

⁵⁶ Growhowski 2015: 712.

⁵⁷ См. письмо Бадозра от 08.08.1609: CSP Venice. 1904. Vol. 11: 316. См. также письма венецианского посла во Флоренции Джакомо Вендрамина, до которого дошли слухи о событиях в Турине (от 15.08.1609), и венецианского посла в Риме Джованни Мочениго (от 22.08.1609): Ibidem.

⁵⁸ Growhowski 2015: 714.

⁵⁹ Сэр Генри Уоттон (1568–1639), придворный, секретарь графа Эссекса в 1595–1600 гг., дипломат, посол -резидент в Венеции в 1604–1611, 1615–1619, 1620–1623, экстраординарный посол в Савоие (1611–1612), Голландии (1614–1615), Германии и при императорском дворе (1620–1621). См.: Trush 2010.

⁶⁰ CSP Venice. 1904. Vol. 11: 292–308.

⁶¹ Growhowski 2015: 716.

посланник позднее доставил в Англию⁶². В Праге Барклаю оказали враждебный прием: 21 сентября придворные императора Рудольфа II (личный секретарь Иоганн Барвиций и обер-гофмейстер Георг фон Лойхтенберг) и папский нунций сообщили английскому посланнику, что ни ему, ни привезенной им книге не рады, и велели уезжать⁶³.

Дальнейшие передвижения Барклая точно не установлены. По мнению его биографа М. Гроуховски, осенью 1609 г. он прибыл в Речь Пос-политую. Король Сигизмунд III в это время был занят осадой Смоленска. Именно из-под Смоленска он отправил в Рим датированное 17 октября 1609 г. письмо, в котором проинформировал папу о прибытии английского посланника с книгой и своем отказе ее принять⁶⁴. Однако этим посланником был не Барклай, как считал Гроуховски, а другой шотландец, Джеймс Мюррей⁶⁵. Согласно его письму от 27 сентября, адресованному в Англию графу Солсбери, Мюррей не поехал в Смоленск, но передал книгу английскому агенту в Данциге Гордону Брюсу⁶⁶. 7 октября Брюс сообщил графу, что отправил сочинения Якова I Сигизмунду III через воеводу Мальборкского⁶⁷ Ежи Костку⁶⁸, а точнее, его курьеров. Как мы уже знаем, Сигизмунд III получил книгу в середине октября 1609 года.

Барклай повернул обратно из Праги в конце сентября 1609 г. Через месяц с небольшим он вернулся в Лондон. Об этом сообщил посол Коррер в письме дожу и сенату от 19 ноября 1609 г.⁶⁹ Сам Коррер узнал обо всем от своих информаторов среди английских придворных; из этого следует, что Барклай вернулся в Англию не позднее середины ноября и получил аудиенцию у короля⁷⁰. Таким образом, он вполне мог сообщить королю и графу Солсбери о заговоре против Генриха IV Французского, о котором узнал во время пребывания в Турине.

⁶² The National Archives, Kew (Richmond, London), SP 80/2/50. Growhowski 2015: 717.

⁶³ Growhowski 2015: 719-720.

⁶⁴ Growhowski 2015: 721-722.

⁶⁵ SSNE 2004 [1046], <https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/item.php?id=1046>.

⁶⁶ Res Poloniae 1962: 64-65.

⁶⁷ Res Poloniae 1962: 66-67.

⁶⁸ Ежи Костка (ок.1555–1611) – сын Криштофа Костки, воеводы Поморского. Каштелян хелминский (1605), воевода мальборкский (1606–1611). *Urządnicy dawnej Rzeczypospolitej...* 1990. S. 216. № 628; Tomczak 1968-1969. S. 349-350. Авторы выражают благодарность К.Ю. Ерусалимскому за предоставленную информацию.

⁶⁹ CSP Venice. 1904. Vol. 11: 376–391.

⁷⁰ По возвращении из посольства Барклай вернулся к литературной деятельности. Беспокойство за свою судьбу после смерти патрона, Сесила в 1612 г. и рост антикатолических настроений в Англии (их выражением стали дебаты парламента 1614 г.) побудили Барклая, семья которого оставалась католической, даже когда он сам стал конформистом, покинуть Англию. В 1616 г. он с семьей по приглашению папы, уехал в Рим, где получил пенсию и прожил последние годы жизни, продолжая заниматься сочинительством. Из-под его пера выходили как памфлеты, так и романы в стихах (*Argenis*, политическая аллегория в духе «Аркадии» Сидни). В Риме Барклай был избран в члены нескольких научных сообществ, в т.ч. *Accademia dei Lincei*.

Письмо графа Солсбери

Получив от Барклая сообщение из Турина о предполагаемом заговоре против французского короля, граф Солсбери счел его достаточно серьезным, чтобы доложить Якову I. Государственному секретарю было приказано проинформировать о слухах своего французского коллегу.

Письмо было написано в Лондоне и датировано 7 ноября 1609 г. Неясно, дана ли дата по юлианскому стилю, принятому в Англии, или григорианскому, которого придерживались во Франции. Английские авторы часто (но не всегда) указывали, каким стилем пользуются, для удобства своих континентальных корреспондентов. Поэтому письмо можно датировать как 7, так и 18 ноября (разница между стилями в XVII в. составляла 11 дней). Как отмечено выше, Барклай прибыл в Англию не позднее середины ноября, значит письмо могло быть уже составлено к 7 ноября по новому стилю. Яков I в это время был в Лондоне, а его секретарь – в своем лондонском доме или в Уайтхолле, и оба они оставались в столице на протяжении всего ноября⁷¹. Таким образом, уточнить дату составления документа не представляется возможным.

Письмо написано итальянским курсивом, распространенным в европейской канцеляриях XVI–XVII вв. Именно так в Англии составлялись документы, отправляемые за пределы страны, например, в Италию и Францию, тогда как письма и распоряжения, предназначенные для внутреннего обращения, составлялись секретарским курсивом. Почерк писца непохож на известные образцы почерка Роберта Сесила. Кроме того, цвет чернил, которым написано основное письмо, отличается по тону от чернил подписи (последние темнее). Следовательно, письмо было написано одним из секретарей Сесила и подписано самим графом.

В 1609 г. у государственного секретаря было 6 секретарей. Один из них, Левинус Мунк (1568–1623), натурализовавшийся фламандец, пользовался наибольшим доверием патрона. Мунк родился в Генте, в 1592 г. эмигрировал в Англию и к 1596 г. поступил на службу к Роберту Сесилу. В качестве секретаря Мунк был вовлечен в тайную переписку с Яковом Шотландским в 1600–1603 гг. Позднее главной сферой деятельности Мунка стали внешнеполитические дела: отношения с Голландией и испанскими Нидерландами, Испанией, Францией, Лотарингией, немецкими и итальянскими княжествами и Османской империей. После смерти своего покровителя Мунк фактически выполнял функции государственного секретаря, помогая Якову I до того, как тот назначил нового. Кроме того, с 1603 г. Мунк был клерком, ведавшим штампом с личной подписью короля, и хранителем государственных бумаг (1610–1614)⁷².

Мунк вел корреспонденцию с Нидерландами, Испанией, Францией, Италией. Кроме того, в его обязанности входил и сбор информации, в т.ч. секретной⁷³. Таким образом, он был человеком, которому по дол-

⁷¹ ССР 1970. Vol. 21: 137-154.

⁷² Smith 1981.

⁷³ Smith 1968: 482, 495-496.

гу службы могли быть доверены сведения (или слухи) о готовящемся заговоре против Генриха IV, и кому Роберт Сесил мог доверить написать письмо на такую опасную тему.

Известные образцы почерка Мунка⁷⁴ напоминают тот, которым написано публикуемое ниже письмо, но есть и отличия (например, в написании буквы “g”). Однако нужно отметить, что выявленные письма Мунка написаны английским секретарским курсивом, а письмо от Сесила к Виллеруа – итальянским курсивом. При переходе с одного варианта письма на другой даже у одного и того же человека появлялись расхождения в формах написания букв. Таким образом, не представляется возможным утверждать, что письмо было написано рукой Мунка, хотя нельзя и исключить такой возможности.

Письмо ранее не было известно, оно транскрибируется и вводится в научный оборот впервые. В публикации сохранена орфография оригинала. Удвоения буквы *m* и сокращения раскрываются, вставленные буквы помещены в квадратные скобки и выделены курсивом.

Сокращения

SSNE – The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database, University of St Andrew’s

CCP – Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House

CSP Venice – Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice

CSPD James I – Calendar of State Papers, Domestic Series. James I

ODNB online – Oxford Dictionary of National Biography (2004).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Израэль Дж. И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. I: 1477–1650. Пер. с англ. яз. М.Ю. Игнатова, О.В. Сотниковой. М., 2018. [Izrael’ Dzh. I. Gollandskaya respublika. Ee pod’em, velichie i padenie. 1477-1806. T. I: 1477-1650. Per. s angl. yaz. M.YU. Ignatova, O.V. Sotnikovoj. M., 2018].

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Пер. с лат. И.А. Миронова. М., 1993. [Kvint Kurcij Ruf. Istoriya Aleksandra Makedonskogo. Per. s lat. I.A. Mironova. M., 1993].

Мунье Р. Убийство Генриха IV. 14 мая 1610 г. Перевод с франц. яз. М.Ю. Некрасова / Под ред. В.В. Шишкина. СПб., 2008. [Mun’ie R. Ubiystvo Genriha IV. 14 maya 1610 g. Perevod s franc. yaz. M.YU. Nekrasova / Pod red. V.V. Shishkina. SPb., 2008].

Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006. [Seregina A.YU. Politicheskaya mysl’ anglijskih katolikov vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. SPb., 2006].

Шишкин В.В. Французские автографы времен Религиозных войн (1559-1598) в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге // Религиозные войны во Франции XVI века: новые источники, новые исследования, новая периодизация / Отв. ред. Ю. Досси, В.В. Шишкин. СПб.: Евразия. М., 2015. С. 56–68. [SHishkin V.V. Francuzskie avtografy vremen Religioznych vojn (1559-1598) v Rossijskoj nacional’noj biblioteke v Sankt-Peterburge // Religioznye vojny vo Francii XVI veka: novye istochniki, novye issledovaniya, novaya periodizaciya / Otв. red. YU. Dossi, V.V. Shishkin. SPb.: Izd.-vo Evraziya. M., 2015. S. 56-68].

Apologia Roberti Cardinalis Bellarmini, 1610.

⁷⁴ См., напр., письмо Левинуса Мунка сэру Томасу Трешэму от 2 июля 1605 г.: British Library, Add MS 39829. F. 186^v-187^v. Рукопись оцифрована, см. на сайте Британской библиотеки: https://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=add_ms_39829_fs001r.

- An Apologie for the Oath of Allegiance: First Set Forth without a Name, and Now Acknowledged by the Author, the Right High and Mightie Prince, James by the Grace of God, King of Great Britaine, France and Ireland, Defender of the Faith, & Together with a Premonition of His Maiesties to All Most Mightie Monarches, Kings, Free Princes, and States of Christendome. London, 1609.
- Apologia pro iuramento fidelitatis: primum quidem ἀνόνητος nunc vero ab ipso auctore, serenissimo ac potentiss. principe, Iacobo, Dei Greatia, Magnae Britanniae, Franciae & Hiberniae Rege, fidei defensore, denuo edita; cui praemissa est praefatio monitoria sacratiss. Caesari Rodolpho II., semper augusto, caeterisque Christiani orbis sereniss. ac potentiss. monarchis ac regibus, celsissimisque liberis principibus, rebus publicis atque ordinibus inscripta. Londini, 1609.
- Aveling J.C.H. Northern Catholics. London, 1966.
- Barclay W. De Potestate Papae. London, 1609
- Bély L. La France au XVIIe siècle. Paris, 2009. P. 115-140.
- Buisseret D. Henry IV. King of France. London – New York, 1984.
- Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House. Vol. 21: 1609-1612 / Ed. by G.D. Owen. L., 1970.
- Calendar of State Papers, Domestic Series. James I. Volume I: 1603-1610. London, 1857.
- Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice. Volume 11: 1607-1610 / Ed. by H.F. Brown. London, 1904.
- Croft P. Cecil, Robert, 1st Earl of Salisbury // Oxford Dictionary of National Biography online (2004), <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/4980> (режим доступа: 31.03.2023)
- Dickerman E.H. Bellièvre and Villeroi: Power in France under Henry III and Henry IV. Providence, Rhode Island, 1971
- Ferrer-Bartomeu J. L'État à la lettre. Écrit politique et société administrative en France au temps des guerres de Religion (vers 1560 – vers 1620). Paris, 2022
- Fincham K., Lake P. The Ecclesiastical Policy of King James I // Journal of British Studies. 1985. Vol. 14 P. 170-206
- Greengrass M. France in the Age of Henry IV: Struggle for Stability. 2nd edition. London, 2013. Lee M. James I and Henry IV. Urbana, 1970
- Growhowski M.T. The Secret History of a “Secret War”: John Barclay, His *Satyricon*, and the Politicization of Literary Scholarship in early Modern Europe, 1582-1621. PhD Dissertation. University of Princeton, 2015.
- Lee M. James I and Henry IV. Urbana, 1970
- Lemon R. Treason by Words: Literature, Law, and Rebellion in Shakespeare's England. Ithaca, 2008.
- Loiseleur J. Ravailiac et ses complices. Paris, 1873. P. 1-108
- Mousnier R. L'assassinat d'Henri IV: 14 mai 1610. Paris, 1964.
- Owen G.D. Cecil, William, 2nd Earl of Salisbury // ODNB online (2004), <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/37272>
- Patterson W.B. King James VI and I and the Reunion of Christendom. 2nd ed. Cambridge, 2000.
- Peiresc N. Lettres a Malherbe (1606-1628) / Publ. par R. Lebègue. Paris, 1976.
- Questier M.C. Loyalty, Religion and State Power in Early Modern England: English Romanism and the Jacobean Oath of Allegiance // Historical Journal. 1997. Vol. 40. P. 319-325.
- The Political Works of James I / Ed. by C.H. MacIlwain. New York, 1965.
- Res Poloniae Iacobo I Angliae regnante conscriptae ex archivis publicis Londoniarum / Ed. by C.H. Talbot. Romae, 1962.
- Responsio Matthaei Torti ad Librum inscriptum Triplici Nodo Triplex Cuneus, 1608
- Royan N. Barclay, John // ODNB online (2004), <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/1342>
- The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE), University of St Andrew's, <https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/item.php?id=1046>
- Smith A.G.R. Munck, Levinuc // History of Parliament, 1559-1603 (1981), <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1558-1603/member/munck-levinus-1568-1623>
- Smith A.G.R. The Secretariats of the Cecils, circa 1580-1612 // The English Historical Review. 1968. Vol. 83. P. 481-504.

- Smuts M. The Making of Rex Pacificus: James VI and I and the Problem of Peace in an Age of Religious War // *Royal Subjects: Essays on the Writings of James VI and I* / Ed. by D. Fischlin, M Fortier. Detroit, 2002. P. 371-387.
- The Statutes of the Realm. Volume IV. Part II. London, 1819.
- Sommerville J.P. Jacobean political thought and the controversy over the oath of allegiance. PhD Dissertation. Cambridge, 1981.
- Sutherland N.M. The French Secretaries of State in the Age of Catherine de Medici. L., 1962.
- Tomczak A. Kostka Jerzy h. Dąbrowa // *Polski Słownik Biograficzny*. T. XIV: Kopernicki Izidor – Kozłowska Maria. Wrocław, 1968-1969.
- Triplici Nodo, Triplex Cuneus. Or An Apologie for the Oath of Allegiance, against the Two Breves of Pope Paulus Quintus, and the Late Letter of Cardinal Bellarmine to G. Blackwel the Arch-Priest. London, 1607.
- Triplici Nodo, Triplex Cuneus. Apologia pro Iuramento Fidelitatis, Adversus Duo Brevia P. Pauli Quinti, & Epistolam Cardinalis Bellarmini, Ad G. Blackvellum, Archipresbyterum Nuper Seriptam. Londini, 1607.
- Trush A. Wotton, Sir Henry // *History of Parliament online, 1604-1629* (2010), <https://www.history-ofparliamentonline.org/volume/1604-1629/member/wotton-sir-henry-1568-1639>
- Tutino S. Empire of Souls: Robert Bellarmine and the Christian Commonwealth. Oxford, 2010.
- Urzednicy dawnej Rzeczypospolitej XII-XVIII wieku. Spisy. T. V: Pomorze – Prusy Królewskie. Zesz. 2: Urzednicy Prus Królewskich XV-XVIII wieku / oprac. K. Mikulski; pod red. A. Gąsiorowskiego. Wrocław et al., 1990.
- Wilson P.H. Europe's Tragedy: A New History of the Thirty Years War. London, 2010.

Письмо английского государственного секретаря Роберта Сесиля, графа Солсбери, лорда-казначая, к Никола де Нёвиллю, сеньору де Виллерау, государственному секретарю Франции по иностранным делам, из собрания П.П. Дубровского (РНБ, Санкт-Петербург)

Автограф

Авт. 72, № 16.

Ф. 27^г-28^в.

Два бумажных листа, немного отличающихся по размеру: л. 27–286 (288) x 206 (201) мм, л. 28 – 286 (288) x 189 (184) мм. Размер соответствует распространенному в XVI в. формату писчей бумаги foolscap folio, л. 27 внизу обрезан (срезана печать?). Текст письма – на первом листе с обеих сторон и на одной стороне второго, на обороте второго листа другим почерком указаны отправитель и дата отправления и получения. Письмо датировано 7 (18?) ноября 1609 г. и написано в Лондоне (Солсбери-хаус на Стренде?), с канцелярской пометой о получении 28 ноября 1609 г.

Текст письма (транскрипция):

Monsieur,

[27r] Le Roy mon Maistre, ayant l'esté passé despesché un de ses serviteurs vers quelques Princes de la Chrestienté ses Amis & Allies, il lui a fait rapport (entre autres choses) d'une rencontre qui luy arriva pendant sa negociation à Thurin, dont vous entendez les particularitez par la petite mémoire j'ey enveloppée.

Quant est de la chose Sa Majesté n'en en fait tel estat, com[m]e subject digne pour par iceluy de faire juger de l'affection qu'elle porté a Sa Majesté très chrestienne ny de telle consequence (peut estre) qu'on en doive prendre l'alarme. Car il scait bien, qu'en touts Royaulmes et Republicques, il se trouve une infinité de gens, qui despittez de leur miserable et malheureux estat, se donnent une effrence liberté d'esuanter leur passion et malice, voire sans esperance ou de faveur en l'ouverture, ou de succez en l'enterprise de mesme, il ne manque point des brouillions & fantastiques, qui se plaisent extremement de forger de libelles, inventions, non à autre fin que de voir, si de fortune on les voudra avaller. Et que scait on, si la presente soit de la mesme estouffe? Neantmoins puis que c'est un Maxime que quand il y va de l'interest d'un

Prince (principalement si cher [27v] et estreitement allié) debemus esse creduli, et vana quoque deferentes admittere.

Aussy, que ce ne seroit un miracle, de trouver un'homme aultant hardy et desesperé en son effort, que malicieux et traistre en son dessein (à qui volontiers son humeur vengeresse fait figurer les choses faisables, ou de fait il n y a nulle apparence d'en venir à bout) Sa Majesté (seachant combien ceste place importe) l'a jugé fort compatible avec la sincere et reciproque Amitié, qui se trouve de l'un à l'aultre, de luy faire communiquer ce rapport, tel qu'il est et sur ceste resolution m'a commandé de vous écrire ce petit mot d'advertissement (comme à qui, plus qu'à pas un, pour la fidelité & grande experience, la participation et cognoissance de telles choses apartient) à celle fin que il y en a quelque chose, vous y puissiez penser; & s'il y a quelque surplus pour moy, me voyla prest pour y apporter tout soing et diligence. De l'aultre costé s'il arrive que ce ne soit qu'une chose frivole & controviée pour amuser le monde, Sa Majesté s'asseuré que l'on ne jugera point de ce trait d'Amitié par l'effect, amis par la sincere affection d'où il procède.

Voilà, Monsieur, ce que j'avois en charge, [28r] de vous écrire, mais devant que d'y oster la main me trouvant par trop chargé du sentiment de ces indicibles faveurs, qu'il à pleu à Sa Majesté d'une bonté plus que Royale, despartir à un petit ne vaut rien mon fils, et me representant, combien nous som[m]e tous deux vos obligés pour l'avoir fait participer de tant de graces, et encore y adousté des vostres. Je ne puis omettre, de rendre au moins ce petit teimoignage de mon obligation et recognoissance, c'est que je prie Dieu, de combler Sa Majeste de toutes perfections, qui puissent rendre immortelle la gloire d'un si grand Roy, et pour v[ost]re particulier, de me faire avoir l'occasion, en quoy vous puissiez voir par effect, combien je suis,

Monsieur,

V[ost]re très affectionné et très obeisant serviteur,

R Salisbury

De Londres ce 7me de Novemb[re].

[28^v]

На обороте, другим почерком:

Mr le co[m]te de Salisbery du 7 de No[vem]bre. R[еç]u le 28

Перевод

Месье,

Король, мой господин⁷⁵, послал одного из своих слуг⁷⁶ к христианским государям, своим друзьям и союзникам, и тот сообщил ему (помимо прочего) о встрече, которая произошла с ним во время его переговоров в Турине⁷⁷, подробности которой вы узнаете из небольшого мемуара, приложенного мной.

Что же до его предмета, то Его Величество не считает его основанием, по которому можно судить о любви, питаемой к Его Христианнейшему Величеству⁷⁸, и не полагает его столь важным (вероятно), чтобы нам стоило поднимать тревогу.

Ведь хорошо известно, что во всех королевствах и республиках есть бесконечное число людей, которые, несмотря на свое скромное и несчастное положение, позволяют себе предаться гневу и злобе, не имея ни надежды, ни по-

⁷⁵ Яков I (1566–1625), король Англии, Ирландии (1603–1625) и Шотландии (1567–1625).

⁷⁶ Джон Барклай (1582–1621), придворный поэт Якова I, его посланник в Лотарингию, Савойю, Баварию, Австрию и ко двору императора Рудольфа II летом–осенью 1609 г.

⁷⁷ Миссией посольства Барклая было преподнести европейским монархам и правительствам экземпляры политического трактата Якова I, который предвзято обращение («предостережение») христианским государям относительно претензий римского понтифика на власть в светских делах.

⁷⁸ Генрих IV (1553–1610), король Франции (1589–1610) и Наварры (1572–1610).

мощи с самого начала, ни успеха в этом деле, и нет недостатка в выдумках и измышлениях, из которых эти люди счастливы составить клеветнические басни лишь с той целью, чтобы посмотреть – вдруг им случайно поверят. Кто знает, возможно, все это и происходит из подобной чуши? Однако, как гласит известная максима, когда в интересах правителя (в особенности дорогого союзника) *debemus esse creduli, et vana quoque etc. deferentes admittere*⁷⁹.

Кроме того, нетрудно найти человека столь жестокого и отчаянного в делах, злобного и коварного в замыслах (кому жажда мести с готовностью покажет шанс на удачу там, где на самом деле нет возможности победить). Его Величество (полагая это обстоятельство важным) счел подобающим искренней и взаимной дружбе, которая существует между ними, довести до его сведения этот доклад, и потому приказывает мне передать это сообщение, какое оно есть, вместе с этим кратким предупреждением тому, кому больше, чем кому-то еще, в силу верности и большого опыта, следует знать о таких вещах, с тем, что если в этом деле что-то есть, вы поразмыслите об этом. Если я могу сделать что-то еще, я готов участвовать со всем вниманием и прилежанием. С другой стороны, если окажется, что это – всего лишь легкомысленное измышление, способное лишь позабавить, Его Величество уверен, что этот дружеский поступок будет судить не по последствиям, а друзей – по искренней привязанности, из которой он происходит.

Вот и все, что мне было приказано Вам написать, но прежде, чем запечатать письмо, я исполнился невыразимой благодарности за благосклонность, которую Его Величеству с более чем королевской щедростью, было угодно излить на мое-го недостойного сына⁸⁰, представлявшего меня, и мы оба обязаны Вам⁸¹ за то, что он оказался причастен стольким милостям, и за Вашу собственную милость. Я не могу не предложить, по крайней мере, свидетельство своей признательности и благодарности в том, что молю Бога наполнить Его Величество всеми совершенствами, которые делают бессмертной славу столь великого государя, а по отношению к Вам я молю Бога дать мне возможность доказать на деле, что я являюсь,

Месье,

Вашим любящим и покорным слугой

Р. Солсбери⁸²

Лондон, 7 ноября.

На обороте, другой рукой:

Господин граф Солсбери, от 7 ноября. Получено 28-го.

Транскрипция и перевод с франц. А.Ю. Серегиной, В.В. Шишкина

⁷⁹ Сесил здесь отсылает к «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа. Полная цитата выглядит так: *In suo quemque periculo magnum animum habere: cum de salute Regis timeretur, credulous esse debere. Vana quoque deferentes admittere* (Нужно быть очень смелым, когда подвергаешься опасности сам, но если что-либо грозит благо царя, нужно быть настороженным и выслушивать даже приносящих пустые сведения – Квинт Курций Руф. История Александра Македонского).

⁸⁰ Уильям Сесил (1591–1668), сын Роберта Сесила и Элизабет Брук, виконт Кранборн в 1605–1612 гг., II граф Солсбери. В 1608–1610 гг. находился во Франции, куда отец отправил его с образовательными целями.

⁸¹ Николя де Нёвилль, сеньор де Виллеруа (1543–1617), государственный секретарь последних Валуа – Карла IX и Генриха III (1567–1588) и первых Бурбонов – Генриха IV и Людовика XIII (1594–1616).

⁸² Роберт Сесил, I граф Солсбери (1563–1612), государственный секретарь в 1596–1612 гг., лорд-казначей в 1608–1612 гг.

Серегина Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru

Шишкин Владимир Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, vladimirengishis@mail.ru

Diplomacy and tyrannicide: A letter of Robert Cecil, Earl of Salisbury, to Nicholas de Neufville, seigneur de Villeroy (1609)

The publication presents a previously unknown letter by Robert Cecil, Earl of Salisbury, Secretary of State to King James I of England, to his French colleague, Nicholas de Neufville, seigneur de Villeroy, from the Dubrovsky collection (St Petersburg, Russian National Library, Autograph 72, № 16). The letter was written in London on 7 (18?) November of 1609. Through it, Cecil informed Villeroy that there was a plot to kill King Henry IV of France. The details of the plot were to be provided in a memorandum sent together with the letter; this document has not survived. The introductory article established the political context of the letter. The ambassador of the King of England who brought Cecil the information of the plot has also been identified. This was John Barclay who in the summer and autumn of 1609 visited Northern Italy and Germany; his mission was to present European monarchs with a political tract by King James I dedicated to them. The publication presents the transcription of the letter (in French) and its Russian translation, together with commentaries.

Keywords: *England, France, tyrannicide, pope's political power, Henry IV of France, Robert Cecil, John Barclay, diplomacy, early Modern period*

Anna Seregina, Dr. Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru

Vladimir Shishkin, Dr. Sc. (History), leading researcher, Sankt-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, vladimirengishis@mail.ru

CONTENTS

К Юбилею

- Olga Leontieva, German Myagkov, Lorina Repina*
Historiographical Symphony by Professor Valentina P. Korzun..... 5

History and Theory

- Igor Ionov*
The Civilizational State: a Clash of Interpretations 26
Olga Vorobieva
“He Struck Me with the Force of a Revelation”
Bergsonian Motifs in A.J. Toynbee's Works..... 43

Intellectual History Today

- Irina Lagutina*
“The Original Has Long Been Lost...”. The German project of the first edition
of Diderot’s satire “Ramo’s Nephew” and the mystery of its St. Petersburg manuscript... 61
Sergey Zanin
Social Thought of Russia in the 18th Century Notes on Research Methodology..... 78
Mikhail Gribovskiy
Rector’s Corps of Russian Imperial Universities. Between Government and Corporation... 92
Yuliia Kirik, Pavel Ratmanov
Social Hygiene in the USSR as a Scientific Discipline (1922-1930)
German Influence, Zemstvo Experience and State Patronage..... 110
Svetlana Klimova
Genesis of Soviet Philosophy: the Case of V.F. Asmus..... 127
Valentina Korzun, Marina Nosova
Seeing the Sky Within a Calyx: 'Knowledge Is Power' Magazine
as a Communicative Platform for the Popularization of Soviet Science..... 143

In the Space of Cultural History

- Nina Adamova*
The Nuremberg Chronicle by Hartmann Schedel
a Source for Early Modern History of Reading..... 160
Olga Porshneva
Russian Peasantry
in the Conditions of National Mobilization of 1914-1916: Gender Aspect..... 178
Ivan Savitsky
They Took Us Seriously Then: Image of A Woman of the First Half
of the 20th Century in Letters Between A. Afanasyeva and P. Varkhoeva..... 192
Maria Filimonova
America as a Pastoral and/or Barbaric Periphery
in Two European Travelogues of the Eighteenth Century..... 206
Igor Orlov, Lubov Tsyganova
Soviet Journalism of the “Thaw” Period: Experience of Modal Biography..... 223

History of Memory

- Olga Shemyakina*
The Society of the Freedom Fighters Commemoration House Museum
in Petrograd (1917–1919)..... 239
Igor Kryuchkov, Natalia Kryuchkova
The Habsburg Myth and Political Processes in Europe in the 20th and
at the beginning of the 21st c.: The Pan-European Idea and Regional Identities..... 256

History of Historiography

<i>Ilya Slepenco</i>	
Historical Descriptions as a Potential Type of Historiographical Sources.....	269
<i>Ivan Kirpichnikov</i>	
Corporate Order, Representation, Regionalism	
Muscovy in German Historiography of the Second Half of the 20 th Century.....	282

Historical essays

<i>Nikolay Vlasov</i>	
The Image of Russian Pan-Slavism	
in German Military-Political Leadership of 1870s and 1880s.....	297
<i>Olga Talskaya</i>	
Stability of the Russian State Structure	
M.A. Terentyev's Perception as Laid out in His Body of Work.....	308
<i>Alexander Shubin</i>	
Constructing the Biography of V.M. Molotov and	
the Case of the Revolutionary Union of Lower and Secondary Schools of Kazan 1909...	317
<i>Daniil Morozov</i>	
The Crisis of Culture in «The Burnt Novel» by Ya.E. Golosovker.....	329

Reading books...

<i>Alexander Sidorov, Lyubov Sidorova</i>	
Professional Identity and Self-Consciousness of the Historian	
Results and Prospects of the Study.....	342
<i>Alla Salnikova</i>	
“Between the Scylla of the Ticket Booth and the Charybdis of Ideology”	
On the Experience of Historical Interpretation of Soviet Rural Cinema.....	354

Translations and publications

<i>Andrey Pavlov</i>	
Isidore of Seville. Etymologies, or Origins. Book XVIII. War and games.....	362
<i>Anna Seregina, Vladimir Shishkin</i>	
Diplomacy and tyrannicide: A letter of Robert Cecil, Earl of Salisbury,	
to Nicholas de Neufville, seigneur de Villeroy (1609).....	375
CONTENTS.....	395

СОДЕРЖАНИЕ

К Юбилею

- О.Б. Леонтьева, Г.П. Мяжков, Л.П. Ретина*
Историографическая симфония профессора В.П. Корзун..... 5

История и теория

- И.Н. Ионов*
Цивилизационное государство: столкновение интерпретаций..... 26
О.В. Воробьева
«Он поразил меня с силой откровения»
бергсонские мотивы в творчестве А.Дж. Тойнби..... 43

Интеллектуальная история сегодня

- И.Н. Лагутина*
«Оригинал давно затерялся...»: немецкий проект первого издания сатиры Дидро
«Племянник Рамо» и тайна ее петербургской рукописи..... 61
С.В. Занин
Общественная мысль России XVIII века: заметки о методологии исследования..... 78
М.В. Грибовский
Ректорский корпус российских императорских университетов
между государством и корпорацией..... 92
Ю.В. Кирик, П.Э. Ратманов
Социальная гигиена в СССР как научная дисциплина (1922–1930)
немецкое влияние, земский опыт и патронаж государства..... 110
С.М. Климова
Становление советской философии: случай В.Ф. Асмуса..... 127
В.П. Корзун, М.С. Носова
“Увидеть небо в чашечке цветка”: журнал «Знание-сила»
как коммуникативная площадка популяризации советской науки..... 143

В пространстве культурной истории

- Н.Э. Адамова*
«Книга хроник» Хартмана Шеделя
как источник по истории чтения в раннее Новое время..... 160
О.С. Поршинева
Российское крестьянство в условиях национальной мобилизации 1914–1916 гг.
гендерный аспект..... 178
И.В. Савицкий
Нас тогда без усмешек встречали: образ женщины первой половины XX в.
в переписке А.И. афанасьевой и П.В. Вархоевой..... 192
М.А. Филимонова
Америка как пастораль и/или варварская окраина
в двух европейских травелогах XVIII в..... 206
И.Б. Орлов, Л.А. Цыганова
Судьба журналиста: опыт модальной биографии..... 223

История и память

- О.В. Шемякина*
Общество Дома-музея памяти борцов за свободу в Петрограде (1917–1919)..... 239
И.В. Крючков, Н.Д. Крючкова
Габсбургский миф и политические процессы в Европе в XX – начале XXI в.
общеевропейская идея и региональные идентичности..... 256

История историографии

<i>И.А. Слепенко</i> Исторические описания как вид историографических источников.....	269
<i>И.А. Кирличников</i> Сословность, представительство, регионализм: Московская Русь в немецкоязычной историографии второй половины XX века.....	282

Исторические этюды

<i>Н.А. Власов</i> Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870–1880-х гг.....	297
<i>О.Д. Тальская</i> Обоснование устойчивости российского государственного устройства на материале трудов М.А. Терентьева.....	308
<i>А.В. Шубин</i> Конструирование биографии В.М. Молотова и дело Революционного союза низших и средних школ Казани 1909 г.....	317
<i>Д.А. Морозов</i> Кризис культуры в «Сожженном романе» Я.Э. Голосовкера.....	329

Читая книги...

<i>А.В. Сидоров, Л.А. Сидорова</i> Профессиональная идентичность и самосознание историка итоги и перспективы изучения.....	342
<i>А.А. Сальникова</i> «Между Сциллой кассы и Харибдой идеологии» об одном опыте исторической интерпретации советского деревенского кино.....	354

Переводы и публикации

<i>А.А. Павлов</i> Исидор Севильский. Этимологии, или начала. Книга XVIII. О войне и играх.....	362
<i>А.Ю. Серегина В.В. Шшикин</i> Дипломатия и тиранубийство: письмо Роберта Сесила, графа Солсбери, к Никола де Нёвиллю, сеньору де Виллеруа (1609).....	375
CONTENTS.....	396